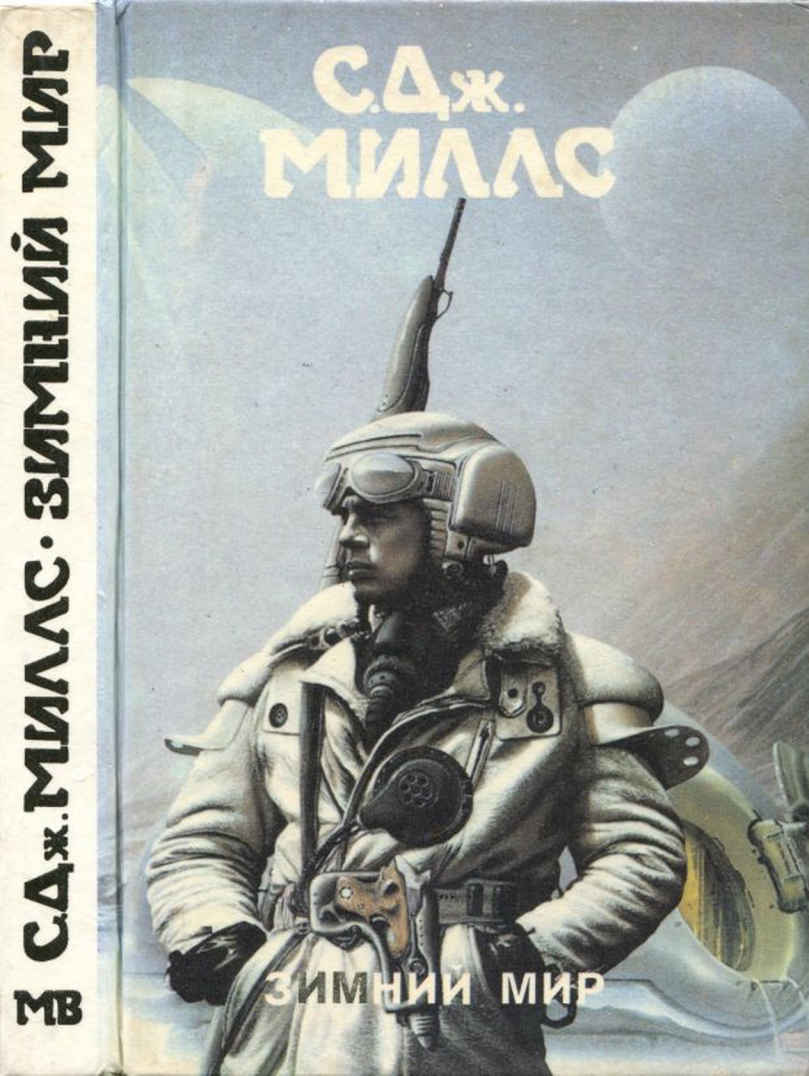
С.Дж. МИЛЛС
ЗИМНИЙ МИР
С.Дж. МИЛЛС · ЗИМНИЙ МИР
МВ

Зимний мир [Зимний мир. Книга Брандеры. Книга Жанны]

К. Дж. Миллс

Аннотация
С. Дж. Миллс. Зимний мир
Зимний мир. (окончание)
  Глава одиннадцатая
  Глава двенадцатая
  Глава тринадцатая
  Глава четырнадцатая
  Глава пятнадцатая
  Глава шестнадцатая
  Глава семнадцатая
Книга Брандера
  Пролог
  Глава первая
  Глава вторая
  Глава третья
  Глава четвертая
  Глава пятая
  Глава шестая
  Глава седьмая
  Глава восьмая
  Глава девятая

Глава десятая
Глава одиннадцатая
Глава двенадцатая
Глава тринадцатая
Глава четырнадцатая
Глава пятнадцатая
Глава шестнадцатая
Глава семнадцатая
Глава восемнадцатая
Глава девятнадцатая
Глава двадцатая
Книга Жанны
Пролог
Глава первая
Глава вторая
Глава третья
Глава четвертая
Глава пятая
Глава шестая
Глава седьмая
Глава восьмая
Глава девятая
Глава десятая
Глава одиннадцатая
Глава двенадцатая
Глава тринадцатая

Глава четырнадцатая
Глава пятнадцатая
Глава шестнадцатая
Глава семнадцатая
Глава восемнадцатая
Глава девятнадцатая
Глава двадцатая
Глава двадцать первая

Аннотация

«Зимний мир» — окончание третьей книги романа С. Дж. Миллс «Планета зимы». Захватывающий сюжет и ирреальность происходящего в далеком межзвездном мире — характерные особенности этого романа, который, несомненно, займет свое место среди лучших произведений современной научной фантастики.

Переводчики не указаны.

МОНСТРЫ ВСЕЛЕННОЙ

17

С. Дж. МИЛЛС

ЗИМНИЙ МИР

С. Дж. Миллс
Зимний мир

Зимний мир
(окончание)

Глава одиннадцатая

Карн несколько минут вертелся у дверей апартаментов Ричарда, изображая сомнение, присоединиться ли ему к компании. В конце концов, что может знать Свободный о вечеринках Девяти. Карну надо было оценить толпу, прежде чем войти в нее. Если бы он был единственным Свободным, он привлек бы очень большое внимание, особенно со стороны хозяина. Ум Ричарда и его острый глаз сразу позволят ему разоблачить его заклятого врага. Если это произойдет, то Карн будет убит, даже здесь, в Доме Уединения. Аббат найдет причину, объясняющую убийство как случайность или самозащиту. От этого зависит его доход. В довершение, он — кузен Одоннела.

Ковры и тяжелые драпировки из дорогих тканей украшали стены анфилады комнат. Изысканно накрытые деревянные столы ломились от блюд и сосудов с напитками. Один из священников играл на концертине, почти перекрывая говор и смех. Везде люди в разной степени опьянения говорили, пели, танцевали, забавлялись в одиночку и парами. Запахи еды, курений, духов плавали в воздухе. Здесь было четверо или пятеро

Свободных. Карн озлился от того, что они знали о нарушениях приговора Совета и потакали этому. Но он овладел собой. Их глупость позволит ему узнать все о Ричарде.

Когда он смог все разглядеть, он бросил несколько серебряных монет в протянутые руки служек перед ним, и вошел в комнаты.

Карн сначала поискал Ричарда. Он не видел его. Внезапно его охватил озноб. Возможно, все его предположения были ошибкой, и это было просто сборище вероотступников и их гостей. Возможно, Дюваль заблуждался. Возможно, у Дюваля свои интересы. Дюваль послал свою дочь к Кит. Предположения ужасающие. Карн сжал кулаки. Если Дюваль послал шпиона или убийцу к Кит. Карн закрыл глаза. Кит была выносливой и умной. Он ничем не мог помочь ей там, где она была.

Одна из компаний восседала за столом, поднимая полные бокалы. Еще одна группа весельчаков собралась в углу комнаты. Сначала он не мог понять, что их привлекло. Он подошел ближе. Когда несколько гостей отошли от этой группы, Карн разглядел Ричарда, сидящего на скамье в обнимку с дамой, которая выбегала к страже с бутылкой.

Первым чувством Карна было облегчение. Дюваль говорил правду. Кит была в относительной безопасности от партии Свободных. Но это длилось секунду. Роскошные комнаты, толпа людей, женщина — все было против правил Пути и против приговора Совета. Карна бросило в жар. Ричард был осужден на девять лет одиночества в маленькой комнате. Приговор перевернут до бессмысленности. Его матушка погибла от руки Ричарда, а он по-прежнему пил и веселился с друзьями.

Это была группа друзей Ричарда. Карн узнал одного из кузенов Гаррена Одоннела, лорда из Дома Кат, лорда Марка, Ингольда Кингсленда и наследника Гормсби. Карн едва справился с желанием ударить и убить. У него роль, и он должен доиграть ее до конца, если хочет дожить до зари. Многое надо было узнать, как Ричард заполучил даму в Бревене, например. Но действовать надо быстро. Время линз подходило к концу.

Он пытался унять первую дрожь. Я торговец шерстью из Йорка, говорил он себе, входя в роль. Я не должен говорить здесь о делах, но нет ничего страшного в том, чтобы встретиться с потенциальными покупателями. Это отличная компания. Я должен быть признателен аббату за эту воз-

можность.

Расположившись за столом, Карн почувствовал, что не может пошевелиться, не то что поболтать с гостями. Он прекрасно видел толпу и чаши с вином. Вдобавок, возможно, меньше шансов отвечать на технические вопросы о шерсти, если он останется здесь.

Он ничего важного не услышал, только сплетни. Он узнал почти всех из Домов Ланглека, Бердена, Лита, Эммена, Рица, Керекса, Линна, Скабиша и Брассика. Вассалы Харлана и Одоннела. Последние три особенно его взволновали потому, что последние два года они были его вассалами по праву завоевателя.

«Ну и что? — спросил он себя с горечью. — Я понял очень быстро, когда вернулся домой, что я не могу повернуться спиной ни к кому. Вассалы Халарека научили меня этому».

Линзы уже царапали. Глаза горели. Его охватило беспокойство. Он должен уйти, чтобы не повредить глаза. В этот момент толпа расступилась, и Ричард с дамой удалились в соседнюю комнату. Через двадцать минут они вернулись. Дама завернулась в одеяние священника с капюшоном. К ней приблизились лорд Марк и наследник Гормсби.

Одежда священника! Вот как они это делают! Карн вспомнил план Ричарда в отношении Кит. Вот как он думает привести Кит сюда! Одеть в серое и капюшон на голову. Никто не скажет ни слова такой фигуре и никто не станет присматриваться. Это срабатывает. Господи, это сработает!

Карн больше не мог оставаться в комнате. Новостей было слишком много даже для Академического тренинга. Он извинил себя за то, что молчал с соседями. Он буркнул на выходе «спокойной ночи» стражникам и поспешил в безопасную темноту коридора. Прежде чем он смог успокоиться, Ник схватил его за руку и потащил дальше от этого места.

— Они провели этого священника, — шептал Ник. — Они говорили: «Предупреждение! Туннели Старых. Ловушка. Осторожно!» И они увели его туда вниз.

— Это был не священник, — Карн дышал глубоко. Ричард, приводящий женщин в Дом Уединения. Ужас от того, что это может быть Кит…

— Это была проститутка для Ричарда, — голос Карна дрогнул, — Таким же образом он намеревается получить Кит и держать ее, пока не насладится своей местью. Все, что Дюваль говорил, похоже на правду. Только Дюваль не

представлял, как плохо обстоят дела.

Они дошли до лестницы, обмениваясь тем, что узнали.

— Я убью его, — бормотал Ник, я убью его, убью его, УБЬЮ ЕГО!

— Тсс! — буркнул Карн. — Мы не у себя дома.

На лестнице Ник вдруг остановился.

— Я возвращаюсь. Я хочу узнать, какого сорта место эта змея приготовила для Кит — Ник ударил кулаком по стене.

Карн сказал спокойно:

— Как ты узнаешь безопасную дорогу? Туннели Древних смертельны.

— Я знаю. Я думаю, люди Ричарда единственные, кто пользуется этим туннелем годы, может быть, сотни лет. Они оставят следы в пыли.

— Бог с тобой.

Они пожали друг другу руки, крепко, недолго, затем Ник взял фонарь и исчез в направлении апартаментов Ричарда. Карн подумал о странном прямоугольном предмете, который Иджил оставил ему, устройство, как говорил Иджил, запирающее ловушки в туннелях Древних. Хотя он и не сказал, как он прошел сквозь них. Ричард пользовался таким туннелем. Иджил поймал Ричарда после того, как тот сбежал из Бревена.

Возможно, Иджил забрал это устройство у Ричарда перед тем, как привести его назад. С другой стороны…

Лорд Марк и его компаньон возникли как тени в конце коридора и исчезли за углом в апартаментах Ричарда. Карн вздохнул с облегчением потому, что их разделял один лестничный пролет, и в довершение, они здесь проводили только ночь и вовсе не были официальными гостями Пути.

Возможно, были и другие женщины, подумал он. Возможно, Ричард превратил в бордель самый нижний уровень Бревена. Но это не могло быть стилем Ричарда. Стиль Ричарда — привилегии только ему. Нет, не могло быть других женщин, могла быть единственная, высший класс и только для Ричарда.

Ник долго не возвращался. Карн перебирал в уме возможные несчастья. Ник мог наткнуться на лорда Марка или попасть в одну из ловушек Древних. Древние заполнили все туннели хитроумными западнями. Все ловушки имели механизмы восстановления, так что они были задуманы не как одноразовая защита от какого-то врага. Никто никогда не мог обнаружить, *что* они защищали. Кое-кто предполагал, что они

защищали сокровища, и рисковали из-за них. Вот так Гхарры и узнали о многообразии ловушек Древних, по трупам.

Существовали подпольные ловушки — ямы с острыми шипами, глубокие колодцы с водой на дне, не видимой сверху, комбинации ям и падающих блоков. Некоторые ловушки были частями стен, перекрывающих туннели на узкие щели, из которых быстро уходил воздух. Были еще валуны, обрушивающиеся на пол и превращающие все под собой в пыль. Карн видел однажды циннского медведя под такой махиной, медведя, которого выслеживали Карн и его братья. Он вспомнил ночь своего возвращения на Старкер IV, когда флайеры Ричарда сбили флиттер с ним и с Ником и весь эскорт флайеров над Цинном. Карн прятался в одном из туннелей Древних всю ночь. Он боялся этого, но предпочитал это тому, что мог сотворить с ним Ричард. Он нащупывал дорогу очень осторожно. Ричард послал одного из солдат за Карном. Но тот так испугался ловушек Древних, что упал со ступеней в развалины, отказался идти дальше, выбирая наказание Ричарда, а не преследование Карна, а уж Ричард известен изощренной жестокостью своих наказаний.

Что задерживает Ника, спрашивал себя Карн.

Он не мог попасть в западню. Они издают громкий шум, или кричит жертва. Он больше не мог ждать с линзами. Хорошо, что кейсы для них были с пометками «П» и «Л» выдавлены на крышках так, что он мог почувствовать, какая из них для какой. Его глазам стало легче. Но теперь ему надо накинуть капюшон, и тогда с ним никто не заговорит. И тут он услышал приближающиеся голоса.

Карн выругался и нырнул в темноту под ступенями. Неужели всегда так случается? Только я снял линзы, появляется кто-то, кто делает их необходимыми.

Четверо или пятеро мужчин вышли на лестницу и стали подниматься. Вечеринка, похоже, заканчивалась. Почти следом за первой появилась вторая группа людей и направилась вверх. Ник шел за ними вплотную.

— Карн? — шепнул он в темноту, когда все ушли. Карн, ты здесь?

Карн вышел из темноты. Ник кивнул в сторону ступени.

— Пойдем ко мне и поговорим. Тебе не понравится то, что я скажу.

Не успел Ник закрыть свою дверь, как начал горячо говорить:

— У Ричарда проститутка в полукилометре отсюда по туннелю и пять ловушек между Домом и комнатой. Ричард послал на гибель пятерых, по крайней мере, и, может быть, больше за тем местом, где я остановился, чтобы найти свободный проход. Пять человек! Он способен и Кит погубить?

— И Халарек, — добавил мягко Карн.

— Да, пожалуй, что так.

Ник склонился над столиком у двери, пальцами сжимая край. Карн заметил, что они побелели.

— Карн, он написал ее имя на двери. Кит. «Леди Катрин Магдалина Алиша Халарек». И держит там эту шлюху! — Столик скрипнул.

Карн вздохнул и помолился, чтобы никогда не полюбить женщину так, чтобы одна только мысль о нанесенном ей оскорблении разрывала его сердце так, как сейчас это происходит с Ником.

— Он не получит ее. Она, слава богу, замужем, Ник. Даже Ричард не сможет пренебречь этим. Во всяком случае, тем, что она замужем за родственником.

— Я должен выбраться отсюда, — сказал Ник, — или убить его. Расплата за это для моего Дома и твоих надежд будет велика. Я не могу даже

предложить ему дуэль, он ведь под приговором Совета.

— Если бы я убил его, если бы я только мог убить его…

— Подумай, — возразил Карн, — Он убил бы тебя раньше. И что произойдет с Домом фон Шусса, если единственный наследник мертв? Он перейдет в руки Совета. Ты знаешь, в чьих руках выбор нового барона. Подумай, Ник!

— У меня дома критическое состояние, не дающее мне пребывание здесь, — бормотал Ник. — Я не могу думать здесь. Я не могу жить в одном доме с этим слизняком, зная, что он собирается сотворить с Кит… — Его голос сорвался от боли.

Карн тоже не видел смысла задерживаться в этом месте. Они достаточно видели. Если повезет, он сможет убедить Совет поместить Ричарда под надзор Совета или увеличить его срок осуждения, или, что совсем наверняка, прикажет отбывать наказание в пустыне Цинн как крепостной или раб. Мысль о том, как отзовется это унижение на шатком союзе вассалов Харлана, доставила Карну минутное удовольствие. Он должен продумать каждый шаг к тому, чтобы убедить Совет осторожно. Но, тем не менее, остается важным убедить влиятельных Свободных, что Ричарда

необходимо обуздать, даже если это означает вмешательство в дела Пути и управление Домом Уединения. С крепкими связями кровного родства и браками с множеством малых Домов Харлан был самым сильным Домом, даже когда его лорд в заключении, и вассалы, держащие его под опекой, в Совете борются с каждым решением.

Глава двенадцатая

В последнюю минуту перед отъездом я покормила Нарру, чтобы она не заплакала и не выдала нас. Эннис, Нарра и я с нашей «корзиной для пикника», в которой были вещи Нарры, направились к двери. Эннис показал пропуск, подписанный врачом Одоннела, который позволил ему вывести меня и Нарру на солнце для здоровья ребенка. (Все понимали, что я иду только как кормилица Нарры). Нарра была бледной, и ей стало бы лучше от нескольких часов на солнечном свете утром. Это был тот долг, о котором говорил Эннис: помощь врача.

Я знала, что ни один ребенок не должен лежать «часами» на солнце, но солдаты этого не знали. Это давало нам больше времени, прежде чем наш побег обнаружат. Казалось, у солдат возникли трудности даже с чтением пропуска. Один из них предложил позвать их старшего офицера на помощь. Эннис пожал плечами.

— Ваше право. Я помню, сколько бумажной работы бывает, если солдат покидает пост без приказа, но важно, чтобы вы поняли правильно. Может быть, вы позовете вашего капитана?

Его слова ужаснули меня. Они были похожи на предательство. Я сказала, что Эннис не мог нас предать. Он надеялся, что солдаты не позовут капитана. Я должна верить ему. Я знаю, он хочет спасти нас.

Старший солдат глянул на Энниса, на своего товарища, на свои ботинки и заговорил:

— Я не думаю, что нам надо это сделать. Доктор Алтеринн знает, что он делает. — Его лицо было задумчиво — Могу я взглянуть на малыша? — выговорил он. — У меня у самого мальчишка.

Я подошла ближе и открыла личико Нарры. Солдат коснулся нежно толстым пальцем ее подбородочка, нежно, чтобы не разбудить ее.

— Она выглядит бледной, — сказал он голосом знатока. Он отошел и отдал честь Эннису. — Удачи в солнечном лечении, милорд.

Рука Энниса на моей талии расслабилась, и мы пошли уверенно по коридору к лифту.

Поскольку мы должны были быть на солнце с ребенком, мы не могли воспользоваться флиттером. Эннис соединился с главным диспетчером из кабины лифта и попросил привести нам двух смирных лошадей. Он должен был показать диспетчеру пропуск, прежде чем тот позволил бы нам сесть на лошадей. Эннис сказал ему, что

мы отправляемся к холмам на южном конце озера, чтобы захватить первые лучи солнца. Мы поехали. Мы должны были пересечь границу Холдинга Харлана, но между союзниками это не было трудно.

Холмы вокруг озера были невысокие, но достаточные, чтобы скрыть нас от чьих-либо глаз из замка. Как только мы добрались до берега озера, Эннис повернул на северо-восток. Берег был из пластов и валунов лавы, лошади часто поскальзывались и оступались, но мы не теряли дороги. После небольшого пути Эннис остановился, чтобы оглянуться. Напряжение понемногу оставляло его.

— Может быть, мы действительно свободны, — сказал он, почти только себе.

— Ты все еще думаешь, нас поймают?

Он посмотрел на меня полуприкрытыми глазами.

— Сейчас все хорошо, но везде полно шпионов. Ты же знаешь это.

Я знаю это. Я всегда это знала.

Поздним утром мы добрались до реки, впадающей в большое озеро. Деревья закрывали нас сверху, и, когда мы услышали флайеры около пятнадцати часов, мы не очень обеспокоились. Ко

времени ужина мы были на торговом пути между востоком и западом через долины и на южном крае северной части Зоны Мерзлоты. Караван двигался медленно на, восток. Эннис поднял руку, и человек, управляющий первым вагоном, остановил лошадей. Мы подъехали к нему.

Он был темнее любого темного Гхарра. У него была черная шевелюра, очень кудрявая. Его глаза были темно-коричневыми. Его компаньон, с такой же внешностью, смотрел на нас синими глазами. Он и Иджил были единственными синеглазыми людьми, которых я когда-нибудь встречала. Эннис и возница не сказали ни слова, но возница махнул рукой в конец вагона, хлопнул вожжами по лошадям и двинулся вперед. Мы пристроились сзади, как нам приказали.

Мы ехали недолго, было уже темно. Когда караван добрался до широкого луга, начальник каравана собрал вагоны в круг. Казалось, все знали, что делать. Возницы распрягли лошадей, и дети пустили их на траву. Женщины собрали хворост и разожгли огонь. Несколько женщин и девочек расстелили большой кусок ткани на земле и на нем готовили все, что нужно для стряпни.

Этой ночью, когда я и Эннис лежали в конце

вагона и разговаривали, я узнала, что это цыгане. Я никогда не видела цыган прежде. Они не долго жили в нашей части мира. Эннис говорил, летом они торгуют, в основном лошадями, и путешествуют. Зимой они живут в городах, выезжают лошадей, делают бижутерию или читают ладони и рассказывают судьбу, как они это делали тысячелетиями.

В эту ночь был шум за кольцом «кибиток». Эннис выглядывал, но сказал, что ничего не может разглядеть. Вскоре после этого старший пришел к нам.

— Вас чуть было не нашли, милорд, — сказал он. — Мы убили двоих из тех, кто атаковал нас, но один все-таки убежал. Мы ведь здесь не солдаты, милорд.

— Я и не предполагал, что вы это можете. Как они попали сюда?

— Пешком, как мои люди выяснили по следам. Это флайер или что-то такое, но слишком темно, чтобы пойти по следам дальше без света. Если эти люди приходили за вами, милорд, свет не добавит безопасности тому, кто приблизится. Я хочу, чтобы вы покинули нас, милорд. Как я сказал, мы не солдаты, и я соглашался только проводить, а не защищать.

Эннис кивнул.

— Я понимаю вас. Позвольте мне поговорить с женой.

Старший отошел на несколько метров от кибитки. Эннис повернулся ко мне. Мне хотелось видеть его лицо. Я была испугана. Я думала, мы спокойно уедем, даже если нас будут преследовать. Голова шла кругом. Как много их было? Как мы спасемся в этих диких краях? Как нам быть без стен и солдат? Я не выживу на поверхности. Всю жизнь я прожила под защитой каменных стен. Что будет с нами, с Наррой, когда нас поймают? Чьи это люди? Одоннела? Харлана? Почему…

Эннис тряс меня за плечо.

— Катрин! Подумай! Кто бы за нами ни шел, это за тобой. И может быть, за Наррой. — Он замолчал и глубоко вздохнул. — Я боюсь, Катрин, действительно боюсь. Мы здесь, в неизвестности, нет никого, на кого мы можем положиться. Цыганам заплатили за то, чтобы мы присоединились к ним, но цыгане не будут умирать за деньги. Мы теперь сами по себе. Мы помешали Ричарду. Мы изумили Гаррена. Любой из них мог приказать людям поймать нас. Если нас схватят, мы погибли. Или умру я, а тебя будут мучить, и долго.

Мало утешения в том, что он думает так же,

как я.

— Девочка, Эннис. Что, если они хотят забрать девочку?

— Тогда они ее заберут, — сказал он тихо. — Я сделаю для них это трудным, насколько смогу. Я должен уйти.

Я не могла его понять. Если мы сможем заставить их идти по следу одного из нас… Но вокруг не было ничего, кроме каравана и леса, равнин на юге и торосов и ледников в Зоне Мерзлоты. Я не смогу сама выжить в этих местах, оставить ребенка. Впервые я хотела родиться мужчиной. Я не была бы такой беззащитной на поверхности.

— Катрин! — окликнул Эннис. Будь осторожна. Я заберу Нарру. Ты останешься в караване.

— Ты заберешь малышку? — Эта идея не приходила мне в голову, и все смешалось. Как такой младенец сможет выжить без матери? — Куда ты пойдешь? Чем накормишь ее? Что я буду делать? — Я ненавидела испуг в своем голосе, но я слишком долго жила среди врагов, чтобы не бояться, и я не могла прятать свои чувства, как это делал Карн.

Эннис склонился ко мне. Я чувствовала его любовь к нам.

— Двое с кровью Халареков не могут быть вме-

сте. Я сделаю все, чтобы спасти Нарру, но вам вдвоем нельзя оставаться вместе. И я не могу сказать, куда я пойду. Того, что не знаешь, сказать не сможешь. — Он обнял меня. — Я быстро соберу все, что нужно для нас, и возьму лошадь. Покорми Нарру. После этого ей придется день прожить на воде.

Он спасет Нарру. Но сможет ли дитя выжить день без молока, на воде? Но выживание будет тяжелым, для Нарры — особенно. Я не хотела покидать их обоих, но он был прав. Когда враг близко, двое Халареков не должны быть рядом. Эннис ушел, когда утренняя заря только занималась. Хвала ангелам, Нарру удалось накормить, и она спала, когда они уходили. Он просил не смотреть ему вслед. Но прошло много времени прежде, чем я заснула.

Крики, шум и сверканье острых лучей разбудили меня поздним утром. Я высунулась из-за занавески. У одной из кибиток горела деревянная дверь. Несколько женщин пытались потушить пламя. За кругом люди Одоннела стояли с оружием. Стреляли, чтобы напугать, ведь цыгане не сопротивлялись, и скоро прекратили.

Гаррен Одоннел на лошади вскочил в центр круга из кибиток. Он крикнул властно старшего.

Тот выплеснул воду на огонь и подошел к Лхарру Гаррену. Лхарр наклонился в седле, чтобы говорить тихо. Старший указал на мою кибитку. Гаррен подъехал ко мне, подзывая солдат кивком головы. Я нырнула в кибитку, но успела заметить, как солдаты отогнали трех цыганок в сторону.

Одоннел поднял коня на дыбы.

— Эннис Харлан! Катрин Халарек! Я знаю, что вы внутри. Выходите!

Хорошо, хоть он не знает, что Энниса нет.

Я высунула голову и взглянула на него. Взгляд его был холодным.

— Милорд? — я еле выговорила.

— Ты и твой муж сбежали из моего Дома. Вы за это заплатите. Даже Ричард согласен, что вы должны заплатить. *Эннис* должен *умереть*. — Его тон не оставлял никаких сомнений. — Где Эннис?

— Эннис, милорд? — я хотела казаться сонной и растерянной.

— Да, Эннис! — заорал он. Он поднял голову ко мне.

— Эннис! ЭННИС! Выходи.

Эннис, конечно же, не вышел.

— Где он?

— Я… я не знаю, милорд. — Я не должна бы-

ла играть неведение. Я была рада, что Эннис и малышка сбежали, но я знала, кто отвечает за последствия.

— Я не знаю. Он… он ушел ночью, милорд.

Гаррен подъехал к краю круга кибиток и что-то прокричал солдатам. Я смогла услышать только одно «НАЙТИ ЭННИСА». Я снова была в кибитке на ворохе постелей за сиденьем возницы. Я завернула рубашки в одеяло, будто это спящий ребенок. Я молила бога о спасении Нарры и Энниса. Я знала, что мне спасения нет.

Гаррен снова был рядом.

— Иди сюда, Катрин, — приказал он.

— Я кормлю ма…

Гаррен схватил меня за узел волос и вытащил из кибитки. Он спрыгнул на землю, выхватил у меня куклу и бросил на землю, и потащил меня за собой. Я гадала, знал ли он, что сверток пуст. Имело ли для него значение, был ли в свертке ребенок. Прежде чем я смогла перевести дыхание, Гаррен ударил меня башмаком.

— Где он? — снова удар.

Я почувствовала острую боль в ребре. Мой следующий вздох был невыносим.

— Неужели Ричард одобряет порчу товара, милорд. — выдохнула я. Это остановило его

башмак. — Я думаю, нет. — За эти слова я тоже заплачу. Но пока Гаррен занят мной и Ричардом, он не думает о том, как найти Энниса.

Одоннел дернул меня и поднял на ноги.

— Может быть боль без следов, леди Катрин. — Его голос был леденящим, как ветер в ухле.

Рот у меня пересох от страха. Одоннел толкнул меня перед собой в центр очага и жестом приказал двум солдатам держать меня. Он показал, какая боль может быть без видимых повреждений. Я боролась, умоляла, я обещала сделать все, что он попросит, отдать ему все, что он захочет, лишь бы остановить его. Но ничто не могло удержать его. Если бы я знала, где Эннис, я, наверное, предала бы его. Я кричала, пока горло не могло больше издать ни звука. Я не могла этого вынести и потеряла сознание. Одоннел попытался еще раз что-нибудь узнать, но все было напрасно.

Я проснулась от раскачивания. Мой желудок мутило. Я открыла глаза. Над головой было нарисовано темно-синее небо с созвездиями и луной. Это уже не та кибитка. Занавески из серой кожи в моих ногах пропускали солнечный свет сквозь щелку. Вокруг стояли ящики, свисала сеть, валялась одежда, рыболовные снасти, фонари, пакеты и мешки, свернутые матрасы. Все пахло маслом,

дымом, пылью, чесноком.

Снаружи слышался шум улеков. Это значило, что эта кибитка в конце каравана. Колеса поднимали пыль, и она покрывала все, даже мою кожу. Лаяла собака. Голоса двух мужчин доносились сзади, обсуждали дорогу и погоду. Я подумала, что надо попросить их остановиться, пока меня не вытошнило в кибитке. Но, когда я попыталась дотянуться до них, меня пронзила боль, и я снова легла. В горле пересохло. Голова ныла. Ныла каждая частица моего тела. За головой зашуршала занавеска.

Молодая женщина опустилась рядом со мной.

— Я очень ослабла, — пробормотала я.

Женщина покачала головой, указала на мой рот и мимикой изобразила питье из чашки. Я не была уверена, что это было правильно в этот момент, но без помощи я не могла даже пошевелиться. Молодая женщина налила воды мне, подняла меня и напоила. Я выпила. Она налила еще. Я выпила и это. По сухости во рту я поняла, что была без сознания довольно долго. Мне стало легче. Возможно, тошнота была от того, что мои глаза были закрыты.

Я посмотрела на молодую женщину.

— Спасибо. Я чувствую себя лучше. — Она кив-

нула и улыбнулась.

— Куда мы едем? — Мой голос не был уже скрипучим. Она пожала плечами.

— Как долго я была без сознания?

Она подняла два пальца.

— Два дня?

Она кивнула.

— Вы не говорите на роме? — Известно, что у цыган свой язык, но даже при этом иногда люди многое понимают из того, что говорится на языке, который они слышат, но на котором говорить не умеют.

Она посмотрела на меня, задумалась на секунду, кивнула, затем покачала головой и указала на свои уши. Затем снова кивнула. Она знала язык ром! Затем молодая женщина повернулась к свету и указала на рот. Она была немой. Она указала тонким пальцем на солдат, ехавших вокруг кибитки. На них были рубашки и штаны Свободных, но в раскрытых воротничках рубашек на шее виднелись знаки Одоннела. С воздуха их не заметят, хотя это был смешанный караван Гхарров-торговцев и цыган. Молодая женщина указала на самого высокого, а затем ткнула в красный шарф, висящий у выхода.

— Это сделал кто-то из Одоннелов? Кто-то высо-

кий в красном?

Она кивнула один раз и покачала головой, указывая на нее.

— Кто-то с красным в волосах? — Она закивала утвердительно. — Лхарр Гаррен Одоннел? — Она снова закивала головой. — Но почему? — Она начала жестикулировать, но я не понимала. Она это заметила, порылась в каких-то вещах и достала блокнот и карандаш. Она села спиной ко мне так, что я могла видеть все, что она писала.

Карандаш быстро летал по странице. Это меня удивило. Я думала, что она неграмотная.

Она писала:

«Я работала в ювелирном магазине в Эринне прошлой зимой. По несчастью я проходила аллеей, где Гаррен Одоннел был с одной из женщин. Сначала я не знала, кто это был, иначе я бы не вмешалась. Но я слышала, как женщина звала на помощь, поэтому я схватилась за свой нож и побежала к ней. Одоннел покончил с ней раньше, чем я появилась. Его друзья подхватили ее из его рук, и я все это видела. Он бы убил меня тоже, прямо тогда. Разбой — это вовсе не то дело, которым даже лорд Девятки мог бы похвастаться. Его друзья напомнили ему, что я цыганка, и, что если он убьет меня, мой род не будет церемониться

долго с его Домом».

Ее глаза горели. Она продолжала: «Они были правы. Моя семья не стала бы заботиться об их товарах с летним караваном. И ему бы не доставили товары с юга, которых он ждал. Ни один цыганский караван не стал бы это делать. Он приказал связать меня. Они утащили меня из города, потому что Одоннел не мог разбираться со мной у Свободных и потому что я могла рассказать все о нем. Они затащили меня в замок Эринн. Они обвинили меня в шпионаже, и Гаррен Одоннел приказал отрезать мне язык».

Она остановилась ненадолго, склонив голову. Я увидела пятно на бумаге, затем еще. Она глубоко вздохнула и продолжила:

«Он думал, его история будет неизвестна. Все знают, что цыгане не умеют читать и писать. Но он недооценивает нас. Кроме того, он переоценивает наше стремление к выгоде. Он должен убить меня, ведь весь наш клан поклялся никогда не работать на Одоннела или его вассалов из-за того, что он сотворил со мной».

Она посмотрела на меня с печалью. Я кивнула.

— А как же произошло, что сейчас ты работаешь у Одоннела? Я подумала, ваша семья никогда бы…

Она выхватила у меня блокнот и начала быстро писать. «Солдаты Харлана поймали мою маму и двух теток. Если мы не довезем тебя благополучно до Бревена, их убьют. Это план герцога Харлана. Людей Одоннела здесь немного».

— И вы верите, что Харлан сдержит слово?

Она пожала плечами и написала: «Что мы теряем? Если наши женщины умрут, погибнут и люди Одоннела и Харлана. У нас есть друзья среди слуг в этих Домах. Капля отравы в вине, и все кончено. Ваши люди не знакомы с ядом. Они никогда не заподозрят».

Меня пронзила дрожь. Цыгане были так же мстительны, как Гхарры, но умнее. Я закрыла глаза, изнуренная даже этой короткой беседой, и почти тотчас заснула.

Караван медленно продвигался к Бревену. Я медленно продвигалась к здоровью. Услышав, как обращались к моей спутнице, я узнала ее имя. Мири или что-то близкое к этому. Я также понимала некоторые жесты Мири, но ее руки говорили всегда быстрее, чем карандаш. Я беспокоилась об Эннисе и Нарре. Читать было нечего, и мне не позволялось выходить из кибитки, когда караван останавливался для торговли.

Как только я смогла немного двигаться, я поня-

ла, почему меня поручили заботам цыган, а не солдатам — уберечь от их грязных лап. Однажды я слышала разговор двух солдат Одоннела, которые ехали около моей кибитки. Они обсуждали, как будет забавно одурачить могущественного герцога Харлана в моей постели. Им повезло, что они служили Одоннелу. Такая тупость была бы «оценена» Харланом. Несколько раз солдаты пытались проникнуть в мою кибитку. Но они получили плетью от отца Мири, только и всего. Один, которому плетка не досталась, был убит ножом в спину на пороге кибитки. Цыгане сложили камни над его телом. Так сказала Мири. Кое-кто попытался подобраться к Мири, которая спала в следующей кибитке. Она отбила охоту своим кинжалом.

Эти попытки солдат заставили меня задуматься о том, что ждет меня в Бревене. Но я старалась сосредоточиться на жизни цыган. Иначе безнадежность охватывала меня при мысли о Бревене. Мне не избежать того, что готовит мне Ричард. Даже сейчас, на открытом пространстве, где возможно спасение, я не могла быть спасена. Карн или Ник никогда не найдут меня в караване, потому что так много караванов Гильдии и купцов в это время года на дорогах. Именно поэтому

Эннис выбрал этот способ передвижения. Даже если бы не было десятков караванов, не многие могли бы посчитать караван цыган убежищем.

В один из солнечных дней адена, мы, наконец-то, прибыли в Бревен. Караван остановился в лесу, окружающем Дом Уединения. Все кибитки стояли кругом среди синих елей. Сержант Одоннела велел ему оставаться на месте, если он хочет, чтобы ему вернули женщин живыми. Затем он и его солдаты с лошадьми погрузились в транспорт, и они быстро удалились.

Цыгане с ружьями и стрелами, ножами и несколькими станнерами выбрались тут же из кибиток. Женщины, дети, улеки стояли в центре. Они не разжигали костров и не распрягали лошадей, как в обычные дни.

Дети держали коней, а у женщин было под рукой оружие. Старейшина послал мальчика в аббатство сообщить о прибытии цыган.

Через некоторое время солдаты в зеленой форме Харлана появились из-за деревьев, таща трех женщин в цыганской одежде. Даже издалека я смогла разглядеть, что им не поздоровилось у Харлана. Старейшина, отец Мири и остальные мужчины, увидев их, быстро собрались и зашептались.

— Ведите женщину Халарека! — прокричал один из солдат Харлана. Они даже не потрудились назвать мой титул.

Отец Мири подвел меня к ближайшему просвету в кибитках, но не дал мне переступить оглобли.

— Она здесь. Сначала отпустите наших женщин, чтобы мы убедились, что это наши женщины.

Солдаты подошли ближе. Женщины подняли лица. Одну поддерживали солдаты, у другой, похоже, была сломана рука, третья дрожала. Вой поднялся среди цыган. Я вздрогнула. Что же с ними сотворили?

Старейшина заорал:

— Мы не позволим вашим ублюдкам издеваться над ними.

Командир солдат ответил:

— Мы обещали только вернуть их живыми, если вы доставите живой женщину Халарека. Мои люди здесь слишком долго без женщин…

Он свалился замертво. Его настигла стрела. На секунду солдаты остолбенели. Прошли века с тех пор, как пользовались стрелами в бою. В этот момент стайка детишек вырвалась из безопасного круга, окружила женщин и быстро вернулась с

ними в круг, пока огонь станнера уложил всех солдат на землю. Как только дети с женщинами оказались под защитой, мужчины бросились к солдатам и перерезали всем горло.

— Беречь стрелы и пули для другого раза, — сказал мне отец Мири.

Мири пояснила, что станнеры были нужны, чтоб не задеть детей.

Я оцепенела от всего этого. Это была война, которой я никогда не видела. Никаких «благородных» или «неблагородных» методов уничтожения врага. Если враг должен умереть, это делалось эффективно, с наименьшими потерями людей и оружия. Тактика блестящая. Цыгане без огнестрельного оружия, а люди Харлана умерли, не зная, что их убило.

Отец Мири приблизился ко мне.

— Мне жаль, что мы должны оставить вас здесь, миледи, но у нас договор: вы доставляетесь сюда, а нам возвращают наших женщин. Мы могли бы обойтись с вами, как они обошлись с нашими женщинами. Мы уберегли вас от подобного, но больше не можем защищать вас.

Он указал на север, на синие ели.

— Бревен там. Если вы проблуждаете несколько часов, это будет неоценимой помощью нам.

За три-четыре часа мы доберемся до Зоны Мерзлоты. Сейчас лето. Там мы исчезнем и сможем долго продержаться. Возможно, мы не слишком важные птицы, чтобы знатные лорды охотились за нами, но нельзя испытывать судьбу. Он отвернулся и стал отдавать приказания на своем языке подросткам, стоявшим невдалеке.

Я повернулась к Мири попрощаться. Она была добра ко мне. Слезы сверкали на ее щеках. Она обняла меня порывисто и убежала в свою кибитку.

Я оставляла цыган позади. Можно побродить по лесу. Конечно, я выполню просьбу отца Мири, раз уж это поможет им.

Воздух среди голубых елей был холоднее, чем на дневном солнце, и был пронизан влагой и запахом хвои. Птицы вокруг пели и щебетали. Впереди и справа я услышала шум. Это кричал галл, а значит, озеро Святого Павла было в том направлении. Я представила медленный плеск волн о гравий. Моей душе нужен был именно такой покой.

Я отломила длинную, пышную ветвь и привязала сзади к поясу, чтобы иголки замели мои следы. Конечно, останется тропа, но следопытам придется поломать голову, чтоб угадать, кто же хотел уничтожить следы таким неестественным

способом. Скоро опустятся сумерки, и это тоже задержит преследователей. Если я буду умнее и осторожнее, у меня будет время посидеть в одиночестве и послушать озеро прежде, чем меня найдет хоть кто-нибудь из Дома Уединения.

Очевидно, за мной началась погоня, когда солдаты из Бревена, пришедшие узнать, что задержало первый отряд, обнаружили мертвых и следы цыган. Возможно, они будут преследовать сначала цыган, думая, что они увезли меня.

Нет, остались следы от поляны до того места, где я сломала ветку. Любой сделает правильный вывод. Но солдаты до сих пор меня не преследуют, значит, они ничего не заметили.

Я бродила кругами среди деревьев около часа или более того, затем вышла на берег озера и опустилась на теплый плоский камень. С озера доносился аромат водного простора. Молодые ели прятали меня от Дома Уединения. Легкий ветер проникал сквозь хвою и приносил запах мокрых пыльных скал. Волны тихо плескались о гравий берега. Слева какой-то зверек резвился в воде. Затем послышался громкий всплеск, шум, и снова на берегу воцарилась тишина.

Вот так я и жду на берегу, когда более сильный зверь проглотит меня.

Я смотрела на другой берег озера. Несколько белых огней отмечали лифты и блюдца станций связи свободного города Лок. Было лето. Лок был только в двадцати километрах или около того. Я могла бы идти туда, меня приняли бы и спасли от Ричарда. Но я не могла пошевелиться. То, что произошло со мной в руках Гаррена Одоннела, поразило меня и лишило сил. Я даже не верила, что могу дойти до города. Физически я уже почти выздоровела, но мой внутренний голос говорил мне: «Что толку? Ричард все равно, в конце концов, тебя схватит».

Тем не менее я поднялась с камня, я заставила себя сделать один шаг вдоль берега, затем другой, третий…

Спасения нет, говорило мое сердце, *Карн не сможет найти тебя. Ник не сможет найти тебя. Лок тебя просто вернет обратно. Ричард слишком силен.* Тело было непослушным и тяжелым.

Из леса донеслись голоса мужчин. Я вспомнила оптимизм и стойкость Адрианы. Я вспомнила ее уверенность. Если свободная женщина может быть такой сильной, то женщина рода Халареков обязана быть или стать такой. Я снова обернулась к городу, но я ждала слишком долго. Свет факелов мелькал тонкими белыми лучами среди

деревьев. Я побежала.

Ноги скользили по гравию при каждом шаге, Факелы ярко горели белым сверкающим светом и бросали тени впереди и позади меня. Я углубилась в лес. Там идти придется медленнее, но меня будет труднее найти среди деревьев и их теней. Люди пробирались сквозь кусты сзади, впереди и рядом со мной, ругаясь, но медленно окружая меня. Я почувствовала себя загнанным зайцем.

И вот люди в зеленой униформе Харлана образовали вокруг меня враждебное кольцо, из которого мне не убежать.

Глава тринадцатая

Поздним вечером сорокового аза Карн ввалился в столовую личных покоев Онтара. Ник и Орконан посреди остатков ужина играли в шахматы. Орконан поднял голову.

— Ну и как?

С усталым вздохом Карн бухнулся в кресло.

— Так себе. Чего-нибудь пожевать найдется?

Голоса друзей доходили до него глухо, как в тумане. Через мгновение он уже спал за столом, подложив руки под голову.

— Разбудить его, Ник?

Ник задумчиво вертел в руках шахматную фигурку.

— Если он сегодня носился так же, как все последнее время, то, скорее всего, с утра у него и маковой росинки не было.

Карн пошевелился. Легкое прикосновение к плечу вернуло его к действительности, но лишь отчасти. Потребовалось более энергичное встряхивание, чтобы он поднял голову и взглянул на окружающих. Фигура Орконана маячила перед ним, то обретая четкие контуры, то снова расплываясь.

— Что? Это ты? Чего тебе, Тан? — Голова неудержимо клонилась вниз. Орконан еще раз крепко встряхнул его за плечо.

— Поешь, Карн.

— Что? А… Угу…

Орконан приподнял крышку, и в воздухе поплыл аромат жаркого. Карн с наслаждением вдохнул и медленно выпрямился.

— С прошлой ночи ничего не ел.

Ник обменялся взглядом с Орконаном. «Чего это они там», — устало подумал Карн. К вечеру он дошел до совершенного отупения, и его это уже, кажется, не волновало. Он медленно протянул руку за едой. Орконан опять уселся за шахматы.

Когда Карн, наконец, насытился и отодвинул тарелку, Орконан снова взглянул на него:

— Так все-таки, как дела?

Кажется, этот вопрос ему уже задавали.

— Средне. В конце концов, Синдт Дюрлен, если только на него можно положиться, согласился голосовать вместе со мной. Прибавим сюда Арлена Коорта, и этого уже может быть достаточно. Если у Свободных хватит здравого смысла…

Разговаривая, Орконан не отрывался от шахматной доски.

— Каких-нибудь других новостей за сегодняш-

ний день ты нам не сообщишь, Карн? Похоже, что ты на ногах не держишься.

— И не только На ногах, — хмыкнул Ник.

— Шутишь, как мой наставник в Болдере, — слабо улыбнулся Карн. Он с усилием поднялся, огляделся, чтобы ничего не забыть, и шагнул к двери.

Он свалился в постель, даже не раздеваясь, но мысли, те самые, что терзали его все эти долгие месяцы, заполненные личными встречами, званными вечерами, общественными собраниями, переговорами, убеждениями и даже подкупом, к которому пришлось прибегнуть, чтобы сохранить очень хрупкую коалицию, эти мысли еще долго не давали ему уснуть. Если добавить к списку союзников дом Дюрлена, этого, похоже, хватит. Должно хватить.

Кто-то осторожно стучал в дверь. Карн приподнялся. Часы рядом с постелью говорили, что уже утро. Позднее утро. Но утренней свежести усталому телу оно не принесло. Стук в дверь стал более требовательным.

— Войдите, — поморщился Карн.

Открыв дверь, Орконан остался у порога. Из-за плеча выглядывал Ник. Лицо его сияло.

— От леди Агнес только что получено сооб-

щение.

— Три-д, — Орконан помедлил. — Лорд Эннис и леди Катрин вместе с ребенком два дня назад совершили побег от Одоннела.

— Побег! — Это слово прозвучало, как взрыв бомбы.

Это было настолько невероятно, что несколько мгновений потребовалось, чтобы до Карна дошел его смысл. Эннис Харлан помог Кит Халарек ускользнуть от лап Ричарда? Вместе с ребенком? Несмотря на то, что ребенок-полукровка был нужен Харлану в его игре против Халареков? Все еще не веря, Карн покачал головой.

— Вы вполне уверены?

— А вам приходилось когда-нибудь слышать, что леди Агнес говорит неправду? — Орконан поджал губы. — Она видела, как они прошли через стражу.

Карн не позволял себе увлечься надеждой. Он просто не мог. Даже после того, как им удалось покинуть свои комнаты, их вполне могли задержать в первом же зале. Резким движением он поднялся и, чтобы окончательно сбросить с себя сон, несколько раз провел руками по волосам.

— Она не говорила, куда они направляются?

— Она этого не знает, милорд. Для них безопас-

нее всего было бы присоединиться к какому-нибудь каравану.

Ник, которого разрывало от нетерпения сообщить нечто, уже не мог более сдерживать себя.

— *Я* навел справки у дяди Эмиля. Наши информаторы в Эринне сообщают, что Эннис приобрел лошадей.

— Умно. — Карн уже окончательно проснулся. Флиттер слишком легко обнаружить и сбить. Он почувствовал что-то вроде уважения к своему непрошеному родственничку, который не побоялся бросить вызов главе своего Дома. Уж Эннис-то должен бы знать, что будет, если Ричард до него доберется.

— Позовите Винтера, — распорядился Карн, взглянув на Орконана. — Я побеседую с ним в библиотеке.

Орконан подошел к переговорному устройству у входа в комнаты Ларги, а Карн направился к лестнице, ведущей в библиотеку, преследуемый по пятам Ником.

Ребячливое нетерпение Ника начинало его беспокоить. Это качество делало его прекрасным пилотом, но для командующего офицера оно мало подходило. У Карна было в запасе всего несколько секунд, чтобы решить, что предпринять, дабы

избежать связанных с этим неприятностей. Ник был наследником его верного союзника, и именно он должен был возглавить отряды фон Шусса, если придется атаковать укрытия, где содержалась Кит.

К тому моменту, когда они вошли в библиотеку, Карн уже знал, что сошлется на военный опыт Винтера, чтобы оправдать его выбор в качестве координатора действий всех союзнических сил. Таким образом, если Ник на свой страх предпримет какие-либо поспешные действия, это затронет только его лично.

Карн уселся за стол. Слева от него, приготовившись записывать или, если нужно, отправить послание, расположился Орконан. Ник вместе с Винтером расположились напротив.

— Генерал! Каким-то образом Эннису Харлану удалось увести Кит из-под надзора Одоннела. Я попросил вас троих собраться, чтобы получить совет, как вернее всего разыскать их, прежде чем это сделают люди Харлана. Я думал послать флайеры, это недолго, но пришлось бы прочесать все западное полушарие. Наземные поиски, если не считать патрулирования границ владений Харлана, были бы еще менее эффективными.

— Попросите картинку со спутника Гильдии.

Если там обнаружится что-либо, заслуживающее внимания, можно начать наземные поиски в подозрительной области.

— Разве на этих картинках вы разглядите такую мелочь, как пара лошадей? — В голосе Ника звучало нетерпение. — Воспользуйтесь нашими информаторами, Карн.

Нашими, вашими, Дюваля, наших вассалов (если у вас есть вассалы, можно положиться на их информацию). Когда мы будем определенно знать, где искать, можно будет испробовать другие методы.

Нетерпение Ника раздражало Карна, впрочем, так же, как и невозмутимость Винтера. Вместе с тем, он почувствовал, как нарастает его собственное возбуждение. Кит выбралась из подземелья. Ее можно найти, спасти. То, что они сидели здесь и обсуждали, как это лучше сделать, принесло, наконец, ему ощущение реальности происшедшего.

— Хорошо, сообщите также кое-кому из младших Домов, что случилось, не только информаторам. Я, конечно, имею в виду Дома Коннора и Коорта. Да и Дюрлена тоже, вы знаете, из-за Нетты и мальчиков.

— А Дом Арнетты? — Орконан вопросительно

поднял брови.

Карн презрительно фыркнул.

— Лорд Френсис, хотя бы для виду, мог сохранять свою лояльность, пока была жива Лизанна. Теперь же ничто нас не связывает. Нет, Арнетта не подойдет.

— Де Ври, конечно. — Ник кивнул. — Если не ради Кит, то, хотя бы в пику Ричарду.

— Ван Макнис, — вставил Орконан. — Если кто и хочет обуздать Ричарда, то он среди первых.

Они подробно обсудили, кто и чем может оказаться полезен. Снова и снова просматривали они весь список людей, которым надлежало узнать о побеге Кит. Дважды и трижды проверяли они каждого. Не так уж много было имен в этом списке, если сравнивать с представительством Домов в Совете, но он существенно пополнился с прошлого года, не говоря уже о времени первого политического столкновения Карна с Ричардом четыре года назад, когда только Дома фон Шусса, Макниса, Коннора и Джастина были на его стороне.

Еще раз обдумав все сказанное при составлении этого списка, Карн почувствовал себя несколько увереннее относительно будущего Совета. Если только этим людям можно доверять, они поддер-

жат его и пятнадцатого адена.

Генерал Винтер взглянул на список, затем на своего лорда и покачал головой:

— Что ж, сеть информаторов лучше всего подходит для передачи таких сообщений, даже адресованных другим Домам. Может быть, это не так быстро, как с посыльным, но чужаки заметны, да и немногие из них устоят перед подкупом. Шпионы гораздо безопаснее. Они знают, кто, в каком Доме и на кого работает. — Он криво усмехнулся. — Единственный более быстрый метод, который мне известен, рассказать все беременной женщине.

Карн кивнул в знак согласия.

— Возможно, нам повезло. Эннис со своим семейством может всплыть где-нибудь в дружественном Доме или на нейтральной территории. Тогда поиски окажутся излишними. — В глубине души он все же не очень надеялся на такое исключительное везение. Это было бы уж слишком легко, а на Старкере IV ничто легко не доставалось. Он даже не стал смотреть на карту, чтобы представить себе, какой путь придется преодолеть Эннису и его семье, чтобы покинуть пределы владений Одоннела и Харлана.

— Нам остается только молиться за них, —

наконец произнес он. — Мы ничем не можем помочь, пока они на земле Харлана. И ничем не поможем, пока не найдем.

Разведывательная сеть включилась в работу. Винтер организовал наземные поиски силами синих отрядов на границах поместий Халареков и специальных подразделений — поблизости от границ Харлана. Барон фон Шусс предпринял аналогичные действия в своих владениях.

Каждого, кто появлялся со стороны владений Харлана или Одоннела, допрашивали солдаты, требуя рассказать о наблюдениях на враждебной территории. После того, как были разосланы патрули, а Ник улетел домой совещаться с дядюшкой, Карн отправился к де Ври для обстоятельной беседы с герцогом.

По пути домой Карн завернул к Дюрленам, чтобы проверить, как у брата Нетты Синдта поставлена охрана периметра владений и собственно усадьбы. Охраны не было, и никакие увещевания Карна не могли убедить его, что человек, которого за полмира отсюда держат в Бревенском заключении, может представлять опасность для своих племянников. Хуже того, его слепое упрямство еще больше усугубляло положение Карна, не имевшего наследников. Любой

наемный убийца средней руки мог беспрепятственно проникнуть в дом Синдта. А на службе у Ричарда были настоящие профессионалы.

Покидая поместье Дюрлена, Карн напомнил себе, что необходимо, как только он вернется, расспросить Орконана, как обстоят дела с поисками нового Ларги. В этот момент приемник в кабине флайера поймал сообщение по шифрованному каналу.

— Срочное сообщение. Остановитесь в поместье Макниса. Срочное сообщение. Остановитесь… — Голос техника в Онтаре, без конца повторявшего одни и те же слова, звучал с механической монотонностью.

Карн склонился к панели управления, чтобы его голос звучал в микрофоне, как можно более отчетливо.

— Приглашение получено и принято. — Включив автоповтор сообщения, он повернул к Макнису.

Что могло понадобиться Вану, да еще так срочно? Что-нибудь с ним или его женой? На них напали? И почему ни слова пояснений? Карн уже ощущал последствия этого богатого событиями дня, грозившего перейти в такую же нескончаемую ночь.

Очутившись над аэродромом Макниса, Карн резко бросил свой флиттер в крутое пике. Кит и Ник часто выговаривали ему за это. Никаких следов вторжения на площадке заметно не было, и, как только раскаленная струя из мотора утихла, Макнис, собственной персоной, появился из укрытия. Почувствовав облегчение, Карн выбрался из флиттера и спрыгнул на землю. По крайней мере, не вражеское нападение послужило причиной для этой суматохи. Макнис проводил его в зал, примыкающий к площадке. Там он увидел человека с ребенком на руках. Человек стоял, прикрыв веки и прислонившись затылком к стене. Только огромные широко открытые глаза ребенка на удивленном личике были устремлены на Карна. Этот человек был Эннис Харлан. Карн вовремя подавил инстинктивное движение руки, потянувшейся к станнеру. Эннис в доме Вана и не под стражей.

— Теперь понимаешь, почему я не мог сказать больше? — шепнул сзади Ван. — Я вызвал тебя, как только он появился.

— Спасибо, Ван. Я не забуду.

Карн повернулся к Эннису. Тот был бледен, но держался прямо и спокойно, пока Карн разглядывал его. Карн и не пытался скрыть своего

враждебного отношения. Этот человек силой взял Кит против ее воли, и никакие древние обычаи этого не оправдают. Сотни людей были убиты ради этого.

— Где Кит? — рявкнул Карн.

Эннис весь напрягся, но твердо встретил взгляд Карна.

— Лорд Ричард хотел, чтобы ребенок был всегда при ней. Я надеялся, что нам удалось ускользнуть от него, но увы. Его люди напали на цыганский табор, к которому мы пристали. Эту первую атаку цыгане отбили, но мы с Кит решили, что нам лучше разделиться, прежде чем подойдут подкрепления. Теперь неважно, за кем устремятся преследователи — половина всех женщин семьи Халареков в безопасности. Я взял с собой Нарру.

Карн почувствовал, как его неприязнь улетучивается. Эннис восстал против главы своего Дома, чтобы отстоять свою жену и своего ребенка. Для этого нужна была изрядная смелость. Но в ответ Карн все же ограничился сухим замечанием.

— Если раньше Ричард мог и не желать твоей гибели, то теперь все изменилось.

— Знаю. — Ни в голосе, ни во взгляде Энниса не было и намека на страх. — Зато вы с Макнисом и вашими союзниками сможете защитить

Нарру. — Тут он запнулся и, опустив голову, взглянул на девочку.

Да у него, похоже, слезы на глазах, мелькнуло у Карна. Он знает, что, обманув Ричарда, он обречен. К тому же, обманув его дважды, похитив ребенка, которого тот собирался использовать в своих планах, и женщину, которой Ричард домогался.

Эннис провел пальцем по щечке ребенка.

— Я был предназначен в супруги Кит, потому что в нашем роду чаще рождаются девочки, устойчивые к Болезни. — Он снова взглянул на Карна. — Поверьте, милорд. Я понятия не имел о том, как Ричард собирался добыть мне жену. Я никогда не согласился бы на такую бойню. Впрочем, это бы его не остановило, — добавил он с горечью. — Милорд, я полюбил вашу сестру. Я восхищаюсь ее бесстрашием и ее здравым смыслом. Я бы жизни не пожалел, чтобы уберечь ее от того бесчестия, которое ей уготовано Ричардом. Но кто бы тогда спас Нарру?

По его голосу Карн мог заметить, что этот человек переживает в душе мучительную борьбу. То, что он позволил себе обнаружить свои чувства, говорило об их глубине. Когда человек так обнажает душу, это значит, что он в чем-то остро

нуждается. Человек никогда не станет себя раскрывать, особенно перед чужими и врагами, если только им не движет надежда получить взамен нечто такое, без чего он не может существовать. Было видно, что Эннис держится из последних сил.

— Макнис, я прошу вас взять Нарру под свою защиту. Я знаю, как вы ненавидите мой род. Спасите ее, хотя бы назло Ричарду. Хотя бы ради вашего друга Халарека. Сберегите ее. Прошу вас.

Макнис даже не взглянул в сторону Карна.

— Что взамен?

— Помогите мне добраться до Бревена. Возможно, я еще сумею вернуть Катрин.

— Не сходите с ума, — прорычал Макнис. — Как только вы окажетесь в пределах досягаемости Ричарда, за вашу жизнь не дадут и гроша.

Свободной рукой Эннис вцепился в плечо Макниса.

— Поймите, там моя жена. Ричард заставит ее страдать! — Голос его задрожал. Вероятно, ужас отца передался ребенку, и девочка заплакала. Чтобы успокоить ее, Эннису пришлось отпустить Макниса. Тот смотрел на него с удивлением.

— Это всего лишь ваша жена. И у вас все не так, как у Карна. Вы можете иметь наследников от

любой женщины. У Халареков же в прямой линии остались только Карн и леди Катрин. И еще два маленьких мальчика. А сейчас неподходящее время для маленьких мальчиков с опекунами.

Карн тронул Макниса за рукав, и тот замолчал. Очевидно, что с Эннисом все обстояло так же, как и с Ником — оба слишком эмоционально относились к женщинам, и это лишало их трезвости суждений.

— Я сейчас же пошлю людей в Бревен, — сказал Карн, — и отправлюсь сам. Вам следует остаться здесь. Пока Кит в неволе, вы — единственная законная защита для Нарры. Если нас постигнет неудача, кроме вас ее некому защитить. Подумайте, что один человек может сделать против Ричарда и его солдат.

Вопрос не требовал ответа.

Помолчав некоторое время, Эннис еле слышно пробормотал:

— По моей вине ей пришлось пережить столько потерь и страданий. Теперь еще это…

— Я не собираюсь уступать ее Ричарду, — мрачно заметил Карн. — Как вам удалось выбраться, и где вы ее видели в последний раз?

Эннис коротко описал побег и встречу с табором.

— Хорошо. Ван, мне нужно кое с кем связаться.

Макнис отстукал кодовый сигнал, и дверь в комнату связи распахнулась. Войдя, Карн распорядился, чтобы техники подготовили секретный канал связи, а сам тем временем занялся составлением послания. Эннис давал в руки Совета решающий аргумент. Ричард намеревался отнять право наследования у второго ребенка, который родится в семье Энниса, тем, что будучи фактическим отцом такого ребенка, он заставит Энниса самого оспаривать это право в суде. Это нарушало самые основные законы о наследовании, принятые Домами — законы, которые обязывали жен сохранять верность и запрещали похищение или использование чужой законной жены. Кроме того, преступление против супружеской верности затрагивало наиболее чтимые моральные заповеди Свободных. Информации Энниса было достаточно, чтобы упрятать Ричарда в одиночку. Эннис должен выступить перед Советом, если только он до этого доживет.

В этот момент сморщенная от сна физиономия Орконана появилась на экране три-д:

— Извини, что пришлось тебя разбудить, Тан. Позови Винтера тоже. Я хочу знать его мнение.

Через пару минут появился и Винтер. Карн

жестом позвал Энниса в комнату и попросил его повторить весь рассказ, описать табор и место, где их пути разошлись. Эннис без возражений все повторил. Винтер делал какие-то пометки, и Карн живо представил себе, как в генеральской голове заработала, закрутилась сложная машина, вычисляющая курс и скорость табора, направлявшегося из Одоннела в Бревен. Карн приказал Орконану, чтобы тот отправил Вейсмана просмотреть старые карты и прочие документы, чтобы выяснить, известно ли что-нибудь о развалинах к востоку от Бревена и туннелях под Домом Уединения.

— Винтер! Безотлагательно соберите штурмовую группу только профессионалов, я полагаю. Я буду через несколько часов и посмотрю, что вам удалось сделать.

Дав сигнал конца связи, Карн соединился с Гильдией и запросил картинку со спутника для поиска каравана в северо-западном квадрате. Подобные заказы были обычны, и Гильдия не считала их нарушением своего нейтралитета. Такие изображения, в числе прочих услуг, Гильдия предоставляла своим клиентам на разных планетах. Однако летом здесь было столько караванов, что пользы от такой картинки было не

так уж много.

Позаботившись о самом необходимом, Карн оставил комнату связи. Он вернулся к Эннису, по виду которого можно было заключить, что силы уже окончательно оставили его.

— Выбросьте из головы идею воевать с Бревеном в одиночку. Вы принесете Кит больше пользы, выступив перед Советом. Да и у вас есть шанс пожить чуточку дольше. Быть может, даже вам хватит времени, чтобы построить дом для всех вас, троих. Быть может. — Его кольнуло воспоминание о Нике, но Эннис заслуживал доверия и помощи за исключительное мужество, которое он проявил. — Вы расскажете Совету о том, что случилось с вами и Кит.

Эннис грустно улыбнулся.

— Почему же нет? Приговор я себе уже подписал. — Улыбка тут же исчезла. — Если бы я только знал, могу ли я что-нибудь сделать, чтобы, хотя бы на время, задержать Харлана. Я и не представлял, какую мерзость скрывает в себе этот человек, пока не прочел этого в глазах Катрин.

— Послушайте, — голос Макниса звучал уже мягче. — Вы уже выдохлись. Передайте ребенка мне. Бог свидетель, у меня было достаточно своих. Когда Карн сообщил, что будет у меня, я заказал

горячую еду, она, должно быть, готова. После вы можете соснуть. — Макнис подозвал трех солдат, ожидавших в дальнем конце зала. — Вы должны охранять этого человека. Возможны убийцы, — и, повернувшись к Эннису, добавил: — С вашего позволения и, разумеется, с разрешения Карна я отправлю Нарру в одно абсолютно надежное место, о котором буду знать только я и Председатель Гашен.

Карн видел, как неохотно расстается Эннис с дочерью, ведь он не только выпускал ее из рук, долгое время предстояло ему провести в полной безвестности о ее судьбе. Его чувства ясно читались на лице. Наконец с тяжким вздохом он протянул девочку.

— Если только она и в самом деле будет в безопасности.

— В той мере, в которой это вообще возможно на Старкере IV, — пообещал Макнис. — Знаете, у меня у самого две девочки, одна из них разве что на год старше вашей. Если вам суждено уцелеть в вашей войне против Ричарда, вы заберете ее. Или, быть может, вам и леди Катрин захочется оставить ее в безопасном месте, пока у Карна не появится собственный наследник.

Карн бросил резкий взгляд на Макниса, однако

тот, казалось, просто излагал вещи, как они ему представлялись, никакого оскорбительного намека на бездетность Карна в его словах не было.

«Я становлюсь излишне чувствительным к таким вещам», — подумал он про себя.

Получив ребенка у Энниса, Макнис привычно и уютно устроил малышку у себя на руках и начал тихонько покачивать.

— Карн, это маленькое создание — наследник и вашего Дома. Вы доверяете мне отправить ее в безопасное место?

Карн подумал о шпионах, наводнявших его дом, особенно о том, глубоко законспирированном, который спровоцировал бунт на Ферме 3. Он подумал об убийцах, засадах и о возвращении обратно в Онтар. Слишком много опасностей было связано с Домом Халареков.

— Вы заслужите мою вечную благодарность, Ван. Если мне не придется беспокоиться за нее, я смогу лучше служить своему Дому.

— Ну и ладно. — Макнис слегка погладил девочку по мягким как пух волосам и пошел к лифтам, туда, где располагались основные жилые помещения его обиталища. Сделав несколько шагов, он еще раз оглянулся на Энниса. — Учитывая, что ребенок три дня был без матери, он в прекрасном

состоянии. Как это вам удалось?

На первый день мне удалось раздобыть у цыган молоко улека. А вчера и сегодня только вода.

— У моей жены есть то, что нужно таким малышкам. Несколько дней она может прокормить двоих.

На втором уровне Макнис передал Нарру служанке, которая ожидала у входа в Большой зал, затем направился к столу, на котором стояло блюдо с дымящимся мясом, хлеб и клэг. Карн покинул Дом Макниса сразу после ужина, невзирая на протесты Вана. Полет над Онтаром в темное время был безопасен, если только в поместье знали о его возвращении.

Очутившись дома, он перехватил несколько часов сна, затем созвал своих союзников на совещание. Карн решил никому, кроме Орконана и Ника, не рассказывать, что источником его информации был Эннис. Он лишь сообщил, что Кит видели в цыганском таборе, двигавшемся на север. Этого было достаточно. У всех его союзников были сестры или дочери, уже достаточно взрослые, чтобы представлять интерес для похитителей, если только этот старый обычай вдруг снова оживет. План действий следовало подготовить, не мешкая, ибо времени для размышлений

уже не будет, когда караван удастся обнаружить.

После этого поступило несколько сообщений о том, что цыган встречали в южном полушарии. В первую неделю адена техники Коннора обнаружили на снимке со спутника Гильдии табор, движущийся по караванному пути, ведущему в Бревен. Когда стало ясно, куда они направляются, Карн со своими офицерами расположился в библиотеке, чтобы уточнить последние детали плана освобождения Кит.

Ник, только что вернувшийся от фон Шусса, присоединился к собравшимся спустя несколько минут после начала совещания. Его первым вопросом, как только он закрыл за собой дверь, было:

— Вы уже нашли ее? — Он сел напротив Карна. — Я надеюсь, это так? Наши флайеры уже готовы к бою.

Карн посмотрел на своего друга. Тот кивнул.

— Караван цыган движется к Бревену. Пришлось довольно долго ждать, но наша информация о планах Ричарда, по-видимому, оказалась точной.

Ник разразился ругательствами. Ян Виллем сделал несколько замечаний по поводу характера Ричарда и некоторых его склонностей.

Вейсман поморщился от отвращения.

— Мне казалось, что такого сорта гадости, даже по стандартам лорда Ричарда, представляют нечто исключительное.

— А что Эннис Харлан? — спросил Дэннен. — Вы говорили с ним?

— Эннис доживет до будущей недели, — нарочито грубо ответил Карн. — Он помог Кит выбраться, и я обязан ему за это. Но теперь он не с ней, и я прежде должен защитить Кит. Если смогу.

— Эннис должен позаботиться о себе сам. Я попросил Винтера собрать два отряда спецвойск, подготовленных для такого рода операций. Мы выступаем в Бревен сразу после совещания. Могу ли я рассчитывать на поддержку со стороны фон Шусса? — он взглянул на Ника. — И Джастина? — он посмотрел на Яна и Дэннена.

— Часть людей фон Шусса уже здесь, они прибыли вместе со мной, — сказал Ник. — Остальные только дожидаются условного сигнала.

— Прекрасно, — похвалил Карн. — Именно такая поддержка мне и нужна.

— Граф менее всего склонен к открытым действиям, — Дэннен говорил с явной неохотой. — Хотя у него есть разведчик в Бревене.

— Какое совпадение. У нас тоже, — хмыкнул Ник.

— Сарказм здесь ни при чем, — огрызнулся Дэннен.

— То, что я сказал, означает, что граф хотел бы послать взвод всех тайных агентов по первой вашей просьбе и в полное ваше распоряжение, но ни один из них не должен быть в форме Джастина.

Карн покачал головой.

— Как же мы сможем отличить своих от чужих без формы? У меня не так много друзей, чтобы я мог позволить себе убить кого-то из них. Так что это предложение мне придется отклонить.

— Когда же мы выступим?

Карн покосился на Ника. Даже теперь, когда Кит стала женой другого. Ник все же горел желанием отыскать ее. Бринд был прав. Карн оглядел остальных.

— Я полагаю, если мы опередим караван, Ричард поймет, что мы знаем о его планах, и постарается помешать Кит попасть в Бревен. Он не был бы Ричардом, если бы у него всегда не было в запасе нескольких вариантов.

— Как же мы сможем уберечь от него Кит, если не окажемся там первыми? — Голос Ника выда-

вал его волнение.

— Мы устроим несколько скрытых лагерей в лесу, к западу от Лока. Оттуда мы сможем за немногие минуты добраться до Бревена, как только кто-нибудь из разведчиков донесет о приходе каравана.

— Разве Лок не выдаст вас?

— Нет, Тан, если только они не будут знать о нашем соседстве.

Винтер поднялся со своего места.

— Могу ли я, милорд, отбыть, чтобы закончить последние приготовления?

— Разумеется. Вы можете вылететь, как только будете готовы. Оставьте белую метку там, где приземлитесь, и мы будем знать, где вы.

Винтер кивнул и вышел.

Карн повернулся к Орконану.

— Тан, я оставляю вас своим заместителем. Подготовьте распоряжение, я его подпишу. Трудно и вообразить, что могут затеять люди Старой Партии в мое отсутствие.

Ян, Дэннен, поблагодарите от моего имени графа за его предложение и передайте, что я не смогу им воспользоваться. В ближайшее время я буду слишком занят, чтобы лично беседовать с посторонними. Что же до вас обоих, то буду рад,

если вы пожелаете к нам присоединиться.

Дэннен отрицательно покачал головой.

— Мы не можем надеть вашу форму, а графу нежелательно демонстрировать свои цвета в Бревене.

Карн пожал плечами и поднялся.

— Ну что ж, пусть будет так. Я не в претензии. Нам случалось помогать друг другу в других местах. Буду рад видеть вас, когда мы вернемся. — Он повернулся к железной лестнице, ведущей в его апартаменты.

Оба Виллема казались уязвленными тоном, которым были произнесены эти слова, но оба молча встали и удалились.

Ник поспешил за Карном вверх по лестнице.

— Сколько людей вы собираетесь отправить против Ричарда?

— Для начала один отряд, потом — сколько понадобится, чтобы вернуть Кит или убедить меня, что не осталось возможности ее вернуть, не подвергая ее жизнь опасности.

— А что потом? Что делать тогда?

— Замолчи, Ник. Я знаю, ты обеспокоен, ты боишься за Кит. Я тоже, поэтому замолчи.

Карн вихрем пронесся по своим комнатам, на ходу что-то запихивая в карманы, что-то присте-

гивая к поясу. Последняя вещь, которую он взял с собой, в карман не помещалась. Это был продолговатый предмет прямоугольной формы. Затем он снова бросился вниз по лестнице, громыхая и позванивая своим снаряжением.

— Что это? — Ник показал на непонятный ящик.

— Отмычка к ловушкам. Или, по крайней мере, считается таковой. — Карн перепрыгнул через последние ступени, и более подробного объяснения Нику пришлось ожидать до того момента, когда они уже сидели в кабине головного флайера, мчащегося на запад. — Ричард пользуется одним из туннелей Древних, но там есть и другие, ведущие к развалинам и куда-то еще. Вейсман откопал карту, разумеется, неполную, но принадлежавшую кому-то из них. Иджил, отправляясь домой, оставил это устройство мне. Он сказал, что благодаря этому ловушки Древних перестанут быть опасными.

Карн на мгновение глубоко задумался.

— Если у нас нет другого способа спасти Кит, то мы должны проникнуть туда снаружи по туннелям. Нужно попытаться.

Ник некоторое время молча обдумывал это предложение. Когда он наконец заговорил, в его

голосе чувствовались несвойственные ему колебания и сомнение.

— При всем моем уважении к Иджилу, есть ли у тебя доказательства, что этот «контроллер» действительно работает?

Только слова Иджила.

— И этого достаточно, чтобы рисковать твоей жизнью? — недоверчиво произнес Ник.

Карн кивнул.

— У нас нет другого выхода. Попытаемся захватить их врасплох. Если Ричарда предупредят, он будет защищаться под Бревеном. Тогда туннели останутся нашей единственной надеждой на спасение Кит. Иджил говорил, что ему ни разу не приходилось пользоваться этим устройством, но он уверен, что оно работает. Он мог узнать об этом откуда угодно, только не от Ричарда, когда схватил его. Если бы у Ричарда были подобные вещи, ему не пришлось бы жертвовать своими солдатами, которые погибли в ловушках.

— Неужели ты думаешь, что если бы у Ричарда были подобные устройства, он не держал бы это в секрете? — резко возразил Ник. — Он не воспользовался бы ими для спасения своих солдат, потому что они рассказали бы другим солдатам, и скоро вся планета узнала бы, что в развалинах

существует безопасный путь.

Карн и сам сильно сомневался в действенности контроллера, но он не собирался ни с кем делиться своими сомнениями.

Глава четырнадцатая

Я не стала оказывать солдатам сопротивления. Это было бы совершенно бессмысленно. Либо попасть в плен, либо погибнуть — другого выхода у меня не было. Однако даже если бы я выбрала смерть, Ричард все равно постарался бы взять меня живой. «Неужели они собираются заключить меня в мужской Дом Уединения», — промелькнуло у меня в голове. В ту же секунду солдаты набросили поверх моей одежды рясу священника и на тянули на голову капюшон.

Лучше молчи, если не хочешь, чтобы тебе отрезали язык, пригрозил командир отделения.

Я вспомнила о Мири и поняла, что это была не пустая угроза. Ричард вполне мог бы выполнить ее. Это было бы даже в его интересах. Мы пересекли двор, и солдаты впихнули меня в мрачное здание, которое и было Домом Уединения, а затем заставили быстро подняться на второй уровень. Все уровни этого сооружения находились на поверхности, и люди жили там круглый год. Я всегда удивлялась, как можно выжить в таких домах. Я читала о необычайно толстых стенах и огромных, покрытых изоляцией, ставнях, кото-

рыми закрывались зимой окна, однако мне не верилось, что все это может защитить от холода. Даже охотничий домик Макниса имел большую подземную часть. Теперь мне предоставилась возможность лично убедиться, можно ли выжить в подобном месте.

Командир отделения грубо толкнул меня на скамейку в коридоре и скрылся за дверью, украшенной тонкой, изящной резьбой. Вероятно, это был кабинет или комната аббата. Скорее всего, решила я, мне не суждено увидеть здесь ничего, кроме этого длинного коридора. Из-за двери доносились приглушенные голоса: возгласы возмущения, чьи-то аргументы, выступления, приказы. Но сколько ни пыталась, я так и не смогла уловить, что же там происходило. Скамья, на которой я сидела, была жесткой. Я очень давно не умывалась и еще дольше ничего не ела. Однако я не осмеливалась просить о помощи, помня об угрозе командира отделения.

Мне показалось, что прошла целая вечность. Наконец командир отделения вышел из комнаты и жестом направил своих солдат в сторону лестницы. Небольшого роста, коренастый префет попросил разрешения обратиться. Получив согласие, солдат что-то прошептал ему на ухо.

Командир отделения внимательно посмотрел на меня.

— Вам нужно вымыться, прежде чем мы представим вас герцогу, — резко проговорил он. — Минуту!

Он быстро повернулся и постучал в дверь аббата.

Я с благодарностью посмотрела на префета.

— У меня есть сестра, — пробормотал он, затем отвернулся и стал внимательно изучать паутину на стыке стены и потолка.

За дверью снова послышались крики и спор, а потом она открылась, и аббат нехотя сделал мне знак рукой, чтобы я вошла.

— Ни слова, — грозно произнес он, — ни единого слова. Вы никогда не были в Бревене.

Он показал на маленькую дверь в углу своей роскошной комнаты.

Я сразу же поспешила туда. Удобствам здесь придавалось гораздо большее значение, чем у нас в Онтаре. Я и не представляла себе, что начальники Дома Уединения живут в такой роскоши. Но потом я подумала о тетушке Альбе и поняла, что не все они так живут. В конце концов, все это не имело сейчас абсолютно никакого значения. После стольких мучительных часов я наконец

почувствовала облегчение и смыла с себя многодневную грязь, если не со всего тела, то, по крайней мере, с открытых его частей. Если мне суждено было отправиться к Ричарду, то я хотя бы не должна была идти к нему грязной.

Я не посмела слишком долго заниматься своим туалетом. Мне не хотелось встречаться с Ричардом Харланом, хотя я и слышала о его обаянии. Умение очаровывать собеседника совсем не обязательно при общении со взятым в плен врагом. В конце концов командир отделения бесцеремонно открыл дверь и вытащил меня из комнатки.

— Ни слова, — напомнил он мне, волоча к выходу по ковру, покрывавшему пол в кабинете аббата.

За лестницей, по которой мы поднимались сюда, находился лифт. Мы сели в него. Лифт двигался быстро и почти незаметно. Это было очень удобно для солдат, так как они вообще не имели права находиться в Доме Уединения, никогда. Я подумала о законных гостях этого Дома. Вероятно, они сейчас ужинали. Интересно, знают ли они, что здесь есть солдаты Ричарда?

Лифт начал спускаться вниз. Это меня очень удивило. Я думала, что комната Ричарда находилась где-то наверху и что она была пышно

убрана. Двери лифта открылись, и я увидела тускло освещенный коридор. В дальнем правом углу его стоял солдат харлановской армии. Свет, шедший из бокового коридора, ярко освещал его фигуру. Увидев меня и солдат, он поднял руку.

— Ждите здесь, — приказал командир отделения, — а я узнаю, каковы будут приказания моего лорда.

Он побежал по коридору и скрылся за поворотом. Я вытащила руки из рукавов и прижала их к телу. Все это можно было сделать практически незаметно благодаря глубоко вырезанным рукавам этого одеяния. Теперь же, когда руки мои не были видны, я крепко сжала их в кулаки, чтобы никто не заметил, как я напугана. Моим щекам было холодно, и я чувствовала, что сильно побледнела, но я знала также, что из-за слабого освещения это не будет заметно. Однако дрожание рук я могла скрыть, только спрятав их.

Снова появился командир отделения. Рядом с ним шел Ричард. Он приблизился ко мне, двигаясь бесшумно и грациозно, как кошка, и низко поклонился — гораздо ниже, чем было необходимо или даже требовали приличия. Возможно, он сделал это, чтобы мне был лучше виден его поклон из-под опущенного на глаза капюшона.

— Леди Катрин! Как я рад видеть вас.

Красивым плавным движением он опустился на колени и поднял мою руку к своему лбу. Точно таким же жестом, выражавшим глубокое уважение, он приветствовал и мою мать на том самом заседании Совета, на котором он убил ее. Поднимаясь с колен, он выразительно посмотрел мне в глаза, и я поняла, что он тоже помнит об этом. Не только помнит, но и напоминает мне, что уже убил одну женщину.

Ричард посмотрел через мое плечо.

— Где Эннис?

Мне захотелось сбросить капюшон и прямо посмотреть ему в глаза, но я не осмелилась. Его люди надели на меня этот капюшон, и я должна оставаться в нем, пока Ричард не прикажет снять его.

— Мы… мы расстались с ним несколько дней назад, милорд.

Он нахмурился.

— А ваша очаровательная дочь?

— Я тоже не знаю, где она. Муж имеет право не сообщать мне, где он находится, — сказала я со слезами в голосе.

Ричард пристально посмотрел на командира отделения.

— Это правда, милорд. Одоннел — мастер выведывать подобные тайны, однако ему так и не удалось узнать, куда делся предатель. Если бы эта леди знала, она бы обязательно сказала ему. Однако она ничего не сказала ему.

Ричард сбросил с меня капюшон.

— Остались какие-нибудь шрамы? — спросил он командира отделения, внимательно разглядывая мое лицо. Он кивнул человеку, державшему фонарь, чтобы тот подошел поближе.

Командир отделения отвесил Ричарду низкий поклон.

— Он знает ваши вкусы, милорд. Остались лишь незначительные синяки и ушибы, но они уже зажили.

— Хорошо, — Ричард поднял вверх мое лицо и посмотрел на него. — Я не торгую бракованными товарами, — глаза его были холодными, как у змеи. — Если Гаррен все же повредил что-нибудь, боюсь, что мне придется отказаться от моего плана мести вашему Дому и отдать вас моим людям.

Я вспомнила цыганок и задрожала от страха. Ричард заметил это и холодно улыбнулся.

— Я вижу, вы все поняли.

Он отпустил мой подбородок. И маска жестокого и отвратительного политического интригана

мгновенно сменилась у него на лице очаровательным выражением певца чудесных баллад, мужчины, о котором мечтали сотни женщин. Он обнял меня.

— Четыре года назад я надеялся, миледи, что война между нашими Домами прекратится. — Он говорил вкрадчиво и очень соблазнительно. Рука его обвилась вокруг моей талии. Он наклонился и зашептал мне на ухо. — Есть другой способ прекратить нашу вражду.

Он прижал меня к себе и поцеловал так, что этот поцелуй не оставлял сомнения о его намерениях.

Солдаты, стоявшие вокруг нас, фыркнули или прикрыли рты ладонями, чтобы скрыть усмешку. Мне стало нехорошо от мысли об этом. Ричард выпрямился и посмотрел на меня сверху вниз. В свете, исходившем из бокового коридора, мне хорошо было видно его лицо. Оно не выражало никаких чувств. Я не сомневаюсь, что это представление и непристойные размышления о том, что он будет делать, когда мы останемся наедине, были предназначены для того, чтобы повеселить его гарнизон и всех членов семьи Харлана.

Лицо его потемнело, и он снова наклонился, чтобы поцеловать меня. Совсем не думая о прили-

чиях, он одной рукой взял меня за бедра и крепко прижал к себе, а другой — стал нащупывать пуговицы на моей одежде. Как я обрадовалась тогда, что на мне было платье с застежкой на спине! Вдруг он снова быстро убрал руки и повернулся к командиру отделения.

— Отведите эту леди в приготовленные для нее комнаты. Завтра утром в час открытия заседания Совета я собираюсь воспользоваться своей способностью производить потомство.

Утром. Он нарочно выбрал такое время. Избиение в день моей свадьбы. Свадьба с нелюбимым человеком в день моего рождения. А теперь вот это. Возможно, Ричард расскажет Карну о том, что собирается сделать. Он расскажет ему утром, когда Карн будет слишком далеко и слишком занят, чтобы помешать этому. Ведь Карну просто *необходимо* быть на Совете.

Два солдата вышли вперед и взяли меня за руки. Через несколько мгновений я поняла, почему. Они собирались втащить меня в туннель Древних, у входа в который было ясно написано: «Осторожно! Не входить». Еще два солдата стояли около него на страже. В первое мгновение я подумала о сопротивлении. Однако лучше умереть в ловушке, приготовленной Древними, чем в

ловушке, устроенной Ричардом.

Мне не следовало бояться этих ловушек. Солдаты Харлана уже прошли через них и погибли, делая это. Мы миновали одну ловушку — глубокую яму, через которую теперь была положена доска, затем другую — тяжелая плита, падавшая с потолка на свою жертву. Посетителям этого туннеля был уготован камнепад, яма с острыми кольями на дне ее и ловушка, где, по-видимому, орудием убийства была каким-то образом высвобождаемая энергия, так как у жертв, лежавших на полу, на груди была огромная, обуглившаяся по краям дыра. Ричард оставлял людей прямо там, где они погибали. Он и не подумал о том, чтобы похоронить их останки.

Солдаты повернули за угол, и мы оказались в каком-то темном месте. Они укрепили фонарь в специальном креплении на стене, и я увидела, что мы находимся в маленькой комнате, обставленной тяжеловесной, ярко разукрашенной мебелью. На двери было написано мое полное имя, однако в комнате еще недавно кто-то жил. В воздухе еще стоял слабый аромат духов и масла для волос, и у кровати на столике лежала щетка, в которой застряли длинные темные волосы. Скорее всего, комнату оборудовали Древние, так как

непохоже было, чтобы ее выдолбили из камня недавно. Тем не менее я не сомневалась, что это было бы сделано немедленно, если бы только Ричард захотел этого. Непонятно только, для чего использовали эту комнату Древние.

— Ваша комната, миледи, — произнес один из солдат.

Спокойной вам ночи и приятных сновидений, — сказал второй и злобно посмотрел на меня.

Они вышли из комнаты, закрыв за собою дверь, но даже и не подумали запереть ее. Действительно, зачем? Было только два места, куда я могла бы бежать: к Ричарду, где у входа в туннели круглые сутки стояла охрана, или вглубь территории Древних. Пять ловушек, которые я видела своими глазами, красноречиво свидетельствовали о том, что было с теми, кто пытался сделать *это.*

Первое, что я сделала, оставшись одна, — оглядела комнату в поисках оружия, любого оружия: ножа, вилки, бутылки, стеклянного предмета, который можно было разбить, мебели, от которой можно было бы что-нибудь оторвать и использовать в качестве дубинки. Но я не нашла ничего, кроме, пожалуй, мебели. Однако я быстро поняла, что она слишком тяжела и я не смогу ни поднять

ее, ни сломать. Вероятно, смерть в туннеле была все же моим единственным выходом.

Я взяла укрепленный солдатами фонарь и еще раз внимательно осмотрела комнату. Единственной вещью, которую можно было бы использовать как оружие, был засов на внутренней стороне двери, однако я не нашла ничего, чем бы можно было отогнуть державшие его скобы. Я села на кровать. Теперь неминуемо произойдет то, чего я так долго боялась. Мне придется отдаться Ричарду и стать его любовницей.

Часто, когда человек долго пребывает в состоянии страха, в конце концов наступает такой момент, когда сердце перестает учащенно биться, а дыхание становится ровным. Вот и я достигла этого момента. Единственное, что я могла сделать — это броситься в туннель и умереть. Но я не хотела умирать. У нас с Эннисом был ребенок. Я заботилась об Эннисе и уважала его. Я любила свою дочь. Это, должно быть, будет очень трудно для Энниса, но он, возможно, все же сможет полюбить и ребенка Ричарда, раз это будет и мой ребенок. Я знала почти наверняка, что Ричард убил бы Энниса при первой же возможности. Я очень хотела бы полюбить Энниса, как он того заслуживает.

Будет ли наша встреча с Ричардом сильно отличаться от первых двух встреч с Эннисом? Я была уверена в этом. Иначе быть не могло. Эннис делал так, потому что это было нужно его семье с точки зрения генетической выгоды. Ричард хотел только одного: отомстить Халарекам. Эннис был мягким и нежным. Ричард будет Hg таким. Эта встреча с Ричардом, несомненно, будет ужасна. Его поведение ясно говорило об этом. Я могла выбрать смерть в ловушках вместо бесчестья или бесчестье в комнате Ричарда взамен на жизнь. Принять решение гораздо труднее, чем может показаться людям, которые никогда не стояли перед подобным выбором. Такие решения даются легче, если вы не знаете последствий этого выбора.

Я просидела так, наверное, очень долго, не зная, что делать, и уже отчаявшись, как вдруг шум, донесшийся из туннеля, привлек мое внимание. Я выпрямилась и прислушалась. Из туннеля раздавались какие-то крики. Я подбежала к двери и выглянула. В конце туннеля слышалось шипение лучеметов, я снова услышала чей-то пронзительный крик. Через несколько мгновений из темноты вынырнул солдат в синей форме армии Халарека. Он остановился прямо у моей двери. Я уставилась на него, не веря своим глазам. Солда-

ты! Здесь наши солдаты!

— Здесь, лорд Ник! — крикнул он через плечо. — С вами все в порядке? — участливо спросил он меня.

Я поняла, что он имел в виду, но смогла только кивнуть, на мгновение потеряв дар речи.

Ник и еще шестеро солдат бежали к нам по туннелю, четверо были одеты в синюю форму Халареков, один — в коричневую форму армии фон Шусса, еще один — в штатском платье. В начале туннеля шло ожесточенное сражение между людьми в зеленой, коричневой и синей форме. Они боролись, стреляли друг в друга, увертывались, быстро наклонялись, уклоняясь от ударов, и падали на пол.

— Идите по одному, — сказал Ник.

Человек в штатском быстро пересек коридор и, опираясь о стену, стал стрелять, целясь в зеленые униформы бегущих по туннелю солдат.

— Можно и так, — произнес солдат из армии фон Шусса, двигаясь по туннелю. — Если мы отступим в комнату леди Катрин, то наши тылы будут защищены, но эти лучеметы испекут нас заживо. В противном случае, мы изжаримся прямо здесь.

Трое остальных растянулись по узкому про-

ходу.

Шестеро харлановских солдат, увидев противника, издали воинственный крик и бросились вперед. Мои защитники начали стрелять. Появился резкий запах озона. Один из солдат Харлана упал. Остальные продолжали отстреливаться. Спасатель армии Халарека пронзительно закричал и медленно сполз по стене на пол. Его рукав обуглился и дымился.

— Стань за мной. — Ник схватил меня за руку и дернул.

Я вырвала руку.

— Не будь дураком, — зарычала я. Никогда еще раньше никто не стрелял в меня, и я была страшно напугана. — Нам нужен боец, а не трус.

Я проползла по туннелю, низко пригибаясь к полу, вытащила станнер из рук убитого спасателя и нож из-за его пояса. Луч, посланный кем-то из лучемета, опалил сзади мою шею. Я упала на холодные камни и стала хлопать по загоревшимся волосам.

— Кит!

— Не беспокойтесь.

Человек в штатском открыл рот, задыхаясь, и согнулся пополам. Его лучемет с грохотом упал на камень.

— Бегите, лорд, — с трудом проговорил он. — Их слишком много. Возьмите леди и бегите!

Солдаты в зеленой форме были уже в четырех или пяти метрах от нас. На таком расстоянии было трудно промахнуться. Ник посмотрел на солдат, потом быстро взглянул через плечо в темноту туннеля.

— Другого пути нет, — сказал солдат, который первым подошел к моей двери. Одна рука его была сильно обожжена и безжизненно висела вдоль тела. — Мы сможем удержать их еще только несколько минут, не больше.

— Контроллер, — пробормотал Ник, коснувшись рукой своего пояса.

Я вспомнила о контроллере Иджила. Никто никогда еще не использовал его. Луч просвистел прямо у моего уха. Ник вздрогнул и выругался. Этот контроллер — никому не известное устройство, к тому же применялось оно в одном из самых опасных мест на Старкере IV. У входа в туннель собралась новая толпа солдат в зеленой форме. Пятеро против такого количества…

— Возьми контроллер. — Ник сунул его мне в руки. — У меня должны быть свободны обе руки. Нажми на эту кнопку и держи до тех пор, пока мы не убежим отсюда или пока они не схватят нас,

если, конечно, эта штука будет работать. — Он оторвал полоску материи от своего мундира, завязал ею фонарик, висевший у него на поясе, и крепко сжал фонарик левой рукой. Затем он выстрелил из своего лучемета вглубь туннеля. Луч света осветил темный проход, однако недостаточно, чтобы мы могли представлять из себя хорошие мишени для нашего противника.

— Вперед! — крикнул он и бросился в туннель. Я нажала на кнопку и последовала за ним. Я не успела спросить его, как я узнаю, что это устройство не работает. Оглянувшись, я увидела, что позади нас завязался бой. У нас больше не было времени. Либо мы должны немедленно скрыться, либо солдаты Харлана схватят нас. Было ясно, что наши не смогут продержаться слишком долго. Возможно, мы попадемся в одну из ловушек. Я закрыла глаза и бросилась в темный туннель, отгоняя от себя мысли о смерти.

Было холодно. Я мчалась так быстро, что мне самой не верилось в это. Кто-то крикнул нам вслед: «Да здравствует Дом Халареков! Бегите!» Этот крик придал мне сил. Я понеслась еще быстрее. Я молилась о том, чтобы ловушки остановили солдат. Воздух в туннеле был затхлый, и в нем повисла пыль, которую мы подняли. Лежавший

на полу толстый слой пыли приглушал наши шаги. Звуки боя позади нас затихли. Пыль забивалась в горло и нос. Я старалась не думать о тех, кто защищал нас. Только бы не споткнуться и не отпустить кнопку контроллера. А что если впереди нам уже была приготовлена ловушка, например, яма. Шаги позади нас были слышны уже совсем близко. Ник крепко сжал зубами ручку фонарика и выстрелил из своего станнера, целясь в наших преследователей. Я быстро взглянула назад, через плечо. Три человека в зеленой форме были совсем рядом. Я споткнулась, и палец соскользнул с кнопки. На мгновение сердце у меня замерло. Однако ничего не произошло: ловушка не открылась у нас под ногами и ничего не упало с потолка. Я слышала тяжелое дыхание солдат Харлана у меня за спиной. Кожа у меня на спине стянулась, как будто они уже схватили меня и царапали своими ногтями. Они не стреляли, так как надеялись еще доставить меня к Ричарду живой.

— Харлан, — выдохнула я, — Близко!

Ник остановился и обернулся, чтобы посмотреть, куда нам бежать.

— Сдерни с фонаря эту тряпку, когда я скажу тебе. Готова?

Я ухватилась за край ткани.

— Да.

— Давай! —приказал Ник.

Я сдернула тряпку. Ник направил фонарь прямо на наших преследователей. Все трое громко вскрикнули и закрыли глаза руками.

— Они ослепли всего на несколько секунд, Ник.

Ник выстрелил четыре раза в туннель, повернулся и побежал. У нас не было времени, чтобы посмотреть, попал ли он в кого-нибудь, к тому же было слишком темно. Я изо всех сил старалась не отставать от него.

Позади нас вдруг зажегся яркий свет, и я услышала чьи-то легкие и быстрые шаги. Мы несколько отдалились от них, и люди Харлана боялись, что действие контроллера больше не распространяется на них. Поэтому они послали вперед быстрого и легкого человека, который был настолько легким или настолько быстрым, что мог пройти через ловушки и не попасть в них. Это довольно известный прием. Я вспомнила случай, когда один человек выжил, находясь в туннеле под большим зданием, только благодаря тому, что его удалось спасти, проделав дырку и спустив ему шест с верхнего этажа. А этот человек, долж-

но быть, был очень смелым, ведь над головой у нас не было ничего, кроме скал. Между нами пролетел луч, пущенный из лучемета. Значит, человек был послан для того, чтобы убить нас! Я споткнулась обо что-то. Другой луч просвистел совсем рядом с нами. Ник тяжело дышал. Этот человек собирался убить Ника!

— Отпусти кнопку! — приказал Ник. — Сейчас же.

Я молча повиновалась. Ник толкнул меня на пол, и в этот самый момент прямо над тем местом, где только что был Ник, снова пронесся луч.

— Этот попал бы точно в цель, — шепнул он мне на ухо.

Раздался скрип, потом какой-то зловещий шум, и сзади, в каком-то метре от нас, с потолка обрушилась огромная каменная плита, и на нас посыпалось множество ее осколков. Через секунду прямо перед нами с грохотом упала еще одна плита. Мы крепко прижались друг к другу и сидели не шевелясь, пока не осела кружившаяся вокруг нас многовековая пыль, забивавшаяся в глаза, рот и не дававшая нам дышать. Последний камень звонко ударился о большую плиту и с глухим звуком упал на пыльный пол. Пыль медленно оседала. Было темно, только у края

плиты, лежавшей за нами, виднелось красноватое сияние. Я направила туда наш фонарь. Из-под обломков каменной плиты торчал локоть солдата. Сияние это исходило от фонаря или лучемета, который он держал в руке. Как же близко от нас находился солдат Харлана! *Он* был мертв. *Мы* попали в ловушку, что, вероятно, было то же самое.

Глава пятнадцатая

На небе зажигались первые звезды, когда Карн со своими войсками появился над Бревеном. У Дома Уединения не были предусмотрены огни для ночной посадки, потому что паломники и люди, работавшие в этом Доме, никогда не прилетали ночью. И Карн надеялся, что его флайеры никто не заметит. Карн облетел вокруг темного, огороженного со всех сторон, Дома Уединения, немного снизившись над парком. То тут, то там из окна все же выбивалась яркая полоска желтого света. Карн повернул к Локу и пролетел над лесом так низко, как только мог позволить себе. Он надеялся разглядеть в сгущающейся темноте людей Винтера, одетых в белую униформу, которые должны были тоже высадиться здесь.

— Там. Слева, — говорил Карн по внутреннему связному устройству.

На большой поляне Карн увидел белый прямоугольник — это была белая одежда людей Винтера. Когда Карн пролетал над этой поляной, кто-то на мгновение осветил ее своим фонарем. Карн быстро пробормотал молитву и осторожно направил свой флайер в сторону посадочной пло-

щадки. Он почувствовал резкий толчок. Флайер медленно пополз по земле. Из-под ближайших деревьев в полной темноте к нему бежали люди. Они просунули большие крюки в специальные петли на флайере и потащили в лес, пряча его там и одновременно освобождая место для приземления следующего флайера. И для людей, сидящих во флайере, и для людей, находящихся на земле, это было очень опасно — приземляться в темноте на такой маленькой площадке. Однако другого выхода у них не было.

Никто в Бревене ничего не слышал и не поднял тревогу. Восемь дней спустя после наступления темноты в палатку Карна вбежал человек в одежде священника. Он тяжело дышал и еле стоял на ногах.

— Цыгане, лорд Карн! На заходе солнца. Убили солдат Харлана! Исчезли!

— На заходе солнца? — В голосе Карна ясно послышались нотки сомнения.

— Мой… мой лорд, — человек рухнул на стул и уронил голову. Карну пришлось согнуться, чтобы дослушать сообщение до конца. Мой лорд, я не мог прилететь на флиттере. Его бы заметили.

Он замолчал, все еще продолжая задыхаться.

Карну удавалось сдерживать свое нетерпение

с большим трудом. В нем как бы жили два человека. Один все время твердил: Кит, Кит, Кит… Другой говорил, что этот человек страшно устал, и ему нужно дать отдохнуть.

— Я бежал всю дорогу, милорд. Люди Харлана нашли нового священника. Через несколько часов после того, что сделали цыгане.

Карн кивнул.

— Теперь я понял. Вы очень хорошо сделали, что сообщили мне. А сейчас поешьте и отдохните.

Не успел еще человек выйти из палатки, как Ник повернулся к Карну и твердо сказал:

— Возьми столько людей, сколько можешь, и начнем наступление!

Одного взгляда на Ника было достаточно, чтобы Карн понял: даже если он не пойдет, Ник сам соберет людей и атакует Дом Уединения. Карн снял с пояса свой фонарь, осветил им лицо Ника, потом крикнул:

— Да здравствует Дом Халареков! Спасатели, ко мне!

— Солдаты фон Шуссов! Ко мне! Ко мне! — закричал Ник.

Люди Халарека похватали свое снаряжение и бросились бежать к флайерам. Карн всегда мог

рассчитывать на своих спасателей: у них были все необходимые инструменты.

— Леди Катрин в плену у Харлана! — снова закричал Карн.

Люди Халарека возмущенно зашумели, скоро шум перерос в грозный рев. Карн знал, что Ник сам хотел командовать наступлением, поэтому Карн стал быстро отдавать приказания, желая, чтобы люди слушались именно *его.* Ник слишком влюблен в Кит, чтобы быть сейчас хорошим командиром. Когда же они проникнут в Дом Уединения, то там командование всеми войсками возьмет на себя Винтер. Это было решено заранее. Ник побежал к флиттеру, как только первый его солдат взялся за оружие. Остальные люди фон Шусса немедленно последовали его примеру. Карн тихо выругался.

Карн разыскал в толпе Винтера и жестом показал, что пора наступать. Он надеялся успеть вовремя и не допустить, чтобы Ричард причинил вред Кит или Ник причинил вред Ричарду. По существующим в этом мире законам вражды Ник вообще не имел права вмешиваться. Причинить Харлану вред или, хуже того, убить его без официального предупреждения означало бы начало вражды между Домами фон Шусса и Харлана.

Существовала и другая, еще более важная причина, чтобы оставить Ричарда в живых: Ричард предпочел бы умереть любой, пусть даже самой страшной, смертью, чем жить узником в Бревене. Это была бы самая лучшая месть, которую только Карн мог придумать. Иджил сам убедился в этом, когда Ричард, не желая возвращаться в Бревен, всячески издевался над ним и оскорблял его, надеясь спровоцировать Иджила на убийство.

Между тем, все шло нормально. Они миновали озеро Святого Павла, и скоро под ними появился Бревен. Через несколько минут флайеры приземлились у высокой стены, окружавшей Дом Уединения. Главные ворота были открыты. Карн видел, как Винтер вместе со своими солдатами ворвался в эти ворота и бросился во двор. Когда же сам Карн через несколько минут появился во дворе, то все, включая Ника и его солдат, уже ждали его. На мгновение Карн почувствовал облегчение: он боялся, что безрассудство и нетерпение Ника толкнет его на необдуманные действия.

Винтер кивнул головой в сторону лестницы:

— Я пошлю первое отделение фон Шусса и первое отделение Халарека наверх, милорд. Вы и лорд Николас пойдете вниз с остальными. Там

потребуются лорды Семей. Вы позаботитесь о наследнике Харланов. Я буду следить за ходом сражения.

Он замолчал, ожидая возражений от Карна или Ника, но так как их не последовало, он повернулся к солдатам и стал отдавать приказания.

— Идите тихо. Вежливо разбудите аббата и не выпускайте его никуда из своих покоев. Следите, чтобы он ни с кем не разговаривал и никому не сигнализировал о происходящем.

Карн заметил, что несколько солдат, стоявших возле него, улыбнулись. Он тоже представил себе удивление аббата, когда его разбудят, да еще разбудят потому, что пришла расплата за его преступления.

Тем временем Винтер продолжал:

— Остальные следуйте за мной в покои Ричарда Харлана, на два уровня вниз. Достаньте свое оружие и держите его наготове.

Карн обернулся. Ник вместе со своим отделением уже ушел. Карн и Винтер последовали за ним. А за ними двинулись остальные солдаты, стараясь идти быстро и тихо, хотя были увешаны всевозможным снаряжением, которое грохотало и звенело и которое они придерживали одной рукой, чтобы приглушить этот шум. Карн оста-

новился на последней ступеньке и поднял руку. Ник понял этот жест, тоже остановился и подождал остальных. Когда шум немного утих, Карн выглянул в коридор. У входа в холл, ведущий в комнаты Ричарда, по-прежнему стояли два охранника. Мой лорд, — сказал Винтер.

Карн повернулся к людям, стоявшим на лестнице, и сказал им тихо, но так, чтобы все слышали:

— Помните, вы не должны причинить герцогу никакого вреда. Я хочу отомстить ему по-другому: пусть он проведет в заключении еще семь лет. *Так* будет гораздо лучше.

Карн посмотрел на своих спасателей и, протянув руку в сторону охранников, приказал:

— Возьмите их.

Солдаты сняли свои ремни с тяжелым снаряжением, взяли только ножи и, бесшумно передвигаясь вдоль стены, в конце которой стояли охранники, быстро направились к ним. На полдороге они остановились и прислушались. Карн поймал себя на мысли, что ему очень бы не хотелось, чтобы охранники посмотрели сейчас в сторону лестницы. Спасатели в коридоре снова двинулись вперед. Неожиданно они резко рванулись вперед. Каждый схватил по одному охраннику и без единого звука перерезал ему гор-

ло. Затем они быстро встали на их место у входа в коридор и кивнули стоявшим на лестнице.

— Хорошо, — тихо сказал Винтер, ни к кому не обращаясь. — Хорошая работа! — Потом посмотрел на Карна и уже громче произнес: — Вы с лордом Николасом позаботьтесь о лорде Ричарде. Это ваше дело. А я позабочусь об остальных.

Карн кивнул.

— Я пойду искать Кит, шепнул Ник на ухо Карну. — Если она и Ричард уже не… Ник запнулся, потом сказал: — Ее комната находится в туннеле. Дай мне контроллер для ловушек.

Должно быть, Ник заметил выразившееся на лице Карна удивление даже в этом полутемном коридоре, потому что резко произнес:

— Что если она в комнате, на дверях которой написано ее имя? Дай нам шанс, Карн, если мы попадемся там в ловушку!

Карн хотел возразить, но на это не было времени. В любой момент кто-нибудь мог выйти из комнат Ричарда или спуститься по лестнице. Он протянул Нику контроллер.

Винтер повернулся к солдатам, стоявшим на лестнице:

— Постарайтесь, чтобы ваше снаряжение не звенело. Мы должны застать их врасплох.

Винтер медленно повел своих солдат. Они добрались до бокового коридора, никем не замеченные. Тогда вперед вышли два спасателя. Они бесшумно повернули за угол и бросились к дверям, охраняемым священниками. Два молодых человека наблюдали через открытую дверь за тем, что происходило в комнате, так что спасателям удалось ликвидировать их без малейшего звука. В тот же момент Карн и Ник ринулись в комнату. Ричард играл в шахматы с одним из своих командиров отделений. Он вскочил на ноги, перевернув маленький столик и разбросав по полу шахматные фигуры. Его лицо сначала побледнело, потом покрылось красными пятнами. В какую-то долю секунды Ричард понял, что произошло, и стал громко звать своих людей, а Карн увидел, что Кит не было в комнате. Люди Халарека и фон Шусса устремились в покои Харлана.

— Ее здесь нет! — громко закричал Карн Нику, боровшемуся у дверей с мускулистым человеком в зеленой форме.

Карн ринулся в бой, пытаясь пробиться к Ричарду. Из примыкающей комнаты появились телохранители Ричарда, и из коридора в комнату хлынули солдаты Харлана. В ход пошли ножи, станнеры, люди боролись врукопашную,

но никто не использовал лучеметы. Ими просто невозможно пользоваться в близком бою: в комнатах мог бы начаться пожар, и, кроме того, лучеметы могли причинить огромный вред не только врагам, но и друзьям. Карн был со всех сторон окружен врагами и не мог больше продолжать поиски Кит.

Карн увернулся от одного удара ножа, отразил другой, избежал удара откуда-то сбоку. Он прикрепил станнер у себя на поясе, схватил за ногу нападавшего и дернул за нее. Тот с громким криком свалился на пол под ноги сражавшимся. В комнату ворвалось новое отделение и бросилось на помощь Харлану. Во главе его был крупный, плотного телосложения префет. Он изо всех сил ударил Карна в грудь своим тяжелым кулаком. Карн пошатнулся. Префет фон Шусса поддержал его и воткнул свой нож в огромного солдата из армии Харлана. Со всех сторон раздавались крики, шум и стоны раненых. Молодой солдат в зеленой форме прицелился из своего станнера в человека фон Шусса, но один из спасателей Халарека толкнул харлановского солдата прямо под пущенный из лучемета луч. Тот упал замертво, не издав ни единого звука. Карн быстро перескакивал через тела мертвых и еще живых людей и бросался

на помощь людям фон Шусса. Вдруг он почувствовал боль в левом боку: луч станнера слегка задел его. Человек, находившийся в этот момент рядом с ним, упал на спину и остался лежать на полу, уставившись в потолок широко открытыми невидящими глазами. Карн развернулся, дернул на себя станнер, который держал человек Харлана, и попытался вырвать его из рук солдата. Тот постарался подставить Карну подножку. Несколько минут они яростно боролись. Карну пока удавалось удерживать равновесие, но тут у них под ногами оказались двое дерущихся, и они тоже упали, сцепившись и увлекая друг друга на пол. Падая, Карн увидел, как Ник быстро влетел в соседнюю комнату и почти так же быстро выскочил оттуда. Кит там тоже не было.

На мгновение Карн ослабил хватку. Солдат вывернул ему руку и приставил станнер к его груди. Даже если бы это оружие было настроено сейчас только на то, чтобы оглушить, все равно, находясь так близко от сердца, оно бы убило его. Весь мир сузился для Карна, превратившись в крошечное пространство, в котором он боролся с молодым солдатом за обладание станнером. Солдат все сильнее и сильнее прижимал палец Карна к спусковому крючку. Какой-то человек

в золотисто-коричневой форме споткнулся о локоть солдата и упал прямо на них. Станнер, соскользнув, прижался к животу Карна, и оба они на мгновение растерялись.

Карн опомнился первым. Он быстро перевернулся и оказался сверху, над своим противником, который в тот же момент выстрелил. Карн почувствовал, что луч станнера коснулся его ноги: правое колено и пальцы сразу же онемели. Он заметил также, что еще три-четыре человека упали, пораженные этим лучом. Карн, прижимая своего противника к полу, выхватил нож, ударил солдата между ребер и слегка повернул нож, что, как говорил Винтер, всегда приводило к смертельному исходу.

Карн попытался встать на ноги. Правое колено и нога не слушались его, и он снова упал на лежавших на полу людей. Прямо над ним просвистел луч. Он прошел сквозь солдата фон Шусса и оставил за ним на стене большой темный след. Карн стал искать глазами стрелявшего. Ричард стоял у открытой двери с лучеметом в руках. Он крутил головой из стороны в сторону, пытаясь снова найти Карна.

«Он видит, что скоро ему придет конец, и хочет прикончить меня первым, — подумал Карн. —

Это ему не удастся».

Карн медленно пополз к Ричарду, припадая к полу или, при необходимости, уступая кому-нибудь дорогу, откатываясь в сторону. Если бы он мог незаметно подползти к Ричарду на расстояние нескольких шагов, ему, вероятно, удалось бы выхватить у него из рук лучемет. Ричарду не пришло бы в голову искать его на полу. Карн чувствовал боль и покалывание в онемевшей ноге. Это был хороший признак. Возможно, нога скоро отойдет, и он сможет встать. Если Ричард не найдет Карна, он будет продолжать стрелять в людей из лучемета, пока в комнате не станет слишком жарко. Карну казалось, что кожа на рубцах у него на спине снова стянулась — на тех самых рубцах, которые остались у него на теле после того, как человек Харлана пытался убить Карна в Онтаре. Ричарда нужно остановить. Нельзя допустить, чтобы кто-нибудь еще прошел через такие страдания.

Карн встал на четвереньки, шатаясь и с трудом опираясь на правое колено. Он был уже в двух метрах от Ричарда, позади него. По законам чести Карн должен был бы сказать своему противнику, что он здесь. В конце концов, герцог Харлан не был простым солдатом. В то же время, здравый

смысл и чувство самосохранения требовали, чтобы он, прежде чем что-либо сказать, приблизился к Ричарду еще ближе. Наконец он остановился, глубоко вздохнул и приготовился к прыжку.

Одну секунду. Колено должно выдержать только одну секунду.

— Ричард Харлан, я здесь! — выкрикнул он и рванулся к руке, в которой Ричард держал ружье.

Ричард резко развернулся, поливая огнем всех вокруг. Карн наклонил голову, быстро приблизился к нему, схватил сбоку ружье и резко согнул руку Ричарда к предплечью. Ричард повернулся, чтобы схватить Карна свободной рукой, однако рука, державшая ружье, невольно разжалась. Карн услышал стоны обожженных людей, и это придало ему сил. Он увернулся от Ричарда, отпрянув назад, а тот, продолжая по инерции двигаться вперед, со всего размаха ударился лицом об стену. Карн почувствовал удовлетворение, услышав этот звонкий шлепок. Он был бы очень рад, если б Ричард сильно разбил свой тонкий, длинный, красивый, аристократический нос, которым так гордились все в семье Харланов. Карн вывернул назад другую руку Ричарда и связал обе тонкой, прочной веревкой, входившей в комплект его

снаряжения.

Впервые после начала этого боя Карн почувствовал, как он устал. Он тяжело дышал. По ноге текла кровь. От ожога вся левая рука его горела, словно охваченная огнем. Он не знал о том, что ранен. Карн встал, опираясь о стену, и огляделся вокруг. В комнате оставалось всего несколько человек в зеленой форме, гораздо меньше, чем в синей или коричневой. Они выиграли — фон Шусс и Халарек! Карн снова осмотрел комнату. Много неподвижных тел, лежавших на полу, также были одеты в синюю и коричневую форму. Какой ценой они достигли победы? Этот вопрос он всегда задавал себе, хотя хорошо знал, что из-за этого многие считали его плохим командиром.

Карн крикнул своим людям, все еще продолжавшим сражаться:

— Хватит! Мы победили! Харлан связан.

Бой сразу же прекратился. Люди стояли, тяжело дыша и ожидая приказания. Карн кивнул четырем спасателям.

— Отведите герцога в свободную комнату, принесите ему еду, заприте комнату и останьтесь охранять его. Вы отвечаете за него головой. Я должен сообщить на Совете об этой битве и о том, что мы сделали с Харланом. Который теперь час?

— Сегодня пятнадцатое адена, два часа, милорд, — ответил один из спасателей.

О господи! — Карн огляделся по сторонам, — Где лорд Николас?

— Он узнал, что леди Катрин находится в туннеле, милорд, — спасатель кивнул в сторону туннеля, — он сказал, что найдет ее и вернется вместе с ней.

— Он взял с собой шесть солдат, милорд, — сказал другой спасатель.

Мгновение Карн колебался. В хорошую погоду из Бревена до посадочной площадки Мирового Совета можно было долететь за восемь часов. Если он вылетит сейчас же, то прибудет туда прямо к началу заседания.

— Что еще нужно сделать? — спросил он спасателей.

Те пожали плечами.

— У нас и так было много работы, милорд.

Карн не знал, когда именно было запланировано на Совете его выступление, в котором он собирался внести предложение о заключении Ричарда под стражу и смещении аббата. Как бы ему хотелось самому пойти на поиски Кит…

Надо было отправляться на Совет. Ник, хоть он и ослеплен своими чувствами, сам в состоянии

справиться с этой задачей. Он уже взял с собой столько людей, сколько мог отвлечь от основной битвы. Он сможет сам найти Кит без помощи Карна. Ричард будет находиться в заключении, по крайней мере, до тех пор, пока Совет не объявит об отсрочке выполнения этого приговора. Эннис подтвердит нарушение Ричардом решения Совета и его попытку нарушить действующий среди членов Девяти Семей закон о наследственности. Эннису потребуется хорошая охрана, но Ван, должно быть, уже позаботился об этом.

Я должен доверять людям, выполняющим свои обязанности. Я должен доверять моим офицерам, выполняющим мои приказы. Я должен верить в то, что у Ника и Кит все будет в порядке.

Карн посмотрел на стоявшего рядом с ним капитана спасателей.

— Уведите герцога. Можете поступить с остальными людьми Харлана так, как считаете нужным. Со всеми вопросами, если они появятся, обращайтесь к генералу Винтеру. Мне нужно лететь на заседание Совета.

Карн, прихрамывая, прошел по коридору и поднялся по лестнице. У него даже не было времени, чтобы попросить спасателей оказать ему медицинскую помощь.

Карн вышел во двор. На мгновение он остановился, глубоко вздохнул, расправил плечи, потом забрался в свой флиттер, быстро поднялся в воздух и взял курс на здание Совета. Его мучило ощущение вины. Близкие ему люди сражались сейчас в туннеле, а он бросил их. Да, он дезертировал. Карн пытался убедить себя, что оставил Бревен и Кит в надежных руках, но чувство вины не покидало его.

Усилием воли Карн заставил себя отвлечься от этих мыслей и подумать о предстоящем заседании Совета и о том, как он должен там вести себя.

Усталость и боль от полученных ран навалились на него. Руки вспотели и скользили по рулевому колесу. Карн до боли сжал зубы. Он обязательно должен выиграть и эту битву на Совете!

Глава шестнадцатая

Карн без приключений приземлился вблизи здания Совета. Выпростав из кабины негнущиеся ноги, он кое-как выбрался на крыло флиттера. Снова мелькнула мысль, что было бы неплохо заняться своими ранами, но здесь, в Совете, эти зримые следы сражения под Бревеном приобрели политическую ценность именно в своей первозданности.

В здании Совета люди в разноцветной форме Домов и Вольного города суетились на фоне голубых мозаичных панелей. Воздух, густо пропитанный запахами сырой шерсти, военной формы, обувного крема, сапог и парфюмерии, звенел от голосов. Публика обсуждала последние политические события.

Карн захромал к центральному входу в зал Советов.

Сотник в форме Макнисов перехватил взгляд Карна и кивком пригласил следовать за собой к лифту на нижние уровни. Карн двинулся за ним, не спуская руки со своего станнера. Форму одного из Домов или Города нетрудно купить, а то и просто украсть. Он и сам такое проделывал.

Только когда дверь лифта захлопнулась, сотник показал Карну детский башмачок.

— Его владелец чувствует себя хорошо, — пробурчал он. По его вспыхнувшему лицу и тому, как он отводил глаза, избегая встретиться взглядом с Карном, было видно, что ему страшно неловко предъявлять столь неподобающий вояке пароль. — Его отец тоже в безопасности. Он внизу и, если потребуется, поднимется, как договорились, в зал.

Для безопасности Энниса и Нарры было крайне важно, чтобы о месте их пребывания знало как можно меньше людей, поэтому Карн договорился с Ваном, что без необходимости Эннис не покинет свое убежище.

Ван, направив своего связного, проявлял любезность. И этот последний должен был быть человеком Макнисов. Ни один уважающий себя шпион не додумался бы до такого бабьего пароля.

Эннис ожидал в одной из тех роскошных комнат, Которые Совет содержал специально для своих «гостей». Он был бледен, лицо неестественно напряжено. Карну некогда самому пришлось пережить немало жутких часов в такой комнате, и лишь позднее он узнал, что его заключали туда

ради его же безопасности. Он приветствовал Энниса и выразил ему свою глубокую признательность за то, что тот собирался сделать для Кит и Нарры. Такая сентиментальность была не в характере людей Гхарра, но Карн считал, что должен произнести эти слова, хотя ему пришлось с трудом выдавливать их из себя. Он лишь надеялся, что это не уронило его в глазах Вана и его связного. Карн торопился и, рассказав коротко Эннису о стычке в Бревене и об исчезновении Кит в туннеле Древних, поспешил проститься.

Он отправился обратно в зал Совета. С этого момента до открытия заседания он наблюдал за главным входом в зал, отмечая в памяти всех возможных союзников, появлявшихся в дверях. Считалось, что глубокий голубой тон мозаик должен успокаивать, но сегодня это лекарство на него не действовало. Слишком многое зависело от исхода голосования. Карн снова и снова прокручивал в голове речь, которую должен был произнести. Он очень надеялся, что Эннис, сейчас тщательно охраняемый, найдет в себе силы, если понадобится, оставить укрытие и предстать перед Советом. Более того, он надеялся, что Эннис не умрет прежде, чем закончит свои показания. Одно убийство в Совете уже совершилось. По-

следнее ли?

Тяжелая рука опустилась на его плечо. Карн оглянулся. Слабая улыбка тронула его лицо, когда он увидел перед собой пухловатого, лысеющего человека в коричнево-золотом.

— Мир вашему дому, барон. — Обратив таким образом на себя внимание, барон опустил руку.

— Как и вашему, Карн, как дела?

— Святые спасители, хотел бы знать. Слишком многие Свободные считают надругательство над законом, творимое Ричардом, «семейным делом» или предметом забот для Пути, но никак не для них самих. Если большинство Свободных не пойдет за нами, мы проиграли.

Бросив на Карна печальный взгляд, барон похлопал его по плечу и поспешил к входу. Четверка фанфаристов в красной униформе Совета протрубила сигнал к открытию заседания, и публика, оставшаяся в холле, потекла в зал.

Карн в последний раз проверил самые слабые звенья в своей коалиции, напомнил Гарету, оставшемуся у дверей, что тот должен по знаку привести снизу Энниса, затем вошел в зал, спустился по проходу между секторами Джастина и Халарека к своему месту за главным столом своего Дома. Тан Орконан уже сидел в полной

готовности, аккуратно разложив перед собой принадлежности для письма. Постепенно и другие лорды Девятки расположились за своими столами вместе с секретарями, управляющими и наследниками. Братья, родные и двоюродные, сыновья, другие родственники по мужской линии, принадлежавшие к каждому Дому, заполняли ряды сидений, расположенные секторами позади столов каждого из лордов.

В другой половине зала Свободные и люди из малых Домов заполняли свои секторы. Карн снова напомнил себе, что успех зависит от Свободных и от малых Домов, но не от Девятки. Благодарение Богу, не от Девятки!

Опять пропели фанфары, а Председатель прошествовал к полированному столу в центре зала.

— Председатель Гашен, Вольный город Ниран, — возгласил человек в красном.

Председатель Гашен оглядел ряды скамей, убедившись, что большая часть мест занята, он кивнул и опустился в свое кресло.

— Летняя сессия Совета Старкера IV открыта. Я попрошу секретаря огласить повестку.

Согласно Повестке, сессия должна была обсудить спор между Домом Макниса и Домом Ката об

участке пахотной земли, новый проект торгового соглашения между Старкером IV и Гильдией, утвердить в правах новых наследников в семи малых Домах, рассмотреть просьбу направить солдат Совета в Бревен, чтобы добиться исполнения вынесенного Советом приговора, и петицию Лондорской торговой ассоциации шерстяной торговли. Последний пункт был встречен глухим ворчанием в секторе Свободного Города Йорк, впрочем, быстро затихшим после строгого взгляда Гашена в ту сторону.

«Почти в самом конце», — подумал Карн. Вопрос об аббате и приговор Ричарду стоит одним из последних. Ну что ж, быть может, к тому времени члены Совета устанут от препирательств и будут более чутки к доводам.

Дебаты по разным пунктам повестки все тянулись и тянулись. Карн почувствовал, что не может усидеть на месте, как мальчишка на проповеди. Когда наконец Председатель объявил: «Предложения относительно Бревена», Карн вдруг заметил, что у него вспотели ладони. Ведь он выступал здесь не только против сторонников Харлана, но и против тех ревнителей традиций среди исследователей Пути, которые никогда не поддержат каких-либо действий Совета против

аббата.

Он стоял и в каком-то уголке своего сознания еще и еще раз взвешивал каждое слово своей речи. В то же время внимание его было направлено на аудиторию. Нельзя было допустить, чтобы его слова оставили равнодушными кого-либо из тех, на кого он рассчитывал. Пока все они были в зале, когда Гашен снова постучал, призывая Совет к порядку, Карн вышел на площадку в центре зала перед председательским столом.

— Господин Председатель, — начал он, и, обернувшись, поклонился Гашену. — Лорды и Свободные, — он обежал глазами весь опоясанный секторами зал Совета. — Мое… наше предложение, как гласит повестка, состоит из двух частей. Николь, наследник Дома фон Шусса, и я, Карн, Лхарр из Халарека, просим Совет Старкера IV добиться исполнения своего собственного приговора в отношении Ричарда, герцога-претендента из Дома Харлана I, и, используя для того все необходимые средства, содержать его в одиночном заключении. Лорд Николь и я в этом году совершили паломничество в Бревен. Мы видели собственными глазами, что Ричард Харлан живет в роскоши, занимая огромное помещение на нижнем уровне Бревена, и предается развлечени-

ям вместе со своими вассалами и друзьями. Такой образ жизни не подобает узнику, совершившему преступление. Это мало похоже на одиночное заключение. Мы все это видели своими глазами. Если не добиться исполнения приговора, то он останется пустым звуком. Ричард с тем же успехом мог бы жить и дома.

— Никогда! — загудели голоса малых Домов.

— А где же тогда фон Шусс? — съехидничал кто-то в задних рядах сектора Кингсленда.

Карн продолжал, не обращая внимания на выкрики.

— Мы также просим Совет сместить аббата за пренебрежение своими обязанностями и, прежде всего, за то, что он позволил Ричарду Харлану спать в роскошном жилище и развлекаться, с кем он пожелает. К тому же, он вообще благоволит родовой знати, раздавая ей просторные, богато обставленные жилища. Этим он нарушает все заповеди Пути, направленные против сословных и имущественных различий. — Стоило Карну упомянуть об исполнении приговора, как в зале поднялся ропот. Он знал, что это предложение многим придется не по вкусу. Дом Харланов был слишком могущественным. Множество родственных связей соединяло его с другими Домами.

Когда Карн рассказывал о роскоши, окружающей Ричарда, многие уже говорили во весь голос, а когда он обвинил аббата, перечислив нарушенные им заповеди Пути, шум перерос в рев. Карну пришлось подождать, пока председательский молоток не утихомирит собравшихся. Если бы знать, что выражают эти голоса: сочувствие или осуждение?

Следующее свое разоблачение Карн сделал в расчете на Свободных. От Дюваля он знал, что Свободные придерживаются гораздо более строгих моральных норм, чем лорды Старкера IV вообще и, в особенности, лорды Девятки. Это разоблачение должно было задеть их за живое.

— Я сказал, что Ричард живет в роскоши и живет не один. Но я не сказал еще другого. У него есть наложница. Вы слышите, лорды и Свободные? Женщина в Бревене! — В этот раз Карн не стал дожидаться, пока стихнет возмущенный гул (теперь уже, вне всякого сомнения, исходивший из сектора Свободных), и возвысил голос: — Это достаточно скверно само по себе; вдумайтесь — ведь это аббат допустил такое кощунство! Но вчера… вчера Ричард Харлан похитил и увел в Бревен мою сестру Катрин, которая замужем за его собственным кузеном Эннисом, чтобы сде-

лать ее наложницей.

Зал взорвался неистовым ревом. Люди пришли в движение. Мораль Свободных осуждала падших женщин вообще, но нарушение супружеской верности считалось куда большим грехом, не говоря уже о том, что женщина принуждалась к этому против своей воли.

Прихрамывая, Карн выбрался из-за своего стола.

— Взгляните, Лорды и Свободные, взгляните на мои раны. — Он медленно повернулся, чтобы все присутствующие увидели окровавленную штанину и покрасневшую и сочившуюся кожу на обожженной руке. — Дом Халарека и Дом фон Шусса совершили вылазку прошлой ночью в закрытые кварталы Бревена. Я ранен. Во всех трех Домах много погибших. — Карну пришлось опять возвысить голос — гул возмущения усиливался. — Видеть в Бревене солдат мне хочется не больше вашего, Лорды и Свободные. Но что делать? Солдаты Харлана надежно защищают лорда Ричарда. И у него в руках моя сестра.

Голоса в зале зазвучали еще громче, их тон изменился. Перекрывая этот шум, разносились слова Карна. Наконец-то он дал волю своему гневу и своему отчаянию.

— Там моя сестра, Лорды и Свободные, моя сестра! Ричарду для забавы. Честная жена его собственного брата.

Крики и топот сотрясали зал. Люди вскакивали на скамьи, потрясая кулаками в сторону секторов Харлана и Одоннела; толпа заполнила проходы. Самоуверенная улыбка сошла с лица Гаррена Одоннела. На лбу обозначились морщины. Лорд Марк, делегат от добровольных вассалов Харлана, поднялся было, чтобы взять слово, но тут же уселся обратно. Гашен снова и снова и потом еще и еще раз опускал свой председательский молоток.

— Ставится предложение Халарека, — его голос терялся среди бушующего урагана. — Хочет ли кто-нибудь высказаться до голосования?..

Это была обычная формальность. Шум лишь слегка затих, но общее возбуждение не спало. Наследник Дома Гормсби, представительный мужчина средних лет, степенно поднялся со своего места.

— Мы должны рассмотреть вопрос исключительной важности для нашего мира. Герцог Харлан могущественный человек, опасно становиться на его пути…

Граф Джастин обернулся и взглядом заставил

его замолчать. Помедлив мгновение, молодой человек уселся на место, демонстрируя всем своим видом, что не испытывает раскаяния.

— Лорд Меер, на выступление дается восемь минут, а у вас остается одна. Прошу вас высказываться по существу.

Наследник чуть не задохнулся от обиды.

— Я хотел только сказать, что обсуждать проблемы Бревена не дело простых смертных, этим должна заниматься верховная сессия Пути.

— Позвольте одно замечание, — Свободный из Лока поднялся на возвышение для ораторов посреди прохода. Гашен взглянул на него.

— Прошу вас, Председатель Гашен, позвольте напомнить, что Совет всегда имел право смещать аббатов и даже епископов, которые нарушают свой долг.

— Принято. Кто-нибудь еще? — Свободные один за другим принялись вскакивать со своих мест, как капельки на сковородке.

— Он приговорен к одиночному заключению? Разве он не под стражей?

— Что предпринял аббат в связи с этим делом?

— Где произошло столкновение?

— Каковы потери?

Карн через плечо Глянул на Председателя. Тот

кивком разрешил ему ответить на вопросы.

— Прежде всего о самом главном. Столкновение произошло на нижнем уровне Бревена и в примыкающем к нему туннеле Древних. Лорд Ричард устроил в туннеле жилище для леди Катрин. Его наложница из Лока тоже находится там.

Потери? Я не знаю. Я покинул место сражения, как только оно закончилось, хотя, судя по тому, что воевали в очень тесных кварталах, могу предположить, что большинство участников, по меньшей мере, получило ранения.

Об аббате. Он разделил знать и Свободных, наделил знатных просторными жилищами, роскошной мебелью и предоставил своих послушников для услужения.

Далее Карн описал великолепное помещение, предназначенное Нику. Он продолжал свой рассказ, наблюдая, как ряд за рядом Свободных начинают закипать. Многие вскакивали со своих мест и просили слова. Некоторые даже требовали аббатской головы. Лорды из малых Домов стояли в ярусах и проходах, на возвышениях для ораторов, выкрикивая проклятия в адрес Девятки и размахивая руками, чтобы привлечь внимание Председателя. Эта суматоха вселяла уверенность в Карна. Значит, в других Домах Уединения еще

сохранился порядок. У него не было уверенности в этом. С тех пор, как он вернулся из Болдера, у него не было времени совершить паломничество. Он вернулся к главному столу сектора Халарека и сел на свое место.

Лицо Председателя было мрачно, но, в то же время, во взгляде чувствовалось удовлетворение. Правда, кроме Карна, мало кто следил за выражением его лица. У Гашена были твердые политические убеждения, и он не скрывал их до поры, как маркиз Гормсби. Неожиданное выступление маркиза в поддержку Харлана даже после того, как Ричард совершил убийство в зале Совета, послужило причиной тому, что Свободные и малые Дома впервые проголосовали вместе, навсегда лишив Девятку исключительного права назначать Председателя.

Карн наблюдал за перебранкой Председателя, людей Старой Партии, Свободных и лордов из малых Домов. На этот раз голосование пройдет по его плану. Ричард зашел слишком далеко. Эннис может без опасения вернуться во владения Макниса, нужда в его показаниях отпала, а его пребывание останется не обнаруженным.

Даже страстная речь Гаррена Одоннела, произнесенная под конец, где он защищал право на

месть, какую бы форму она не принимала, была уже не в силах остановить поток. К перерыву Совет успел проголосовать за наложение крупного штрафа на аббата и устранение его от должности сроком на три года. Совет постановил поместить Ричарда в келью вроде тех, где живут отшельники, круглосуточно охраняемую солдатами Совета. Для этого предполагалось отправить в Бревен два отряда, которые должны прибыть к месту назначения сразу, как только удастся их сформировать. Один взвод из тех солдат, что обычно несли службу на территории Совета, выступал незамедлительно для обеспечения порядка. Коалиция победила.

Карн медленно поднялся, тяжело опираясь на крышку стола. Он был уже не в силах радоваться победе, все тело ныло и горело от ран. Усталость после боя, голод, поразивший желудок, напряжение только что закончившегося заседания, оставившего головную боль, отяжелевшие веки — все напоминало ему о двух бессонных ночах. Душа болела от тревоги за судьбу Кит и Ника. У него осталось только одно желание — перекусить, выспаться и отправиться обратно в Бревен. Однако нужно было еще поблагодарить людей и попрощаться.

Он с трудом выпрямился и собрался было уходить. Навстречу ему спешил миниатюрный паж в форме фон Шуссов, пробивая дорогу среди расходившихся членов Совета и не обращая внимания на сыпавшуюся на него ругань и оплеухи. Подойдя, он потянул Карна за рукав.

— Лорд Карн, мой хозяин просит вас прийти. Он хочет сообщить вам нечто очень важное и не предназначенное для чужих ушей. — Он еще раз потянул Карна за рукав. Карн нетерпеливо высвободился.

— Сейчас?

— Немедленно, мой господин, если вам будет так удобно.

Если у барона появились срочные новости, значит, он получил что-то из Бревена. Следуя за пажом, Карн покинул зал и направился в одну из маленьких комнаток для совещаний, окружавших зал по периметру. Барон фон Шусс сидел на жестком старом кресле с прямой спинкой, подперев голову руками. Когда вошел Карн, он даже не пошевелился.

— Произошел обвал. Ловушка в туннеле Древних.

Он этих слов внутри у Карна все сжалось. Лицо свело судорогой. Губы не слушались. Казалось, он

не сможет произнести ни слова.

— Кит? — едва выдавил он из себя. — Ник?

— Никто не знает. — Словно незрячий на звук голоса, барон протянул Карну записку.

Там сообщалось, что все в Доме Уединения слышали и почувствовали, как что-то огромное обрушилось в туннеле. Когда улеглась пыль, солдаты, соблюдая осторожность, проникли в туннель, чтобы выяснить, что произошло. Они обнаружили захлопнувшуюся ловушку с двумя солдатами Харлана, о которой сообщили выжившие свидетели. Пройдя еще несколько сотен метров по ходу туннеля, они натолкнулись на огромный обломок скалы, перегородивший проход. Один из солдат вскарабкался на этот обломок, чтобы поискать проход. Он клялся, что слышал пронзительный свист с другой стороны, но после этого оттуда уже не доносилось ни звука.

В глазах Карна почернело, он ухватился за спинку кресла. Кровь отхлынула от головы, и ему пришлось наклониться, чтобы не упасть. Ему следовало бы все получше разузнать и не использовать непроверенное устройство. Теперь ему нужно пройти через всю эту толпу в коридоре и вернуться в Бревен. Он должен вернуться, ничем не выдав ни своего состояния, ни того от-

чаянного положения, в котором оказался теперь дом Халарека.

По крайней мере, думал он, я смогу выйти отсюда, прислониться к стенке и собраться с силами. Я должен собраться с мыслями уже здесь, до Бревена.

Карн отворил дверь и окунулся в толпу. Те, кто радовался его успеху, похлопывали его по плечу, пожимали руку, высказывали свое восхищение тем, как он спланировал и провел сражение в Совете. Все было почти так же, как тогда, во время первой для него сессии Совета, когда он вернулся домой. Тогда он тоже выиграл сражение с превосходящими силами противника, и ему тоже пришлось прислониться к стене, чтобы прийти в себя. Так же, как и тогда, он сохранял свой обычный вид, сдержанно улыбаясь, посмеиваясь над незатейливыми шутками приятелей, перекидываясь то здесь, то там парой слов до тех пор, пока публика не рассеялась. Наконец остались только он сам, Коорт, Коннор, Макнис и фон Шусс, да еще их секретари, управляющие и прочие служащие.

Арлен Коорт, обменявшись с Карном рукопожатием, будто в забывчивости, не сразу отпустил его руку.

— Это долгая война, Карн, и сегодня было всего

лишь одно из сражений.

— Я знаю, милорд.

— Я понимаю, что слишком долго не мог решиться, но теперь вы можете на меня рассчитывать. Я тоже думаю, что Ричард опасен не только дому Халареков. Сегодняшние дебаты — только начало.

Карн позволил себе едва заметно улыбнуться. Этот высокий и мрачноватый лорд долго не мог решиться стать его союзником. Но зато он уже не изменит.

— Если так, милорд, нам остается положиться на своих друзей и добиваться новых побед.

— Именно так, — Арлен Коорт еще раз пожал ему руку и зашагал к выходу.

Макнис вызвал лифт на нижний уровень, остальная часть группы двинулась к площадке для флайеров.

— Связаться с Бревеном, — пробормотал Карн, — очень важно. — Веки слипались. Какой-то кусок времени провалился в небытие, пока он сообразил, что спит, продолжая передвигать ноги.

— Ты спишь на ходу, Карн, в голосе барона укоризна. — Разве ты сам не чувствуешь? Пусть Тан отведет твой флиттер. Я заберу тебя к себе

и свяжусь с «Домом Уединения», как только мы поднимемся в воздух. Будь благоразумен, сынок. Тебе нужно выспаться.

Чилдрет Коннор взглянул на свой хронометр.

— Уже очень поздно, и никто из нас с утра ничего не ел. Я предлагаю сегодня вам всем воспользоваться гостеприимством моего Дома. — Его улыбка теперь была адресована также и Макнису, который снова присоединился к группе в сопровождении коренастого человека с опущенным на лицо капюшоном. Дюрлен нашел прекрасного повара, а постели в моем доме мягки и теплы.

Карн обдумывал предложение. Вязкие, как мед, мысли медленно текли в его мозгу. Владение Коннора лежит по пути в Бревен, а он так сильно, так отчаянно, так невыносимо устал, слишком устал, чтобы уверенно добраться до цели, к тому же еда, да еще приготовленная Дюрленом. Но чутье подсказывало — нужно торопиться в Бревен.

Фигура в капюшоне негромко откашлялась. Послышался хриплый глоток, в котором можно было угадать голос Энниса лишь зная, что он поблизости.

— Мне придется отказаться. Моя жена в опасности.

Группа смущенно замолчала. Гостеприимство

Чилдрета было общеизвестно. Эннис повернулся к Карну.

— Если я подхожу вам в качестве пилота, я к вашим услугам, милорд. Вы можете быстро и в безопасности добраться до Бревена.

Карну не хотелось отправляться в путь с человеком из враждебного клана. Правда, он был мужем его сестры (насколько неохотно Кит выходила замуж, это уже другое дело). К тому же, жизнь Энниса в Бревене и по пути туда подвергалась куда большей опасности, чем его собственная. Эннис не будет ему опасен, а с его помощью он через несколько часов будет в Бревене.

— Спасибо, — ответил Карн, намеренно не называя Энниса по имени; затем, как бы извиняясь, взглянул на барона. — Мир вашим Домам. — Поклонившись всей компании, он зашагал вслед за Эннисом к площади, где их ожидал флиттер Макниса. Взглянув на него, Карн отметил про себя его боевую маскировку.

Он прислонился к сиденью, откинулся назад. Веки сами собой опустились. Сначала его мысли бежали все по тому же заколдованному кругу от ловушки Древних к собственному бессилию и усталости. Живы ли Ник и Кит? Могут ли они быть живы? Только свист с другой стороны. А

Эннис? Ему уже наставили рога? Нет? Он очень любит Кит. И Ник любит Кит. И я тоже. Все чепуха и про Ника и про любовь. Любовь все перепутала в его голове. Хотя и в моей тоже. Эннис очень любит Кит. Напрасно. Ведь не только плотская любовь связывает человека по рукам и ногам. Братская тоже. Делает слабым. Враги могут воспользоваться во вред Дому. Любовь к Кит — это брешь в обороне Халареков. Слабое место. Эннис… Ник. Слабое…

У Карна было ощущение, что в этом круговороте мыслей есть что-то важное, что нужно додумать до конца. Но сознание его неудержимо соскальзывало в сон, и у него уже не было сил повернуть обратно.

К тому времени, как флиттер коснулся земли в Бревене, Карн успел проспать несколько часов. Но его избитое тело онемело, и даже ходьба причиняла боль. Пришлось подставить лесенку, чтобы он, как немощный старик, спустился с крыла флайера.

Когда Эннис заметил, что Карн едва передвигается, ему пришлось остановиться.

— Я не могу ждать. Я надеюсь, вы поймете меня. Он посмотрел Карну в глаза. — Вы ведь поймете, правда? Вы должны понять. Когда-нибудь

поймете.

Последние слова, которые Эннис бросил, уже убегая, прозвучали, как пророчество, и заставили Карна внутренне содрогнуться. Он заспешил вслед Эннису, выжимая из себя все, на что был способен, и заклиная на каждом шагу судьбу, чтобы на этот раз все обошлось *без* драки. Ни всегдашней стремительности, ни гибкости в его теле уже не осталось.

То, что он увидел на нижнем уровне, не прибавило радости. Бьющий в глаза свет создавал резкие контрасты. Люди взбирались на обрушившуюся глыбу и старались, по мере сил, разобрать насыпавшуюся сверху кучу камней. Мелкие обломки продолжали стучать по камням, стоило людям внизу пошевелиться. Глубокие черные тени танцевали на стенах. Главный инженер Карна по экстренным работам сообщил, что они ожидают прибытия горноспасателей из Мелевана со специальным оборудованием. Обрушившаяся глыба оказалась настолько прочной, что имеющимися средствами они не смогли обеспечить даже подачу воздуха.

Голос инженера едва пробивался сквозь гудение генератора, снабжавшего энергией прожектора и другое оборудование, однако суть, похоже,

состояла в том, что Орконан уже послал за горняками Мелевана, и они должны прибыть просто потому, что таково распоряжение их верховного лорда. Повсюду, где велись работы, пахло каменистой пылью, сыростью и потом.

Карн смотрел на колышущиеся тени. Нужно сделать так много, а времени так не хватает. Воздух. Сколько его осталось там, за обвалившейся скалой, и насколько его хватит? Эти ловушки так и рассчитаны, чтобы люди в них задыхались. Дом Халарека умирает, и не от руки Харлана, а от давно ушедших Древних. Черной волной накатилось на него отчаяние.

Глава семнадцатая

Пыль тяжело легла на пол и оставила туман в воздухе. Я лучом факела осветила камни со стороны Бревена и со стороны туннеля. И там, и там они были гладкими и немного блестящими. Никаких трещин. Не потерян ни один даже маленький камешек, и лежали они так плотно, что ни малейший лучик света не пробивался с противоположной стороны. Сюда не попадет ни одна струйка свежего воздуха. Тот воздух, который остался в этом крошечном пространстве, был единственным воздухом, которым мы могли дышать. Как долго? Минуты? Часы? Дни? Я не хотела, чтоб это тянулось дни. Лицом к смерти, я не хотела, чтоб она приходила так медленно.

— Оставить свет? — голос Ника был хриплым и дрожал.

Хотела ли я света? Хотели ли мы видеть друг друга умирающими? Вот о чем он спрашивал на самом деле. Или хочу ли я умереть в темноте? Я не знала, чего я хочу. Воздух не просачивался сквозь камни. Нас ждало удушье, как многих до нас. Хватая воздух ртом, с выкатившимися глазами, с пальцами, ободранными до костей о камни — так

умирали в этих ловушках. Только они знали, как они ругались. Мне хотелось ругаться, ругаться и ругаться, чтобы унять панику, от которой дрожало тело и сводило желудок. Воздух казался плотнее, тяжелее дышалось. Я закрыла глаза и попыталась успокоиться.

Воздух уходит не так быстро, говорила я себе. Тебе мерещится. Дыши медленно и спокойно.

— Воздуха хватит на несколько часов, — сказал Ник, будто читая мои мысли. Я открыла глаза, все еще пытаясь унять свою панику.

Ник коснулся моей щеки холодными, подрагивающими пальцами. Затем он поднялся с пола. Он подошел к стене со стороны Бревена. Держа в одной руке факел, другой он тщательно, камень за камнем, стал ощупывать стену с высоты, до которой мог дотянуться, до самого дна. Я знала, что он хоть что-то должен был делать. Я знала, что в этом нет никакого смысла. Древние готовили ловушки, чтобы убивать.

Я уставилась на стену и вспоминала свои мечты, которые были в моей жизни. Муж и дети. Мое собственное небольшое владение. Любовь и признание друзей, семьи, сторонников, когда достигну старости. Что ж, мне не придется состариться.

Я подумала о Нарре. Она навсегда между Харланом и Халареком, без материнского совета и ласки. Эннис и Карн, конечно, дадут ей безопасность. Несмотря на старые фамильные раздоры, я знаю, они будут хранить и оберегать ее. Но никогда я ее не увижу, никогда не обниму, не услышу ее плача или смеха, никогда не увижу ее взрослой…

Я снова закрыла глаза, как будто это могло унять боль. Я слышала шарканье ботинок Ника и стук факела о стену и затем тихую брань. Я взглянула на него. Он стоял перед стеной туннеля, и левая рука его уперлась в камень, будто пытаясь выдавить его со своего места. Его неровное дыхание прерывало поток брани. Он повернулся и опустился на пол, перестав ругаться.

— Трещин нет. Ни одной, — прошептал он. Его голос осекся. — Мы погибли.

Погибли. Погибли. Погибли. Слово стучало в моем мозгу, как барабан. Это не было ночным кошмаром. Это было наяву. Надежды не было. Только медленное удушье. Опять воздух показался плотнее. Может быть, старания Ника потребовали лишнего кислорода. Может быть, это только мое воображение. Может быть.

Ник посмотрел на меня виноватыми глазами.

— Я привел тебя в туннель Древних, чтобы спасти, а вместо этого я убил тебя.

Я не могла вынести боли в его голосе.

— Ник, ты уберег меня от Ричарда…

Я на секунду представила, что Ричард сотворил бы со мной перед своими людьми. Он сотворил бы еще больше — унижение и боль, утром в Совете… Я не могла думать об этом и быть мужественной, какой, предполагалось, должна быть женщина из Девятки. Ричард искалечил бы меня с удовольствием и безжалостно. Я никогда бы не была прежней.

Эти мысли были шагом к кошмарам, и я не смогла бы ни их отогнать, ни встретить. Мне нужна была помощь, чтоб прогнать эти кошмары. Мне нужно было тепло и спокойствие, чтобы встретить смерть. Я подобралась к Нику, положила голову ему на плечо и обняла его.

— Обними меня, Ник, — прошептала я почти со слезами — Я боюсь.

Ник медленно обвил меня руками, как будто ему было страшно. Я взглянула в его лицо, чтоб увидеть, о чем он думает. Его лицо отражало боль. Его рука поглаживала мою шею сзади. Я уткнулась лицом в его шею и впитывала покой его души. Его рука все еще гладила мою шею. Я

ощутила теплоту, охватывающую меня. Под моей щекой сильно билось его сердце. Он касался моей шеи совсем нежно, как касаются личика младенца. Ник наклонил свою голову ко мне. Вдруг его руки оставили меня, и он напрягся, будто хотел отодвинуться от меня. Это было невыносимо. Мне необходима была его теплота, его стойкость, его любовь, наконец.

— Ник, пожалуйста, — прошептала я в его шею. — Мне надо быть рядом с тобой. Не оставляй меня умирать одну.

Я коснулась губами его шеи. Он был нужен мне. Нужен мне. Я прильнула к нему. Его руки опустились мне на спину. Мне хотелось прижаться сильнее. Он гладил медленно меня по спине.

— Господи, пусть это длится!

Его рука скользнула мне на плечо вокруг шеи. Он отклонил мою голову и поцеловал долгим, мягким поцелуем, и, казалось, сердце мое остановится. Он взглянул на меня. Я никогда не видела у него таких глаз.

— Мы ошибаемся, Кит, — сказал он медленно. — Один Бог знает, как давно я люблю тебя. Но ты жена Энниса.

— Ему теперь все равно, Ник. Мы почти мертвы. Мы задохнемся, как все, кто попадался в эти

ловушки. Все, что Эннис сможет сделать для меня, когда увидит, это похоронить меня. Неужели мы не вправе дать друг другу успокоение перед уходом?

Я коснулась губами его шеи. Благочестие для живых. Мы же мертвы. Один раз, только один раз в моей жизни я хочу быть вместе с мужчиной, которого люблю. Вряд ли ангелы осудят нас за это на вечную агонию.

Ник глубоко, прерывисто вздохнул.

— Кит, ты испытываешь мое терпение.

— Хорошо, — сказала я в нежную кожу его плеча у шеи. — Это нужно мне, Ник. Мне нужно забыться. Если мое дыхание станет чаще, я подумаю, что это от желания, а не от медленного удушья. Пожалуйста, Ник. Я ведь люблю тебя с пятнадцати лет. Ты знаешь это.

Его руки ослабли. Он поцеловал меня в щеку, в шею, в плечо.

— Господи, прости меня, — его голос дрогнул. Он остановился на секунду. — Ты хочешь, чтобы факел горел?

Его руки нежно ласкали меня, рассказывая о его любви больше, чем слова. Как бы мне ни хотелось видеть его лицо, его тело в минуты любви, я не могла сказать «да». Только не здесь. Не со

смертью по углам.

— Я не хочу видеть ловушку, Ник. Я хочу немного помечтать.

Ник вздохнул еще раз, погасил факел и прижал меня к себе. Нет туннелей. Нет ловушек. Было только чувство, вкус, аромат любимого тела и взрыв радости, которую мы творили вместе в этом мрачном и жутком месте.

Волны окатывали нас опять и опять, как только позволяли силы и дыхание. Последнее, что я запомнила прежде, чем беспамятство сомкнулось надо мной, это ощущение тепла и влажной кожи Ника на моей щеке.

Я услышала голос, сначала далеко, затем ближе и ближе.

— Кит? Кит!

Это Карн. Карн тоже умер? Кто-то тряс мое плечо.

— Кит, ответь мне!

Я глубоко вздохнула и закашлялась. Это был воздух и голос зовущего Карна. Может быть, я не умерла? Он не звучал бы беспокойно, если бы мы оба умерли. Я медленно открыла глаза. Карн стоял на коленях рядом со мной. Нахмуренный лоб, сосредоточенные глаза.

— Всевышний! — пробормотал Карн. Его рука

коснулась моей щеки.

Я поднялась на локте. Ничто не мешало моим движениям. Не было одежды на мне. Я вспомнила. Ник и я, мы любили друг друга до последнего мига.

Я огляделась, ища одежду. За Карном доктор Отнейл склонился над Ником, тот стонал. Я взглянула на Карна.

— Шахтеры Мелевана были первыми, — сказал он в ответ на мой немой вопрос. — Не было больших сомнений в том, что вы тут делали. Но об этом потом. Ты можешь встать?

— Если будет одежда. — Я заметила, что Карн не опускал глаз ниже моего лица.

Карн собрал мою одежду. Она была невероятно пыльная. Я была невероятно пыльная. Я встряхнула свою рубашку и надела ее. Сейчас я, хотя бы, пристойна. Это отняло много сил. Я опустилась и уронила голову на колени. Карн положил руку мне на плечо. Это было очень хорошо.

— У меня плохие новости, — сказал Карн. — Эннис погиб. Он пришел сюда на помощь, но убийца сжег его. Убийца был в форме фон Шусса, как солдат десятого года службы, ожидающий приказаний хозяина. Барон еще не дознался, как Ричарду удалось его уговорить перейти на сторо-

ну Харлана, но он узнает это. Да, убийца скажет Эмилю то, что тот захочет узнать.

Я ощутила неприятное облегчение от новости об Эннисе. Со смертью Энниса никто не назовет адюльтером наши отношения с Ником. А они скоро станут известны всем. Никаких необычных объяснений не нужно, если двух обнаженных находят в объятиях друг друга. От этих невеселых мыслей мне стало тоскливо. Эннис не должен был погибнуть. Слезы потекли по моим щекам, оставляя соленый привкус пыли в уголках моих губ.

Голос Карна зазвучал мягче.

— Прости меня, Кит. Эннис был стойким и честным человеком.

Я была в трауре по нему, как требует обычай моего народа. Но я не могла оплакивать его, как мне хотелось. Эннис, умелые руки и скупой на слова. Эннис, мой друг и спаситель. Он пришел в Бревен, чтобы помочь, зная, как это опасно для него. А Ричард убил его.

Карн обнял меня за плечи, а я расплакалась. Голос у меня сел. А затем пришел страх. *Я* снова была вдовой. Высокородной вдовой, а значит, мишенью для сильных и амбициозных мужчин, и защищать себя надо было без помощи сильного Дома. Халарек не был сейчас сильным Домом.

Наша четырехлетняя война с Харланом стоила больших средств, хотя Халареки победили. Какой из Домов достаточно силен, чтобы взять меня к себе, дважды вдову, с тенью войны с Харланом за плечами?

Карн тряс меня.

— Пойдем, Кит! Дома ты сможешь поплакать в покое. Надо выбираться отсюда. — Он протянул мне руку, чтобы помочь подняться.

Вдруг мне совсем расхотелось уходить из этого места. Лучше умереть здесь, чем идти в жестокий мир Гхарров, особенно, когда я снова мячик в игре политиков. У меня просто нет сил. Я снова опустила голову на колени и покачала ею. Карн опустился рядом со мной.

— Не глупи, Кит. Здесь по-прежнему опасно. Надо уходить.

Я взглянула на него. Он понимал, о чем я думаю. Мы всегда были очень близки.

— Не бойся, Кит. Ричард действительно теперь в заточении. Приказ убить Энниса он отдал несколько недель назад — Он поднял меня, обнял за плечи и шепнул на ухо: — Я пообещал тебя Нику, если он найдет тебя. Никто не надеялся, что Эннис долго проживет после того, как помог тебе сбежать. Так и вышло. Эннис знал, чем

ему придется расплачиваться. У тебя еще будет сорок дней, чтоб оплакивать Энниса. А затем ты выйдешь замуж за Ника. А тем более, станет известна история о том, как вас нашли. И других возможностей у тебя не будет. — Он заглянул мне в глаза. — Надеюсь, ты не сожалеешь, что у тебя не будет других возможностей.

Я не могла говорить. Такие потрясения не часто случаются с женщинами Домов. Я крепко обняла Карна, он тоже прижал меня к себе. Мы пошли по узкому освещенному проходу к Бревену. Я чувствовала, что слаба как тростинка, и почти висела на его руке. У меня почти не осталось сил.

Карн обнял меня крепче.

— Я снова нашел тебя. Я боялся, что остался последним из Халареков.

Он подтолкнул меня вперед в узкий проход, но крепко при этом держал меня.

Свет и шум Бревена ошеломили меня, и я остановилась, чтобы глаза привыкли к огням. Ник уже стоял тут, поддерживаемый двумя синими из Халарека. Он улыбался мне, как и весь светился радостью. Увидеть его улыбку, лица людей, их голоса услышать — это было слишком, чтобы не расплакаться. Но плакать перед людьми не из своей Семьи было позором. Я была жива. Мой

брат был жив. Наш Дом будет жить.

Я обхватила одной рукой Карна, чтоб удержаться, а другую выбросила вверх со сжатым кулаком.

— Да здравствует Халарек! — крикнула я, срывая голос.

Шахтеры Мелевана и синие, стоявшие вдоль бревенского туннеля, выкинули вверх кулаки и подхватили этот боевой клич, пока туннель не загудел в ответ:

— Да здравствует Халарек! Да здравствует Халарек!

Книга Брандера

Пролог

Человек в серой сутане священника Пути уставился невидящим взглядом в окно своей узкой камеры. Он стоял неподвижно. За окном дождь лил как из ведра. Поверхность озера морщилась и бурлила. Синие ели клонились и качались. Дождь шуршал по стене Дома Уединения. Стекло окна было глубоко посажено в стене, и на него попадали лишь случайные, редкие капли, отскакивавшие от стен и подоконника. Человек обернулся и пересек комнату, чтобы включить свет. Он развернул лист бумаги, который держал в руке, и стал перечитывать. Он скомкал его и бросил к стене.

«Черт бы их всех побрал! И ее отца тоже! Я, Ричард, герцог Харлан, и у меня будет любая женщина, которую я захочу, я ждал шесть лет, пока она станет совершеннолетней. А сейчас она не желает ждать меня».

Он вспоминал Шарлотту Риц, какой он ее видел в последний раз. Ей было одиннадцать, она была кокетливой и с первыми признаками красоты, которая теперь восхищала. Она была дивной красавицей и была лучшей, по мнению генети-

ческого совета, парой для него. Харлан поджал губы.

Хвала господу, что другие Семьи не знают о нашем генетическом совете, подумал он. Мы потеряем преимущество в девушках, выживающих после Слабости, если они узнают, как мы этого добиваемся.

Он вспомнил Катрин Халарек, которая недолго и принудительно жила в Доме Одоннела, как невеста кузена. Возможно, она могла узнать что-нибудь о генетическом совете и рассказать, когда была так неожиданно вызволена своим братом и Ником фон Шуссом.

«Это может быть полезным для них», — пробурчал Ричард.

Харлан обернулся к окну. Дождь продолжал барабанить по подоконнику. Сотни километров отделяют его от владения и от власти, которой он привык пользоваться.

«Я герцог Харлан, — проговорил он, нуждаясь в человеческом голосе. — Герцог Харлан, глава Дома, и я желаю Катрин. Я хочу ее, а генетический совет отдал ее Эннису. Когда я забрал ее от него, мои вассалы и кузены поддержали атаку Мирового Совета на Бревен, чтобы вернуть ее. И теперь она у фон Шусса».

Герцог разорвал письмо на кусочки, бормоча слишком тихо, чтобы стража за дверью услышала это.

«Не надо было убирать Энниса, пока я не узнал, что он наговорил ей. Хотя бы о генетическом совете. Теперь он мертв, а его ребенок, который унаследовал бы Дом Халарека для нас после „безвременной кончины“ его дяди, нынешнего Лхарра, тоже мертв. Брат Катрин все еще жив, и она снова под его покровительством. Можно подумать, я такой же неумеха, как мой отец, и не смогу отделаться от этого социального реформатора. Это все от того, что надо использовать наследников. Я убил всех мужчин рода Халареков, кроме одного, который был на другой планете. Я убил их! Я убил тех, кто шел за мной в Зоне Мерзлоты, а это было не просто. Мне нужно было убить этого огромного пришельца, друга Халарека, когда у меня была для этого возможность, но я никогда не думал, что ему удастся меня схватить».

Харлан бросил клочки к стене, но это его почти не успокоило. «Теперь отец этой девки говорит мне, что выдает ее за Лхарра Халарека. Из всех стоящих мужчин Старкера IV герцог выбрал Карна Халарека!»

Он подхватил что-то из мебели и бросил об стену, затем полетела лампа, за ней стол, на котором она стояла. Хруст и треск совсем не намного уняли его ярость. Они заплатят. Оба *заплатят.*

Глава первая

Брандер Харлан показал свое удостоверение гвардейцу Совета перед дверью покоев Ричарда. Смешно показывать им одну и ту же карточку каждый раз, когда он приходит с визитом, но именно так работает бюрократия. Они обыскали его на случай контрабанды, затем один из гвардейцев открыл дверь. Дверь захрустела, раздавливая осколки стекла от разбитой лампы. Куски того, что было столом, валялись в углу. Ричард стоял у окна с бумагой в руке. Он сворачивал листы и разворачивал их, снова сворачивал. Он резко обернулся, когда услышал, что дверь закрылась. Брандер заметил эту реакцию и посмотрел опять на обломки стола.

Растерянный Ричард? Нервный? Так на тебя не похоже.

Ричард почти всегда смотрел в окно, когда приходил с визитом Брандер. Видимые признаки гнева и нервозности были очень редки. Брандер пожал плечами. Слишком мало было позволено Ричарду, поэтому ему приходилось, глядя в окно, придумывать планы на будущее. Теперь новый аббат в точности соблюдал приговор Совета.

Библиотека здесь была маленькой, ограниченной и очень религиозной, а Ричард, к тому же, не был большим любителем чтения. Он не мог пользоваться три-д, чтобы общаться с друзьями и союзниками. Новый аббат запретил это Ричарду, кроме очень важных случайностей. Галоп по равнине или лесу, или дуэль на рапирах или лучеметах с врагом, равным по силе, — это больше подошло бы Ричарду, но…

Еще пять лет такой строгой изоляции и бездеятельности, и Ричард уже не сможет править. Может быть, он уже не способен. Это то, над чем надо потрудиться с Изаном Марком и другими. Не способен править. Нет наследников. Скоро не будет способности иметь наследников, хотя я им не скажу об этом.

Ричард теребил в пальцах бумагу. Брандер кашлянул, чтобы Ричард обратил на него внимание.

— Дела шли неплохо на этой неделе, кузен? Хотя бы так, как можно предположить?

Дурацкое начало, но что можно сказать человеку, которому позволено почти ничего?

Ричард издал неприятный звук, совершенно не похожий на его обычный заразительный смех.

— Неплохо? Идут неплохо? У меня не было женщины с тех пор, что перед побегом Катрин

Халарек. У меня не было хорошего вина с тех пор, как осушили бутылку «Мирин», которую пронес доктор Геббитс месяц назад. Мне больше не позволяют гулять в саду, когда там другие. — Комки бумаги ударились о раму окна. — Другие люди. Странники. Паломники. Те, кто ищет уединения. Но даже в уединении мужчины разговаривают о политике, выясняют ситуацию. А я исключен из этого, я не могу поддерживать контакты или найти новых осведомителей, даже получить помощь в самых необходимых для жизни вещах. Например, еще «Мирин». А аббат из Дома Риц, один из моих *вассалов!*

«Мирин», Ричард. У меня есть еще «Мирин». То, что доктор прописал.

Брандер нахмурился и задумался.

— Похоже, Дом Риц уже дважды обошел тебя. Сначала аббат, потом замужество Шарлотты.

Я приберегу новости о провозглашении независимости Черека на потом.

Ричард обернулся к Брандеру.

— Новый аббат. Прекрасная Шарлотта. Точное исполнение приговора Совета. — Его голос был грубой имитацией голоса Карна Халарека. Карн Халарек был причастен ко всем трем событиям. Ричард вздохнул и продолжил: — Ничего бы этого

не случилось под председательством Гормсби. Наша партия считает смерть этой женщины Халарек (хотя все знают, что я целил в лорда Карна) благом для общества. — Ричард покраснел и дышал часто. — Она действительно верила, что Совет признает ее регентство до совершеннолетия Карна! Она действительно верила, что Совет позволит, чтобы правила *женщина*! Председатель Гормсби не позволил бы ей даже *говорить*!

Ричард расхохотался с неприятным звуком. Брандер не знал, как это остановить, и от этого чувствовал себя неловко. Он знал, что необходимо было успокоить его.

— Она признана была волей покойного Лхарра, а не Советом, кузен. Не думаешь ли ты, что можно не считаться с волей правителя? — Брандер поднес пальцы к губам и ждал, попадется ли Ричард на крючок.

К счастью, я смогу использовать его собственные слова против него, когда займу его место.

Ричард мял комок бумаги в руках.

Не имеет значения. Ларга мертва, Карн до сих пор жив, хотя все должно было бы быть иначе. Какие новости?

В этих словах никакого проку. Годы в тюрьме лишили его обычной сдержанности.

Брандер бросил взгляд на комочек бумаги в руке Ричарда.

— Я думаю, ты уже знаешь.

Ричард взглянул в окно. Брандер видел за его плечом часть пейзажа. Небо, озеро, трава, покрытая инеем, — все напоминало о приближающейся зиме. Синие ели стали почти черными. Брандер понимал гнев, который лишь едва прикрывал отчаянье Ричарда. Прошли пять лет, неудавшийся побег позади. Впереди еще пять лет, почти в полном одиночестве — это кого угодно повергнет в отчаянье. Только месяц назад весь нижний уровень Бревена принадлежал Ричарду для вечеринок и политических собраний (о чем знал предыдущий аббат), для приглашенных женщин (о чем аббат не знал).

Ричард сжал кулаки, и бумага вновь зашуршала, привлекая внимание Брандера.

— Шарлотта достанется мне, а не Халареку.

— Он может многое предложить, — сказал Брандер, стараясь сохранять безразличный тон.

Когда же ты перестанешь заниматься только своими неудачами и начнешь думать о Доме, Ричард? Неужели ты и впрямь думаешь, что молодая, красивая женщина станет ждать пять лет? Даже ради тебя?

Ричард этого не слышал.

— Я должен был заставить Катрин, пока она была в моих руках, но нет, я должен был дождаться дня Совета, чтобы отомстить Карну Халареку. Он не мог бы спасать сестру и выступать в Совете, а ему необходимо было быть в Совете, и я ждал, и я потерял ее.

Время решает все. Вслух Брандер сказал:

— Вассалы не одобрили бы это. Она была женой Энниса.

Щека Ричарда задергалась.

— Она отправилась в постель к Эннису довольно охотно, а он такой же Харлан, как и я. Она стала бы покладистей, если бы я показал ей, как это бывает хорошо, и ее покладистость добавила бы пикантности к унижению Халарека. Это длилось бы, по крайней мере, целое поколение. Катрин смогла бы это похоронить только в собственной могиле.

Что бы сделал после этого Эннис, ее законный муж, а, Ричард? Ты не подумал об этом, не так ли? Или ты убедил себя, что он будет сносить такие оскорбления?

— А Эннис?

Ричард отвернулся от окна.

— Эннис мертв еще до наказания за свое пре-

дательство!

Он многое бы мог рассказать, если бы остался со своими новыми союзниками.

— Вассалы смотрят на это иначе, Ричард.

Многие из них станут моими сторонниками против тебя.

— Я хотел Катрин много лет, а генетический совет через меня отдал ее Эннису, *Эннису*, сыну младшей ветви Дома!

— Значит, ты решил взять ее против ее воли, воли ее мужа и наших вассалов. Вассалы правят сейчас Харланом, ты помнишь это? А ты плюешь на них!

Бумага зашуршала под ногами Ричарда.

— Они нашли ее слишком быстро, Халарек и фон Шусс. Мне бы следовало сделать ей сына Харланов.

Нет, если доктор Геббитс делал свое дело, о кузен. Еще несколько бутылочек «Мирин», и ты будешь не способен сделать ни одного ребенка, и ты никогда не узнаешь, почему, потому что ты никогда не додумаешься проверить свою потенцию. Бесплодие не может быть твоей виной. Нет, никогда.

Брандер продолжал.

— Живой Эннис воспитывал бы ребенка как

своего, Ричард. Он никогда бы не устранил леди Катрин. Поэтому ей бы было не так уж стыдно.

Это еще один довод, почему Эннис должен был умереть, но я не мог представить себе тогда, что ты заберешь леди Катрин…

Ричард хлопнул ладонью по каменной стене.

Дом Халарек требует унижения, оскорбления, ниспровержения.

— Но этого не случилось, — ответил Брандер, — Халарек выиграл своим галантным спасением сестры. Харлан проиграл. Вассалы поговаривают об установлении власти другой ветви Семьи Харланов из-за того, что ты наделал, Ричард.

А я выдвигаю свою ветвь вперед, кузен.

Ричард побелел.

— Ужасно, что умер ребенок Энниса на пути в караване, — продолжал Брандер осторожно. — Даже девочка крови Харлан Халарек была бы полезна. Это было странно, ее смерть от слабости. Должно быть, это от рода Халареков.

Ты не считал ребенка Энниса наследником, правда, Ричард? Ты не торопился сам дать Харлану своего наследника по закону, а сейчас, в любом случае, слишком поздно. А теперь не важно, что решат вассалы, Ричард…

— Это было бы забавно, правда, — продолжал

Брандер, женщина крови Харланов — наследница Халарека? Женщина была началом феода в конце концов. Было бы забавно, если бы ею он и закончился. От жены прапрадедушки с Черного Корабля к дочери Энниса и Катрин. Круг. Совершенное завершение. Брандер заметил, что его колкости достигли цели. Ричард становился все бледнее и бледнее.

Ты ведь большой любитель позаботиться о линии наследования, а, Ричард? И ты думал, что никто не заметит? Почему ты не заметил, что твои внебрачные дети появляются все реже и реже?

Рука Ричарда опустилась на пояс. Брандер знал, что погиб бы, если бы у Ричарда было оружие. Но у него не было оружия, и Брандер был нужен ему для новостей за стенами Бревена. Он вспомнил об этом за одно мгновение. Посетители Ричарда сократились. Сейчас только Брандер и два вассала (или бывших вассала), Даннел Юра и лорд Марк, приходили к нему.

Никто не осмеливался говорить с тобой так, правда, Ричард? Но я не думаю, что ты выйдешь отсюда живым, кузен, поэтому я буду говорить так, как нравится мне.

— Не оставить ли нам вопрос о женщинах? Есть

вещи поважнее.

— Например?

Брандер заметил, чего стоило Ричарду сохранять пристойность, а Ричард знал, что Брандер ему необходим именно сейчас.

— Пауль III Друма на грани смерти, — сказал Брандер. — Гаррен думает, что сейчас самый подходящий момент требовать замены главы Дома. Пауль IV еще более бесхребетный, чем его отец. Так что это будет несложно.

— Что предпринимает Гаррен?

Он собирается выдвинуть предложение на Зимнем Совете. Если не выйдет, начнет осаду сразу после наступления оттепели.

— Я говорил ему не делать этого. Халарек не поддержит.

Он полагал, что ты скажешь что-то в этом смысле. Он просил передать тебе, что он твой друг и кузен, а не твой вассал, Ричард.

— Он думает, я спасу его, когда Халарек с дружками найдет его? — Брандер отвернулся и промолчал. — Ну? Отвечай же мне!

Брандер покачал головой.

— Я не отвечаю за Гаррена, милорд.

Ричард оставил это без внимания.

— Спор между Одоннелом и Харланом вне

вопроса, если вообще когда-нибудь будет рассмотрен. Мы были союзниками, сколько все себя помнят. Что еще?

Брандер усмехнулся. *Он хочет еще? Пусть думает об этом несколько недель.*

— Черек Риц, Ганнет и Рудер забрали свои владения из Харлана. Они сказали, что теперь они независимые, но на самом деле они обратились к Джастину за покровительством, и, похоже, они получат его. Еще поговаривают в Семье о смещении тебя с герцогства, даже если успех будет продолжаться. Многие говорят, что годы, проведенные тобой здесь, превратили тебя в сибарита, неспособного управлять. Кузены обсуждали твою способность главенствовать без их собственных амбиций, но вассалы обеспокоены куртизанкой, что здесь у тебя. Они даже сказали Халареку, наследнику фон Шуссу и солдатам Совета, которые были здесь в поисках подробностей. Все на Старкере IV узнали после дней рейда, что ты пил и распутничал в Доме Уединения. Скандал был сногсшибательный.

— Куда ты метишь?

— Этот скандал ударил по твоей репутации и ослабил наш Дом. Если Черек Рид, Ганнет и Рудер думают, что могут избавиться от вассальной

зависимости, то остальные тоже на это способны. Кат уже шумит о возвращении части владения Макниса, которую они оспаривают целое столетие или около того, даже несмотря на то, что ты ему говорил не делать это. Герцог Друма умирает, и это очень волнует Одоннела. И эта новая связь Рица с Халареком…

— Как эта «связь с Халареком» поживает?

— Она все такая же. Они поженятся в Совете на следующей неделе. Мне лично не понятно, почему вы оба добиваетесь ее. *Я* не хотел бы носить рога перед всеми своими друзьями. Хотя из того, что я слышал, только ты, я и ее отец склонны подозревать ее в непристойности.

Ричард поднял глаза.

— Итак, ты шпионил в Доме Риц?

— Ты хотел эту женщину в жены, Ричард. Моим долгом было убедиться, что она подходит для этого. *А она, конечно, очень хотела показать мне, как она «подходит», если бы я захотел проверить.*

— Что она делает в своей частной жизни, не будет меня тревожить, лишь бы в обществе она была пристойной.

— Она знает о влиянии Халарека. Она была достаточно недвусмысленна. Как я уже сказал, я сомневаюсь, что кто-нибудь, кроме отца, знает,

как далеко она заходит в своем «флирте», хотя члены Дома, наверное, подозревают. Существует много способов развлечься, не нарушив девственности, а я слышал, она знает их все.

Ричард выругался.

— Старая грязная лиса ее папаша. Хотел бы я знать, как он сумеет скрыть *этот* секрет.

— Сказал ей, что могло бы случиться с ней, если кто-нибудь узнает, я думаю, — ответил Брандер сухо. — Или побил ее, чтобы вела себя прилично. Халарек не тот мужчина, который бьет свою женщину, оставим их разбираться в этом самим.

Его потеря, — сказал Ричард.

— Похоже, что нет. *Я помню, когда леди Катрин привезли к тебе, как озабочен ты был, чтобы у нее не было следов от «убеждения» Одоннела. Интересное требование для страсти, Ричард. Все еще думаешь, как попасть в постель к Шарлотте? Может быть, я устрою. Это займет твои мозги.*

Лицо Ричарда отражало его явно чувственное настроение. Он медленно возвращался в каменную келью Бревена.

— Насколько действительно плохи дела Дома?

— Ты должен убедительно продемонстрировать силу и поскорее, иначе через год в это время

от Харлана останется только скелет.

Ричард сжал руки за спиной и уставился в потолок, поджав губы, надолго. Когда он снова посмотрел на Брандера, его лицо выражало твердость.

— Для начала сделай следующее: прикажи осадить Рид, чтобы вернуть его; передай Кату, чтобы отстал от Макниса, и пошли кого-нибудь убрать несколько его нижних чинов, если слова не возымеют действия.

Брандер руками изобразил беспомощность. *Теперь время показать признательность и извинение, что дела идут против его планов.*

— Это отличное начало, но ничего не получится, как надо, пока ты не выберешься отсюда.

— Я надолго запомню того, кто помешает моим планам, — Этот тон в голосе Ричарда встревожил Брандера.

— Ричард, никто и не думает сопротивляться!

— Конечно. Пока ты помнишь, кто законный лорд Харлан. Можешь идти.

Брандер слегка Поклонился и пошел к двери. Он обернулся.

— О, я забыл сказать, что леди Катрин ожидает ребенка в начале керенстена.

Ричард с прищуром посмотрел на кузена.

— Правда?

Он прикинул на пальцах, отсчитывая месяцы назад.

— Керенстен, немб, курт, архаст, ухл, нарц, дрэк, аден. Ребенок Энниса. — Его лицо посветлело. — Это хорошая новость, кузен. Это несколько дней еще будет меня радовать.

— Фон Шусс, я говорю о наследнике, конечно, женится на леди Катрин сегодня в полдень. Сорок дней траура по лорду Эннису закончились.

Ричард расплылся в улыбке.

— Фон Шусс скажет, что это его?

Брандер покачал головой.

— Бракосочетание совершено, и никто не ждет, что Путь промолвит хоть слово. Это вполне может быть ребенок фон Шусса. Они попали в ловушку вместе, до того, как их спасли.

И у меня есть точные сведения, что леди Катрин и лорд Эннис спали врозь после рождения ребенка. Но, если хочешь, дурачь себя этой надеждой сам, Ричард.

Но Ричард был занят своими мыслями. Он улыбался.

Я могу придать некоторое воодушевление борьбе за ребенка и сказать, что он мой. Конечно, она будет это отрицать, а ты знаешь, как Совет

относится к словам женщины.

Неужели ты всегда думаешь о своей репутации первого любовника. Ричард?

Брандер едва улыбнулся.

— Должен ли я сохранить в тайне твои слова до рождения или начать сейчас?

Ричард посмотрел на него очень серьезно.

— Сохрани пока. Мы посмотрим, как идут дела Дома, дела в Харлане.

Брандер через связных получал еженедельно сведения из Бревена о Ричарде. Он часто предпринимал попытки бежать. Каждый раз ему удавалось уйти не дальше холла за его дверью. Каждый раз стражники Совета возвращали его в комнату, проклинающего гвардию, Совет, Карна Халарека. Брандер мог понять Ричарда. Ему позволяли покинуть комнату и под усиленной охраной водили на короткие прогулки в сад и на ужин, который был единственным его контактом с другими людьми в Бревене. Не было никаких важных для планеты три-д передач, кроме одной о бракосочетании фон Шусса и Халарек, но Брандер и аббат ее не считали таковой.

Может быть, мне принести ему птичку в клетке для компании? Брандер наслаждался этой мыслью несколько часов. Параллель не скроет-

ся от Ричарда ни на секунду, и он убьет птицу, выбросит клетку из окна. Возможно, он решит последовать за клеткой в окно, на скалы внизу.

Может быть, я растревожу его телом Шарлотты. Сейчас это было бы вызывающе — провести ее внутрь, сохраняя в тайне, это заставит Ричарда быть очень благодарным.

Глава вторая

Флиттер легко коснулся полосы. Карн Халарек, Лхарр Халарека, вздохнул, вылез из кресла пилота и встал на крыло флиттера. Наконец-то Кит и Ник благополучно поженились. Были опасения, что Дом Харланов будет против ее такого скорого замужества, хотя Кит и Ник соблюдали сорокадневный траур, но возражений не поступило. Дома фон Шусс и Халарек тоже не были бы очень счастливы, когда будущий ребенок станет заметным.

Карн повел плечами, стряхивая усталость долгого полета, и огляделся. Стены Дома Халарека, самого молодого из Девяти Больших Домов. Был длинный день, впереди длинная ночь.

Карн спрыгнул с крыла на посадочную площадку. Вечером праздник Адвента, а перед этим подписание брачного контракта с Домом Риц. Карн стиснул зубы. Ему не хотелось жениться снова, но его Дому нужны наследники и деньги. Если этот брак не состоится, то продолжение рода Дома Халареков будет проблематично. Не было наследников, кроме Нетты и умственно отсталых мальчиков Керэла. Карн направился к двери

малого Дома. Поя предводительством Карна Дом Халареков выиграл войну и, кроме того, четырех вассалов Харлана. Но стоило это больше, чем Халарек мог действительно оплатить.

«Ангелы, чего это стоило, — прошептал Карн. — Но я не мог не отомстить за смерть матери».

Карн вздохнул. Женитьба на Шарлотте Риц решит большую часть денежных проблем, но принесет, несомненно, другие. Карн чувствовал неловкость от этого брака, но что еще он может сделать? Красивая, богатая Шарлотта была завидной партией, но ее Дом был вассальным у Дома Харлана. Какими бы ни были беды Дома Харлана из-за убийства Ларги Халарек, Харлан оставался самым могущественным Домом на Старкере IV и испытывал вековую ненависть к Дому Халарек, ненависть, начавшуюся с похищения невесты. Карн знал, что Ричард Харлан будет считать Шарлотту похищенной, хотя лорд Черек Рид уверял, что между ними не было договоров.

«Мой прапрадед украл невесту Харлана, — вспоминал Карн. — Он похитил женщину, которую герцог уже забрал на борт Черного Корабля. Я же только женюсь на женщине, которую пожелал Ричард. Как он пожелал Кит…»

Он оказался перед дверью. Она была заперта.

Он позвонил в центр связи, чтобы ему открыли. Один из техников открыл дверь. Карн кивнул ему, входя в дверь. Он услышал, как за спиной щелкнул замок.

Необходимость. В эти дни это необходимо. Всегда предосторожности. Никакой убийца не *попадет в Халарек через площадку флиттера.*

Карн остановился у лифта. Он унесет его сейчас на шестой уровень на несколько минут, чтобы получить заряд энергии солнечного света и чистых запахов зелени. Орконан и Вейсман ждали его на четвертом, наверное, с готовым брачным контрактом. Праздник Адвента начнется меньше, чем через два часа, и он должен принимать гостей. Но сначала он должен подписать брачный контракт.

Долги. Переговоры о контракте. Возможно, что Харлан потребует ребенка Кит. Надвигающаяся смерть Пауля III Друма, единственного вассала Халарека в Девятке. Беда за бедой. Карн мечтал снова попасть на Болдер, в Морскую Академию Альтаира, в спокойную жизнь мирных переговоров, которым он обучался. Он должен был предотвращать войны, даже убеждать каннибалов на Ранхе не съесть команду исследователей, но все эти проблемы были намного легче, чем

здешние, потому что они были не его проблемами. Долги, Риц, Друма…

Карн взглянул на хронометр. У него нет времени на минутный отдых под солнцем, но в теле набирала силу усталость.

Он еще раз посмотрел на хронометр, на лифт и побежал за лифтом по ступеням. Мускулы отозвались молодой энергией.

«Я смогу с этим справиться, — сказал он себе. — Я справлюсь с долгами, со второй женитьбой. Я справлюсь с Ричардом».

Карн остановился на четвертом, переводя дыхание и поправляя тунику. Пробежал рукой по волосам. Этот контракт необходим, хотя он не жаждал вступать в брак второй раз.

Лизанна, с ее слабостью, слезами и неспособностью выносить до конца ребенка, была настоящим испытанием. Он жалел ее, но это было испытание. Когда он получил ее согласие стать женой, Дому нужен был наследник, а Лизанна была лучшей кандидатурой, на которую тогда мог рассчитывать Карн. Что ж, Лизанна мертва, а Халарек по-прежнему без наследника. Никто не может серьезно полагаться на мальчиков Нетты. Они были такие же глупые, как их мать. Будущий ребенок Кит станет наследником фон Шусса и

Халарека, пока у Карна не появится свой продолжатель рода. Харлан тоже будет претендовать на ребенка Кит. Карн скороговоркой прошептал молитву, чтобы этот ребенок носил родимое пятно, как все мужчины рода фон Шусс. Он еще раз прошелся рукой по голове и пошел в библиотеку.

Тан Орконан и Фрем Вейсман сидели за длинным столом справа от двери. Орконан, откинувшись в кресле, читал бумагу, похожую на письмо. Вейсман склонился над столом, перебирая какие-то листы нервными пальцами. Орконан заметил Карна в дверях и поднялся.

— Милорд, — он поклонился. Он был наставником Карна, прежде чем получил пост администратора Халарека. Оба титула и поклоны были лишь формой, а не обязанностью, между двумя мужчинами.

Карн кивнул.

— Тан. — Взглянул на Вейсмана, библиотекаря, маленького человечка с острым носом. — Брачный контракт уже напечатан, Фрем Вейсман?

Фрем поднял глаза и посмотрел сначала на Орконана, затем на Карна.

— Он был здесь только что, милорд. Я не понимаю, куда он мог… О, вот он! — Он вытащил из-под бумаг несколько листов, скрепленных

вместе.

Карн протянул за ними руку, пробежал глазами первую страницу, подошел к креслу у камина. Легкий взмах руки, языки пламени, и легкий запах дыма поплыл в комнате. Карн улыбнулся.

— О, милорд… — Вейсман направился к сидящему господину. Орконан сделал резкое движение. Вейсман замолчал и вернулся к работе за столом.

Карн обратился к Орконану.

— Расскажи мне, Тан. Я пойму это быстрее, если услышу все сначала.

Орконан улыбнулся.

— Вы всегда учились лучше с голоса. Что ж, основные пункты таковы: Шарлотта получит от вас малое владение Юра; она получит в личные расходы 1000 гильдкредитов; если вы согласны, ее дети наследуют владение Риц. Она обязалась не предохраняться первые два года вашего супружества. Со своей стороны, лорд Черек дает 50 000 гильдкредитов на подписание контракта и 75 000 гильдкредитов в день бракосочетания, он представил сертификат врача, что она девственница, и он заверил, что не существует договоров с другим мужчиной или Домом.

— Это снимает тревогу о споре за нее с Харла-

ном, милорд, — откликнулся Вейсман.

— Если Риц не лжет, — сказал Карн. Он вздохнул. — Что ж, в конце концов, я знаю, что я был *её* первым избранником, хотя у меня нет никаких иллюзий, почему. Я свободен и здоров, а Ричарду Харлану еще пять лет быть в Бревене, наблюдая развал своего Дома. Даже считая долги наши, кто тебя возьмет, если тебе семнадцать и твой отец позволяет выбирать?

Вейсман оторвался от работы.

— Ее выбор? Он действительно позволяет ей выбирать? Партнера для брака? Что ж он за дурак такой?

— Ты этого не знал до сих пор? — Карн с удивлением посмотрел на библиотекаря. — Я удивлен твоему недоумению. Я думал, Свободные всегда выбирают партнеров по браку.

— Они так и делают… я имел в виду… я думал, — Вейсман кашлянул и продолжил: — Я в Доме Халарек четырнадцать лет, милорд, и теперь я рассуждаю, как один из Девятки.

— Хм, — выдохнул Карн. Он посмотрел на Орконана. — Я слышал от Дюваля, что еще один кузен Харлана заявил, что его владение свободно от контроля Дома Харлана, и принял протекцию Дома Джастина. Я думаю, это Рудер.

— Я думаю, лорд Эллит не будет выступать опекуном этого Дома, — ответил Орконан.

— Все, что от меня требуется — это подписать контракт при свидетелях, и дело сделано?

Орконан кивнул.

— Лорд Черек настаивает на твоей личной подписи, данной публично. В конце концов, он *вассал* Харлана. Он хочет, чтобы все договоренности были публичными, чтобы Ричард не мог обвинить его в предательстве. Два других вассала Харлана, лорд Марк и лорд Эммен, согласились быть свидетелями. И аббат Годвин из Бревена.

Карн присвистнул.

— Харлан действительно сдает позиции! Два вассала соглашаются быть свидетелями бракосочетания третьего со злейшим врагом Дома Харланов… — Он поднялся, — Я понимал, что получить Шарлотту все равно, что выиграть приз, но я не представлял, что это почти политическая победа. — Он покачал головой. — Аббат Бревена желает засвидетельствовать это. Я не могу поверить такому!

— *Он ее дядя*, — напомнил Орконан.

— Тогда он предлагает это не как лидер Пути, а как член Дома Риц, а это значит, что контракт не совсем по вкусу лорду Череку. Семья Риц, похоже,

соглашается на это. *Это* хорошая новость. После лет маленьких, но плохих известий, наконец-то что-то полезное.

Карн пошел к металлической винтовой лестнице в углу комнаты. Эта лестница вела не только к верхним полкам библиотеки, но и к двери на другой уровень.

— Лорд Карн?

Карн остановился на первой ступеньке. Орконан стремительно пересек комнату.

— Наши люди в Бревене сообщают, что Ричард извещен уже о брачном контракте.

— От шпиона в этом Доме, которого мы не можем найти?

— Я думаю, написал сам лорд Черек.

Карн стукнул кулаком по перилам.

О черт! Он что же, хочет ввергнуть этот Дом в новую войну?

— Я думаю, что нет, Карн. Он, наверное, хочет использовать этот контракт, чтобы порвать с Харланом. Я сомневаюсь, что сейчас существует опасность войны, когда вассалы Ричарда особенно ослабили его. Он никогда не взял бы себе леди Катрин, пока она была женой кузена. Вассалы Харлана обвиняют его в убийстве Энниса, в убийстве мужа, поэтому то, что он задумал с леди

Катрин, не было бы адюльтером. Нам сообщили, что он настолько изолирован сейчас аббатом и Советом, что не может смотреть три-д передачи, если только это не передача всепланетной важности.

— Убийца был от Ричарда?

— Я думаю, нет. В глазах Ричарда, я уверен, он ничего не делал, что привело к смерти Энниса. Он знал, что Эннис любит Кит и попытается вернуть ее, как бы долго Ричард ни держал ее у себя. Конечно, не могло быть и речи о переживаниях Кит. Она женщина, да еще из враждебного Дома…

— Кто же подослал убийц тогда?

— Кто-нибудь из Харланов, кто хотел отплатить Эннису за помощь Катрин в побеге из Одоннела и за рассказ Макнису, что ее затащили в Бревен и зачем она там. Ричард жутко ненавидел своего благородного кузена.

Карн помедлил мгновение и стал подниматься.

Часа через два Карн стоял на возвышении в Большом зале и встречал первых гостей. Это был обычай в Девятке забывать о вражде в праздник Адвента, когда и друзья и противники могут встречаться на празднествах. По такому случаю все носили самое лучшее платье и вели себя без-

укоризненно.

На галереях по всему Большому Залу слуги, у которых был выходной, толпились разодетые, глазея на господ внизу. Для них будет устроен праздник отдельно в полночь, в помещениях и коридорах рядом с кухней на втором уровне. Даже при теперешних скудных средствах Карн считал невозможным лишить своих людей такой благодарности раз в год. Он помахал лицам, выстроившимся вдоль каменной балюстрады галереи, и улыбнулся их ответным приветствиям. У него потеплело на сердце.

Орконан около огромного ящика с подарками у главной двери Зала делал знаки Карну. Карн спрыгнул с края возвышения, вместо того, чтоб опуститься по ступеням, и кинулся к главной двери. Его мальчишеская выходка вызвала смех одобрения на галерее. Он махнул в ту сторону еще раз и подошел к Тану.

Карн приветствовал каждого гостя по имени, пожимал руки мужчинам, целовал руки женщинам, преподносил всем маленькие подарки из огромного ящика. Сувенир символизировал благополучие Дома и был обязателен на подобных праздниках.

Подарок каждому, сказал себе Карн, даже если

придется влезть в долги, или начнутся толки о том, что он не может позволить себе даже такую мелочь. Тогда друзья и союзники начнут отходить один за другим. Рождество предназначено не для этого.

Шум за дверью Зала отвлек Карна от этих горьких мыслей. Компания ярко одетых людей спешила к нему, опережая людской поток. Карн тут же узнал серебристую шевелюру Черека Рица и женщину рядом с ним. Шарлотта Риц провела последний год в Доме Уединения недалеко от Эринна под присмотром аббатисы. Сейчас Дом Риц разодел ее в тончайшие шелка, мех, золотые цепочки и ленты. Это не было даже подобием одежды, которую носили воспитанницы Дома Уединения. Глаза ее сверкали. Перед Карном она грациозно склонилась в реверансе, поймала его взгляд и зарделась. Карну показалось, что в Зале жарко.

Шарлотта подняла руку, и Карн поднес ее к губам. Легкий запах розы шел от нежной кожи. Она взглянула на него из-под густых темных ресниц. «Ей, может быть, только семнадцать, но она знает, как получить то, что хочешь, — подумал Карн. — Не потребуется таких усилий, как с Лизанной, чтобы она оказалась в постели».

Лорд Черек стоял рядом с Карном. Карн поймал понимающий взгляд ее отца. У него мелькнула мысль, было ли правдой то, что засвидетельствовал врач, или его заставили сделать это, и не было ли у лорда Черека иной причины, кроме обучения, чтобы держать дочь последний год в Доме Уединения.

Наконец-то череда гостей закончилась, и Карн мог свободно танцевать, есть, пить, радоваться трубадурам и жонглерам, акробатам и дрессированным собачкам. Наконец-то он был свободен, чтобы начать узнавать ту женщину, которая должна стать его женой.

Глава третья

Это был день его бракосочетания. Карн стоял в холле, который опоясывал палату Совета, прислонившись к холодной синей стене. Еще несколько минут — и он снова будет женатым мужчиной.

Его сердце сильно колотилось. Его ладони взмокли, как будто это было впервые.

«Что это со мной? — спрашивал он себя. — Я же был женат прежде».

Ван Макнис и его хорошенькая жена появились из-за поворота коридора и остановились перед Карном.

— Доброе утро, Карн. Ты неважно выглядишь, — сказал Ван своим низким голосом.

— Доброе утро, Ван. Не знаю, что со мной.

Макнис рассмеялся.

— Предсвадебная лихорадка, Карн. Все пройдет, когда пастор Джарвис начнет службу.

Ван коснулся его руки: «Все будет хорошо». Коннор присоединился к ним. Он, Макнис и Ник фон Шусс были свидетелями со стороны Карна. Аббат Годвин Риц, Даннел Юра и Изан Грент, лорд Марк были свидетелями Шарлотты. Когда все шестеро собрались, они вошли в палату Совета и прошли

в центр к столу Председателя. Харим Гашен поджидал их. Он решил, что публики не должно быть, так как была велика угроза покушений.

Придворный пастор Дома Халареков Джарвис вошел через боковую дверь и подошел к Председателю. Большие двойные двери в центре распахнулись, и в них появились люди в коричневых, зеленых и синих одеждах Дома Риц. Шарлотта появилась в дверях и на мгновение застыла в театральной позе. Ее длинные волосы потоком струились по подвенечному платью. На шаг отставая от нее, шел отец, Черек Риц, с подвенечной темно-синей шалью, которую невеста наденет после церемонии. Край ее был отделан темно-зеленой каймой, как принадлежность Дома Халарека.

— Очень тактично, — пробурчал Макнис на ухо Карну.

Шарлотта приближалась, двигаясь в какой-то особенной манере, кланяясь всем с изысканной грацией. Карн удивлялся, как ей это удавалось. Он гадал, кто обучил ее этому. Не в Доме Уединения же она это приобрела. Неважно, что там доктор Рицев говорит, но она не похожа на невинность. Карн был уверен, что Шарлотта хорошо знала, какой производит эффект своим движением, и

задумала это специально. Эта женщина будет матерью его детей. Но создавать их будет не так ужасно, как с Лизанной.

Шарлотта встала рядом и опустила ладонь на его руку.

Карн повернулся с ней к пастору Джарвису. Пастор начал службу. Заканчивал он ее, связав их руки столой и помазав чело каждого маслом. Пастор Джарвис поцеловал Карна в обе щеки, а Карн повторил церемонию с Шарлоттой. Затем пастор развязал столу. Теперь они муж и жена. Шарлотта сияла.

Свидетели подписали контракт, и все участники церемонии вышли на свежий воздух поздней осени.

Их приветствовала толпа гостей, приглашенных из Девятки и малых Домов. К ним летели лепестки цветов и мелкие зерна. Цветы на радость, зерна для плодовитости. Карн и Шарлотта медленно приближались к столу под деревьями. Они опустились в сплетенные цветами кресла и получали поздравления и подарки от гостей.

Прием, казалось, длился несколько часов. Когда вереница гостей закончилась, началось пиршество. Мясо, овощи и фрукты, местные и экзотические, холодные эль, пиво и вина в кор-

зинках.

Гости разместились на солнце или под деревьями на траве. Карну нравилась эта идея принимать гостей на открытом воздухе. Это была затея Шарлотты, и многие гости подходили к ней выразить радость и благодарность за такой необычный праздник.

Новобрачным надо было пройти среди гостей, чтобы убедиться, что всем весело и достаточно еды и напитков. Сначала Карн был рядом с Шарлоттой, но было очень многолюдно, и она так хорошо справлялась, что он оставил ей эту заботу, а сам обратился к особенно разгорячившимся гостям, которых приходилось разнимать. Он отовсюду смотрел на Шарлотту, как она управлялась без него. Она представлялась гостям, которых не знала, знакомила тех, кто не был представлен друг другу, следя, чтобы пустые корзинки и бочонки заменялись полными. Она составит гордость Халарека, когда станет хозяйкой.

Разняв двадцатую или тридцатую пару драчунов, подумал, что некоторым мужчинам мало было развлечений с артистами и дрессированными животными, как предполагала Кит по опыту своей свадьбы. Он подумал, что она была права, что драки от излишка выпитого случаются все

равно, есть затейники или нет.

Начались танцы для тех, кто был на это способен. Семь ансамблей играли на площадках вокруг зданий Совета. Карн поручил всех заботам Макниса и повел Шарлотту в их первом танце. Она танцевала изысканно, и он вел ее на расстоянии, приличествующем случаю. Это было восхитительно. Он давно, очень давно не испытывал такого томления и хотел насладиться каждым его мгновением.

Началась следующая мелодия, и Шарлотту повел в танце ее отец. Карн должен был, как хозяин, танцевать сначала с девушками, затем с неприглашенными на танец замужними дамами. Он было начал тракка с леди Элизабет Роул, когда вдруг заметил заминку в танце в пятидесяти метрах от себя. Он отпустил партнершу.

— Простите меня, миледи. Что-то там случилось, — и он указал головой направление.

Карн кинулся по траве бегом, пробираясь сквозь толпу. Бенжамин II Роул недвижно лежал на земле. Тонкая, средних лет дама, возможно, его партнерша в танце, склонилась над юношей с бледным лицом. Карн быстро оглядел толпу. Никто не спешил покинуть это место. Никто не прятал оружие. Это не было похоже на убийство.

Его на секунду обожгла мысль, что это было сделано специально, чтобы он оставил свою спину незащищенной — Роул был на ножах с ним с тех пор, как Карн наказал его за неповиновение, прежде чем он наклонился к юноше.

Никаких ран не было видно, Карн прислушался. Сердце не билось.

Карн поднял глаза и оглядел стоящих вокруг.

— Врача! Он пристально посмотрел на побледневшую женщину. Что случилось?

— Мы… мы танцевали, лорд Карн, а он… он вдруг упал.

Карн почти кричал.

— Есть здесь врач или нет?

Человек в униформе Гильдии протискивался сквозь толпу.

— Здесь, сэр!

«Подрабатывал где-то на стороне, — подумал Карн. Не знал, что Гильдия это разрешает».

— Он мертв. Почему? — обратился Карн к врачу. Тот быстро осмотрел Роула.

— Сердечный приступ, сэр. Это предположение, но без аутопсии я не смогу сказать большего и…

Карн знал, почему тот не закончил фразу. Члены Домов редко соглашались на аутопсию. Тонкие иглы, раны от тупых предметов и удары

по голове обнаруживались очень часто. Тогда «случайная» смерть или смерть «естественная» превращалась в убийство. Жизнь была достаточно страшной и без открытий, что существуют тайные пути убийства. Многие Дома не хотели знать этого.

Кто-то вел леди Элизабет сквозь толпу. Она упала на колени около мужа. Она разразилась слезами и тоненько, печально застонала, заныла. Звук этот переворачивал сердце. Бенжамин был не идеален с ней, но он был единственным, что она имела. Теперь его не стало, и, если сыновья не захотят, то ей никто не поможет. Карн бережно обхватил ее рукой, но кто-то грубо откинул его руку. Карн поднял глаза и увидел негодующее лицо Бенжамина III Роула.

— Что вы с ним сделали? — спросил юноша. — Он мертв. Вы все-таки его убили.

Карн поднялся и выпрямился во весь рост.

Он был на несколько сантиметров выше юного Роула. Карн вздохнул, отбросил мысль о свадебном вечере и смерти и стал Лхарром Халарека. Сказалась Академическая подготовка. Он стал одним из Девятки. Все изменения в нем отразились на лице Роула: оно сникло и посерело.

— Я забуду, что вы только что произнесли, —

сказал Карн твердо и холодно. Вы потеряли голову от горя. Я попрошу аббата Годвина поучить вас, как надо правильно обращаться к вашему лорду.

Роул дернул плечами.

— Я не буду больше подчиняться аббату, милорд. Мой отец мертв. Теперь я лорд в Роуле.

Карн взглянул на него удивленно.

— Я выполняю волю отца, милорд, а его воля освобождает меня от службы в Бревене. Меня заменит мой брат Денвер.

Глаза его горели гневом. Он ненавидит меня за отца, подумал Карн. Роул восстал, и это стоило ему большинства его детей и состояния. *Роул восстал.* И я виноват.

Карн понимал все чувства юноши в эти минуты. Карн приказал Роулу явиться с детьми в Онгар, хотя это было в конце ухла.

Правда, сам Роул выбрал это время. Он мог явиться быстрее. Карн не мог простить восставшего, это нанесло бы урон его авторитету. Гхарры-вассалы не признавали прощения. Но Бенжамин III винил во всем Карна, ведь флайер разломился в бурю, погибли все, кроме самого Роула и его маленькой дочки Микитты. Роул выбрал мятеж и появился с повинной поздно в ухле.

— Я не виноват.

Карн не осознавал, что говорит громко, пока не заметил горящих огнем глаз молодого человека. Прощения ему не будет. В глубине души Карн часто думал, есть ли другой способ вернуть Роула в строй, хотя его мозг подсказывал, что любой другой путь будет роковым для всего Халарека.

Но он чувствовал себя виноватым из-за детей. Карн отвернулся от нового лорда Роула. С ним разберемся потом. Сейчас надо позаботиться о старом лорде. Он приказал людям в синей форме Онтара отнести тело в Гильдпорт для аутопсии и поручил Чилдрет и Дарлене Коннор позаботиться о леди Элизабет несколько дней, пока не стихнет острота ее горя. Тогда прояснится, позволят ли ей сыновья появиться в Доме, которым теперь правят они. Карн сожалел, что не знает подробностей о внутренней жизни Роула. Он не позволит, чтобы леди Элизабет была брошена на произвол судьбы, даже если ее придется забрать в Онтар. Эта идея не самая лучшая, поскольку он не очень любил женщин такого склада характера, но это уберегло бы ее от голода, холода и дурного управления в малом владении Роулов.

Что до аутопсии, если это сердечный приступ, никто не сможет обвинить Карна, что он отделался от непокорного вассала. Аутопсия должна

быть проведена врачом Гильдии потому, что никто не посмеет сомневаться в выводах этого врача. Всем известно, что Гильдия никогда не делала фаворитом какой бы то ни было Дом.

Смерть Роула не могла не омрачить торжества. Гости спешили по домам. Еще до заката луга перед зданием Совета очистились от людей и флайеров.

Глава четвертая

Брандер стоял в Большом Зале Дома Джастин. Здесь не было тех великолепных окон, как в Халареке или Одоннеле, но Джастин был слишком древним для таких штук. Это был последний праздник перед Рождеством. Брандер огляделся. Почти все, кто был кем-нибудь, присутствовали. Как нейтральный Дом, Джастин пользовался у гостей большей популярностью, чем Дом Харлан. Отличная охота на таком вечере. Уже попались новый лорд Роул и Пауль IV Друма, представляющий безнадежно больного отца. Возможно, Пауль III был на грани смерти. Возможно, он уже умер и был похоронен, все в тайне, чтобы удержать Одоннела от выступления против Друма, пока зима не сделала любую осаду невозможной. Брандер покачал головой.

Пауль IV не так умен и не так изворотлив.

Джастин был нейтралом, и на его вечерах всегда было много девушек на выданье. Сюда считалось безопасным их привозить. Женщины всегда были самым лучшим источником информации, по мнению Брандера, об их Домах и делах. Их легко было вызвать на разговор почти

на любую тему. Мужчины, более осторожные, редко высказывались о чем-либо важном в присутствии Харланов или их союзников. А Брандер всегда относился к женщинам, как к красивым безделушкам, и не более того. Это ему помогало в обращении с ними.

Он стал тщательно высматривать мужчин, которые могли бы его представить заинтересовавшим его молодым дамам. После представления и знакомства он подсаживался поочередно то к одной, то к другой даме. Его очарование было в умении обращаться и опытности. Он этим гордился. Даже когда женщины узнавали, что они его не особенно привлекают сексуально, многие оставались его приятельницами.

Брандер уже побеседовал с шестью или семью девушками, когда в двери зала вошла Шарлотта Халарек. Пронесся шумок восхищенного шепота. Красота ее была действительно редкостной. Брандер не сомневался, что ее желал Ричард, все еще желал. Брандер наслаждался этой тонкой работой природы, как любой мужчина, и в лице Шарлотты Халарек было столько же манерности, сколько естественной красоты. Брандер следил за ней. Не мешало бы знать о ней побольше. Она была дочерью вассала. Бывшего вассала. Ричард

не смог этого предотвратить, глупец. Но отношений вассальства было тем не менее достаточно, чтобы завести беседу.

Начались танцы. Брандер продвигался к кружку около Шарлотты, танцуя и меняя партнерш одну за другой. Терпение, говорил он себе, одна из сильных его сторон. Он будет танцевать с Шарлоттой. Тем паче, что он великолепно танцевал и ценился как партнер.

Случай улыбнулся ему. Он возвращал даму в кружок Шарлотты, когда один из младших кузенов Гормсби подвел Шарлотту к месту. Брандер протянул ей руку и поклонился ей с грацией, на которую только был способен.

— Позвольте следующий танец, миледи?

Шарлотта улыбнулась, зарумянилась и опустила свои пальцы в его руку.

— Конечно, милорд…

— Зовите меня Брандер, миледи. Меня не величали милордом никогда. Слишком важно. — *И слишком оскорбительно для Ричарда. Он не терпит, когда этим титулом называют кого-нибудь еще в Харлане.*

— А ваш Дом?

— Друг Рицев много лет. — *Это правда, но это не рекомендация, и она не станет танцевать*

со мной.

Шарлотта смотрела на него сверкающими глазами.

— Загадка, милорд. Забавно. Я никогда прежде не отгадывала загадок, танцуя. — И она последовала за ним в центр зала.

Брандер предполагал, что Шарлотта откажется танцевать с ним, узнав, что он принадлежит семейству заклятых врагов ее нового Дома, но когда она назвала его точное имя, лицо ее засветилось.

— Харлан? Правда, милорд? Мой отец всегда очень высоко ценил ум лорда Ричарда.

Так высоко, что порвал с ним, как только явилась возможность? Кто лжет, ты или твой отец?

— Лорд Ричард будет рад узнать, что кто-то ценит его. Жизнь в Бревене безрадостна для него сейчас. Он одинок. Аббат содержит его очень строго.

Глаза Шарлотты сузились.

— Он совершил убийство.

— Распря между Харланом и Халареком давняя и жгучая. Он не *намеревался* убивать Ларгу.

Шарлотта вышла из круга танцующих.

— Нет, он готовил нож моему мужу. Я думаю, вам лучше отвести меня к моим друзьям. *Я* не

желаю танцевать с кем-нибудь, кто предпочел бы увидеть моего мужа мертвым. Да и Карну не понравится видеть меня в танце с вами. У вас такое интересное лицо, а его не было здесь… — Ее рот захлопнулся, как ловушка, — Отведите меня к моим друзьям, милорд. — И Шарлотта сделала шаг вперед.

Значит, вы делаете без Карна Халарека то, что не посмели бы при нем. Интересно.

Когда Брандер вел Шарлотту к ее группе, то он увидел Карна в главных дверях.

Итак, вы видели, что он входил. Возможно, чувство преданности мужу было для ушей вокруг нас. Вы умнее, чем я предполагал, Ларга Шарлотта.

Брандер отошел от компании раньше, чем приблизился Карн, но он мог расслышать, как Шарлотта объясняла друзьям, что она не подозревала, кто ее партнер, а когда узнала, тут же прекратила танец.

Брандер решил понаблюдать за ней после Рождества, на праздниках Двенадцатой Ночи, хотя будет немного таких, где Харланы и Халареки будут гостями одновременно.

Глава пятая

Карн сидел за столом библиотеки, глядя на языки пламени и размышляя о делах, которые нужно было закончить до последнего в этом сезоне Совета. Рождество прошло. Это было настоящее торжество. Ему было трудно выискивать время для украшения и подарков, а Шарлотта не желала заниматься этим. Ее удручало количество необходимых сувениров для гостей. Она, очевидно, ожидала гору подарков для себя.

Оставалось дело Роула, но оно могло тянуться до конца зимы. Молодому Бенжамину едва хватит этого времени, чтобы убедиться, сможет ли он управлять Домом и Семьей. Первый экзамен для него будет в собственной семье. Захочет ли его брат Денвер отправиться вместо него в Бревен? Речь Бенжамина III на свадьбе Карна не способствовала улучшению отношений, хотя аутопсия Гильдии показала, что лорд Роул умер от сердечного приступа.

Карн поднялся, когда вошла Шарлотта, одетая в накидку поверх ночного белья. Она *была* очень желанна. Она опустилась в одно из кресел и изучающе посмотрела на Карна. Он взглянул на

часы. Она появилась не рано. Он опаздывал.

Он оглядел бумаги, разложенные на столе. Друма. Донесение Ольдермена Дюваля. Марк. Донесения разведки. Письма. И Шарлотта, ожидающая в кресле. Карн не знал, была ли Шарлотта грамотной. Женщины его семьи умели читать, писать и считать, и он не мог предположить, что Шарлотта этого не знает, хотя большинство благородных дам были неграмотны. Казалось, Дома считают, что им это не нужно. Он читал ей каждый вечер перед сном. Это делало ее ребенком перед ним. Это действительно было ее место, но…

Карн поднялся, подошел к камину и взял книгу. Рассказы, которые любила Шарлотта, были *очень* взрослыми, иногда слишком взрослыми на взгляд Карна.

Карн читал с полчаса, затем они поднялись по железным ступенькам и прошли в ее комнату. Они никогда не занимались любовью в его кровати потому, что Шарлотта находила его комнату суровой и неприветливой. Ему и самому она не нравилась, когда он впервые вошел в нее. Но настенная роспись, выполненная рукой Иджила, смягчала эту антипатию. Карн скользнул по стене глазами, когда они проходили в комнату Шарлот-

ты. Хеймдал на радужном мосту, последние лучи заката, Иотунс у дальнего конца моста. Лизанна тоже никогда сюда не входила.

Карн сидел на краю своей кровати. Он был опытным любовником. Он знал это. Шарлотта не могла поколебать его уверенности в его умении, но его выносливость…

Господи, помилосердствуй! Женщина стремится дальше и дальше, когда я уже ничего не могу дать! Никто не успокоит ее. Мне придется оставить ее ждать пять лет Ричарда! Она даже этого выродка заставит усомниться в своих силах.

Он скользнул в простыни под покрывало. Даже после многих ночей его саморазрушительных усилий у Шарлотты не было никаких признаков ребенка. Похоже было, что она пользуется средствами, хотя в контракте оговаривалось их отсутствие в течение двух лет брака. Карн устало повернулся на бок. Были праздники и приемы. Он согласился сопровождать Шарлотту на несколько вечеров между Рождеством и Советом. Он не предполагал этого. Шарлотта любила приемы и скучала, когда Карн отказывался по причине неотложных дел. Но Шарлотта быстро расширяла круг друзей среди молодежи из союзных Домов Халареков, и Карн иногда позволял ей отправ-

ляться на праздник одной, пока осведомители и преданные друзья не начали поговаривать о подозрительном и неприличном поведении.

Вейсман рассказывал, что видел Шарлотту флиртующей с купцом из Нирана. Он подозревал, что она хотела получить меха в ответ на свое внимание. Карн задумался, как далеко она предполагала зайти.

Карн повернулся на другой бок и накрыл голову подушкой, но мысли крутились в голове, не давая заснуть.

Ван Макнис доверительно сказал ему, что видел Шарлотту беседующей с Брандером Харланом и очень недвусмысленно ведущей себя с Сирилом Мелеваном. Карн после этого стал внимательнее.

Мятеж Сирила Мелевана против Карна еще не стих. Возможно, флирт Шарлотты прикрывал ее шпионаж для Харлана — Риц был вассалом Харлана несколько поколений. Возможно, Ричард через Шарлотту подстрекал Мелевана к новому выступлению. Или, возможно, Шарлотта думает получить удовлетворение от других, если не получает от него. Карн подумал, что даже семнадцатилетняя женщина не может быть такой глупой, чтобы искать любовников публично.

Карн лежал на спине, уставившись в потолок. Он повторял и повторял это себе. Все больше похожих сведений приходило от осведомителей Халарека в разных Домах. Шарлотта была очень дружна с гостями мужского пола. Особенно это проявлялось в танцах. Шарлотта много позволяла мужчинам во время беседы. Они касались ее, она отвечала взаимными прикосновениями. Дважды видели ее беседующей с Брандером Харланом. Это было слишком, чтобы не замечать. Если ее поведение бросается в глаза его осведомителям, оно бросается в глаза и остальным, и осведомителям врагов тоже. Поэтому Карн решил, что Шарлотта больше не будет посещать вечера без него, а это также означало, что он обязан резко сократить время, выделенное им для подготовки к Совету, или держать Шарлотту дома. Он решил, что если уж у него такой брак, то ему следует побывать на вечерах Двенадцатой Ночи. В это время он не знал, что такое решение добавит тревоги о политических приготовлениях, которыми он не занимался, к заботам о Шарлотте, и таким образом, о его репутации. Казалось, прошло несколько часов, прежде чем Карн заснул.

Самым главным праздником Двенадцатой Ночи был Бал Свободных. Он шел следующим

за последним вечером перед зимним Советом, но в этом году Дом Коннор устраивал праздник после собрания перед Советом девятнадцатого нарна. Бал обычно проводился в городе, как редкое исключение, вне Совета, когда Свободные и лорды встречались не для торговли. Присутствовали только *мужчины.* Женщины Свободных оставались дома, потому что Слабость делала аристократок малочисленными, а Свободные города боялись браков с Домами больше, чем войн.

На этот раз был маскарад. Карн знал, что Шарлотте это понравится, и он составил свое расписание так, чтобы выкроить время для него. Готовясь к нему, Шарлотта была возбуждена как девчонка.

После заката шестнадцатого нарна Лхарр и Ларга Халарек переступили порог Ратуши в Ниране. Зал был шумным и дымным. Люди были одеты в костюмы животных, героев народных сказаний, циркачей. Иногда трудно было угадать, кто перед вами — мужчина или женщина. Карн постоянно чувствовал себя растерянным. Это было опасно. Он не подумал о риске среди сотни безымянных людей в зале, на празднике, где друзья и враги смешались. Он знал, что должен был предвидеть это. Маскарады были редкостью

в Домах, но Карн слишком долго отсутствовал на планете и слишком был занят переживаниями о Шарлотте, чтобы подумать. Маскарады предоставляют слишком много возможностей для убийства. Прежде чем он успел открыть рот, чтобы сказать Шарлотте, что они возвращаются домой, она скользнула в толпу.

Он проследил за ее кудрявой головкой и решил было последовать за ней. Он снова подумал о риске и покачал головой. Будет безопаснее другое. Он знал ее костюм. Леди Лебедь должна будет вести себя вечером как настоящая леди.

Сам Карн не одел маскарадного костюма, потому что любой из них будет стеснять движения, а маска уменьшит видимость. Он *это* предусмотрел. Лхарр Халарек не может рисковать в зале, полном врагов. Карн увидел Эмиля фон Шусса, махнул ему и пошел в его направлении. Эмиль тоже был без маскарадного костюма. Маленький хорошенький цыпленок рядом обнял ручкой Карна и защебетал.

— Ты тоже цыпленок. — Карн узнал голос Кит. Карн засмеялся и поцеловал Кит.

— Не цыпленок. Лучше. Если я стану чьей-то мишенью, я не хочу, чтобы случилась ошибка.

— Хочешь потанцевать?

Карн огляделся, высматривая место.

— Это будет трудно сделать.

— Не так трудно тебе, как это будет нелегко мне.

Карн засмеялся и повел Кит к свободному месту, где пара гоблинов, цыганка, пират с Ригеля и несколько солдат в униформе прошлого Старкера IV весело танцевали. Две дамы в лебединых нарядах стояли, наблюдая, но Карн знал, что Шарлотта еще не успела надеть свой костюм.

Он остановился и пригляделся. Шарлотта знала. Она, возможно, могла поменяться со своими подругами. Шутка над мужем, это почти невинно. Развлечение? Шарлотта могла развлекаться как она пожелает, и так, что Карн не сможет ничего об этом узнать. Или он узнает слишком поздно. Ярость ослепила его на мгновение.

Маленькая дрянь! Дрянь, дрянь, дрянь, дрянь!

— Карн, что это?

Карн повернулся к Кит.

— Шарлотта делает из меня дурака, Кит. Кто-то из ее друзей одет в такие же костюмы, как у нее, и я не знаю, кто есть кто. А это значит, что она здесь что-то затевает. Я уверен, что Ник рассказывал тебе, о чем мы узнаем от осведомителей. — Он ударил кулаком по ладони. — Господи, почему

я не мог найти нежную, верную жену, как ты для Ника?

Цыпленок затрясся будто от смеха.

— Ты, конечно, шутишь.

Карн взглянул на Кит, улыбнулся.

— Ты никогда не была нежной в своей жизни?

— Только с отцом.

— Да, только с отцом. Он убил бы любого из нас, если бы мы не были такими, даже Джерема. — Он провел рукой по волосам. — Что мне делать теперь? — Его голос был низкий и неровный. — Что мне *делать*?

— Найди ее. Пометь ее лентой, заколкой или еще чем-нибудь, чего она не заметит. Последи за ней или пусть еще кто-нибудь последит за ней. Она это делает не для того, чтобы подшутить над тобой. За этим что-то кроется. Когда вернетесь домой, попытайся ей объяснить, что такие трюки опасны. Запри ее, если не станет слушать.

Кит обернулась. Карн посмотрел туда, куда глядела она. Черек Риц стоял у стены рядом с дверью.

— В конце концов, отвечает и ее отец, — Кит продолжала низким голосом, но сейчас слишком поздно что-либо предпринимать ему. Представь нашего отца, позволяющего кому-нибудь из нас

отказываться от супруга, которого он выбрал нам. Ричард Харлан — это очень высокая вершина, о которой девчонка может только мечтать, даже если эта вершина *потребует* пятилетнего ожидания. — Она обернулась к брату и заговорила еще тише. — Сделай ее беременной, Карн. Это приостановит ее на несколько месяцев. — Кит коснулась своего живота с нежностью. — Пойдем. Эмиль потанцует со мной. Узнай, что делает Шарлотта.

Карн сделал шаг. Кит подобрала подол, затем потянула его за ухо к своему лицу.

— Посмотри на ее отца, Карн. Она его любимый ребенок. Она подойдет к нему когда-нибудь позже, и ты узнаешь ее.

Любимый ребенок Черека. Любимая племянница Годвина. Это звучит как частичное объяснение ее своеволия. Карн обошел танцующих и встал почти рядом с дамами в лебяжьих перьях. Он слышал их голоса. Шарлотты не было, но одной из них была Галианна, сестра Ричарда. Помощь от Харлана. Они были, наверное, друзьями с детства. Карн хотел бы знать, чему верить — предательству или адюльтеру. Карн пошарил в карманах. Должно же быть что-то, чем можно отметить. Он нашел только ручку. Это подойдет, но как он

сумеет оставить достаточно заметное пятно, он еще не знал.

Следующие два часа Карн танцевал и беседовал со всеми пятью Лебедями. Все говорили с ним тихим, неузнаваемым голосом. Никто из них не подходил к лорду Череку. Эти танцы должны были обнаружить Шарлотту. Карн не перепутал бы ее тело ни с какой другой женщиной. Она выпорхнула от него к другому партнеру в круге. Карн не подал виду, что узнал ее. Она должна будет вернуться в следующем па. Он открыл ручку и пустил тоненькую струйку синей жидкости в ладонь. Он касался остальных партнерш только сжатой ладонью.

Шарлотта вернулась так же, как исчезла, в пируэте. Он выронил ручку и обхватил Шарлотту в следующем движении, его голубая ладонь легла на ее спину. Когда она повернулась еще раз, он с удовлетворением увидел, что она теперь с голубым пятном. Танец кончился. Карн поблагодарил последнюю партнершу и покинул круг.

Ника фон Шусса найти было не трудно. Он стоял, обнимая рукой хорошенького цыпленка. Джастин был тут же. Карн попросил всех троих понаблюдать за боковыми дверями и последовать за женщиной в костюме лебедя с синим

пятном на спине. Карн пошел к главной двери, скрылся за портьерой и стал ждать, укрытый тенью пилястр. Он был уверен, что Шарлотта попытается что-то предпринять, как только решит, что он не окажется рядом в ту же минуту.

Почти через час дама-лебедь с голубым пятном прошла в компании, преследуемая Синкойдом Джастином. Карн последовал за другом.

— Спасибо. Я расскажу тебе потом, что происходит. — Он накинул на себя капюшон, помедлил, давая Шарлотте чуть-чуть удалиться, и пошел, почти прижимаясь к стене. Она свернула в едва освещенный коридор и остановилась. Она вытащила листок из-за корсажа костюма и стала читать. Это было нелегко при скудном освещении. Она кивнула, спрятала записку и пошла. Карн подождал, пока она повернула за угол. Он дошел до поворота, когда дверь закрывалась. Поздно. Он опоздал. Затем он увидел тонкую полоску света под дверью.

Если мне суждено встретить здесь кого-то, то пусть это будет в темноте, подумал Карн.

Он дошел до того места, где дверь закроет его, если распахнется. Дверь открылась скоро, очень скоро. Высокий голос прощался с Ларгой Шарлоттой до следующего раза, затем Шарлотта вышла,

держа маску в руке и придерживая зеленую коробочку. Она осторожно закрыла дверь. Карн рванулся. Одной рукой прижал ее к стене, другой прикрыл ей рот, чтобы она не закричала. Она вырывалась с удивительной силой.

— Это я, Шарлотта, — Карн слышал холодную твердость в голосе, но не обращал внимания. — Бросьте то, что у вас в руке, и я отпущу вас.

Она пыталась вырваться. Дверь снова открылась. На шум высунулась голова мужчины, он повернулся и побежал. Но Карн заметил под маской большой тонкий нос, указывающий на сильную кровь Харланов.

— Вы связаны с Харланом, Ларга? — Он знал, что ей придется сдаться. — Моя жизнь, возможно, ваш отец тоже в этом замешан?

Шарлотта тут же перестала вырываться. Она покачала головой.

— Вы собираетесь кричать, Шарлотта? Это будет удивительно для *обоих* наших Домов, если вы сделаете это.

Шарлотта мотала головой. Коробочка выпала из рук с металлическим стуком о пол. Карн поднял ее одним легким движением. Он потащил ее в освещенный коридор и открыл коробку. Несколько сотен круглых розовых пилюль лежали

внутри. Противозачаточные. Неужели она думала, что его желание к ней было так велико, что он забудет о детях, лишь бы удержать ее?

— Шарлотта?

Она вздохнула. Лицо ее побледнело. Она кивнула медленно.

— Вы подписали контракт, Шарлотта. Никаких средств в первые два года. Вы взрослая женщина, Шарлотта, и взрослые женщины должны выполнять обещания. — Карн вытряхнул все из открытой коробки. Пилюли падали на пол. — Халареку *нужны* наследники. Вы знали это. Все знают это. *Никаких средств.*

Карн пустил коробку по коридору. Пилюли разлетелись, ударяясь о стены. Шарлотта упала на колени, собирая пилюли.

— Я никогда больше не буду красивой, — причитала она. — Я стану толстой и безобразной и…

Карн рывком поднял ее на ноги.

— Так всегда бывает, когда женщина беременна, а беременной вы согласились стать. Идем. — Он обхватил ее рукой и повел к выходу из Ратуши. — Мы возвращаемся домой.

Глава шестая

Брандер Харлан осторожно посадил свой флиттер на заснеженную площадку Коннора и в последний раз оглядел салон летательного аппарата. Не было и следа сумки с драгоценным камнем, который новый повелитель Роула вручил ему на последнем балу. В Конноре существовал обычай чистить флайеры гостей, пока сами они участвовали в торжествах или политических акциях на территории владений. Чтобы найти камень, можно было бы обойтись даже без слуги, занимавшегося чисткой флайеров. Харлан не спрашивал, где Бенжамин III взял этот камень, некую связь с Сирилом Мелеваном или…

Это неважно. Это — символ согласия между нами. Скрывшийся Харлан — оплот для молодого мятежника. С приходом весны оба они, и Ричард, и Халарек будут сильно удивлены. К сожалению, Халарек будет не так удивлен, как я надеялся. Я сказал Шарлотте, чтобы она убедилась, что никто не следует за ней. Теперь он знает, что она пользовалась помощью Харлана, по крайней мере, из предосторожности. Возможно, у него есть и другие сведения. Писать пришлось такими

простыми словами, что это мог бы прочесть даже мой шестилетний племянник. Тупица!

Брандер вышел на крыло флиттера и посмотрел на желто-коричневую траву, пробивающуюся из-под снега. Летной погоды в этом сезоне больше не будет. Все погрузится в прекрасную тихую зиму.

Он сосчитал количество флайеров на площадке и отметил про себя, кто уже прибыл, а кому только предстояло появиться. Это было очень важное собрание, в задачи которого входила разработка некоторых очень важных политических проблем за день до Совета. После этого должен был состояться банкет. Выглядело бы странным, если некоторые правители из Девяти не приняли бы участие в совещании. Гостеприимство Дома Конноров было известно далеко за пределами владений.

Халарек, де Ври, Джастин, многие из малых Домов были уже здесь. Плюс к тому на площадке стояло несколько флайеров из свободных городов. Присутствие Свободных людей было необычным. Они не вмешивались в дела Домов. Приглашение Брандера было исключением из правил, так как Изан Грент, повелитель Марка, был официальным спикером для попечителей Харлана. У Брандера были свои предположения

насчет того, каким образом было организовано его приглашение.

Не достаточно ли того, что на этом вечере не будет никого с именем Харлана, Изан? Ты знаешь, что я — доверенное лицо Ричарда.

Брандер спрыгнул с крыла на снег и направился по тропинке к входу в дом. Сенсор открыл двери лифта в тот момент, когда он достиг стен. Совещание не было единственной причиной, из-за которой он приехал сюда. На последующем банкете Брандер мог снова встретить Шарлотту Халарек и оценить ее роль в новом доме, а также возможность ее использования. Было очевидно, что она собиралась препятствовать рождению наследника Халарека. Шпионы Харлана сообщали, что она очень фамильярно вела себя с мужчинами на всех вечеринках. Это заинтересовало его. Такие женщины являются прекрасными кандидатурами в шпионы или жертвами похищения. Хотя еще одно похищение его Домом очередной женщины из Халарека будет нечто большее, чем обычные политические события.

Совещание в Большом Зале Коннора уже началось, когда появился Брандер, и, как он мог предположить, оно протекало не очень успешно. Никто из родственников Харлана не хотел

отдавать части его земель, которыми они сейчас владели, а у Совета не было способа заставить их сделать это. Эта проблема была неразрешима по самой своей сути. Брандер был уверен, что это было ясно каждому еще до созыва совещания. Тем не менее споры с Одоннелом, Брассиком и даже некоторыми представителями Свободных людей длились часами. Совету предлагалось послать свою армию, чтобы отстоять небольшие участки земли, незаконно ушедшие из-под контроля Харлана. Халарек и фон Шусс сидели молча;, несмотря на то, что Халарек был сильно заинтересован в том, что происходило в Харлане.

Дураки. Халарек, фон Шусс, де Ври и Джастин даже не поднимут руки, чтобы собрать владения Харлана воедино. Это не в их интересах. Но Свободные люди обеспокоены. Очень любопытно. Наверняка они обсуждали у себя, что делать. Придется это проверить. Могут ли несколько Свободных людей заставить Совет использовать его армию против одного из Девяти.

В конце концов члены Домов отказались от использования армии Совета для наведения порядка в Харлане, как Брандер и предполагал. Хотя нестабильность в Харлане ставила под угрозу многих из них, предложить иного выхода никто

из них не мог. Пришло время ужина, и совещание закончилось, не принеся никаких результатов.

Слуги быстро расставили скамьи и столы. Когда все было готово, в зал вошла Дарлен Коннор, сопровождаемая женами собравшихся в зале.

Дарлен могла накормить жен заранее и где-нибудь еще. Какой разумный человек захочет омрачить трапезу женской болтовней? Женщина на вечере — это одно, а за едой совсем другое.

Брандер вовсе не был голоден, но Дарлен Коннор была знаменита своим угощением, это был прекрасный шанс отведать ее блюда, но совсем не хотелось сидеть за одним столом с женщиной.

Женщин было гораздо меньше, чем мужчин, и все они сразу были пристроены. Так что Брандер, к своей радости, мог есть один. Пробуя то одно, то другое, он пришел к выводу, что с этим сравниться не может ничто. Мясо было заправлено вкуснейшим соусом. Овощи подавались в горшочках, каждый из овощей сохранил свой естественный цвет, и, если овощи были смешаны, цвета радовали глаз. Масла такого Брандер не пробовал никогда в жизни. Вина были высочайшего качества. К тому времени, когда начали подавать десерт, Брандер окончательно расслабился и чувствовал себя превосходно.

После десерта Дарлен пригласила женщин освежиться и дать возможность мужчинам расслабляться дальше, пробуя вино и говоря о своих делах и о политике. Похоже было, что в этот вечер все только о ней и говорили. Спорили о наделах земель, отнимаемых друг у друга, о мятежных вассалах и о покровительстве Домов малым Домам.

Через некоторое время церемониймейстер открыл главную дверь зала, и женщины вновь вошли в зал, сверкая своими нарядами и украшениями. Брандер увидел Чилдрет Коннора, шедшего к своей жене. Он поцеловал ей руку и несколько мгновений глядел на нее. Его лицо светилось от гордости за свою жену и ее непревзойденные способности хозяйки. Брандеру было ясно, что он сможет найти здесь связи, которые впоследствии смогут оказаться полезными. Если бы Ричард знал об узах, связывающих наследника фон Шусса и Катрин Халарек, возможно, он бы по-другому спланировал свои действия. Его безразличие могло привести к потере Катрин и ребенка. Если бы доктор Геббитс делал, что он обещал и если бы маленькие таблетки, подброшенные Ричарду в вино, сделали свое дело, Ричарду было бы недостаточно двадцати лет,

чтобы завести ребенка.

Удача сопутствовала сыну леди Катрин. Эннис предусмотрел все. Он забрал Катрин из Одоннела прежде, чем люди Ричарда могли настигнуть ее. Возможно, свою роль сыграл здесь Гаррен Одоннел, так как планы Ричарда по поводу жены его родственника были слишком дерзки даже для Гаррена, чтобы он мог не обращать на них внимания.

Брандер видел, как Гаррен и его прекрасная жена присоединились к другим парам. Нет, Гаррен — очень надежный союзник. Эннис ушел от отряда солдат Гаррена, убил или спрятал ребенка, который мог бы оказаться таким полезным. Брандер не верил, что ребенок погиб от болезни, как сказала Катрин.

Вошла Шарлотта Халарек. Она огляделась вокруг. Лхарра Халарека не было видно. Она слегка кивнула, и толпа поклонников окружила ее, скрыв от других глаз.

Брандер подошел к краю этой группы и напрягся, выжидая и вслушиваясь. Было много того, чего он не понимал в Шарлотте Риц-Халарек. Она не вела активной общественной жизни до замужества. Последние годы она уединенно жила около Эринна. Это беспокоило Брандера.

Первые несколько часов на вечере Шарлотта провела, слоняясь из одной части зала в другую, смотрела на жонглеров и акробатов, на дрессированных собачек и фокусников, словом, вела себя так, как подобает порядочной молодой жене, если не считать того, что подле нее постоянно держался молодой человек. Впрочем, он был, скорее, похож на ее брата, нежели на друга.

Вскоре Шарлотта присоединилась к танцующим. Ее мужа по-прежнему нигде не было видно. Брандер принялся наблюдать за ней и заметил, что она старается прильнуть к своим партнерам по танцу. Он стал смотреть более внимательно, и оказалось, что она держится в танце не совсем прилично для замужней женщины. Она интересовала его все больше и больше.

Ближе к концу вечера, убедившись еще раз, что Карна Халарека по-прежнему нет в зале, Брандер пригласил Шарлотту на танец. Они танцевали польку и поддерживали беседу, насколько это было возможно, затем Брандер попросил Шарлотту остаться с ним на вальс. Когда зазвучала музыка, Брандер стиснул Шарлотту в своих объятиях. Она прижалась к нему, ее глаза лениво щурились. Они продолжали легкую непринужденную беседу.

Во время танца Брандер следил, не появится ли Карн Халарек. Недавно он держал свою новую жену около себя. Брандер некоторое время обдумывал, не пойти ли поискать, куда делся Халарек и его союзники, и что заставляет их так долго отсутствовать, но потом решил, что это было бы слишком рискованно. Кроме того, Шарлотта была умелой танцовщицей, и ее опыт доставлял ему удовольствие. В дополнение ко всему, он все больше и больше утверждался во мнении, что связь с ней может много дать ему. Слежка за Халареком и его друзьями может дать кое-кому понять, как ему интересно то, что замышляют враги Харлана. Кузену нет дела до их планов, особенно, если он не старший в семье. Они должны волновать правителя Дома и его братьев.

Вальс закончился, и Брандер передал Шарлотту другому партнеру, но весь остаток вечера он неустанно наблюдал за ней. Она танцевала большинство танцев и с некоторыми своими партнерами держалась более вольно, чем это позволяли правила приличия. Кое-кто из ее партнеров прижимал ее к себе, позволяя себе держать руки там, где могли быть только руки мужа. Закончив танцевать, она вернулась в толпу друзей и поклонников.

Неужели она уже надоела ему? Или она была женщиной, которой необходимо постоянное возбуждение, и она искала мужчин, с которыми получала его? Нужно будет прислушаться повнимательней ко всему, что будет говориться о ней. Шарлотта может добраться до управления Домом, хотя она и несколько дискредитировала себя. Ее власть в доме Халареков заинтересует Ричарда.

Брандер никогда не жалел, по крайней мере, после своей юности, о недостатке гормонов в организме.

Он считал, что это охранит его от его родственников. У него не было почти никаких шансов найти жену из того небольшого числа женщин, которые были в Домах. Этой ночью он почувствовал, что понял бы Шарлотту лучше, если бы его тело хоть как-то отреагировало на ее легкие прикосновения.

Неважно. Я знаю много мужчин, которые «функционируют» нормально. Я выясню, что происходит с Шарлоттой Риц и с Халареком вообще.

Глава седьмая

Карн стоял у входа в убежище, надевая защитный костюм и маску. Снег, приносимый ветром, был похож на туман, в котором ничего невозможно было разглядеть. Пришел ухл, разразившись ужасными штормами, похожими на этот вид штормов, которые случаются в конце месяца. Карн почувствовал, что шторм увлекает его за собой. Огромные сугробы из нанесенного ветром снега возвышались на два метра у входа в убежище. Убийственный ветер мог прекратить дыхание человеку без защитной маски. Карн подумал о контрасте с солнечным светом и нежными дождями Болдера, которые поливали его в свое время.

Первые шторма этого года были столь свирепы, что снабжение Гильдии с Орбиты, которое обычно продолжалось до конца ухла, уже прекратилось. Это будет последним выходом Карна наружу до весны, пусть даже в защитном костюме. Его пальцы уже начало сводить от холода и ветра. Завтра или послезавтра ветра ухла будут уже настолько сильны, что оторвут его от поручней, как бы он ни цеплялся за них.

Карн жалел, что это маленькое приключение уже кончилось. Минуты, проведенные снаружи, снимали с него тяжесть пребывания на посту главы Большого Дома. Они также освежали воспоминания об играх в снежки на Болдере, где люди могли играть на улице всю зиму. Неделю-другую Семья Халареков наслаждалась пребыванием там. Это было очень важно для них. Опыт зим на Старкере IV научил Гхарров необходимости держать руки и умы постоянно занятыми. Когда несколько сотен людей жили в тесном контакте в одном доме сто шестьдесят дней, скука становилась опасной, даже смертельной.

Порывы ветра делались все сильнее, и Карн поспешил перебраться обратно в лифт и безопасность. Он остановился у двери лифта, чтобы еще раз взглянуть назад. Снег ворвался внутрь и лег на пол у его ног. Карн шагнул назад, двери закрылись, и лифт двинулся вниз.

В Доме Халареков зима была временем игр, вечеринок, веселых состязаний плюс к тому занятием личными увлечениями, такими, как катание на лошадях, спортивные соревнования на арене, встречи с друзьями. Этой зимой, еще до конца ухла, стало ясно, что всех этих обычных занятий недостаточно для Шарлотты. Не в силах

сделать больше, чем просто видеться со своими друзьями, Шарлотта становилась угрюмее и угрюмее. Игры, состязания, катание на лошадях — ничто не радовало ее. Веселой ее видели только на вечеринках.

Карн знал, что, даже улыбаясь, она строит планы, как ей вернуть назад отнятые прерогативы. В самом начале их семейной жизни Карн понял, что Шарлотта не прощает пренебрежения к своим желаниям и мстит за это. Она уже почти перестала пускать его в свою постель. Карн же не принуждал ее, по крайней мере, пока, хотя это входило в его официальные права. Он помнил, как это было с Лизанн, и поэтому выжидал.

Силы не потребовалось, архаст и курт прошли без ожидаемой мести. Шарлотта вела себя как самая гостеприимная леди из Девяти, пока Карн ждал, чувствуя напряженность, нарастающую в воздухе. Карн ждал, сам не зная, чего. В дополнение к этому по дому ходили слухи, что Шарлотта флиртует со стражей и спит с другими членами Семьи. Спать с родственником, жившем в малом Доме, было инцестом. Это было местью Шарлотты. Устроенный ею скандал вызовет отчуждение Свободных людей и большинства консервативных Домов. Репутация Шарлотты

была репутацией Карна. Опозорив себя, она опозорила и его.

Карн закрывал глаза на нее и после того, как по дому поползли слухи, но поручил своим служащим наблюдать за ней, пока его не было рядом. Разговоры прекратились, но Карн знал, что это временно. Постоянное наблюдение за ней не могло быть выходом из положения. Шарлотте вполне достаточно нескольких минут, чтобы устроить невероятный скандал. Ему придется увидеть все это, увидеть то, над чем Шарлотта не сможет посмеяться или оправдать себя.

В первый день немба Семья Халареков собралась в Большом Зале на очередную зимнюю вечеринку. Карн стоял с Кит на одной из узких галерей над Холлом. Снизу ни того ни другого не было видно. Обед закончился, и музыканты настраивали свои инструменты. Скоро начнутся танцы, и Шарлотта выйдет на открытое пространство. Шарлотта любила танцевать, а Карн напомнил ей, когда она наряжалась, что дела с Таном задержат его в библиотеке почти до вечера. Карн увидит собственными глазами, насколько правдивы слухи о ней.

— Шпионить за своей собственной женой, — проворчал он. — И ради чего?

Кит успокаивающе взяла его за руку.

— Ты должен сделать это. Ты должен проверить эти слухи, которые ходят в доме, Карн.

Некоторое время они стояли молча. Карн наблюдал за толпой внизу. Одной рукой он обнял за плечи сестру, и она оперлась на него.

Из маленьких окошек над галереями проходил тусклый свет, освещавший пол в центре Зала. Яркие флаги и знамена свисали над людьми, которые ходили, сидели, стояли, разговаривали. В одном из углов пел менестрель. В торце Зала была установлена платформа для стола, за которым обедал Лхарр Халарек и его семья. Сейчас там выступали жонглеры и акробаты. Перед ними находилось открытое пространство для танцев.

Карн искал глазами ярко-зеленое платье Шарлотты, ненавидя себя за то, что следит за ней. «Человек, который не может держать в повиновении свою жену, не справится со всем домом». Это был один из старейших и наиболее сильных принципов Гхарров.

Это было правило для всех их мужчин. Если только в Домах увидят, как его выставили дураком, неспособным держать под контролем свою собственную жену, все достигнутое за прошлый год превратится в прах, и Старкер IV снова вста-

нет на путь саморазрушения.

Карн чувствовал ярость и горькое разочарование. Он старался дать Шарлотте все, что мог. Человек должен быть уверен в собственной жене, по крайней мере, в том, что она не повредит его репутации. Слава богу, эти слухи еще не обсуждались на вечере, но это произойдет, если Шарлотта не остановится.

Кит взглянула на него, и ее рука легла на его.

— Ты сломаешь себе челюсть, Карн. Я слышу, как ты скрипишь зубами. Я — твоя сестра, а ты стараешься скрыть от меня, как тяжело ты переживаешь все то, что происходит с Шарлоттой.

Это было слишком для Карна, уже терявшего над собой контроль.

— Я — Лхарр, — чуть не вскричал он, затем добавил более спокойно: — Извини, Кит. Я подозреваю, что многие наши родственники ждут чего-то этакого. Поэтому многие из них остались здесь вместо того, чтобы разъехаться по своим домишкам на зиму. Они смотрят на нас, как на марионеток. Я не дам им повода для злорадства и не позволю Шарлотте сделать это.

Карн посмотрел в зал. Кит взяла его голову своими руками и насильно повернула к себе.

— Тебя что-то беспокоит, не так ли? И это что-то

больше, чем Шарлотта.

Карн кивнул. Кит обладала способностью читать его мысли, даже до того, как научилась говорить. Но он не хотел обсуждать с ней вопрос о правах, которые Ричард мог предъявить на ее ребенка, ребенка, которого она и Ник ждали с таким нетерпением.

— Расскажи мне, — настаивала Кит. — Ты думаешь о ребенке, о том, что Ричард будет пытаться заставить тебя отдать его? Из-за Энниса?

Карн кивнул.

Руки Кит обвились вокруг его шеи.

— Я боюсь этого. Но я так виновата перед тобой. Мы не можем после всего тебе доставлять хлопоты еще и этим!

Карн мягко взял Кит за руку, а сам невидящими глазами взглянул в зал, долгое время не отвечая сестре. Шарлотта. Роул. Ребенок. Когда Ник и Кит создавали этого ребенка, они думали, что умрут через несколько часов. Но они спаслись, а беременность наступила слишком быстро. Чересчур мало времени прошло после смерти Энниса, чтобы можно было избежать скандала.

Музыка поплыла над залом. Пары сходились и расходились. Появилась Шарлотта и, поскольку Карна не было рядом, принимала приглашение за

приглашением. Она находилась на положенном расстоянии от каждого партнера и оставалась с каждым после танца не более, чем того позволяли правила приличия.

Карн поглядел на сестру.

— Шарлотта здесь. Ведет себя безупречно. Может, история с Таном не одурачила ее, и она знает, что я здесь и смотрю за ней?

Кит стояла молча. Отзвучала полька, начался вальс. Карн любил вальс. Но старики говорили, что этот танец живет только потому, что его правила разрешают неженатым мужчине и женщине плотно прижиматься друг к другу. Многие обвиняли Карна в том, что он разрешил вальс из-за своих идей из другого мира, хотя Карн ничего не мог поделать с этим. Пары кружились по залу, хотя их было гораздо меньше, чем на польке. На мгновение Карн забылся, любуясь мерцающим светом и слушая музыку.

Внезапно Кит толкнула его. Он посмотрел, куда показывал ее палец. В центре зала кружилась Шарлотта в объятиях молодого мускулистого мужчины. Между ярко-зеленым платьем и золотистым костюмом свободного пространства не было вообще. Карн с горечью подумал, что Шарлотта вряд ли стала бы так танцевать с ним.

Кит сжимала его руку до тех пор, пока не встретила его взгляд:

— Ты должен остановить ее. Сейчас. Сегодня. Ничто не устроит Ричарда больше, чем уличение ее в супружеской неверности, что обратится против тебя. — Кит смотрела в сторону. — Супружеская неверность означает смерть.

Кит смотрела в пол. Карн понял, что она вспомнила, как избежала этой участи только потому, что убийца убил Энниса, а Ник женился на ней. Затем его мысли вернулись к Шарлотте. Ему пришлось отвернуться от сестры, чтобы она не заметила, как боль исказила его лицо. Он не требовал любви от жены, но он ждал от нее верности. Верность была необходима. Любовь была опасна. Чилдрет и Дарлен любили друг друга. Это же можно было сказать о Нике и Кит. Карн жил в постоянном страхе, думая о том, чего им может стоить эта любовь. Они, возможно, тоже осознавали это. Карн знал, что желание всегда опасно. Он стиснул руки. Несмотря на подготовку, полученную в Академии, он больше не мог держать себя под контролем.

Другое. Он должен думать о чем-то другом. Например, об опасности, исходящей от родственников Харлана. Они дестабилизируют всю

политическую структуру Старкера IV, и их вероломство и междоусобицы происходят от желания захватить как можно большую власть.

Был еще Пауль III Друма, очень старый, слабый. Он был вассалом Харлана. Гаррен Одоннел и лорд Марк полагали, что он не нужен его отцу. Волки, постоянно ищущие чужой смерти.

Наконец ссора, ждущая его впереди, по поводу ребенка Кит. Это было похоже на холодный душ.

Карн вздрогнул и снова вернулся к залу. Теперь он держал под контролем выражение своего лица и реакции, но боль внутри него не утихала.

— Я женат четыре года. Другие уже имеют по трое детей.

Кит поцеловала его в щеку.

— Здесь ничего не сделаешь. Не вини себя. У тебя нет детей, а у меня есть ребенок, но я не могу доказать свои права на него. Его прячут даже от меня, чтобы защитить от Харлана.

Карн обнял ее:

— Эннис любил вас обоих и спас Нарру ценой своей собственной жизни.

Карн почувствовал, как по телу Кит пробежала дрожь, и понял, что она борется со слезами. Он прижал ее к себе, забыв на мгновение о Шарлотте.

Только охранники и шесть человек из Девяти знают, что Нарра жива. Благодаря Эннису Ван Макнис спас ее и спрятал в надежном месте. Таким образом, Нарра была в такой безопасности, какой вообще можно достичь в этом мире.

Кит вздрогнула:

— Шарлотта уходит с Шеллом, Карн.

Карн взглянул в зал. Шарлотта направлялась в дверь под дальним балконом. Покинуть комнату с мужчиной без разрешения Карна было то же самое, что лечь с ним в постель. А спать с родственником Халарека было инцестом.

Карн видел, как Шарлотта прильнула к своему партнеру, который фамильярно обнял ее за талию и покусывал ее за ухо. Карн похолодел, как будто вся кровь вышла из него. На несколько мгновений он оперся о стену. Невозможно было, чтобы Шарлотта думала, что такое ее поведение останется незамеченным.

Карн отошел от стены, у которой он стоял:

— Довольно. Я видел достаточно.

Одним прыжком он достиг балюстрады, свесил свою левую руку через край и движением руки подозвал к себе охранников. Из толпы выделились десять синих и быстро, но не создавая спешки, направились к дверям зала. Карн спустился по

лестнице. Его рука лишь слегка касалась перил. У подножия лестницы он остановился, чтобы проверить свои волосы и одежду и убедиться, что они в полном порядке. Ничто не должно было выдавать его волнение или гнев. Он хотел казаться холодным и строгим. Пройдя через зал, он направлялся в опочивальню Шарлотты.

Знакомые звуки праздника окружили его в Большом Зале. Люди разговаривали, смеялись, смотрели на выступления артистов. Музыканты играли на своих инструментах. Собаки, которых привели с собой гости, лаяли во время музыки или возились друг с другом. Вполуха Карн слышал, что Кит где-то рядом с ним, отвлекает гостей, которые пытались остановить его для приветствия или беседы.

Они, наверно, уже готовы рассказать мне, что моя жена бросилась в объятия другого мужчины. Это было бы не так плохо, если бы мы были женаты уже много лет или если бы она уже родила мне детей. Многие женщины заводят себе любовников уже после того, как дети подрастут.

Здесь не было ничего похожего на их свадьбу с Лизанной. Она никогда не была бесстыдной. Она никогда не была вспыльчивой и страстной. Брак с Шарлоттой был результатом слишком по-

спешного стремления заменить Лизанну, когда она умерла. Теперь ему было стыдно за ту поспешность. Он должен был лично проверить ее, поговорить с аббатом того приюта, где она жила.

На время Карн потерял Шарлотту из виду. Он остановился и внимательно огляделся вокруг. Она не могла теперь выйти из зала, но ему хотелось самому поймать ее. Здесь, около помоста. Она изменила направление. Возможно, она увидела одного из синих. Кровь ударила Карну в голову. С этого момента она будет находиться под замком. Не было другого пути защитить Халареков от ее безрассудства.

Он остановил Шарлотту, крепко стиснув ее плечо. Она обернулась в ярости, но увидев его, скрыла свой гнев и опустила глаза.

— Мой повелитель, — сказала она тихим голосом.

Карн взглянул через ее плечо на мускулистого молодого человека, стоявшего за ней.

— Твое присутствие здесь больше нежелательно, Шелл. — Карн говорил холодным тихим голосом. Слишком тихим, чтобы его могли слышать другие. — Тебе повезло, что я не вызову тебя на дуэль за то, что ты так ведешь себя с моей женой. — Холодность тона, усилие, сделанное,

чтобы говорить тихо, упоминание о дуэли — все это помогало Карну контролировать себя.

Шелл открыл рот, чтобы что-то сказать, затем закрыл его и покинул зал. Карн больше не обращал внимания на своего родственника. Ему удалось заставить ее забыть о верности и долге. Или это она соблазнила его. Страх на ее лице говорил больше, чем слова. Она сознавала, что зашла слишком далеко. Карн позаботится о ее поведении в дальнейшем. Сейчас же нельзя драматизировать ситуацию. Он знал, что если отправит Шарлотту в ее комнату, она будет сопротивляться громко и со скандалом.

Карн привел Шарлотту обратно в зал и принялся танцевать с ней. Все это выглядело так, как будто он ходил за ней специально для танцев. Его не волновало, что могут подумать остальные. Шарлотта вздрогнула, и он прижал ее к себе, а ее полные губы очаровательно надулись.

«Уговаривай, убеждай меня», — говорили все ее действия.

«Она приходит в себя», — подумал Карн.

Шарлотта дула губы еще минуту или две, затем она обвилась вокруг Карна так, что кровь заиграла в нем и сердце забилось быстрее несмотря на то, что он собирался быть холодным и непри-

ступным. Она «прощала» его.

После танцев Карн вернулся к гостям в зале. Он осознавал, что ему необходимо еще учиться контролю над своими чувствами и управлению другими людьми. С другой стороны, похоже было, что Шарлотта не поддается никакому контролю, и это делало ее очень опасной для Халареков. Неважно, вели ли ее желания или она была частью плана Харлана. Результат для дома Халареков будет один — потеря политической и экономической силы и затем — смерть.

Глава восьмая

Карн проводил Шарлотту в ее комнаты и приказал синим охранять входы и выходы, включая и комнаты Шарлотты. Ему не хотелось больше разговаривать с ней. Сам он не спал в эту ночь. Мысли не давали ему покоя. Только в этом году он достиг положения, когда члены Совета прислушивались к нему без сомнения и скептицизма, как это было вначале. Он наконец-то обрел свой имидж и разрушил то общественное мнение о себе, которое создал ему отец. Он показал, что может править в своем Доме и держать под контролем своих вассалов, даже тех, которых он захватил в плен в войне с Харланом после смерти его матери.

Она была хорошей женой, Алиша Халарек. У нее был шарм, красота, высокий интеллект и железная воля. Она правила Халареком в месяцы между смертью Трева с сыновьями и возвращением Карна с Болдера. Как умудрился его отец найти себе такое сокровище и как он, Карн, смог уже дважды сделать неверный выбор?

«Век живи, век учись, — сказал он горько сам себе — Жаль, что я не знал отца Шарлотты. Что

он делал, чтобы держать ее в повиновении до свадьбы? Я мог бы воспользоваться этим. Она была девственницей, когда я взял ее, но неизвестно, какими усилиями это давалось ее отцу».

Карн остановился и поглядел на свое любимое кожаное кресло. Он может заставить молчать о Шарлотте свою семью и слуг. Сейчас зима. Стремление посплетничать исчезнет прежде, чем наиболее осторожные члены Семьи начнут общаться с людьми за пределами Халарека. Но придет весна…

В недолгие утренние часы Карн нашел решение проблемы. Синим нельзя было долго доверять. Шарлотта была слишком опытна и хитра. Дьяконессы из «Пути» будут сторожить и опекать ее. Они смогут быть рядом с ней днем и ночью, чего не могут делать солдаты. Они охранят ее от непрошеных гостей. Шпионы и близкие друзья распространят сказку о ее интересах в области религии. Мало кто поверит в это, но спорить не осмелится никто.

Но будет недостаточно привезти дьяконесс из Эринна. Слишком велика вероятность подкупа. Как избежать этого? Надо найти ту аббатису. Она не симпатизировала «бедному ребенку».

Карну внезапно пришла в голову мысль о своей

тетушке Альбе, которая тоже была аббатисой. Альба не любила его, но строго подчинялась всем правилам приличия и была предана дому Халареков. Он послал бы Шарлотту жить в молельном доме тетушки Альбы, но Халареку нужны наследники, поэтому Шарлотте придется жить в малом Онтаре.

Когда родится сын, ее можно будет отправить подальше, например, к тетушке Альбе, и оставить там надолго.

Эти мысли немного успокоили его. Он спустился вниз и сделал распоряжения по поводу аббатисы. После этого он почувствовал себя значительно лучше. Как только потеплеет и путешествие станет возможным, аббатиса приедет сюда, взяв с собой сильных, выносливых женщин, которые смогут удержать Шарлотту физически, если это будет необходимо. В ответ Карн пошлет большую контрибуцию для починки западной части наружной стены монастыря. Затем, насвистывая старую народную песню, он отправился в библиотеку.

Весь день он занимался делами. По правде говоря, он не хотел видеться с Шарлоттой. Верность мужу, хотя бы публично, была необходимым условием замужества, но Шарлотта не смогла

сделать даже этого.

Был уже поздний вечер, когда он взошел по железной лестнице в свои комнаты, пожелав спокойной ночи префету синих, ожидавшему его у дверей. Карн отпустил слуг, которые принесли ему одежду на ночь, и стал готовиться ко сну.

Шарлотта, должно быть, ждала его. Она ворвалась в его комнату, как только он сел на кровать.

— Я не твой ребенок, чтобы наказывать меня таким образом. Я не хочу сидеть взаперти! Немедленно убери стражу от дверей, — бушевала она.

Карн молча взглянул на Шарлотту. Что она предложила солдату, который стоял между его и ее комнатой? Или он сам забыл поставить стражу на эту ночь?

— Солдаты будут находиться здесь до наступления тепла, Шарлотта. А затем их сменят дьяконессы, которых пошлет тетя Альба.

Шарлотта побелела. Карн почувствовал удовлетворение.

— Пожалуйста, не делай этого, Карн, — прошептала она. — Я буду делать все, что ты скажешь, только убери своих солдат.

Ее руки обвились вокруг его шеи, своим горячим телом она прижалась к нему, а пальцами перебирала его волосы. Карн сконцентрировал

свое сознание, представив, что она обнимает так другого мужчину, и погасил реакции своего тела. Его тон был сух.

— Оставь это, Шарлотта. Ты будешь вести себя так, как положено жене одного из Девяти.

— Я встречала гостей. Я танцевала почти со всеми. Я исполняла свои обязанности ночью.

Ярость Карна нарастала.

— В твои обязанности входит сохранять верность. В твои обязанности входит защита этого Дома, его секретов, наследников, репутации. И в них не входит заводить ребенка на стороне. Все было слишком явно этой ночью, Шарлотта. Каждый, кто видел тебя, сделал те же выводы, что и я.

Шарлотта отступила от Карна и встала, подперев бока руками.

— Ну и что? Мне нужны некоторые развлечения. Тебя часто не бывает дома, ты занят, а когда приходишь ко мне, то думаешь только о ребенке.

Она знала, что последнее было правдой. Карн был уверен, что она знала, как он желал ее.

— Когда ты подаришь мне двух наследников, ты можешь завести себе столько любовников, сколько захочешь.

Карн смотрел на ее руки, подпиравшие круглые бока. Нет, не сейчас. Только не сейчас.

— Шелл знал, что я только играла. — Голос Шарлотты действовал Карну на нервы. — Ты хочешь испортить мне фигуру? Женщины от детей делаются грузными и толстеют в талии.

— От ребенка Шелла этого не будет.

Нижняя губа Шарлотты начала дрожать.

— Я не собиралась заходить так далеко с ним. Я уже сказала, Что я только играла.

— Другие не знали, что ты играла, и Шелл тоже не знал.

— Кого это волнует? — она отвернулась в негодовании.

Карн схватил ее так, что у нее на руке остался след от его пальцев, и повернул к себе.

— Меня волнует, — Его голос дрожал от ярости. — Каждого, кто живет в этом Доме и хочет выжить. Ты будешь находиться под стражей, пока не появятся на свет мои наследники, и даже дольше, если не научишься вести себя. А теперь, убирайся отсюда. — И Карн вытолкал ее за дверь.

Когда пришли первые оттепели, Ник и Кит вернулись во владения фон Шуссов. Кит скоро должна была родить, и ребенок должен был родиться у себя дома. Шарлотта не показывала

никаких признаков беременности, и Карн уже начал жалеть об этом.

Ребенок Кит и Ника родился тринадцатого керенстена. Это был здоровый маленький мальчик, и они назвали его Джерем в честь старшего брата Карна и Кит. Четырнадцатого керенстена Кит и Ник объявили о рождении наследника всем Домам и Совету, как это было принято по обычаю. Слушая объявление, Карн думал, какую боль, должно быть, чувствует Кит сейчас. Ее первенец должен прятаться в неизвестности, разлученный с семьей, которой он так нужен.

Поздравления пришли в оба дома. Даже Дом Харлана в лице Брандера Харлана прислал свои поздравления с появлением нового наследника. День спустя рано утром Карну принесли сообщение, что Ричард хочет увидеться с ним. Новости, очевидно, были настолько срочными, что Ричард решил использовать Бревен.

Карн остановился на мгновение перед залом, где они должны были встретиться, чтобы увидеть Ричарда, но не показываться самому. Ричард стоял в центре отделанной, покрытой коврами комнаты. Подобная комната в Халареке составляла сильный контраст с этой, хотя Карн велел расписать стены и положить ковры вопреки

запретам своего отца. Карн шагнул в зал.

Ричард стоял так прямо, как будто у него был стальной стержень под туникой. «Я получил известие, что сын Эннис родился и объявлен наследником Халарека и фон Шусса, что абсурдно само по себе. Я требую, чтобы ребенок был возвращен в дом его отца».

Карну потребовалось некоторое время, чтобы осмыслить это. Известие о рождении ребенка дошло до Ричарда быстрее, чем он предполагал. Было ясно, что Ричард попытается отнять ребенка, но Карн не ожидал, что это последует так скоро. Наверно, он обратится к Совету тоже.

Карн посмотрел на своего противника. Он давно не стоял с Ричардом лицом к лицу. Для чего он делает все это? В доме Харланов полно наследников. Их там слишком много, зачем ему еще один? И почему ему не сказали, что маленький Джемми несет на себе отметину всех мужчин рода фон Шуссов?

— На каких основаниях, милорд? — Карн заставил себя говорить и действовать, как будто борьба за Джемми не имела никакого значения.

— Этот ребенок — сын моего родственника и, следовательно, принадлежит Харлану.

— На каких основаниях ты утверждаешь, что

он — сын твоего родственника?

— Посчитай месяцы! — прошипел Ричард. — Леди Катрин и лорд Николас поженились чуть больше шести месяцев назад.

Карн изучал лицо Ричарда, пытаясь понять, что он чувствует, как его учили в Академии. Возможно, он говорил искренне. Кит и Ник поженились быстро, сразу после положенных сорока дней траура по Эннису.

— Я отклоняю ваше требование, милорд. Лорд Джерем несет все родовые признаки фон Шуссов. У тебя плохие шпионы, если ты еще не знаешь этого.

Глаза Ричарда сузились, затем снова открылись.

— Ложь, — сказал он. — Я видел фотографию младенца.

— Кто-то дурачит тебя, Ричард. Изложи суть дела перед Советом, и пусть все увидят, как ты глуп.

Карн надеялся, что он прав. Ник и Кит знали, что требование отдать ребенка последует, и были готовы ответить на него. Кит, возможно, придется согласиться с тем, что она спала с Ником еще до смерти Энниса. Она и Ник могут быть обвинены в супружеской неверности, но наверняка Совет

учтет столь необычные и даже экстремальные обстоятельства.

Глава девятая

Комната Совета была почти полной, когда Брандер добрался до нее. До сих пор все шло хорошо. Он убеждал аббата, что случай с ребенком фон Шусса требовал присутствия Ричарда в три-д для того, чтобы защитить его Дом от не имеющих никаких оснований претензий фон Шусса и Халарека. И это получилось. Аббат не поддерживал фон Шусса. Ричард был в меру сердит, Халарек в меру хладнокровен и справедлив.

Самодовольный педант Халарек.

Брандер сел на отведенное ему место, но сзади скамьи школьного стола Харлана и справа от прохода, откуда он легко мог выйти по поручениям графов.

Мальчик на побегушках. Вот кого Ричард видит во мне — не возможного наследника, не мужчину даже, потому что я не такой похотливый, как он.

Изан сидел на стуле, который принадлежал графам Харлана, в окружении советников среди других вассалов членов правления. Чувство негодования обожгло Брандера при мысли о человеческой самонадеянности.

Он мог бы оставить стул пустым и сесть один сзади него. Он не граф. И никогда им не будет. И Ричард никогда не вернется, чтобы потребовать свое место, *если я правильно поведу дело.*

Брандер вообразил на мгновенье, что он сидит в том кресле, облаченный в богатую одежду и драгоценности графа Харлана, а его многочисленные сыновья расположились сзади него. Это единственное удовольствие, которое он мог себе позволить. Он только родственник, хотя и близкий, и грезы не могли сделать его ближе к праву наследования. Он не имел достаточно власти даже для того, чтобы заполучить себе в жены женщину. Пока.

Брандер пробежал глазами по полукругу ученических парт Девятки. Парта Кингсленда была все еще пуста.

Ингольд, вероятно, ушел по своим делам, и никто другой не смеет сесть, пока он не сядет. Очень подозрительный человек этот Ингольд.

Халарек и его советники пришли вслед за Одоннелом. Кузены и племянники Одоннела вертелись вокруг стола, напоминая колышущееся пшеничное поле.

Отсюда будут исходить жалобы Ричарда на фон Шусса. Изан Грент, по-видимому, имеет

больше здравого смысла. Гаррен более лояльный, чем здравомыслящий, и слава Богу.

Брандеру на мгновенье захотелось узнать, что чувствует Карн Халарек, сидя здесь среди своих врагов, затем он перевел взгляд на Гормсби.

Ты много натворил в прошлом, старик. Ты так строго придерживался принципов Старой Партии, что мы навсегда потеряли кресло Председателя Совета.

Гормсби заерзал на своем стуле, будто прочитал мысли Брандера.

Интересно, сколько еще протянет старый бастард? По крайней мере, Наследник его уже обсуждался — Ингольд Кингсленд, с ним намного легче иметь дело, чем с Неллисом.

Барон фон Шусс и его Наследник стояли в проходе рядом со своими столами с графом де Ври и Паулем IV Друма. В этой группе Брандер увидел нескольких юношей Джастина.

Харим Гашен, Свободный человек и Председатель Совета, медленно шел по проходу, отделявшему Девятку от Свободных, миновал Брандера и остановился у председательской доски. Громкий рев труб объявил о его прибытии тем, кто еще этого не заметил. Стоящие члены Совета заняли свои места, послышался низкий гул, состоящий

из многих голосов, шарканья ног, скрипа стульев, затем стало тихо.

— Добро пожаловать в Совет Оттепели, — начал Гашен. — Несколько позже будет предложен обед, во время которого можно будет поговорить друг с другом. Для тех, кто еще не знает, сообщаю, что мы поставили большие тенты для ваших женщин и детей и устроили несколько игровых площадок для детей за домом.

Гашен бросил быстрый взгляд на записи на своей доске.

— Самыми неотложными делами сегодня, как мне кажется, будут официальный прием Бенжамина III Роула в качестве лорда Роула и жалоба от графа Харлана на то, что в Доме фон Шусса находится недавно родившийся Наследник Харлана. Лорд Ричард требует возвращения ребенка.

Уголком глаза Брандер увидел, что Ник фон Шусс начал вставать, но барон Эмиль резко усадил его назад в кресло.

— Есть и другие очень важные вопросы. Кат требует 400 квадратных километров земли в юго-восточной части владений Макниса. Дом Рица провозглашает формальную независимость от Харлана. Лорды Ганнет и Рудер присягают на верность Эллиту из Джастинов. Последнее, и,

вероятно, наиболее важное: некоторые из остающихся вассалов Харлана требуют изменения в правах наследования.

Все в комнате, как один, застыли от изумления.

Они не знали. Хорошо. Удивить — почти всегда хороший тактический ход.

Гаррен Одоннел встал.

— Гаррен Одоннел, из Дома Одоннел, — сказал он, представляясь, как того требовал ритуал, хотя в комнате не было никого, кто бы хорошо не знал, кто есть кто. — Лорд Ричард Харлан просил меня представлять его интересы в отношении ребенка, рожденного леди Катрин Халарек.

Гашен одобрительно кивнул.

— *Я* слышу вас, лорд Гаррен. Однако лорд Ричард связался со мной сегодня рано утром и сказал, что хотел бы сам представлять свое дело.

Одоннел с неловким видом немного постоял, затем сел. Гашен протянул руку к окошку три-д техники внутри комнаты. Гигантский экран за доской Председателя поднялся, затем три-д комната оказалась в Бревене, Ричард спокойно стоял, ожидая внимания Совета.

Брандер подавил улыбку, так как не знал, куда в этот момент направлены три-д камеры Совета.

В конце концов, это двусторонний обмен. Не может быть, чтобы Ричард не видел этого. Вот он стоит в три-д, несмотря на то, что приговорен к одиночному заключению. Он большой мастер манипуляций, этот Ричард. И никто не смеет обсуждать: Ричард должен сам представлять свое прошение, потому что ему это более выгодно.

Брандер подавил в себе чувство удовольствия, чтобы лицо не выдало его.

Смущение или отказ, случись это перед всем миром в три-д, будут намного тяжелей, а я защитил бы себя от подозрений с железным алиби: я был втянут в авантюру поиска весенних пастбищ для стада Харлана. Я не мог видеть три-д передачу фон Шусса, потому что я не был им предупрежден. Хотя на самом деле был.

Брандер ожидал, что Ричард будет говорить последним. Двое выступили с речью сразу же, как только узнали, что Катрин была беременна. Были и дополнительные детали, конечно, для тех среди младших Домов, кому не все было ясно в споре Харлана с Халареком. Когда речи закончились, один Гаррен Одоннел встал для того, чтобы выразить свою поддержку требованию Ричарда, и его голосу явно не хватало чистосердечности.

Гаррен видел ребенка, но Гаррен слишком

многим обязан Ричарду, а самое главное, очень хорошей женой, поэтому он и поддерживает его. Жена принесла ему в приданое и золото, и кредиты, и экспортные контракты.

Председатель долго глядел на Ричарда после того, как он закончил говорить. Он оглядывал ряд за рядом младшие Дома на скамьях слева от экрана и Свободных, сидевших справа. Ему не надо было поворачиваться, чтобы узнать мнение Девятки. Мнение Девятки по этому вопросу было предсказуемо, как восход солнца.

— Вы хорошо продумали ваше требование, лорд Ричард? — спросил наконец Гашен.

Ричард кивнул. Его можно было не спрашивать.

Гашен прочистил горло.

— Наследственность ребенка ясна, милорд. Нет никакого сомнения, кто его отец.

Ричард фыркнул.

— Фон Шусс с ней только шесть месяцев. А ребенку нужно семь. Лорд Николас опоздал на сорок дней.

Гашен поправил бумагу на доске, пригнув голову так; чтобы нельзя было прочитать, что написано на его лице. Он сделал взмах рукой. Одна из дверей в глубине комнаты со скрипом

открылась и закрылась.

Брандер задумчиво кивал головой. Это движение готовой не могло бы дать ключ к разгадке его мыслей, если бы камеры были направлены на него.

Конечно, это весьма неудобно для Гашена. Совершенно ясно, что речь идет об адюльтере. Свободные очень взыскательны в этом вопросе. Даже ханжи.

Гашен поднял голову и взглянул Ричарду в глаза.

— Этот ребенок не может быть потомком Энниса Харлана, милорд. У него на голове метка, которую имеют все мужчины фон Шуссов. — Гашен повернулся и посмотрел вглубь комнаты.

Лицо Ричарда застыло, все, что он мог чувствовать при сообщении ему этой новости, было спрятано за маской, но Брандер знал, что Ричард судорожно ищет выход из создавшейся ситуации.

Ник фон Шусс шел по проходу к своей фамильной парте, неся маленького сына. Он пересек ковер между партой и доской Председателя и осторожно отогнул покрывало с головы ребенка. Сначала он показал крошечного мальчика Девятке, потом младшим Домам, затем Ричарду

и Свободным. Темно-красная метка фон Шуссов начиналась прямо от пушка на лобике ребенка и, пробегая по всей головке, скрывалась сзади на шейке. Фон Шусс передал ребенка Гашену и приподнял волосы со лба. Точно такой же знак, несколько поблекший с годами, был и у него. Повернувшись и отогнув воротник, он показал тот же знак на шее.

Он взял ребенка и взглянул на Гашена.

— Мы думали, что должны погибнуть в той ловушке, Кит и я, — сказал он просто. — Мы успокаивали друг друга, веря, что это все, что мы можем сделать. — Он нежно посмотрел на ребенка, которого держал в руках.

Брандер фыркнул. Очевидно, фон Шусс не чувствует за собой вины.

Я должен держаться подальше от наемного убийцы, по крайней мере, до конца недели, когда Эннис будет здесь, чтобы встретить свою жену и ее любовника, когда они вынырнут из туннеля. Этот рядовой случай может обернуться большим развлечением. Брандер, наблюдая за Ником, снова появился в проходе. *Но Эннис должен умереть. Ричард в этом со мной согласился в конце концов. Правда, я не сказал ему, что думаю, их ребенок еще жив.*

Ричард был вполне согласен, но действовал нерешительно. Он не приказал серьезно заняться осадой Рица, и его наемники не смогли попасть в Кат. Не то, чтобы приказы Ричарда значили очень много, если они не удовлетворяли желаниям вассалов, которые теперь правили Харланом. Ричард еще до конца не понял, как сильна власть, которую имеют сейчас вассалы, и никто, кроме Брандера, не объяснит ему. *Бедный Ричард.*

Ричард, в замешательстве зависший в жизнеподобном реализме за доской Председателя, изучал свои тщательно ухоженные руки. Казалось, он сможет дотронуться до Гашена, если нагнется.

— Кажется, я получил очень важную информацию, — сказал Ричард, не глядя. — Ребенок точно лорда Николаса. Доказательство прелюбодеяния налицо.

Комната Совета загудела. Люди задвигались на своих местах. Голос из младших Домов, достаточно громкий, чтобы быть пойманным три-д оборудованием, произнес:

— А вы чем занимаетесь, дамский угодник? Вы будете даже счастливее, чем фон Шусс, когда сможете продлить свой род.

Брандер отвернулся, чтобы спрятать улыбку, которую не удалось остановить — Ричард уже

продлил свой род.

Ник фон Шусс остановился там, где был, и обернулся к ряду младших Домов. Он раскрыл было рот, но, ничего не сказав, снова повернулся и вышел.

Недурно. Недурно. Какое самообладание у темпераментного Наследника. Не удостоить обвинение ответом. Et cetera.

Послышались протестующие голоса.

— Это говорите вы? После посещения проституток в Бревене? — Сердитый голос звучал из секции Свободных.

Гашен дважды стукнул молоточком по доске.

— Прошу соблюдать порядок, лорды и Свободные. Никто не просил слова и не представлялся. — Он повернулся к Ричарду. — Простите за заминку, милорд. Вы хотите что-то добавить?

— От имени моего кузена Энниса и нашего Дома я обвиняю леди Катрин Халарек и лорда Николаса фон Шусса в прелюбодеянии.

— Милорд, — Гашен был подчеркнуто вежлив, — вы выдаете желаемое за действительное. Я не могу позволить вам продолжать. Для прелюбодеяния нужна оскорбленная сторона. Последний муж леди Халарек умер. А раз нет никакого греха, то не может быть и обвинения. Наконец, милорд,

сейчас вы не можете говорить от имени вашего Дома. — Гашен неприязненно посмотрел на Ричарда и демонстративно повернулся к нему спиной. Он протянул руку, и изображение Ричарда исчезло.

Брандер со злорадством представил себе ярость Ричарда и от обращения с ним Гашена и от его собственной неспособности воспрепятствовать этому. Некоторое удовлетворение можно было угадать и в ропоте, прокатившемся по комнате. Брандер уловил кусочек разговора, в котором с завистью говорили о том, что лорд Николас отхватил себе жену. Брандер понимал огорчение молодых мужчин и еще раз порадовался тому, что сам не испытывал в этом физиологической нужды. Он бы хотел иметь жену только из-за возможности получить власть, которую она принесет в приданое.

— Если нет другого мнения, я предлагаю Совету ввести в должность лорда Бенжамина III Роула и принять присягу Домов Ганнета и Рудера Дому Джастина. Есть возражения? — Гашен посмотрел на Изана, который сидел, опустив голову.

Отпускаешь их, Изан? Каждое дезертирство ослабляет наш Дом, но идет тебе на пользу, не так ли?

Желчь поднялась до горла Брандера, и он сглотнул ее. Сейчас он ничего не может сделать, чтобы нейтрализовать эти опасные действия. Изан Грент управляет Харланом прямо из Совета, и более слабые вассалы поддерживают его.

Время. Если бы я имел больше времени. Брассик и Джура поддержат меня. Позже присоединится Линн.

У доски Бенжамин III Роул принимал хартии своего Дома из рук Председателя.

Абсурдный обычай — возврат хартий в Совет, когда умирает глава Дома. Это должно быть делом Домов. Как Свободные могут терпеть, что кто-то их контролирует?

Брандер пристально смотрел на Председателя, обгрызая заусенец на указательном пальце.

Ганнет и Рудер подошли к доске Председателя, и Эллит Джастин обменялся с каждым из них символическим поцелуем мира и передал им символические дары вассалов.

Злость Брандера нарастала. *Что за торопливость, джентльмен? Вы хотите укрепить ваш союз на случай возможного нападения и не хотите ждать обычной церемонии в Большом Зале Джастина? Чего вы боитесь?*

Ганнет и Рудер заняли свои стулья среди млад-

ших Домов, бледные, но уже успокоившиеся.

— Теперь дело Ката, — Гашен внезапно прервался, потому что Оберт, лорд Кат, поднялся для того, чтобы его все увидели.

— Я просил бы, чтобы Совет отложил этот вопрос до следующего заседания. Есть вероятность, что он может быть решен путем переговоров.

Неодобрительный шумок пронесся над скамьями Девятки и младших Домов.

Я вижу, что Халарек приложил к этому руку. Переговоры! Это женщины переговариваются. Мужчины дерутся!

Румяное лицо Оберта побагровело, но он не взял назад свое предложение.

— Тогда мы перейдем к порядку наследования Харлана. — Гашен сел у своей доски и развернул несколько пластиковых простыней. — Большинство вассалов Харлана требуют изменения порядка наследования по следующим причинам:

Первое. Ричард Харлан находится в одиночном заключении, не имеет отношения к делам в Харлане в течение четырех лет и не будет иметь еще в течение пяти. Харлану нужен сильный человек, который может руководить.

Второе. Ричард Харлан во время пребывания в Бревене при предыдущем аббате показал себя

распутником.

Это самый неубедительный аргумент, который я когда-либо слышал. Половина из вас имеет любовниц или навещает проституток в ваших поместьях.

Третье. Ричард Харлан отказался дать Дому Харлана графиню и наследников.

Они не знают, что он не может. Поэтому он никогда не попадется, как лорд Николас.

Четвертое. Лорд Ричард навлек позор на свой Дом убийством женщины.

Пятое. Лорд Ричард еще больше обесчестил себя и свой Дом тем, что совершил убийство в комнате Совета, куда ни один мужчина не вносил оружия.

Гашен прервал перечень обвинений.

— Будем обсуждать?

Конечно, будем, старый осел! Зачем спрашивать о таких очевидных вещах?

В дискуссии, которая затем последовала, Гаррен Одоннел и некоторые кузены Харлана убеждали сохранить право наследования в том виде, в котором оно существует. Другие кузены Харлана и большинство вассалов хотели его изменить. Не для пользы Дома, Брандер это прекрасно чувствовал. Его родословная из-за большого количества

подарков и обещаний имела некоторое преимущество, хотя линии других первых кузенов тоже имели своих сторонников. Постепенно выбор стал склоняться к родословной Брандера.

Отлично. Отлично. Здесь я хорошо поработал. Показал, что нужные слова, ненавязчиво произнесенные в подходящее время, могут возыметь действие. И при этом мое имя даже не упоминалось. До меня есть два старших кузена, но с ними проблем не будет. Посмотрим, как Ричард устранит своих братьев.

Согласия между членами Дома Харлан и вассалами было, однако, недостаточно, чтобы внести изменения. Девятка и младшие Дома также должны были согласиться с любыми изменениями. Наследник Гормсби чрезвычайно подробно рассказал о святом руководстве и преданности законопослушного лорда и его потомков его Дому. Граф де Ври вспомнил, что лорды, не имеющие Дома, не меняли права на наследование в течение трех веков. Лорд Мерид Веско заговорил о могучем разуме Ричарда и хватке в политических делах, чего новый лорд, вероятно, не имеет.

Не об этом речь, Мерид! Проснись!

Лорд Керекс сказал о традиции, теперь совершенно забытой, выяснять вопросы наследования

в поединке *a outrance.*

О, прекрасно, Керекс. Я не дуэлянт, но даже если бы я был им, было бы чрезвычайно глупо вступать в бой не на жизнь, а на смерть. Я предпочитаю действовать хитростью. Кажется, мне это удавалось, когда я объяснял выгоды (в такой же степени для вас, как и для меня) изгнания Ричарда.

Наконец, когда споры начали делать третий круг с одними и теми же аргументами за и против, Гашен призвал к голосованию.

Так как рассматривалось дело, касающееся Домов, Свободные не принимали в нем участия. Голоса распределились с небольшим преимуществом в пользу соблюдения традиции и первоначального права наследования.

Брандер весь дрожал от злости, однако он не мог оставить комнату, чтобы не привлечь к себе внимания.

Не моя вина, лорды и Свободные, что мой предок был лишь младшим сыном, и я еще докажу, что представляю собой нечто большее, чем курьер Ричарда и шпион. Это только первый раунд!

Глава десятая

Члены Совета хлынули из комнаты навстречу еде и музыке, ожидавшим их снаружи. Карн стоял у доски с Таном Орконаном, Обертом из Ката и Ваном Макнисом, каждый из которых был со своим администратором. Эмиль фон Шусс сидел за партой, глубокомысленно глядя в потолок. Гаррен Одоннел отказался от участия в обсуждении такого «трусливого» решения спора, как переговоры.

Через несколько минут после того, как все покинут комнату, к ним должен был присоединиться Председатель Гашен. Карн чувствовал себя нервным и раздраженным. Он должен был достичь в этом деле успеха, или никто и никогда не стал бы решать споры путем переговоров. Было чудом, что Кат и Макнис согласились на то, чтобы просто рассматривать возможность переговоров в данном споре. То, что Оберт говорил об этом в присутствии других Домов, было просто невероятным.

«Возможно, моя мысль о помощи Старкеру IV подхватится Внутренним Миром и идея Федерации не совсем утопична. Возможно, что эта

готовность хотя бы обсуждать переговоры есть результат моей четырехлетней работы». — Карн почувствовал, что немного расслабился.

Суматоха и низкий шум голосов во внешнем коридоре прекратились, когда Председатель Гашен собственной персоной закрыл центральные двери в комнате. Затем он спустился по проходу к центру комнаты, где ожидали его мужчины.

Он направлялся к администраторам для того, чтобы вернуть к своей доске стулья, когда с нескрываемым интересом взглянул на Ката.

— Лорд Оберт, я и удивлен и обрадован, слыша от вас предложение провести переговоры. Ни один Дом не готов отказаться от этих — простите мне мои слова — ложных понятий о чести уже достаточно долгое время, чтобы попытаться избежать кровопролития. До сих пор никто не пытался рассматривать Свободных как официальных посредников. Вы заслуживаете похвалы, — Гашен пристально посмотрел на Макниса. — И вы тоже, милорд.

Макнис выглядел недовольным комплиментом. Карн с интересом наблюдал за ним. Ван никогда не любил принимать комплименты. Для Вана эта смелость принять участие в таком сборище, особенно после того, как были обна-

родованы цели, которые оно преследовало, не была равна той смелости, которая необходима для встречи лицом к лицу с врагом.

Карн подозвал жестом мужчин из кресел. Кат и Макнис избегали смотреть друг другу в глаза.

Гашен заговорил.

— Вы пришли, насколько я понимаю, для того, чтобы попытаться путем переговоров разрешить очень давний спор между вашими Домами. Так?

Макнис и Кат кивнули.

Гашен продолжал.

— Мы просили прийти ваших ближайших союзников, главным образом для того, чтобы скрыть тот факт, что Карн Халарек, а не я будет вести эти переговоры. Он исключительно опытен в этой области. У меня нет слов, чтобы описать его достоинства, милорды. — Гашен, говоря это, смотрел на Оберта Ката. — Я сам проверил его рекомендации Эльзасской Военно-Морской Академии. — Он остановился, чтобы взглянуть на главные двери в комнате. — Мы рассчитывали на то, что Одоннел отвергнет наше приглашение. Приди он, и переговоры стали бы невозможны в рамках тех политических правил, которых придерживаются сейчас Дома. Я прав, не так ли? Свободные не всегда понимали действия Домов.

— Вы совершенно правы, Председатель. — В голосе Макниса проскальзывали веселые нотки.

Он знал, какая хитрая лиса этот Гашен, Карн рассказывал ему. Председатель был особенно вежлив с теми, кого считал непроходимо глупыми.

— Тогда я передам это дело Халареку. Когда совещание закончится ко всеобщему удовольствию, я надеюсь, Халарек, барон фон Шусс и их люди уйдут. Мы просидим здесь на полчаса дольше для того, чтобы оставить впечатление, что они здесь были как интересующиеся наблюдатели. Этот план приемлем для вас обоих?

Кат и Макнис кивнули, и Карн начал, сначала спросив каждого по очереди о их семейном представлении о спорной земле, осторожно нащупывай возможные варианты согласия. Сначала оба они были решительно настроены. Они сильно рисковали, согласившись на переговоры. Они могли повредить своей репутации, уступив слишком много. Это очень важная вещь, репутация.

Дома возвышались и падали из-за силы и слабости их репутации, чести или бесчестья.

Время переговоров подошло к концу. Карн объявил перерыв. Вскоре два солдата принесли

ужин. Когда обсуждение завершилось, атмосфера стала более благожелательной. В течение часа мужчины работали над соглашением, которое могло сохранить их репутации и разрешить спор, как они надеялись, окончательно.

Кат собирался издать формальное обвинение и затем напасть на Макниса так, чтобы стало ясно, что никаких договоренностей не достигнуто, и тем самым сохранить репутацию обоих лордов. Кат и Макнис хотели запретить использовать в сражении бимеры по каким-нибудь удобным причинам с тем, чтобы не причинить вреда солдатам. Макнис должен будет ответить в три-д на нападки Ката с оскорбленным видом, что он очень хорошо умел делать, а затем два Дома должны будут сражаться дней десять или двенадцать, в зависимости от погоды, до заключения мира. Кат хотел получить кусок земли, отделенный от владений Макниса рекой Зимара.

Кат мог считать себя победителем, так как он получал кусок земли. Макнис мог тоже заявить о победе, так как он вытеснил Ката из своих владений, за исключением никчемного куска земли с другой стороны реки. Он мог отметить, что уступил намного меньше, чем требовал Кат, и убедительно мог доказать, что бесплодная по-

лоска земли — слишком большая цена за убитых солдат, если бы пришлось воевать до победного конца. Крови не должно было пролиться, если Одоннел не нападет на его вассалов, но это маловероятно, потому что Друма — более лакомый кусок, и недавно сообщили, что Пауль III Друма лежит на смертном одре.

Переговоры завершились, Карн и барон фон Шусс вышли из комнаты, обескураженно покачивая головами. Они объединились внешне, но без видимого энтузиазма. Внутри Карна все плясало от радости. Поддельная битва будет в конце концов разоблачена. Никто не сможет долго удержать историю, подобную этой, в секрете, но битва, вероятно, будет довольно долго считаться настоящей, по крайней мере, некоторые лорды хотели бы, чтобы убийство было единственным путем разрешения таких споров, а в конце концов вывод будет такой: Кат и Макнис — нечестные люди, которые унаследовали ссору и не хотят ее продолжать.

Почти через час показался Ван Макнис, краснолицый и потный. Он ревел медведем и жаловался на тупость и упрямство Оберта Ката. Кат, следуя совету Гашена, выглядел бледным и трясущимся. Только Карн знал, что он провел довольно много

времени в кухонном холодильнике, чтобы иметь такой вид. Кат огрызнулся на трех или четырех человек, пытавшихся остановить его разговорами, прежде чем он смог хоть что-нибудь выпить или съесть.

Карн поискал взглядом Шарлотту, чьими компаньонками в течение дня были Дарлен Коннор и Кит. Сейчас была его очередь следить за ней. Он не хотел запрещать ей первое появление в обществе в этом сезоне, но нужен был кто-нибудь, кто бы следил за каждым ее шагом. Кит и Дарлен согласились оставаться с Шарлоттой днем по очереди, так, чтобы их наблюдения не могли вызывать сплетни, пока Карн был в здании Совета. Не первый раз Кит оказывала Карну помощь такого рода. С самого начала было ясно, что сиплая дьяконица, суровая и бесцветная, не годится в компаньонки. В любом случае престарелая дьяконица не показывалась часто среди мужчин.

Первыми Карн нашел Шарлоттиных компаньонок. Дарлен сидела со своей семьей под деревом, рассказывая старшим детям сказку и одновременно нянча малышей. Она подняла глаза, когда тень Карна упала на нее, и кивнула в сторону Гигиеничек, не пропуская ни слова из своей сказки.

Карн пошел в указанном направлении и нашел Кит, сидящую на насыпи, покрытой травой, рядом с Гигиеническими помещениями. Она выглядела усталой и чуть улыбнулась Карну в знак приветствия.

— У меня тяжелые предчувствия, Карн. Она находится здесь довольно долго, но не могу же я в самом деле зайти туда и спросить, что она там делает?

Карн нагнулся, чтобы поцеловать ее щеку. Она слишком много пережила в прошлом году, подумал он и сказал:

— Ты помогла мне гораздо больше, чем входило в твои обязанности. Иди, поищи своего мужа и ребенка и как следует отдохни. — Он подал руку и помог ей встать.

Краешком глаза он видел, как она шла. Кит изможденa. Он хотел бы еще кого-нибудь найти в компаньонки Шарлотте и дать Кит отдохнуть. Он чувствовал страшное раздражение оттого, что за семнадцатилетней женщиной надо следить как за четырех- или пятилетним ребенком.

Карну показалось, что за Гигиенической постройкой, где предположительно была Шарлотта, что-то движется. Есть ли там дверь в задней стенке? Он никогда не видел Гигиенички с две-

рью сзади. Он кинулся по траве к постройке так быстро, как только мог, но все же опоздал. Мужчина, оглядев постройку, снова нырнул за нее. Карн бросился в погоню, но мужчина добрался до деревьев, окружающих Совет, до того, как Карн добежал до Гигиенички. На мгновенье мелькнул нос убегавшего, не оставляющий сомнений, что он был из Харланов. «Одно из несовершенств совершенного размножения Харлана — это нос, — прошептал он про себя. — *И я один из очень немногих людей вне Харлана, кто знает об их генетическом совете и его программе размножения*».

Карн вернулся, чтобы тщательно осмотреть заднюю стенку Гигиенички. Он услышал, как спереди открылась и со щелчком закрылась дверь. Задняя стенка была гладкой. Тонкая фанера не имела отверстий, но тот человек и Шарлотта могли переговариваться через нее без всякого труда.

И о чем Шарлотта говорила с мужчиной из дома Харланов? Замышляла побег? Или измену? Или устраивает назначение?

Карн поспешно обежал постройку, чтобы поймать Шарлотту до того, как она откроет, что Кит ушла и можно раствориться в толпе. Он видел, что она ищет Кит. Ее шаги ускорились. Он кинул-

ся к ней и схватил ее за руку. Шарлотта в испуге отпрянула. Она обернулась, чтобы увидеть, кто держит ее за руку, и лицо ее побелело.

— О чем ты говорила с человеком из Дома Харлана, Шарлотта, в месте, которое служит для полного уединения? — Его голос был раздраженный, как и он сам.

Шарлотта откинула голову, глаза ее блестели.

— Я не знаю, о чем ты говоришь, ревнивый дурак.

Карн остановился и резко повернул ее так, чтобы можно было схватить ее другую руку. Он с удовольствием отхлестал бы ее сейчас, и был бы перед законом прав, но он слишком часто видел, как это наказание применялось к Кит, да и к нему самому.

— Ты делаешь мне больно, — задыхалась она.

— Ты делаешь больно моему *Дому*. Я имею полное право избить тебя до крови за твои секретные встречи с мужчиной.

— Я ни с кем не…

Карн сжал ее руки так, что она вздрогнула, и как следует ее встряхнул.

— Не лги мне, Шарлотта. Я его видел.

— Я уже говорила, что ты ревнивый дурак, и тебе Бог знает что мерещится. Ни с кем я не

говорила.

Подтолкнув ее, Карн заломил ей руки за спину и повел к флиттеру. Подсадив ее на крыло, он втолкнул ее в кабину. Увидев, что Шарлотта упрямо надула губы, Карн приказал солдатам, охраняющим флиттер, применять станнеры, если будет необходимо ее удержать. Затем он вернулся, чтобы попрощаться.

Когда через несколько минут он усаживался в кресле пилота, Шарлотта зло глядела на него из пассажирского кресла, в котором один из солдат привязал ее не только ремнями безопасности, но и связал ей манжетами запястья, чтобы она не смогла освободиться.

— Похоже, ты причинила охране беспокойство, — заметил Карн.

Шарлотта посмотрела на него с вызовом, но ничего не сказала. Это вполне устраивало Карна, потому что он еще не знал, как говорить с ней в этот момент, и пытался сдержаться.

Четыре года напряженного труда, попытки изменить политическую и социальную систему Старкера IV, а когда, наконец, показались проблески надежды, его жена собирается уничтожить его репутацию.

Карну хотелось бы верить, что ее действия

были заговором с Харланом и Рицем с целью унизить Дом Халарека. Он умел управлять заговорами. Заговорщиков можно было подкупить, запугать, склонить к измене. Он не верил, что здесь заговор. Шарлотта действовала в своих собственных интересах, для себя. Ее необходимо так же строго изолировать в поместье Онтар, как Ричарда в Бревене, и у нее должна быть компаньонка, которая будет заниматься только ею и у которой не будет мужа и детей, отвлекающих ее.

Леди Агнес. Когда бы слово «компаньонка» ни произносилось в Доме Халарека, воображение немедленно рисовало высокую, худощавую леди Агнес, дальнюю родственницу, няню всех детей в Доме Халарека, преподавательницу хороших манер для девочек и самую строгую компаньонку. Леди Агнес представляла собой некий образец, и если он попросит, она придет к нему, потому что всегда его любила.

Карн вспомнил, как раздражали Кит строгие правила леди Агнес. Кит — сорванец, Кит — хулиганка, Кит — невыдержанная. Кит смогла вырваться из цепких пальцев леди Агнес только после замужества. Леди Агнес приглядывала за Кит по ее просьбе, даже когда Кит жила в Доме Одоннела. Она взяла на себя заботу о ребенке в то

время, когда Эннис и Кит бежали. Карн невольно улыбнулся, воображая реакцию Кит на возвращение леди Агнес в Дом Халарека.

«По крайней мере, я не совсем потерял чувство юмора, — сказал он сам себе. — Я хочу быть рядом, когда Кит услышит это. Кит знает, какая жизнь ждет Шарлотту после того, как приедет леди Агнес, и она будет счастлива, что теперь живет у фон Шусса. У Шарлотты не будет никаких мыслей, вообще никаких».

Карн почувствовал глубокое удовлетворение, думая о реакции Шарлотты на ее новую надсмотрщицу. Можно было подумать о ком-нибудь еще, но Шарлотта *заслужила* именно леди Агнес.

Вернувшись в Онтар и вежливо пригласив леди Агнес по три-д, Карн вызвал своих военных советников в библиотеку. Здесь были генералы Винтер и Рот, капитаны Дженкинс, Филлипсон, Обрен, Ян Виллем и Дэннен Виллем. Вместе они обсуждали стратегию Халареков в попытке «освобождения» союзника Макниса. Действия должны были выглядеть правдоподобно, в воздухе и на земле, однако допускалось только разрушение ландшафта. Нет никакого сомнения, что лорды, которые могут получить выгоду от разоблачения мошеннических сражений, захотят увидеть в

деталях, что происходит.

Дэннен Виллем поглаживал спрятанный в чехол бимер.

— Как вы думаете, нет ли какой-нибудь возможности уговорить Гилда вывести из строя камеры на той неделе?

Ян Виллем свирепо взглянул на брата.

— Уж не думаешь ли ты, что Гилд изменит свою позицию нейтралитета из-за такой ерунды?

Дэннен, в свою очередь, разозлился.

— А почему бы и нет? Никто не может знать.

Генерал Винтер прервал разговор резким движением руки.

— Когда ждать атаку Ката, милорд?

Карн пожал плечами.

— Не сообщают. Когда сочтет нужным.

Леди Агнес прибыла через три дня после того, как ее утвердили, неся с собой небольшой чемоданчик с одеждой и книги, которых должно было хватить надолго. Тан Орконан провел ее к Карну, который в этот момент обедал.

— Карн? — Сухощавая старая женщина с некоторой принужденностью поклонилась, и эта видимая чопорность объяснялась только старческой болезненностью суставов.

Карн встал из-за стола и поклонился в ответ.

Никто не обнимал леди Агнес. Никто никогда ее не касался.

— Миледи.

— Где моя подопечная?

— В квартире у Ларги, леди Агнес.

— Тогда вы меня извините. — Она сделала еще меньший поклон и повернулась, чтобы выйти.

Орконан двинулся ей навстречу, чтобы помочь перешагнуть через порог. Леди посмотрела на него странным взглядом, оттолкнула его руку и переступила порог.

— Я совсем не так стара и дряхла, — съязвила она. — И вам нечего провожать меня к Ларге. Я много раз проделывала путь в это поместье еще до того, как вы появились на свет, молодой человек. Однако обычно члены семьи меня представляли своим женам.

Карн встал из-за стола и повел леди Агнес к лифту, снова чувствуя себя маленьким мальчиком. Он мог и не повиноваться ей, но выполнение ее указаний после стольких прошедших лет было приятно Карну. Его старая няня любила его, и большую часть его жизни она была единственным взрослым человеком, кто его любил.

Кат напал на Макниса неделей позже. А еще через неделю, в серое предзакатное время, Кат,

управляя флиттером, вел две сотни солдат на помощь Макнису. Две сотни не были большой поддержкой. С другой стороны, большого сражения и не предусматривалось. Организация обороны поместья для того, чтобы отбить осаждающих, требовала большого количества людей.

Как только Карн миновал юго-восточный угол поместья Друма, он захотел узнать о здоровье графа Пауля III. По слухам, он все еще цеплялся за жизнь, хотя сам уже не понимал, на каком он свете. Если бы Пауль IV был такой же, как Ричард или Ингольд Кингсленд, или хотя бы Тен Брассик, старик давно бы уже «умер во сне». Хотя вряд ли кого-нибудь удалось уверить, что это случайность. Но всему свое время, а ему предстоит встретиться в сражении с Гарреном Одоннелом.

Карн и его солдаты высадились примерно в пяти километрах вниз по реке от битвы. Ван был «захвачен» нашествием войск Ката, которые дошли до середины поместья, прежде чем он «обнаружил» их. Его люди оттеснили армию Ката назад до реки, но дальше не смогли. Поэтому Карн решил, взяв нужное количество солдат, столкнуть Ката в воду.

Так как Макнис располагался в очень заросшей лесом Северной Студеной Зоне, в тени гор Зима-

ры, весна приходила сюда позже, чем в Халарек. Когда Карн поднялся на крыло флиттера, он заметил, что река Зимара была покрыта гонким слоем льда. Однако стада уже спускались с мест зимовки и лениво жевали засохшие остатки буйной прошлогодней травы. Карн в раздумье смотрел на животных. Их безучастное присутствие может сделать битву более трудной, так как глушители не позволяли наделать столько шума, чтобы их спугнуть, и нельзя было бы использовать летчиков и их бимеры.

Карн покачал головой. Они должны были угнать стадо. Присутствие животных могло указать наблюдателям, что битва фальшивая.

Карн послал гонца к Вану, и через несколько часов из поместья прискакали всадники, чтобы угнать стадо. Командиры сотен, между тем, дважды проверили все станнеры на мощность и дальнобойность, несколько человек из каждой сотни начали сооружать времянки, а остальные строем маршировали в сторону сражения, если можно считать марширующими лениво передвигающихся и глазеющих по сторонам мужчин.

«Битва» всем порядочно надоела. Карн заменял своих людей на поле битвы и возвращал назад на базу каждые три дня — тех из них, кто не входил

в списки «убитых». Эти списки составлялись на основании полученных «ран». Мужчины, которые чувствовали себя лишь оглушенными, объявляли себя ранеными и возвращались на базу в лазарет. Те, которые были избиты и нокаутированы, объявляли себя убитыми и проводили остальное время после своей «смерти» в похоронной повозке. Их увозили в Онтар в гробах лишь для того, чтобы несколькими днями позже снова за ними вернуться, но уже на другом транспорте.

Каждая сторона вела тщательный учет пораженных мужчин, потому что эта битва была, в сущности, упражнением в меткой стрельбе, и ход ее менялся в зависимости от того, кто имел за день большие потери. Если Кат — он отступал. Если у него были потери меньше — он продвигался дальше. Эти передвижения полагались на абсолютную секретность внутри каждого Дома. Следовательно, Шарлотта ничего не могла рассказать о своем лорде, кроме того, что он жив и здоров. Сообщения из Онтара к Карну уведомляли, что Шарлотта даже не пытается установить дежурство в Ларге и навещать раненых.

После девяти дней обе стороны были готовы для важной и эффективной битвы за северо-восточный берег реки. Ван Макнис был режиссером

этого полного драматизма водного отступления под превосходящими силами Ката. Внизу, по течению, в тени ив, нависающих с обеих сторон, будут ждать люди, вне поля зрения камер, для того, чтобы поймать тех, кого снесло рекой.

Ночью перед битвой Вейсман принес Карну весть, что Пауль III Друма скончался и что Гаррен Одоннел сразу же напал на его пограничные фермы и владения. Ко всеобщему удивлению, он не объявил осаду. Закон требовал уведомления за сорок дней до проведения осады. Сорок дней позволили бы небоеспособным мужчинам и женщинам покинуть поместье. Сорок дней давали шанс обороняющимся подготовиться. Атак на фермы и мелкие поместья почти никогда не было. Карн вынужден был оставить представление, устроенное Катом и Макнисом, немедленно и спешить на помощь вассалам.

Карн не вернулся в Онтар, но послал гонца к Винтеру, приказывая ему сразу же послать четыре сотни к Друме под командованием Рота, а Кат с ними там объединится. Солдаты Рота уже простояли в ожидании в Онтаре несколько недель. Движение их к Друме могло занять лишь восемь-десять часов, но Карну должно было хватить этого времени для того, чтобы снять с

себя ответственность по отношению к Макнису и подобрать кого-нибудь, кто бы заменил его в последние часы битвы. В то время, как он этим занимался, Макнис получил уведомление, что Одоннел объявил сорокадневный срок до осады Друмантона. Сорок дней на то, чтобы вывезти все из маленьких поместий и ферм рабов. Сорок дней Паулю IV для того, чтобы в ужасе ломать руки и взывать к помощи других лордов.

Расчет и тактика Одоннела ясно показывали, что он полагал, что Карн будет находиться в оккупированном поместье Макниса. Внезапно нападая на отдаленные хозяйства, фермы, которые принадлежали рабам, Одоннел угрожал Паулю IV без нанесения ему особого вреда. Рабы не имели большой цены, так же, как их временные постройки, выраставшие каждой весной. Малые поместья были почти так же защищены, как и само главное поместье. Ущерб, нанесенный урожаю и стенам зданий, мог лишь выразиться в том, что следующая зима для Друмы будет менее комфортной. Карн увидел ошибку в планах Одоннела почти сразу. Одоннел не мог представить себе, что кто-нибудь серьезно будет защищать хозяйства рабов, поэтому разбросал свои силы, тратя время на возню с рабами до того, как наста-

нет момент осады. Карн намеревался показать Одоннелу, что это было серьезным просчетом.

Глава одиннадцатая

Карн сделал несколько кругов над Друмой перед посадкой. Военные силы Халарека рассеялись по полсотне человек между деревьями в глубоких долинах к западу от поместья Друмы. Карн обнаружил их только потому, что он был заранее предупрежден. Карн знал, что Рот размещал их здесь очень осторожно в течение тридцати часов. Теперь он мог видеть, что генерал замаскировал их очень тщательно. Внезапность должна помочь победить Одоннелов и их союзников, размещенных тоже в долине, где они уничтожали любое строение. Карн не хотел, чтобы его воины были застигнуты внезапно, поэтому он с удовлетворением отметил, что Рот не только расставил двойные цепи караульных, но и хорошо натренировал воинов, избавив их от чувства всесильности, которое у них появилось после победы над Макнисом. Станнеры и лучеметы должны будут стрелять на полную мощность под Друмой, и не будет никаких правил, запрещающих воздушные атаки с помощью тепловых лучей.

Было раннее утро, когда Карн посадил свой флиттер на плоскую площадку за замаскирован-

ным временным командным центром. Холмы вокруг были усеяны цветами всевозможных расцветок — желтыми, розовыми, красными, голубыми, белыми. В воздухе стоял шум от жужжания пчел. Легкий ветерок доносил запахи цветов. В такой красоте для Карна было тяжело думать о войне, убийстве и смерти.

Карн спрыгнул с крыла флиттера на траву и посмотрел на горы Цинна на юге. Снег еще держался на их вершинах.

За этими горами находилось поместье Халарека. И Шарлотты. Он тосковал по Шарлотте, несмотря на ее вероломство. Он не имел близости ни с какой другой женщиной после их свадьбы. Он сомневался, смогла ли бы Шарлотта остаться ему верной, если бы она не охранялась днем и ночью. Его тело еще тосковало по ней, хотя он знал, как опасна эта привязанность. Он выбросил эти мысли из головы и пошел к группке людей, находящихся в укрытии.

Генерал Рот, Карн и младшие офицеры решили до отбытия с Онтара, что они не будут нападать на крупные силы Одоннелов, пока не подойдут все вассалы Дома Халарека. Рот объяснил, чем он приказал заполнить время солдат. Чтобы избавить их от скуки и понимая, что никто не будет

тренироваться бессмысленно, генерал помимо проверки оборудования и строительных работ, которые выполняли обычно резервные войска, предложил совершать отдельные вылазки против небольших групп солдат Одоннела, чтобы заставить поддерживать себя в хорошей форме. Отряды воинов, способные, по мнению Рота, выполнить задание, были вооружены достаточным количеством станнеров и лучеметов и продовольствием на два-три дня, чтобы напасть на Одоннелов. Когда Карн шел к штабу, он видел, как солдаты старательно трудились и обсуждали, какой урон они нанесут Одоннелам.

После встречи с генералом Карн обошел несколько военных лагерей. Каждый флайер или транспорт был так тщательно замаскирован, что разглядеть их можно было только вблизи. Некоторые солдаты несли ящики с оборудованием в навесные палатки и тенты. Другие ставили кровати в Санитарном центре на краю лагеря. Командующие сотнями посылали разведчиков, заставляли чистить и ремонтировать оружие до полной боеготовности. Карну было приятно, что оружие тщательно проверялось. Надо было проверить каждый станнер, который попал к Роту от раненых в Макнисе, возвращавшихся после

битвы в лагерь. Одноногий мастер, оставшийся на Онтаре, как раз должен был заняться этим, но он еще не прибыл.

К тому времени, когда Карн вернулся к месту посадки, там уже был возведен командный пункт. Карн прошел через дверь, запиравшуюся давлением воздуха. Рабочий столик для мастера по оружию был установлен при хорошем освещении с противоположной стороны от столов с бумагой и картой, которой пользовались Карн и его советники. Гора станнеров Макниса лежала на столе.

Дверь открылась, и мастер, качаясь на костылях, прошел прямо на свое место. Помощник прошел за ним, неся ящик с инструментами и запчастями. Мужчина уселся на свое место и взял ближайший к себе станнер. Карн повернулся к картам и бумагам, лежащим на столе за ним.

«Подумать только, мой отец хотел уволить его как бесполезного, хотя он потерял ногу, защищая Халареков на Ферме 3,— пробормотал Карн.— Лучший мастер по оружию после Веиланда Смита». Он сел, чтобы внимательно рассмотреть рельеф местности на карте Друма.

Транспорт из Лабара, Номера и Дюрлена прибыл только часом позже после Карна, хотя Синдт

из Дюрлена послал только одну сотню солдат. Солдаты Мелевана и Нерута прибыли к вечеру, сразу за ними солдаты Джуры и Брассика. Джура и Брассик послали по две сотни каждый, что удивило Карна. Он ожидал только лишь моральной поддержки от этих двоих, отвоеванных у Харлана лишь только два года назад. Роул не прислал ни одного солдата. Чтобы отчитаться перед своим лордом, Бенжамин III послал ему сообщение. Оно пришло по техническим каналам в виде шифровки. Карн прочитал его расшифрованное сообщение громко вслух всем своим присутствующим вассалам.

«Я не буду помогать убийцам моего отца».

Карн пробежал глазами сообщение в течение секунды, после чего скомкал его в кулаке.

— Нет хуже дурака, чем молодой дурак, — прорычал он. — Он дал клятву месяц назад и уже думает, что имеет право нарушить ее! Если он думает, что я забуду об этом из-за войны, то он глубоко ошибается.

Филлипсон, командир пилотов и давний друг Карна, оторвался от карты, которую он изучал.

— Держу пари, он думает, что ты собираешься застрять здесь на месяцы. За это время он может окопаться, возможно, найти союзников. Напри-

мер, Линна и Скабиша. Эти Дома не прислали тебе никого, чтобы помочь?

Карн кивнул глубокомысленно. Это действительно так. Но, возможно, для этого были серьезные причины. Скабиш, например, настолько беден, что мог послать людей только верхом на лошадях, а это бы заняло несколько недель. Он подумал, что он мог бы использовать отсутствующие Дома против Роула. Они находились ближе к поместью Роула, чем военные отряды Халарека. Карн вспомнил, что он просил Винтера изучить этот план. Друма была более важна Халареку, чем Роул, хотя экспортный баланс Халареков нуждался в товарах из выдувного стекла. Из-за важности Друмы для Карна он должен был оставаться вблизи нее, пока она не падет. Халарек и его союзники теперь численно значительно превосходили Одоннела, который мог рассчитывать на помощь от тесно связанного с ним Харлана.

Вейсман раскрыл шпионскую сеть. Было бы легко приказать шпионам Халарека предотвратить попытки Бенжамина найти новых союзников. Бенжамин был слишком юным и опрометчивым, чтобы ему доверяли шпионы его отца, и если он вел себя по своему обыкновению, он, наверное, уже казнил многих высших советников своего

отца.

Но организация подпольной деятельности займет значительно больше времени, чем прямые вооруженные атаки. Карн глубоко вздохнул. Роул выбрал время правильно. Карн не мог покинуть Друму. Но он мог сделать вид, что он не покинет Друму и что Дом Роула не имеет значения для Карна. Это имело бы большую разницу в политической борьбе со своим изменником, как для Роула, так и для всех остальных. Карн повернулся к технику связи, который суетился у края стола с картой.

— Прими сообщения, — резко сказал Карн, злой от деятельности Роула.

— Да, милорд. — Техник взял перо и подставку и начал писать.

«Бенжамину III Роулу, с наилучшими пожеланиями.

Спустя восемь часов после получения этого послания, все нефте- и газопроводы в Роуле будут отключены так же, как это было сделано после измены твоего отца. Ты можешь сидеть в тепле с отключенными машинами и потеть, пока я не решу, что делать с молодым щенком, который кусает руку хозяина, пока тот спускает свою свору собак на врагов.

Или ты можешь отказаться от своего предательства, заплатив двухтысячный кредит и послав две сотни солдат в Друму».

Техник связи перечитал сообщение Карну и затем ушел посылать. Карн оглянулся вокруг. Никого из его вассалов, кто был здесь минутой раньше, не было.

Карн посмотрел на Филлипсона.

— Где все?

— Они только что ушли, Карн. Похоже, они о чем-то договорились.

Семь лордов вошли в комнату минутой позднее, а за ними генералы Рот и Винтер. Карн посмотрел на Винтера с удивлением.

— Лорд, — сказал Винтер. — Я вернусь к исполнению своих обязанностей на Онтар сразу же, как только эти люди все расскажут. Это очень важно. Они просили меня прийти, потому что знают, что вы всегда выслушиваете.

Нерут затем сказал с некоторым колебанием:

— Мы проголосовали, лорд Карн, семеро из нас и Линн и Скабиш. Техник по связи подтвердит, что мы разговаривали с ними. Мы предлагаем вам не участвовать в битве, лорд Карн. У вас нет прямых наследников. Ваш новый племянник слишком молод, чтобы быть признанным всеми

в это время. И любая война по возрастающей может окончиться распадом Дома Халарека на части, что сделает нас легкой добычей среди Девяти Семей. Наше голосование, конечно, не имеет законной силы. Мы знаем это. Мы желаем знать, что вы думаете по этому поводу.

Карн смог только неподвижно уставиться на них. Голосование? Его вассалы, старые и молодые, хотят держать его в тылу? Инстинкт Гхарра привел его в негодование.

Голос разума, вышколенного в Болдере, подсказывал, что вассалы правы. Их решение было очень важным изменением на Старкере IV. На памяти Карна такого голосования никогда прежде не было: вассалы не решались делать предложений своему господину. Эти люди обеспечивали ему безопасность. Он стоял, раздираемый борьбой между традицией и разумным решением, которое шло вразрез с его желанием. Он хотел сразиться с Одоннелом. Он должен был это сделать после попытки Одоннела не допустить необходимую Гильдии медицинскую помощь, посланную Иджилу. С другой стороны, у него нет наследника, который займет его место, если его убьют.

— Я ценю вашу заботу о моей жизни, — сказал

он наконец. — Я выполню вашу волю, хотя это очень трудно для меня.

Винтер слегка улыбнулся. Их план одобрен. Семь лордов поклонились в знак признательности и отправились по своим обычным делам.

Отряды Халарека, возглавляемые генералом Ротом, двинулись против войск Одоннела по заранее разработанному плану. Дом Халарека выступал в центре, с флангов — отряды вассалов, все они двинулись на лагерь Одоннела.

Генерал Рот все продумал обстоятельно. Через день с небольшим сражение закончилось. Две сотни Роула прибыли, как только силы Одоннела бросились бежать. Одоннел отступал через границу Зоны Мерзлоты. Армия погрузилась на транспортные корабли и отправилась домой. Он сбежал так стремительно, что не забрал всех раненых. Если кто-то остался за линией врага, он бросил их.

Карн осматривал поле сражения и не мог понять, как можно бросить людей врагу, пока армия не разбита. Отряды Одоннела не были в отчаянном положении. Он шел вдоль раненых и убитых — и своих союзников, и из армии Одоннела — вызывая как можно быстрее транспорт. Следом за Карном шел солдат, который по прось-

бе Карна опознавал тела. Карн разговаривал с каждым, кто был в сознании, и уверял их, что им будет оказана немедленная помощь. Примерно каждый десятый был из отрядов Одоннела. Он не знал, что с ними делать. Ему не хотелось, чтобы столько врагов оказалось в Онтаре, но и оставить их было нельзя. До отправки транспорта надо принять решение.

В поле зрения Карна попался один из техников связи.

— Прошу прощения, мой господин. Для вас пришло очень важное сообщение. — Он произнес залпом: — Ларга Халарек исчезла, мой господин.

Карн резко повернулся к технику связи.

— Она отправилась в Леус за покупками, милорд, закупить обивочный материал и новый коврик для своей комнаты. Вы же не запрещали ее прогулки за покупками в сопровождении охраны. Две монашки и бригада солдат по вашему указанию отправились с ней.

У Карна закружилась голова. Он подозревал, что это не поход за покупками. Что же опять случилось?

Дорога в Леус была не более опасна, чем любая другая дорога на планете. Это какая-то ошибка.

— Исчезла?

— Да, мой господин. Кто-то их оглушил из засады. Когда весь эскорт пришел в себя, Ларга и ее конь исчезли.

Карн почувствовал облегчение. По крайней мере, в этот раз все не убиты, как было при похищении Кит. В этот раз, честно говоря, можно даже было не приказывать организовать поиск. От нее были одни только неприятности. Но дело чести для Карна найти и наказать того, кто похитил его жену. Для продолжения рода он должен найти и наказать того, кто попытался лишить Халарека возможности иметь наследников. А она все еще была для него желанна.

Он заметил, что техник занервничал под его пристальным взглядом. Тогда он отвернулся и спросил:

— Что вы попытались сделать, чтобы отыскать ее или ее похитителя?

Техник пожал плечами.

— *Я* передал вам сообщение, которое пришло, милорд. Больше я ничего не знаю. — Он вручил Карну текст.

— Благодарю. Отлично. Вы свободны.

Карн спокойно проанализировал ситуацию. Убитых нет. Ларга и ее конь исчезли. Возможно, это означает, что похититель должен был неда-

леко уйти — либо до Леуса, либо до флайера. Где он мог спрятать флайер на открытой равнине у Леуса? Холмы к западу от Великого Болота могли быть ближайшим убежищем, а до этого в течение нескольких часов похититель мог быть заметен. Карн обернулся к посыльному.

— Позови Винтера. Пусть проверит съемку Гильдии. Передай ему, что я буду дома как можно скорее.

Карн направился вдоль рядов раненых. Стремительное возвращение в Онтар вряд ли ускорит поиски Шарлотты, но каждая минута была дорога для раненых.

В конце последнего ряда лежал скрюченный человек. Карн остановился около него. В мгновение человек повернулся на спину, вытащил из чехла большой нож и метнул его. Карн отскочил в сторону. Посыльный, подошедший с докладом, ударил человека по шее. Тот перестал шевелиться.

Жив. Карн почувствовал прилив безудержной ярости. В глазах потемнело. *Убийца. Убийца!*

— Мой господин! — Голос посыльного был нетерпелив. — Вы в крови. Стража!

Карн сосредоточился. Это помогло сдержать гнев.

«Нож, должно быть, был очень острый, — думал про себя Карн, — так как я не почувствовал боли. Если бы я чуть помедлил, я был бы уже мертв».

Теперь сильно ощущалась боль, обжигающая левую руку. Карн задыхался. Появился караульный, оценил ситуацию, достал свой станнер и прицелился в убийцу. Подошел санитар и стал сдирать рукав с раны Карна.

— Не убивайте его, — приказал Карн караульному сквозь зубы. — Очевидец. Убийца.

Караульный кивнул, оглушил убийцу до беспамятства, связал ему руки и ноги, перекинул его через плечо и отправился с ним к командному пункту. Карн потребовал носилки и попросил своего пилота подготовиться к немедленному вылету. Санитар возмутился. Транспорт с ранеными еще не загружен. Он мог отправиться в Онтар через несколько часов. Карн поднялся на ноги.

— Ждать нельзя. Ларга исчезла. Надо ехать *сейчас же.*

Спустя восемь часов флиттер Карна прибыл в Онтар. Карн чувствовал, что он еле стоит на ногах. Ему пришлось прибегнуть к помощи пилота, чтобы спуститься с крыла флиттера. На мгновение он задержался на посадочной площадке, чтобы дождаться, пока перестанет кружиться

голова. Одоннел был сокрушен. Ларга исчезла. Кто-то подослал убийцу. Одоннел? Харлан? Роул? Шарлотта?

Говорят, неприятности всегда рядом и следуют одна за другой. Карн усмехнулся.

Головокружение усилилось, и он оперся на руку пилота.

— Мой господин? — В голосе пилота были тревога и сочувствие.

— Сейчас все будет в порядке. *Я* потерял много крови. — Карн задышал еще чаще. — *Я теряю сознание. Я хочу видеть Отнейла.*

— Эх, почему не подождали транспорт с ранеными? — Резкий голос прорезался сквозь головную боль Карна. — Вы знаете, что на транспорте есть медикаменты.

Карн понял, что кто-то рядом есть. *Отнейл. Он не стал ждать, чтобы его позвали. Конечно.*

Мужчина в черном, лет пятидесяти, предстал перед ним. Он нахмурил брови.

— Мой господин, я к вашим услугам.

— Транспорт все еще на земле, — бормотал Карн, качаясь.

— Если бы вы с ними остались, вы бы не потеряли столько крови. Лучше подождать, чем умереть, милорд. Исчезновение Ларги не стоит этого.

Отнейл поманил техника, который подошел с носилками, и они направились к лифту.

Карн все еще лежал, наблюдая за мелькающими огнями вдоль проходящих уровней. *Спорить, конечно, глупо. Никогда не переспоришь этого человека. Глупо сердиться на доктора. Он знает свое дело. Всегда. Даже, когда мое состояние так плохо, Отнейл знает, как выйти из положения.*

Носилки двигались мягко, но медленно, из чего Карн заключил, что все не так серьезно, чтобы торопиться. *Так легко. Можно уснуть. Уснуть.*

Спустя несколько часов Карн проснулся, так как рядом с кроватью было очень светло. В поместье была «ночь», а он был в своей кровати в своей комнате. Его левая рука была так туго забинтована, что он не мог ее совсем согнуть. По-видимому, нож не проник так глубоко, так как локоть не поврежден. Он мог с трудом повернуть голову. На мгновение он закрыл глаза. Ему наложили шину. Вот и все.

Карн долго лежал в полудреме, пытаясь вспомнить, почему он дома и так спешно, и все время представляя людей, лежащих вокруг него на траве. Поднялся Одоннел. Ван и Оберт вели переговоры, *а* их лица были скрыты. Вассалы Карна голосовали и ожидали, чтобы он с ними

согласился. Это *была* надежда на изменение. Он повернулся к картине Иджила, в которой тоже была надежда. На стене Хеймдал сражался против Гигантов Мерзлоты. На стене гиганты никогда не достигали Моста Рэйнбоу. Естественно, в том мире, в котором они жили, а потом была война, которая разрушила мир.

Все изменилось на Старкере IV. Возможно, гиганты не победили бы. Возможно, его попытки повернуть Старкер IV по новому пути в конце концов имеют тот же результат. Возможно, этот мир не погибнет. Карн снова заснул.

Вдруг его разбудил шорох справа от кровати. Правой рукой он схватил свой станнер из-под подушки, даже не открывая глаз. Кит схватила его за руку, прежде чем он успел что-либо сделать.

— Карн, это я. Тан сообщил нам. Он сказал, что убийца пытался убить тебя, а ты потерял много крови. Ник пришел узнать, нужна ли какая-либо помощь в поисках Шарлотты (Тан рассказал нам и об этом), пока ты еще не так здоров. А я пришла убедиться, что тебе не так уж и плохо, как сказал доктор Отнейл.

Карн расплылся в улыбке, но был слишком слаб.

— Ты же знаешь, что Одоннел смягчил диа-

гноз.

Кит помотала головой.

— Ты должен доверять ему.

В глазах Кит блеснули слезы.

— Ты мой брат, я люблю тебя и беспокоюсь о тебе. — Она наклонилась над ним и нежно обняла. Она поцеловала его и снова села. — Я не задержусь надолго. Джемми скоро проголодается, а он не любит искусственное молоко. Хотя дядя Эмиль следит, скоро он будет вытворять неизвестно что через несколько часов.

— Ты не принесешь его показать леди Агнес? — Карн постарался сказать светло и нежно. А получилось грубо и хрипло.

Кит с любовью улыбнулась.

— Что ты, — сказала она и снова поцеловала. — Если я покажу его леди Агнес, я получу его не раньше, чем через неделю. — Она собралась идти. — Дядя Эмиль послал для меня флайер, а Ник может остаться столько, сколько ты захочешь. — Она вышла из комнаты и сразу закрыла за собой дверь.

Карн все еще думал о ней. Ее появление напомнило ему о *ее* похищении. Сотни людей погибли. Для семей погибших это было хуже, чем война, так как на войне смерть приходит на глазах дру-

зей и соратников.

Люди, сопровождавшие Кит и Арла, были совершенно беспечны, так как не ожидали опасности и не могли защищаться. Но даже и этот кошмар не позволил Карну долго бодрствовать. Он так устал, так измучен.

После трех дней, проведенных в постели, Карн смог прогуливаться ненадолго. Через неделю он уже мог целый день провести в библиотеке, занимаясь своими неотложными делами, главное из них — поиск Шарлотты. Он знал, что Ник, Винтер, союзники Халареков и фон Шусса, граждане Леуса — все искали Шарлотту, и нигде не найдено было даже намека на то, где она могла быть.

Другие важные дела — церемония присяги дома Друмы на верность Паулю IV и наказание Бенжамина Роула. Роул *послал* две сотни как только смог. Можно подождать еще несколько дней. Церемонию присяги можно отложить до тех пор, пока Шарлотта не будет найдена. Это значит, что Одоннел тоже подождет дать клятву Паулю. Карн почувствовал легкое удовлетворение от этого, Пауль должен сначала заглянуть к Карну, так как Дом Халарека выиграл сражение.

Приоритеты расставлены, Карн позвал Винтера в библиотеку. Винтер приветствовал своего

господина легким поклоном и резким стуком своих каблуков.

— Вейсман мне говорил, что вы хотели точно знать, что мы предприняли, чтобы найти Ларгу. Теперь я доложу. Каждый день мы сообщали вам кратко о наших поисках, и это все вы уже слышали. — Генерал был краток и нетерпелив.

Карн резко взглянул на Винтера. Что-то было необычно в его поведении.

— Я хочу знать все подробнее. Первые дни, пока я был дома, я плохо соображал, генерал.

Карн подумал о небольшом упрямстве генерала из его доклада. Винтер кивнул в знак согласия и начал.

— Никто из фермеров на полях не слышал никакого громкого шума или треска, милорд, хотя можно предположить, что эскорт Ларги был оглушен на расстоянии. *Я* думаю, что они все были оглушены, включая Ларгу. Хотя лучше бы ее не оглушали, так как нормального всадника легче транспортировать, чем бессознательного. Но никто не кричал.

Никто из Леуса не видел никаких вооруженных всадников или флайеров в окрестности. Не было никаких признаков борьбы на месте, где были найдены сопровождающие Шарлотты. Это

означает, что она была либо без сознания, когда ее схватили, либо добровольно ушла.

Два дня тому назад городской глава Леуса сообщил через три-д на ваш запрос, что Ларги Халарек нет на их снимках местности. Как только они узнали о нападении, они отправили весь город на поиски. Они не нашли никаких очевидцев, которые бы ждали ее прибытия.

Карн выпрямился.

— Вот и все, милорд. И леди, с которыми, как она говорила, она собиралась встретиться, и продавцы магазинов, на которые она указывала, — все сказали, что они не слышали ничего о ней несколько недель. С того дня, как вы потребовали запереть ее дома, милорд.

— А кто разрешил ей выехать из Онтара?

Винтер молча посмотрел на Карна.

— Милорд, я уверен, что на разрешении было ваше указание.

В голове Карна родились ужасные подозрения.

— Я не давал разрешения выезжать из поместья. И не посылал разрешения.

Винтер прикусил губу.

— Когда Орконан сказал мне об этом, я сказал, что это не ваше указание, хотя подпись была похожа на вашу. Вы же не позволяли леди вы-

ходить, особенно, если в охране менее двадцати человек. — Винтер холодно усмехнулся. — Или вы совсем ей не разрешали выходить.

— Указание? С моей подписью?

— Вы не помните, что говорили об этом, милорд?

Карн задумался, но слишком много всего произошло с момента поражения армии Одоннела.

— Ничего. И вы дали разрешение Орконану? А где вы были в это время?

— Я был в Друме, у ваших вассалов, милорд. Здесь были Вейсман и Орконан. Вейсман показал бумагу Орконану, сказал, что ей ее передал один из раненых, когда она была в клинике.

— Раненый? О боже! В Макнисе не было раненых, и Тан знал это.

— Я уверен, что это только предлог, милорд. Конечно, Ларга Шарлотта не знала никого из раненых. Мы положили в клинику несколько человек, чтобы она точно показала, кто это.

— Вы спрашивали Шарлотту о записке? Кто-то говорил мне, что она отказалась совсем посетить раненых.

— Вейсман сказал, Ларга Шарлотта попросила его передать записку Тану сначала, так как она боится меня. Кроме того, как я говорил, я еще не

вернулся в поместье тогда, да никто и не думал, что так случится.

— И вы не спросили ее, как выглядит хотя бы этот человек?

— Нет, милорд. Орконан пытался. Но она протараторила, что она к нему не выйдет, а монашки его не впустили, конечно.

— Ты думаешь, это был заговор?

— Я не знаю, милорд. Все случилось так быстро, что мы ничего не поняли. Я немедленно послал войска вслед за ней, но было уже поздно.

Карн кивнул. По крайней мере, Винтер уважал бумаги, и он сделал все, что мог.

— Что еще вы обнаружили?

— На съемках Гильдии только видно, как отряд Ларги двигался по пути в Леус, милорд. Больше никого. По-видимому, похищение, если это было похищение, произошло, когда съемка была на удаленной орбите.

Карн взглянул на суровое лицо своего боевого генерала.

— Ну и?

— Я не думаю, что это похищение, милорд. Все говорит об обратном, и я, и мои помощники (и городской глава, хотя они не могут сказать этого вам) уверены, что Ларга добровольно ушла с тем,

кто ее уговорил.

С болью в груди Карн признал, что он тоже в этом уверен.

— А что сделал городской глава, когда рассказал вам, Винтер?

— Она была в сопровождении двух компаньонок и одного отряда охраны. Двадцать человек. На группу напали, но никто серьезно не пострадал.

— Может быть, ее эскорт был в сговоре?

— Сомневаюсь, милорд. В команде был тот же полицейский, который рассказывал о нападении на свадебную процессию леди Катрин. Он был серьезно ранен людьми Одоннела, но добрался до поместья, чтобы все рассказать. Вы его, вероятно, помните?

Карн кивнул.

— Этот человек предан дому Халарека, мой господин, и очень храбр.

Карн ухватился за последнюю фразу, нежелательно, что пленница из Девяти, даже Шарлотта, полностью предала свой Дом, в который она вышла замуж.

— Тогда, ты думаешь, какая-то из ее компаньонок была сводницей?

Винтер обошел вокруг стола, подошел к Карну и посмотрел прямо ему в глаза. Он не считал

достойным выдвигать обвинения в адрес Дома Уединения.

— Лорд Карн, на месте «похищения» не было никаких признаков борьбы. Никаких остатков одежды или галантереи, которые бы дали намек, в каком направлении вести поиски. Ларга Шарлотта не звала на помощь, хотя многие рабочие из Леуса были за городом на своих участках и могли бы услышать ее.

— А, вероятно, кто-то видел, что случилось.

Винтер взял правую руку Карна чуть выше локтя.

— Смотрите правде в глаза! Она не сопротивлялась. Вам говорили, что нападение произошло позади небольшого холма и было скрыто от огородников из Леуса. Можете предположить, как и я, что же случилось. Приставив двух монашек и леди Агнес к Ларге, вы уже публично признали, что она вероломна, насколько можно. Сделайте следующий шаг и увидите, что ее «похищение» — это доказательство, что она искала удовольствия на стороне. Подумайте, мой господин! Мы все обыскали, ваши союзники тоже, жители города тоже. Все за то, что она была в сговоре со своим «похитителем».

Глава двенадцатая

Почти все время, начиная с Лью, их преследовал запах сырости и запах сосны.

Всадники пересекли равнину, и Брандер остановился в долине между двух круглых холмов, и здесь все те же сосны и их вечный аромат. Он возненавидел этот запах за полдня пути, но избавиться от него было невозможно. Лошади были небольшие. Их можно укрыть у откосов и во впадинах. На лошадях гораздо труднее передвигаться, чем на флиттерах, конечно. Но флиттеры заметны с любого участка земли, хотя только с больших владений с ними бы попытались связаться для опознавания.

Брандер глубоко вздохнул. Эта влажность в воздухе из-за озера Святого Павла. Возможно, Бревен недалеко. Брандер был бы рад спрятаться от этого вечного аромата где-нибудь внутри здания. И скрыться от Ларги. Женщина постоянно выражала недовольство этой долгой поездкой. Она снова жаловалась. Конечно, последние два дня были особенно тяжелыми, но такая напряженная езда позволила им быть недосягаемыми для любого преследования, и конец их путешествия

был близок.

Итак, совет Халарека идти прямо по направлению к Друме из поместья Макниса значительно облегчил мою работу.

Ларга Халарек остановила свою лошадь около него, бормоча о том, как она слаба, как она устала, как мучается жаждой. Хотя совсем не обязательно было ее сдерживать. Она с готовностью пришла без сопровождающих, а он не нуждался ни в каких помощниках.

Тот факт, что при ее похищении было только два свидетеля — он сам и Ларга Халарек, позднее мог бы очень пригодиться. Так как несерьезно было убивать свидетелей, очень удачно, что он без проблем справился с ними, оглушив из станнера. Кроме того, вряд ли люди забыли похищение леди Катрин и быстро могли бы связать эти похожие нападения. Брандер загадочно улыбнулся. Хотя, что интересно, иногда одна и та же уловка удавалась по два-три раза одним и тем же людям. Как тайное укрытие женщин в Бревене в обители дьякона. Когда впереди замаячили обширные серые стены Бревена, Брандер притормозил своего коня. Тот от недовольства забрыкался и зафыркал. Брандер обернулся к Ларге.

— Лорд Ричард ждет вас с нетерпением, моя

госпожа, — сказал он. *Как грубый баран.* — Теперь вы должны одеться и накинуть капюшон. — *Было бы нехорошо, если ее здесь узнают. Невероятно, но факт.* — Хотя, если бы я отказался привезти вас сюда, Ричарду пришлось бы задать несколько неприятных вопросов его верному кузену.

Ларга Шарлотта повернулась в седле, забыв об усталости.

Неужели это страсть? Уверенность, без сомнения, в репутации Ричарда как любовника. Держу пари, что эта уловка опять сработает.

— Моя госпожа, вы можете спешиться. Лучше нам сейчас пройтись пешком. — *Лошади в садовых воротах нас бы выдали.*

Брандер соскочил со своего седла и галантно помог Ларге. Оказавшись на земле, она повернулась к нему и подозрительно посмотрела в его глаза.

Несколько месяцев знакомства с ней не возбудили во мне какого-либо интереса к ней.

Шарлотта сделала несколько шагов, скинула с себя одежду для верховой езды через голову, затем скинула с себя и все остальное.

Она застенчиво смотрела на него.

— Нет, нет, не я, Шарлотта. Вероятно, другие мужчины от желания увидеть то, что скрыто под одеждой, возбудились бы, но не я. Мне даже жаль

Халарека, которому приходится жить в постоянной готовности к действию.

Шарлотта пожала плечами, вдела руки в рукава, а затем вскинула руки над головой с криком победы.

— Я догадалась! Я родом отсюда! Никто больше мне не помешает!

— Замолчи! — огрызнулся Брандер.

Шарлотта съежилась и прикрыла рот рукой.

Брандер взглянул на нее, стараясь скрыть свое презрение. *Ты в этом уверена? После года, проведенного в Доме Уединения, похожем на этот?* Брандер глубоко дышал, чтобы унять свое раздражение.

— Пора идти, моя госпожа. К сумеркам мы должны добраться до ворот. Оденьтесь.

Она ему состроила гримасу, быстро заплела свои длинные волосы, подняла их вверх и спрятала под верхней одеждой и надвинула капюшон, чтобы скрыть лицо.

— Никто на вас не обратит внимания, пока вы скрываете лицо под капюшоном, — напомнил Брандер. *Она провела год в Доме Уединения, и ей надо обо всем напоминать. Глупая сука!*.....Иначе вы выдадите себя, моя госпожа. — *Иначе я выдам себя.*

— *Я* знаю, знаю, знаю.

— *А ты будешь, будешь, будешь слушаться?*

Сосновые иглы шелестели у них под ногами и заглушали шаги. Хотя их никто и не мог услышать, так как в Бревене не было внешней охраны. Ничего не случилось. Брандер твердо заверил ее, что предосторожность не повредит.

Сосны создавали свой полумрак, еще до захода солнца. Пока они проходили, встрепенулись белки. Среди сосновых иголок щебетали и шуршали птицы. Кричали уик-уик, заставляя Ларгу подпрыгивать — «Кто это? Кто это?» Скоро Брандер услышал плеск воды, а затем и увидел блеск воды среди деревьев. Они добрались быстрее, чем он предполагал. В это время дня надо быть более осторожными. Он направился к гладкому валуну.

— Нам нужно немного подождать, Ларга, до тех пор, пока не зазвонят к ужину. Надеюсь, вам будет удобно на этом камне отдохнуть и скрыться до тех пор, пока не сядет солнце.

Женщина послушно села, и они ждали, пока солнечный диск краснел, багровел и наконец скрылся за горизонтом. Когда Брандер сделал знак рукой, Ларга молча и послушно поднялась. Брандер кивнул. Хорошо. Пора выступать.

Они шли, склонив головы и укрывшись капюшонами, среди деревьев, окружающих внешнюю стену Бревена. Они подошли к низкой деревянной двери, которая вела в сад Бревена. Ларга направилась к двери, но Брандер схватил ее за руку.

— Не спешите. Помните о звоне к ужину. В саду еще кто-то может быть.

Ларга кивнула и перестала самовольничать. Скоро громко зазвучали колокола, призывая к ужину. Брандер подождал минут десять, чтобы убедиться, что всем зазевавшимся хватило времени добраться до трапезной. Затем открыл ворота и шагнул в темноту сада. Мгновенно он перепрыгнул через кустарник и открыл узкую дверь, за которой была видна узкая лестница.

— «Служебный» ход пробормотал он. По крайней мере, так думают археологи. *Были ли* у Древних слуги? Теперь священники сами себе и прислуга.

— Древние?

— Молчи!

Брандер чувствовал ее злобный взгляд сзади, но тем не менее она замолчала и шла за ним.

Прежде чем выйти в коридор, он высунул голову, чтобы убедиться, что никого нет, затем

поманил Ларгу, чтобы она следовала за ним.

В комнате Ричарда не было охраны из Совета.

Ричард, используя свой каприз, конечно, заранее продуманный, отправился на ужин в обществе охраны. Брандер толкнул дверь. Как и полагается, закрыта. Охранники, должно быть, проверяли дверь перед уходом. Он лег на пол и заглянул под дверь. Как и было задумано, ключ был на месте. Брандер вытолкнул его кончиком ножа.

Ну и дураки в Совете. Удивительно, что Ричард еще здесь. Если бы мои кузены не были заняты борьбой друг с другом, они бы давно помогли Ричарду сбежать или убили бы его. Солдатам и в голову не приходит, что кто-то может забраться в комнату Ричарда. Дураки!

Брандер отпер дверь и пропустил вперед Ларгу. Он запер дверь снова на случай, если патрулю Совета захочется снова проверить ее, затем показал Ларге крошечную спальню и комнату Гигиены. Эта комната была остатком роскоши для отдыха и уединения здесь кого-то из Девяти. Новый настоятель все изменил здесь, считая, что все комнаты должны быть совершенно пустыми. И эта комната тоже сравнительно пуста. Ни пушистых ковров, ни гобеленов на стенах, ни

полированных столов или массивных кроватей, ни кладовой, полной яств и дорогих вин. Правда, буфет у двери служил в качестве шкафа для одежды Ричарда.

Ларга должна понять, что именно здесь она будет скрываться от любопытных глаз.

Брандер посмеивался, раздумывая о том, как прекрасная юная Ларга прячется в шкафу. Ларга как-то странно посмотрела на него, и веселье сошло с его лица. Он открыл одну из дверей буфета, чтобы показать ряды крючков вверху и ящики внизу.

— Для вашей одежды, Ларга, — и засмеялся, так как на ней была только одежда для верховой езды, а весь свой гардероб она оставила в лесу.

Ларга осторожно обошла маленькую комнату и еще меньшую спальню. Когда она открыла следующую дверь, она пришла в уныние.

Вот это сюрприз! Только Гигиена. Больше нет места, леди. Это все, что вы видите. А вы каким местом думали?

— Это все? — Шарлотта наконец решилась спросить.

— Это Дом Уединения, Ларга. Вам это знакомо. И, как вы знаете, еще роскошный по сравнению с другими. У герцога *две* комнаты и своя Гигиена.

В Гигиене тоже можно спрятаться, Ларга. Ну, как смотрины?

— Но, я думала…

Ох-ох. Ты слушала рассказы его светлости о том, что было здесь при прежнем аббате. Он потерял все за пять лет из-за своей тяги к роскоши и потворства вкусам Девяти. Мужчинам он очень нравится.

— Но вы сказали…

— Я не сказал ничего, что было бы неправдой, моя госпожа. — *Хотя я опустил несколько подробностей, таких, как неожиданная проверка.* — Я не описал комнаты лорда Ричарда, так как вы совсем недавно из Дома Уединения. Я не думал, что это очень нужно. Я рассказал вам о преимуществах *связи* с лордом Ричардом. — *Как часами он будет развлекаться с вами, так как больше ничего не умеет делать (в отличие от вашего мужа). Как выгодно быть подругой мужчины, который будет самым сильным на Старкере IV, когда выйдет отсюда.*

Я показал вам, что вы могли бы вернуться к Халареку. Я не имел в виду, что Ричард останется здесь навсегда. Это позор для вас, выгода для меня.

Шарлотта обошла комнату и встала у окна. За

окном было озеро, лес, ясный день, из картинок свободного города Лок.

Ты здесь одна, госпожа. Ты можешь смотреть на вольную жизнь, но не можешь выйти отсюда. Ты будешь всегда только с Ричардом. Вы будете заниматься только друг другом.

Брандер взглянул на часы.

— Уже пора кому-нибудь прийти с ужина, Ларга. Меня никто не должен видеть здесь наедине с тобой. Солдаты Совета часто приходят сюда с лордом Ричардом, проверяя, что он собирается делать. Я думаю, вы можете спрятаться в душе. Они вряд ли заглянут туда.

Не взглянув на нее, Брандер вышел.

Чтобы не привлекать внимания охраны Совета, Брандер решил неделю-другую отказаться от визитов в Бревен. Он хотел, чтобы никто не удивлялся, почему после четырех лет верности главе Дома он либо не приходил, либо пришел рано, поэтому он пришел день на десятый. В глазах Шарлотты было пресыщение, как у ленивой кошки после вкусного запретного обеда. Ричард сиял, так как он обладал женой Халарека. Брандер был уверен, что она удовлетворяла его полностью после долгого воздержания. На следующей неделе они выглядели так же.

В третий раз стали появляться изменения. Брандер почувствовал это сразу, как только охранник открыл дверь. Он предположил, что изменения вызваны известиями, которые он присылал с Изаном Грентом об оставлении Одоннелом Друмы, куда только два дня спустя прибыли Халарек и его союзники. Ричард выглядел озабоченным. Шарлотта, надув губы, вертелась в конце комнаты. Ричард сидел на небольшом стуле, когда вошел Брандер. Он все еще был озабочен. Брандер надеялся, что он обдумывает, как избавиться от лорда Марка. Глава вассалов. Бельмо на глазу.

Брандер сначала хотел сообщить хорошие новости, хотя их было немного. Хорошей новостью было то, что семена, которые посеял Ричард в Бенжамине III Роуле, когда молодой человек был в Бревене, принесли полезные плоды.

— Роул отказался служить в Друме. А там была попытка убийства Халарека в Макнисе. Что я имел в виду? Я думаю, что здесь замешан Роул. — *Выло бы интересно узнать, что сделает Халарек с Роулом. Или с убийцей.*

Глаза Ричарда на мгновение засияли, затем он нахмурился.

— Попытка? Это означает, что убийство не удалось?

— Да. — *А если бы у меня был шанс встретиться с ним, я бы не оставил его в живых, чтобы он больше не ошибался.* — Халарек поймал его.

— Выдал ли он, кто его подкупил?

Надеюсь, нет.

— Как сообщил наш агент в Онтаре, нет. Может быть, еще нет. Халарек скорее щепетилен к пыткам.

— Что еще? — тон Ричарда означал, что он предполагает, что остальные новости хуже.

Брандер затоптался на месте, закашлялся, ожидая гнев Ричарда. Он копил плохие известия несколько недель, попросив Изана Грента и Даннела из Юра не говорить о них, если им случится быть у Ричарда. Эффект от кучи неприятностей всегда очень интересно наблюдать.

Ричард вертелся, глаза его буравили Брандера.

— Иди ты к черту! СКАЖИ, ЧТО ПРОИСХОДИТ.

Брандер вытаращил глаза.

— Ничего особенного, милорд. Я расскажу вам, что полоса удач расстроилась.

— Подробнее.

Подробно, планы расстроились. Рудер и Ганнет еще не наказаны. — *То,* что ты *мог бы приказать, Ричард, мой мальчик, ты не можешь.* — А меры против Ката никогда не принимались. Без твоей

руки на мече, так сказать, наш Дом разрушается. — *И будет и дальше гибнуть, если кто-то вскоре не захватит его.* — Это не в интересах Марка или кого-то из других вассалов, чтобы Харлан вернулся, чтобы защитить его, прежде чем Халарек вынесет вам здесь приговор, Ричард.

— Да?

Брандер все еще стоял с широко открытыми глазами. Ричард бросился к нему.

— Расскажи мне все или я сверну тебе шею прямо здесь, в этой «дыре».

— Макнис увел Ката через реку, затем они успокоились, и на это, казалось, было несколько причин. Халарек разбил Одоннела в Друме, или, скорее, Гаррен отступил в Зону Мерзлоты и бросил своих людей. Хуже всего для нас то, что большинство захваченных Халареком вассалов против него, включая Роула.

Леус предпринимает отчаянные попытки, чтобы помочь Халареку найти Ларгу. Другие Свободные тоже активизировались. Городские главы Лока, Леуса и Нирана встречались с Халареком и его союзниками за круглым столом у Свободных. Это нам не сулит ничего хорошего. Для тебя.

Ричард стукнул кулаком по столу.

— Всеми Святыми и именем своей матери, как

бы я хотел выбраться отсюда. У меня нет хороших агентов, мне неоткуда ждать помощи… — Он встал резко, так, что его стул хрустнул. Он обернулся к Брандеру. — Все борются за захват земель и власть и тратят все деньги на подкуп союзников или наемников.

Брандер кивнул. В голосе Ричарда слышались и зависть, и крушение надежд.

— Это правда.

Брандер ожидал несколько минут, пока Ричард собрался, обернулся и снова сел. Тогда Брандер тоже сел, и они стали обсуждать возможные политические эффекты мягкого наказания Халареком Роула (просто штраф) и движения свободных городов к Халареку. Затем Брандер попрощался, оставляя Ричарда с массой неприятных раздумий на следующую неделю.

В четвертый раз Брандер заметил изменения у Ричарда и Шарлотты.

Лицо Ричарда заострилось и вытянулось. У Шарлотты под глазами темные круги, а ее рот плотно сжимался, когда она смотрела на Ричарда. Ричард хотел знать, кто из кузенов сейчас управляет ситуацией, является ли все еще лорд Марк главой вассалов, есть ли еще неприятности, как оплатил Карн Халарек политически нападение

Роула с заправленным и выключенным горючим и штрафы вместо флайеров и людей.

Шарлотту не интересовали известия ни о Харлане, ни о Халареке. Когда Ричард сел за маленький столик, Шарлотта поставила рядом табуретку. Пока Ричард расспрашивал Брандера и слушал новости из внешнего мира, Шарлотта гладила руку Ричарда. Он не обращал на нее внимания. Она встала, обвила руками его шею и прижалась к нему. Он оттолкнул ее прочь.

«Э, слишком много для него? Или она требует контроля? Надо понаблюдать. И она ничего не спрашивает о муже».

Когда Ричард закончил расспросы, Брандер доложил остальные новости, не все было хорошо.

Ричард стал ходить вокруг комнаты, грубо ругаясь. Шарлотта крутилась около Брандера, сунула мятый кусок бумаги в его руки, затем скрылась в спальне. Брандер ликовал.

Это то, что я думал, Ричард и Лхарр Халарек получат смертельный политический удар.

Брандер проскользнул мимо Ричарда в Гигиену и закрыл дверь. Он развернул записку и положил на колени. Печатные буквы по диагонали:

«Я хачу домой. Сдесь больши ни интиресно. Ричард ни любит миня».

Брандер с удовлетворением улыбнулся. Ей, по-видимому, хочется уйти отсюда, раз она решилась написать. Он бросил записку в мусор, глядя в зеркало, сделал серьезное выражение и вернулся к Шарлотте и Ричарду.

Я верну ее мужу в конце следующей недели. Его День Рождения. Отличный подарок на день рождения — возвращение блудной жены.

Брандер уселся в единственное кресло комнаты, обдумывая план возвращения Ларги и ожидая, пока пройдет гнев Ричарда.

Глава тринадцатая

Карн и три его главных офицера молча уселись вокруг большого рабочего стола в библиотеке. Перед каждым стоял теплый хлеб и кружки с горячим напитком. Был Первый День, и все торопились со службы. Был день рождения Карна, но праздник не чувствовался. Вейсман в раздражении теребил манжету, Орконан сдувал пар с кружки. Лицо Винтера выглядело более сурово, чем обычно. Ларга исчезла месяц тому назад, и никакие поиски не помогли узнать, где она и жива ли она.

Орконан прервал молчание.

— Что касается убийцы, мой господин. Надо что-то решить. За месяц допросов он сказал, что он человек Одоннела, а Одоннел отрицает это. Я думаю, лучше прекратить допросы и наказать его. Он никогда не сознается.

Карн посмотрел на своего администратора.

— Ты все еще думаешь, что он человек Одоннела?

— Нет, милорд, ни в коем случае. Винтер и Ансе-Смит согласились со мной, что он все придумал. Мне непонятно, как Одоннел мог подослать

убийцу после побега.

Карн кивнул.

— Я тоже так думаю. — Он взглянул на Вейсмана. — Напиши приказ о наказании и отдай его офицеру из охраны. Хотя нет. — Карн поднял руку, когда Вейсман хотел что-то сказать. — Я не собираюсь его подвергать пыткам. Под пытками обычно выдумывают что угодно, лишь бы перестать мучиться. Такие «признания» бесполезны.

Вейсман удивился, но поклонился в признательности, написал приказ, подал Карну на подпись, затем позвал мальчика, чтобы тот передал сообщение офицеру охраны.

— Кто, *вы* думаете, послал его? — спросил Винтер. — Роул?

Карн затряс головой.

— Я не отвечаю за его действия, но это неправдоподобно. — Карн говорил громко, что он часто размышлял об отказе Роула служить ему. — Он недавно на службе и был слишком долго в Бревене, чтобы совершить такое. Для него важно завоевать доверие. — Карн задумался, нахмурившись. — Хотя либо Ричард, либо Брандер могли нанять его.

— Я проверю это, — сказал Вейсман.

Орконан размышлял над сказанным Халаре-

ком.

— Вы сказали, что одного из дьяконов, охраняющих дверь Ричарда ночью, вы привели сюда, не так ли?

Карн кивнул.

— Я уверен, что он не узнал меня в Свободном, который его привел. Если узнал, то ничего не скажет.

— Нет, он никогда ничего не скрывал. — Орконан собрал документы, разбросанные по столу. — Эти бумаги содержат его заработки, по крайней мере, с весны, а это заставит его шпионить усердно. Хотя проблема этим не решается, милорд. Он не простит вам смерти его отца или смерти его детей, даже если не по вашей вине. Он даже убежден, что вскрытие трупов Гильдии было назначено вами.

Опять за столом воцарилось молчание.

Агенты были во всех Домах, но часто информация была искажена, а выводы очень субъективны.

— Я бы желал, чтобы кто-нибудь внедрился к Роулу, — окончательно заключил Винтер. — Молодой человек не новичок в мире и неглуп, а такое скоропалительное решение об отказе от службы, его намерение восставать довольно

глупо. Кто-то сыграл на его настроении, позволив ему распустить свои чувства.

— Это опасно, — сказал Орконан.

— Позволять давать волю чувствам всегда опасно, — Карн имел в виду свой свежий пример. — Его отец был неглуп, но он был очень честолюбив и упрям. Бенжамин III будет отстаивать свое решение с таким же упорством.

— Первая плата по его штрафам пришла сегодня в полдень, — сказал Вейсман.

— Теперь это позволит ему освободиться, но Тан прав. Я думаю, что это не все неприятности, которые можно было от него ожидать. Новый лорд начал с Сопротивления. — Карн осмотрел заваленный бумагами стол. — Я согласен, что штрафы придержат его только на зиму.

Вечером, за семейным ужином, Карн сел на место Лхарра на возвышении, разглядывая толпу своих родственников. Он ел и думал о Шарлотте. О ней не было ничего известно. Ниоткуда. Никто ее не видел. Никто не заявлял о ее убийстве. Это давало повод думать, что она жива. Ему хотелось знать, где она. Он проглотил остатки ужина и уставился на тарелку.

Он ясно слышал стук каблуков по полу, затем закашлялся Рэд, капитан синих, и Карн обратил

внимание на человека, который стоял справа от него. Рэд сунул палец за воротник, а затем спрятал за край туники. Когда он заметил взгляд Карна, он покраснел. Его нервозность заинтересовала Карна. Капитан Рэд редко нервничал, поэтому и считался хорошим командиром.

— Мой господин. — Рэд был взволнован. Он прокашлялся и заговорил снова. — Мой господин, кто-то позвонил у северо-восточного входа очень настойчиво. Когда спросили, кто это, то оказалось, что Ларга Халарек.

При имени Ларги Карн одеревенел. Неужели это правда? С другой стороны, это легкий повод для убийства, если Лхарр сам захочет проверить, действительно ли Ларга у двери. Ловушка. Западня. Как их много в этом мире, включая любовь и страсть.

— Что случилось? *Это* Ларга?

— Я… Я не приказал открыть дверь, милорд, подразумевая попытку убийства — не спрашивайте меня больше здесь, милорд.

Карн перевел взгляд со своих пальцев на повязку, которая укрывала его рану. Он кивнул.

— Правильное решение. Я полагаю, я был недостаточно бдителен — Он грубо усмехнулся. — Лучше посмотреть, кто это. Я буду иметь

дело с женой.

Рэд затряс головой.

— Надо идти вам, лорд.

Карн почувствовал беспокойство в голосе Рэда, кивнул и остановился. Они были долгое время соратниками в борьбе, и он полностью доверял решению Рэда. Они покинули незаметно Зал и через минуту исчезли из поля зрения Семьи. Рэд бросился бежать.

— По ступенькам быстрее, чем на лифте, милорд, — бросил он через плечо, пробегая мимо лифта к лестнице, — и никто не должен видеть ее до вас, господин.

Карн похолодел от мрачного предчувствия.

— Ранена ли она? Не умирает?

— Нет, милорд. Или, по крайней мере, она так не выглядит.

Понятно, что он больше ничего не получит от Рэда. Карн, затаив дыхание, преодолел три лестничных пролета.

Они прошли через охрану, выставленную на входе, и вышли на плац. Карн дал указание Рэду поставить охрану на случай, если он заметит что-то недоброе.

Вдоль одной из стен плаца аккуратными рядами были развешаны старые костюмы и маски. У

выхода развешаны мотки веревок. Рэд направился к выходу впереди Карна. Сверху вдоль тяжелой выходной двери была решетка. Карн подошел к видеоустройству. Экран у двери засветился и показал Шарлотту по ту сторону двери, одетую в платье дьякона. *Платье дьякона.* Рэд был прав, что не позволил ей войти.

— Ты думаешь, в этом и кроется разгадка?

Рэд кивнул.

— Отлично!

Карн встал прямо у решетки двери, чтобы его лучше было слышно.

— Шарлотта?

Он услышал вздох, затем:

— Мой лорд?

Карн распрямил плечи. Это был голос Шарлотты. Про себя он размышлял о том, насколько мягкой была его реакция на этот голос.

Она исчезла месяц тому назад, а тем не менее звук ее голоса не приводил его в ярость. Карн почувствовал облегчение. Ее измена разрушила влияние ее прелести и чувственности на него. Он хотел бы избавиться от этого. Рэд окликнул его.

— Мой господин, она обращается к вам.

Карн прислушался к ее словам, она хныкала.

— Я промокла и озябла, Карн. Меня не было

так долго. Пусти меня. Прости меня. Я вернулась к тебе.

Карн взял ключ и вставил в замок. Шарлотта стала более решительно стучаться. Внутри звук, прошедший через усилители и фильтры, был глухим, со специфическим эхо от видеосистемы связи у двери. Карн разрешил Рэду поднять решетку. Рэд взял в руки станнер и посмотрел на Карна. Карн согласился, что предосторожность не повредит. Только бог знал, была ли Шарлотта приманкой Харлана, инструментом, чтобы открыть дверь в Онтар для вражеских солдат.

Рэд привел в готовность оружие и открыл дверь. Шарлотта была одна. Карн понял, будто сама Шарлотта рассказала ему об этом, что под робой никакой другой одежды не было. Он был почти уверен, что любой узнал бы это сразу. Решение Рэда не впускать ее без Карна несомненно было правильным; Ларга Халарек вернулась почти нагишом в робе дьякона…

Она была в Доме Уединения. Другого объяснения быть не могло. Сколько мужчин имели с ней дело в Доме Уединения? Этот вопрос пришел бы любому в голову после изучения ее оригинального одеяния и возвращения.

Карн знал, что если он неправильно отреагиру-

ет на этот скандал, то это крах его политической карьеры.

Карн пытался вычислить возможных свидетелей прибытия Шарлотты. Синие ничего не знали, но, по крайней мере, пограничник мог видеть. Если он кому-нибудь разболтал, тот еще кому-то, то сплетня будет распространяться, как по испорченному телефону. Все будут на встречах обсуждать Шарлотту. Они будут смеяться над слабостью Карна и ее дерзостью. Они будут показывать пальцем на рогоносца и насмехаться над ним, как будто с ними никогда такого не случалось.

Не отрывая глаз от Шарлотты, Карн спросил:

— Кто ее здесь видел, капитан?

— Только лишь пограничники. Я все проверил по пути. Капитан пограничной охраны доложил, что ее с сопровождающим остановили на нашей границе. К сожалению, она и ее спутник вбежали в толпу охраны, только потом пограничников развели по постам. Они не узнали мужчину, но догадались, что он из Харланов, по носу, но и этого достаточно, чтобы был жуткий скандал. Даже если бы она была одна, милорд.

«О боже! Отряд! Одиннадцать человек вместе с офицером.

Может быть, это сборище было запланировано Харланом? Это слишком эксцентрично. Неужели он сам был с Шарлоттой?» — Карн впервые обернулся к Шарлотте.

— Кто тебя сопровождал? — Он старался скрыть язвительность в своем голосе.

— Б… Брандер Харлан, мой лорд.

— Матерь божья! — Карн глубоко вздохнул. Пограничный патруль видел ее не только в одежде дьякона, но в сопровождении Брандера. Даже ребенок мог догадаться, где она была и чем там занималась.

Краем глаза Карн заметил, как Рэд закусил губы.

— Я оставлю вас, милорд, — сказал Рэд. Он стал спускаться по ступенькам. Он отпустил охрану и сам пересек плац.

Карн обернулся к женщине, которая из-за своих слабостей привела его к краху.

— Мадам, где ваши мозги? Вы привели Дом к позору из-за своей похоти и глупости.

Шарлотта бросилась к нему, рыдая, хлюпая носом, стараясь теснее прижаться к нему. Грубая шерстяная роба была влажная и пахла козой.

— Ох, Карн, как все ужасно. Он далеко не такой хороший любовник, как ты, поэтому я решила

вернуться домой, а этот ужасный Брандер вез меня всю дорогу верхом на лошади, даже во время дождя, всю ночь мы провели без тента, а за километр от нашего сада он ссадил меня с лошади, и остаток пути я…

Карн взял ее за плечи и оторвал от себя. Он приподнял ее голову, чтобы она могла посмотреть ему в глаза.

— Брандер, побег, лес, дорога *пешком.* О чем ты говоришь? Где ты *была*?

Она заморгала своими темными ресницами, блестящими от слез.

— Конечно, в Бревене. Ричард — они так много обещали мне…

— Ричард! — Карн никогда не был так разъярен. Он готов был задушить ее на месте и знал, что закон будет на его стороне. Не соображая, он схватил ее, будто собирался убить. — Ты была весь этот месяц с *Ричардом*? Злейшим врагом Халареков? Ты…

— Ричард посылал тебе сообщение о том, что я убежала к нему. Или, по крайней мере, говорил, что послал.

— Еще бы! — Карн схватил ее за плечи и затряс. — Целых два сообщения ради тебя…

Он заметил ужас в ее глазах и перестал трясти.

— Может быть, аббат перехватил письмо, — прошептала она. — Я не хотела тебя волновать. Я хотела…

— Не делай из меня дурака, Шарлотта. Ты хотела вернуться с победой. Вот, что ты хотела. Это *гораздо* лучше, чем брать в постель пилюли, не правда ли? Ты совсем вернулась, не так ли? Это последний раз, когда ты покидаешь это поместье. Насовсем, навсегда. Ты поняла меня? — Он произнес свой вопрос, трясясь от бешенства.

Шарлотта кивнула, слезы потекли по ее лицу.

— Ты обижаешь меня!

— Я собираюсь тебя наказать. О боги! Ты можешь разрушить этот Дом и Дом Рица своим беспутством. Думала ли ты о последствиях, когда отправилась с Брандером?

Шарлотта откинула голову и свирепо посмотрела на него.

— Ты же знаешь, что ты не можешь удовлетворить меня, как я хочу. Что же я должна делать, лежать и мучиться?

— Страдание? Ты называешь это мучением? — Карн сжал ее так, что она захныкала. — Ричард тебя удовлетворил? Ты скажешь мне правду? Мог Ричард?

Она уже не боролась и не горела.

— Нет, — прошептала она. — Он не мог. Ты как любовник лучше. Ласковый, заботливый…

Карн отпустил свои руки и отступил.

— Надеюсь, ты не сказала этого Ричарду.

Шарлотта стала заикаться.

— Конечно. Почему и нет? Это же правда.

На секунду Карн замер. Она привела Ричарда Харлана в более сильный шок, чем могла подумать. Она привела его в шоковое состояние быстрее, чем разрушение Домов до основания во искупление грехов. А она говорила, ни на секунду не задумываясь. От этой гнусности Карн еще долго молчал, прежде чем его мозги снова стали что-либо соображать. От шока Халарека, казалось, она тоже ушла в себя. Ричарду повезло с Шарлоттой больше, чем с Кит.

Это ни для кого не будет тайной. Даже если пограничный патруль сохранит абсолютное молчание о том, что они видели, все равно это не будет тайной. Дом Харлана раструбит везде о связи Шарлотты и Харлана для того, чтобы в основном навредить Дому Халарека. Будто даже оттого, что она собиралась к главному сопернику Халарека из-за того, что Карн недостаточно хороший любовник для нее, недостаточно вреда. Будто недостаточно вреда от того, что благород-

ная леди добровольно согрешила в мужском Доме Уединения. Меньше было бы вреда, если бы она тщательно продумала свою затею, чем следовала своей прихоти.

Карн грубо взял Шарлотту за руку и толкнул ее на ступеньки. Шарлотту ожидало только унижение. Он становился все злее с каждым шагом по направлению к запасному входу. Шарлотта хныкала, что раздражало его еще больше. Она публично подвергла сомнению его потенцию своими тайными средствами предохранения. Теперь она сделала то же самое с его сексуальным поведением. Ричард теперь тоже под вопросом, но проблемы Ричарда не представляют опасности для Халарека. Мужчина должен быть мужчиной или потерять свой политический и военный авторитет.

Когда они стояли на плацу, Карн позвал охрану. Рэд и охрана плаца подошли в недоумении. Карн посмотрел на них.

Караульный, отведите эту женщину в старую гостиницу за стеной и заприте ее. Поставьте дежурного, затем позовите леди Агнес. Капитан Рэд, проследите, чтобы все приказания были выполнены и доложите немедленно об их выполнении.

Шарлотта на мгновение замерла, затем бросилась к Карну. Караульный схватил ее и завел руки за спину. Он вопросительно посмотрел на Карна, будто спрашивая: «Это правильно?»

Карн кивнул.

От этого кивка лицо Шарлотты немедленно преобразилось: вместо пронзительной ярости робкая мольба. По щеке медленно стекала большая слеза.

— Возлюбленный мой, — шептала она, ее голос дрожал. — Я вернулась. Я *хочу* только тебя. Я рожу столько детей, сколько ты хочешь. Не осуждай меня.

— Закрой свой рот, Шарлотта, и помолчи. — Его голос, должно быть, был очень злобным, так как зрачки ее расширились, лицо побелело.

Хорошо! Ты испугалась. Это вовремя. А как я испугался, когда увидел тебя в одежде дьякона.

— Завяжите ей глаза, — он приказал Рэду, — чтобы она не знала дороги к своему новому жилищу. И проведите ее обходными путями. Я не хочу, чтобы ее видели, особенно в этой одежде. Карн отвернулся и быстро пошел прочь.

Следующие несколько часов он провел в одиночестве в своей комнате, сидя на кровати. Почти все время он никак не мог поверить, что сделала

Шарлотта с помощью Брандера. Это, вероятно, идея Брандера. Об этой истории скоро будут шептаться во всех залах всех Домов, она будет обрастать грязными домыслами, далекими от фактов, которые случились. Не избежать публичного унижения. А молчание позволит Брандеру и Ричарду свободно изливать километры лжи.

Он сам должен рассказать всем, что случилось. Он должен первым сообщить Домам подходящую версию и не допустить, чтобы Брандер достиг своей цели представить Ричарда в роли обвинителя. Брандер Харлан. Брандер это сделал не для того, чтобы доставить удовольствие Ричарду. Что-то здесь еще кроется. Брандер был доверенным лицом Ричарда и самым главным агентом. Здесь Брандер играл первую скрипку. Он не допустит поражения Ричарда. Карн решил собрать людей, чтобы разгадать планы Брандера, пока Шарлотта надежно спрятана.

Он позвал леди Агнес. Она вошла, небрежно постучав в дверь, и встала перед тумбочкой у постели.

— Мой господин? — Она стояла с подчеркнутым вниманием, сложив свои морщинистые руки на животе. Я поняла, что вы хотите послать меня к леди куда-то за пределы поместья.

За долгие годы сосуществования с леди Агнес Карн привык к ее язвительным замечаниям, поэтому не обращал на это внимания.

— Завтра я должен сделать очень важное заявление по три-д связи, и мне нужна ваша помощь. Мне нужно, чтобы Ларга в семь часов прибыла в три-д комнату в той одежде, в которой она сейчас находится в своем новом жилище. Она предала этот Дом самым неподобающим образом, и мы должны наказать ее. Я надеюсь, это будет хорошим уроком.

Ее строгое лицо подобрело.

— Семь часов, одета как сейчас. Все правильно, лорд Карн?

Карн кивнул.

— Она будет здесь, даже если мне придется притащить ее за волосы, которыми она так гордится.

— Благодарю вас. Можете пойти к ней.

Леди Агнес поклонилась, элегантно, как на церемонии, и вышла.

Затем Карн велел капитану Рэду приказать старшему синих с запасного плаца и его отряду сопровождать Шарлотту утром в три-д комнату. Затем он настроился на секретный канал, чтобы связаться с Рицем и подготовить лорда Черека к тому, что он собирается предпринять.

В шесть часов утра Карн уже был в три-д комнате. Он не спал всю ночь. В половине седьмого он приказал техникам послать аудиосигнал оповещения о всемирном вещании, затем попытался собраться, чтобы избавиться от излишних эмоций, от ощущения величайшего унижения его жизни. Ровно в семь леди Агнес появилась в дверях, своей тощей морщинистой рукой она сковала как железными наручниками руки Шарлотты. Эскорт синих остановился в коридоре вслед за ними.

— Мне нужна помощь, мой господин, — сказала леди Агнес, вталкивая Шарлотту в комнату. — Ларга отказывалась идти. Она отказалась одеваться. Три дьяконессы в течение получаса пытались одеть на нее хоть кусочек одежды.

В этих обстоятельствах отказ леди Агнес называть одеяние Ларги, в котором она пришла, был забавным. Леди никогда не носили мужскую одежду, особенно одеяние священников.

Карн взял Шарлотту из тисков леди Агнес и направился с ней к рядам светящихся камер. Он опустил голову и разглядывал носки своих ботинок до тех пор, пока оператор не сказал:

— Готово, господин.

Карн поднял голову и посмотрел в камеру, как

будто он смотрел на зрителей. За многие годы он изучил, какое влияние оказывает на зрителей взгляд его уникальных янтарных глаз. Он заставил себя не откашливаться.

— Господа и Свободные на Старкере IV, я прошу выслушать вас сообщения о событиях, происшедших у Халареков. Это очень неприятно и губительно для моего Дома, но я должен рассказать все прежде, чем враги фальсифицируют все в худшем виде.

Шарлотта вырывала свою руку, но Карн сжал ее как в тисках. Он надеялся, что его безупречная репутация расположит слушателей к нему. Он взглянул на Шарлотту. Он надеялся, что его рассказ и его честная репутация перевесят соблазнительность Шарлотты и ее позу святой наивности.

— Я думаю, вы все знаете, что я женился на женщине из Рица еще до того, как Дом стал союзником Харлана. Хотя наш брак был рассчитан на то, чтобы родить детей, Шарлотта тайно применяла средства предохранения.

Карн знал, какую реакцию вызовут его слова у большинства людей. В некоторых Домах даже не знали о существовании предохранительных средств. Другие считали их применение пороч-

ным, так как они считали, что господин может проявить все свое мужское достоинство только произведя на свет большое количество детей. Кое-кто знал, что у Халарека дети не выживали.

Карн глубоко вздохнул. Впереди было самое трудное.

— Она стала искать развлечений на стороне с мужчинами, которые не хотели иметь с ней детей. — Карн закусил губы и задержал дыхание. — Она искала на встречах и заседаниях Совета и, когда зимой невозможно было далеко разъезжать, стала искать здесь, в фамилии в Онтаре.

Казалось, в три-д комнате все ощущали напряженность зрителей и слушателей Домов и свободных городов. Соблазнение кого-то из фамилии в одном и том же поместье, даже не кровного родственника, было равносильно инцесту. Карн слышал, как тяжело дышит Шарлотта.

— Не говори *ни слова.* — предупредил он ее так тихо, что аппаратура три-д не могла передать эти слова.

— Мой отец… — начала было она.

Карн еле слышно ответил.

— Твой отец знает. И он согласен с тем, что я делаю. Ты опозорила и его Дом.

Карн снова устремил взгляд на невидимую аудиторию.

— Я не знаю, насколько преуспела она в своих поисках приключений, но привела в замешательство весь Дом. Когда я узнал, что она пользуется предохранительными средствами, я выбросил их.

Гул одобрения пронесся в три-д комнате. Шарлотта сморщилась, но ничего не сказала.

Карн выпрямился. Это была поддержка. Он снова открыл рот, чтобы продолжить, но мгновение не мог вымолвить ни слова.

— Она хотела реванша, господа и Свободные, за потерю своих предохранительных средств, поэтому она устроила заговор с Брандером Харланом, чтобы изменить мне. — Карн смотрел прямо в центр экрана три-д. — Харлан, господа и Свободные. Она связалась с Харланом. Брандер устроил ей постель с другим Харланом, *в Бревене,* где она и была весь последний месяц, пока мы искали ее. В Бревене, господа и Свободные, с Ричардом Харланом, главой Дома, который враждует с Домом, в который она вышла замуж, и без предохранительных средств.

Бормотание, которое наполняло три-д комнату, усиливалось, и иногда ясно слышны были от-

дельные слова осуждения и возмущения.

— Опять Бревен!

— …в поисках приключений.

— Возможно, родит незаконного ребенка…

— …унижение…

— Снова лорд Ричард.

Карн опустил глаза, не в силах продолжать, даже если бы он мог перекричать шум. Дома, независимо от отношения к нему, будут отстаивать попытки господина защитить чистоту своего потомства. Дома уже знали о распущенности Ричарда в Доме Уединения, разоблачив его похищение Кит, и они не одобряли его поведение.

Свободные выходили из себя от возмущения о том, что Ричард снова нарушил святость Бревена.

Когда звуки возмущения или сочувствия к нему ослабли, Карн снова взглянул в камеру. Он весь дрожал и, чтобы никто не заметил его слабости, спрятал руки за спину.

— Я заявляю перед всеми, что с этого момента Ларга Шарлотта больше не будет моим спутником в жизни и не будет делить со мной супружеское ложе. *Я* дождусь от нее двух наследников, а затем оставлю ее. Она будет жить в заключении с момента отставки до конца своей жизни.

Шарлотта застонала. Карн обернулся к ней.

— Я успокоюсь только тогда, когда вы совсем забудете этот Дом. Вы будете жить в специальном жилище, одна, пока я не буду совершенно уверен, по оценкам леди Агнес и доктора Отнейла, что вы не родите ребенка от Ричарда, затем я буду посещать вас именно в период, благоприятный для зачатия, и только в эти дни. Если это будет в моих силах, вы не будете встречаться ни с кем, кроме своего отца и братьев, пастора Онтара и меня.

Она смотрела на него с ужасом и упала без сознания на пол. Карн не шевельнулся.

Карн громким хлопком дал понять техникам об окончании передачи и вышел из комнаты.

Глава четырнадцатая

Брандер посадил свой небольшой флиттер у стены внутреннего двора Бревена. Он сел спокойно, ожидая обслуживающий персонал, чтобы помогли выйти из флиттера, хотя в душе он испытывал и ликование и беспокойство одновременно от предстоящего визита к Ричарду. Слава Богу, что Изан Грент и аббат выполнили свои приказы. Изан ничего не рассказал Ричарду. Брандеру не трудно было убедить его: никому не хотелось сообщать неприятные известия Ричарду Харлану. Хорошо, что аббат выполнил указание Совета, и поэтому Ричард не смотрел три-д, а обедал у себя. Поэтому в обеденное время никто не мог рассказать ему о выступлении Халарека.

Брандер с удовольствием вспомнил о впечатлении от известия, что Макнис переправил Ката через реку. Ричард был вне себя от ярости. Насколько сильнее должен быть эффект от сегодняшних плохих новостей. Брандер наклонился и проверил рукоятку маленького ножа, спрятанного в его ботинке. Может быть, придется защищаться, а Брандер был очень осторожен. Хотя была вероятность, что сторож, который

обыскивал всех, обнаружит нож.

Он обнаружил, и Брандер поднимался по ступенькам на третий уровень с тяжелым сердцем. Теперь ему придется попросить охрану из Совета войти вместе с ним, так как разъяренный Ричард мог убить его. Он не сразу поймет, Что к чему. Было несколько причин, чтобы первому сорвать куш.

Было необходимо избавиться от Даннела из Юра. Юра должен был умереть. Брандер был не в состоянии послать кого-то к Ричарду с другим набором фактов в этот поздний час. А Юра пришел на ужин к Ричарду как раз в тот день, когда Шарлотта исчезла. Он должен был сразу уйти, согласно плану Брандера, но он ослушался его.

Смерть Юра представлялась обычной катастрофой флиттера, ошибкой пилота, который посадил Юру в Великом Болоте вместо его собственного аэродрома. Все выглядело так естественно, что ни у кого не было никаких сомнений. Это означало, что Холдинг Юра временно будет в руках Шарлотты, а из того, что Брандер услышал сегодня, означало, что в руках Карна Халарека. Шарлотту заключили под стражу где-то за пределами Онтара в ожидании появления у нее месячных. Ричард будет разочарован, если это произойдет,

хотя, вероятно, так и будет.

Брандер остановился и заглянул в холл. Два стража из Совета охраняли дверь Ричарда, как всегда. Брандер покачал головой.

Я бы все отдал, чтобы найти к ним подход. Неужели с моими деньгами я не могу ничего сделать с несколькими охранниками из Совета? Мне сейчас было бы значительно легче, если бы я на несколько минут придумал повод отправить их в Гигиену. Или один уйдет, а другой заснул бы у двери.

Но за все эти месяцы он не смог подкупить ни одного солдата.

Неподкупные Свободные. Им не просто кажется, что они лучше нас, они просто уверены в этом.

При появлении Брандера один солдат заслонил собой дверь, а другой стал обыскивать Брандера. Брандер стоял с поднятыми руками. Хотя он старался быть невозмутимым, внутри он кипел.

Из-за постоянных обысков невозможно было принести какое-либо оружие против Ричарда.

Я Харлан, а они дети лавочников! Я — четвертый в очереди на титул герцога, не считая Ричарда, а эти крестьяне обыскивают меня! Я все им припомню, когда получу титул герцога.

Всем припомню!

Он отвлекся на мгновение размышлениями о том, что бы он мог сделать, если бы был главой Дома Харлана, затем охранник, обыскивающий его, отступил и пропустил его к двери Ричарда.

Брандер прошептал в ухо первому охраннику, когда проходил мимо него:

— Оставайся все время в комнате. Я принес неприятные известия и Опасаюсь за свою жизнь.

Охранник кивнул, бросив своему напарнику многозначительный взгляд, последовал в комнату за Брандером. Ричард отвернулся от окна, как только дверь приоткрылась. Он долго смотрел на охранника и заметив, что тот не уходит, обратился к Брандеру.

— В чем дело? Ты боишься, что я нападу на тебя за то, что ты устроил мне массу неприятностей? Что тебя надоумило считать, что Шарлотта подойдет мне? Где ты был? Я ждал тебя вчера.

Зачем все это, мой кузен? Чтобы организовать исчезновение Шарлотты.

— У меня были неотложные дела, Ричард.

Такие, как устройство дел с кузеном Хеммилом, что будет выглядеть как неожиданный сердечный приступ.

Такие, как выходной день после этой невыно-

симой поездки верхом с Шарлоттой. Это ты желаешь знать, кузен?

— Извини. Я постараюсь больше не опаздывать.

— Шарлотта исчезла. Пропала. Четыре дня тому назад.

Брандер старался держаться важно и серьезно.

— Я что-то слышал об этом.

Как Халарек, по три-д объявляющий о том, что они оба сделали. Ты бы захотел его расшибить в лепешку, Ричард. Ты мог бы попросить аббата послать какие-либо чрезвычайные сообщения. Он, вероятно, выдал бы запасной три-д приемник. Вместо этого ты накликал всеобщие унижения на наш Дом, ты и твоя похоть. Халарек из-за Шарлотты лишился своих союзников в лице Джастина, Коорта и Фридена, но он рассказал первым о случившемся, что же еще оставалось ему делать.

— Она появилась в Доме Халарека два дня тому назад, рассказав о проведенном месяце в Бревене с тобой.

— Это ты придумал привести ее сюда.

— Да? Мне казалось, что ты хотел обесчестить Халарека публично, выбрав для этого его жену. А затем устроить личное соревнование с Хала-

реком, разве не так? Чтобы доказать, кто из вас лучший любовник? А теперь мы видим, к чему это привело, не так ли, Ричард?

Ричард повернулся к окну и стал молиться.

— Может, Боги накажут ее за ее непостоянство! Может, она принесет мне ребенка! — Он уставился в сумерки вечера.

Брандер даже не мог смеяться. *Ее непостоянство устраивало тебя, за это ты ее и выбрал.*

— Ты пытался потребовать ребенка у леди Катрин, помнишь? Не будь дураком второй раз, Ричард.

Казалось, Ричард лопнет от злости. Он сгорбился. Брандер быстро хватал воздух. Может быть, он слишком быстро все выплеснул Ричарду. Ричард вихрем бросился к Брандеру. Брандер быстро поманил охранника, стоящего в комнате, подойти поближе.

— Не угрожай мне, кузен. — Его голос был не так тверд, как казалось. Ричард и раньше убивал голыми руками. Одного из братьев Халарека, например.

Ричард нанес удар. Ближайший охранник встрял между Брандером и Ричардом. Они схватились. Второй охранник вбежал в дверь, и оба солдата оттащили Ричарда к стене и держали его,

пока он не перестал сопротивляться. Брандер по глазам своего кузена видел, что тот еще был достаточно взбешен. Пора рассказать всю правду.

Брандер неохотно отступил. В первый раз за последние тридцать лет, когда Брандер обычно одерживал верх в соревновании, несмотря на очевидную помощь двух охранников, Брандер потерпел поражение, а Ричард еще не исчерпал свои силы. Например, он мог позвать лорда Марка. Грент был жив, и это было плохо для Брандера. Вассалы проголосуют за более подходящего для них лидера в этом месте. Нет, Изана Грента нельзя уничтожать, можно сбить с пути, ввести в заблуждение, временно убрать с дороги. А Ричард должен разрешить охладить его пыл. Лучшее, что можно сделать, это, вероятно, отвлечь его чем-то. Помахать ножом придется в другой раз.

Брандер решил успокоиться и неохотно начал.

— В тебе, вероятно, еще осталось ребячество. *Я* извиняюсь за то, что расстроилась замечательная затея.

— Сука! — огрызнулся Ричард. Он пытался освободиться. Охранники теснее прижали его к стене. Ричард перестал бороться и изверг поток проклятий на Шарлотту, Совет, Дом Халарека, Карна Халарека, леди Катрин и Даннела из Юра.

Когда он закончил ругаться, Брандер продолжил:

— Можешь успокоиться, Карн заключил Шарлотту в уединенное жилище вне поместья. — Брандер сделал паузу, чтобы проверить реакцию Ричарда. Он все еще сердится? — Она даже не может присутствовать на службе Первого Дня: пастор Джарвис должен сам приходить к ней, и я узнал, что когда однажды он попытался прийти, Шарлотта забросала его тарелками и кастрюлями.

Представив это, Ричард несколько расслабился. Через мгновение он опять бранился.

— Эх, сучка не могла больше ничего получить от него?

Охранники несколько ослабили свою хватку.

— Передай это по три-д, — сдвинулся Ричард. — И со всеми подробностями сообщи о том, чем мы с Шарлоттой здесь занимались.

Брандер мог себе представить, о чем намеревался рассказать Ричард. Это было неприятно, но делать было нечего. Брандер изобразил на лице отчаяние. Теперь подошел черед приятным известиям.

— Прошу прощения, Ричард. Это было бы кстати, если бы ты это сделал в тот же день, когда она исчезла. А вчера Халарек выступал по три-

д с описанием очень интересных деталей. Он бросил вызов тебе, Ричард. Он подавил все любовные возможности за позор и унижение этого инцидента. Даже то, что он рассказал, могло быть достаточным позором, чтобы сделать его полностью неактивным на следующем собрании Совета. Из-за этого он потерял влияние долговременных союзников. Хотя теперь твоим рассказам никто не поверит. Уже поздно.

Ричард разозлился.

— Почему ты не рассказал мне раньше?

Брандер пожал плечами.

— Что бы это изменило? Халарек уже потерял часть союзников. Кроме того, некоторое время внимание Халарека будет сконцентрировано на его жене и рождении наследников для его Дома. Мы должны воспользоваться этим. Постараться усилить Дом Рица, чтобы вернуть в строй, например. — *Дурак, займись своим Домом! Перестань портить свою репутацию!* — Наши агенты докладывают, что Халарек собирается попросить доктора Алтеринна проконсультировать его по вопросу рождения потомства. Это ирония судьбы, не правда ли, что Халарек попросил совета у доктора фамилии Одоннела, который, соответственно, является главным консультантом

генетического совета Дома Харлана.

— Алтеринн — Свободный. Он может общаться, с кем заблагорассудится. Кроме того, это неприятно, что Лхарр знает о генетическом совете. Как он узнал об этом?

— Ричард, задумайся! Особый интерес Алтеринна — размножение и генетика. От кого Халарек узнал, как не от леди Катрин, которой о генетическом совете рассказал Эннис?

Ричард выпрямился и освободился от охранника.

— Ты видишь картинки у каждого столба. Доктора общаются друг с другом. Поэтому все новые идеи быстро расходятся.

Я думаю, что ты говоришь об этом слишком легко, Ричард. Это беспокоит меня. — *Это очень тревожит меня. Алтеринн может обнаружить, что ты бесплоден, изучая, почему Шарлотта не понесла, и тогда что мне делать?*

Ричард не принял в расчет беспокойство Брандера.

— Забудь об этом. Если Халарек заботится о потомстве, мы можем даже иметь возможность захватить этот Дом. Пора добираться до мальчиков Керэла. Придумайте что-нибудь, добрые маленькие мальчики очень нужны.

— Слушаюсь, мой лорд. — *Он и додуматься не может, что два дня назад я послал убийцу в Дюрлен.*

Брандер особенно не заботился, заметил ли Ричард сарказм в его словах. Юра был мертв. Хеммила ждет та же участь. Остались только три кузена, два по линии Дженнена, один по линии Ричарда. Скоро погибнут и наследники Дома Халарека, отвлекая внимание Халарека от Харлана. Три кузена — не проблема.

Совет окончательно убедится в его правоте. Особенно после выступления Халарека по три-д и после того, что он рассказал о Ричарде. Летний Совет состоялся три дня назад. Справедливый гнев, особенно среди Свободных, на высокомерие и очевидное нарушение святости Дома Уединения дважды еще не остыл. За три дня линия Дженнена у Харланов станет наследственной по голосованию Совета, а это означает, что только два кузена должны умереть до Ричарда. Три дня. Только три дня.

— Брандер? Брандер? Ты где-то далеко отсюда. Я спросил, что случилось с Юра? Он пропустил дежурный визит на этой неделе.

Так же, как и все другие визиты, однако.

— Ты ничего не слышал? Я полагал, что аб-

бат рассказал тебе, Даннел приходил раз в две недели. Конечно, на прошлой неделе он пришел специально.

А я был удивлен, что известия, которые он принес, не могли ждать до дежурного визита. Я рад, что я надоумил Грента передать твоей охране, чтобы сказать Юру, что ты никого не принимаешь. Ужасно окольный путь, но без этого нельзя.

— Даннел погиб три дня тому назад, разбился на флиттере, сразу после возвращения Шарлотты в Онтар. По крайней мере, наш агент в Онтаре доложил, что она прибыла именно в этот день.

После всего его Холдинг — это ее приданое. Возможно, он почувствовал, что он обязан ей помочь. *Ты* знаешь, насколько несчастна была Шарлотта на прошлой неделе. Особенно, когда она послала как-то весточку своим вассалам. — *А вот и еще один источник внешней информации, правда, Ричард?* Слишком плохо. — Он приходил, но он ждал до тех пор, пока ты не отправился на ужин, затем он вытащил Шарлотту через крышу. Он сбросил ей веревку, чтобы она взобралась на стену.

— Эх, Юра! Я считал, что исчезновение Шарлотты — это дело твоих рук, Брандер. Твое безучастное отношение к женщинам известно,

но эта женщина может взволновать и камень. А ты, казалось, имел какие-то чувства к ней. А оказалось, это был Юра.

Благодари меня за то, что Юра не может ничего рассказать.

Ричард окончательно пришел в себя. Он обратил внимание на солдат Совета.

— Позовите аббата. У меня есть для него срочное дело.

Солдат обратился к Брандеру за указаниями. Брандер размышлял. Ричард теперь успокоился. Солдат может идти, так как риска больше нет. Брандер кивнул солдату в знак согласия.

Ричард наблюдал, пока солдат выйдет из комнаты, затем обернулся к другому.

— Подожди за дверью.

Этот солдат тоже взглянул на Брандера.

— Останься, — сказал Брандер.

Рука Ричарда скользнула к тому месту, где должен был быть чехол от оружия. За пять лет заключения он не утратил этот рефлекс. Брандер слышал скрежет зубов Ричарда, когда он осознал, что у него нет оружия.

Казалось, Ричард лопнет. Он побагровел.

— Слушайся меня! Я — герцог Харлан.

— Названный герцог, милорд, — спокойно ска-

зал солдат, — а здесь заключенный, Вы не можете мне приказывать.

Ричард бросился на солдата. Через минуту в его руках был станнер. Левая нога Ричарда согнулась. Ричард тяжело упал на пол и неподвижно лежал. Брандер заметил испуг на его лице. Он знал, что впервые в жизни Ричарда кто-то отказался исполнять его приказ, даже по уважительной причине.

— Лхарр Халарек не только объявил всему миру, что Шарлотта была здесь, развлекалась с тобой, он собирается держать ее вне дома, пока она не подарит ему наследников. Не твоих, Ричард. Он сейчас убеждается, что она не забеременела от тебя.

Ричард попытался сесть. Брандер еле сдерживался пнуть его.

Так близко. Так близка уже цель. Это безрассудство показывать свои реальные чувства, когда я так близок к цели.

Брандер отступил, чтобы легче было сопротивляться. После того, когда нельзя уже будет остановить события, *тогда* он скажет все, что скрывал почти тридцать лет, *тогда* он сделает то, что хотел сделать почти тридцать лет. Еще несколько подвижек — и Ричард может перестать

существовать на этом свете. Брандер упорно двигался к цели. Он мог уже планировать, как все произойдет. Он хотел убить Ричарда своими руками, и он хотел, чтобы Ричард знал, как тщательно он обманывал его.

Глава пятнадцатая

Карн пересек зал своей стремительной походкой. Едва поспевавший за ним личный телохранитель рысил сзади. Карн даже не взглянул назад, чтобы убедиться, что его распоряжения относительно Шарлотты выполняются. Он доверял леди Агнес, как доверял немногим. Можно было не сомневаться, — Шарлотту без промедления возвратят в ее жилище. У Карна уже не оставалось времени, чтобы заниматься самой Шарлоттой, слишком много проблем свалилось на него из-за ее поведения. Он прекрасно понимал, что должен, хотя бы в общих чертах, за оставшиеся до летнего заседания Совета четыре дня составить себе план, как расхлебать всю эту кашу.

Карн с такой силой толкнул дверь библиотеки, что она ударилась в стену, и ее металлические части завибрировали, издавая отвратительный звук. Библиотека была пуста. Тан и Вейсман обычно приходили позже. Карн отпустил телохранителей, и они удалились, аккуратно прикрыв за собой дверь. Разумеется, в холле за дверью и перед его помещением оставались дежурные, так что непрошеный гость проникнуть сюда не мог.

Карн знал об этом, и это иногда придавало ему уверенность, порой же вызывало отчаяние. Оно приходило обычно, когда груз необходимости постоянно быть начеку становился невыносимым. Тогда Карн жалел даже о том, что судьба привела его в Болдер. Если бы ему не пришлось вкусить той жизни, разве он чувствовал бы с такой силой, как ограничена его свобода? Люди в поместьях Болдера не убивают друг друга. Там появление нового соседа отмечают песенным конкурсом, выставкой лошадей или, в крайнем случае, устраивают соревнования на ринге. Тогда, правда, бывают и смертельные исходы. Здесь же смерть подстерегала человека постоянно. Душа жаждала спокойствия и отдыха. Карн грустно покачал головой. Он вернулся, таков был его собственный выбор. Он должен был вернуться, хотя имел право отказаться. Он не отказался.

Обойдя стол, он нажал кнопку и вызвал Вейсмана. Вейсман долго не отвечал, а точнее, его слуга не слишком торопился передать его ответ Карну. Фрем Курт Вейсман с сожалением извещал своего патрона, что, по крайней мере, еще пару дней он не сможет выполнять свои обязанности из-за свалившихся на него жестокого кашля, насморка и мучительной лихорадки, вследствие чего доктор

Отнейл настаивает на необходимости два, а то и три дня провести в постели.

Карн долго вертел это послание перед глазами. Информация от разведчиков Дома Халареков была нужна ему сейчас. До Совета оставалось только четыре дня. Если Вейсман прохворает три… с другой стороны, до сих пор Вейсману случалось доказать свою преданность, он не жалел себя, даже будучи совершенно больным. Так что, если он не может встать с постели, дело, должно быть, и вправду обстоит скверно.

Карн бросил листок на стол, взглянул на него еще раз, затем прошел в другой конец комнаты и остановился перед маленькой сдвигающейся дверцей под лестницей. Набрав кодовую комбинацию на табло рядом с дверью, он подождал. Минуту спустя отрывистые гудки, не слишком громкие, чтобы не мешать работе в библиотеке, известили его, что все готово. Он открыл дверцу и нашел за ней дымящуюся чашу с клэгом и тарелочку с сосисками и булочкой.

Он взял салфетку и столовый прибор из встроенного шкафчика и понес свой завтрак к столу.

Усевшись, он откинулся на спинку кресла и на мгновение закрыл глаза. Еще одна накладка в преддверии Совета. Ему придется работать без

разведсети Халареков. Вздохнув, он нагнулся и протянул руку за лежавшими на обычном месте ручкой и блокнотом Орконана. Он записал себе для памяти, что нужно назначить кого-нибудь в помощь Вейсману, и с сожалением подумал, что теперь уже двое будут знать о его контактах с другими Домами.

Он поднял чашу с клэгом. Горячий густой запах напитка поднимался вместе со струйками пара. Карн с наслаждением вдохнул и отпил глоток. Прекрасная штука — этот клэг. Чтобы в эти ранние часы голова работала как следует, вещь совершенно необходимая. Он устроился в кресле поудобнее, чаша с клэгом приятно согревала руки. Нужно было поразмыслить.

Почему Брандер сам доставил Шарлотту обратно? Если бы он отправил ее к Ричарду, это не требовало бы объяснений, но почему он не отправил ее под надзором слуги или своего кузена, а то и вовсе без сопровождения? Возможно, Брандеру было нужно, чтобы Халарек знал, что сопровождающим будет он. Трудно было бы ожидать от Шарлотты, что она станет хранить такой незначительный секрет, особенно после того, как ее так недвусмысленно оскорбили манерой и поспешностью ее отправки. Но почему же Брандер

захотел себя раскрыть?

Возможно, он пытался представить себя потенциальным союзником, с тем, чтобы Халарек из благодарности защитил его, когда Ричарду станет известно, что он способствовал побегу Шарлотты.

В принципе, возможно, хотя и маловероятно, что Брандер в какой-то степени находился в зависимости от Шарлотты или Дома Рица и был вынужден помочь ей при побеге. А не может ли быть так, что он просто не хотел быть обнаруженным на пути из Бревена к Халареку, и поэтому потихоньку исчез, посадив с собой на лошадь Шарлотту? В этом случае лишь немногие могли знать, куда он направился, и даже, если все было тщательно продумано, о том, что он вообще покинул владения Харлана. Хотя это уже совсем невероятно — с тем же успехом он мог уехать прямо домой один.

Тогда что же? Почему Брандеру было важно продемонстрировать Карну, что именно он был с Шарлоттой? Это указывало бы на причастность Ричарда к исчезновению Шарлотты, кроме того, если бы Шарлотта заявила, что ее побегу помогал Брандер, то это только склонило бы слушателей к версии Брандера, ибо репутация Шарлотты была

известна. К тому же Брандер, чтобы обезопасить себя перед Ричардом, наверняка подготовил запасную кандидатуру на роль спасителя. Следовательно, наиболее вероятный ответ состоит в том, что пребывание Шарлотты в Бревене в такой же мере отвечало интересам Брандера, как и интересам Ричарда. Брандер хотел, чтобы как можно меньше людей знало, что он в равной мере причастен к выходке Шарлотты. А каковы могли быть цели Брандера? Он поддержал на осеннем Совете предложение об изменении порядка наследования у Харланов. Рассчитывал ли он войти в ряд наследников? Если так, то появление Шарлотты в Бревене, возможно, имело целью также дискредитировать Ричарда. Если это действительно так, то Брандер должен был каким-либо образом раскрыть местоположение Шарлотты. Интересная мысль. Карн всегда смотрел на Брандера как на мальчика для поручений при Ричарде, на его доверенное лицо (поскольку он не входил в линию наследователей). Карн готов был поклясться, что и большинство лордов Девятки придерживалось того же мнения.

Он даже был склонен объяснять помощь Брандера Шарлотте — предосторожности, передачу кое-каких сведений — в том духе, что это было

каким-то образом полезно Ричарду.

Размышляя о Шарлотте и предосторожностях, Карн вспомнил, что у Шарлотты ничего не было, когда она убежала в Бревен. Перегнувшись через стол, он дотянулся до коммуникационной панели. Когда отозвался Отнейл, Карн распорядился выяснить, не беременна ли Шарлотта. Кнопку передачи он отпустил с горькой мыслью, что независимо от исхода проверки о ее результатах придется сообщить публично. Относительно линии кровного родства у наследника Халареков не должно быть никаких вопросов. Брандер умен. Он рассчитал, как должно выглядеть возвращение Шарлотты. Его присутствие в сопровождении — это угроза. Ты должен объявить о прегрешениях своей жены и Ричарда, или я объявлю о ее грехах. Хочет ли Брандер соединить ее с Ричардом? С какой стороны ни думай — выходит, что Брандер себе на уме.

Заканчивая свой завтрак, Карн уже совсем по-новому смотрел на Брандера. Он вызвал слугу, чтобы тот убрал посуду, и вернулся в комнату три-д связи. Связавшись с бароном фон Шуссом, он поделился с ним своими соображениями и убедил его в необходимости ориентировать его агентов на сбор всей возможной информации

о Брандере Харлане. После этого он связался с аббатом Бревена, чтобы получить список лиц, посетивших Ричарда в течение последних четырех месяцев. Аббат Годвин обещал отправить список, как только он будет готов. Карн уже повернулся было уходить, но передумал.

— Дайте мне Дом Дюрлена, — обратился он к ближайшему технику. Вскоре появилось изображение Синдта Дюрлена. На лице его, как всегда, когда он разговаривал с Карном, было выражение холодного презрения.

— Что теперь, Халарек?

Пренебрежительный тон заставил Карна стиснуть зубы.

Всякое проявление чувств только послужило бы пищей для предубеждений Синдта относительно «этой бабы» Халарека.

— Для вас, Синдт, я Лхарр, или лорд Карн, или милорд. — Он поднял руку, не успел Синдт открыть рот. — Не спорить. *Я* глава Дома, независимо от того, как вы к этому относитесь. По крайней мере, внешне вы должны относиться ко мне с уважением. С тех пор, как я принял свои обязанности Лхарра, я поддерживал существование вашего Дома, но бог свидетель, вы не получите больше ничего, если хотя бы раз на людях будете

непочтительны.

Синдт вспыхнул, закусил губу, но склонил голову в знак согласия.

— Теперь о новостях, ради которых я связался с вами. Ситуация изменилась. Мы еще не знаем в точности, что произошло, но у меня есть основания полагать, что для мальчиков возникла угроза. Люди, которым я доверяю, сообщают, что вы по-прежнему пренебрегаете своими обязанностями по обеспечению их безопасности.

— Которым вы доверяете? — процедил сквозь зубы Синдт, — То есть, ваши шпионы, вы хотите сказать.

Карн подавил вспышку гнева.

— Мне сообщают, что вы пренебрегаете их охраной.

— Они только дети, пока, но они мужчины. В Доме Халареков телохранители есть только у вас.

Это уже было прямым оскорблением. Впрочем, Карну уже приходилось слышать нечто подобное не только от него одного. Он заставил себя не обращать внимания на грубость.

— Я пока что жив и хотел бы, чтобы мальчики тоже были живы. Так как вы не склонны рисковать своим образом мужественного человека, Синдт, я вынужден послать два отряда синих,

чтобы забрать мальчиков сюда, где они будут в полной безопасности.

— Вы не сможете. Я не позволю.

— В данном случае вам нечего сказать. Они ваши племянники, но и мои тоже. Однако я — лорд этого Дома и гарантирую их полную защиту. Подготовьте их и их мать к дороге вечером тринадцатого. Я слишком долго оставлял их в зависимости от ваших капризов. Не вздумайте препятствовать этому. В противном случае Дом Дюрленов будет поглощен Домом Халареков, и вам останется всего лишь статус младшего родственника.

У Синдта перехватило дыхание, лицо побагровело, затем изображение исчезло. Карн продолжал глядеть на пустой экран. Оставалось только надеяться, что он не слишком запоздал. Мысль о том, что Брандер может преследовать свои собственные цели, отличные, а то и прямо противоположные целям Ричарда, чрезвычайно его обеспокоила.

Он вернулся в библиотеку.

Список посетителей Ричарда прибыл из Бревена ближе к вечеру. Там перечислялись дьяконы, члены их семей, лорд Марк, Даннел из Юры, Брандер Харлан и доктор Геббитс Харлан.

«Ничего особенно примечательного, — подумал Карн, — но, как бы то ни было, я переправлю это барону, пусть его разведка поработает с этим. Посещения врача могут указывать на то, что Ричард был болен, а это на него не похоже. Интересно, что могло с ним случиться, чтобы потребовалась ежемесячная консультация с врачом?»

Карн подумал было передать список Вейсману, чтобы он попал к фон Шуссу по обычным каналам, но, судя по голосу, тот был совершенно болен, и в конце концов Карн отправился в кабину три-д, чтобы передать информацию лично.

— А я как раз сам пытался связаться с тобой, мой мальчик, — сказал барон, едва появившись на экране. — Канал шифрованный?

Карн сделал знак техникам, чтобы обеспечить кодирование.

Срочные новости от Харлана, Карн. Два часа назад скончался от сердечного приступа Хеммил Харлан. Мои осведомители сообщают о фактах, из которых можно сделать вывод о подготовке убийства мальчиков Керэла и Нетты с инсценировкой несчастного случая.

У Карна упало сердце. К несчастью, его подозрения относительно покушения на мальчиков

оказались справедливыми. Последняя новость делала участие Брандера в заговоре против Ричарда еще более вероятным.

— Эмиль, я передаю своим техникам список посетителей Бревена. Шеф моих разведчиков захворал и не в состоянии работать. Пусть ваши люди разузнают, что удастся, по этому поводу. Мне пришлось взять мальчиков под свою защиту.

Барон фон Шусс кивнул, жестом попрощался и исчез.

Карн приказал капитану Филлипсону подготовить сопровождающие истребители, чтобы доставить мальчиков в Онтар немедленно. Флиттер для мальчиков и эскорт вылетели с наступлением темноты. Карн наблюдал за отправкой в надежде, что его тревога безосновательна. Только позднее, когда Карн вернулся к своей работе в библиотеке, у него нашлось время поразмыслить о том, насколько выгодна Брандеру смерть Эмиля.

Три часа спустя после отправки флиттера и эскорта Филлипсон вышел на связь от Дюрлена. Он отказывался говорить с кем-либо, кроме Карна или Тана Орконана, вследствие чего оба столкнулись в комнате связи. Голос, донесшийся до них из громкоговорителей, не сулил ничего

хорошего.

— Милорд, мы только что прибыли, но, увы, поздно. Менее часа назад оба мальчика были зарезаны помешавшимся рабочим с кухни. Лорд Синдт боялся вам доложить, а леди Нетта в истерике и не в состоянии говорить связно. Мне очень неприятно сообщать вам об этом, милорд.

Карну необходимо было сесть, но в присутствии техников он не мог этого себе позволить. Он лишь прикрыл глаза и, закусив губу, задержал дыхание, пока ему не удалось справиться с первым приступом горя и гнева. Овладев собой, он взглянул на Орконана.

— Очень похоже, что кто-то сообщил Харлану о том, что мы забираем мальчиков, — По его лицу было видно, что он все еще не в состоянии поверить в случившееся. — Как еще это можно объяснить?

Карн молча, боясь, что голос может его выдать, покачал головой.

— Лорд Карн, что мне следует предпринять? — вопрос Филлипсона повис в воздухе.

— Доставьте их сюда для погребения, — наконец произнес Карн. — Пусть их мать тоже будет здесь, после похорон я отправлю ее назад с надежным сопровождением. Не мешкайте, капитан.

— Что делать с преступником?

— Пусть решает лорд Синдт, если он сочтет нужным. Я уведомлю Совет о том, что произошло. — Карн повернулся к ближайшему технику. — Известите Дом фон Шусса по экстренному каналу — Кит и Джемми, возможно, тоже угрожает опасность. — Карн повернулся и покинул комнату.

Он поступит так, как обещал. Карн стремительно пересек зал, одним духом взлетел через шесть пролетов лестницы в оранжерею. Недоумевающий телохранитель пыхтел сзади. Это уже слишком. Это не укладывается в голове. Эти малыши мертвы лишь потому, что их отец Халарек. Но жестокость этого удара была невероятной даже для Ричарда. Эти смерти на совести кого-то еще. Брандера? А Синдт помог убийце. Помог своей самонадеянностью.

Стремительная ходьба не приносила успокоения, хлопанье кожаных подошв по каменному полу гулко отдавалось в пустом помещении и звучало зловеще. Получить такой удар из-за легкомыслия и высокомерия своего же родственника. Да, Дом Дюрлена будет поглощен, как он и обещал. Он снова сделает Синдта младшим кузеном, каким тот был до того, как Нетта вышла

замуж за Керэла и Трев Халарек подарил его семье статус самостоятельного Дома. Поглощение и объявление на Совете о преступной небрежности Синдта навсегда покончит с его политическими амбициями. Впрочем, для него уже нет достойного наказания.

Карн распахнул дверь и влетел в оранжерею. Он не часто бывал здесь, но все же достаточно часто, чтобы телохранитель усвоил, что следует остаться за дверью. Он замер на мгновение, окунувшись в атмосферу теплого, влажного, благоухающего воздуха. Садовник, что жил в каморке при оранжерее, просунул голову в маленькое окошечко и оглядел свои владения. Увидев Карна, он кивнул ему и снова скрылся. Карн закрыл дверь, толкнул задвижку и уселся на скамью. Сквозь стекла оранжереи проникал дневной свет. Это было его последнее прибежище, и сегодня он действительно в нем нуждался. Опершись локтями о колени, понурившись, бессильно свесив кисти рук, он сидел и рассматривал гравий под ногами. Они мертвы. Оба мальчика. И, конечно же, по приказу Харлана. Кто еще, в самом деле, выиграл бы от гибели наследников Халарека. Всех юных Халареков, кроме Джемми.

То, что произошло, означало, что шпион Харла-

на в Онтаре снова нанес свой удар. Иначе нельзя объяснить, как весть о военном эскорте Халарека могла так быстро достигнуть Дюрлена. Все знали, что в Онтаре скрывается шпион Харлана. Все знали это, но никто не знал, как его выкурить. Были сомнения насчет того, что эту роль в разное время исполнял один и тот же человек — акты саботажа случались нечасто, но установить личность не было никакой возможности. Одно время Трев хотел было сменить всех служащих в Онтаре, чтобы избавиться от шпиона, но это лишь дало бы возможность бесчисленным врагам занять место преданных работников и офицеров.

Карн покачал головой, выпрямился. Столько горя, столько смертей. Он должен передохнуть, скинуть на время этот груз, иначе он просто не сможет работать. Карн запрокинул голову и ощутил тепло солнечных лучей. От этого мускулы лица и плечи, постоянно до судороги сведенные от необходимости скрывать свои чувства на публике, расслабились. Он дал волю своему горю, своей скорби по мальчикам, которые были убиты лишь потому, что их отцом был второй сын Трева. Здесь, в тишине и уединении солнечного утра, он мог не сдерживать своих слез. Пусть они унесут с собой часть этой страшной тяжести. Сейчас он

снова возьмет себя в руки.

Он встал. Втянул в себя благоухающий воздух, в котором смешались запахи сырой земли, листьев, мокрого камня и цветов там-тама. Он медленно прошелся по рощице там-тамовых деревьев. Эти экзотические растения, которые были кружным путем ввезены с Терры, цвели красными, розовыми и оранжевыми цветами почти круглый год, разливая вокруг себя запах пряностей и теплого меда. Карн прикоснулся к их крупным лепесткам, потрогал веточки папоротника, росшего у подножия деревьев. Пальцы стали мокрыми от тоненькой пленочки росы, покрывавшей листья. Кончиками пальцев Карн провел по краешку папоротникового листа, с удовольствием ощущая его нежную упругость. Отерев пальцы о брючину, он двинулся дальше, вглубь оранжереи. С каждым шагом боль, терзавшая его, постепенно ослабевала.

Карн долго бродил среди растений, пока свет, падавший сверху, не окрасился розовыми и бледно-лиловыми тонами. Он спустился в свое жилище, предварительно дав указание начальнику ночной смены дежурных, чтобы его не беспокоили, кроме как в связи с прибытием Дюрленов, связавшись от себя с Орконаном,

распорядился насчет подготовки погребальной церемонии и лег спать.

Карн долго не хотел просыпаться, хотя Гарет, которого теперь повысили и не посылали больше с мелкими служебными поручениями, долго тряс его за плечо.

— Милорд, лорд Карн, вставайте. Леди Нетта бьется в истерике, и никто не может ее успокоить. Лорд Синдт ранил двух солдат синих войск, когда те готовили тела мальчиков к отправке. Карн застонал и уткнулся лицом в подушку. Как пережить еще один день, подобный вчерашнему? Как пережить хотя бы половину того горя, что свалилось на него вчера?

Гарет продолжал его тормошить.

— Тан говорит, что вы должны позаботиться о леди Нетте. Вы здесь единственный, кто имеет для этого достаточный ранг.

Карн перевернулся на спину и воззрился на младшего кузена Орконана.

— Я не могу заботиться о леди Нетте. Позовите леди Агнес. До окончания похорон Шарлотта прекрасно может обойтись без компании. Попросите прийти леди Катрин. Ей все равно нужно будет рано или поздно прийти. Я не могу заниматься Неттой.

Гарет повернулся, чтобы идти.

— На всякий случай. Не вздумайте передавать все буквально. Попросите леди Агнес прийти в самых вежливых выражениях и от моего имени. То же самое в отношении Кит, — Карн сел и протер глаза, отгоняя остатки сна. Вздохнул. — Стоп! Лучше я прежде сам свяжусь с фон Шуссом. Больше никто не должен знать о происшедшем. Тем не менее, позаботьтесь, чтобы леди Агнес взяла Нетту в свои руки.

Гарет отвесил легкий поклон и исчез.

Три-д связь с Домом фон Шусса — не единственное, что предстояло теперь Карну. Ему надлежало известить Председателя Совета Гашена о том, что он в связи с похоронами не сможет успеть к открытию сессии. Нужно было попросить Чилдрета Коннора занять место Карна за главным столом Халареков в Совете и, проконсультировавшись с его вассалами, выступать от его имени, пока не прибудет сам Карн.

Он должен вызвать Ронниф Халарека, чтобы тот подготовился занять место наследника. Джемми слишком юн, вассалы могут не принять его. Оставить его в качестве наследника, значит, подвергнуть его риску. Достаточно быть наследником фон Шусса, да и безопаснее к тому же.

От следующих двух дней у него сохранились лишь смутные воспоминания. К утру пятнадцатого адена, на которое были назначены похороны, он дошел до полного бесчувствия. Было слишком много соболезнователей и слишком много гостей, и пришлось перенести церемонию из церкви в Большой Зал. Карн исполнил свои обязанности лорда и родственника и удалился на час в тишину оранжереи, чтобы собраться с силами перед отлетом в Совет. Там, в Совете, ему приходилось играть совсем другую роль, и для этого требовался совершенно иной душевный настрой. Пока не завершится сессия, он не сможет позволить себе думать о погибших мальчиках иначе, как о примере того, на какую низость может пуститься Харлан, чтобы уничтожить Халареков.

Карн бесшумно проскользнул на свободное место позади Чилдрета, чье внимание было целиком поглощено обсуждением новых свидетельств вызывающего отношения Ричарда к постановлениям Совета и заповедям Пути. На этот раз от имени Ричарда выступал не кто иной, как Гормсби. Гаррен Одоннел сидел молча, а Изан Грент ограничился выражением крайнего удивления, что одна и та же уловка могла дважды привести к успеху. Это замечание вызвало возму-

щенную реакцию со стороны Дома Рица, который поддерживал версию о непричастности аббата ко всему этому делу. Кричали, что Годвин Риц честный и прямой человек, а во всем виновата охрана, назначенная Советом. Кое-кто предлагал отправить теперь Ричарда, как обыкновенного преступника, в пустыню Цинн. Шум то нарастал, то утихал, мнения склонялись то в одну, то в другую сторону, и Карн вдруг представил себе, как под порывами ветра гнутся вершины деревьев. Но он знал теперь, куда дует этот ветер.

Медленно и незаметно Совету пытались внушить, что Ричард потерял свое право быть одним из Девятки. Карн был уверен, что все высказывания о том, что своим поведением Ричард демонстрирует презрение к Совету и обычаям Девятки, были отрепетированы заранее. Слишком уж они разговорчивы, чтобы все это было импровизацией. Очевидно также, что все это идет не от Ричарда, поскольку отсюда недвусмысленно напрашивался следующий шаг — установить новую линию наследования в Доме Харлана.

Новая линия у Харлана. Новая линия у Халарека. Насколько ему была отвратительна эта мысль, настолько же он понимал, что при ином взгляде на вещи он не смог бы быть ответствен-

ным лордом. Из Ронниф выйдет хороший Лхарр. Конечно, то, что он всего лишь второй кузен, может обеспокоить кое-кого в Совете, но хуже всего то, что Ричард уничтожил всех мужчин из поколения Карна, кроме него самого и Трева, а братья и большинство первых кузенов погибли в сражениях.

«У меня нет близких кузенов, твердил себе Карн. — Это должен быть Ронниф».

Карн был настолько поглощен своими размышлениями, что пропустил момент, когда Председатель Гашен дал знак своим техникам подключить экраны на только что полученную передачу. Но когда загорелся экран и на нем появилась фигура Ричарда, это уже не прошло мимо его внимания. Члены Совета были застигнуты врасплох. Некоторые вяло запротестовали, что объект обсуждения, которому, по идее, запрещалось пользоваться три-д связью, вдруг предстал перед ними.

— Аббат, — свирепым голосом потребовал Гашен.

На экране рядом с Ричардом появилась смиренная физиономия Годвина Рица.

— Что это значит, аббат?

Аббат невозмутимо сложил руки на животе.

— Лорду Ричарду удалось убедить меня, что, если он не получит доступа к три-д связи для выступления в свою защиту, ему грозит скорая и неминуемая гибель. Он убедил меня, что в его собственном Доме существует направленный против него заговор. Досточтимый Председатель, я не мог остаться в стороне, когда человеку угрожает гибель.

— Вы остались в стороне и позволили ему снова привести в Бревен женщину. — Голос исходил из сектора Свободных, но его обладатель не пожелал встать и показаться собравшимся. Аббат вспыхнул. Рука его, помимо воли, потянулась туда, где прежде, до принятия им религиозного сана, висело оружие. Он опустил глаза, почувствовав, что это движение выдало его, но тут же снова посмотрел на членов Совета. — Лорд Ричард не приводил женщины. Ее провели, и весьма изобретательно, в одежде дьякона, в то время, как все члены общины были в трапезной. Она укрывалась в его комнате до тех пор, пока он и приставленная к нему Советом охрана не возвратились с вечерней трапезы. Охрана обыскала комнату, как это она делала часто, но никого и ничего не обнаружила. Охрана не виновата, так же, как и я. Нас просто перехитрили.

— Ну и сколько раз еще вы позволите себя перехитрить, пока лорд Ричард находится под вашим попечительством, лорд аббат? — съязвил кто-то из Макнисов.

Аббат выпрямился.

— Совет и я лично уже предприняли ряд мер, чтобы ничего подобного больше не могло повториться. Я не могу отвечать за то, что происходило при прежнем аббате. *Я* не снимаю с себя ответственности за последний инцидент, но прошу обратить внимание, что он, по сравнению с прежним, имел гораздо более скромные размеры. И он не повторится. — Он взглянул на Ричарда Однако же, как я уже сказал, лорд Ричард привел убедительные доводы в пользу необходимости три-д связи для того, чтобы сохранить его жизнь. Он обнаружил, что информация, которая к нему поступает, либо преднамеренно ограничивается, либо фальсифицируется. Повторяю, я не хочу отвечать за гибель человека. Итак, лорд Ричард…

Лицо Ричарда было сурово. Глаза были устремлены на аудиторию.

— Я должен признаться, что здесь у меня находилась женщина, Шарлотта Риц. Инициатива принадлежала ей. Я принял предложение. Доставил ее сюда мой кузен Брандер.

Карн сжал руками колени и уставился в пол перед собой. Снова позор перед лицом всех этих людей. И ради того, чтобы Ричард мог хотя бы отчасти оправдать свое поведение. Шарлотта сама предложила себя. Хотя, возможно, и даже скорее всего, Брандер постоянно искушал ее возможностью покорить сердце Ричарда. А Ричард не был невинной овечкой, неспособной противиться соблазну. Та сила, с которой его охватил гнев, удивила Карна. По-видимому, некоторые вещи, связанные с этой женщиной, все еще могли волновать его.

Он взглянул на Брандера — четвертую сторону в Бревенском противостоянии сил. Его лицо налилось краской. Было видно, как на его виске пульсирует жила.

Итак, Ричард предал и тебя. Карну захотелось выкрикнуть эти слова. Ты служил ему так верно и так долго, а он предал тебя, чтобы смягчить меру наказания, которое наложит на него Совет. Ну что же, и я найду способ отомстить тебе, Брандер, за все, что ты причинил моему Дому, служа своему.

Глава шестнадцатая

Брандер вглядывался в лицо своего кузена. Как это тебе удалось, мерзавец? Я был уверен, что аббат у меня в руках.

Ричард получил доступ к три-д связи. Ричард, располагающий возможностью контакта со своими вассалами, помимо Изана Грента. Ричард, который может свободно общаться с другими Домами. Это не укладывалось в голове. К тому же, теперь почти невозможно убрать его. Его выступление превратило вопрос одного дня в практически неразрешимую задачу. А как теперь смогут кузены, не говоря уже о союзниках, проголосовать за изменение линии наследования, когда Ричард, все еще могущественный, мстительный Ричард увидит все это своими глазами?

Брандер в задумчивости грыз ноготь. Можно ли остановить нежелательное развитие событий? Нужно ли сейчас подать знак следующей команде подготовленных им ораторов, тех, кто должен был поднять вопрос об изменении линии наследования в отношении человека, утратившего право быть одним из Девяти, с тем, чтобы отменить запланированные выступления? А,

может быть, Ричард уже знает о готовившемся предложении? Не это ли послужило причиной его крайне несвоевременного появления? Брандер начал потихоньку оглядывать зал, выискивая людей с заготовленными речами. Все они были заднескамеечниками, не имевшими постоянного места, и разыскать их нужно было так, чтобы не привлечь к себе внимания.

Вдруг Брандер сообразил, что не слушает, что говорит Ричард.

— …Шарлотта Риц… Ее инициатива… Доставил ее мой кузен Брандер…

От ярости у Брандера потемнело в глазах. С трудом он сдержал себя. Хотелось колотить кулаками по столу, хотелось кричать и топать ногами — такой подлости он не ожидал. Он тайно и верно служил Ричарду долгие годы, и вот теперь он приписывает Брандеру мысль привести Шарлотту в Бревен.

Как это похоже на тебя, трусливый сын шлюхи. За всю свою жизнь ты пальцем не пошевелил, чтобы исполнить свои обязанности. Тебя интересовали более приятные вещи — кровная месть, дуэли, красивые женщины. Мне же и твоим союзникам оставалась лишь тяжелая работа по поддержанию Дома Харланов. Теперь хватит. Ты

в Бревене, и тебе не выбраться. Я здесь, и мне уже не понадобится отправляться в Бревен. Я не боюсь тебя, Ричард. И я отниму у тебя Дом Харлана.

В это мгновение он стряхнул с себя свой детский страх перед Ричардом, и у него как будто гора свалилась с плеч. И хотя внешне, он был в этом уверен, это никак не проявилось, в душе он как бы распрямился, стал выше.

— Замечание по ходу. — Герцог де Ври поднялся с места.

Гашен кивнул в его сторону.

— Будьте добры, милорд.

— Мы уже заняты обсуждением важных вопросов, *фрем* Председатель. Ричард Харлан с его прошением об изменении приговора и его аббат выступают вне очереди.

Брандер заметил, как набычился аббат, когда его назвали Ричардовым аббатом.

Гашен на секунду задумался.

— Вы совершенно правы, милорд. Однако мне представляется, что следует дать лорду Ричарду возможность высказаться, поскольку то, что он сообщит, может иметь отношение не только к его приговору, но и к следующему пункту нашей повестки, то есть линии наследования в Доме Харлана. — Гашен повернулся к Ричарду.

Ричард поклонился.

— Благодарю вас, *фрем* Председатель. Я хочу представить вам, лорды и Свободные, эти факты в качестве свидетельства того, что в Доме Харлана затевается нечто, направленное против меня и, в конечном итоге, угрожающее моей жизни.

Мой кузен Эннис был убит при попытке спасти свою жену из ловушки в Бревене. Бревен — это не такое место, которое я мог бы выбрать для убийства, лорды и Свободные. Для распутства, увы, но не для убийства.

Даннел из Юры умер, как мне сообщили, после того, как ему помешали навестить меня. Мне передали также, что с ним была Шарлотта Ларга. Лхарр Халарек утверждает, что похитителем был мой кузен Брандер. И в данном случае я верю Лхарру. С этим совпала смерть моего кузена Хеммила, моего наследника. Это произошло через несколько дней после отъезда Шарлотты, вследствие сердечного приступа.

Глаза Ричарда встретились с глазами Брандера. Что ты теперь собираешься сделать, теперь, когда все знаешь, братец? Убить меня? Каким образом, когда все эти долгие годы ты именно мне поручал такие вещи?

Ричард снова посмотрел на Председателя.

— Я полагаю, *фрем* Председатель, что за столь короткое время умерло слишком много близких мне людей. Если Совет исследует обломки флиттера Юры, возможно, обнаружится, что причиной катастрофы была не ошибка пилотирования, а диверсия или даже прямое убийство. Наконец, я перехожу к самому последнему несчастью. Три дня назад сыновья Керэла Халарека были зверски убиты, причем так, чтобы подозрение пало на Дом Харлана. У Халарека не было врагов в собственном доме, а какой еще Дом мог желать смерти наследников Халарека? Только Дом Харлана, поскольку это ослабило бы стародавнего врага — именно так рассуждали бы многие. Только Ричард Харлан, поскольку он глава этого Дома. Но клянусь вам, лорды и Свободные, что я не имею никакого отношения к этим убийствам. Клянусь кровью моей матери, такое убийство не в моем характере. Я сам убиваю своих врагов, и я никогда не убил бы ребенка. В этом нет азарта, — Ричард бросил вызывающий взгляд на членов Совета, после чего принялся рассматривать свои ногти.

Как будто все это пустяки. Это не пустяки. Мне совсем не нравится, как ты представил дело перед этими болванами, увязав вместе все эти

смерти.

Брандер взглянул на Халарека, затем с досадой снова повернулся к Ричарду. Его интересовало, как Халарек воспримет это неожиданное выступление. Но, чаще всего, пытаться прочесть что-либо на лице Халарека было все равно, что ждать откровений от каменной стены. Он слишком хорошо владел собой и, за исключением крайних ситуаций, никогда не выдавал своих чувств. Так было, например, когда он объявлял по три-д связи о неверности Ларги, но и тогда, как считал Брандер, все внешние проявления были лишь слабой тенью того, что чувствовал Карн. Иметь такую непроницаемую физиономию — это определенное преимущество.

Члены Совета перешептывались, переходили от одной скамьи к другой, собирались небольшими группами. Брандер буквально сверлил глазами Председателя, но тот ничего не предпринимал, чтобы остановить беспорядочное хождение. Прошло несколько минут. Брандер толкнул локтем лорда Марка.

— Дело о приговоре Ричарда.

Грент посмотрел на Брандера с Отвращением и снова принялся следить за снующими туда-сюда членами Совета.

Наконец, снова поднялся де Ври.

— *Фрем* Председатель, я, Чарль де Ври из Дома де Ври. Нам еще предстоит принять решение относительно выходящего за всякие границы, вызывающего неповиновения Ричарда вынесенному Советом приговору и законам Пути.

Гашен кивнул.

— Принять. Вопрос о приговоре следует решить до дела о наследовании.

Ричард, в натуральную величину подвешенный на стене позади Председателя, снова обратил свое внимание на аудиторию, сложив, по своей манере, руки на груди. Брандеру показалось, что он едва заметно нахмурился.

Ты, кажется, обеспокоен? Все, что получишь, ты заслужил.

Выступавшие поднимались то в одном, то в другом конце зала, но обсуждение закончилось неожиданно быстро. В конце концов все согласились, что Ричарду Харлану следует позволить пользоваться три-д связью, поскольку от этого, и в самом деле, зависела его жизнь. Смертного приговора ему не вынесли, но, поскольку история с Шарлоттой Ларга была уже второй за недолгое время, на Ричарда накладывались более жесткие ограничения и предполагалось усилить

его охрану в Бревене. С этого момента страже предписывалось проверять каждого входящего и выходящего из Дома Уединения, а в комнате Ричарда постоянно должен был находиться охранник. Совет проголосовал за финансирование дополнительной охраны и перешел к следующему вопросу.

Брандер с кислой миной следил за дебатами. Появление Ричарда перечеркнуло великолепную возможность изменить порядок наследования. После того, как обсуждение приговора закончилось, он не отключился, а продолжал висеть над залом, высматривая, делая невозможным разговор на щекотливую тему. Хотя перечислять причины, по которым это оказалось бы выгодным для Старкера IV, должен был Гормсби, Ричард, несомненно, разглядел бы за его спиной истинного вдохновителя, а выступить открыто Брандер был еще не готов.

Нет, нет, братец. Мне еще не пришло время раскрыться. Но знай, прежде чем ты умрешь, ты увидишь, кто займет твое место.

Гормсби поднялся, держа в руке текст своей речи. Этому старому человеку вовсе не казалось, что ставить такой вопрос сейчас совершенно невозможно. Брандер с трудом сдержал страх.

Долю секунды он колебался, не следует ли ему схватить старика и силой оттащить на место. В конце концов он решил ничего не предпринимать, надеясь на лучшее. Риск от попытки остановить маркиза был не меньше, чем риск от того, что Ричард узнает, кто организовал его выступление. Речь была написана с позиций Старой Партии, а строгая приверженность Гормсби взглядам и целям Старой Партии хорошо известна. Может быть, Ричард и не заподозрит его участия. Брандер попытался расслабить судорожно сжатые мышцы, но это ему не удалось.

Брандеру пришлось признать, что речь старого Гормсби была составлена очень толково. Когда тот закончил, даже со скамей союзников Харлана послышались редкие аплодисменты. Последовавшие дебаты были очень сдержанными, возможно, из-за того, что Ричард мог следить за ними, а он все еще был в силах наводить трепет на большое число Домов, или, по крайней мере, удерживать их от прямой оппозиции. Затем мало-помалу выдвигались все новые аргументы в пользу передачи наследования линии Дженнена. Родоначальник этой линии Дженнен и после своей смерти до сих пор пользовался уважением за свою терпимость и рассудительность, а эти каче-

ства, кажется, начинали входить в моду. Создавая свой общественный образ, Брандер всячески подражал своему предку. Брандер дирижировал своими и подручными, многие из которых потерпели от Ричарда финансовый, а то и физический ущерб. Они выступали один за другим, многие указывали на опасность, угрожающую другим Домам в случае гибели Дома Харлана, к которой он, по всей видимости, приближался из-за отсутствия главы.

Многие из них призывали к изменению линии наследования, хотя и не говоря об этом прямо, для того, чтобы ослабить влияние Дома Харлана в Совете и за его пределами.

— Есть вопрос, — выкрикнул кто-то со стороны Друмы.

— Карн Халарек, Лхарр из Дома Халареков, — в ту же секунду поднялся Халарек.

Брандер, полагая, что слово получит первый, обернулся, чтобы посмотреть, кто встал в том секторе. Если бы это был Друма! Его Дом не был влиятельным, но недавно он подвергся неприкрытому нападению со стороны Одоннела, а Одоннел всегда был тесно связан с Харланами, прежде всего, с Ричардом. Быть может, Друма захочет отыграться на Одоннеле, выхолостив

Ричарда. Брандер усмехнулся, вспомнив это слово. Ричард, должно быть, уже близок к этому. Он решил поговорить с доктором Геббитсом после возвращения домой и устроить так, чтобы доктор еще раз, под тем или иным предлогом, исследовал Ричарда. Если уровень достаточно низок, он подумает, не сообщить ли об этом Ричарду.

Избавиться навсегда от твоего непрерывного хвастовства, Ричард. Знать, что ты никогда не оставишь приплода, способного мне угрожать.

— Благодарю вас, *фрем* Председатель. — Карн слегка поклонился в его сторону, вежливость такого рода почти никогда не распространялась на Свободных.

Халарек! Он дал первое слово Халареку.

— Лорды и Свободные, я внимательно следил за ходом обсуждения, и я чувствую опасность. Лорд Ричард считает, что его жизнь в опасности. Возможно, он прав. Не мне судить. Дом Харлана и в самом деле распадается, но мой опыт, основанный на аналогичных событиях в других местах, позволяет мне думать, что он доживет в целостности до того момента, когда срок приговора лорда Ричарда истечет, и он сможет полнее посвятить себя делам этого Дома.

Изменение линии наследования при живом

главе Дома создаст опасный прецедент. Никогда за всю историю Старкера IV здравствующий глава Дома не был выведен из порядка наследования. Если линия наследования изменялась, то это всегда происходило вследствие гибели всей линии, как это едва не случилось в моем Доме.

Карн Халарек обратил неподвижное лицо к Ричарду.

— Вы знаете о кровной вражде между моим Домом и Домом Харлана. Вы знаете, до чего доходили лорд Ричард и его подручные, чтобы погубить мою семью. Вам известно также, что только сегодня утром я похоронил двух своих племянников.

Халарек провел пальцем по выщербленной поверхности своего стола.

— Поэтому, когда я выступаю против изменения линии наследования, вы можете не сомневаться, что я отношусь к этому в высшей степени серьезно. Он обвел зал своими неповторимыми золотистыми глазами.

— Лорды и Свободные, не меняйте линию наследования у Харланов. Иначе мы будем ввергнуты в такую вражду и такие войны, каких эта земля не знала за всю свою жестокую историю.

Халарек сел. Зал безмолвствовал.

— Вопрос.

На этот раз он исходил от Эмиля фон Шусса, барона в Доме фон Шуссов. Гашен сделал знак бейлифам, которые обычно дежурили у входа, ожидая распоряжений. Они тотчас же рассыпались по проходам, одновременно раздавая бюллетени и подсчитывая голосующих. Кончив раздачу, они снова все пересчитали.

Двойной пересчет! Это штучки Халарека. Я знаю, это его затея.

Брандер покачал головой, давая понять своим агентам, ожидавшим его указаний, что после двойного пересчета их план заполнить бюллетени голосами в пользу Дженнена — не принесет успеха. Придется лишь без конца повторять голосование и сидеть, дожидаясь конца подсчета.

Негодяй Халарек. Негодяй. Ты заплатишь за свое вмешательство. Видит Бог, ты заплатишь.

Брандер бессильно наблюдал, как рушится его план изменения наследования у Харлана. Ему придется добиться этого, уничтожив Ричарда. У Ричарда нет законных наследников от его плоти. И его смерть решит дело. А тогда он займется Халареком. Он убьет кого-нибудь из них, того, чья смерть действительно нанесет удар по Лхарру и его Дому. Он хочет, чтобы Лхарр почувствовал

удар. Он хочет, чтобы все надежды Халарека были разбиты, как были разбиты его собственные. Кого выбрать? Шарлотту? Леди Катрин? Младенца? И нужно торопиться, чтобы Лхарр заметил связь между своим выступлением в пользу Ричарда и этой смертью.

Глава семнадцатая

Брандеру пришла в голову мысль, что для мести Халареку ему потребуется помощь цыган. Он вознамерился разыскать какой-нибудь кочующий табор, вроде того, с которым леди Катрин попала в Бревен. К поискам он приступил немедленно, как только закончился Совет. Он побеседовал со своими шпионами, внимательно изучил те места в их донесениях, где говорилось о передвижениях цыган. Причиной тому, что Брандер отводил цыганам в предполагаемой мести центральную роль, послужили дошедшие до него сообщения об уникальном способе, которым цыгане умерщвляли своих недругов.

Не раз за последние годы Брандеру приходилось слышать, что человек, лишивший жизни или ранивший кого-нибудь из цыган, почти неотвратимо умирал. Последним из таких случаев была смерть палача в Доме Одоннела, случившаяся около года назад и в высшей степени примечательная. Одной цыганской девушке случилось стать свидетельницей того, как Гаррен задушил одну из своих любовниц. Чтобы обезопасить себя против свидетельских показаний в суде свобод-

ного города, Гаррен приказал лишить цыганку языка. Его человек, выполнивший приказ, через несколько дней заболел и после двух недель медленной мучительной агонии, при которой мясо зловонными кусками отваливалось от костей, умер.

Другие враги умирали иначе, кто быстрее, кто медленнее, но всегда в муках, и это не было похоже на обычную болезнь. Такая смерть могла быть вызвана только с помощью яда, хотя как яд мог попасть к палачу Одоннела, надежно укрытому в его доме в Эринне, Брандер не мог себе представить. Никого из цыган в Эринне не было, не было их и во всех владениях Одоннела.

Однако это, несомненно, был яд, и он непременно его раздобудет. Никто не сможет заподозрить, что смерть Халарека вызвана ядом. Гхарры никогда не пользовались ядом, считая это признаком малодушия. Это было не по-мужски. Но это должно сработать. И если цыгане ухитрились пробраться с ядом к Одоннелу, то Брандер Харлан сумеет доставить яд Халареку.

В своих поисках Брандер избегал лишних передвижений. Если на фотографиях Гильдии удавалось заметить что-то похожее на табор, он лично проверял это с воздуха. Во всех остальных

случаях он полагался на свою разведку. Его личную разведку, верную только ему. На следующий день после Совета Ричард лишил его доступа к данным разведсети семьи Харлана, но, предвидя такую возможность, Брандер заранее начал финансировать свою собственную сеть. Вместе с тем, лишение его такой привилегии было для него предупреждением — [L] Ричард подозревает его. Но Ричард под надежной стражей, а Брандер свободен. Брандера не беспокоила возможность удара со стороны Ричарда, он намеревался держаться от него подальше, пока не придет час нанести смертельный удар.

Брандер не хотел, чтобы кто-либо в доме мог заметить перемены в его поведении и связать их со страхом перед Ричардом после того, как тот выразил ему свое недоверие. Поэтому в ходе трехнедельных поисков Брандер внешне не изменил своего обычного распорядка. За одним небольшим исключением. На ночь он оставлял у двери стражника. Но чтобы тот не бросался в глаза, приказал ему находиться внутри комнаты. Именно здесь, под охраной, он изучал донесения своих агентов.

Сообщения его осведомителя в доме Халарека представляли для него исключительный инте-

рес. Он снова и снова перечитывал их. Ларга не забеременела от Ричарда, и это было засвидетельствовано специалистом Алтеринном. Это не было для него неожиданностью. Если бы она была беременна, то ему пришлось бы иметь весьма серьезную и болезненную (для Геббитса) беседу с доктором.

Он не ожидал, однако, что Лхарр сделает публичное объявление о результатах обследования Алтеринна. Он имел некоторое представление о гордом характере Халарека и полагал, что тот не отважится снова испытать унижение, как во время предыдущего выступления по три-д. То, что Халарек все-таки выступил, могло указывать на те тяжелые потери в числе союзников и в поддержке со стороны свободных городов, которые обрушились на него с тех пор. По-видимому, Лхарр пришел к выводу, что он уже мало что может потерять, зато многое выиграет, доказав, что если Шарлотта родит ребенка, то это будет его ребенок. Лхарр Халарек был из тех, кто не прячется от трудностей.

Чем больше Брандер размышлял об этом, тем больше он склонялся к мысли, что это унизительное выступление было, в действительности, направлено против Ричарда, который теперь

допущен к три-д связи. Возможно, это тонкий укол, намек на то, что Ричард не способен зачать ребенка.

Брандер смял донесения. Только зачем Ричарду смотреть это выступление? Аббат едва ли позволил ему. Позор Халарека не имеет отношения к угрозе для жизни Ричарда.

С другой стороны, аббат, возможно, не запрещает Ричарду отвечать на вызовы от его друзей. Выступая перед Советом, Ричард подчеркивал, что его жизнь зависит от возможности пользоваться различными источниками информации (он имел в виду, помимо меня). Друзья Ричарда, быть может, вассалы, либо кто-нибудь из все еще лояльных кузенов, могли бы рассказать ему об этом выступлении и оскорбительном намеке.

Ты слишком увлекаешься. С какой стати Халарек заподозрил бы Ричарда в бесплодии, не говоря уже о моем самонадеянном кузене? Возьми себя в руки! Ты достаточно близок к цели, чтобы поддаваться панике.

Брандер расправил смятые бумаги и снова принялся их изучать. Здесь было старое сообщение глубоко законспирированного шпиона Ричарда и новое полученное от собственного агента Брандера, но ни в одном из них не говорилось, что

делается у Ларги. Дьяконесса была неподкупна, солдаты любили своего лорда больше Харлановых денег, а выудить что-либо из дракона, который живет с Ларгой, дело уж совершенно безнадежное. К тому же, стараниями Ричарда Брандер потерял возможность получать информацию от его старого агента. Последнее, впрочем, уже не имело особого значения, так как этот агент не имел близкого доступа к Ларге.

Доноситель Брандера извещал его, что Лхарр посещает покои Ларги только в неделю наиболее вероятного зачатия. Это уже было занятно, если вспомнить о ее привлекательности. Похоже, что Лхарр охладел к своей жене. Вероятно, та власть, которую она имела над ним, не устояла перед свидетельствами ее распутства.

Халарек, конечно же, кривляка. Но в нем больше характера, чем мне казалось. Воздержание ему, наверное, нелегко дается, но пока что для нее это еще более тяжкое наказание. А его способ обзавестись наследником, несомненно, продуктивен. И я не стану мешать. Пусть трудится. И пусть к весне обзаведется наследником.

Наследники Лхарра — это его проблема. И пока жив Ричард, Брандера это не касается. Но вмешательство в дела Харлана — это уже проблема

Брандера, и он намерен позаботиться о ней как можно быстрее. Но сперва нужно найти цыган.

К концу третьей недели после Совета фотография со спутника Гильдии обнаружила табор на равнинах владений Гормсби вблизи полярной зоны. Брандер действовал решительно, поскольку цыгане славились своей неуловимостью, особенно когда они чувствовали, что кто-то, как в данном случае, хочет ограничить их свободу.

Он надеялся, что ему удалось ускользнуть из центральной усадьбы незамеченным, и вылетел к тому месту, где перед тем был замечен табор. Там его уже не оказалось, но следы их кибиток были еще различимы на усыхающей осенней траве, и Брандер направил свой флиттер бреющим полетом им вдогонку.

Табор расположился в ложбине. Люди были заняты стиркой, чинили повозки и делали множество других дел, которые необходимы в жизни кочевников. Брандер сделал круг над табором, чтобы обратить на себя внимание, после чего опустил флиттер поодаль, боясь распугать распряженных животных.

Брандер поднялся на холм, стараясь выглядеть уверенно, но не враждебно. Что, в конце концов, может сделать один человек против целого та-

бора? Но предосторожность никогда не мешает — три человека ожидали его на вершине, загораживая дорогу в ложбину. Стоявший в середине коренастый человек с густыми курчавыми черными волосами и курчавой, начинающей седеть, бородой сделал шаг вперед.

— Что привело тебя сюда, незнакомец? — голос был резким, но почтительным.

— Я Брандер из Дома Харлана, и у меня есть дело к вашему старшему.

— Я слушаю. В чем твое дело?

— Среди моих людей есть обычай называть свои имена, прежде чем приступать к делу.

Коренастый пожал плечами.

— Среди моих людей такого обычая нет.

Либо слово «Харлан» для тебя ничего не значит, либо ты это хорошо скрываешь. Может быть, мне лучше было назвать себя Одоннелом.

Но Брандер вспомнил, какую неожиданную мясорубку устроили эти цыганские бандиты вышколенным солдатам Одоннела возле Бревена, и решил, что это не самое подходящее имя.

— Так какое же у вас дело? — напомнил один из стоявших сзади.

— Я уже сказал, что мне нужно говорить со старшим.

Брандер скорее почувствовал, чем увидел, как вспыхнули эти двое, но старший жестом отослал их назад. Брандер подождал, пока они уйдут достаточно далеко, после чего заговорил вполголоса.

— Мое дело требует тайны. Я уже давно заметил, что люди, которые убивают или оскорбляют цыган, медленно и в страшных муках умирают. В записях Совета нет ни одного случая, когда человек, оскорбивший или убивший цыгана, остался бы жив.

Человек сложил руки за спиной. Он смотрел на Брандера, но не произнес ни слова.

— Мне нанесли оскорбление, и я хочу расплатиться за это.

Человек поджал губу и уставился в небо.

— Я очень хорошо заплачу.

Почему он молчит?

— Мы не убийцы, — наконец отозвался старший. — Мы не убиваем ради денег. Только ради чести.

Чести? В наше-то время?

— *Я* не прошу вас никого убивать. Я только прошу дать мне яд, достаточно яда, чтобы быстро убить одного человека, быстро, если можно выбирать.

— Яд?

— Не делай из меня идиота. Все ваши враги умерли. Что еще может убить без звука, без видимых ран? Ведь то, что вы используете яд, как орудие мести, может дойти до Совета, а Гильдия, поскольку вы, кажется, имеете с ней связь, несомненно, заинтересуется этим.

Человек нахмурился.

— Вы угрожаете нам?

Брандер подавил свое нетерпение.

— Угрожаю? Конечно же, нет. Зачем бы я стал вам угрожать? Я только хочу хорошо заплатить за эту отраву, которой у вас, похоже, несколько сортов.

Человек повернулся уходить.

— Просите это у ваших людей. Мы не станем пачкать руки участием в чужих ссорах.

— Постойте! Неужели вы уйдете от сотни декакредитов? В валюте Гильдии?

Старший остановился.

— В валюте Гильдии?

— Об этом я и говорил. — В голосе Брандера сквозило плохо скрытое нетерпение.

— Мы должны договориться об оплате в валюте *Гильдии,* сэр. Наш последний «работодатель» использовал в качестве платы шантаж и насилие.

Мы с лихвой отплатили ему его же монетой, сэр.

Брандер знал, что старший имел в виду уничтожение солдат Одоннела за пределами Бревена. Ему придется заплатить довольно большие деньги. Брандер надеялся, что он сможет найти их.

Мне придется вернуться в свое владение, чтобы собрать столько денег…

— Двести декакредитов, сэр.

Это невероятно!

— Двести пятьдесят, сэр. Я не собираюсь с вами торговаться. Я только сообщаю, какова цена.

— Но…

— Триста, сэр.

Брандер закрыл рот. *Триста декакредитов! Мне придется совершить набеги на хранилища, чтобы добыть деньги. Если, конечно, Ричард не позаботился уже о том, чтобы закрыть их для меня.* Он, прищурившись, посмотрел перед собой, словно размышляя над предложенной ценой.

— Завтра я принесу сюда деньги.

Старший покачал головой.

— Возможно, вас видели, когда вы шли сюда. Разве и вы сами не нашли нас подобным способом, через снимок, сделанный с корабля Гильдии? — Он не стал ждать ответа. — Встретимся у подножия башни Древних. Она находится на

краю Большой Пустыни, где горы Зоны Мерзлоты переходят в зеленые пастбища. Через два дня. В полдень.

Старший быстро развернулся и, прежде чем Брандер смог что-либо ответить, скрылся из виду.

Два дня — это был слишком большой срок. И все ж, у него не было выбора. Карн Халарек должен ответить за свой поступок, заплатив за него своей жизнью, и так скоро, чтобы была понятна связь между его смертью и речью на Совете.

Здесь я заодно с цыганами. Мы предпочитаем мстить быстро и тайно, чтобы никому не было известно, кто это сделал.

Глава восемнадцатая

Карн покинул покои Ларги так быстро, как только позволяли приличия, не разрешавшие ему броситься от нее прочь. Необходимость зачать ребенка с женщиной, которая столько раз изменяла ему, была ужасна и унизительна, и через это надо было пройти как можно быстрее. Каждый раз, когда он шел к Шарлотте, Карн чувствовал глубокую благодарность к леди Агнес — он никогда не думал, что будет испытывать подобное чувство этой неприятной старой даме. Именно она убедила Шарлотту, что глупо, а возможно, и опасно оказывать ему сопротивление во время этих обязательных визитов, учитывая ее многочисленные грехи и характер Карна. Это долго удерживало ее от необдуманных поступков. Кроме того, и леди Агнес, и сам Карн знали, что он никогда не смог бы причинить женщине вреда или грубо обидеть ее, но Шарлотта не знала этого, и собственное воображение заставляло ее смириться.

Между тем, все шло совсем не так, как раньше. Карн уже давно не испытывал к ней когда-то овладевшего им дикого желания. Она даже не

казалась ему теперь красивой. Ее красота и была той ловушкой, в которую он однажды попался. Так же, как попали в нее Шелл, и Ричард, и неизвестный член семьи Харлана, который помог ей с противозачаточными средствами. Возможно, попался в нее и Брандер.

Может быть, одного ребенка будет достаточно, и ему не придется в будущем году совершать эти пренеприятнейшие визиты. Однако Карн прекрасно знал, что в Домах Старкера IV никогда не ограничивались одним ребенком.

Прежде чем вернуться в свои покои, Карн, сделав круг, направился к часовне, но и после молитвы ему не сделалось легче. Он должен будет встречаться с Шарлоттой и дать Дому Халареков новых наследников. Груз этой ответственности давил его. Карн медленно отошел от алтаря и побрел в свои покои.

Добравшись до своей комнаты, он позвонил на кухню и приказал принести ему горячего пунша, а затем с размаха опустился в старое кожаное кресло, в котором так любил сидеть в детстве. Он и сейчас частенько устраивался в нем, хотя уже прошло пять лет с тех пор, как он стал взрослым мужчиной. Карн закрыл глаза и дал волю своим мыслям. Но скоро пожалел об этом. Мысли его

кружились все время вокруг одного и того же: заявления о том, что Шарлотта не была беременна, сделанного им около месяца назад. Уже второй раз перед всем Старкером IV он объявлял себя обманутым мужем, а Шарлотту — неверной женой. Ему нечего было терять. Ее приключение с Харланом стоило ему слишком многих союзников, так что пройдет много лет, прежде чем он займет достойное место в Совете и будет снова влиять на его решения. Поэтому он и сделал это заявление, чтобы, по крайней мере, быть уверенным, что дети от их проклятого брака не будут считаться внебрачными. Сообщение доктора Алтеринна из Дома Одоннелов о состоянии Шарлотты дало ему эту уверенность. Ни один гражданин свободного города, работающий на тот или иной Дом, не станет лгать, чтобы помочь врагу своего хозяина, так же как ни один Дом не посмеет наказать Свободного гражданина за то, что тот сказал правду, даже если эта правда была на руку его врагу. Все, кто слышал это, поверят доктору Алтеринну.

Все хорошо помнили, какому унижению подвергся Карн, когда раскрылись подробности интимной жизни Шарлотты, однако на этот раз большему унижению подверглась Шарлотта и ее Дом, чем сам Карн. Это заявление будет сто-

ить Дому Рица многих союзников, авторитет и уважение к нему значительно снизятся. И уже от этого Карн чувствовал некоторое удовлетворение. Черек Риц обманул Дом Халареков. Теперь он будет расплачиваться за это политическим положением своего Дома до тех пор, пока люди будут помнить Шарлотту.

Карн прервал замкнутый круг своих мыслей. Он будет делать то, что считает необходимым, и хватит об этом! Карн резко поднялся и быстро развернулся. Ом почти постоянно в эти дни думал о Шарлотте, и мысли о ней выводили его из равновесия: Карну хотелось убежать, ударить кого-нибудь или что-то разбить. Он надеялся, что пунш хоть немного успокоит его.

В дверь постучали, затем она открылась, и паж-мальчик лет восьми осторожно просунул в комнату голову.

— Мой… мой лорд?

«Неужели я выгляжу таким страшным и жестоким», — подумал Карн. Он немного расслабил напряженные мышцы лица.

— Мой пунш?

Мальчик почувствовал себя увереннее, кивнул и зашел в комнату. Он поставил на сундук кружку, от которой шел пар, и повернулся, чтобы

выйти.

«Это какой-то новый слуга, — подумал Карн. Они всегда боятся со мной разговаривать».

— Ты давно в этом Доме, сынок? — спросил он. — Я что-то не помню тебя.

Мальчик замер и в изумлении уставился на своего лорда, потом медленно кивнул. Карн подозвал ребенка к себе и постепенно, в течение почти что получаса терпеливо выпытывал у него, из какой он Семьи, где она живет и почему он стал прислуживать в Доме Халареков. К тому моменту, когда мальчик выскочил наконец из его комнаты, сжимая в руке маленький новый карманный ножик, Карн чувствовал себя уже не таким подавленным.

Утром жизнь уже не казалась ему Такой плохой, настроение его улучшилось в значительной степени благодаря тому, что в течение следующих двадцати одного дня ему не нужно будет видеть Шарлотту. Карн сел, спустил ноги с кровати и потянулся. Кит, Ник и Джемми едут к нему в гости. Доктор Алтеринн должен будет сообщить ему о результатах медицинских исследований его и Шарлотты. И то и другое событие должны были оказаться приятными.

— Эти исследования не принесут вам ника-

кого вреда, — говорил Отнейл, когда Алтеринн пришел, чтобы осмотреть Шарлотту и сделать некоторые анализы. — Да и Алтеринн уже здесь. Позвольте ему обследовать вас обоих, чтобы выяснить, все ли в порядке. — Отнейл с неподдельным сочувствием посмотрел на Карна. Вы женаты уже почти год, а у вас до сих пор нет детей.

Карн встал, потянулся и направился к гардеробу. К полудню должны быть известны результаты анализов. Все в доме Халареков готовились к зиме. Шел уже месяц ухл. Все будут теперь сидеть по своим домам, и Карн со своими домочадцами надеялись провести четыре зимних месяца, наслаждаясь тишиной и покоем. Зима всегда была временем напряженного ожидания весны. Враги тщательно готовились к осаде и объявляли о ней за сорок дней до ожидаемого наступления первой оттепели. В эти же четыре месяца замышлялись всевозможные убийства и похищения. Для составления политических заговоров использовались закрытые каналы связи.

Эту зиму Карн надеялся провести относительно спокойно. Из Дома Харланов не исходило сейчас никакой опасности, а Ричард пока находился под стражей и не мог причинить ему никакого вреда. Одоннел вряд ли решится на какие-нибудь

серьезные действия без Харлана. Шарлотта скоро забеременеет, а если и нет, то, по крайней мере, она больше не попадет ни в какую историю. Роул исправно выплачивал штраф, одновременно откладывая запасы и готовясь к весенней осаде, хотя даже и не предполагал о том, что его лорд знает, что он делает. Риц сопротивлялся финансовому давлению, чтобы снова вступить с Харланом в союз, и после того, как ухл уже перевалил за середину, Ричард больше ничего не сможет сделать, чтобы увеличить это давление на Черека. Что касается бывших вассалов Харлана, то участие в военных действиях на стороне Халарека против Одоннела, казалось, успокоило наиболее неугомонных из них. Видимо, они еще не скоро привыкнут к стилю правления Халарека. Карн решил, что ему нечего беспокоиться, что кто-нибудь из них устроит весной мятеж. Похоже, что Макнис и Кат, к их общему удовлетворению и радости Карна, уже достигли соглашения.

Карн глубоко, медленно вздохнул. До того как Одоннел предпримет нападение на Друму, необходимо еще выполнить несколько важных дел. Друма должен принести Карну присягу на верность. Кроме того, Карн должен позаботиться о наследнике. Принятие присяги можно запла-

нировать на последнюю неделю месяца. Это заставит Одоннела помучиться еще две недели, и он вряд ли успеет до наступления зимы принять присягу у Друмы. Карн задумчиво смотрел в потолок. Возможно, он мог бы передвинуть момент принятия присяги таким образом, чтобы Одоннел *наверняка* не смог сделать этого до весны. Карн оделся и, насвистывая, отправился в библиотеку.

Остановившись на маленькой площадке на самом верху железной лестницы, он увидел Вейсмана, нервно перекладывавшего с места на место бумаги и книги, лежавшие на его рабочем столе. Вейсман поднял глаза и, заметив Карна, прервал свое занятие.

— Новости от Одоннела, мой лорд.

Карн сбежал вниз по лестнице. «Неужели от доктора Алтеринна? Слишком рано», — промелькнуло у него в голове.

Вейсман посмотрел на Карна, и в глазах его было какое-то странное, почти жестокое выражение.

— Один из моих людей нашел в доме Одоннела этот документ. Это особо секретный документ, касающийся некоторых *очень* личных моментов в жизни лорда Ричарда. Возможно, кто-то хранил его среди бумаг доктора Алтеринна, ожидая, когда

можно будет передать его кому-то. Возможно, сам Алтеринн собирался шантажировать им кого-то. Я бы держал этот документ у себя и никому не показывал, пока не нашел бы эксперта-медика, который мог бы изучить его, однако, какова бы ни была его подоплека, я решил, что этот документ настолько важен, что вы немедленно должны прочитать его.

Вейсман протянул Карну толстый конверт и не сводил с него глаз, пока тот открывал его и разворачивал бумагу.

Карн быстро просмотрел содержимое конверта.

— Это какое-то медицинское заключение, Вейсман. Оно касается здоровья Ричарда и потому совсем не представляет для нас никакого интереса.

Вейсман весь ощетинился.

— Я руководил шпионской сетью Дома Халареков еще задолго до того, как вы стали здесь правителем, лорд Карн. Я не стал бы беспокоить своего лорда по пустякам. Внимательно прочтите, что здесь написано. Если я все правильно понял, то тому, в чьих руках находится этот документ, грозит смерть. Поэтому я взял на себя смелость разбудить доктора Отнейла и Фрема Орконана,

мой лорд! Доктор Отнейл объяснит нам медицинские термины и сможет оценить значение этого документа. — Вейсман взял две книги, лежавшие в центре стола, и направился к полкам в конце комнаты, чтобы поставить их на место.

Карн наблюдал за ним. Вейсман поставил книги на полку и стал чем-то заниматься в дальнем конце комнаты. Движения его были какими-то неестественными, как будто он был чем-то обижен или на кого-то сердит, а возможно, и напуган.

Карн взвесил на руке конверт. Он был толстый, из хорошей, плотной бумаги и явно взят из Дома Одоннелов. Карн подошел к камину, помахал рукой, разжигая потухшее пламя, и, опустившись в кресло, стал читать. Он пробежал глазами листки из конверта. Это было не письмо. В конверте лежал ряд медицинских заключений о состоянии здоровья Ричарда Харлана. В начале были приведены результаты анализов, которые генетический совет делал всем мальчикам в семье Харланов, когда те достигали пятнадцатилетнего возраста, затем результаты анализов, которые делались каждые пять лет, а в течение прошлого года — каждый месяц.

Карн перевернул последний листок бумаги,

проверил, нет ли в конверте еще чего-нибудь, но не обнаружил там никаких пояснений: ни имени того, кто выкрал этот документ, ни объяснения цели этой кражи, ни даже объяснения медицинских терминов. Карн снова медленно прочитал листки. Многие термины были ему не понятны, однако смысл был ясен: способность Ричарда к воспроизведению потомства резко падала. Результаты последнего анализа, сделанного в конце вердейна, свидетельствовали о том, что Ричард практически не мог больше иметь детей.

Карн положил листки на колени и ничего не видящим взглядом уставился в стену. Ясно, что документ этот не должен был видеть никто, кроме врачей Харланов, а возможно, только одного врача доктора Геббитса. Генетический совет Харланов не мог знать об этом, так как иначе двоюродные братья Харлана голосовали бы на Совете за продолжение линии Дженненов. Карн был уверен, что об этом не знал и сам Ричард, потому что это, несомненно, сбило бы спесь с такого человека, как он. Кто-то пошел на огромный риск, пробравшись в Дом Харланов и скопировав такой сенсационный документ. Как этот конверт попал к Одоннелу, а от Одоннела сюда? Алтеринн? Делал ли он тоже копию с этих бумаг? Скорее всего,

он, как врач, имеет доступ к бумагам Харлана…

Доктор Отнейл быстро вошел в комнату, даже не потрудившись закрыть за собой дверь. Карн еще издали услышал громкий стук его каблуков.

— Вейсман сказал, что у вас ко мне какое-то срочное дело. Какие у вас проблемы, мой лорд?

Карн с раздражением посмотрел на спину Вейсмана.

— Дело, возможно, и срочное, но проблемы не у меня, а у Ричарда Харлана.

Карн протянул Отнейлу результаты обследований.

Отнейл быстро просмотрел документ.

— Гм… — промычал он, затем прочитал его еще раз, более медленно, и сел в кресло напротив Карна. — Это почерк Алтеринна, хотя подписи нет. Мы консультируемся с ним по медицинским вопросам уже более двадцати лет. Я предлагаю скопировать этот документ, а затем сжечь оригинал, чтобы нельзя было узнать по почерку, кто украл его. — Отнейл взглянул на непрочитанные листки. — Они написаны специальным кодом студентов-медиков. Мы часто пользовались им, чтобы писать быстрее. Сейчас я прочитаю.

Он положил листки на колени.

— Судя по результатам анализов, похоже, что

Ричард Харлан скоро вообще не сможет иметь детей. Геббитс обследовал его на предмет болезни и одновременно производил эти анализы. Думаю поэтому, что лорд Ричард не знает о них. Кстати, Алтеринн только что сообщил мне о результатах ваших анализов. У вас все в порядке, однако, — лицо его приняло суровое выражение, — у Ларги, скорее всего, весьма неприятная болезнь. Излечимая, мой лорд, но весьма неприятная.

Карн вскипел от гнева. Ну это уж слишком!

— Почему вы не сказали мне об этом раньше, Отнейл? Вы проверили ее, когда она вернулась?

— У нее не было тогда никаких признаков этой болезни. Возможно, нет еще и сейчас. Слишком большой инкубационный период, однако инфекция уже наверняка живет в организме. С сегодняшнего дня вы оба начнете проходить курс лечения. Вы не должны встречаться со своей женой, пока не закончите принимать таблетки.

Отнейл опять уткнулся глазами в зашифрованные листки бумаги. Он быстро взглянул на Карна с видом, не допускавшим никаких возражений, затем снова медленно прочитал их. Потом он поднял глаза и долго задумчиво смотрел на стену перед собой, крепко сжав губы.

Отнейл откашлялся и выпрямился.

— Алтеринн написал это, пользуясь нашим кодом, чтобы объяснить, что случилось, на тот случай, если его убьют, — Отнейл снова взглянул на бумаги. — Обследовав вас обоих, его очень удивило, почему, несмотря на распущенный образ жизни, который ведет Ричард и которым он так гордится, у него всего несколько внебрачных детей. Ларга провела с ним в Бревене достаточно времени, чтобы зачать от него ребенка. Если Ричард был инфицирован и уже прошло достаточно времени, чтобы Геббитс обнаружил симптомы заболевания, то оно могло привести к нарушению детородной функции, и этим можно объяснить, почему у Ричарда так мало внебрачных детей, ведь в Доме Харланов не используют противозачаточные средства.

Алтеринн пишет здесь, что он спросил Геббитса об анализах — Ричард должен регулярно проходить обследования, учитывая его аппетиты в интимной жизни — однако Геббитс уклонился от ответа. Более того, он отказался дать мне какую-либо информацию, ссылаясь на необходимость соблюдения безопасности их Дома, хотя каждый врач обязан сообщать своим коллегам, если обнаруживает у кого-нибудь из своих пациентов инфекционное заболевание. Даже после того, как

Алтеринн объяснил, что эта информация нужна ему для лечения Ларги, которая могла заразиться от Ричарда, Геббитс отказался показать результаты анализов, сказав, что у Ричарда никогда не возникало подобного рода проблем. Вы *знаете*, что это неправда. Все, чего Алтеринну удалось добиться — это результаты обычных анализов, которые делают мужчинам каждые пять лет, начиная с момента полового созревания.

Отнейл встряхнул и расправил листки жесткой бумаги.

— Ясно, почему Геббитс лгал ему: результаты анализов на предмет болезни он записывал вместе с результатами анализов, характеризующих детородную функцию Ричарда Харлана, значит, увидев одно, Алтеринн неизбежно увидел бы и другое. То, что Геббитс *хранил* результаты анализов, говорит о том, что он должен был показать их кому-то. Иначе Геббитс вряд ли сделал бы это: хранить такие документы слишком опасно. Результаты этих анализов стремительно ухудшались в течение последних шести месяцев. Я думаю, Алтеринн знал, что Геббитс говорит неправду, и хотел только проверить это. Вероятно, эта болезнь и повлияла на то, что у Ларги Шарлотты до сих пор нет детей, — Отнейл по-

качал головой. — Возможно, для Алтеринна не представляло большой трудности добыть эти сведения: он часто консультировал членов семьи Харлана и имел полный доступ ко всем их бумагам. Кроме того, как я уже говорил, Геббитсу, скорее всего, пришлось показать кому-то этот документ. Что меня больше всего удивляет, так это то, что он оставил такой документ среди прочих бумаг и даже не спрятал его.

— А кто станет читать? Кому, кроме Ричарда, это интересно?

Отнейл мрачно посмотрел на Карна.

Если он действительно так думал, то сделал роковую ошибку. Ричард не тот человек, который допустит, чтобы кто-нибудь узнал, что он не может иметь детей. Он постарается убить его, — Отнейл взглянул через плечо на Вейсмана, замершего в напряженном ожидании, и сказал, понизив голос: — Не думаю, что это ухудшение вызвано болезнью, милорд, оно не выглядит натуральным. Существуют лекарства, которые влияют на организм человека подобным образом. Обычно они применяются при заболеваниях, связанных с мужскими гормонами, но если только от этого зависит жизнь человека, однако их влияние на здорового человека то же самое: при

длительном использовании мужчина лишается способности иметь детей.

— Алтеринн подтвердит ваше мнение?

— Его и так слишком долго дурачили, — фыркнул Отнейл.

— Алтеринн — человек Одоннела. Зачем ему было рисковать своей жизнью ради враждебной ему семьи?

Отнейл посмотрел на Карна как на городского дурачка.

— Каждый врач дает клятву, что никогда не навредит своему пациенту, милорд! Совершенно очевидно, что Геббитс причинил вред. Я не верю, что такое ухудшение может иметь другую причину, кроме этой. То, что вы получили этот документ, говорит о том, что и он не верит в это. Геббитс предал своего пациента, возможно, из-за денег. Мы, Алтеринн и я, в первую очередь врачи, мой лорд, а уж потом служащие того или иного Дома. Эта информация несет смерть любому, кто завладеет ею. Алтеринн пошел на огромный риск, добывая ее, и еще на больший, посылая ее вам. Вы — единственный человек, который может воспользоваться этой информацией, не боясь немедленного уничтожения.

Карн насмешливо посмотрел на Отнейла.

— Ричард находится под стражей, милорд, и в этом доме на него работают всего один или два шпиона, с которыми он не может связаться без того, чтобы вы узнали, так как сделать это возможно лишь посредством трехмерной связи. Люди в Домах Одоннела и Харлана подвергаются гораздо большему риску. Кроме того, это, — он потряс перед Карном бумагами, — самая страшная измена, которую только можно придумать. Измена означает смерть предателю и в Доме Одоннела, и в Доме Харлана, ведь каждый четвертый их житель — или шпион, или убийца, — Отнейл посмотрел на бумаги. Лицо его потемнело. — Без сомнения, в тот момент, когда вы решите воспользоваться ими, мой лорд, можно считать, что Геббитс уже мертв, однако он заслуживает этого.

Карн откинулся на спинку кресла и с интересом посмотрел на врача. Он не знал, что Отнейла интересовала политика их семьи, и даже не представлял, что Отнейл, так самоотверженно воевавший за жизнь каждого человека, мог так легко согласиться с чьей-либо смертью.

— Каким образом вы предлагаете мне использовать их? — с любопытством спросил он.

— Вы можете прямо сказать об этом лорду Ричарду, воспользовавшись трехмерным видео-

фоном, хотя этим вы подвергаете риску жизнь Алтеринна. Вы можете послать ему этот документ, естественно, предварительно расшифровав его, так, чтобы Ричард не смог узнать по почерку, что он написан Алтеринном. *Я* бы на вашем месте так и сделал. Этим вы, как я уже говорил, подпишете Геббитсу смертный приговор, но он принял участие в преступном заговоре, целью которого было прекратить развитие целого рода. В конце концов, какой бы способ вы ни выбрали, если вы расскажете все лорду Ричарду, то он перестанет нападать на вас, и вы получите временную передышку, так как физические изменения в нем прекратятся, как только он перестанет принимать лекарство, поэтому чем раньше вы скажете ему об этом, тем раньше он перестанет пить лекарство. Если в этих бумагах все правильно, лорд Ричард сможет еще иметь детей, хотя на это уйдет гораздо больше времени, чем хотелось бы его Семье, однако не более чем два или три месяца.

Карн кивнул. Совершенно очевидно, что он должен воспользоваться предоставившейся ему возможностью и рассказать все Ричарду. Ричард обладает еще достаточной властью, чтобы покарать преступника. Доктор Геббитс, врач Харланов, и тот, кто подкупил его, несомненно,

будут убиты.

— Если хотите, милорд, наши шпионы в Доме Харлана выяснят, кто дал Геббитсу такое задание, — сказал Вейсман у самого уха Карна.

Карн вздрогнул, затем резко повернулся.

— Вы подслушивали, Вейсман! Я не потерплю этого! — гневно сказал он.

Вейсман улыбнулся.

— Подслушивать — это моя работа, милорд, — возразил он. — Это вошло в привычку. Прошу простить меня: я забыл, что сейчас этого делать не следовало.

Карн собрался с мыслями. Вейсман все же был прав. Карн вздохнул.

— Простите и вы меня. Я слишком привык к мысли, что лучше проявить сверхосторожность, чем оказаться недостаточно осторожным.

Вейсман поклонился.

— Я понимаю вас, мой лорд, — примирительно сказал он, снова поклонился и вышел из комнаты.

Карн проводил его взглядом до дверей. «Прямо беда с этими шпионами, — думал он. — Они так привыкают к своей работе, что просто не могут не шпионить». Карн снова вздохнул. Шпионы, убийцы, войны — непременные атрибуты их

жизни в этом жестоком мире.

Тут Карн вспомнил о списке посетителей Ричарда, который должны были передать ему из Бревена. Проверил ли фон Шусс или Вейсман этот список? Карн собрался с мыслями, вспоминая, были ли у него еще какие-нибудь неотложные дела. Так ничего и не вспомнив, он поднялся с кресла, собираясь выйти из комнаты, и увидел стоявшего у стола Орконана.

— Я пришел, как только вы меня позвали, милорд, — сказал Орконан, — но вы были заняты, и я не хотел вам мешать. Доктор Отнейл и вы говорили так тихо, что я уловил только часть вашего разговора.

Карн вкратце рассказал Орконану, что произошло, и приказал ему передать Ричарду медицинские заключения.

На следующий день Карн получил список посетителей Ричарда, составленный фон Шуссом. На офицерском собрании, которое Карн проводил ежедневно, Орконан кратко изложил сведения, полученные от фон Шусса.

— Личности всех посетителей были установлены, милорд, — говорил Орконан. — Мы никого не допрашивали, конечно, но никто из посетителей Ричарда не скрывал, что был у него, а несколько

человек даже рассказали, о чем они разговаривали. Доктор Отнейл говорит, что визиты доктора Геббитса необходимы для того, чтобы передавать Ричарду нужные ему лекарства. Не удалось узнать имена лишь двух священников, которых видели в коридорах восьмого адена. Никто из обитателей мужских Домов Уединения в тот день никуда не выходил и не мог оказаться в Бревене.

Карн посмотрел на стоявшего напротив него Орконана.

— Проверьте, есть ли связь между визитами Геббитса и возможным расписанием приема лекарства лордом Ричардом.

Он взглянул на Вейсмана.

— Выясните, где в тот день был Брандер. Держу пари, этими «священниками» были Брандер и Шарлотта. Шарлотта потом ныла, что Брандер заставил ее долго ехать верхом. Из Бревена можно добраться сюда за два дня, если ехать очень быстро. Думаю, у них ушло на это три или четыре дня. Я знаю, как Шарлотта начинает ныть, если кто-то отказывается исполнять малейшие ее капризы. Может быть, вам или Вейсману удастся выяснить, видели ли Брандера в тот день в Доме Харлана или Одоннела.

Орконан кивнул и вышел из комнаты.

Через несколько часов после этого собрания приехали Ник и Кит.

Первое, что сказал Ник, было:

— Вы слышали, Джурниг Харлан упал с лестницы и сломал себе шею? Между Брандером и нынешним главой рода Дженненов остается всего два человека. Интересно, чем это кончится, не правда ли?

Кит быстро обняла Карна.

— Лучше бы он рассказал тебе, как вырос наш Джемми: он стал таким большим и красивым!

Кит засмеялась и сделала жест няне с ребенком на руках, чтобы та подошла к ним.

Карн стал послушно восхищаться густыми темными волосами мальчика, его красивыми глазами и милой улыбкой. Наконец Кит встала, решив, что пора пойти в детскую, накормить сына и уложить его в кроватку.

Это было слишком утомительное путешествие для пятимесячного младенца, — кинула Кит через плечо и быстро направилась по коридору к ближайшему лифту.

Карн и Ник пошли в столовую, предназначенную для Лхарра и его семьи, которой редко пользовались теперь, после прибытия Шарлотты. Карн нажал кнопку внутренней связи и попро-

сил принести им горячую закуску. Пока они ждали, Карн вкратце рассказал о том, что узнал о Ричарде.

Потом Карн сел и указал Нику на кресло рядом с ним.

Так значит, Джурниг Харлан уже мертв? И Хеммил тоже умер совсем недавно. С одним произошел несчастный случай, у другого — «сердечный приступ».

— Так официально сообщил Дом Харлана.

— Узнаю почерк семейства Харланов.

Карн убрал упавшую на глаза прядь волос, наклонился вперед и внимательно посмотрел на своего лучшего друга.

— Держу пари, это дело рук того самого семейства, от которого у меня было в жизни столько бед, да и у тебя, кажется, тоже. Похищения, Ник! Убийства. Предательство. Подстрекательство вассалов к мятежу. Таблетки, приводящие к стерильности. Кому выгодно, чтобы у Ричарда не было наследников? Кому выгодно, чтобы Ричард обращал внимание на женщин из Дома своего злейшего врага и не замечал, что творится в его собственном Доме?

Ник холодно улыбнулся.

— Без сомнения, это Харлановские штучки.

Уверен, что эти медицинские сведения станут «просачиваться» наружу, как только будет ясно, что Ричард совершенно не способен иметь детей. Дженнены, вероятно, надеются получить титул герцога, когда двоюродные братья поднимут шум, что герцог не может иметь детей.

— А кому выгодно убивать Дженненов?

На лице Ника появилось суровое выражение. Карн понял, что перед его мысленным взором сейчас прошли воспоминания о том, какие испытания выпали на долю Кит в результате заговора, составленного Брандером и Ричардом. Ясно, что до сих пор Брандер Харлан не был в центре их планов. До сих пор Брандер очень искусно изображал из себя верного брата и помощника Ричарда.

— Брандеру Харлану, — наконец ответил Ник. — Теперь он третий в очереди, а был пятым. Держу пари, оставшиеся между Брандером и главой рода Дженненов два человека исчезнут или умрут еще до наступления зимы. Тогда всем будет ясно, что Брандер стоял в центре этого заговора, но он, вероятно, считает, что это уже будет не важно: он будет так близок к достижению своей цели — получению титула герцога, что никто не посмеет выступить против него. Он бы не решил-

ся на убийство Хеммила и Джурнига, если бы не был уверен, что это сойдет ему с рук. — Лицо Ника стало еще более суровым. — Он завладел сначала моей женщиной, потом — твоей, — сказал он.

— Это чтобы насолить мне, — с горечью добавил Карн. — Я бы, наверное, наложил на себя руки, если бы стал женщиной у себя в Доме, — Он закрыл глаза, отгоняя от себя эти мысли. — Я послал Ричарду результаты его анализов.

— Прощай, Брандер Харлан, — сказал Ник, в голосе его звучало нескрываемое удовлетворение.

Глава девятнадцатая

Брандер Харлан услышал жужжание приближающегося флайера. Отчаяние овладело им.

Именно сейчас, когда я добрался до Большого Болота, где страшно даже ходить, а уж бежать почти так же опасно, как просто сидеть и ждать, когда прилетит флайер.

Брандер пришпорил коня, который рванулся вперед, и с бешеной скоростью помчался туда, где росли деревья. Брандер низко пригнулся к шее лошади, чтобы его было труднее узнать сверху. Деревья сбрасывали на зиму свои листья, и это мешало ему надежно укрыться среди них. Брандер въехал в самую гущу деревьев и остановился.

Вчера меня тоже искали с флайера. Они могут выслать на мои поиски и всадников. И это тогда, когда я почти уже занял место Ричарда. Будь проклят этот ублюдок Халарек! Зачем он вмешивается не в свои дела?

Позади Брандера шумела река Эднов, несшая свои воды в трясину, сыпучие пески и лагуны Большого Болота. Жужжание флайера слышалось совсем рядом. Он пролетел очень близко, прямо над головой Брандера, а за ним, слева и справа от

него на расстоянии около пятисот метров, следовали еще два. Все флайеры были выкрашены в зеленый цвет, а значит, принадлежали Харлану.

Ричард действительно настроен решительно. Он хочет найти меня, чего бы ему это ни стоило, раз он решил послать за мной флайеры, на борту которых ясно видны его знаки различия, даже через владения Халарека!

Брандер вспомнил, что именно Халарек послал Ричарду результаты анализов.

Свинья! Сукин сын! Зачем он влез не в свое дело!

Ричард сразу же рассказал Брандеру по трехмерному видеофону о том, что узнал. Он заманил в Бревен доктора Геббитса, по-видимому, под предлогом консультации с доктором Алтерином. Ричард все хорошо продумал. Скорее всего, Геббитс поверил тому, что сказал ему Ричард, потому что он все время вертелся позади него, когда Ричард разговаривал с Брандером из комнаты аббата. Он схватил Геббитса и перерезал ему горло прямо перед камерой. Он проделал это так быстро, что аббат не успел и глазом моргнуть.

Затем Ричард посмотрел на Брандера в упор и произнес:

— Смотри внимательно, предатель! — дальше следовал поток ужасных ругательств и угроз. —

Считай, что ты уже мертв, — сказал он в конце концов. — Не важно, кто тебя убьет — я или Халарек. Теперь лучше беги, куда глаза глядят.

Брандер крепко сжал зубы и посмотрел в ту сторону, где находился замок Онтар. Он бросился бежать, но не в пустыню Цинн. У него было больше шансов выжить там, в пустыне Цинн, среди Бегунов и их богов, чем здесь. Но сначала он должен заплатить один долг.

Далеко-далеко, на северо-востоке от того места, где прятался Брандер, поднимались предгорья Цинн. На ровной, степной стороне этих предгорий были установлены радиоотражатели в виде больших тарелок и находились входные укрытия замка Онтар, бросавшие сейчас на траву перед собой маленькие лунные тени. Еще ближе были расположены отражатели и входные укрытия свободного города Онтар. Брандер потрогал рукой крошечный пузырек с ядом, висевший у него на шее, как амулет, и повторил про себя литанию. Яд он получил от цыган. Гхарры никогда не использовали яд, поэтому никто не сможет разгадать тайну этого убийства.

Он отпустил пузырек и посмотрел на свою руку. Она была темно-коричневого цвета, так что казалось, будто это загар.

Краска пока держится. Это хорошо. Ни у кого не вызовет подозрений раб с фермы, который пришел в замок, чтобы поработать там зимой на кухне.

Брандер взял перчатки, висевшие на крючке него на ремне, и натянул их на руки. Перчатки были черные, с серебряной вышивкой и серебряными знаками различия Дома Джастинов. Он вытянул перед собой руки и полюбовался ими.

Двоюродный брат Джастина идет в Онтар, чтобы сделать там кое-какие покупки, так как Онтар ближе к его маленькому владению, чем все города Джастина. Все это выглядит очень натурально.

Из внутреннего кармана куртки он вытащил мягкую черную шапку с такими же серебряными знаками различия и надел ее на голову. Шапка полностью закрывала его лоб и уши и отбрасывала на лицо тень.

Последняя мода. Очень удобно, что эта шапка сама по себе привлекает внимание и скрывает от любопытных взглядов мой злополучный нос. Харланы редко заключали браки с Джастинами, поэтому у Джастина не может быть этого Харланского носа. Маскировка, маскировка, а под ней опять маскировка.

Брандер почувствовал от этого некоторое удовлетворение. Никто не заметит никакой связи между простым слугой и Джастином или префетом войска Халарека, а также между префетом и Джастином. Брандер ударил по шее лошади, затем пришпорил лошадь и пустил ее галопом по направлению к свободному городу.

Брандер вошел в замок Онтар через вход, предназначенный для лошадей и их всадников, привязал лошадь в грузовом лифте, вышел из лифта и нажал кнопку того уровня, где в Онтаре находились конюшни. Лифт тронулся с места и быстро поехал вниз. По седлу лошади можно будет определить, что она принадлежит Дому Джастинов. Возможно, через несколько месяцев управляющий конюшнями позвонит Джастину и спросит, когда тот собирается забрать свое животное.

Я войду в этот Дом и останусь здесь как слуга, и никто никогда не узнает, кто и как убил Ларгу. Я одновременно отомщу им обоим.

Эти мысли придали ему новых сил. План был очень опасен, однако он выполнит его во что бы то ни стало, как выполни а уже немало других, таких же рискованных планов. Жизнь без опасностей лишена всякого смысла.

Брандер вошел в пассажирский лифт и через несколько минут оказался наверху, на шумной рыночной площади — в центре всех ремесел, — где рабы продавали вещи, которые сделали сами в свободное от работы время. Там были ярко расшитые мундиры и рубашки, шарфы из разнообразных тканей с необычными рисунками, резные деревянные игрушки и мебель, кожаные изделия и комнатные растения.

Брандер стоял на этой площади и вдыхал особые, присущие только этому месту запахи горячего масла, жареного лука, цветов там-там, пота и свежеспиленного дерева. Он огляделся по сторонам. По площади туда и сюда сновали только рабы. «Пустая трата времени, — подумал Брандер. — Эти рабы занимаются своими делами, вместо того, чтобы работать сейчас на Халарека. Да, я всегда говорил, что он дурак!»

Брандер медленно побрел к центру города. Где-то внизу виднелись узкие улочки, которые вели на более низкие уровни замка Онтар. Где-то здесь ему нужно найти префета, приблизительно такого же, как у него, роста и телосложения. Возможно, ему придется поискать и на нижних уровнях замка. На минуту он представил себе, что было бы, если бы он появился в Онтаре в форме

Джастинов.

Возможно, Халарек тогда обвинил бы в убийстве Джастинов. А я честно служил им все время, пока Джастин был опекуном Харланов, не препятствовал той войне, которую вели между собой мои двоюродные братья.

Нет, это было бы глупо. Переодевшись в форму префета, я просто растворюсь в этой толпе. А человек Джастина сразу же будет замечен здесь. Джастину сейчас же сообщат об этом, и Халарек узнает, что никого из людей Джастина здесь сегодня не было.

Брандер бродил по городу, заходя то в один магазин, то в другой. Он перекусил в гостинице, расположенной почти в центре города, купил новый ремень на площади, на которой брали свое начало узкие улочки, ведущие к замку Онтар. Брандер поминутно оглядывался, проверяя, не следят ли за ним. В городе, должно быть, полно шпионов и убийц, ведь Ричард сказал, что следующей его жертвой после Брандера будет Халарек. И в этом нет ничего удивительного.

Это я *организовал нападение на свадебную процессию де Ври.* Это я *организовал исчезновение Шарлотты.* Это я *организовал убийство Энниса (хотя, возможно, оно не имело абсолютно ни-*

какого значения для леди Катрин, так как она всегда любила лорда Николаса). Нет, и Халарек тоже отнюдь не питает ко мне нежных чувств.

Брандер еще раз оглянулся и завернул в одну из тихих улиц. Это место было очень удобно для совершения убийства: Брандер уже не раз в своей жизни имел возможность убедиться в этом. Он постоял несколько минут, повернувшись спиной к площади, чтобы глаза его привыкли к более слабому освещению. На этой улице жили рабы, и поэтому Свободные граждане не стали устанавливать здесь фонарей дневного и ночного освещения. Это была бы напрасная трата денег — так благоразумно рассудили Свободные граждане.

Брандер подошел к первой встретившейся на его пути маленькой беседке, где хранилось все необходимое для уборки улицы. Он проскользнул внутрь, снял шапку и перчатки, которые носили только люди Джастина, и бросил их в ящик, где хранилось какое-то едкое вещество. Он плотно закрыл ящик крышкой и снова вышел на улицу, теперь уже в одежде раба, прислуживающего на кухне.

К тому времени, как мои вещи обнаружат в ящике, никто уже не сможет понять, что это

было. Если, конечно, кто-нибудь не откроет его слишком быстро.

Брандер опустил глаза и двинулся в путь пружинистой походкой деревенского пахаря — как будто шел по борозде. Он смотрел на солнце до тех пор, пока глаза его почти перестали открываться. *Сила есть, ума не надо. От раба с фермы больше ничего и не требуется. Вот почему они работают только на кухне и моют там посуду.*

Брандер надеялся, что эта улица приведет его прямо к замку Онтар, к его нижним уровням, однако ему пришлось здорово попетлять по кривым улочкам, прежде чем он достиг цели. Темно-голубые стрелки с зелеными наконечниками, нарисованные на уровне глаз, указывали ему дорогу. Со стен домов капала вода, так что пол был скользким и сырым. Брандер услышал звон военного снаряжения. Он быстро нырнул в беседку и затаился там, как сделал бы на его месте любой раб. Мимо промаршировал патруль из четырех солдат. Брандер облегченно вздохнул. Хорошо, что он вовремя услышал их. По документам он имел право находиться только *внутри* замка Онтар.

Он еще раз повернул за угол и очутился перед гладкой черной дверью. Брандер толкнул ее.

Дверь была не заперта.

Почему бы и нет? Доставка грузов в замок осуществляется непрерывно, весь день. Никому и в голову бы не пришло проникнуть в Онтар именно отсюда. Ни один уважающий себя убийца не выбрал бы эту вонючую улочку, чтобы пробраться в замок. Все в порядке. Теперь можно не беспокоиться.

Однако беспокойство все больше и больше овладевало им. Еще немного — и он бы занял место Ричарда. А теперь все пропало! Он вынужден жить, скрываясь от Харлана, однако сначала он должен отомстить Халареку.

Он разрушил всю мою жизнь. Одним своим звонком Ричарду Карн Халарек разрушил всю мою жизнь.

Брандер открыл дверь и взбежал вверх по лестнице, находившейся за этой дверью. *Я был на пути к огромному богатству, я собирался выгодно жениться, я собирался стать правителем самого могущественного Дома на Старкере IV. И вдруг Карн Халарек находит результаты анализов Ричарда и сообщает ему о них.*

Поднявшись по лестнице. Брандер оказался перед другой дверью. Она была закрыта. Брандер приложил к ней ухо и прислушался. Оттуда не

доносилось ни единого звука: или там никого не было, или дверь была сделана из звуконепроницаемого материала. Так или иначе, у него не было выбора. Он должен был либо открыть дверь, либо отказаться от своего плана. Брандер толкнул дверь та с треском отворилась. В коридоре никого не было. Брандер спустился вниз, закрыл нижнюю дверь, а затем снова побежал наверх. Он широко распахнул дверь и вышел в коридор.

Пока все идет хорошо. Теперь надо найти префета. Брандер направился к ближайшему лифту. У него не было хорошей карты районов свободного города, где жили рабы, а карту замка Онтар он заучил наизусть. Он пришел сюда, чтобы отплатить Халареку. «Отплатить, отплатить, отплатить», — звенело у него в голове. Лифт оказался довольно близко, около одного из выходов с арены. Брандеру в нос ударил резкий запах лошадей, и на глаза у него навернулись слезы.

Добрый старый Халарек. Он, вероятно, и пальцем не трогает своих рабов. А для того, чтобы они держали конюшни в чистоте, им нужна хорошая порка! Перед глазами Брандера на мгновение встали конюшни в его собственном небольшом владении. Став герцогом, он собирался использовать это владение для отдыха и развлечений.

В его конюшнях никогда бы так не воняло, как здесь.

Теперь эта мечта рухнула, так же, как и все остальные. Я отомщу Карну Халареку!

Двери лифта открылись, и Брандер вошел в него. Будучи переодетым в раба, он побоялся подняться выше того уровня, где находилась кухня, однако с этой стороны также были небольшие бараки. Если ему повезет, он найдет там какого-нибудь префета и постарается заманить его в коридор.

Удача продолжала улыбаться ему. Двери лифта открылись, и прежде чем Брандер смог выйти оттуда, в лифт шумной толпой ввалилось целое отделение солдат в синей форме Халареков. Они смеялись, шутили, толкались, не замечая или не желая замечать, что какой-то раб оказался прижатым в углу лифта. Восемь префетов и их командир отделения. В голове у Брандера моментально созрел план: он должен вытолкнуть из лифта одного из них и выскочить сам. Опустив голову, он пролепетал, что ему нужно выйти на этом этаже. Два самых буйных префета толкали и щекотали его, пока он пробирался к дверям, которые уже начинали закрываться.

— Пожалуйста, лорды, — стал ныть Бран-

дер. — Я должен выйти. Мне не разрешается подниматься выше этого уровня.

— Ты, деревенщина, — усмехнулся солдат, загородивший ему дорогу. — Что же произойдет, если мы не выпустим тебя?

— Меня изобьют до полусмерти, — захныкал Брандер, — и завтра мне не дадут никакой еды.

— Это меня не волнует, — произнес его мучитель.

Между дверями лифта застряли концы одежды и оружия, поэтому там оставалась еще узкая щель.

Брандер рванулся вперед. Ему во что бы то ни стало нужно было выйти на этом уровне. Один из солдат преградил ему дорогу.

— Выпусти его, — набросился на него командир отделения.

В этот момент Брандер протиснулся между дверями, вытолкнув впереди себя своего первого мучителя, который был так удивлен, что даже не сопротивлялся. Двери захлопнулись с глухим стуком, и лифт стал подниматься вверх, прежде чем кто-нибудь внутри смог остановить его. Получая от этого немалое удовольствие, Брандер стал бить прикладом ругавшегося и сопротивлявшегося солдата. Когда наконец тот затих, Брандер

затащил его за угол, на лестницу, и снял с него одежду.

Его форма вполне подошла Брандеру. Он связал солдата и вставил в рот кляп. Веревку и куски материи он специально приготовил заранее. Затем он затащил солдата под лестницу и оставил там. Конечно, его начнут искать, хватившись на перекличке или во время ужина. Брандер выглянул в коридор. Лифт был уже на четвертом уровне. По-видимому, солдаты решили, что это произошло случайно, и их товарищ скоро догонит их. Ясно, что они не придали значения этому случаю и не вернулись за ним.

Брандер снова проверил, крепко ли связан солдат. Он спрятал одежду раба под нижней ступенькой, а затем восстановил в памяти путь к покоям Ларги и снова вышел в коридор. Ни у кого не вызовет подозрений простой префет, принесший Ларге записку и угощение от Лхарра. Если его не пустят в ее покои, он попытается сыграть на ее тщеславии, в особенности на ее желании нравиться мужчинам. Один глоток такого «средства, усиливающего половое влечение», и она никогда больше не соблазнит ни одного мужчины. При внимательном рассмотрении эта записка, конечно, не выдерживает никакой кри-

тики, однако солдаты, которые часто меняются на этом посту, и пожилая женщина скорее всего поверят, что это почерк Карна.

У меня был раньше большой специалист по подделыванию почерка. Жаль, что он умер. Это, скорее всего, тоже дело рук Ричарда. Он бы отлично подделал почерк Карна Халарека.

Брандер потрогал пузырек, висевший у него на шее, и записку. Теперь у Карна тоже никогда не будет наследников. Когда эта его жена умрет, никто не согласится отдать ему в жены ни девушку, ни женщину. И у него не хватит денег, чтобы привезти себе жену с другой планеты. Его род обречен, так же, как обречен и мой.

Глава двадцатая

Краем глаза Карн заметил вспышки красного света и поднял глаза от книги, которую читал. Работал светосигнальный аппарат, висевший на стене рядом с железной лестницей. Сколько лет Карн жил в замке Онтар, он ни разу не видел, чтобы этот аппарат заработал. Он бросился к рабочему столу и нажал на кнопку связного устройства, вмонтированного в него.

— Лхарр слушает. Что случилось?

— В замок проник самозванец, — быстро произнес техник-связист. — Человек в одежде раба на первом уровне вытолкнул из лифта префета. Солдат только что появился здесь в чем мать родила. Его вытолкнули из лифта и раздели, милорд.

— Когда это было?

— Пятнадцать минут назад, милорд. Он вместе с остальными солдатами из своего отделения ехал на лифте.

Возможно, этот самозванец убийца. Сообщите обо всем Винтеру. Я сейчас же отправляюсь в покои Ларги. Нам обоим угрожает опасность. Скажите Вейсману, чтобы он тоже немедленно шел туда. Пусть наблюдатель следит за всем, что

происходит.

Карн потянулся за своим станнером, висевшим на спинке его стула. Как назло, он недавно отпустил поужинать сразу всех своих телохранителей. Сейчас у него не было времени искать их. Винтер сделает это.

Орконан, работавший за другим концом стола, отстегнул висевший у него на поясе нож и открыл перед Карном дверь библиотеки.

— Я иду с вами, Карн, — быстро произнес Орконан.

— Подстрахуйте меня сзади, — приказал Карн.

Схватив станнер, Карн бросился в холл, миновал столовую и комнату с трехмерным видеофоном, завернул за угол и мимо офицерских комнат побежал к лестнице. Орконан следовал за ним по пятам. Карн взлетел на следующий уровень, промчался по коридору мимо рабочего кабинета Орконана и его жилых комнат и свернул в небольшой коридорчик, который вел в комнаты для гостей и в покои Ларги. Поворачивая за угол, он чуть было не столкнулся с шедшим ему навстречу молоденьким префетом.

— Мой лорд! — молодой человек резко остановился и отдал честь. — Томас Карел Ороарк, милорд. Винтер послал меня охранять вас.

Карн с сомнением посмотрел на него, однако спорить не было времени. Винтер всегда отлично разбирался в людях, и тем не менее этот префет мог оказаться и самозванцем. Карн поглядел через плечо. Орконан быстро кивнул.

У дверей Ларги столпилось несколько отделений. Из офицеров, казалось, там были только командиры отделений. Солдаты входили в состав патрулей, делавших обход замка, они собрались здесь по тревоге, но еще не знали, куда идти. Карну показалось, что он увидел слегка сутулую фигуру Вейсмана, пробиравшегося к нему сквозь толпу. Если на Ларгу уже совершено или готовится нападение, то совсем не нужно было держать здесь такое количество солдат, в то время как весь замок оставался практически незащищенным: необходимо проверить десятки укромных местечек, где мог бы спрятаться самозванец.

— Все отделения, кроме тех, что патрулируют третий уровень, возвращайтесь на свои посты, — закричал Карн. — Вас позовут, если будет нужно. Карн схватил командира первого отделения. — Пошлите ваших людей вперед. Идите на пункт связи. Скажите Вейсману, чтобы он усилил патрулирование замка, увеличив количество солдат, входящих в эти патрули, в два или три раза.

— Немедленно заблокируйте все выходы на ваших уровнях, — крикнул он всем собравшимся. Потом…

Чей-то пронзительный крик заставил всех замолчать. Леди Агнес. Карн похолодел. Теперь он знал, что самозванец или убийца уже добился своего. Ларга мертва. Ничто другое не могло бы заставить леди Агнес так бурно выразить свои чувства. Шарлотта мертва. Карн бросился к двери сквозь толпу.

— Смотрите! Харлан! — закричал кто-то за его спиной.

Карн увидел у дверей человека, одетого в синюю форму армии Халареков, который пытался пробиться сквозь окружавшую его толпу. Это было так неожиданно, что на несколько секунд все присутствующие застыли в изумлении. Человек схватился за лучемет. Молодой префет бросился вперед и загородил собою Карна. Лучемет качнулся вверх.

«Брандер Харлан!» — в изумлении подумал Карн.

Весь мир сузился теперь для него в крошечное пространство, где были только он, Брандер и молодой префет. Карн стал медленно поднимать свой станнер. Ему казалось, будто он двигается

как в замедленном кино, и он понимал, что не успеет. Какой-то человек бросился к Брандеру, выбил из его рук оружие и воткнул нож ему в горло. Падая, лучемет Брандера успел выстрелить, и несколько солдат закружились на месте от нестерпимой боли. Воздух в коридоре наполнился запахом паленой кожи. Этим человеком был Вейсман. Брандер в изумлении посмотрел на Вейсмана, раскрыл рот и, не издав ни единого звука, медленно осел на пол.

Все замерли. Некоторое время в коридоре стояла мертвая тишина. Убийца в синей форме. *Харлан* в синей форме армии Халарека. Карн Халарек только что подвергался смертельной опасности. Нужно было время, чтобы осмыслить происходящее.

Карн судорожно облизал пересохшие губы. Только что его чуть было не сожгли заживо. На этот раз Отнейл уже не смог бы его спасти. Это была бы ужасная смерть. Ему казалось, будто он снова чувствует боль в обожженных когда-то плечах. Плач и причитания в покоях Ларги не смолкали ни на минуту. Теперь уже были ясно слышны несколько женских голосов. Карн снова облизал пересохшие губы. К нему наконец вернулся дар речи.

— Фрем Вейсман, — он запнулся, снова вспомнив о перенесенной им когда-то боли. — Фрем Вейсман! Я обязан жизнью вам и этому молодому человеку.

Вейсман церемонно поклонился.

— Я только исполнил свой долг, мой лорд. Если бы я лучше выполнял свои обязанности, этот человек, — он пнул тело носком своего ботинка, — никогда бы не проник в замок.

— А вы, префет? — Карн говорил, медленно произнося каждое слово, чтобы никто не услышал, как дрожит его голос. — Я обязан и вам своей жизнью.

Молодой человек повернулся к нему. Ему было не более шестнадцати лет.

— Ороарк, мой лорд. Мне было приказано защищать вас, что я и делал — не более того. Вот только мой нож застрял, и я не смог вытащить его в нужный момент.

Веснушчатое лицо молодого человека было очень бледным.

«Он *знал,* чем он рисковал, — подумал Карн. — Он *знал* и все же стал между мною и лучеметом Брандера».

Карн не был уверен в том, что ему самому хватило бы мужества так же поступить в подобной

ситуации. Он поклонился обоим своим спасителям. Ни один Лхарр не удостаивал еще такой чести простого человека, не происходившего из знатной семьи.

— Я счастлив, что у меня в армии служат такие смелые люди, как вы, — сказал он. — Для того, чтобы стать перед лучеметом, требуется большое мужество. — Карн попытался проглотить застрявший в горле комок. — Об этом мы еще поговорим позже. А сейчас нужно посмотреть, что произошло в покоях Ларги.

Карн, Ороарк, Вейсман, Орконан и командир отделения, патрулирующего третий уровень, вошли в комнату. Ларга Шарлотта Риц-Халарек лежала на своей кровати, прямо на покрывале, одетая в ночную рубашку, плохо прикрывавшую ее тело. Карн услышал, как Орконан нервно кашлянул, и увидел, что Ороарк покрылся красными пятнами.

— Она мертва, — закричал он. — Пошлите за Отнейлом, — обратился он к солдатам, столпившимся в дверях.

Карн снова повернулся к Ларге и окружившим ее женщинам. Леди Агнес сидела на кровати Ларги, держала ее за руку и громко причитала, как того требовал обычай. Три дьяконицы, которые

должны были охранять Ларгу, стояли у кровати и тоже оплакивали свою госпожу. Увидев Карна, они побелели, а одной из них стало дурно.

— Мы ничего не знали, милорд, — прошептала одна дьяконица.

— Префет в синей форме принес ей маленький пузырек и вашу записку, сказав, что это средство, которое усиливает половое чувство, и она должна принять его, что вы уже тоже приняли его и скоро придете к ней, чтобы насладиться его действием.

— Записка была написана вашей рукой, — плача, сказала первая дьяконица.

— Она показала ее нам, — тут же добавила вторая.

— Дайте ее мне, — вскричал Орконан, протягивая руку.

Карном завладело отчаяние. Он защитил ее от любого нападения, какое только мог вообразить сам и которое только могли предположить генерал Винтер и другие лучшие умы армии Халарека, но никому из них и в голову не пришло, что убийца может переодеться в форму солдата их армии. Никто из них не подумал, что ее могут отравить или воспользоваться ее самой большой слабостью — желанием быть привлекательной во что бы то ни стало.

«Мы должны были это предусмотреть. Мы должны были. Мы должны были», — говорил сам себе Карн.

Однако обвинять кого-либо было сейчас слишком поздно. Карн подошел к краю кровати и пощупал пульс на шее у Ларги. Пульса не было. Леди Агнес подала ему зеркало, и Карн приложил его к губам Ларги. Оно не замутилось.

— Господи! Прости ее грешную душу! — с чувством произнес Карн. Он действительно надеялся на прощение.

Он встал на колени возле ее кровати и прочел заупокойную молитву. Потом поднялся и некоторое время молча смотрел на эту красивую женщину, возбудившую в нем когда-то такое неодолимое желание, что он потерял голову. Карн крепко пожал руку леди Агнес, выразив этим свою поддержку и уважение, и вышел из комнаты. Он выполнил свои обязанности. Леди Агнес и дьяконицы подготовят тело Ларги к захоронению. Пастор Джарвис помолится о ее душе и завершит ритуал похорон. Карн снова вышел в коридор, и в глаза ему сразу же бросилось тело Брандера.

Теперь труп лежал на носилках. Карн смотрел на него, удивляясь, что почти не испытывает сей-

час никаких чувств. Если бы Брандер был жив, он бы сказал, кто задумал убить Ларгу: он или Ричард? Ну что же, Вейсман и Винтер выяснят, почему Брандер решил проникнуть сюда. Хотя это и так ясно. Он сам свяжется с Ричардом и посмотрит, что ему известно обо всем этом.

Карн обрадовался, что ему в голову пришла такая блестящая идея, однако радость его длилась очень недолго. Какая разница, кто и зачем убил Ларгу? Теперь это совершенно не важно. Важно то, что теперь у Халарека уже не будет прямых наследников, а после убийства Шарлотты он вряд ли сможет когда-нибудь снова жениться. Никто не решится послать свою дочь, пусть даже и не единственную, в Дом, в котором не могут защитить своих женщин.

Дом Халареков не был виноват в смерти Лизанны, однако она наложила на себя руки, и многие винили в этом Карна. Кит была похищена прямо со свадебной процессии, которую, по приказу герцога де Ври, никто не сопровождал и не охранял. Только де Ври был виноват во всем, что произошло, но Кит из семьи Халареков, именно поэтому ее и похитили. Теперь Шарлотта. Скорее всего, ее убили тоже потому, что она была Халарек. И все это произошло менее чем за четыре года.

Нет, Карн теперь очень-очень долго не сможет найти себе жену, а может быть, и никогда. И это было для Карна самым большим ударом. Похоже, он никогда больше не женится, у него не будет детей и наследников. Начнется война между двоюродными братьями за наследство, как это было в Доме Харлана. Карна охватил неудержимый гнев, что Всевышний оставил его таким беззащитным перед своими врагами, что он не воспрепятствовал убийству Шарлотты и лишил его всякой надежды. Карн изо всех сил старался скрыть свои чувства. Солдаты не должны видеть его отчаяние. Возможно, горе или холодную ярость, но не отчаяние. Только оставшись один, он сможет дать волю своим чувствам, а сейчас он должен быть Лхарром для своих подчиненных. Когда Карн стал Лхарром — это было всего лишь шесть лет назад, хотя ему казалось, что с тех пор прошло несколько десятилетий, он думал, что всегда сможет полностью контролировать все свои чувства. Глупости. Шарлотта многому научила его.

Карн взглянул на наблюдавшего за ним Винтера.

— Никаких извинений было бы недостаточно, — сказал Винтер. — Мне сказали, что Ларга

убита. Я ухожу в отставку, потому что не справился со своей главной обязанностью — защитой и охраной вашей семьи.

Мгновение Карн смотрел на Винтера, не понимая, что он говорит. Его первый помощник, советчик и друг хочет покинуть его? Неужели в такой момент Винтер решил его оставить? Карна охватила страшная усталость, вытеснившая гнев и все другие чувства. Он опустил голову и заметил в глазах Винтера маленькую искорку сочувствия, которую тот не успел скрыть.

— Несмотря на все предосторожности, убийцам все равно часто удается сделать свое черное дело, генерал! — произнес наконец Карн. — Ваша отставка не принимается.

Винтер поклонился, щелкнув каблуками, повернулся к солдатам и приказал им вернуться на свои посты. Несколько минут спустя он уже шел по коридору к ближайшему устройству внутренней связи.

Карн почувствовал, как чья-то рука дружески легла на его плечо.

— Мой лорд?

— Тан?

— Что вы собираетесь делать с трупами?

— Отнейл уже видел их?

Вейсман сделал шаг вперед.

— Мой лорд! Он принимает роды в комнатах для прислуги. Он велел передать вам, что мертвая женщина подождет, а ребенок — нет.

По тону Вейсмана Карн понял, что тот не одобряет поведения врача.

— Скажите ему, чтобы он пришел сразу же, как только сможет. Я должен сделать официальное заявление о смерти Ларги. Я пошлю это, — Карн указал на носилки, — обратно к Харлану. — Карн посмотрел через плечо на Орконана. — Вы же знаете, что носилки двигаются очень медленно. Пойдите вперед, настройте видеофон и свяжите меня с Ричардом. Я хочу посмотреть на его лицо, когда он увидит своего братца. Возможно, тогда станет ясно, кому принадлежала идея этого убийства.

— Как прикажете, милорд, — Орконан небрежно поклонился и вышел.

— Вы и вы, — приказал Карн двум солдатам, — возьмите носилки и следуйте за мной.

Они установили переключатель на носилках в состояние «свободное движение» и взялись за ручки. Носилки с лежавшим на них телом зависли в воздухе, и солдаты стали только толкать их вперед, двигаясь с большей скоростью, чем могла

развить эта машина.

Когда носилки доставили в комнату, где находился трехмерный видеофон, Ричард все еще не вышел на связь. Карна снова охватил гнев, на этот раз по отношению к аббату, который почти целый час спорил с ним и не хотел звать Ричарда, так как Карн отказался в целях безопасности сообщить ему причину этого звонка. Аббат же считал, что не стоит без крайней необходимости позволять Ричарду разговаривать по видеофону.

И вот, наконец, Ричард Харлан стоял перед камерой в кабинете аббата и оглядывал комнату Халарека с нескрываемым презрением.

— Итак, Халарек, — резко и враждебно произнес Ричард. — Что вы хотели мне сказать? Ради вашего важного сообщения аббат даже оторвал меня от ужина, а ужин для меня теперь — одно из самых важных событий. И это произошло в значительной степени благодаря вам.

Карн взглянул на красивое лицо Ричарда Харлана и снова ощутил огромную усталость.

— Менее двух часов назад моя жена была убита кем-то из ваших людей, — сказал Карн.

Два техника вывезли носилки раньше времени и подняли их так, что Ричард заметил лежащего на них Брандера.

— А это — убийца, — произнес Карн.

На лице Ричарда выразилось сначала крайнее изумление, а потом удовлетворение.

— Брандер, — тихо сказал он. — Наконец все твои планы рухнули. Некоторое время он смотрел на мертвое тело, а затем снова взглянул на Карна. — Вы расправились с ним раньше меня. Мне очень жаль, что он убил Шарлотту. Иногда она была очень, очень хороша.

Карн возмущенно выпрямился. Как смеет этот Ричард так с ним разговаривать, да еще после всего того, что случилось!

— Я в долгу перед вами, Халарек, — продолжал между тем Харлан. — Во-первых, потому что вы убили этого человека, а он предал меня. Во-вторых, если бы вы не послали мне результаты этих анализов, я бы вскоре совсем потерял возможность иметь наследников. *Я* не знал, что именно Брандер составил против меня заговор, хотя и предполагал это, — он встретился с Карном глазами. — Я отдаю свои долги, Халарек, даже злейшим врагам. Скажите, что бы вы предпочли в качестве платы? Не спешите. *Я* выйду отсюда через несколько лет, — Ричард махнул рукой, и его изображение исчезло с экрана.

Долг. Харлан в долгу перед Халареком. В другое

время эта мысль показалась бы Карну нелепой. Несколько минут он молча смотрел на пустой экран, где только что был Ричард, все еще пытаясь осознать то, что он сказал, наконец медленно встал и направился в столовую. Это правда. Харлан всегда отдавал свои долги. Что он мог попросить у Ричарда? Перемирие на несколько лет? Попытаться снять запрет Гильдии на космические перевозки пассажиров? Деньги? Землю?

Карн остановился у дверей их семейной столовой. Ему не хотелось идти ужинать в Большой Зал, выслушивать соболезнования и отвечать на вопросы своих двоюродных братьев и вассалов. Он хотел побыть в тишине, среди друзей. Только друзей. Он послал молодого Ороарка, который все еще следовал за ним по пятам, за Ником, Кит, Джемми и еще за пятью офицерами, с которыми он подружился еще в тот год, когда стал Лхарром, а они были простыми пилотами. Он сел в кресло и стал ждать.

Сначала в коридоре послышался голосок Джемми. Через несколько минут в дверь влетела Кит. Ребенок что-то лепетал, сидя у нее на руках. А еще через секунду она уже крепко обнимала Карна свободной рукой. За ней следом вошел Ник и обнял его с другой стороны. Некоторое время

они стояли молча. Никакими словами нельзя было выразить, что чувствовал каждый из них. В конце концов Джемми надоело сидеть на руках у матери, и он стал извиваться и хныкать.

— Мне очень жаль, Карн, — сказала Кит. Она стала на цыпочки и поцеловала его в щеку, потом выскользнула из его рук и подала ему Джемми. — Я знаю, лучше иметь своего собственного сына, но все же подержи его. Еще не все потеряно для нашей Семьи, пока жив ты, жива я и жив Джемми.

Карн держал всхлипывающего ребенка. Джемми медленно успокаивался. Он опустил свою голову под подбородком Карна и погрузился в сон. Карну было больно расставаться с надеждами, вспышка ревности охватила его к Кит, у которой было двое детей. И все же он любил Кит и Ника и Джемми. Он прижал плотнее малыша. Кит была права. Все же их было трое. Халарек еще не потерян.

Книга Жанны

Пролог

Приготовиться к причаливанию. Всем пассажирам приготовиться к причаливанию.

Гнусавый голос компьютера заставил отвлечься тонкого, смуглого мужчину от своих мыслей. Карн Халарек, Лхарр Халарека, отодвинулся от стола, поднялся и поправил свой костюм. Прошло много лет с тех пор, как он носил одежду Внутреннего Мира. Он улыбнулся. Десять лет. Десять лет назад Гильдия запретила всем Домам Старкера IV плавать куда-нибудь на кораблях Гильдии, и все были заперты на планете, ведь на Старкере IV не было космических аппаратов, кроме тех, что были предназначены для редких экспедиций.

Косвенно этот запрет был из-за Карна. Он возвращался домой, чтобы принять управление Домом, а убийцы Дома Харлана пытались помешать. Они предприняли эти попытки на борту корабля Гильдии. Это нарушило нейтралитет Гильдии, и она была вынуждена защищать свою репутацию.

Карн собрал со стола бумаги и опустил их в большой конверт. Он покачал головой. Было трудно поверить, что Ричард Харлан расплатился

с Гильдией валютой и сдержал оба обещания, данные врагу. Карн усмехнулся.

Эта валюта делает невозможной скорую экспедицию Черного Корабля Ричарда. У меня уже будут наследники, когда он сможет позволить себе это. Особенно учитывая, что с ним сотворил Брандер.

Карн огляделся, проверяя, не забыл ли он что-нибудь. Сохранив средства за время перемирия, его Дом смог собрать достаточную сумму, чтобы арендовать Черный Корабль.

Невеста Черного Корабля очень престижна для любого Дома из-за высокой стоимости, которую она представляет. Знает ли Ричард, что Карн использует перемирие, чтобы получить жену из пришельцев? Может быть, Ричарду удастся поместить своего человека на Черный Корабль, чтобы «распечатать» предполагаемую жену Карна до него и таким образом украсть ее у Карна, как прадед Карна украл невесту у прадеда Ричарда. Это будет «смешным» напоминанием о начале вражды и почти подведет Дом Халареков к банкротству, вынуждая Карна искать новую жену и сэкономив огромные средства Дома Харланов на Черный Корабль.

Карн стоял, задумавшись. Похоже, что человек

Харлана был на Черном Корабле. Перемирие закончилось, когда Ричард покинул свое заточение. Ричард не упустит возможности унизить женщину и даже ранить ее, чтобы унизить и ранить Карна и его Дом. Так же, как раньше он поступил с Кит.

Единственный способ защитить Жанну Верлит от Ричарда это провести старинный ритуал перед свидетелями из Совета, как только она окажется на борту. Ему не хотелось этого, но иначе она могла закончить женой раба или проституткой у одного из союзников Ричарда.

Голос компьютера зазвучал снова. «Всем пройти к выходу. Побыстрее, пожалуйста».

Скорее, скорее. Для них обоих начало будет не из приятных. Но он должен думать о сотнях Халареков и тысячах подданных. Только эта игра могла спасти его Дом и его мир. Хотя бы его мир.

Эта женщина не была похожа на других невест с Черного Корабля. Карн велел агенту подыскать женщину, которая сможет помочь ему повести общество Старкера IV к менее жестокой и автократичной жизни. Среди тех, кого нашел Ланс, Жанна Верлит казалась самой стоящей. Она была специалистом по Земной прединдустриальной истории, поэтому она понимала, что за общество

на Старкере IV. Жанна Верлит была последней ставкой Карна. Он не должен проиграть. Он не может допустить даже малейшего риска, чтобы Ричард не похитил ее. Ритуал необходим, но он постарается быть бережным. И она привыкнет. Его мать была невестой с Черного Корабля, и она привыкла.

Правда, его мать была из общества, не настолько опередившего Старкер IV как общество Фру.

Карн покинул кабину и поспешил по коридору. Он надеялся, что Ланс будет встречать челнок сам. Прошло десять лет с тех пор, как они расстались в Академии. Узнают ли они друг друга?

Внешняя стена коридора была окном, за которым виднелся Фру, планета старой Империи. Фру вращался медленно, золотой, синий и бледно-зеленый. На Фру многие корабли останавливались для очистки и обслуживания в доках. Его орбитальные доки и мастерские были причиной богатства Фру. Это был мир высокой культуры без насилия. Это могло быть еще одной проблемой между Карном и Жанной. Никто не скажет, что Старкер IV — мир без насилия или с высокой культурой.

Карн завернул за угол и оказался в зале у причала 10. В дальнем углу зала очередь ожидающих

медленно двигалась к двери челнока. В иллюминатор был виден округлый металлический нос челнока.

Карн остановился у иллюминатора. Он пытался представить себе, как выглядит Ланс, как выглядит Жанна. Ланс должен показать ему возможные места посадки для Черного Корабля. Это было одним из условий их договора — безопасное место посадки корабля.

Глава первая

Предрассветный туман висел над фермой. На востоке первые лучи встающего солнца подсвечивали его. Вывеска «Ферма Верлит» то появлялась, то исчезала. Мне нравилось, как туман делает предметы то явными, то исчезающими.

Работники молочной фермы шли на дойку. Когда я приезжаю домой, я часто помогаю. Мне нравится тепло фермы перед рассветом, желтый свет внутри, запах сена, цыплят и чистых коров. Но сегодня я туда не иду. Сегодня Ланс и я официально объявили наше приглашение на большой праздник для соседей и друзей Ланса и его деловых партнеров. На вечер прибудет друг Ланса по Академии из одного из самых варварских миров. То расстояние, которое он преодолел, чтобы попасть к нам, удивило меня. Даже семья Ланса не прибудет на Фру, даже на церемонию бракосочетания. Они сказали, Фру очень далек от Земли. Но она ближе, чем Старкер IV, откуда этот друг Ланса. Только очень важная связь могла привести сюда этого лорда с самого края досягаемости. По такому случаю с ним надо быть мне особенно гостеприимной.

Я вдыхала запах утра, вливающийся в окно. Жаль, что после города я не могу сегодня провести несколько часов на ферме. Все большие приготовления были завершены, но оставалась масса мелочей, которые нужно успеть закончить до прибытия гостей на этот ужин.

Мам была тщательной в планировании, и все — еда, напитки, развлечения, даже время, когда то или иное блюдо должно быть подано, когда певец или ансамбль должен появиться — все было записано на листах. Даже имена гостей с краткими замечаниями о каждом, чтобы было легче начать беседу. Каждый в семье получил лист со списком гостей и персональный список обязанностей, даже Питер, который предполагал, что его короткое пребывание дома станет каникулами. Я, по списку, должна была начать с проверки солярия.

Когда я появилась на кухне для ланча, Питер стоял в центре, с сандвичем в руке, ругаясь с Мам.

— Следить за мальчишками! Почему Абби не посмотреть за ними? Я всего несколько недель на Фру. У меня есть друзья. У меня нет…

Мам заставила замолчать его взглядом, хотя даже Пап не мог этого сделать. Питер не замечал,

что обижает Абигайль, предполагая, что присмотреть за его сыновьями несколько часов было ниже его достоинства. Он только видел, что Мам велит выполнять ему «женскую» работу.

Абигайль сидела за столом, съежившись, словно ожидая удара. Я знала, что Питеру даже в голову не придет замахнуться на нее. У нас это не в ходу. На Фру нет войн, сражений, ритуальных поединков до крови для развлечения зрителей. Но для Абби было ударом узнать, что Питер считает присмотр за шалунами вполне подходящим для нее, но не слишком важным, чтоб этим обеспокоиться самому. Я не могла понять, почему Абби не могла просто сказать Питеру, чтобы замолчал и ненадолго занялся своими чадами. Должность капитана корабля Гильдии не делала его повелителем всего мира. Но Абби никогда не сопротивлялась ему. Может быть, именно за это он любил ее. Или, может быть, он любил бы ее еще больше, если бы она иногда могла постоять за себя.

Абби могла позволить Питеру такое поведение, но Мам нет.

— Ты иногда отсутствуешь месяцами. Мальчикам необходимо хоть иногда побыть с тобой. Абби необходимо отдохнуть от заботы двоих

родителей. И, если ты не желаешь заниматься детьми, тебе не следовало заводить их. — Это был настоящий удар. Питер обожал мальчиков. Мам улыбнулась. — К тому же ты ненавидишь чистить овощи и мыть посуду, а сегодня у тебя только такая альтернатива. Ты же здесь не гость, так что прекращай вести себя как ребенок и позволь Абби закончить ланч, чтобы она могла помогать.

Питер открыл было рот, но, повстречав взгляд Мам, покраснел и пошел к лестнице. Он займется детьми. Мам иногда обращалась с ним, будто ему все еще восемь. Я вспомнила дрессировку лошадей: какими бы большими они ни были, люди намного меньше их, но лошади подчиняются.

Конечно, Питер не был таким наивным, как лошадь. Мужчину не назначат капитаном Гильдии, когда ему нет тридцати, если он глуп. Ладно, это проблема Питера, как вести себя. Моя задача сейчас поесть спокойно, не думая о том, что еще мне надо сделать.

К закату я справилась со всеми делами, искупалась и завершала свои приготовления у себя в спальне. Шарин сидела на моей кровати и болтала о том, что она успела сделать. Я причесывалась, одевалась и боролась с застежкой.

— Давай помогу, глупышка, — сказала Шарин голосом Мам. Она поправила ткань, и застежка освободилась. Она отступила на шаг. — Повернись, — Я рассмеялась и повернулась. Шарин говорила словами и тоном Мам, хотя она жила с нами только с четырех лет. Шарин оправила ткань, — Мне нравится этот синий цвет. Он оттеняет твои глаза и волосы. Он подчеркивает рыжину. Мне бы хотелось иметь именно такой коричневый тон, а не как у меня — темный, словно грязная вода.

О, господи, она уже начинает беспокоиться о подобных вещах. Я обняла ее.

— Когда мне было столько, сколько тебе сейчас, я была рыжей, как морковка. Меня так дразнили, что домой я возвращалась в слезах.

Она посмотрела на меня, и ее несчастное выражение на лице сменилось симпатией к той девчонке, которой я была.

— Это должно быть ужасно.

— Да уж, моя сладкая. — Я чмокнула ее в щечку. — Спасибо тебе. — Я указала на коробку с драгоценностями и отправила ее к ней легким шлепком: — Принеси-ка мне гарнитур из ожерелья и сережек и одевайся сама. Когда будешь готова, возвращайся сюда, мы уложим твои косы

и украсим их цветами. И когда я буду представлять гостям мою сестричку, они подумают, что она принцесса.

Шарин заверещала, закружилась, захлопала в ладоши и умчалась одеваться.

В назначенное время мы были на месте. Шарин стояла с одной стороны дверей, а Мам и Отец с другой. Жак остался в детской с няней и был зол. Мы знали, что в шесть он еще мал, чтобы вести себя спокойно часами в компании взрослых. Шарин вела себя с важностью взрослой дамы. Она обладала этой удивительной способностью вдруг становиться взрослой.

Ланс предупредил меня, что задержится из-за прибытия челнока. Мам и Отец провожали гостей к столам, когда у дверей появился красный экипаж Ланса. Я послала Шарин за родителями. Когда я обернулась к двери, двое молодых людей уже стояли там, ожидая.

Ланс улыбнулся мне, и сердце мое екнуло. Еще только два месяца — и мы поженимся, еще два месяца и нам уже не надо будет соблюдать традицию раздельной жизни его народа. В нашем народе соглашение о браке позволяло паре жить вместе. Но у них это не принято. Поэтому мы никогда не оставались наедине. Иногда мне хоте-

лось выпрыгнуть из своей оболочки.

Ланс поцеловал меня, холодный поцелуй перед посторонними. Он повернулся к другу.

— Жанна, позволь представить Карна Халарека, Лхарра в Халареке. Карн, Жанна Верлит, исследователь Земной прединдустриальной истории общества. Твой народ живет, как многие из тех, что она изучает.

Странное замечание, но если Лхарр и подумал так, то он хорошо это скрыл.

Лхарр был всего на несколько сантиметров выше меня. Из того, что рассказывал Ланс, я представляла его большим и могучим. Он оказался худощавым и изящным, с глазами, золотистыми как у кошки.

Он говорил на галаке. Это удивило меня. Я не предполагала, что феодальный лорд может говорить на каком-нибудь языке, кроме торговых. Тупица, он же учился пять лет в Морской Академии Альтаира. Он, наверное, говорит и на штерне, звездном языке.

Его длинные пальцы сомкнулись на моей ладони. Но он не стал ее пожимать, а поднес к лицу и поцеловал воздух над самой кожей. Это был обычай, о котором я только читала.

Я ощутила, будто поцелуй всколыхнул тонень-

кий слой воздуха над ладонью, и вздрогнула. Я присмотрелась к нему. В нем не было ничего отталкивающего. Я сказала себе, что дрожь эта — глупая реакция на человека, о котором я знала, что он готовился к военной жизни. Хотя Ланс говорил, что лорд Карн в основном готовился вести мирные переговоры, но это было, наверное, не совсем так. Он жил в мире, известном своими войнами. Он не выжил бы целых десять лет в нем без умения пользоваться оружием и тактикой, и убивать.

Ланс отвел Лхарра в сторону, чтобы показать достопримечательности, которые Отец раздобыл, устраивая ферму среди механизмов других миров. Я не могла уделить должного внимания гостям. Присутствие человека, живущего ежедневно рядом с войной и смертью, меня очень волновало.

Я обругала себя за глупые мысли. Ланс, гордый самыми жестокими приключениями Карна Халарека, не пригласил бы его сюда, если бы гость не был знаком с цивилизованным обществом.

Мам нетерпеливо подзывала нас к двери солярия. Ланс подтолкнул меня к ней рукой. Его друг шел рядом. Мам подошла к нашему столу и стояла рядом со своим креслом. Я видела, как она

постукивала носком туфельки. Она не очень-то любила ожидать опаздывающих гостей, даже таких почетных, как Лхарр со Старкера IV.

Мы расселись за столом, лорд слева от меня, Ланс справа. Подали суп. Я наблюдала за Лхарром краешком глаза. Он ел суп так же изысканно, как все остальные. Я продолжала удивляться. Я ожидала манер лорда средневековья на Земле, несмотря на годы, проведенные на Болдере.

Мы на Фру четко проводим границу между цивилизованными людьми, не убивающими живых существ, и нецивилизованными. Болдер был на границе между ними. Но Лхарр выглядел вполне цивилизованно. Возможно, я была предвзята. У меня не было большого опыта общения с людьми из других миров. Они не приезжали на учебу в университет, и я не встречала их на работе. У Отца был гость на ферме, но домой он никого не приглашал, хотя приезжие из Старой Империи и других миров часто прибывали. Питер иногда приводил Гильдсменов или ХТ на обед, но никого из Внешних миров. Мне придется разговаривать с Лхарром, возможно, даже танцевать. Мне это не нравилось. Этот человек убивал.

Подали горячее. А я еще ни с кем и словом-то не перемолвилась. Я была груба, как мог быть,

по моим предположениям, средневековый лорд, но я не могла есть и разговаривать с человеком, который убивал других. Даже мысль об этом вызывала спазм в желудке. Позже. Во время танцев.

Ланс любил рассказывать нам о приключениях Карна Халарека. У Лхарра была жизнь, полная опасностей. Ланс считал свою жизнь брокера достаточно скучной.

Я взглянула на Ланса, и он улыбнулся, как мальчишка. Мне это очень нравилось. У нас было много общих интересов. Он был умен, смекалист, очарователен, нежен и сексуален. Я могла ему простить маленькие недостатки.

Некоторые гости с других планет тоже рассказывали истории о Карне. Казалось, они удивлены и заворожены мужеством лорда. Самая ужасная история была о его сестре Кит, которая была захвачена во время свадебной процессии.

Перед десертом был перерыв. Я взглянула на Лхарра. Он откинулся в своем кресле, прикрыв глаза. Его руки спокойно лежали на бедрах. Он выглядел очень усталым. И очень печальным. Я почувствовала симпатию к нему. Он хотел освободиться от жестокой жизни, уехав в Академию.

Няня тихонько пересекла комнату и что-то шепнула Питеру. Он улыбнулся нам деланно, под-

нялся и последовал за ней. Скоро он вернулся.

— Ночной кошмар, — сказал он всем. Питер повернулся к Лхарру. — Мне хотелось бы услышать, как вы добрались сюда, лорд Карн. Гильдия отказывалась брать пассажиров со Старкера IV целых десять лет. Однажды я встречался с капитаном Телеком, который вел последний полет туда. Что случилось?

Лицо лорда стало суровым.

— С Телеком? Он был приговорен к десяти годам на рудниках Архаша, как соучастник преступления.

Питер есть Питер, он не терпел неясностей.

— Случилось что-то важное, я думаю. Центр Гильдии не возвращается каждый раз к уже решенным вопросам. Особенно, если это касается нейтралитета. Или, может быть, вам не хочется об этом говорить, — наконец-то обратил он внимание на строгие лица остальных.

Лхарр пристально смотрел на Питера. Уголок рта приоткрылся.

— Мне все равно. — Он выпрямился. Пять лет назад Дом Харлан, давний враг моего Дома, заключил перемирие с нами на пять лет. Он выдержал. Это произвело впечатление на Гильдию, ведь это был Дом Харлан, десять лет назад при-

славший убийц.

— Убийц? — воскликнула Шарин. — Что такое убийцы?

Мам окинула ее строгим взглядом, но Шарин не заметила его.

Лхарр извиняющимся взглядом ответил Мам, а затем заговорил.

— Убийцы — это люди, нанятые, чтобы уничтожить других людей по политическим соображениям или из-за денег.

Шарин сглотнула и уставилась на скатерть. «Уничтожить» она понимала умом, хотя бы. Мое мнение о Лхарре менялось к лучшему. Он ответил Шарин честно, так вежливо взрослые редко обращаются с ребенком. Он ответил такими словами, чтобы Шарин поняла, но как можно короче. Он действительно оказался дипломатом и человеком, уважающим детей.

Шарин взглянула на него, перевела взгляд на Мам, снова на Лхарра и вздохнула.

— Но почему? Почему? — прошептала она.

Я расслышала глухой шлепок. Это Мам или Питер стукнули ее под столом.

Лхарр обернулся к Шарин.

— На самом деле ты не хочешь этого знать, малышка. Подробности, даже для таких сильных,

взрослых людей Фру, как твой брат, слишком тяжелы.

— Благодарю, — шепнула Мам.

Шарин задумалась на миг.

— Хорошо, — сказала она. — Я верю вам. Я подожду, пока вырасту, чтобы спросить.

Лхарр улыбнулся ей широкой улыбкой. Затем обратился к Питеру.

— Закончить ответ вам. Перемирия было недостаточно, конечно. При подписании договора лорд Ричард обещал, что ни один Дом не будет воевать на территории Гильдии. Заплатил пятьдесят тысяч гильдкредитов. Это большая сумма для нашей планеты, где почти вся торговля ведется по бартеру. Но Центр Гильдии не поверил ему. По известным соображениям. Дом Лорда Ричарда держит слово только, когда это выгодно. Тем не менее он соблюдал перемирие, и несколько месяцев назад Гильдия сняла запрет на пассажиров.

Питер кивнул.

— Когда я возвращался домой из Академии, герцог Харлан, отец лорда Ричарда, подослал убийц ко мне. Я еще не покинул орбиталь Болдера, когда они попытались убить меня. Первая попытка провалилась, они попробовали убить меня на корабле, идущем к Старкеру.

Шарин кусала губу. У Мам на глаза навернулись слезы. Мне было так жалко этого парня, что я тоже чуть не плакала. Лхарр поднялся из-за стола, извинился. Ланс остановил его через два или три шага.

— Ты останешься на тосты? Они следующие в меню.

— Тосты?

Ланс подошел ко мне и опустил руки мне на плечи.

— Жанна и я объявляем сегодня вечером о помолвке.

Лхарр странно взглянул на Ланса.

— Ты должен был меня предупредить. Мне надо было сделать вам подарок. — В голосе его звучала горечь, которую я не могла объяснить.

Ланс обернулся.

— Разве я тебе не говорил?

Вопрос показался мне неуверенным. Конечно, он ничего не сказал. Совершенно ясно, что для Лхарра это было шоком, но я не могла понять, почему.

Глава вторая

Лхарр выпил. Происходило нечто странное. Ланс знал что-то. Лхарр Халарек знал это тоже. Но моя семья была в неведении, и это беспокоило меня. Но все продолжалось отлично. Начались танцы. Мой первый ганец был с нареченным, конечно, затем с отцом, с Питером, а затем…

Затем появился Лхарр Халарек.

Мне необходимо участвовать в деловой встрече, и я рано уйду поэтому, — сказал он тихо рядом с моим ухом. — Я не хочу упускать шанс немного ближе познакомиться с будущей женой Ланса.

Играли вальс. Лхарр танцевал великолепно. Мне казалось, мы летели над полом.

Мне было неловко от молчания, но моя тема разговора, разрешение Гильдии, была исчерпана.

У вас здесь дела, милорд? — Это единственное, что я решилась спросить.

— Мой Дом занимается покрытиями и мебелью из орака. Мне хотелось бы с пользой провести здесь время, а это значит, я должен подняться рано-рано утром, чтобы успеть туда, куда я еду.

— Орак. Это светлый, полупрозрачный мине-

рал, да? — Он кивнул, — У нас он очень редкий.

— Именно поэтому торговые связи будут полезны.

Я взглянула, не иронизирует ли он. Его янтарные глаза ошеломляли.

— Мне и в голову не приходило, что правящий лорд королевского дома будет заниматься делами, как торговец, лорд Карн.

Он мягко рассмеялся.

— Тогда не много же вы знаете о моем мире, сударыня. В отличие от средневековых лордов Земли, лорды Старкера IV умеют читать и писать и следят за своими владениями. Как вы думаете, нам удастся выжить? У нас сотни, иногда тысячи членов семей и подданных. Питание, жилище, обучение требует больших экономических акций.

Я была удивлена и растеряна.

— Милорд, я… я была далека от наставлений и иронии.

— Никакой иронии, сударыня.

— Меня удивило, что вы знаете о моих занятиях.

Он улыбнулся и повел меня в пируэте.

Это только вежливость — знать немного о хозяине и хозяйке. Я кое-что вытянул из Ланса.

Музыка смолкла. Мы остановились у края танцевальной площадки. Лхарр смотрел мне в глаза.

— Знаете, я давно не видел синих глаз. Со времен Болдера. У моего друга Иджила Олафсона с Болдера голубые глаза. Но я его не видел с тех пор, как мне было восемнадцать. Ваши глаза напоминают мне о нем. Мой народ кареглазый.

— А вы нет.

Я полукровка. Благодарю за танец. Он поклонился с легким щелчком каблуков и удалился.

Я танцевала с ним позже, но в общем танце со сменой партнеров. Но я часто замечала его взгляд на себе. Я была знакома со взглядами известного значения и знала, как вести себя, если они были неприличными. Но лорд смотрел иначе. Это был странный взгляд, и он меня беспокоил.

Отец объявил о закусках. Вечер подходил к концу. Ланс и Лхарр стояли у дальнего края толпы, ожидая возможности войти в солярий. Я не слышала, о чем они говорили, по лицо Лхарра было суровым. Губы превратились в гневную линию. Ланс, казалось, спорил или пытался его в чем-то убедить, лицо его алело. *Я* раздумывала, что это могло быть, но знала, что бы ни было, это не мое дело.

Ланс заметил меня и двинулся в мою сторону. Лхарр остановил его, опустив руку ему на плечо. Ланс побагровел. Людей между нами было немного, и я смогла расслышать его.

— Я объяснил достаточно.

— Если ты мне лжешь, Ланс, ты совершаешь очень, очень большую ошибку, — ответил Лхарр. Он отстранил Ланса и стремительно подошел ко мне. Он коснулся правой рукой лба и сердца. Это был наш жест уважения или прощания. Он взглянул открыто и прямо в мои глаза, и я была покорена силой его золотистых глаз.

— У нас существует поговорка, которую вам нужно запомнить, сударыня: «Следи за своей спиной». Он метнул взгляд на Ланса, холодный как у кошки.

— Ты нарушил смысл нашего договора, Ланс. Если бы это путешествие не было жизненно важно для моего Дома, я бы отказался из-за того, что ты сделал, чтобы выполнить договор. — Он повернулся и покинул дом.

Я ждала от Ланса объяснений, но он смотрел вслед Лхарру.

— Как он смеет! — Ланс бормотал едва слышно. — Как он смеет осуждать мои методы? Потребовалось столько времени и усилий, чтобы

найти то, что он хочет. А его метод доставки — не самый этичный во вселенной. Как смеет он осуждать меня?

Мы проследовали за всеми в солярий. Ланс, очевидно, не собирался объяснять, что случилось. «Следи за спиной». Лхарр предупреждал меня, а не Ланса! Что он имел в виду?

Ланс погрузился в свой ужин. Он казался напряженным. Гости прощались. Казалось, Ланс не может дождаться, пока откланяются последние гости. Я думала, он захочет рассказать мне все о делах с лордом, но, когда мы проводили последних гостей, Ланс попросил меня пойти с ним на прогулку в парк. Он пошел к открытой двери. Он был уверен, что я пойду за ним. Но я так устала, что моим единственным желанием было присесть со стаканом пунша, приподнять ноги и закрыть глаза.

— Мне совсем не хочется идти гулять. Я очень устала.

Я очень взволнован, мне надо освободиться от напряжения. Пожалуйста, давай погуляем вместе.

— Что-то случилось, Ланс?

— У меня с Карном дело, а он считает, что я его надул.

Я вдруг испугалась.

— Это правда?

— Нет. Не совсем.

— Не совсем? — Это звучало не слишком хорошо.

— Он не дал мне объяснить. Он не… — Ланс отвернулся и стал смотреть в темноту, освещенную лунным светом. — Я не могу говорить об этом, Жанна. Это было тайное соглашение.

Все это казалось хуже и хуже.

— Это незаконно?

— Н-нет.

Я почувствовала, что теплая, полная любви жизнь с Лансом покидала меня. Тайное соглашение. Может быть, незаконное. Он в чем-то обманул Лхарра. А я узнала об этом случайно, из предупреждения лорда. Узнаю ли я когда-нибудь, что это было за «дело»?

Ты идешь? — Вопрос прозвучал просяще. Возможно, он захочет рассказать, если мы будем одни. Ланс обнял меня рукой, и мы медленно пошли по парку. Может быть, все образуется. Лунный свет окаймлял листья деревьев серебром, отбрасывал резкие тени предметов на землю и смывал все цвета. Мы дошли до аллеи. Парк тянулся на много километров до самого города.

Может быть, я преувеличиваю важность проблемы с Лхарром. Может быть, все будет хорошо.

Ланс молчал. Здесь, вдали от посторонних ушей, он не произносил ни слова о том, что случилось между ним и его другом. Он даже не бормотал милых слов о любви, как делал это обыкновенно на таких прогулках. Его молчание позволяло мне услышать тишину леса. Он был неестественно тихий. Птицы, обычно сонно вскрикивающие, заслышав наши шаги, маленькие зверушки, перебегавшие нашу тропу, не объявлялись. Налетел ветер. Прокричала птица. Я остановилась, прислушиваясь. Это не был крик ночной птицы. За нами прозвучал ответный крик. Ланс тоже прислушивался. Он посмотрел на меня.

— Тебе холодно. Подожди здесь минутку. Я сбегаю за шалью для тебя.

Это был наш парк, доброе, знакомое место, но мне вдруг совершенно не захотелось оставаться здесь одной.

— Я иду с…

Но Ланс уже ушел. Туман в мгновение скрыл его. Туман. Туман был так же неестественен, как крик дневной птицы в ночи. Было слишком рано для тумана. Весенние туманы опускаются перед

самым восходом. Кусты шелестели, хотя ветра не было. Кто-то был в кустах! Я повернулась и побежала к ферме.

— Ланс! Ланс! Подожди меня! — Он не отвечал. Он не мог так быстро уйти очень далеко, чтобы не слышать меня. Может быть, туман заглушал мой голос. Что-то тянуло меня за платье в кусты и мрак. — Ланс! — Паника охватила меня. Платье треснуло, и я почти освободилась. Я бросилась к лунному свету впереди. Необычный туман сгущался. Может быть, Ланс слышал меня и вернулся. Туман кружился теперь передо мной. Он имел приятный запах. Тропинка пропадала и появлялась опять, волнами, как море. Казалось, она ускользала из-под ног. Газ. Туман был каким-то газом. О, где же Ланс? Конечно, он слышал, как я звала его! Я оглянулась. Темные тени скользили за мной, они качались и извивались, как и тропа.

— Ланс!..

Мое тело не слушалось меня. Туман с приятным запахом заполнял мою голову. Я чувствовала себя слабее и слабее. Мне казалось, что кто-то поднял меня на руки и понес. Что это за тени? Кто эти люди? Они не с Фру, и они уносили меня. Чтобы похитить? Чтобы?.. Рассказы о черных кораблях,

увозивших женщин из их миров навсегда, сверкнули в моем мозгу. Никто не знал, откуда они, и что потом было с этими женщинами.

В голове чуть прояснилось. Они никогда не прилетали в Старую Империю. Не сейчас. Нет, не сейчас. Не я!

Ужас придал мне силы. Я пыталась освободиться, но что-то мешало мне. Послышалось шипение газа, и все опять завертелось и стало таять, таять, пока все не поглотил туман, и мрак сомкнулся.

Глава третья

Я вырвалась из сна в панике и села. Сердце колотилось. Я смотрела в темноту. В комнате за занавеской, отделяющей кровать, было тихо. Отдельные видения из моего сна всплывали в памяти — спокойная прогулка с Лансом, парк, ароматный туман, чьи-то руки.

Кто-то всхлипнул.

Бедняжка Жаклин, сначала она прибегала, но было слишком много кошмаров и бессонных ночей.

Сердце мое все еще лихорадочно билось. Снова откинулась на подушки в изголовье кровати. Сна этой ночью больше не будет, во всяком случае, для меня. Мне необходимо было что-то, что уведет мои мысли от темного леса, лунного света, газа и хватающих рук. Я могу пожелать еще один дюйм волос, пока подойдет Жаклин. Длинные волосы были одним из условий, чтобы выйти из этой комнаты.

Почему они настаивали на том, чтобы у меня были длинные волосы? Потому, что женщины здесь всегда носят длинные волосы. Это обычай. Это правило. У них не много правил для женщин,

но, так или иначе, это были и мои правила теперь. Я сомкнула вокруг себя как стену сконцентрированное энергетическое поле. Все тревоги моего окружения исчезли.

Жаклин опускала на подставку светильник. Она подождала, пока я возьму свой транслит с ночного столика и надену на шею.

— Извини, Жаклин. — Я говорила тихо, чтобы не разбудить остальных. — Почему ты не идешь спать?

Жаклин сказала что-то по-своему. Это был вопрос. Она спросонья забыла свой транслит. Но она могла меня понимать.

— Я выгляну в окно, — сказала я. Жаклин кивнула и отдернула занавес кровати до конца. Я села на краю, узнавая начало утреннего ритуала. Я ненавидела каждую его церемонию за подчеркнутые классовые различия. Жаклин была благородной крови. Мне настойчиво объясняли, что в этом мире это было очень важно. Многие из правил, которые я должна была уяснить, прежде чем покину эту комнату, давали понять очень ясно, как важно было благородство крови. Поэтому Жаклин и помогала мне как служанка, что я была невестой ее лорда. Невеста, о господи! Будто мои желания ничего не значат!

Ноги мои касались брошенной на пол шкуры. Я с отвращением наблюдала, как Жаклин одевала на них туфли. Я пыталась бороться с такими церемониями, но безуспешно. Их было много, а я одна.

Я была далеко от дома, одна и недосягаема для закона Федерации.

Я никогда не вернусь домой. Леди Агнес повторяла снова и снова, что я никогда не попаду домой. Казалось, она не понимала, почему я не чувствую гордости, что меня вырвали из моей жизни и против воли сделали невестой феодального лорда в мире, который я могла посетить только с желанием изучить. Я даже не знала, что это за мир.

Одна. Без друзей или союзников. Это приводило меня в бешенство. Но сейчас я дрожала от холода. Температура в комнате за ночь падала. Это делалось, чтобы поддерживать ощущения жизни на поверхности. Здесь поддерживался цикл «день» и «ночь», будто солнце проникало в помещения на многометровой глубине в каменном мире.

Жаклин помогла надеть мне теплое бархатное платье и отправилась будить Тамару.

Я не понимала секретности, в которой меня держали. Что я могу сделать, ничего не зная?

Дверь моих покоев охранялась день и ночь. Я не видела никакой аппаратуры для связи. Я не знала никого, кто мне бы мог помочь.

Мир был феодальным, и это заставляло меня думать, что Лхарр Халарек был шпионом какого-то лорда. Это мог быть Старкер IV, но мне не приходилось слышать, что люди там живут под землей. Возможно, секретность и слуги, не понимающие ни одного языка, на котором я говорила, были частью плана, чтобы сделать меня благодарной тому лорду, который освободит меня.

Я встала с кровати и подошла к окну. Я провела рукой по настенному пульту, и имитация солнца поднялась над имитацией горизонта. Свет освещал искусственный ландшафт, чужой ландшафт каменных долин, скал, гор и синеющих деревьев. Я прижалась лбом к стеклу. Было полное впечатление реальности. Мое сердце сжалось.

Я должна вернуться домой, даже если Отец не может мне помочь.

Вошла леди Агнес, моя наставница. Мы поклонились друг другу. Интересно, о чем будет сегодняшний урок. Еще немного истории Гхарров, возможно. Я никак не могла понять, почему их общество остановилось на этой стадии развития.

Может быть, леди Агнес собиралась дать урок этикета. Этих правил невозможно запомнить, хотя это условие моего выхода из этих тесных апартаментов. Леди Агнес толковала мне об этом не однажды.

— Хорошие новости, леди Жанна. Ваше ожидание почти закончилось. Ваш лорд вернулся домой, — сказала леди Агнес. Она сказала это с такой радостью! Я хотела бы, чтоб она никогда не называла его моим «лордом». Ни один мужчина не был моим «лордом». Я Жанна Верлит, рожденная свободной. Леди Агнес продолжала.

— Скоро вы поженитесь, я уверена. Этому Дому нужен сын. — Леди Агнес провела рукой по моим волосам. — Почти нужной длины, — сказала она, — еще неделя — и будет то, что полагается. Ваш лорд решит это сегодня вечером. У вас будет сегодня с ним частный ужин.

Она повернулась к занавесу, который я повесила в первые дни заточения, несмотря на протесты леди Агнес.

— Жаклин, Тамара! — голос ее был резким. Обе женщины поспешили, на ходу застегиваясь. — Ваш лорд снова дома. Я иду к нему сообщить, что леди Жанна прекрасно усвоила все уроки. Ее волосы достигли приличествующей длины. Он

объявит день бракосочетания после обеда с ней сегодня вечером. Оденьте ее соответственно. — Она обернулась ко мне. — Мы сегодня пропустим ваш урок. — Она поклонилась и вышла.

Нужно выбраться. Как можно скорее. Если удастся, то сегодня же утром. Я облизнула сухие губы. Я должна вечером увидеть разбойника? Нет, если мне удастся. Я не думала о замке и мире снаружи. Жаклин говорила, что мы находимся в замке Онтар.

Рядом свободный город. В городах есть Гильдхоллы. Я надеюсь, если доберусь до Гильдхолла, Гильдия защитит меня от этого разбойника, даже если он лорд Гхарров.

Я уже хотела рискнуть и встретиться с этим лордом. Я бы уверила его в том, что он совершил большую ошибку, украв меня. Я бы сказала ему все, что я думаю о насильственных браках. Я бы…

Но мне нельзя рисковать. Этот человек живет в обществе, где с женщиной обращаются как с вещью. Моя тирада может только ухудшить дело. И мне не хотелось, чтобы он видел меня. Он был на корабле, как сказала леди Агнес, но он ни разу не приходил ко мне. Она говорила, что он назначит день свадьбы, когда я усвою все правила, чтобы

не опозорить его.

Мне не хотелось быть поблизости после того, как леди Агнес сообщит ему, что меня подготовили к церемонии. Его последняя жена умерла пять лет назад. После пяти лет без женщины он, конечно, будет нетерпелив. Я вздрогнула от отвращения. О тебе думают и используют только, как самку, для наследника!

Тамара взяла щетку для волос. Жаклин сняла платье с крючка на стене. Я ожидала с нетерпением конца этого медленного процесса одевания. Лучше бы я оделась сама. Но эта битва тоже была проиграна. Жаклин застегивала длинные ряды пуговиц на спине и рукавах. Пуговицы! Отвратительные, примитивные застежки!

Тамара поправила длинные фалды юбки, затем начала укладывать волосы.

Кто-то постучал в дверь.

— Войдите, — ответила Тамара. Слуга принес поднос с завтраком. Жаклин и Тамара обернулись к молодому солдату. В этот момент я опустила ключик от ларца с драгоценностями в карман.

Тамара продолжала причесывание.

— Ваши волосы растут так быстро, миледи.

— Только, когда мы захотим. Рост волос это только один… — Вдруг мне расхотелось говорить

о чем-нибудь, напоминающем дом. — Жаклин, дайте мне золотую застежку, пожалуйста.

Жаклин подошла к ларчику, но открыть не смогла.

— Миледи, здесь нет ключа.

— Поищите внизу, Жаклин. — Хоть на несколько мгновений освободиться от их наблюдения. *Я* коснулась руки Тамары. — Помогите Жаклин. — Тамара заколебалась. Но я взяла щетку из ее рук. Как я ненавидела эту гриву. Я отложила щетку. Господи, прости меня, но я ненавижу лорда, который сделал из меня узницу! И выйти замуж за него…

Я поднялась. Я — не покорная женщина Гхарров! Девушки искали ключ.

— Посмотрите в соседней комнате, — приказала я. Жаклин и Тамара пошли к двери с грацией женщин, привыкших носить длинные платья. Я услышала, как открывают шкафчики. Теперь они стояли спиной ко мне, и, даже если обернутся, они не увидят дверь в коридор.

Пора бежать. Я завернула сандвичи и фрукты в фартук и связала концы, сунула нож с подноса в карман, схватила брошенный одной из девушек капюшон и кинулась к двери. Я прислушалась. Страж стоял за дверью справа. Я слышала его.

Ланс ждет меня дома, возможно, в безумии от горя и тревоги.

Ножом я осторожно открыла замок двери. Старинный способ! Я толкнула дверь. Серебристый свет проник в комнату. Я шагнула в коридор. Спешить! Спешить! Нет, надо идти спокойно, чтобы никто не заподозрил неладное.

— Миссис Тамара! — крикнул мужчина. — Стойте!

Я кинулась в ближайший коридор и побежала, путаясь в юбке. Тяжелые башмаки стучали за моей спиной. Капюшон слетел и шлепал меня по шее. Сердце мое заходилось от страха. Меня не должны поймать! Я сворачивала за углы и слепо кидалась из одного каменного коридора в другой. Вдруг я поняла, что шагов за спиной не слышно. Паника прошла. За мной хлопали двери и кричали мужские голоса. Хорошо, что на ногах были мягкие ночные туфли. Моих шагов не услышат. Мое дыхание становилось ровнее. Я могла подумать. Надо выбраться наверх. Я уходила от звуков погони. Еще один перекресток. Я повернула снова направо. Впереди была широкая дверь. Казалось, перед ней стояли цветы. Возможно, стражник еще не слышал о моем побеге? Я открыто взглянула на него. Он смотрел на меня. Если он знает,

кто я, и я побегу, он кинется за мной. Если он не знает, можно безопасно идти мимо. Перед ним стояли цветы. Иди медленно, накинь капюшон перед солдатом. Фрейлины должны это делать. Прикинься усталой, наклони голову вниз.

— Устали за утро, леди Тамара?

Я кивнула и прошла в светлый холл. Каждую минуту меня могут узнать. Я выше Тамары. Я подняла глаза. Свет шел не от чистого неба, как я надеялась, а от ярких плафонов на очень высоком потолке. Впереди была массивная дверь. Около нее на стенах были балконы с цветами. Красные цветы опоясывали холл, напоминающий дворик. Стена казалась стеной здания. Входить было опасно, но, возможно, именно так можно выбраться наружу. Там, возможно, я смогу у кого-нибудь спросить дорогу в город.

Я медленно вошла в дверь. Внутри не было видно солдат. Я глубоко вздохнула и огляделась. Впереди арка в огромную комнату. Справа множество дверей. Слева в конце холла двери и глубокая тень. Возможно, там лестница. Я пошла туда. На полпути я заметила, что из-за угла вышла женщина. Я не смогу ей ответить, если она обратится. Я ведь знаю всего несколько слов на их языке. Женщина приблизилась, едва при-

подняла капюшон и, пробормотав приветствие, поспешила дальше. Я перевела дух и поблагодарила небо. В глубокой тени была узкая лестница вверх. Я бросилась по ступеням, подхватив юбку. Лестница выходила в холл, похожий на тот, что я покинула.

Вдруг я услышала стук башмаков. Меня ищут. Конечно, если лорд рисковал галактическим скандалом из-за невесты, он не даст мне сбежать. Я спряталась под пролетом лестницы.

Трое мужчин в темно-синей униформе прошли мимо. Их шаги стихли. Я кинулась к ближайшей двери. Закрыта. Следующая тоже не открывалась, и за ней — тоже. Но на другой стороне холла была дверь шире, выше и покрытая орнаментом. Она привела в библиотеку. Книги на столе у двери, массивный камин, большой экран и винтовая лестница, ведущая вокруг комнаты почти к потолку. Там была дверь. У кого-то был свой вход в библиотеку, скорее всего, у самого лорда. Может быть, из его покоев есть окно наружу.

Я поспешила по винтовой лестнице, толкнула дверь и оказалась в комнате, пустой, темной, меньше моей. Надо поскорее выбираться! Время против меня. Три двери. Из-под одной тоненькая полоска света. Я толкнула ее. Опять холл, как все

другие. Это было похоже на ночной кошмар. Еще одна лестница наверх. Еще один холл. Казалось, я буду бежать и подниматься вечно…

Я отогнала страх. Гнев вдруг охватил меня. Чудовищное сооружение без окон, чудовищный Гхарр, укравший меня!

Вдруг я заметила солдат, выходящих на лестницу с нижнего этажа, наполняющих пространство голосами и звоном оружия. Я бросилась бежать, но забыла поднять подол юбки и упала. Мой сверток откатился в угол и развернулся. Солдаты дошли до площадки между этажами.

— Вот она! — крикнул один из них. — Леди Жанна, остановитесь!

Я пыталась скрыться из виду, но потеряла много времени из-за падения. Они знали, кто я. Ритм башмаков сменился с шага на бег.

— Поймайте ее!

Казалось, я не могу дышать. Я бросилась за угол и толкнула первую же дверь. Заперта. За спиной я видела темно-синюю униформу. Я свернула еще раз за угол. Еще одна лестница…

Она вела вниз! Погоня приближалась. Впереди, в углу, еще одна дверь. Я бросилась к ней. Она распахнулась в комнату, полную солнечного света и растений. Я захлопнула за собой дверь

и прислонилась к ней спиной. Вокруг струился настоящий солнечный свет. Но я была не одна. Спиной ко мне стоял мужчина. Он обернулся на щелчок двери, и оружие сверкнуло в его руке.

Глава четвертая

Впереди дуло. Сзади стража. В дверь застучали, пока она не задрожала. Я не понимала, что кричат за дверью. Но человек что-то им ответил. Стук прекратился. Я подняла глаза. Стройный, темноволосый, с холодными желтыми глазами…

— Вы… — едва прошептала я.

Лхарр Халарек убрал оружие, но лицо его осталось холодным. Я прибежала прямо в руки к врагу. Человек, схвативший меня, был Карн Халарек. Ужас в парке, физическая боль и агония оторванности от Ланса — это все его рук дело. Ненависть поднялась во мне, ненависть, которую поколения моего народа пытались побороть, потому что она ведет к войне. Я боролась с этим чувством. Оно было недостойно гражданки Фру, даже после того, что сотворил этот человек.

Я не должна ненавидеть. Я не должна убивать. Нет причин, достаточно сильных и правых, чтобы допустить ненависть и убийство.

Я повторяла литанию, пока не остыл мой гнев. Нет надежды спастись. Лхарр знал меня. Но, может быть, он не узнал меня в одежде Тамары? Надо попытаться сбежать. Я отошла от двери

и склонилась в реверансе. Может быть, он не заметил мое «Вы» на звездном языке и мой голос? Осторожно подобрав ужасные ударения, я произнесла на его наречии: «Ваша слуга, милорд».

Он ответил, но я не поняла. Он повторил с той же скоростью. Я пропала. Тамара ответила бы сразу же.

Лхарр медленно произнес:

— Подойди сюда.

Я повиновалась, стараясь не поднимать глаз. Он не узнал меня, иначе он сменил бы язык. У меня есть шанс!

Но здесь солнечный свет и свежий запах зелени. Я не удержалась и подняла лицо, капюшон упал.

— Леди Жанна! — Он продолжал на звездном. — Если бы я узнал вас, приветствовал бы сердечнее. Ваше платье не соответствует вашему положению, мадам.

Я именно этого хотела.

Напряженное молчание повисло между нами. Я думала, как много я посмела сказать. Наконец неловкость от его разглядывания заставила меня заговорить.

— Я хочу, чтобы меня отправили домой немедленно.

— Естественное желание, мадам, но именно его я не могу исполнить.

Он сказал это так спокойно, будто похищение людей было законным и естественным. Да, здесь я бессильна. Мое оружие — только слова.

— Я не выйду замуж за вас. Даже если бы я знала вас и вы бы мне нравились, ваш способ устроить брак делает его невозможным между нами. Это варварство. Это на тысячелетия отстало от жизни! — Мой голос повышался. Меня трясло от гнева и страха.

Лхарр провел рукой по волосам. Он не смотрел на меня.

— Я понимаю ваш гнев. Поверьте мне, я никогда бы не воспользовался подобным методом, если бы у меня был выбор. Но у меня его нет — Он отвернулся и посмотрел на небо. — Я привез вас сюда с надеждой, что вместе ваши идеалы и мои идеалы спасут мой мир.

— Вы полагаете, я останусь здесь?

— У вас тоже нет другого выбора. Ваш мир не станет рисковать войной из-за вас. Вы знаете это.

— Отошлите меня обратно.

Он рассмеялся, но очень горьким смехом.

— Отослать вас обратно? Я истратил все, что

удалось собрать за последние пять лет, на этот полет на Фру и на Черный Корабль. Мое будущее и будущее моего народа зависит от модернизации нашего общества и как можно скорее. Я не смогу это сделать в одиночку. Я пытался. Мне необходима помощь. Ланс рекомендовал вас, потому что вы с вашим опытом исследователя, кажется, лучше всех могли бы понять, что здесь происходит.

— Нет!

— Да! Я дал Лансу список качеств, необходимых мне в жене, и заплатил ему, чтобы он нашел ее. Он сделал это. Затем я сам познакомился с вами, прежде чем завершить дело с ним. В моем договоре с ним не было пункта вскружить вам голову. Абсолютно. — Он опустил свои руки мне на плечи, гораздо бережнее, чем я ожидала. — Вы не задумались, почему он не был с вами, когда соглашение было совершено? Это ведь принято у вас. Это принято и у его народа.

— У них? Это неправда. — Но сомнение шевельнулось во мне.

— Ох, но это правда. Если бы он сделал это, вы не могли бы стать моей женой. Но самое страшное для него то, что он бы не получил плату, а ему заплатили очень, очень щедро.

— Это неправда, — еле слышно выдохнула я.

— Ваш «жених» — змея, мадам. Как только я понял, какую игру он с вами ведет, я пожалел, что связался с ним, но было уже слишком поздно.

— Неправда. Это неправда. — Но слезы уже подступили к глазам, и сомнение, и воспоминание о том, как Ланс убежал прочь, услышав те самые крики птиц. Ланс знал, что значили эти крики. О, мой Бог!

— Верьте мне, мадам. Мне не по нраву принуждение в браке, но, как я уже сказал, у меня нет другого выбора. — Его золотистые глаза были полны участия и… раскаяния? — Моя мать была невестой с Черного Корабля, и она научилась любить здешнюю жизнь. Вы тоже это сумеете.

Я верила, что Ланс любит меня. Я надеялась, что он будет ждать меня. Теперь малейшее сомнение, малейшее подозрение, родившиеся в тот вечер, говорили об обратном. Какие бы ни были причины у Лхарра украсть меня, он говорил правду о Лансе.

Что мне с собой делать? За дверью солдаты. Здесь человек, берущий меня в жены силой, Ланс — я больше не верила в Ланса.

— Я хочу домой, — шепнула я.

— Я знаю это, — голос лорда звучал неожидан-

но мягко. — Но вы никогда не сможете уехать домой. Никогда.

Это было слишком.

— Я смогу найти дорогу к дому. Я смогу!

— Вы не сможете. Гильдия не возьмет вас без моего разрешения, даже ваш брат, а другого пути нет.

— Ваше разрешение? Я свободная женщина…

— На Фру. В Федерации. Но не здесь. Здесь вы только женщина. Жена одного из Девятки, правда, но только женщина. Женщина должна иметь разрешение мужа на подобные вещи.

— О боже!

Лхарр придвинул меня к себе, словно желая успокоить. Успокоить! Когда он причина моего несчастья! Я отбросила его руки прочь. Но он очень деликатно поднял мой подбородок вверх одной рукой, пока мои глаза не встретились с его глазами. Мне показалось, что в них светилось сочувствие.

Жалость только обостряла горе. Мне хотелось спрятаться от этого лорда, его фрейлин и холодного серого дома.

— Вы отняли у меня все, что было в моей жизни. Мой мир, мою семью, Ланса. Почему я должна вам помогать? — Я отвернулась и пошла к двери.

Прежде чем я дошла до нее, его рука опустилась на мое плечо осторожно, но твердо. Он повернул меня к себе. Его голос звучал ровно, но я чувствовала его напряжение.

— Вы не знаете, что говорите. Гхарры не могут оставаться отсталыми на пять веков от остальной галактики, пока наши контакты не расширятся. Должны наступить перемены, или Старкер IV взорвется изнутри. Моя Семья и мои друзья рискуют всем, что у них есть, даже своими жизнями, чтобы все изменить.

— Это не мои проблемы. Мне не удалось сегодня, но я смогу убежать!

— Мадам, вы испытываете судьбу! — Он встряхнул меня резко. — Как долго, вы думаете, сможете протянуть на поверхности? Там нет дорог, нет городов, нет людей. Возможно, я не смогу защитить вас даже здесь, в моем собственном доме. Мою вторую жену убили в этом доме. Если вы выберетесь на поверхность, а я не думаю, что вы сможете это сделать, я найду вас. Если я не смогу, герцог Харлан сумеет. Моя жена будет отличной добычей. А что творит Ричард с узниками, особенно из моего Дома, и говорить страшно. Перемирие между нами закончилось. Именно поэтому я смог добраться до Фру. — Он тряхнул меня еще

раз. — Если бы вы были женщиной Гхарра, мне бы даже не пришлось объяснять это вам!

— Но женщина из Гхарров не принесла бы вам никакой политической пользы, правда, лорд Карн? — Мне не удалось освободиться. — Я не ребенок, чтоб меня трясти!

— Но вы ведете себя именно как дитя. — Он разжал пальцы. Я не могла смотреть на него. Я отвела глаза в сторону. Он повернул мое лицо к себе и не отпускал. Голос его зазвучал мягко.

— Я люблю жизнь и свой народ. Я не могу видеть, как он уходит от всех. Я женюсь на вас, потому что вы можете помочь мне привести мой народ в настоящее. Я женюсь на вас при свидетелях, чтобы никто не сомневался в соблюдении всех формальностей. Видит Бог, я не женился бы на женщине с вашим характером для собственного удовольствия. Вы знаете, что апартаменты готовы, и волосы ваши достойной длины. Мы поженимся завтра в полдень.

Его янтарные глаза, полные участия, смотрели на меня сверху и будоражили меня.

— Позвольте мне идти. — Я повернулась, охваченная гневом на его мужское превосходство — Я свободная. И ни один мужчина не смеет держать меня…

Он усмехнулся.

— Как моей жене, вам положено быть покорной, как любому слуге.

— Никогда!

— Свадьба завтра. Завтра!

— Никогда!

Он схватил мои плечи стальными пальцами.

— Вы измените свое решение до завтрашнего полудня или, видит Бог, вы захотите, чтобы вы его изменили. Пусть ваше воображение нарисует вам альтернативы брака со мной, мадам.

Холодный гнев его лица, ледяное напряжение голоса ужаснули меня. Власть лорда Гхарров абсолютна.

— Я никогда не соглашусь стать вашей женой!

— Вы уже моя жена, мадам, по древнему обычаю, засвидетельствованная.

Я ахнула. Это было достаточно ясно, если сопоставить с резким дискомфортом, который я ощущала, очнувшись от газа. Ловушка становилась глубже и глубже.

По закону Федерации я не связана церемонией, на которую не давала согласия.

— Вы сейчас не в Федерации. Связывает наш Закон, и завтра церковь.

Я задыхалась.

— Церковь требует моего согласия.

— Да. И вы дадите его, мадам, или, клянусь святыми, я заставлю вас дать его. Вы будете играть свою роль здесь, как научилась моя мать. Возможно, позже вам понравится здесь, как и ей. Я попытаюсь сделать вашу жизнь лучше, как только смогу.

— Вы действительно думаете, что я стану помогать?

Конечно. Женщины всегда так делают.

— Что ж, а я не стану.

Он рассмеялся.

— Даже если вы сбежите из моих владений, что вы будете делать? Я уверяю вас, вам не захочется попасть в руки кого-нибудь другого из Девятки. Когда-нибудь расспросите об этом мою сестру Кит.

— Что они могут сделать ужаснее моего положения теперь?

Искры зажглись в его глазах. Он заставил меня смотреть в его странные, медовые глаза.

— Этот случай на корабле был необходим! По соображениям законности. Я не потащу вас в постель силой. Клянусь всевышним и всеми святыми, я не собираюсь вас укладывать в постель против вашей воли.

Я перестала вырываться. Его лицо, его глаза убедили меня. Я верила ему.

Я молчала. Он повел меня к двери, поддерживая за локоть, затем вниз по коридору к лифту. Мы поднимались в тишине сквозь скалу. Дверь открылась в большой сад. Позади поднимались горы, сине-зеленые и черные. Далеко слева они переходили в желто-зеленые долины. Ветер шумел в деревьях и кустах. Лхарр протянул руку в сторону гор.

— Это мои владения. Земли отсюда до третьего хребта принадлежат моему Дому, а долины далеко за горизонтом. — Он повернулся. — Справа от вас плоский участок между гор и холмов проход в пустыню Цинн. Туда мы ссылаем злейших преступников. Выживают редкие люди.

Над горами гремел гром.

— Идут весенние дожди. Они завершают оттепель. Ближайшее владение в двухстах милях отсюда, а город в половине этого расстояния. Мы почти всегда пользуемся флиттером.

Я повернулась и пошла к лифту. Двести миль до ближайшего соседа. А где же ближайший Гильдхолл? Надежда исчезала.

Лхарр следовал за мной молча, он не нарушил тишину, пока дверь лифта не открылась в холле

рядом с моими комнатами.

— Ваш этаж, мадам.

Я собрала всю волю, чтобы голос был твердым.

— До свидания, лорд Карн. — Но он проводил меня по коридору. — Я найду свою комнату, — сказала я, едва сдерживая дрожь. — Пожалуйста, я хочу побыть одна. Пожалуйста, милорд.

Тень пробежала по его лицу. Он сказал:

— Никуда не ходите одна.

Я вспомнила, что он говорил мне о второй жене.

Лхарр взял мою руку и довел до моей комнаты в молчании. Он повернулся ко мне у двери.

— Мадам, я забуду этот обед вечером. Завтра я пришлю за вами, через три часа после завтрака. Будьте готовы.

Он стал удаляться, но обернулся.

— Мне бы хотелось, чтобы мы стали друзьями. Но на всякий случай запомните это. Мои враги многочисленны и могущественны. Только сохраняя между собой перемирие, мы оба сможем выжить.

Он распахнул мою дверь, грациозно поклонился и ушел. Я смотрела, как он удалялся.

Завтра. Я должна выйти замуж за него завтра. Незнакомец. Человек, за которого я собиралась

замуж, продал меня в руки этому.

Мои фрейлины выбежали в холл, спрашивая, требуя ответов, ахая и охая. Этого уж я никак не могла вынести.

— Уйдите! — кричала я. — Оставьте меня одну!

— Какое несчастье, миледи, увидеть его так рано. Я прочту молитву, чтобы защитить вас.

Мой гнев захлестнул меня.

— Я прошу вас уйти! Ничего страшного не случится, если мы увидели друг друга перед свадьбой! Отстаньте от меня! Я хочу остаться одна.

Они ушли покорно, но с несчастными лицами. Я стояла под горячим душем. Он помогал мне успокоиться, но я не могла смыть боль. Я знала, что Лхарр сказал правду.

Ланс! Ланс! Боль была невыносимой. Отказ, согласие, побег, отказ, согласие, побег. Если откажусь, я никогда не найду дорогу домой. Невозможность побега Лхарр показал с очевидностью. Пастор Джарвис, первым делом, как капеллан Гхарра, служит своему лорду. Я должна идти за Лхарра, хотя это не может быть настоящим браком. Не может быть.

Глава пятая

Я плохо спала прошлой ночью. Замужество означало, что по закону Пути я буду связанной с Лхарром до тех пор, пока один из нас не умрет. Лхарр прямо сказал мне, что если я по своей воле не поклянусь в этом, он силой вырвет у меня клятву. Хотела бы я знать, как он это собирается делать? Если я соглашусь, Лхарр может решить, что я оставила надежду вернуться домой. Он должен, по крайней мере, освободить меня из заключения. Свободная, я, без сомнения, найду, куда пойти, и кого-нибудь, кто поможет мне.

Но если я соглашусь, я буду замужем за этим одутловатым лордом до конца своих дней. Дома или здесь, везде он будет моим мужем.

Хотя мои мысли кружились, сменяя друг друга всю ночь, я не видела никакого другого выхода, кроме согласия. Вдобавок, я боялась пустоты жизни благородной дамы Гхарра.

Жаклин разбудила меня задолго до назначенного времени. Она, Тамара и камеристка метались в течение нескольких часов, собирая меня и щебеча наперебой.

— Какое счастье, миледи, выйти замуж за тако-

го могущественного и хорошего лорда. — Тамара резко дернула костяной корсет и затянула его.

— Он никогда не будет вас бить. Лхарр Одоннел регулярно колотит свою жену. — Маленькая камеристка протащила через мою голову несколько церемониальных шерстяных нижних юбок.

— У вас будут красивые дети, миледи.

— Дом Халарека — лучший в Старкере IV.

— К тому же он очень щедрый, миледи.

— Он так хочет ребенка, миледи. Вы знаете, его маленькая девочка умерла в Сикнессе.

— Откуда вы знаете, Там? Это было семь лет назад.

Жаклин помогла мне надеть тяжелое белое платье из парчи и застегнула на шее свадебное ожерелье из массивных нефритовых бус. Их тяжесть еще раз напомнила мне, что все это не во сне, а наяву. Затем леди Агнес и Тамара накинули длинную, отделанную мехом, мантилью из бархата на мои плечи и расправили ее на длинном парчовом шлейфе. На голову мне водрузили высокий конус, покрытый бархатом и золотыми бусинами, из которого вуаль, увешанная драгоценными камнями, струилась почти до пола.

Я немного прошлась по комнате. Платье было очень жестким и заставляло меня держаться

прямо. Конус на голове я могла удержать только тогда, когда двигалась осторожно и медленно.

Прибыл военный свадебный эскорт с зелеными погонами собственной лейб-гвардии Лхарра на плечах. Затем подошла свадебная свита, состоящая, как я предположила, из женщин-родственниц или друзей семьи. Я не знала ни одну из них. Когда все собрались, началась церемония в Большом Зале. Потом я пыталась вспомнить хоть что-нибудь об этом утомительном шествии, кроме шума, дорогих платьев, запаха духов и леди Агнес, напоминающую мне особенности ритуального обряда и нашептывающую слова известных католических молитв и ответы.

Внезапно среди лиц, которые заполнили улицу, я увидела знакомое лицо друга Питера. Я не могла вспомнить его имени.

Резкий щипок леди Агнес вернул меня к действительности.

— Мадам, вы позорите лорда таким неприлично дерзким взглядом.

Я с отчаяньем посмотрела на этого человека. Он показал, что узнал меня, слабой улыбкой и чуть заметным кивком головы. Вокруг меня явственно слышалось перешептывание. Я продолжала медленно двигаться к выходу и затем к Большому

Залу, пытаясь все время смотреть в землю перед собой. Впереди какой-то оборванец выскочил из толпы и протянул руки к золотым браслетам на руках дворянки. Он ничего не успел схватить, увернулся от пытавшихся задержать его рук и растворился в толпе. Я завидовала ему. Я бы тоже хотела влиться в толпу и исчезнуть в ней, если бы могла. Позднее, если мой знакомый поможет мне, если я смогу заказать билет, если, если… Мое будущее было большим знаком вопроса. Даже если я когда-нибудь доберусь домой, я никогда не выйду замуж. Слезы горя и разочарования жгли мне глаза.

Леди Агнес снова ущипнула меня.

— Мадам, будьте внимательны! Все общество стоит в ожидании, когда вы пройдете к алтарю.

Слезы застилали мои глаза, и сквозь их туман я увидела огромный зал, заполненный людьми. Из-за слез лиц я не могла разглядеть. Как только я вошла в дверь, все встали на колени. Цветочный аромат духов смешался с тяжелым, едким запахом фимиама, выплывающим из галереи. Я не сводила глаз с грубого деревянного креста, который можно было разглядеть сквозь дымку фимиама в передней части Зала. Когда я не могла одновременно справиться с удерживанием на

голове тяжелого головного убора и созерцанием креста, я опускала глаза на каменный пол.

Мои компаньонки отступили назад, и шепот гостей затих. Я стояла одинокая и испуганная. Я взглянула на епископа и человека, стоящего рядом с ним, пытаясь скрыть свою дрожь. Лхарр шагнул вперед и осторожно взял меня за ледяную руку. От этого момента до поцелуя время прошло как во сне. Слова леди Агнес, так много раз повторенные ею, всплывали в памяти сами собой. Стояние на коленях и другие ритуальные движения мною также были хорошо заучены. Когда мы поднялись в последний раз, епископ благословил нас обоих и поцеловал Лхарра в обе щеки и губы. Лхарр, отныне мой муж навеки, трижды поцеловал меня. Затем мы двинулись через молчаливую благоухающую толпу к возвышению на заднем плане Зала.

— Я рад, что вы приняли это решение, — сказал Лхарр. — Я постараюсь сдержать свое обещание. — Он слегка сдавил мою руку. — Я сделаю все, что смогу, чтобы помочь вам поскорее привыкнуть к нашей жизни.

Он кивнул моим дамам и повернулся, чтобы поприветствовать гостей, которые устремились к нам. Мои дамы потянули меня в маленькую

беседку под галереей и приступили к скучному занятию — сплетению из моих волос некоторого подобия круглого гнезда для головного убора.

Я и не представляла себе, какой тяжестью конус давил на мою шею, до тех пор, пока леди Агнес не сняла его. Я вздохнула и с наслаждением упала в кресло, пододвинутое мне Тамарой. Тамара и Жаклин расчесывали мои волосы и вплетали в них цветы и душистые листья. Леди Агнес возобновила свои нравоучения, на сей раз посвященные банкетному этикету. Я слушала ее вполуха.

Когда леди Агнес закончила свою лекцию и поставила конус в приготовленное для него гнездо, я попросила Донну, маленькую камеристку, подержать зеркало. В нем я увидела разряженную женщину с морщинками от большого напряжения вокруг губ и глаз. Однако я ничего не могла сделать, чтобы что-нибудь изменить. Невесты Дома Халарека одевались именно так на протяжении многих лет.

Леди Агнес повела меня на мое место, справа от Лхарра. Церемония выражения ему почтения была в самом разгаре, но он прервал ее на некоторое время, чтобы коротко и одобряюще мне улыбнуться и нежно поцеловать леди Агнес. Когда следующий вассал вышел вперед и упал на

колени, церемония возобновилась.

Вассал положил свои руки между руками Лхарра и сказал несколько слов. Лхарр в ответ тоже что-то сказал, поднял мужчину, расцеловал его в обе щеки и отослал, дав маленький, красиво упакованный сверток. Никто из мужчин не носил транслита, поэтому я ничего не поняла из того, что они говорили. Череда мужчин, желавших выразить свое почтение, казалась бесконечной, хотя их было не больше тридцати. Ритуал для каждого из них тщательно соблюдался. Я старалась стоять неподвижно, так, как меня учила леди Агнес, но у меня заболели шея и плечи, зачесался нос, а в моих шерстяных юбках мне с каждой минутой становилось все жарче и неудобней. В тот момент, когда я была уверена, что больше не смогу простоять неподвижно ни минуты, оказалось, что все присяги на верность принесены. Мой муж повел меня в ту часть зала, где был алтарь, и усадил в центре длинного стола.

Это было сигналом к началу банкета. Прислуга в темно-синей ливрее Дома вошла, неся огромные кувшины вина и пива, длинные деревянные подносы с зажаренными поросятами и олениной, супницу с соусами, огромное количество хлеба и масла, желе, салаты, овощи. Я потеряла счет блю-

дам. Как и мы, гости сидели парами, мужчина и женщина, и перед каждой парой стояло длинное блюдо. Я ела механически. Еда казалась абсолютно безвкусной. Моя прежняя жизнь не вернется. Я никогда не освобожусь от Лхарра, никогда. До тех пор, пока он не умрет. Бог тому свидетель, что я не могла ни убить, ни как-нибудь еще умертвить его. Но это очень жестокий мир. Возможно, я не буду связана с ним всю жизнь.

Вскоре я съела все, что мои корсеты могли мне позволить, но еду все приносили. Лхарр негромко переговаривался с гостями, иногда уговаривая меня попробовать немного фруктового пудинга, или мясного салата, или запеченной картошки.

Шум в Зале нарастал по мере того, как гости насыщались. Люди беседовали, собравшись в кучки между столами. Одни гости привели с собой собак, другие — детей, третьи принесли ястребов. Дети и собаки играли и бегали друг за другом под столами. Над головами ястребы с резким криком сбивали маленьких птичек, которые вылетали из пирогов. Я не могла понять, как повара, запекая пироги до румяной корки, не повреждали птичек. Стоя на полу, владельцы птиц подбадривали своих ястребов и, между глотками пива, заключали пари, крича во всю мощь своих

легких. Под столом для бриджа охотничья собака громко грызла кость. Вдруг она зарычала, и я почувствовала возню мускулистого животного прямо у своих ног.

Я убрала ноги под свой стул так далеко, как только смогла, и попыталась не обращать внимания на шум под столом. Паж предложил длинный ряд мясных пирогов. Лхарр пожелал взять кусок для меня.

— Прошу, мадам. Вы почти ничего не едите. Возьмите немного пирога и пива, чтобы его запить.

Я замотала головой.

— Спасибо, милорд, но я уже сыта и больше ничего не хочу.

Лорд Карн сделал пажу знак, чтобы он удалился. Другой паж держал вазу с фруктами и сыром сзади нас. Лхарр предложил их. Когда я снова покачала головой, он выбрал жесткий прямоугольный плод и сделал пажу знак нести блюдо дальше. Он посмотрел на меня.

— Разве вы закончили…

Лхарр кивнул Гарету, своему сенешалю, и он подошел к музыкантам, чтобы объявить: «Танцы».

Лхарр отодвинул свой стул.

— Прошу. Мы начнем первый тур. — Он встал

и протянул мне руку.

Под жестким корсетом мой желудок забурлил. Кроме того, я не хотела быть рядом с этим человеком, если этого можно было избежать. Но я должна быть вежливой.

— Милорд, я съела лишнего…

Он взмахнул рукой:

— Прошу, мадам.

— Я не знаю ваших танцев, милорд, — пробормотала я. На лице Лхарра была видна интересная смесь раздражения и веселья.

— Это я знаю. Но первый танец — необходимая часть нашего свадебного ритуала. Пойдемте. — Он пододвинул свою руку ближе. — Мы заменили традиционную тракку тем, что вы называете вальсом.

Я все еще сидела, и Лхарр обхватил рукой мое запястье.

— Наши гости ждут. — В его голосе и глазах была твердость. Об отказе не могло быть и речи.

Я чувствовала, что если я не встану, он силой поднимет меня со стула и потащит по полу. Я неохотно подчинилась. Он резко сдернул мою бархатную накидку со шлейфом и приказал пажу отнести ее, затем повел меня на изразцовый пол. Он плавно двигался под музыку, делая старомод-

ные па легко и грациозно. Это разбудило во мне мучительные воспоминания о моих вечеринках и Лансе.

Гости объединялись в танце, по две или три пары одновременно, и многие из них танцевали, сильно и грациозно кружась, что я всегда связывала с вальсом. Но даже с умелым партнером и не кружась, я не могла радоваться танцу. Съеденная пища подкатывала к горлу. Головной убор оттягивал мою шею, и от этого началась невыносимая головная боль. Я мечтала только о том, чтобы сесть.

— Милорд…

Но выражение его лица ясно дало понять, что он не станет слушать меня, и мое обращение осталось без ответа. Мы продолжали танцевать. Число гостей, привлеченных музыкой, все увеличивалось. Музыканты ускорили темп, и все закружилось быстрее. Этого я уже не могла вынести.

— Лорд Карн, я должна сесть, или меня вырвет. Пожалуйста.

Он взглянул на меня, вероятно, для того, чтобы увидеть, правду ли я говорю.

— Конечно, миледи.

Он выпустил меня из объятий и повел к моему

креслу. Он вежливо помог мне сесть.

— Я надеюсь, вам скоро станет лучше, мадам, — сказал он. — А я, между тем, должен исполнять роль хозяина. — Он поклонился и отошел от стола.

Вскоре я увидела его, пробирающегося через толпу к двум джентльменам средних лет, которые пьяно отмахивались друг от друга своими тяжелыми кружками. Из-за смеха, криков, музыки услышать то, что он сказал им, было невозможно, но мужчины как-то съежились, зашаркали ногами, затем повели плечами, засмеялись и пожали друг другу руки.

На другом конце зала жонглер забрасывал звенящие серебряные колокольчики в кольцо над своей головой. Рядом с ним на маленькой площадке группа акробатов показывала свои трюки. Их гибкость так меня поразила, что я не обратила внимания на то, что за моей спиной стоит мужчина, до тех пор, пока он не заговорил со мной.

— Не окажете ли мне честь своим следующим танцем, миледи? — сказал он на штернланге.

Когда я обернулась, чтобы посмотреть на него, он вежливо поклонился и протянул руку. У него было спокойное приятное лицо с, казалось, типичными для Гхарра карими глазами. Одет он

был в зеленую тунику, а меха и драгоценности на нем указывали, что он или дворянин или богатый коммерсант.

Я улыбнулась и покачала головой.

— Извините, я себя плохо чувствую. Может быть, позже…

Мужчина сделал сочувствующий вид:

— Может, тогда я смогу приободрить вас песней? Песня может облегчить душевные муки. — Не дожидаясь ответа, он подозвал одного из бродячих музыкантов и попросил принести лютню.

Мне не нужно было общество.

— Я бы лучше…

Он очаровательно улыбнулся, повернул лицо к лютне и, слегка ударяя по струнам, негромко запел. Его голос, приятный мягкий тенор, и песня успокаивали, хотя я не понимала цыганских слов.

Время от времени вспыхивающий зеленым светом камень на его кольце также действовал успокаивающе. Я расслабилась и закрыла глаза. Незнакомец пел и пел, и шум вокруг нас стих, была слышна только песня. Я почти уверилась в том, что это специальный человек, развлекающий гостей, достаточно богатый и известный,

когда он положил лютню. Наступила тишина, затем взрыв аплодисментов, а потом вокруг нас снова были слышны смех и крики.

— Ну как, теперь лучше? — В его голосе слышалась вежливая заботливость.

Я открыла глаза и улыбнулась ему.

— Да. Ваша песня восхитительна.

Он улыбнулся в ответ и вернул лютню ее владельцу.

— Прекрасный комплимент от прекрасной дамы. Я много репетировал. А в качестве вознаграждения я требую танец, пока ваш лорд не появился здесь.

Он был намного наблюдательней меня. Лхарр быстро пробирался через толпу к главному столу. Он выглядел необычайно взбешенным. Я решила, что нарушила некоторые правила женского этикета, разговаривая с этим мужчиной, но песня так успокоила меня, что я не тревожилась об этом.

Я повернулась к певцу.

— Танец за такую песню — небольшая плата. Но только медленный и спокойный.

Он засмеялся и грациозно поклонился.

— Как прикажете, Ларга.

В первый раз ко мне обратились, используя мой новый титул. Незнакомец помог мне встать

на ноги. Я оценила свое положение. Я все еще неважно себя чувствовала, но тошноты не было. Все должно было быть в порядке.

Мужчина шутил и непринужденно разговаривал, пока мы пробирались к площадке с музыкантами. Распорядитель склонился перед нами и подобострастно улыбнулся в ответ на приказание незнакомца, сказанное ему шепотом.

— Слушаюсь, милорд.

Мой ум, как бы дремавший после приема большого количества пищи, вдруг встрепенулся, когда я услышала этот титул. Он был не коммерсант и не нанятый для развлечения гостей человек, он был член Дома. Вероятно, Лхарр просто искал повод для своего раздражения. Леди Агнес очень доходчиво объяснила мне, чего нельзя делать, чтобы не попасть в неловкое положение. Я не чувствовала себя виноватой. Я дотронулась до руки незнакомца.

— Милорд? Кто вы?

— Зачем друзьям титулы? Зовите меня Ричард. — Он завел меня на площадку для танцев. — Моя мать появилась здесь так же, как и вы, — сказал он, не давая мне времени для дальнейших раздумий, — хотя ее народ — близкие родственники Гхарра. Но почему говорим обо

мне? Я думаю, нет ни одного человека из девяти Семей, кто не хотел бы узнать что-нибудь о вас. Карн держит все в такой тайне, что вы представляете собой самую большую загадку. Я бы хотел быть первым, кто что-нибудь узнает о вас. Как вам нравится ваш новый Дом?

— Дом? Фру — мой дом, милорд.

— Хм. Интересно. Так как вам здесь нравится?

Разговаривая со мной, он уже знал ответы на свои вопросы.

Мне не нравилось быть в таком положении. Я могла сказать ему что-нибудь такое, что он смог бы использовать для сплетен. Я дотронулась до транслита на моей шее.

— Я одинока, потому что никто не знает ни моего родного языка, ни галака, ни штернланга, кроме Лхарра. Жили вы когда-нибудь там, где страстно хотели услышать родной язык и где никто не говорил на нем?

— Со мной такое было, я провел год в школе вне Вселенной. До эмбарго Гильда на пассажиров Семей. Я понимаю, о чем вы говорите.

Он закружил меня в сложном вращении. Это было ошибкой, если этим он намеревался довести меня до изнеможения, чтобы получить информацию, потому что у меня закружилась голова, и

моему желудку это, конечно, не понравилось.

— Я должна сесть, милорд.

Он улыбнулся, мы дотанцевали до края площадки для танцев, и он положил руку мне на спину, чтобы направить меня к помосту.

— Расскажите мне о своей семье, — сказал он.

Я не видела, каким образом эта информация может нанести какой-либо вред, и чувствовала себя достаточно хорошо для того, чтобы рассказать о своем доме до того дня, когда моя жизнь без моего согласия так круто переменилась.

— Питеру, моему старшему брату, 28 лет, и он капитан «Феникса». Жаку шесть, и моей младшей сестре Шарин восемь.

— Вы должны гордиться Питером.

Я чуть улыбнулась.

— Да.

Ричард вел меня вокруг группы акробатов.

— Вы уже переехали на новую квартиру?

Внезапное изменение темы разговора смутило меня.

— Новую квартиру?

— Да. Теперь, когда вы замужем, вы переедете в поместье, не правда ли? — В его голосе звучали странные нотки, а глаза…

Было ошибкой вести разговор о доме и семье. Я

чувствовала, что вот-вот заплачу. Было ошибкой выйти из-за стола с этим мужчиной. Его рука скользнула в бессознательном движении по моей спине и обвила талию. Я не могла вспомнить, не сделала ли я чего-нибудь, что, по крайней мере на Фру, считается флиртом, а он это неверно истолковал как мой интерес к нему. Если флирт с незнакомыми людьми считался неприличным для замужней женщины на Фру, то уж здесь, вероятно, это грозило неделями на хлебе и воде.

— Ваша рука не на месте, милорд. Уберите ее. — Я хотела, чтобы мой тон был резким и, по возможности, жестким, но это вышло как-то неуверенно, выдавая и мое нездоровье, и близко подступившие слезы.

Ричард засмеялся и убрал руку. Он перестал задавать вопросы. Лилась музыка, звенели бубенчики на жонглере, вблизи нас оглушительно кричал человек, много выигравший в кости. Я удивлялась этим людям, которые могли есть за четверых, потом играть, и танцевать, и петь, в то время как единственное, что мне хотелось — сесть. Я вся дрожала от тошноты и усталости. Мы шли по галерее к возвышению.

Ричард нагнулся так, что его губы были у моего уха, чтобы я лучше могла слышать его через

шум Зала.

— Вы уже видели лейб-гвардейцев лорда Карна?

— Лейб-гвардейцев? — Я приостановилась. Я вспомнила ужас пробуждения в кабине Черного Корабля, когда вокруг меня были солдаты, личные солдаты Лхарра. — Да. Я их видела.

— Я слышал, они очень хороши. Очень ловкие, изящные. — Его тон снова стал резким.

Не нужно было жить в военизированном мире, чтобы понять, что эту информацию не следует разглашать. Я равнодушно пожала плечами.

— У нас, на Фру, нет солдат, поэтому мне не с чем сравнивать. Расскажите мне о вашем кольце, Ричард. Я никогда такого не видела.

Это была очень неуклюжая попытка сменить тему разговора, но на большее мой вращающийся разум способен не был. Легкая судорога, пробежавшая по губам Ричарда, показала мне, что он все понял, но решил удовлетворить мою просьбу и поднес свою руку, чтобы я лучше могла разглядеть его кольцо. Золотая змейка с рубинами вместо глаз выползала из глубины камня темно-зеленого цвета.

— Зеленый и золотой — цвета моего Дома. Я видел это в окне ювелира на Ригель IV. Ювелир

превзошел самого себя, сделав эту вещь только для меня. А я снимаю это кольцо с пальца, — он это продемонстрировал, — и отдаю его той, которой хотел бы оказать особую честь. Или думать, что оказываю честь. Затем я закажу другое, такое же. Я дарю такую малость, что не думаю, что кто-нибудь поймет это не так, как нужно. — Он протянул мне кольцо. — Вот, возьмите его…

— Моя жена не станет принимать подарки от вас, Ричард. — Мы с Ричардом отпрянули. Лхарр положил свою руку по-хозяйски на мою талию, — Я хочу поговорить с Ларгой. Наедине.

Ричард снова надел свое кольцо на палец с таким видом, будто он снимал его только затем, чтобы показать мне работу ювелира, постоял несколько секунд, показывая Лхарру, что его ледяной взгляд не смутил его, затем галантно мне поклонился и не спеша отошел.

Выражение лица Лхарра испугало меня. Я быстро говорила, пытаясь оправдаться.

— Его лицо, его манера себя держать, все в нем говорит о том, что он считает себя неотразимым, правда, лорд Карн?

— Так вот почему вы провели с ним столько времени, мадам? Поэтому вы с ним избегали меня? Он очаровал вас?

— Избегали вас? — Я покачала головой. Не понимаю, с чего вы взяли, что мы вас избегали? Что до Ричарда, то он забавлял меня, и его комплименты произвели на меня некоторое впечатление.

Лхарр завел меня в нишу.

— О чем вы говорили? — Его интонации собственника затронули мою гордость.

— Я не понимаю, что вам за дело до этого?

— Мой злейший враг ухаживает за вами, поет и танцует. Он расспрашивает вас, предлагает подарки, а вы говорите, что это не мое дело?

— Наше «перемирие» не будет слишком продолжительным, милорд, если вы и не пытаетесь доверять мне. У меня достаточно здравого смысла, чтобы не принимать подарки от незнакомых людей. И меня не следует считать непроходимо глупой. Ричард не получил никакой информации, кроме той, которую он мог легко узнать в любом другом месте и, вероятно, более точно. Что я знаю о вашем мире, кто ваши враги? Он лишь пытался познакомиться со мной. Вы, вероятно, можете себе представить…

Но он не мог себе представить. Его лицо делалось все холоднее и жестче.

Я вскинула руки.

— Милорд, мне никогда не приходило в голову, что врагов могут пригласить на свадьбу. — Я кинулась в контратаку, говоря, что он должен был указать мне опасных людей. Но он не принял вызова. Это был его мир, и я не знала, какое наказание ждет жен, осмелившихся дерзить.

Лхарр глубоко вздохнул. Он едва сдерживал душащий его гнев.

— Мы в безопасности, вы и я, если он здесь, — сказал он наконец, потому что его никогда не бывает в поместье, когда его наемники выполняют свою работу. Он научился этому за много лет.

Наемники. Бог мой! Одно дело знать их по книгам, совсем другое — разговаривать, возможно, в присутствии одного из них.

— Вы уверены? — Я пыталась скрыть дрожь в голосе. Лхарр мог решить, что он дрожит от страха, но это было не так. Самым ужасным было то, что мир, в котором возможны такие вещи, продолжает существовать.

— Вполне. Хотя я принял некоторые меры предосторожности.

Как спокойно он сказал о «мерах предосторожности» против убийц. Но я должна буду тоже научиться говорить об этом. Возможно, мне придется жить здесь долго.

— Если он ненавидит вас, почему бы ему не получить удовольствие, самому убив вас?

Рука Лхарра на мгновенье сжалась. По-видимому, по его понятиям, это была верная реакция.

— Да, он попытается, но не раньше, чем будет уверен, что полностью разрушил мой Дом. Убить меня недостаточно. Сначала он хочет увидеть руины моего Дома.

Я закрыла глаза и пыталась подавить раздражение, вызванное таким сообщением. Уничтожить сотни жизней? В угоду ненависти одного человека? Я изо всех сил старалась продолжать разговор. Я должна знать намного больше, чем я теперь знаю, чтобы жить здесь.

— Что заставило вас так ненавидеть друг друга?

Лхарр запустил руку в свои волосы.

— Мне трудно это объяснить такой, как вы. — Осторожно взяв меня под руку, он вывел меня из галереи обратно к свету и шуму Зала. — Мы не должны были уходить так надолго. — Он умело обошел пьяного гостя, который, ослабев, храпел, прислонившись к одной из колонн. — Наши предки начали кровавую междоусобицу, точнее, прадеды. Они прибыли с первыми Черными Кораблями. Десятый Лхарр, мой прадед, завла-

дел единственной женщиной, захваченной в том путешествии, пленницей герцога Харлана. Остальное намного сложнее. Ну, и в результате Дом Харлана, по мнению Ричарда, не может успокоиться, пока не погибнет все, на чем стоит Дом Халарека. На самом деле, Ричард считает, что у него есть свои причины для того, чтобы уничтожить нас. — Лхарр отогнал эти мысли. — Но сегодня должен быть счастливый вечер. Я больше ни слова не скажу об этой кровавой ссоре.

Мы поднялись на помост. Он пододвинул мне мое кресло.

— Попытайтесь забыть все, что я вам рассказал. Желаю вам хорошо провести время.

Я взглянула на него. Он был вполне серьезен. Он и в самом деле думал, что я могу хорошо проводить время, будучи насильно взятой в жены и после того, как мне рассказали, что в замке могут быть наемные убийцы. Пусть даже только тогда, когда лорда Ричарда здесь нет.

Лхарр ответил на вопрос, который прошептал ему Гарет, затем сел, чтобы полакомиться фруктами. Гости, множество гостей подошли к столу, трезвые и пьяные, мужчины и женщины. Дамы делали мне комплименты, поздравляли с удачным замужеством, превознося до небес доб-

родетели Лхарра. Мужчины хотели танцевать, и я должна была танцевать с каждым из них. Таков ритуал. Их было так много, что их имена и лица безнадежно растворились в дыме их трубок и витающем вокруг кислом запахе. Все это, вместе с жарой от моих нижних юбок и мучительной попыткой удержать на голове высокий головной убор, в конце концов привело к нестерпимой головной боли.

Я танцевала с официальным представителем Гильда, когда от усталости и напряжения я чуть не упала на него. Он выразил сочувствие, хотя был сильно не трезв, и помог мне вернуться на место за столом. Так как я рассказала ему, что имела дело с Гильдом, он записал адрес Гильдхолла на моей салфетке, передал ее мне с витиеватым поклоном и удалился. Я сидела несколько минут с закрытыми глазами, пытаясь прогнать головную боль. Когда я наконец взглянула на холл снова, он был почти пустой. Пока я без остановки танцевала, большинство гостей уехали домой или ушли спать. Лхарр отдыхал сзади меня, в руках у него была запотевшая от содержащейся в ней прохладной жидкости кружка. В моей голове пульсировала боль.

Я встала, слегка шатаясь.

— Извините меня, милорд, я иду спать.

— Не извиняю.

Моя голова болела так, что я ни о чем не могла больше думать. И от усталости и боли я надерзила ему.

— Я не собиралась спрашивать у вас разрешения, милорд. Это всего лишь форма вежливого обращения.

В тот момент, когда вырвались эти слова, я поняла, что разговариваю слишком дерзко, да еще в присутствии гостей, но была слишком усталой и несчастной, чтобы выбирать слова. Если бы только можно было скрыться от всех в каком-нибудь месте и сосредоточиться, я смогла бы избавиться от головной боли. Я повернулась, чтобы уйти.

Лхарр вскочил на ноги и схватил меня за руку.

— Вы не уйдете, пока последний гость не пойдет спать или не упадет под стол.

Я попыталась высвободиться.

— Я была любезна с пьяными мужчинами. Я танцевала до упаду. Я терпела гам и вонь до тех пор, пока моя голова не стала раскалываться. Это все, что я для вас могу сделать за вечер.

Рука Лхарра сжала мою сильнее.

— Вы заблуждаетесь, мадам. Сядьте.

Он с силой дернул меня за руку вниз, так, чтобы

я села, но я смогла устоять. На мои глаза набежали слезы, отчего я еще больше рассердилась, потому что не хотела, чтобы он меня видел плачущей.

— Пустите!

Его глаза и голос были холодными как лед.

— Делайте, что вам говорят!

— Я не останусь здесь! — Я изо всех сил пыталась освободить свою руку, чтобы сбежать от этих холодных золотистых глаз.

Но его хватка была железная.

— Ведите себя прилично, мадам. Вы позорите меня.

Я окинула взглядом гостей, оставшихся в Зале. Здесь и там догорали свечи, утопая в расплавленном воске. Представительный мужчина свалился со своего стула с булькающим звуком, да так и остался лежать.

— Эти пьяницы не заметят, если даже потолок рухнет на их головы. Пустите меня!

Я попыталась оттолкнуть его руку, но не смогла. Я смотрела на него с вызовом, кусая губы, чтобы не расплакаться. Он с силой потянул меня вниз. Когда я не села, он дал мне пощечину. Я задохнулась от возмущения. Он *ударил* меня! Моя щека нестерпимо болела, не эта боль бледнела перед моим гневом. Он *ударил* меня!

В ответ я сама что было сил ударила его. Лицо его побелело, глаза и губы сузились. Он зажал обе мои руки одной своей, а другой, свободной, отхлестал меня по лицу. Боль в моей голове удвоилась.

Но эта боль была ничто по сравнению с моим потрясением. Я *ударила* человека. Я *ударила* человека. Спокойная, рассудительная, культурная — мое представление о самой себе рушилось. Я позволила злобе выйти из-под контроля. И более того, я желала *снова* ударить его. Головная боль и ужас перед собственным поведением ошеломили меня. Я заплакала и никак не могла остановиться.

Спустя несколько минут я осознала, что Лхарр разговаривает со мной. Я взглянула на него, но хотя я могла и видеть, и слышать, что он говорит, для моей пульсирующей головы звуки ничего не значили. Он поднял свою руку снова, но затем опустил ее и освободил мои запястья. Мне была необходима хоть какая-нибудь опора. Мои колени подгибались. Я почти падала, когда он рукой подхватил меня. Я обрушилась на него так, что это его испугало. Он шептал мне что-то на ухо, но я, все видя и слыша, ничего не могла понять. Лхарр бережно усадил меня в кресло, затем снял

тяжелый головной убор с гнезда из заплетенных кос и положил его на стол.

Я пребывала в состоянии, похожем на сон. Было тихо и спокойно, затем послышались низкие голоса, меня осторожно подняли, рядом оказалось плечо, на котором убаюкивали мою больную голову. Потом ласковые руки расшнуровали корсеты и расплели мои туго заплетенные косы. В голове начало проясняться. Мужчины говорили о чем-то по-цыгански, настаивая, Лхарр отказывался. Как я почувствовала сквозь сон, кто-то закончил готовить меня для сна и накрыл одеялом. Рука легко погладила меня по щеке, и затем прикроватные занавески с мягким шуршанием закрылись.

Глава шестая

Я сладко потянулась и вновь поуютнее устроилась в постели. Разрисованные постельные занавеси приглушали обычную трескотню служанок. Я медленно открыла глаза. Свет проникал сквозь небольшую щель в занавесях. Эта кровать была не моя. Она была больше, а занавеси были, как у Халарека, голубые.

— Леди Жанна, вы проснулись? — И они все захихикали. Я перекатилась по постели и приподнялась на локтях. Тамара заглянула за занавеску.

— Вы одна?

Кто?.. — Потом я вспомнила последнюю ночь и тут впервые заметила, что другая половина постели была измята. Мне не хотелось думать об этом. Когда Тамара откинула занавес, я села и огляделась. Комната была значительно больше моей, но мои гобелены оживляли эти каменные стены, а каменный пол устилали привычные ковры. Самым приятным было воспроизведение окна моей комнаты, через которое проникал поток солнечного света. Тамара поставила тапочки передо мной.

— Не будет ли лорд Карн так любезен принести

ваши вещи на вашу новую квартиру, миледи? Вы не могли не заметить вашего окна. Остальное — так серо в сравнении с ним.

Я недоверчиво посмотрела на служанку.

— Лорд Карн устроил все это?

— Да. Он выбрал ваши вещи перед вашим приходом, даже сконструировал окно для вас. Он хочет, чтобы вы чувствовали себя как дома, миледи.

Камеристка сделала свою работу на редкость быстро. Я села за туалетный столик, и Жаклин принялась приводить в порядок мои волосы.

— В котором часу я пришла прошлой ночью, Жаклин?

— Я не знаю, миледи. Вы и милорд уже спали, когда мы вошли.

— Разве не ты укладывала меня?

— Нет, миледи. Это должен был сделать его светлость.

Я подумала о чьих-то заботливых руках и покраснела. Жаклин продолжала говорить без умолку.

— Мы встретили свидетелей, когда поднимались сюда. Они сказали, что вы остались вдвоем.

— Свидетели?

— Да, миледи. Это стало обычным после свадеб

Семьи. Но они сказали, что лорд Карн отослал их прочь. Он сообщил им, что целостность печати была заверена на его Черном Корабле перед тем, как он покинул орбиту Фру.

Я сидела ошеломленная. Он не только лишил меня невинности без моего согласия, но и другие *наблюдали,* как он делает это! Варварство такого ритуала лишило меня дара речи. Выходка подобного сорта была распространенной среди дворянских семей Земли в древние времена, но все-таки это было тысячи лет назад.

Шок сменился гневом. О каком «перемирии» могла идти речь, если он продемонстрировал свое презрение столь явно? Как может один человек унижать другого до такой степени?

Кто-то громко постучал в дверь. Я была слишком взбешенной для того, чтобы ответить, поэтому Тамара сделала это за меня.

— Кто там?

— Лхарр. Ларга готова?

Гнев охватил меня с новой силой. Мною распоряжались так, как будто я была вещью. Он *владел мною как собственностью* и доказал это при свидетелях! Я была не в силах что-либо произнести.

Жаклин поспешила к двери. Когда Лхарр вошел, она и другие женщины сделали глубокий

реверанс. Он был одет в кожаный пиджак поверх одежды для верховой езды и в высокие блестящие ботинки. Вопросительно взглянул на женщин. Затем его глаза встретились в зеркале с моими.

— Почему вы не готовы?

Я не понимала, о чем он спрашивал, но было ясно, что у него свои планы, о которых он даже не посоветовался со мной. Он не утруждал себя любезностями по отношению к жене. Я уже потому была ниже его, что была женщиной; я была собственностью, вещью, у которой прав не больше, чем у коровы или собаки. Эта мысль представила мое будущее в черном цвете.

Затем гнев и жизненный опыт пришли мне на помощь. Судя по всему, мне придется жить в мире, где женщин рассматривают как детей или движимое имущество, но я не намерена терпеть это по отношению к себе.

Я надменно повернула голову, как те женщины, что так холодно осматривали меня прошлой ночью, и посмотрела на Лхарра со всею холодностью, на которую была способна.

— Готова для чего, лорд Карн?

Он оцепенел. Воцарилось долгое молчание. Мои женщины принялись беспрестанно двигаться или суетиться с тем, что было у них в руках.

Неужели мое желание знать это чем-то их обеспокоило? Наконец Донна, моя камеристка, сделала несколько шагов в сторону Лхарра, открыла рот, запнулась, закрыла рот и сделала глубокий реверанс. Находясь в этом положении, она сказала:

— Прошу прощения, лорд, но мы ничего не говорили Ларге Жанне о том, что нужно собираться. И никто не будил ее.

Донна дрожала, и ее глаза, хотя и смиренно потупленные, нервно сновали из стороны в сторону. Меня интересовало, как Лхарр отреагирует на ее нахальство. Ударит? Ведь она всего лишь рабыня.

— Мы сегодня охотимся с графом Джастином. Я просил часового разбудить Ларгу при смене караула. Он будет наказан за забывчивость. И вы не выполнили свои обязанности, мисс. Такое не должно повторяться.

Донна опустилась еще ниже к полу, коснулась своей шеи и зашептала что-то по-цыгански.

— Никогда не выключайте транслит в присутствии вашей леди, мисс! — резко произнес Лхарр.

Донна, покраснев от ярости, покорно щелкнула крошечным выключателем и выбежала из комнаты, забыв, что не была отпущена. Жаклин

быстро заговорила:

— Простите ее, пожалуйста, милорд. Она еще молода, и ей предстоит многому научиться.

Лхарр довольно усмехнулся.

— В ее неловкости есть шарм. Она прощена. Госпожа Жаклин, госпожа Тамара, немедленно оденьте вашу леди для участия в охоте.

Тогда я встала, мое сердце сильно билось.

— Я не умею охотиться.

Я сжала губы, чтобы они не дрожали, и ждала. Интересно, какими здесь будут последствия неподчинения желаниям мужа, когда даже вопросы к нему так расстраивают моих женщин?

Рот его сжался.

— Научитесь. Леди, делайте, что приказано!

Мои женщины встрепенулись от его резкого голоса и бросились исполнять приказ. Я собрала все свое мужество. Я должна настоять на своем сейчас, в самом начале. Я могла бы узнать о последствиях здесь, теперь, в приватной обстановке.

— Я не охочусь, потому что не умею убивать. Так же, как и весь наш народ.

Лхарр посмотрел на меня так, как будто я вообще ничего не говорила. Я почувствовала себя так, будто ничего не делала. Я понимала, что он делал

мне ясный, едва уловимый намек. Если бы он не слышал того, что я сказала; ему ничего не надо было делать. Я открыто бросила ему вызов на свадебном пиру, и он должен был наказать меня за это. Так устроен этот мир. Мой гнев ослабел. Мне давали шанс повиноваться. Он мог бы заставить меня силой. Вероятно, так бы и случилось, если бы я не выполнила его приказов. Я отвела глаза от его спокойного, невозмутимого лица. Мне захотелось посмотреть на необходимость повиноваться с другой стороны: каждая встреча или место моего посещения могут впоследствии оказаться полезными. Это будет мне компенсацией за участие в охоте.

Тамара достала ярко-голубую юбку с подобранными под пару шляпой и жакетом. Жаклин направилась помочь мне надеть платье. Тамара принесла пару остроносых ботинок и стала на колени, готовясь снять мягкие тапочки. Лхарр не двигался и не собирался уходить.

— Подождите, — приказала я.

Женщины перевели взгляд с меня на Лхарра, снова на меня и снова на Лхарра. Я с трудом сдерживала раздражение.

— Вы не могли бы выйти, сэр?

Лицо Лхарра выразило изумление.

— Но вы моя жена, мадам.

Я открыла рот, чтобы отпарировать, вспомнила стоящих рядом фрейлин, чьи-то заботливые руки ночью и проглотила слова. Кажется, он знал, как выглядит каждый сантиметр моего тела.

Но это ничего не меняло для *меня.*

— Для меня вы пока посторонний, милорд. Я не буду переодеваться в вашем присутствии. Это будет меня слишком стеснять.

Лхарр пожал плечами и вышел. Ему хватило учтивости не упомянуть предыдущую ночь. Внутренний голос подсказывал мне, что он сдержал обещание. Он не насиловал меня, а только для видимости спал на той же кровати. Но это еще больше рассердило меня. Ничего хорошего я не хотела больше слышать об этом мужчине. Он лишил меня моего будущего. Он лишил меня любви и семьи.

Женщины возобновили переодевание, но все эти прикосновения рук раздражали меня до тошноты.

Я оттолкнула их руки.

— Все! Уйдите прочь! Я всю жизнь одеваюсь сама. Я сделаю это быстрее без вас.

Последовало молчаливое изумление.

— Миледи…

— Никогда…

— Вы не должны…

Да, я вспомнила, что произошло перед этим. Я послала за Лхарром.

— Не сердитесь на них, милорд, но так будет быстрее.

Он без колебания кивнул. Женщины присоединились к Донне в своей комнате, а я впервые за месяц оделась сама. Тут же я почувствовала себя бодрой. Я развернулась к Лхарру и неожиданно ощутила удовольствие от кружения тяжелой голубой ткани вокруг ног.

— Я готова, лорд Карн.

Лхарр повернулся и заулыбался.

— Вы возвышаете в цене цвет моего Дома, Ларга. Мы можем идти? — Он открыл дверь, поклонился и пропустил меня перед собой.

Флиттером оказался странный, треугольной формы самолет. Мы убрали короткую лестницу на крыло и вступили в кабину. Затем мы уселись на своих местах, Лхарр рванул рычаг управления и повернул шарообразные ручки. Высоко над нами две огромные двери скользили в стороны. Флиттер взмыл вверх и вылетел в поток солнечного света. Лорд Карн насвистывал что-то невнятное, вертя в руках руль управления флит-

тером. Наконец, удовлетворенный, он отвернулся от пульта и откинул назад свое сиденье. Черные одноместные флиттеры, несущие на крыльях узкую зеленую полосу с обеих сторон широкой ярко-голубой полосы, сновали между нами и голыми деревьями где-то внизу, замыкая круг около корабля.

Лхарр вздохнул.

— Было бы неплохо полетать одним, без охраны и силовой защиты. — Он кивнул на корабли эскорта, его лицо помрачнело. Я посмотрела на них. Теперь это было и моей жизнью, это тонкое прикрытие от страшной смерти. Я подумала о моем собственном безмятежном детстве, и, на какой-то момент, мне стало жаль этого человека, который был окружен правилами и телохранителями всю свою жизнь.

— Вы когда-нибудь были свободны от этого, лорд Карн?

Он взглянул на меня так, как будто удивлялся, что я вообще разговариваю, и выглянул в окно, прежде чем ответить.

— Лишь однажды, в течение нескольких лет, когда я был кадетом. Если бы не это, я никогда бы не смог представить себе, что можно оставаться одному. — Он бросил сочувственный взгляд на

меня. — Интересно, но я не думал до этого момента о том, как это может быть трудно для вас, никогда не жившей здесь. — Его голос осекся. Он вновь вздохнул, избегая моих глаз. — Вы ведь ездите верхом, не так ли?

— Я послала достаточно требований Гарету, чтобы мне позволили это делать в эти тоскливые месяцы.

Я тут же пожалела о своем тоне. Ведь он рассказывал мне что-то личное и важное, а я в ответ упивалась сарказмом. Я чувствовала себя пристыженной. Я напоминала себе, что не стоит конфликтовать с человеком, в чьих руках твоя жизнь или смерть. Я ответила иначе.

— Да, я езжу верхом. Мой брат Питер ездил со мной повсюду, куда только могла заехать лошадь, когда мы были еще детьми. Вы охотитесь верхом? — Последнее могло бы сделать длинную юбку совсем ненужной.

— На птиц всегда.

Он взглянул на меня так, как будто пришел мой черед сказать что-нибудь. Я вспомнила, что мне приказали ехать для того, чтобы увидеть птиц, убитых из спортивного интереса. Жалость, которую я ощущала, быстро улетучилась. Я не была расположена разговаривать с моим похитителем

и хозяином. Наступило молчание. Сцепленные руки Лхарра лежали на коленях, и между глаз пролегла пара морщин. Было ясно, что он не умеет вести светскую беседу. В любой другой ситуации мне было бы неловко за него. Поскольку ему нечего было сказать, я решила высказать ему все, что чувствовала по поводу насилия и свидетелей, а заодно и по поводу манеры отдавать приказы. А это было именно насилием на том корабле, хотя я подверглась обработке газом так, что не испытывала страданий. Или не стоит все это затевать?

— Милорд, я…

Внезапно раздались звуки зуммера, и на контрольной панели замигал голубой свет. Лхарр повернулся.

— Чуть позднее, мадам.

Флиттер плавно опустился вниз. Внизу лежала сельская дорога, уже заполненная флиттерами и несколькими самолетами большего размера.

Как только флиттер коснулся земли, горы, лежавшие слева от нас, вновь появились в поле зрения большой зубчатой стеной на горизонте. Флиттер легко остановился, и мы вышли на крыло. Лхарр спрыгнул и потянулся вверх, чтобы помочь мне, но я спрыгнула с другой стороны. Я

не хотела, чтобы он ко мне прикасался. Он был удивлен. Ему пора понять, что в этом мире и на этой земле я нахожусь против своей воли. Так говорила я себе. Я являюсь его женой только потому, что жизнь Ларги оставляет надежду, а жизнь крепостной — нет.

Телохранители Лхарра окружили нас. Один из них передал ему тяжелые перчатки и ружье какого-то образца. Другой дал ему покрытого колпачком сокола. Птица беспокойно переминалась, и ее колокольчики тонко позванивали.

— Спокойно, Джессика. — Птица успокоилась, услышав голос Лхарра.

Два мальчика в ливреях подвели для нас лошадей. В них можно было узнать лошадей только благодаря их мордам и гривам. У них была также толстая вьющаяся шерсть, выступающие хребты и по два коротких острых рога, как у козлов. Я посмотрела со страхом на седло, но делать было нечего. Я была гостем. Лхарр помог мне сесть на лошадь, сел сам, и мы тронулись по направлению к каменистому кургану, окруженному людьми и еще большим количеством лошадей. Лхарр остановился перед толпой и повернулся ко мне.

— Граф возглавляет Дом Джастинов. Дом Джастинов был однажды нашим союзником. Не более

того. Но, насколько я знаю, граф — необычный человек, поэтому не разочаруй его недисциплинированным поведением, — сказал он мягко.

«Зачем брать меня, если думать, что я опозорю?» — сердито спрашивала я себя. Лхарр читал мои мысли. Он мрачно улыбнулся.

— Ричард только что из тюрьмы, после десятилетнего заточения, и наша война, его и моя, завершается. Поддержка Дома Джастинов определит, чья сторона выиграет. Леди Агнес обучила вас нашим правилам поведения. Вы можете показать каждому, что женщина, воспитанная вне жестких ограничений, не обязательно представляет опасность. Или, наоборот. Поэтому, пожалуйста, оставьте свои аргументы и неповиновение до тех пор, пока мы не вернулись домой.

Охрана проложила для нас путь сквозь толпу. Когда мы приблизились к флагам и скопившимся на границе холма всадникам, Лхарр наклонился ко мне и спокойно произнес:

— Протяните графу вашу руку, дотроньтесь кончиками пальцев до его жены. И действуйте уверенней. Ведь вы теперь Халарек.

Я выпрямила спину и подняла голову примерно так же, как и другие женщины. Паж представил

нас графу и его супруге. Граф неожиданно поцеловал мне руку. Его жена коснулась своими пальцами меня, но холод ее касания и ее лица не были следствием погоды. Я посмотрела на Лхарра. Он не подал виду, что что-то заметил. Мы выехали из отведенного для графа пространства. Тут же наши телохранители сомкнулись вокруг нас.

Лхарр осмотрел толпу.

— Большинство нейтральных и младшие Дома, есть также союзники Харлана. Ни одного нашего. Мне это не нравится. А вон Пауль. — Лхарр пришпорил лошадь, затем остановился, повернулся. — На вас надет транслит, так что вас поймут, а я переведу для вас то, что скажут другие. — Он мягко сжал мне руку. — Успокойтесь. Веселее. Жизнь здесь и без того ужасно серьезна большую часть времени. — Он развернул кругом свою лошадь и прокричал, удаляясь галопом: — Я сейчас вернусь.

Он действительно возвратился с маленьким, бледным человеком, который был моложе его на несколько лет, и представил — Пауль IV, герцог Друма. Лорд Пауль поклонился и, повинуясь этикету, припал к моей руке. Затем они с Лхарром быстро, но спокойно заговорили по-цыгански.

Герцог поклонился мне снова, сказал что-то по-цыгански и поскакал в первые ряды охотников, которые уже двинулись поперек снежной равнины. Отряд Лхарра пристроился в хвосте. Лхарр ехал на лошади так близко ко мне, что наши ноги касались во время езды.

Он понизил голос.

— Пауль говорит, будто что-то затевается. Но это вряд ли серьезно, так как слишком много свидетелей. Если Джастин союзник с Харланом, то можно объяснить холодность этого общества. Все же важно, как использовать нейтральные Дома, но в зависимости от обстоятельств можно поступать так, как выгодно. — Он усмехнулся и слегка приподнял руку с уздой, как бы говоря тост. — Случилось так, что ваша идея о «зависимости от обстоятельств» близка мне.

Спустя несколько минут один из Дома Халареков, одетый в синее, прискакал из головы процессии. Он поговорил с Лхарром, который пожал плечами и повернулся ко мне.

— Сержант Кранз говорит, что мое отсутствие впереди процессии вызывает много толков. Они жаждут увидеть Джессику в деле. — Он дотронулся до одного из колокольчиков птицы, который тут же зазвенел, затем улыбнулся мне и сказал,

не глядя на солдата: — Передай им, сержант, что я провожу время с моей прекрасной молодой женой.

Я покраснела, растерялась и покраснела еще больше. Конечно, это была политическая игра. Так и должно быть. Но я вспомнила с внезапным огорчением, что даже Ланс никогда не называл меня прекрасной. Лхарр, казалось, что-то придумал.

— Хотя, почему бы Джесси сегодня не поохотиться? Сержант, возьми ее с собой и покажи им чемпиона в деле.

Остаток дня пролетел быстро. Лхарр следовал своим собственным советам и отдыхал. Он шутил и поддразнивал солдат. Здесь, вдали от мрачного поместья, я невольно обнаружила, что Лхарр интересный собеседник. Он описал преимущества хорошего сокола и ястреба столь ясно, что я скоро увидела отличия, которые делали Джессику лучшей птицей в воздухе. Он рассказал обстоятельно и прелестно о соколиной и обыкновенной охоте. Легкий ветер отбрасывал мои волосы и приятно покалывал в ушах. Наши лошади гарцевали на новой весенней траве. Впервые за многие месяцы я была на воздухе и получала удовольствие от каждого движения лошади, каждого луча солнца,

каждого прохладного дуновения воздуха.

Наконец-то я могла больше не сдерживать свою веселость.

— Я обгоню вас, если мы поскачем вон до того маленького холма, милорд. — И без дальнейших приглашений я пришпорила свою лошадь.

Лошадь рванулась вперед. Сквозь шум ветра и цокот ее копыт доносилась дробь копыт сзади. Это был Лхарр, который сначала догнал меня, а затем вырвался вперед. Дерево на полпути до холма приблизилось и промелькнуло. Лхарр был на полкорпуса впереди. Затем мне показалось, что он слегка притормозил. Жаль, что он давал мне фору, о которой я не просила.

Я рвалась вперед и кричала на лошадь. Один раз я стегнула ее поводьями и засмеялась, когда она обошла Лхарра.

Я успела заметить изумление на его лице и осознание того, что было слишком поздно, чтобы исправить ошибку. Его лошадь подтянулась до моего стремени, затем до вздымающейся лопатки моей лошади, но он не смог продвинуться дальше, и через несколько секунд моя лошадь обогнула холм. Я стала приостанавливать лошадь. Лхарр выглядел так, как я и предполагала — ярко-розовые щеки, взъерошенные волосы,

веселые глаза.

— Вы обманули меня, мадам. — Его лицо было укоризненным, но глаза смеялись. Я улыбнулась.

— Ну, нет, лорд, я самым честным образом одолела вас прямо на финише.

— Ведьма, — сказал он, но в его голосе сквозил смех.

Наша охрана быстро догнала нас. Охота двигалась к нам. Паж отделился от нее и быстро выехал нам навстречу. Он приветствовал Лхарра, откидывая плащ, затем что-то сказал. Лхарр быстро отправил его обратно, сказав несколько резких слов, и повернулся ко мне.

— Лорд Ричард захотел поговорить с вами наедине. Он самонадеян от той свободы, которую вы ему позволили вчера. Я сказал, что все, что желает сказать герцог, он будет говорить в моем присутствии.

Через несколько минут подъехали охотники, и Ричард выехал вперед. Я не протянула руки, стараясь не нарушать расположения духа Лхарра. Ричард не обратил на это внимания, снял мою руку с шеи лошади и поднес к своим губам. При этом он взглянул на моего мужа.

— Вы пожалеете о том, что не позволили нам побыть наедине, лорд Карн, — произнес он на

чистом штерланге.

— Можете ли вы нанести большую обиду мне при свидетелях, чем желая остаться с ней наедине? — парировал Лхарр.

Но, оказалось, он мог. Прежде чем я разгадала его замысел, герцог слегка подкинул мою руку и разжал мои пальцы с тем, чтобы поцеловать ладонь. Даже на Фру это была вольность, допустимая только для возлюбленных. Я только секунду сидела ошеломленная его неосторожностью, но этого было достаточно. Хотя я успела убрать руку до того, как его губы коснулись ее, дело было сделано. На лицах милорда и других гостей было написано, что моего поведения не одобряли. Какая-то женщина громко зашептала, и, хотя я не могла понять ее слов, я уловила цыганское слово «дерзкая девчонка», любимое слово леди Агнес. Остальные обменялись понимающими взглядами. Я резко повернулась к Лхарру.

— Конечно, милорд, вы не думаете…

Но его замкнутое лицо совершенно скрыло то, что он думал на самом деле. Я снова повернулась к герцогу, благодарная, что мой транслит сделал то, что я сказала, понятным каждому.

— Я не давала вам повода для такой фамильярности, милорд.

Герцог заговорил по-цыгански. Паж перевел на штернланг.

— Как прикажете, миледи. — Ричард насмешливо поклонился.

Я почувствовала себя в ловушке. В его тоне была демонстративно-подчеркнутая нежность, и он говорил по-цыгански, а не на штернланге, чтобы собравшаяся публика понимала его.

Гнев от того, что я была приперта к стене, делал меня беспомощной, а молчание Лхарра лишь усиливало его. Но глаза Лхарра горели, и у него побелели костяшки пальцев, когда он сжал свои поводья. Его ярость только развеселила герцога и его друзей. Наш приятель Пауль потихоньку отошел назад и старательно отводил глаза.

Ричард смотрел на нас с дерзкой улыбкой. Я удивлялась себе: как я могла какое-то время находить его привлекательным?

— Вы отправляли письма на Фру, Ларга Жанна? — спросил Ричард, и паж перевел. — Я имею в виду те, в которых вы просите помочь вам выбраться отсюда.

Я достаточно хорошо держала себя в руках, чтобы скрыть удивление. Я гордо подняла голову и свысока посмотрела на него.

— Я не посылала писем, милорд. — Что фор-

мально было верным. Я послала только одно письмо, так как представляла себе всю опасность такого поступка.

Лорд Ричард вскинул голову и, как бы размышляя вслух, произнес:

— В таком случае, имя Ланса ван Тиба вам ни о чем не говорит?

Я не смогла отреагировать так быстро, чтобы скрыть страдание, каким это имя отозвалось во мне, и ни я, ни Лхарр не могли не поразиться тому, что лорд Ричард знает о Лансе.

Ричард Харлан кивнул.

— О, так я и думал. — Он оглядел всех вокруг, как бы говоря: смотрите, какого сорта женщину привез нам Халарек.

Я сглотнула слюну.

— Я была с ним знакома, милорд. Он занимался сбытом промышленных товаров на Земле. — Я пыталась бравировать, но чувствовала, что в моем голосе слышится волнение. Лорд Ричард был близок к тому, чтобы обвинить меня в измене. Письма к моему «любовнику». Просьба о корабле, чтобы сбежать отсюда.

Герцог повернулся к Лхарру.

— Ваша невеста рассказала вам о своих просьбах о помощи?

Лицо Лхарра окаменело.

— Ваши вопросы некорректны, Ричард. Как могла Ларга Жанна рассказать мне о планах, которых не имеет? Она говорила мне о своей ностальгии, но даже вы не можете считать это изменой.

— Я никого не обвиняю в измене, лорд Карн. — Голос Ричарда был совершенно спокоен, но его глаза сверкали.

Злость Лхарра прорвалась.

— Не уклоняйтесь от ответа. Вы знаете, что просьба о помощи и есть измена и что это означает смерть для любого из нас. Формулируйте четко ваши обвинения.

Герцог легко вскочил на лошадь и ничего не сказал. *Я* ненавидела его холеное улыбающееся лицо. Мне был отвратителен жадный интерес к происходящему других гостей.

Они жаждут крови, думала я. Они хотят, чтобы был победитель и побежденный. Они хотят, чтобы один из них пролил кровь.

Я взглянула на своего мужа. По нему не было видно, что он собирается дать отпор клевете лорда Ричарда. Затем я посмотрела на других гостей. Если я правильно представляла себе устройство этого общества, никто не ждал, что я должна

защищаться. В моем мире такая клевета обычно доводила до суда. Неужели здесь считается в порядке вещей, когда один человек может заведомо оскорбить другого, не доказав справедливость своих обвинений?

Некоторым из мужчин хватило благородства выглядеть смущенными. Герцог продолжал улыбаться, довольный тем, что его выпады достигли цели. Этого уже я не могла вынести. Со всей силой я влепила ему пощечину, чтобы стереть эту улыбку.

Глаза лорда Ричарда расширились, а черты лица исказились от удивления. Ярко-красный отпечаток руки горел на его щеке. Я развернула свою кобылу, пришпорила ее, и она понеслась к взлетному полю.

Позже, во время сидения в одиночестве во флиттере, у меня была возможность устыдиться потери контроля над собой. Опять. Второй раз за два дня я ударила человека. Как мало, оказывается, требуется для того, чтобы спровоцировать меня на насилие. Мне было стыдно за свою неуравновешенность. Но я знала, что осуждая себя, я могла избежать таких случаев в будущем. Надо быть честной к себе самой. Я изменила своей вере, своей семье и себе.

Такое самоистязание было не из приятных, и вскоре я стала думать о том, что все-таки имел в виду герцог, обвиняя меня.

Возможно, это не было случайным выпадом против давнего врага, а было частью большого плана. И что бы я ни сделала, все будет выглядеть плохо.

Как он узнал о Лансе? Никто, кроме Лхарра, не знал об этом. А про письмо отцу? Об этом не знал даже Лхарр.

Лхарр наклонился, чтобы войти во флиттер, и резко сел в кресло. Его лицо было более серьезным, чем обычно. Я отвернулась, сердитая на саму себя за то, что так хорошо начатый день так скверно кончается. Сердитая на Лхарра, потому что он не смог меня защитить от клеветы. Я вспомнила недружелюбные взгляды гостей Джастина, и в душе зародилось чувство отвращения. Из-за темноты ночи переднее стекло превратилось в зеркало, и в нем было видно, как пальцы Лхарра бесцельно касались тумблера. Они монотонно кружили вокруг него. Наконец он прервал молчание.

— Вы сердиты. — Это утверждение, не вопрос. — У вас для этого есть все основания, но даже в гаком случае вы вели себя чрезвычайно грубо.

Это не должно повториться.

— Грубо! Значит, я должна терпеть, когда на меня наговаривают. Дома я подала бы в суд, чтобы защитить себя от клеветы. Даже здесь я не должна была сама защищаться. Я думала, что хоть кто-нибудь заступится за меня, раз я не согласилась с предъявленными обвинениями.

Голос Лхарра был низкий и напряженный.

— Вы не должны сами защищаться, мадам. Я буду защищать вас, но только тогда, когда силы будут равны. Завтра, на Совете. Он вскинул голову и посмотрел на меня своими необычными золотистыми глазами. — Вы, верно, хотели бы, чтобы я схватился с ним здесь, среди такого множества враждебно настроенных ко мне людей? Я был бы убит, а вы оказались свободны, о чем, вероятно, мечтаете. Только все равно вас не отпустили бы домой. Ричард или кто-нибудь другой завладели бы вами.

Я смотрела на него, пораженная. Они собирались разрешать ссору с помощью оружия! И, очевидно, один из них должен умереть. Мне стало дурно.

Ради всего святого! Я не могу участвовать в убийстве и не понимаю, почему улаживание таких вопросов приводит к убийству! Пусть все

останется, как есть. Никакая клевета не стоит человеческой жизни.

— Верно, леди Агнес объяснила вам…

— Она говорила мне об основных законах. Лорд Ричард намекал на измену. Она не рассказывала мне о последствиях измены. *Я* думаю, это тюрьма или что-то вроде этого. — Я взглянула в окружающую нас темноту. — Но каким образом это касается вас? Герцог оскорбил меня, а не вас. Ведь не любовь же движет вами.

— Любовь, мадам, не имеет к этому никакого отношения.

Я повернулась, чтобы посмотреть на него.

— Но нет никаких других причин, чтобы вы…

— Не будьте наивны! Я принял вызов Ричарда, потому что ваша честь — это моя честь. Если *вас* обвиняют в измене, *я* буду отвечать за это, — Лхарр щелкнул тумблером, которым играл, и флиттер взмыл вверх. — Вы принадлежите мне телом и…

— Телом, возможно. Вы варварски неприлично овладели им — Даже воспоминания об унизительных обрядах Простыни и Срывания Печати вызывали у меня дурноту.

Он смотрел непонимающе.

— Неприлично? В его голосе звучало непод-

дельное недоумение.

— Прошлой ночью. И на корабле. Вы и ваши «свидетели», милорд. Как будто я была породистой телкой, а не человеком.

Лхарр все еще недоумевающе хмурил брови.

— Свидетели обычно следят за ритуалом Срыва Печати в браках в семье в ближайшие дни после свадьбы. Я отослал их, потому что они были не нужны. Я уже рассказывал вам, что считал вас своей женой еще до того, как мы покинули орбиту Фру.

Я смотрела на ландшафт, проплывающий внизу в темноте, и меня распирало от досады и унижения.

— То, что это случилось еще тогда, не убавляет гнусности такому поступку.

— Может, вы действительно предпочли бы выйти замуж за Ричарда? Или за одного из его рабов? — Казалось, он спрашивает об этом абсолютно серьезно, без всякого сарказма.

— А вдруг это было бы хуже? — Но я теперь знала, что это было бы намного хуже. Особенно с Ричардом. Лхарр, по крайней мере, хоть иногда видел во мне человека. Для лорда Ричарда я бы всегда была только имуществом.

Лхарр снова начал играть с тумблером.

— Ричард знал о моем Черном Корабле. Все в Старкере IV знали. Это одно из условий оказания финансовой помощи Кораблю. Я абсолютно уверен, что у Ричарда был шпион на этом Корабле. И если бы я сразу не заявил о своих правах на вас прямо там, на Корабле, этот шпион унизил бы меня так, как это только возможно. Он отыгрался бы на мне за «шутку» моего прадеда над прадедом Ричарда.

Он пристально смотрел на тени с горящими окнами, которые эскортировали нас. Горы приближались к нам. Голубая сморщенная луна выглядывала из-за них, а в холодном воздухе отчетливо мерцали звезды. Не отрывая взгляда от окна, Лхарр мягко добавил:

— Конечно, старик вряд ли предполагал, что эта шутка будет стоить столько крови, сколько пролилось из-за нее с тех пор.

Смогу ли я когда-нибудь понять этих людей? *Я* молчала, откинувшись в кресле. Недоумение в глазах Лхарра показывало, что он не понимает моей реакции на такой простой, необходимый ритуал. Кража невест из политической выгоды или мести! Ритуал лишения девственности при свидетелях. Хорошо, что я этого не сознавала. Хоть это Лхарр сделал для меня. *Я* содрогнулась от

дикости всего этого и снова повернулась к окну. Что ждет меня вечером? А ночью?

Вдруг в окне все стадо черным.

— Милорд? — Я сказала это во внезапном испуге, забыв об унижении и злобе, терзавших меня.

Мягко ударившись, флиттер покатился по дорожке. Лхарр выключил приборы. Снаружи промелькнул свет — это последний корабль эскорта прибыл на посадку.

— Мы маскируем ангар ночью, а делаем посадку с помощью навигационных приборов. Хорошо освещенный ангар может быть легко замечен даже издалека. — После того, как он снял меня с крыла, он добавил: — Приходите на дуэль завтра, и вы останетесь до конца. Не смотрите так удивленно, мадам. Когда ваши чемпионы сражаются для вас, ваш долг присутствовать.

Снова отчуждение разделяло меня со смеющимся человеком.

— Это как игра, не правда ли, эта война и убийства? — Я не смогла сдержать дрожь в голосе. — Это варварство — преднамеренные убийства! — Я направилась к двери. Лхарр схватил меня за руку.

— Уже третий раз за день вы называете меня варваром. — Он старался говорить спокойно.

Я взглянула на него.

— А разве нет?

Вырвавшись, я прошла мимо солдат, окруживших флиттеры. Я ожидала, что Лхарр прикажет остановить меня. Но он не сделал этого. Я подошла к двери замка, но солдат делал вид, что не замечает меня. Мне пришлось ожидать Лхарра.

Глава седьмая

Окруженные солдатами, мы шли к нашим новым апартаментам. У лифта стража разделилась. Мы вошли в лифт. Мы прошли только один уровень, когда зазвенела внутренняя связь. Незнакомый голос звучал из динамика.

Лхарр обернулся ко мне.

— Это Ник, Николас фон Шусс, командир отряда замка. Какое-то вторжение, мы не можем идти к себе теперь. Я ему сказал, что мы будем на четвертом уровне.

Он повернулся к двери.

— Ник — мой друг уже десять лет. Я спасал ему жизнь, а он спасал меня. Он спас мою сестру от герцога Харлана, и мы позволили им пожениться вопреки всем политическим интересам, потому что они давно любили друг друга. Ник — наследник Дома фон Шусс, и знаете ли, очень опасно лорду из Девятки любить свою жену. Я расскажу ему о Джастине, как только покончим с этим вторжением.

Я подумала о том, что везде синие, флиттеры сопровождения на пути к Джастину, предупреждение Лхарра никуда не ходить одной. Мне не

нужно было объяснять, что вторжение скорее было покушением. Убийство. Смерть. В собственном доме Лхарра. И все его войско не может предупредить этого, очевидно. Тогда какой от солдат толк?

Мы сделали всего несколько шагов по коридору, когда вдруг погас свет. Лхарр остановился так резко, что я наткнулась на него.

— Если человек Харлана добрался до генераторов…

Лхарр сделал шаг. Луч белого света ударил из темноты. Лхарр прижал меня к холодной каменной стене. Огонь полыхнул за светом. Еще одна вспышка сверкнула там, где стояла я. Жар коснулся моей кожи. Меня охватила дрожь. Кто-то пытался убить меня!

Лхарр развернул меня, шепнул: «Бегите как можно быстрее», — и толкнул меня в холл.

Я побежала, стук моих башмаков заполнил пространство. Меня догнал Лхарр, обхватил рукой за талию, тянул меня вперед. Наши шаги заполнили многократным эхом пустой коридор. Снова вспышка света, и стена там, где мы бежали, загорелась красным. Лорд Карн втащил меня в глубокую нишу с дверью. Его сердце колотилось рядом с моим ухом, и я чувствовала напряжение,

с которым он прислушивался. Я не слышала ничего.

— Черт! Телохранители должны были быть уже здесь. Где они? — Мы стояли долго в тишине, ожидая патруль, который не появлялся. Наконец Лхарр потянул меня за руку в холл к слабому свету.

— Черт! Лифт остановился между этажами, когда отключилась энергия. Надо идти. Вперед. — Он стал подниматься по ступеням. Мы сняли башмаки, чтобы не шуметь, и погрузились в темноту лестницы. Только когда мы остановились на шестом уровне, я заметила, что сжимаю руку лорда.

— Я иду за светом и оружием, — шепнул он. — Я оставлю вас в концертном зале. Заприте дверь и откройте только мне, лорду Николасу или капитану Томасу Ороарку.

Из-под двери струился бледный свет. Я отшатнулась.

— Луна, — шепнул лорд. Он подтолкнул меня вперед. Я не желала оставаться одна. Он, должно быть, почувствовал это и прижал палец к моим губам.

— Здесь вы в полной безопасности. Я вернусь через минуту. — Я заперла дверь. Стояла жуткая

тишина. Стук. Я не могу шевельнуться.

— Ларга Жанна, откройте.

Я повиновалась. Свет ослепил меня. Через несколько мгновений я разглядела Лхарра с факелом в одной руке и двумя предметами в другой. Он вставил в мою руку короткий предмет с множеством кнопок и указал пальцами на кнопки.

— Это управление шириной луча. Самая большая кнопка для самого широкого луча. Только осторожно, не нужно сильно нажимать и не обязательно хорошо целиться. Когда надо, снимайте предохранитель, — он указал на слабо светящуюся красную кнопку, — и стреляйте.

Я посмотрела на трубу в моей руке, затем на него. Труба не была светильником, это было оружие. Этот луч может убить. Зная, как я отношусь к убийству, он дает мне оружие! Я бросила трубу.

— Не думаете ли вы, что я стану убивать?

Лхарр пристроил свое оружие на поясе рядом с охотничьим ножом, затем он обхватил меня за талию так, что мне стало больно.

— Именно это я и думаю! Мы умрем или он. Здесь не место мирному выбору. Мы обсудим позже, скольких жизней может стоить ваш пацифизм. А сейчас возьмите это хотя бы для того, чтоб я смог пользоваться своим оружием. — Он

протянул мне оружие.

Пришлось взять. Я хотела бросить его, но была ли я готова умереть, лишь бы остаться безоружной. Лхарр знал этот мир и его законы. Я знала, что убийца целился в меня.

Он шагнул с факелом в коридор.

— Если вас это успокоит, я никогда не видел луч с диапазоном факела. Ему придется выйти на полный свет, прежде чем выстрелить.

— Это не от страха, а оттого, что я не желаю убивать. Я испугана не больше вашего. — Мне хотелось верить этому.

Мы подошли к лестнице. Я взяла его за руку.

— Мы не можем позволить себе ссориться сейчас, милорд.

Он взглянул на меня изучающе.

— Мы пойдем в темноте. Иначе будем хорошей мишенью. — Затем он улыбнулся, и золотистые искорки блеснули в его глазах. — Выше нос. У нас теперь есть шанс.

На пятом уровне мы споткнулись о забытые башмаки. Луч ударил из дверного проема.

— Мы не можем оставаться здесь! — прокричала я.

— Мы не можем вернуться. Спускаясь вниз, мы должны пересекать этот свет. — Он посмотрел на

светящиеся красным ступени. Вспышка следующего луча пронеслась так близко, что сердце мое замерло. Лорд Карн выругался на своем наречии. Я поняла по тону его голоса.

Темнота вернулась, когда померкли ступени и стены, но это только усилило мой страх. Я хотела справиться с дрожью. Я хотела видеть убийцу. Я хотела видеть Лхарра.

— Мы должны рискнуть, миледи, — шепнул он. — Идем! — Он включил факел ярче, бросил его вперед, кинулся на пол и увлек меня за собой. Луч ударил над нами, там, где мы только что стояли. Мы услышали, как кто-то побежал по коридору.

— Туда, — поднял меня лорд и подтолкнул. Я увидела мелькнувшие башмаки и край одежды человека, скрывшегося за углом. Он будет поджидать нас на пути к нашим покоям. Где же телохранители? Они должны знать, что происходит. Мы должны убить тогда этого. Слишком поздно надеяться на помощь. У меня догадка, где он может быть. Лхарр поднял факел и выключил его. — Мы поймаем его на свет. Если он заденет меня, вам придется его убить.

— Милорд, я не смогу…

— Либо мы, либо он.

Мы двинулись быстро к концу коридора.

Вот уже поворот рядом. Лхарр пошел вперед один. Новая вспышка рядом со мной. Горячие камни светились достаточно ярко, чтобы убийца видел меня. У меня было время увидеть Лхарра. Я не могла сдвинуться с места. Я выронила трубу. Если я умру, то без оружия в руках. Вспыхнул факел. Ударил станнер Лхарра.

Лхарр прицелился еще раз, но второй выстрел не понадобился. Человек лежал лицом вниз в центре холла. Лхарр приблизился к нему осторожно. Он повернул тело и пронзительно вскрикнул от боли и гнева.

— Ник! Почему ты? — Он опустился на колени рядом с телом. Человек открыл глаза.

— Работа Харлана. Одоннел схватил Кит… Джемми… — Он закрыл глаза. — Нет выбора. Твоя жена или моя. Прости… — Он затих.

— Он сделал то, что должен был, потому что он любил ее, — произнес Лхарр.

Лифт остановился, и появились телохранители. Подошли патрули в синем.

— Как раз вовремя, — голос Лхарра прозвучал с едким сарказмом.

— Милорд, — запротестовал один из телохранителей, — мы попали в ловушку между этажами.

— Лорд Николас сказал, что убийца… — начал

офицер гвардии, глянул вниз на тело и вскрикнул: — Бог мой! Это лорд Николас!

— Милорд, леди Катрин…

Лхарр прервал:

— Моя сестра перенесет это как должно женщине Гхарра. Он погиб, выполняя долг. Это всем понятно?

Все поклонились.

Лхарр сжал мое плечо и потянул к нашей двери.

— Я должен вернуть Кит, пока шпионы не донесут Харлану о смерти Ника, иначе Кит тоже погибнет вместе с Джемми. С вами будет леди Агнес. Вот плата влюбленных за любовь, ведь Ника послали против меня за спасение Кит.

— Он целился в меня?

— Да, я думал, это вас испугает еще больше. Я знал, что он не пытался убить меня, и мне было страшно.

— Отказ убивать не делает из меня предателя, милорд.

— Моя вина. — Его тон был сухим. Он быстро шел по коридору.

— Почему я, лорд Карн?

— Джемми, племянник, так же важен, как и Кит. У меня и барона фон Шусса нет других на-

следников. Мой последний близкий кузен был убит на дуэли год назад. Один убийца освободит в Совете две вакансии, а Ричард Харлан контролирует выборы.

Лхарр приветствовал идущий навстречу патруль и сказал что-то быстро на своем наречии. Лорд продолжал:

— Даже неродившийся ребенок — законный наследник. Ричард пытался убить вас, пока не появятся признаки его существования. Именно так они поступили с моей второй женой. Убили беременную.

Ужас всего услышанного охватил меня с ног до головы. В моей комнате фрейлины поспешили мне навстречу.

— Было вторжение. Убит лорд Николас, — сообщил им Лхарр. — Сегодня начинается траур. — Он отвел меня в сторону. — Сорок дней траура освободят вас от посещений вечеров, у вас будет больше времени для размышлений. Кит, возможно, захотела бы быть в трауре дольше. Я должен ее найти. С вами я оставляю самого надежного офицера. Если меня убьют, обратитесь под защиту Гильдии, Совет вам не поможет. Не выходите из замка. Свяжитесь по три-д. Запомнили?

— Да, милорд.

— Вы были очень храброй, — сказал он, коснувшись слегка моей щеки своей ладонью, и ушел.

Я опустилась на скамейку у туалетного столика. Как я устала! Я взяла ночную рубашку.

— Который час, Там?

— Сто часов, миледи.

Я ложусь спать. Пусть леди Агнес придет сразу после завтрака. Я хочу встретиться с персоналом и осмотреть дом.

Глава восьмая

Мне приходилось часами сидеть за вышиванием, слушая бессмысленную болтовню необразованных суеверных женщин! Я сердито воткнула иглу в плотный материал на пяльцах и попыталась проигнорировать навязчивые попытки Жаклин и Тамары начать разговор о детях. Хватит!

Я подумала об усадьбе. Было очевидно после сегодняшней утренней прогулки, что я не смогу сбежать отсюда. Здесь была целая армия слуг. И миллионы устройств, за которыми, но не за всеми, следили компьютеры. Это была одна из проблем Старкера IV, что люди здесь выполняли работу, пригодную лишь для роботов и компьютеров.

Стук в дверь прервал болтовню. Тамара впустила молодого человека в синей униформе. Он двигался неуклюже, но в нем было какое-то очарование. Это заметила не только я одна: Жаклин тоже смотрела на него, не отрывая глаз. Он опустился на колени передо мной и смутился, когда почувствовал, что не знает, куда деть свою длинную тонкую руку.

— Кэп — капитан Томас Ороарк к вашим услугам, Ларга. Я… я принес вам послание от Его Высочества — от Лхарра — Его смущение еще больше выросло после того, как он понял, насколько нескладно он говорит.

Я улыбнулась.

— Встаньте, капитан. Этот ритуал не доставляет мне радости. Поднимитесь.

Он, запнувшись, поднялся, и в его глазах мелькнуло неудовольствие.

— Капитан, пожалуйста, послание, — приятным голосом попросила Жаклин и протянула руку.

Я смогла понять мысли Жаклин так ясно, как будто она высказала их вслух. Я не могла читать по-романски, и Жаклин хотела первой узнать, что написано в письме. Ороарк взглянул на меня неуверенно.

«Он слишком молод, чтобы быть капитаном, чуть меньше двадцати», — подумала я.

— Прочитайте мне, капитан, — сказала я. По крайней мере, все узнают о содержании письма одновременно.

Молодой человек нащупал за поясом и наконец вытащил два пластиковых листочка. Он взглянул на меня, чтобы удостовериться, и начал. Первое

письмо сообщало, что Лхарр улетел в небольшое поместье Лхарра Гаррена Одоннела, надеясь прибыть туда вовремя и спасти леди Катрин и лорда Джерема. Возможно, он улетел две недели назад.

Как я могла перенести две недели в своей женской компании! Хотя бы была возможность поругаться с Лхарром, только бы не такая скука!

Во втором письме представлялся капитан Томас Карел Ороарк, недавно назначенный в синюю гвардию, и хвалились его храбрость и исключительная рассудительность. Молодой человек покраснел, когда читал это место.

— Моя… моя леди, если вы доставите мне честь служить вам… — Он снова опустился на колени.

— Только при одном условии, — сказала я. Ороарк приостановился и взглянул на меня. — Только если вы не будете вставать на колени передо мной.

Он, очевидно, ожидал чего-то более трудного. Он улыбнулся с облегчением. Эта улыбка осветила его молодое лицо и сделала его добродушным. Он коснулся узкого голубого овала на рукаве своей туники.

— Мы добьемся, чтобы этот знак означал, что мы лучшие солдаты на Старкере.

Я не имела намерения смущать его, показывая,

как я тронута его предложением.

— Это галантное предложение, капитан.

Его лицо заалело красной краской, но он был очень доволен. Прежде чем прошло его смущение, охранники доложили о прибытии еще двоих человек, Тана Орконана, секретаря Лхарра, и его старого компаньона. Я кивнула в сторону секретаря в знак приветствия.

— Добрый день, Фрем Орконан.

Он сделал поклон.

— Ларга, я хочу представить Курта Вейсмана, библиотекаря и моего ассистента.

— Фрем Вейсман? — Я осмотрела его более внимательно: это был тот самый Тэм, которому я заплатила, чтобы он доставил письмо в Гильдхолл много месяцев назад.

— Да, Ларга, — человек говорил высоким тонким голосом.

— Я тоже Фримен.

Орконан выронил перо из своей записной книжки.

— Какие будут распоряжения по дому, Ларга?

Я почувствовала волну гнева в себе из-за напоминания об усадьбе и гневно ответила в нарушение всех правил, установленных Агнес.

— По дому? Я не могу найти выход из него, так

что распоряжайтесь сами! Я даже не хочу распоряжаться. Вы и леди Агнес знаете, что нужно делать.

— Как прикажете, Ларга, — Орконану почти удалось скрыть свое удивление по поводу моего взрыва чувств. Он вложил перо назад в записную книжку, поклонился и направился к двери.

Вейсман последовал за ним. Но когда Вейсман закрывал дверь, он поднял голову, и в его глазах мелькнула радость триумфа.

Капитан Ороарк вскоре тоже ушел. Я стала вспоминать свое знакомство с поместьем и скучную и невзрачную жизнь слуг. Если их жизнь была такой несчастной у Халареков, то что можно говорить об их жизни в старой части поместья?

Всю следующую неделю я ходила по поместью, запоминая все холлы, комнаты, коридоры, лифты, места работы и отдыха, входы и выходы. И всегда меня сопровождали — Ороарк, Жаклин, леди Агнес и отряд синих — когда бы я ни покидала свои покои. Я знала, что если я должна буду управлять поместьем в конце концов, то я должна знать его хорошо. Еще я не могла разговаривать ни с кем, за исключением Семьи и слуг, непосредственно подчиняющихся мне. Эти носили переводящие устройства транслиты. Чем

больше я наблюдала за поместьем, сотнями слуг и давала задания, тем больше раздражала моя неспособность понимать их речь. Что может случиться, если вдруг сломаются транслиты? Или его не будет под рукой, когда он потребуется? Или если слуга принесет сообщение об угрозе убийства? Это ведь самое обычное явление в нашем мире. Те несколько секунд, которые необходимы для перевода, могут оказаться решающими в вопросе жизни и смерти.

Усадьба доставляла дополнительные проблемы: переполненные покои слуг; клиника, которая была грязной, дезорганизованной и полной необученных женщин; худые, бледные дети слуг, которые весь день играли в холлах, холодных и неотапливаемых. Я должна была что-то сделать, чтобы улучшить их жизнь. Они жили чуть лучше, чем животные на Фру. Но когда я начинала требовать от Орконана каких-либо изменений, он всегда парировал их одной фразой: «Так было всегда».

— Очевидно, Семья не пользуется этой клиникой, не правда ли?

Он посмотрел на меня, как будто я сказала нечто абсолютно глупое.

— Конечно, нет! Доктор Отнейл приезжает из

Онтара, чтобы лечить Семью в их покоях. Клиника предназначена только лишь для слуг.

Жестокая слепота! Как будто слуги значат меньше, чем животные.

— Некоторые из этих слуг сражаются и умирают за Семью, Фрем Орконан! Почистите клинику и выучите персонал, для этого можно пригласить доктора Отнейла. Если доктор Отнейл не хочет работать здесь…

— Но необходимо распоряжение Лхарра и печать…

— Сегодня, Орконан!

Он побледнел и поклонился.

— Да, немедленно будет исполнено, Ларга.

— Также, многие дети слишком взрослые, чтобы играть в холлах. Они должны ходить в школу.

— Так было всегда, моя леди! Каждый ребенок отдается учиться профессии отца в двенадцать лет. И раз в год я отбираю самых смышленых и посылаю их в техническую школу в Онтаре или в других городах.

— Хорошо, все также должны научиться читать и писать перед этим.

— Ларга! Неужели даже девочки?

Я вздохнула и посмотрела из своего «окна».

— Хорошо. Только мальчики. Но сделайте для них хоть какое-то подобие школ. Хотя бы на полдня.

— Это требует распоряжения Лхарра и его печати…

Я стукнула кулаком по стене рядом с окном. Орконан остановился на полуслове, ужаснувшись моим неожиданным эмоциональным всплеском.

Неожиданней, подумала я снова. Это характеризовало все мое поведение здесь. Я вздохнула.

— Я знаю о печати Лхарра, но это не требует такой срочности как клиника — повторяю, клиника должна быть благоустроена! Вы должны планировать школы для детей. Я не знаю много о Гхарре, но я буду рада помочь.

Он посмотрел на меня с большим удивлением.

— Ларга, вы должны заботиться о себе, а не заниматься этими делами. — Но в его глазах можно было прочитать, что еще ни одна женщина не говорила ничего подобного.

Разговаривать дальше было бесполезно. Моя надежда с помощью этих проектов избежать общества моих леди таяла с каждым днем.

Исчезнуть из этой глупой компании стало моим самым настойчивым желанием, которое росло с каждым часом, который я проводила с ними.

Я никогда не любила «женские» разговоры. Мои леди вели бесконечные беседы о любовниках, детях, нарядах, скандалах, снова о любовниках, детях, и когда это уже всем надоедало, начинали рассказывать всякие небылицы!

Кроме того, еще была леди Агнес с ее постоянным «Это неправильно» и «Это делать нельзя». Она разрешала мне только бесполезную работу (всякая полезная работа была «ниже достоинства Ларги») и даже ввела цензуру новостей с фронта, которые могли расстроить мои «деликатные фруванские нервы». Из всех ограничений последнее раздражало меня больше всего. Это правда, что фруванцы не любят слышать о смерти, особенно о преднамеренном убийстве, но они всегда были фронтовыми медиками и капелланами во всех войнах Империи. Моя жизнь зависела от Лхарра. Мне нужно было знать, как он себя чувствует, и никто не мог мне этого рассказать! Я знала только, что много раненых прибывало в поспешно реорганизованный госпиталь.

Наконец моему терпению пришел конец, и я отослала леди Агнес посетить свою дочь в Кингслендском поместье, на полпути через весь экватор планеты. Когда старая женщина уехала, я послала за Ороарком.

Как только он вошел, я обрушила на него свой вопрос.

— Как идет сражение, капитан?

— Моя леди…

— Я откладывала слишком долго, капитан. Скажите мне.

— Сражение идет не в нашу пользу сейчас — Затем, как будто он прочитал мои мысли: — Количество раненых говорит об этом, Ларга. Ваш чувствительный фруванский желудок не перенесет всех остальных деталей.

— Это не те новости, которые я не смогу «переварить», капитан. Мои люди работали на передовых линиях худшей войны с Террой, а затем войны с Империей. Так что мы не чувствуем войны.

Я решила посетить раненых, размещенных в поместье, чтобы рассеять всеобщие представления о фруванской философии. К тому же, если дела на фронте идут плохо, это надо сделать как можно скорее.

— Если сражение идет не в нашу пользу, тогда я должна встать под защиту Гильдии, как приказал Лхарр. Отвезите меня в ближайший Гильдхолл, капитан.

Так как Лхарр не был убит, его приказ связаться с Гильдией через три-д не мог быть сейчас при-

менен. Или я убедила себя так.

Ороарк поклонился и начал уходить.

— Я начну собирать свиту сейчас же, миледи, но на это уйдет немного времени.

— Свита? — Я направилась было поискать свой плащ, но его слова заставили меня повернуться к нему. — Я одна нахожусь в опасности, как говорил Лхарр, но не мои леди. Мы *не возьмем* их с собой.

— Но вы… это против всех обычаев, чтобы женщина выезжала одна! — Он огляделся по сторонам, как бы ища поддержки у начальства, но в то время единственным начальством была я.

Я закрыла глаза и досчитала до десяти на трех языках. Капитан Ороарк подчинялся правилам поведения своего общества и правилам этого Дома. Я открыла глаза и посмотрела на него. Я понизила голос и сказала ему вежливо:

— Я не хочу выезжать одна. Я хочу с вами и с солдатами, сколько вы сочтете нужным. Но я *хочу*. Сейчас. — Я надела плащ и пошла к двери.

Ороарк колебался только одну секунду между правилами приличия и приказом Лхарра всегда сопровождать леди. Он приказал вызвать охранников и выбрал из них себе четырех солдат.

Вольный город Онтар начинался сразу за сте-

нами поместья, что удивило меня. Из того, что я слышала раньше, я делала вывод, что Фримены селились как можно дальше от феодалов. Здесь был совершенно противоположный случай. Когда я подумала об этом, я заметила, что это было лучшее место для торговли, а благородные Дома были самыми лучшими покупателями у Фрименов.

Мы въехали в Онтар через проезд для машин недалеко от главных ворот. Это был значительно больший город, чем я ожидала. Машины ехали через проезд очень медленно, так что у меня было много времени подумать обо всем — о собственной скуке, о женской болтовне и о войне. Ороарк сидел настороженно в другом конце машины. Я заинтересовалась Гильдсменом, которого я видела во время свадебной процессии. Где я встречала его? Как его зовут?

Наконец я вспомнила. Это было Дома, на Фру, вот где я его видела. Питер привел его на обед. И еще раз, когда вся семья ездила провожать Питера. Его имя было Тремо, Сэм Тремо. Здесь он был капелланом. У меня есть с чего начать разговор с ним, по крайней мере. Может быть, это знакомство поможет мне сбежать? Гильдия всегда строго придерживалась нейтралитета. А

Гхарры всегда строго следили за тем, что может женщина и чего не может.

Машина пробиралась медленно через узкие улочки магазинов. Пешеходы прижимались к зданиям, чтобы не быть раздавленными. Я, очевидно, была единственным человеком, который мог думать так дерзко о предстоящем поступке. Эта дерзость была абсолютно, не понятна ни одному Фримену.

— Сколько нам еще ехать, Сквадмен Виттен? — спросила я шофера.

Солдат взглянул на вывески магазинов, которые мы проезжали, и сказал:

— Возможно, километр, Ларга.

— Остановите машину. Мы пройдемся пешком.

Ороарк закрыл выход рукой, как только я поднялась со своего места:

— Ларга, это запрещено.

— Я устала слышать, что «можно», а что «нельзя»! — Я откинула его руку, пригнула голову под крышей машины и вышла на мостовую.

Водитель посмотрел на Ороарка, который беспомощно пожал плечами. Они оставили одного солдата охранять машину и пошли со мной. Улица становилась все более узкой и более на-

полненной народом. Много людей отдавали нам честь, снимая головные уборы. Ороарк держался рядом так близко, что я чуть не наступала ему на ногу. Затем мы завернули за угол.

Я отшатнулась в страхе. Мы оказались в узком вонючем переулке, заполненном трясущимися лицами и протянутыми руками: переулок был заполнен людьми в грязных одеждах. Голоса нарастали, выпрашивая и требуя от нас что-то. Более чем когда-либо незнание романского языка испугало меня. Ороарк сжал мою руку, заставляя двигаться дальше. Старые люди и хнычущие дети сжимали кольцо вокруг нас. Они, похоже, просили милостыню; кто-то стал тянуть меня за волосы.

— Назад. Назад, — говорили солдаты, прокладывая путь через толпу. — Относись к этому спокойно, Ларга. Цинн, возьми этого!

— Накрой волосы, Ларга, — потребовал Ороарк. — Они попытаются сорвать с тебя что-нибудь, прежде чем ты что-либо сделаешь.

Я подчинилась немедленно. Толпа отодвигалась назад неохотно, глухо бормоча. Ороарк пихнул меня вперед из переполненного переулка. Белая линия вокруг его губ свидетельствовала, что он с трудом сдерживал свою ярость. Он очень

хотел отругать меня, но это была одна из вещей, которая была «нельзя». Это было бы смешно, если бы не было так страшно. Ороарк выплеснул свою ярость на солдата, послав его назад за машиной. Мне было запрещено идти назад. Затем впереди я увидела красную ракету и прицел Гильдии над улицей. Я схватила Ороарка за руку.

— Капитан, смотрите.

— Я вижу, — резко сказал он.

Через мгновение он яростно колотил по пластиковой двери в ближайшем здании. Пока он ждал ответа, он оглядывал все, что творится на улице. Слуга, который подошел к двери, узнал синюю униформу. Он приоткрыл дверь шире.

— Дом Халарека. — Портье, носящий красную форму Гильдии, слегка поклонился и открыл дверь шире. — Добро пожаловать.

Ороарк приказал солдатам в синей униформе встать на охрану входа в холл. Затем он повернулся к портье:

— Мы хотим переговорить с Первым Купцом.

Портье пошел в огромную комнату через холл. Сэм Тремо, теперь носящий красно-золотую униформу Первого Купца Гильдии, вышел быстро через дверь на дальнем конце комнаты. Я слегка поклонилась, затем коснулась рукой сначала

головы, затем сердца, как это принято на Фру. Затем я сделала приветствие, как это было принято здесь.

— Мир вашему дому, Первый Купец.

— Здоровья и мира, Ларга.

Мы пожали руки. Ороарк зарычал от такой фамильярности. Я слегка повернулась и положила руку на его плечо. Я была удивлена, что Ороарк придает такое большое значение этому ритуалу. Я не могла понять, почему, но я должна была что-то сказать.

— Капитан Ороарк, жать руки при встрече принято на Фру, где я встретила Первого Купца много лет назад.

Открытая враждебность исчезла с лица Ороарка, но его настороженность свидетельствовала, что он не изменил своей точки зрения на ритуал рукопожатия. Сэм наклонился через мою руку, а затем поцеловал воздух, как это принято у Гхарров, чтобы ублажить Ороарка. Затем он отступил назад и посмотрел на меня.

— Доброго здоровья, Жанна Верлит.

Знакомый фруванский ритуал и речь, хотя и с акцентом, характерным для Ригеля IV, чуть не заставили меня заплакать от нахлынувших воспоминаний.

— Доброго здоровья, Первый Купец. Не…

Ороарк сделал предупреждающее движение. Я хотела расспросить о доме, семье и…

Но мне было разрешено прийти получить протекцию Гильдии. Я неохотно стала снова говорить на штернланге, на языке, который понимал капитан.

— Мой лорд просил меня искать защиты Гильдии, если он будет убит. Как мне сказали, сражение идет с большими неудачами для нас, и мой лорд не верит Совету, что он сможет защитить меня.

Лицо Сэма помертвело:

— Вы пришли сюда за этим?

— Я думала… — я отчаянно искала правдоподобное объяснение нашего прихода. — Существует шпионаж в Доме, Первый Купец. Я боюсь, что если шпион перехватит сообщение, то он найдет некоторый способ прервать связь с внешним миром.

Сэм медленно кивнул. Он собирался принять объяснение.

— Вы сильно рисковали из-за простой вещи. Вам достаточно было только попросить. Без предварительной подготовки. Без бумажной волокиты.

— Это действительно все, что я должна была сделать? Позвонить?

— Это все. Если ваш муж погибнет, все ваши местные права, включая гражданство, кончаются (если у вас нет детей). Всем остальным занимается только Гильдия. Это единственный шанс для вас спастись в этом мире.

Единственный шанс. Это лучшее, на что я могла надеяться. Я могла положиться на репутацию Гильдии, даже если следующий лорд Халарек не допустит ни одного из Гильдии в наше поместье. И кто может быть следующим лордом?

Я не хотела думать об этом. Я также не хотела еще раз возвращаться в Онтар. Возможно, Сэм что-то слышал от моей семьи. Наверняка, даже если письмо, которое я писала, не прошло через его руки, Сэм сказал бы им, где я нахожусь. Он видел меня в свадебной процессии. Он знал Питера. Он был капелланом и часто приносил родственникам плохие вести. И, наверняка, сказать, где находится жертва похищения, не может рассматриваться, как прямое вмешательство в дела Старкера IV с точки зрения начальства Сэма. Я постаралась заставить забыть жалость к себе, что никто из тех, кого я люблю, не знает, где я нахожусь.

— Все ли в порядке в моей семье? Как они восприняли известие о похищении?

— Я этого не знаю, Ларга. Но возможно… — Он порылся в карманах своего плаща. — Это пришло на прошлой неделе. Обычно Фрем Вейсман получает почту. Но, конечно, вы…

— Сэм!

Он посмотрел, вздрогнув, и не закончил предложение. Если бы Ороарк узнал, что я посылала письмо, то его долг был бы сообщить об этом Лхарру, и тогда… Я почувствовала дрожь в теле от страха. Я не понимала раньше, что посылка письма может рассматриваться как измена. Но Сэм должен был, и Вейсман, который его доставлял, тоже должен был. И если Лхарр обнаружит это, если кто-то обнаружит это, то клевета лорда Ричарда об измене стала бы правдой.

— Хорошо, — сказал Сэм. — Когда я попросил Вейсмана об этом, он сказал, что он будет слишком занят несколько дней.

Сэм пожал плечами и передал мне объемный пакет, адресованный Лхарру Карну Халареку, со знакомым маминым почерком. Я начала открывать его, но вспомнила вовремя один из уроков леди Агнес: я должна подождать и прочитать его перед моими леди, если я не хочу серьезно

повредить своей репутации.

— Кто может представить, как может навредить неблагоразумный поступок, — говорила леди Агнес сурово.

И что могла бы сказать леди Агнес, если бы она узнала, что я почти открыла письмо с именем Лхарра на нем? Возможно, с нею случилась бы истерика. Слава богу, она уехала.

Я была возмущена тем, что нельзя читать письма, пожимать руки, говорить на иностранном языке с человеком, который не является моим мужем, поэтому я продолжила разговор с Тремо на фруванском языке.

— Сэм, есть ли у Гильдии устройства для перевода? Я страшно боюсь, что не знаю романского языка. Это ужасает меня, Сэм.

— Они могут прибыть на следующем корабле, Ларга. Хорошо. Закажите их. Я страшно боюсь.

Ороарк переступил с ноги на ногу и прокашлялся. Он сказал внятно на штернланге:

— Вы должны говорить так, чтобы я понял вас, Ларга. Вы нарушаете правила, беседуя с человеком в частном порядке.

Я почувствовала себя связанной со всех сторон. Правила, ограничения.

— Правильно. — Я задыхалась. — Я не говорю

с глазу на глаз, — резко сказала я. — Вы здесь, Сквадмен Виттен за дверью, портье, который пустил нас…

Лицо Ороарка выражало непоколебимость, ставшую хорошо знакомой за последние две недели.

«Бедный мальчик», — подумала я. Я всегда была шокирована его примитивным представлением о порядочности.

— Лхарр не разрешал оставлять вас одну, даже если вы настаиваете на этом, моя леди. Я вынужден вернуть вас назад в поместье. — Ороарк подступил ближе, решительно настроенный.

Он явно намеревался сделать это. Я должна была убедить его, что я буду осторожной, или больше не будет никакого шанса переговорить с Гильдией.

— Я не собираюсь делать секреты, капитан. Я хочу говорить на своем родном языке. Было бы вам приятно, если вы больше никогда не слышали или не говорили на вашем романском языке? — И я действительно хотела говорить на своем фруванском. Боже мой, я действительно хотела!

Лицо Ороарка стало еще более неумолимым:

— Вы должны говорить с Гильдсменом на

штернланге, на романском или вообще не разговаривать, моя леди.

Я изобразила в своем голосе весь холод, какой могла:

— Но в чем вы подозреваете меня, капитан Ороарк?

Молодой человек сильно покраснел, и я пожалела, что так его оскорбила. Я слегка коснулась его руки.

— Я извиняюсь, капитан. Я знаю, что вы только выполняете свой долг, но кто расскажет об этом?

Ороарк кивком головы показал на дальние двери.

— Может быть, гвардия Гильдии. Или один из наших людей. Или портье. Он живет не так хорошо, и, может быть, он хочет заработать деньги за донос.

Я вздохнула. Возможно, что он был совершенно прав. Вокруг меня постоянно были люди, которые охраняли, наблюдали, слушали, возможно, шпионили для Лхарра или для его врагов. Лхарр упомянул о шпионе в своем доме, когда умер лорд Николас. Я уступлю на этот раз. Я повернулась к Первому Купцу:

— Я надеюсь увидеться с вами скоро, Сэм.

Сэм низко поклонился.

— Господь с вами.

— И в вашей думе, — ответили я и Ороарк, как это принято у Гхарров.

Сэм ждал вежливо, пока мы не дойдем до двери, чтобы выйти из комнаты.

Я ждала очень долго, чтобы остаться одной и прочитать письмо. Но упрямство Ороарка в Гильдхолле напомнило мне, что нарушение обычаев может быть очень опасным в этом мире. Чтобы избежать искажений того, что написано в письме, от моих болтливых подружек, я также попросила Фримена Орконана и Вейсмана присоединиться к нам в моих покоях. Я читала медленно, переводя слова с фруванского на штернланг, потому что только этот язык воспринимал мой транслит. Я опускала абзацы, в которых мои родители рассказывали о шоке и печали, которые они пережили, когда узнали о моем исчезновении. Но вскоре сама прекратила читать, когда я дошла до места, где Мам благодарила лорда Карна за его письмо. Я опустила ослабевшие руки на стол.

Это не было ответом на мое письмо. Мам ни разу не упомянула о моем письме. Лорд Карн написал им, как только он вернулся на Старкер IV, и рассказал им, что случилось со мной, где я нахожусь, что у меня все в порядке и я законно

вышла за него замуж. Он уверил их, что меня будут рассматривать как ценное приобретение для их Дома. Капитан Черного Корабля никогда, никогда не проявлял такой доброты! Женщины, захваченные Черными Кораблями, всегда исчезали навечно.

Я не могла согласовать то, что я знала о Черных Кораблях, с тем, что сделал Карн. Зачем похитителю, которому не нужен выкуп, сообщать что-либо родителям жертвы? И почему Лхарр не сказал мне о том, что он написал письмо? Доброта и Черные Корабли. Они не согласуются друг с другом. Письмо Мам показало Карна Халарека в новом свете.

Я неожиданно поняла, что сижу в тишине. Я быстро обобщила то, что я прочитала.

Маленький паж неожиданно ворвался в комнату, его лицо горело от возбуждения.

— Лхарр возвращается! — кричал он. — Он просит одну из леди посетить леди Катрин.

Я сунула письмо в карман, сделала знак Жаклин идти со мной и последовала за пажем. Лхарр ждал рядом с Большим холлом. Жаклин и я сделали реверанс, затем стали ждать, не зная, что ожидать от мужчины и женщины с бледным лицом, стоящей рядом с ней. Лхарр улыбнулся и

взял мои руки.

— Спасибо, — сказал он с улыбкой. — Ваше отношение ко мне лучше, чем я ожидал. — Он повернулся к женщине.

— Это моя жена Жанна, Кит. Жанна, это моя сестра, Катрин фон Шусс, и ее сын, Джемми. Она уже знает о смерти Ника. Будь добра с ней. А я возьму Джемми с собой.

Он и худощавая темноволосая женщина, очевидно, были братом и сестрой. У них обоих были слегка курчавые волосы и худощавое тело. Глаза Кит были также золотистыми, как и его, с большим количеством коричневых пятнышек в них. Она прислонилась к колонне, одной рукой заботливо держа руку на голове пятилетнего мальчика, который спал в коляске у ее ног. Лхарр взял ребенка, а Жаклин и я помогли усталой Кит подняться в комнату напротив покоев Ларги. Жаклин помогла Кит приготовить постель. Она заснула еще до того, как мы вышли из комнаты.

Кит оставалась одна несколько дней. Только после Первого Дня она ответила на просьбы рассказать о жизни у Одоннелов или присоединиться к совместной работе. Очень скоро она страстно занялась делами по дому, которым уже леди Агнес отчаялась когда-либо научить меня.

Кит сказала, что эта работа отвлечет ее от тяжелых мыслей о Нике и об опасности для Джемми. Ее и моя ненависть к системе, которая убивает детей ради политических мотивов, стали нашей первой точкой взаимопонимания.

Лхарр стал суровее и строже после своего возвращения. Он удвоил мою персональную охрану и приказал, чтобы я (а затем и Кит) никуда не ходили по дому без сопровождения четырех солдат. Он часто пропускал ужин, чтобы работать над некоторыми политическими проблемами, что оставляло меня главной над Большим Залом, в котором было много кузин и кузенов из Семьи Халарека. Когда он приходил кушать, он ставил стул для меня, затем для Кит, потом грациозно садился сам и спрашивал вежливо, как прошел день. После этого он редко говорил.

Кит и я как-то сидели в библиотеке, ожидая, когда будет накрыт стол, когда Кит решила упросить брата отказаться от формального вечернего ужина с остальной семьей и перейти в небольшую комнату рядом с библиотекой.

— Тебе надо отдохнуть, Карн, — потребовала она. — Я уже здесь неделю и не видела, чтобы ты брал какой-нибудь перерыв. Если мы будем есть рядом с соседней дверью, то ты будешь рядом с

библиотекой, так что Вейсман сможет принести тебе любую информацию, которая тебе может потребоваться.

Подчинившись взгляду Кит, я тоже добавила:

— Ты будешь находиться прямо напротив зала с три-д комнатой, а не внизу. Это поможет избежать *той ошибки.*

Лхарр задумался. Я сильно надеялась, что он согласится. В этом случае мне не надо будет сидеть в Большом Зале или есть под многочисленными любопытными взглядами неприкаянных членов Семьи Халарека.

Лхарр устало рассмеялся:

— Хорошо, хорошо. Тогда начнем с сегодняшнего дня?

Я не заметила, как я сильно сжимала свои руки, до тех пор, пока Лхарр не рассмеялся. Когда я разжала их, на ладонях отпечатались следы моих ногтей.

С этой ночи нас трое, мои леди (которые теперь служили также и Кит), Орконан, Ороарк и иногда те, кто срочно требовался Лхарру по делам, кушали в персональной обеденной комнате.

Уговорить Лхарра разрешить нам кататься на лошадях было значительно труднее, чем есть в отдельной комнате. Окончательно убедил его ар-

гумент Кит, что любой враг, приближающийся в поле или в воздухе, был бы виден на значительно большем расстоянии, чем даже в поместье.

Наконец, когда мы выехали из поместья, ярко светило солнце и дул порывистый ветер, в воздухе стоял запах зеленой травы и васильков, растущих у оснований холмов. Я не рассчитывала на то, что потребуют одеть длинный плащ или, хотя бы, воспользоваться широким седлом с бортиками, так как это сильно уменьшило мое удовольствие. Значительно хуже этого, большое количество новых мужчин в нашем сопровождении напоминало Кит и мне постоянно о больших потерях, которые понес Халарек в битве, чтобы освободить Кит.

Я не хотела скакать в широком седле, но с другой стороны, мне наконец-то было позволено выехать из поместья, а я не могла долго сидеть без свежего воздуха. Так с разрешения Лхарра Кит, Жаклин и я вооружились всем для игры в шлэкбол в заброшенном саду. Шлэк — это простая, но энергичная игра через сетку с помощью ракеток и мяча из грубой кожи. Играть можно было только в длинной юбке. Лхарр отказался присоединиться к нам. Он был очень занят работой, слишком много у него было встреч с Фрименами

и лордами других Домов в три-д комнате. Так что Жаклин упросила Ороарка выучиться играть, взявшегося за это неохотно. Однако вскоре он стал очень искусным игроком, и по мере того, как его мастерство росло, его неуклюжесть исчезала, и «капитан Ороарк» постепенно превратился в «рядового Томми» для всех нас.

Другие охранники, прикрепленные к нам, в конце концов присоединились к нам, и у нас было много замечательных дней, во время которых мы бегали по площадке, отбивая мячи. Я испытывала почти такую же радость, как когда-то у себя дома, если бы не мой длинный плащ, в котором часто путались мои ноги.

Затем Лхарр попросил леди Агнес вернуться от своей дочери. Он собирался провести несколько дней и ночей на Летнем Совете и подумал, что я, которая пришла из другого мира и о которой Жюстина распускала сплетни, задевающие мою репутацию, нуждаюсь в компаньонке в его отсутствие, которая бы пользовалась безупречной репутацией у всех. Леди Агнес немедленно пожаловалась Лхарру, что Кит и я «потаскушки», потому что мы играем с солдатами, особенно Кит, у которой еще не кончился траур. Она подняла такой шум из-за нашего поведения, что Лхарр

заставил нас прекратить играть еще до своего отъезда.

После Совета Лхарр продолжил летать из одного поместья в другое, требуя реформ. Я просила его, чтобы он объяснил, над чем он работает, но Гхарры не любят обсуждать политику с женщинами. Хотя иногда Лхарр беседовал с Кит. Только благодаря этому я немного узнала, над чем он работает. Я видела только, как он готовит какие-то документы в течение долгих часов. Иногда, когда он приходил поздно ночью, я просыпалась и видела, как он сидит на большом кресле рядом с моей кроватью. Иногда он засыпал тут же, с усталым и грустным выражением лица. Он намеренно отослал моих леди в покои Кит, чтобы они не могли ни подсмотреть, ни подслушать. Он никогда не будил меня. Он не касался меня. Много раз я даже не подозревала, что он ночевал у нас в спальне, пока утром не рассказывали об этом мои леди. Когда я знала, что он ночует, я притворялась спящей, в основном из-за страха. Мы не говорили об этом с ним днем. Днем его почти никогда не было рядом. Я пришла к мысли, что он намеренно избегал меня.

К счастью, я с детства была воспитана не обсуждать «постельные» вопросы, иначе я бы

испортила ему все планы в первое же утро. Как и должно было быть, мои леди ожидали от меня то, что они называли «избыточной» скромностью, и спокойно относились к моим отказам обсуждать детали «постельных игр». Если бы у меня были какие-нибудь сомнения, почему он так странно ведет себя, то неуместные и непристойные вопросы моих леди заставили бы подозревать его. Но он всегда сдерживал свои обещания и защищал свою и мою репутацию. Никто не мог также спросить меня об отсутствии беременности, потому что все знали, что ему до этого не везло с рождением детей. Его первый ребенок, девочка, умерла сразу после рождения от того, что называли Болезнью. Второй ребенок погиб вместе с его второй женой во время родов.

После запрещения игр в саду, из-за отсутствия обсуждения политики, без возможности проводить исследования я стала страшно скучать, почти так же, как и зимой. Поэтому я попросила своих портных перешить мою одежду для прогулок. Однако они перешивали до тех пор, пока Вейсман не ужаснулся паре женских брюк для меня и не донес Лхарру.

Я обнаружила это лишь, когда портнихи пришли как всегда на работу и обнаружили только

вельветовые наряды, которые я готовила к предстоящим праздникам.

Портнихи положили наряды на мою кровать, избегая смотреть в глаза.

— Мы сожалеем, миледи, — сказали они низким и дрожащим голосом. — Другие вещи исчезли. Лхарр приказал уничтожить их.

— Зачем?

— Он сказал, что они ужасно шокирующие и полностью непригодны для вашего положения и что мы не должны помогать шить вам еще что-нибудь подобное.

Я посмотрела с отвращением на мою длинную, тяжелую юбку.

— Вы мне сегодня не нужны. Вы можете идти.

Происшествие с костюмом для прогулки могло бы показаться не таким важным, если бы у меня были другие занятия. Но у меня их не было, поэтому происшествие взволновало меня. Если я не могу заняться своими нарядами, то что еще я могу делать? У меня не было исследовательских проектов, я также не могла их начать, потому что никогда не имела надежды опубликовать их. Кроме того, я была слишком сильно вовлечена в жизнь этого общества, чтобы объективно судить о нем. Я уже просмотрела небольшую коллек-

цию книг на штернланге в библиотеке. Вейсман очень сочувственно отнесся к этому, но поклялся, что не выдаст книги на фруванском языке без разрешения Лхарра. Три-д была удивительной вещью, но совершенно бесполезной, потому что я не донимала слов. Кит помогала мне изучать романский язык, но дело шло очень медленно из-за отсутствия записывающих устройств и компьютеров, а мои устройства еще не прибыли из Гильдии. И леди Агнес постоянно напоминала мне о чем-либо, например: «Вы должны много сделать до Адвентистских праздников», или «Вы, наверное, беременны? Это объясняет ваше плохое настроение».

Я всегда поворачивалась и уходила, как только Агнес произносила эту фразу, потому что я боялась, что мое лицо выдаст мою тайну, насколько она была неправа. Я не была беременной. Мой народ имеет внутренний контроль за беременностью, как я сказала Лхарру с самого начала. Мое плохое настроение было результатом отсутствия серьезных занятий.

Очевидно, я часто говорила себе, Лхарр пытался превратить меня в тихую домашнюю курочку, заставив меня во всем подчиняться. Если бы он хотя бы немного времени уделял для интересной

беседы, хоть немного внимания, или хотя бы давал какую-нибудь работу! Разве могла быть я интересной для него, если я жила как все женщины на Старкере IV? Но Лхарр даже никогда не завел разговора на эту тему.

Однажды вечером после вот таких размышлений я почувствовала себя очень расстроенной и не захотела идти на обед. Но я заставила Донну, Жаклин и Тамару идти кушать. Освободившись от их болтовни и расспросов, я расслабилась и легла на кровать.

Я начала медленно погружаться в дремоту, способ, который наши соотечественники используют, чтобы успокоить себя, когда неожиданно вошел Лхарр. Он уже давно не был в поместье, как я слышала.

— Вы больны, мадам?

— Нет, я только не хочу кушать. Оставьте меня одну. — Его внезапное появление рассердило меня, что он прервал мои жалостливые мысли о себе.

Соответствующая резкость заменила сочувствие в его голосе.

— Мне надоело терпеть. У меня и так много сил уходит на то, чтобы следить за женщиной, которая ведет себя, как испорченный ребенок.

— Испорченный ребенок! Вам надоело терпеть! — я прямо подскочила на кровати. — Мой господин! Я не желаю лечь в гроб в этой земле! Я «эксперимент», я «риск», помните? Отошлите меня домой, если ваше терпение лопнуло. Скорей бы это кончилось!

Он сжал мою руку до посинения.

— Ты моя жена перед Богом и Вселенной! Это обязывает и тебя и меня.

— В основном меня.

— Сарказм не идет вам, мадам.

Я высвободила руку.

— Это ничего не значит. Какие у вас *обязательства!* Даже в те редкие моменты, что вы бываете здесь, вы игнорируете меня. Я только лишь вещь, которая имеет такую же ценность, как и Онтар и это заброшенное поместье.

— Вы пока еще живы.

— Это не жизнь, лорд Карн, это существование. Как вы могли подумать, что такая жизнь устроит меня? Отошлите меня домой!

Он горько рассмеялся:

— Я надеялся, вы поможете мне, но вы предпочитаете разрушать.

— Это неправда! Я ничего не знаю. Что я могу делать? Я даже не знаю, что происходит.

— Я хотел бы отослать вас домой, но мы женаты. В этом мире это пожизненное обязательство. — Он резко сунул руки в карманы, затем вытащил их снова. — Даже если бы могли разорвать нашу связь, если бы я мог оплатить твою поездку назад, думаешь, ты была бы в безопасности на Фру?

— Почему нет? У моего отца есть возможность держать охрану для меня.

— Даже против таких друзей как Ланс Тиб? — Он подождал, пока воспоминания об этом предательстве снова не всплывут в моей памяти. — Не хочешь ли ты всю жизнь провести под охраной? Здесь я знаю, откуда может прийти опасность. Я знаю образ мыслей Ричарда. Можешь ли ты это сказать о своем отце?

Я уставилась на него с удивлением и злостью за выбранный им момент для объяснений.

— Почему его светлость беспокоится, куда я поеду, если я расстаюсь с ним?

— Неужели ты так глупа?

— Я не глупа! Это ты глупец! Ты установил все эти ограничения. Ты заставил меня бороться с тобой.

Он обернулся и своим взглядом загипнотизировал меня.

— Если бы вы были так умны, как вы думае-

те, вы бы чувствовали, откуда идет опасность. С начала войны только один человек убивал женщин, несмотря на жесткие военные правила. Неписанные правила не остановили Ричарда от совершения убийства моей матери, моей второй жены и от попыток убить вас. Он не сможет уничтожить Дом Халарека, если вы родите наследника.

— Но мы никогда…

— Нельзя сказать, что никогда.

— Вы не должны напоминать мне. У вас…

— Это было необходимо для того, чтобы защитить нас обоих.

— Это все, что вы хотите сказать! — Не знаю, почему я сказала это, потому что в этот момент я ненавидела себя. Я поняла, что весь разговор надо сохранить в тайне. Я знала, что он говорит правду.

— Возьмите себя в руки, мадам! Мы женаты. Сколько еще раз я могу приходить ночью в спальню, пока одна из ваших леди не обнаружит, что я только лишь сижу рядом с постелью, пока вы притворяетесь, что не замечаете меня?

— Разве вы были, лорд Карн?

Его рука закрыла мне рот.

— Вы знаете, что был, хотя и притворялись,

что спите.

Это была правда тоже. Я бросилась лицом вниз на кровать и заплакала. Это было глупое, бессмысленное отрицание, и он знал это. Зачем я сказала это? Еще никто не провоцировал меня спорить из одного духа противоречия.

— Уходи! — закричала я на него. — Уходи и оставь меня в покое!

Он перевернул меня на спину и рывком поставил на ноги. Его голос был спокойный до ужаса.

— Довольно я наслушался всяких глупостей. Я не люблю силой добиваться того, что можно получить свободно, но я уже четыре месяца жду, когда ты дашь какие-то сигналы о своем согласии. Я не желаю больше упрашивать вас, мадам. У меня будет сын! — Он произносил каждое слово с сильным ударением.

Я свирепо посмотрела на него.

— Ни одна фруванская женщина не зачнет нежелаемого ребенка, милорд. Я уверена, что вы знали об этом, перед тем как жениться на мне. Родить ребенка в этом мире? Лучше умереть!

— Это, может быть, и есть ваш выбор, мадам. — Он резко повернулся и вышел.

Глава девятая

Дорогая Кит, она почувствовала, что что-то не то, но она не смогла разузнать, в чем дело. В течение недели она настаивала на том, чтобы я сопровождала ее во время инспекций поместья, которые занимали несколько часов. Кит также предложила, чтобы мы начали интенсивно изучать романский язык и представила меня с помощью три-д комнаты некоторым «соседям» в Онтаре. Посещение три-д было одним из развлечений Гхарров, которое украшало зимнее время; а зимы всегда приходили.

Наблюдать изображение людей в три-д было почти то же самое, что общаться с ними напрямую, настолько они казались живыми. Моими самыми любимыми соседями стали сын и дочери члена Совета Дюваля из Льюса — Кендара, Элспет и Адрианы, которых мы должны были посетить в первые несколько дней в Адвенте. Дювали были общительные, сообразительные и веселые люди, хотя интересы девочек казались не такими уж широкими. Первое впечатление было ошибочным, как сказала мне Кит. Адриана была поверенной Кит и тайный осведомитель

для Халарека во время первого замужества Кит, когда она была против своего желания женой Харлана и жила в Одоннеле.

Сэм Тремо позвонил мне в это скучное время и сообщил, что мой заказ выполнен. Это были хорошие новости. Мне сильно нужны были записывающие устройства. Я не хотела посылать слишком любопытного Вейсмана за ними, так что я попыталась найти время, чтобы сбежать за ними самой. Мне удалось добежать до проезда для машины, но я недооценила способности Томми как «сторожевой собаки». Я уже садилась на место сиденья водителя, когда Томми и шесть его синих закрыли выходную дверь.

— Лорд Карн запретил покидать поместье, моя леди, — сказали мне твердо.

— Но мне нужно…

— Я пошлю кого-нибудь.

Я почувствовала, как будто меня душат эти ограничения.

— Капитан Томми, пожалуйста, я хочу выйти на некоторое время.

Ороарк покачался взад и вперед несколько раз и покраснел, когда понял, что он делает, но он не подчинился. Возможно, если бы он был один, он бы сделал это, но он должен был показывать

пример своим солдатам. В конце концов, Вейсман забрал устройства парой дней спустя. Как только он вернулся, он предложил вставить устройства в машину, при этом любопытство сквозило в каждой черточке его лица. Но я не хотела свидетелей и приказала ему уйти.

Кит и я решили, что библиотека будет самым лучшим местом для обучения. Мы хотели начать в тот же вечер, но мы с трудом уговорили Вейсмана, что он действительно не обязан работать в библиотеке все время. Он притворился, что у него срочное дело в библиотеке. Кит нашла его чрезвычайную любознательность забавной. Он напомнил мне мальчика в средней школе, длинноносого ребенка, который думал, что его чрезвычайная любознательность является проявлением дружбы с его стороны, и не понимал, почему другие дети избегали его. Вейсман, очевидно, никогда не вырастет из этого возраста.

Это воспоминание ослабило мое раздражение, и я решила быть терпеливой с ним. Но на следующий день Кит и я заставили Вейсмана и Фрема Орконана пообещать держать в секрете все, что мы делаем. Мы хотели удивить Лхарра моей способностью говорить на его родном языке.

Днем позже, когда прибыли записывающие

устройства, Кит ворвалась в библиотеку в назначенное для урока время:

— О, Жанна, давай пропустим урок сегодня и пойдем кататься на лошадях вместо этого.

— Но я думала…

— О, Карн никогда не менял своего решения не выпускать нас наверх на поверхность благодаря леди Агнес. Но он сказал, что мы можем использовать арену. Он попросил привести лошадей.

— Когда он вернется назад?

— О, поздно ночью. — Кит закрыла книгу, которую она держала. — Пошли. Мы сможем поучиться позднее. — Ее лицо светилось от радости.

Она что-то держит в секрете, подумала я. Заинтересованная, я бросила свою книгу на рабочий столик и пошла за ней. Она пошла на арену, находящуюся на первом уровне ниже кухонных помещений.

Арена служила для военных учений, военных праздников, турниров, катаний на лошадях и атлетических соревнований. Кит оставила охрану за дверями. Она повернулась ко мне, держа руку на двери.

— Стой здесь и закрой глаза.

— Кит…

— Не спорь. Ты уже достаточно много спорила с Карном. Не огорчай меня.

Я подчинилась и закрыла глаза. Я услышала, как Кит открыла дверь, и почувствовала, как подул прохладный ветер с арены. Через несколько минут я услышала гулкие звуки копыт по кожаному покрытию арены. Я открыла глаза.

Кит засмеялась своим звонким серебряным смехом.

— Ты не должна смотреть, пока я не скажу тебе. — Она проскакала вперед и передала мне поводья «лошади», маленького грациозного животного с большими черными глазами, короткой черной гривой и толстым красноватым мехом. Она была очень красивой. — Подарок от моего «противного» брата, — добавила Кит.

У меня не было слов, чтобы выразить свое восхищение. «Лошадка» терлась своим носом о мою блузку. Я погладила ей голову, почесала за ушами и провела рукой от шеи до седла, настоящего красивого седла, поперек которого лежала богато вышитая юбка. Лхарр сделал мне бесподобный подарок. Это было прекрасное извинение за нашу ссору. Я безмолвно взглянула на Кит.

— Седло действительно замечательное, не правда ли? Карн заказал его в галантерейных

магазинах в Денебе. — Кит перегнулась через свою лошадь и расправила складку на расшитой юбке. — Надень ее. Никто не войдет. Глупые мужчины боятся дарить это сами. — И она немножко усмехнулась над малодушием своего брата.

После моей вспышки плохого настроения я уже не могла обвинять его за неуверенность, сказала я самой себе. Это извиняло все. О чем я еще могла сожалеть?

Нужно было время, чтобы обдумать все случившееся. А теперь я собиралась проверить свой подарок. Я поменяла свою повседневную юбку на прогулочную и влезла в седло. Я почувствовала себя настолько счастливой и особенно за то, что оседлала лошадь самостоятельно. Я назвала лошадь Горди, и он был как игрушечный — спокойный, величавый, хорошо обученный. Я испугалась, что из-за своего энтузиазма я забыла про Кит.

Карн еще оставался дома на ночной ужин, и он возглавлял его с обычной для себя формальностью. Когда подставил стул для меня, чтобы сесть, я тепло поблагодарила его за подарки. Он поклонился с достоинством, но ничего не сказал. После этого ужин начался. В эту особенную ночь ни Орконан, ни капитан Ороарк не обсуждали с

ним дела, пока мы ели, и Лхарр был удивительно спокоен.

Жаклин и Тамара пытались безуспешно выведать у него новости о поместьях, которые он посещал. Даже Кит попыталась участвовать в этих расспросах. Я и не пыталась. Между ним и мной всегда стояла вежливая стена молчания. Он был так редко рядом со мной, чтобы у нас появились какие-то общие интересы, но даже если бы он бывал чаще со мной, все равно, мое похищение и пленение мешало нам установить более близкие отношения.

В эту ночь даже тишина была другой. Я могла почувствовать какое-то напряжение, витавшее в воздухе. Обычай есть с Лхарром из одной тарелки сегодня казался очень интимным. Я часто чувствовала его глаза на себе и не смела встретиться с его глазами. Когда Донна робко вошла, сделала несколько реверансов и объявила барона фон Шусса, я свободно вздохнула, обрадованная возможностью приступить к исполнению своих обычных возможностей.

Человек, появившийся на экране три-д, был пятидесяти лет, выглядел солидно и респектабельно. Он казался совершенно реальным. Я сделала ему несколько реверансов.

— Мир вашему дому, Ларга.

— И в ваш дом мир и красота, барон.

— Вы замечательная женщина, не правда ли? — Барон наклонился вперед, как будто хотел осмотреть меня ближе. — Какие замечательные волосы. Такие необычные.

Я уставилась на него от удивления. Он вел себя, как будто мы знали друг друга много лет. Это, а также жуткая реальность изображений в три-д заставили меня замолчать на время, пока я напоминала себе, что он на самом деле не стоит в дальнем конце три-д комнаты.

Концы усов барона вздрогнули.

— Извините. Забыл, как много людей вы встретили. На свадьбе, вы помните? Я двоюродный дядя Катрин. Буду удивлен, если у вас найдется комната для старого бакалавра на эту неделю. Прошло всего лишь двенадцать дней с начала Адвента. Траур Кит как раз закончится. Тогда будет много вечеринок и не останется времени для одинокого старого мужчины.

Я быстро соображала. Я была Ларга в этом доме. Имела ли я право давать согласие на его визит? Этот человек был родственником, и, в конце концов, сообщение пришло ко мне.

— О, конечно, вы можете прибыть, барон.

Он как будто читал мои мысли.

— Не думаете ли вы, что нужно еще спросить Карна?

Я колебалась некоторое мгновение. Я решила взять всю ответственность на себя. Я же не была лишь только украшением в этом доме.

— Я уверена, что все будет в порядке, милорд. Можем мы ожидать вас завтра у себя?

Барон фон Шусс слегка удивился, затем рассмеялся, и я услышала, как тихо звякнула цепочка на его шее от сотрясений его груди.

— Надеюсь, вы приедете скоро. Тогда до завтра. Господь с вами.

— Господь с вами.

Он неожиданно исчез. Я уставилась на пустой экран. *Я* еще не привыкла к внезапным исчезновениям людей, которых, казалось, только что видела «здесь». Я повернулась к маленькой служанке, которая проходила мимо двери.

— Донна.

Она сделала короткий реверанс.

— Что вам нужно, миледи?

Но, посмотрев на лица техников, обслуживающих оборудование три-д, я изменила свое намерение. Я не буду посылать ее с сообщением. Лучше я сама расскажу Лхарру, что я сделала.

Все устремили свои взгляды на меня, когда я открыла дверь в зал. Я думала, что я уже привыкла к тому, что все смотрят на меня, но их взгляды опять вывели меня из себя. Я выпалила сообщение и удалилась в свою комнату, весь аппетит пропал. На этот раз Лхарр ничего не сказал про мой уход. Когда позже ко мне пришла Кит, она была очень взволнована перспективой увидеть барона. Барон был родственником, а не гостем. Он мог бы внести свежую струю в ее жизнь после длительного траура.

Приезд барона принес много веселья и радости, хотя, к сожалению, он был вынужден скоро уехать. Он был таким же весельчаком в жизни, как и казался тогда на экране. На лицах Джемми и Кит было написано, как они боготворят его. Кит освободила на неделю учителя Джемми, так что он мог проводить с бароном столько времени, сколько хотел.

Так как барон был гостем, он имел право определять, чем мы будем заниматься целый день. Он играл в шахматы с Лхарром, флиртовал с Кит и со мной и играл в прятки с Джемми. Однажды он и Лхарр устроили шуточный турнир для меня и для Кит, а также для остальных обитателей поместья, для родственников и для слуг. Лорд

Карн выиграл турнир на лошади, но проиграл два боя без лошадей.

Ужины проходили так же весело, как и дни. Барон фон Шусс сидел справа от лорда Карна, на моем обычном месте. Я сидела справа от него и была награждена правом есть из одной с ним тарелки. Его забавные рассказы о приключениях, когда он был юнгой в Имперском флоте, смешили даже лорда Карна. Здесь я впервые услышала, как он смеется. Но в конце вечера, когда Лхарр шел со мной в спальню, он только лишь вежливо, но безучастно держал мою руку в своей и задавал ради приличия какие-то несущественные вопросы.

Дни проходили так хорошо, что я не могла понять, почему по ночам было так плохо. Сердился ли Лхарр на меня из-за чего-то и не хотел, чтобы об этом узнал кто-то еще? Я боялась спросить его об этом. Возможно, я неправильно его понимала. Возможно, я слишком поверила тому, что узнала от Питера. Теперь я узнала, как хорошо был обучен Карн скрывать свои чувства. Выучка Академии, как сказала мне Кит.

К тому же я еще не сказала, как я сильно переживала из-за нашей последней ссоры с ним, и чем дольше я развлекалась, тем труднее было мне оправдаться перед собой. Особенно после

его извинений. Возможно, моя вина была частью того барьера между нами. Я вздохнула, думая об этом, и Лхарр резко взглянул на меня. Он сжал мою руку, но ничего не сказал. Я начала говорить слова извинения, а затем взглянула на его холодный жесткий профиль. Он выглядел таким далеким, что у меня пропало желание говорить. У моей двери он грациозно поклонился.

— Спокойной ночи, миледи. — Он вошел в свою комнату через свой вход.

Барон показал такой же энтузиазм, какой он проявил во время своего визита подкинул на руках Джемми, шлепнул Кит, сердечно поцеловал меня и слегка побранил Карна.

— У тебя должен быть сын, Карн. Не пускай все на самотек. Уже прошло очень много лет.

Лхарр неуклюже рассмеялся и постарался избежать встретиться взглядом со мной. Я сильно покраснела. Барон усмехнулся, вскочил в свой флиттер и улетел.

После этого, когда начался Адвент, Лхарр стал часто бывать дома, и напряжение между нами стало еще больше. Прощальные слова барона, казалось, что-то изменили. Я пыталась разобраться в этом, но ничего не понимала. Я все еще оставалась его пленницей. Я была привязана к его

скучной, безрадостной жизни и чувствовала себя в отчаянии. Это напряженное состояние никак не могло быть любовью. Я была его *пленницей.*

Напряжение внутри меня нарастало. Я должна была поговорить с кем-либо, чтобы понять, что происходит, но я не знала Кит еще достаточно хорошо, чтобы обсуждать личные вопросы с ней. И никому из своих леди я не доверяла. Я не могла писать домой, потому что Лхарр или Орконан первыми прочтут мои письма, поэтому вопросы, на которые мне так нужны были ответы, не могут быть заданы. Я не могла позвонить домой по тем же причинам, потому что просьбы о помощи могут быть истолкованы как предательство. Мои ощущения становились все острее и острее, и я уже теряла контроль над ними. Я *должна* была с кем-то поговорить, иначе я уже не отвечала за собственное поведение.

Сэм Тремо. Он был исповедником в этом Мире. Он был нейтральным ко всем противникам на Старкере IV. Он казался единственным человеком, кому я могла верить. Я несколько раз пыталась выйти из поместья, но люди Томми или охрана снаружи всегда останавливали меня.

Не прошло и недели с отъезда барона, когда я уже больше не могла переносить это напряже-

ние. Я подкупила женщину из Фрименов, которая приходила шить к нам в поместье, чтобы она дала на время свое платье, в котором я могла бы ускользнуть из поместья на несколько часов. Я оправдывала свое поведение перед собой тем отчаянием, которое я испытывала в тот момент: я могла верить, что Гильдсмен не предаст меня. И Тремо поймет мое отчаяние, как не сможет понять ни один из коренных жителей Старкера.

Сэм находился на каком-то деловом совещании, когда я пришла к нему без охранников. Клерк Гильдии провел меня в небольшую боковую комнату и закрыл дверь. У меня было время подумать в маленькой комнате. То, что я сейчас делала, было вопиющим нарушением всех правил и пожеланий Лхарра. Это было также очень опасно. Я должна была уйти прежде, чем Сэм придет. Должна немедленно уйти. Но я ничего не должна Халареку, и я чувствовала, как будто я схожу с ума. Я *должна* была переговорить с Сэмом.

Сэм Тремо вошел, слегка расстроенный.

— Ларга Жанна, вы не должны были быть здесь без вашего лорда. Вы очень сильно рискуете.

Я почувствовала сильное облегчение в его присутствии, несмотря на его предупреждение. Я постаралась забыть о неприятных предчувстви-

ях, которые последовали за ним. Здесь, наконец, мне помогут.

— Я должна была видеть вас. Вы были исповедником в течение многих лет. Мне нужен ваш совет.

В поместье нет своего пастора?

— О, но он донесет обо всем «подозрительном» Лхарру, а то, что я скажу, совершенно опасно. Кроме того, он никогда не жил еще где-либо. Пожалуйста, Сэм, мои нервы на пределе! Я схожу с ума, и мне не к кому обратиться. *Пожалуйста!*

Его лицо помрачнело, и он тяжело сел.

— Говорите.

Как можно скорее я рассказала ему на фруванском о моем насильном замужестве, о строгих правилах, о безвкусных женщинах, о бездеятельности, о напряженной атмосфере мужского превосходства, о скуке и ссорах, даже о стесненных одеждах и стягивающих прическах и, наконец, о сложных отношениях между мной и моим мужем. В конце я немного рассмеялась, смутившись.

— Я чувствую лучше, когда я раскрыла кому-нибудь свою душу, Сэм. Я не смею говорить об этих вещах ни с одним человеком в поместье.

Он вздохнул тяжело.

— Я надеюсь, что ваш визит сюда не обойдется вам дорого. Исповедание является святым правом любого человека, но правила Гхарров настолько строги, что не поддаются пониманию. Возможно, вы заметили, что они считают свои законы даже более важными, чем у всего Мира.

Я покачала головой.

— Я не могу вынести это. Я умираю от скуки и еще из-за Лхарра. Я только лишь инструмент, который не работает так, как, ему хотелось. И поэтому мы не можем сойтись друг с другом. Я хочу домой!

— Никто не поможет вам сделать это, Жанна, за исключением лорда. Вы теперь с ним одна семья, а не Жанна Верлит из Фру. Гильдия должна строить отношения с вами, как с членом семьи. Очевидно, что об этом говорит лорд.

Я глубоко вздохнула.

— Должен же быть какой-то другой путь, Сэм. Я не хочу жить в этом худшем из миров. Я не хочу жить с Карном Халареком.

Его губы сжались.

— У тебя нет никакого шанса уехать, никакого. Если ты уедешь, то это будет названо «предательством» против планеты и мужа, и многие в Доме заплатят своими жизнями за это. Перестань

думать об этом.

— Что я могу сделать тогда? Он не хочет быть даже другом.

— Ты и твой муж никогда не ладили друг с другом. Ты никогда не пыталась изменить это?

— Я не знаю как, Сэм. Я никогда не встречала мужчину, который бы относился ко мне, как он. Он так далек от меня и так сух. И, наконец, это напряжение в отношениях… Я чувствую себя как бомба, готовая взорваться, когда я нахожусь рядом с ним.

С лица Тремо слегка спало напряжение.

— Ты не настолько невинная, чтобы не знать, что может значить это напряжение в его поведении?

Краска выступила у меня на лице. Я знала, на что он намекает, но я не могла желать мужчину, который женился на мне по политическим мотивам, мужчину, который меня не любит. Что можно сказать о нем? Мы были женаты несколько месяцев, человек, у которого уже было несколько жен, ни разу не пытался увлечь меня в постель. Он ни разу не показал никаких знаков, что он желает меня. Либо он действительно не хотел меня, либо я не привлекала его по физическим качествам?

Но он выбрал меня среди нескольких кандидаток. Если бы я не была желанна для него, он бы не выбрал меня. Кроме того, мне казалось не очень приличным думать о том, почему он не ведет меня в постель. Я не хотела его. Или хотела?

Я не хотела думать об этом. Лхарр обещал не вести меня в постель насильно. Ясно, что он держал свое слово. Но ведь это так не похоже на похитителя, особенно похитителя с Черного Корабля. И какой похититель напишет письмо родителям жертвы?

Разговор с Сэмом открыл мне проблемы, на которые я не хотела обращать внимания. Мое внутреннее замешательство возрастало.

Это, видимо, было написано у меня на лице. Уголки его губ слегка поднялись.

— Я вижу, вы задумались об этом теперь. Это хорошо. Вы должны были подумать об этом раньше, прежде чем идти сюда. Теперь возвращайтесь домой. И подумайте об этом больше. Если вам нужно еще поговорить на эту тему, пошлите за мной. Не приходите сюда без вашего лорда. — Он уставился на свои руки, лежащие на коленях, затем посмотрел на меня. — Может быть, вам поможет молитва, прежде чем вы уйдете?

Я вздохнула и кивнула.

— Да, Сэм.

Я встала на колени, и Сэм начал религиозный ритуал.

— Откройте ваше сердце.

— Мы откроем их лорду. — Я так боюсь, лорд. — Всемогущий Боже, которому открыты все сердца, которому известны все желания… — Как приятно повторять слова, которые я выучила, когда была дома! — …очисти наши мысли… — По мере того, как звучали фруванские слова, я успокаивалась, и мне становилось легче думать. — …аминь.

Я качнулась, когда вставала, и Сэм протянул мне руку, чтобы помочь подняться. У двери я пожала ему руку и собиралась идти.

— Ларга.

Я остановилась. Тремо колебался.

— Это может ничего не значить, но ходит сплетня, распускаемая Жюстиной, что лорд Карн испугался принять вызов лорда Ричарда на дуэль. Он должен знать об этом.

— Я… я скажу ему.

— Господь с вами, Жанна.

— И с вами, милорд.

Улица, на которую я ступила, была темной, означающей, что наступала «ночь». Красноватые отблески «заката» были слабыми. Я отсутствовала

больше, чем думала. Я поспешила к автомобилю, который я одолжила на время, и затем поехала в поместье, беспокоясь всю дорогу.

Очевидно, что если я вернусь в целости и сохранности, Лхарр не будет сердиться. Ведь главная причина, почему он не выпускал меня из поместья, была моя безопасность.

Но я нарушила его распоряжение, вовлекла женщину из Фрименов в свой план и оделась замаскированно в ее одежду, встречалась с Тремо с глазу на глаз. Лхарр будет недоволен. Очень недоволен.

Что можно сказать о Лхарре, который заставляет меня действовать как дуру?

Я остановила машину около ворот поместья и вошла через вход для слуг.

Я повернула ключ и резко открыла дверь. Внутри стоял Томми с угрюмым лицом. Он пошел ко мне с мрачной грациозностью, как и тогда на улице в Онтаре. Он снял с меня головной убор женщины из Фрименов, взял ключ из моих рук без единого слова, закрыл дверь на ключ, положил его в карман и взял меня настойчиво. Он подвел меня к ближайшему лифту.

— Вы можете не говорить мне, где вы были, но Лхарр должен знать, — сказал Томми, пока

выбирал пятый уровень. Его голос был самый жесткий, какого я никогда не слышала от него. — Вы поступили очень глупо. Я не выполнил своего долга, упустив вас. Я даю вам день, чтобы вы обо всем рассказали Лхарру, иначе это должен буду сделать я. Я и так рискую, откладывая это.

— Я только…

— Не говорите мне ничего! Лхарр сказал, что мне нельзя верить, и он был прав. Я могу потерять свое звание.

Томми громко постучал по двери моих покоев. Кит открыла ему сразу. Должно быть, она тоже ждала. Она посмотрела вопросительно на Томми. Томми резко сжал мне руку, затем отступил на шаг, отсалютовал нам обеим и вышел.

Кит нахмурилась:

— Что случилось? И где ты была? Я обыскала все. Мы уезжаем завтра утром к Дювалям. Ты знаешь, я говорила тебе об этом.

Я быстро вспомнила Томми. Один день. Я должна была доложить о собственном проступке Лхарру в течение дня, или на меня будут смотреть, как на напроказившего ребенка.

— Томми и я только лишь по-разному смотрим на жизнь.

По выражению лица Кит можно было понять,

что она не удовлетворена моим ответом, но она не стала меня расспрашивать дальше, за что я была ей очень благодарна. Весь следующий день она и я провели, пакуя вещи. Кит так долго выбирала, какие наряды нам надеть, что горничные в конце концов сбились с ног. Пока мы паковали вещи, я решила подарить Лхарру на рождество вышитый плащ, какой заботливо вышила Кит для Джемми. Для этого потребовалось бы много времени, но его-то как раз у меня было много, так что подарок по качеству не уступал бы подаренному мне.

Я радовалась предстоящему визиту, хотя предупреждение Тремо тоже не выходило из головы. Это был только слух, говорила я себе. Но я не могла убедить себя, что это было не важно. Лхарр должен узнать об этом скоро. Я была только лишь одним из многих, кто знал об этом. Он должен узнать как можно скорее. Я не могла откладывать свой рассказ о визите в Гильдхолл более чем на один день.

Представляю, как будет взбешен Лхарр! Я испугалась последствий. Утром. Я расскажу ему утром. Несколько часов не имеют большого значения.

Вещи были упакованы, и все женщины в своих постелях, и я уже засыпала, когда в дверь постучали. Поднялась Жаклин и впустила Вейсмана.

Все его тело дрожало от возбуждения.

— Ларга, срочное сообщение для вас. С космического корабля! Он говорит, что это важно. — Высокий голос Вейсмана срывался, когда он говорил.

— Кто говорит? Где?

— Капитан космического корабля. В переговорном центре, на стартовой площадке. Вы должны идти.

Я накинула на себя халат, запахнула его спереди и быстро пошла.

Это был Питер! Как я хотела видеть его!

— Жанна, вы одна? — Голос Питера был очень слабым.

— Сейчас. — Я махнула рукой техникам и Вейсману, чтобы они вышли. Мне показалось, что библиотекарь делал это неохотно, так что я строго взглянула на него, чтобы он поспешил. — Как дела дома, Питер?

Двенадцать секунд задержки в радиопередаче создали ощущение, что мой ответ повис в воздухе.

— Я сейчас все расскажу, Жанна. Надвигается шторм, и я должен где-то укрыться. Я также плачу три сотни за минуту разговора минус время задержки, конечно. Я нахожусь на расстоянии Прыжка от системы Старкера, возможно, такой

шанс не представится еще несколько лет. Я могу прибыть в посадочном модуле для встречи с тобой через четыре часа.

— Питер, ты совершаешь преступление!

Двенадцать секунд. Питер всегда хотел быть не кем иным, как только капитаном корабля.

— К черту! Я хороший инженер. Я могу получить другую работу.

— Ты так много работал!

Шесть секунд, чтобы сигнал дошел до него, и шесть секунд обратно. С одной стороны, это действовало на нервы, с другой, это давало мне время подумать.

— Не беспокойся о последствиях! Шторм уже приближается. Ты можешь освободиться?

Я быстро обдумывала ситуацию. Только лишь местность без холмов могла быть безопасной для посадки модуля. Если я немедленно исчезну, Лхарр хватится обо мне через четыре часа. Затем я подумала о неизбежной церемонии, которая отрежет меня от мужчин навсегда.

— Я вышла замуж за него, Питер.

Ему сказали об этом, несомненно.

— Тебя насильно заставили, а это нарушает галактические законы. Раз с тобой поступили незаконно, то и ты свободна не выполнять их

законы.

Я почувствовала сильное облегчение. Свободна! Никогда не носить стесняющей одежды, не подчиняться глупым правилам или подавлять свои способности потому, что женщины Гхарров не имеют права показывать их. Увидеть прекрасную зеленую Фру…

— О, Питер, давай вернемся домой!

Но затем мне пришли на память грязные сплетни Жюстины. Меня уже обвинял лорд Ричард в бесплодии и измене. Если я сбегу, то меня будут считать предательницей. Лхарр и много, или даже большинство, мужчин в Доме Халарека будут казнены, если я это сделаю.

— Я подумаю.

Надежда уехать домой и получить свободу в тот момент, когда меня оставили все надежды. Я почувствовала, как будто я задыхаюсь. Наконец я сказала изменившимся голосом то, что должна была сказать:

— Нет, Питер. Я не могу. Принять твою помощь — значит, совершить предательство. Лхарр заплатит жизнью за этот поступок. Много мужчин погибнет из-за этого. Я не могу сделать это, не могу.

Слышал ли он последние слова, произнесен-

ные шепотом? Задержка связи показалась мне вечностью.

— Роджер. — И он исчез.

Я опустилась на пол и закрыла свое лицо руками. Я настолько оцепенела, что даже — не могла плакать. Он исчез, и с ним исчезли все надежды. Я оказалась навечно приговоренной остаться в этом мире.

— Ларга?

Техник просунул голову в приоткрытую дверь. Я хотела побыть одна, но, с другой стороны, не могла лишать техников их работы.

— Неужели дверь была открыта все время?

— Да, миледи. Она может быть открыта только изнутри, и мы были совершенно уверены, что вы не знаете, каким образом.

У техников были честные лица. Возможно, они нисколько не понимали по-фрувански. Вейсмана нигде не было видно. Я попросила охранников дать мне несколько сопровождающих.

Через несколько минут я уже была на своем уровне. Я хотела успокоиться, поэтому я стала ходить медленно вокруг центрального холла. Мои четыре охранника в синем стояли на значительном расстоянии спереди и сзади и не покидали меня. Я замечала всякий раз, проходя мимо по-

коев Лхарра, что у него нет охраны около дверей. Это означало, что его не было в комнате и что я могу отослать свою охрану к себе в покои, а сама пройти через комнату Лхарра в библиотеку.

Я отчаянно нуждалась в тишине и одиночестве, чтобы все обдумать.

Мой план было легко выполнить. Мои леди спали, а Лхарр куда-то ушел. Я проскользнула в его комнату и затем прокралась по железной лестнице в темноте вниз, потому что не знала, как включить свет на верхнем уровне. В библиотеке я решила, что темнота меня как раз устроит. Я зажгла искусственный огонь — он не давал много света, свернулась в кресле и уставилась на искусственные языки пламени, обдумывая ситуацию. Я подписала смертный приговор Лхарру, Кит, Джемми и многим другим из-за своей жизни в тюрьме. Долгое время это была единственная мысль, которая была в моем оцепенелом мозгу. Жизнь в тюрьме.

Когда я проснулась, из главной двери шел свет, означавший, что «день» уже настал. Я потянулась затекшими от неудобной позы руками и ногами. У меня не было сожалений по поводу прошедшей ночи. *Я* сделала единственно правильный выбор. На этой планете уже и так было достаточно

убийств.

Я поднялась и потянулась снова. Я должна рассказать Лхарру предупреждение Тремо прежде, чем мои нервы снова придут в расстройство. Но когда я пошла искать его, он уже куда-то ушел с Ороарком, который будет отвечать за порядок в поместье, когда мы уедем. Поэтому у меня было несколько часов перед отъездом, чтобы продумать, как мне говорить с Лхарром.

Даже если Томми уже рассказал ему о том, что я была в городе одна, я все еще могла сказать ему о предупреждении Сэма. Ожидание предстоящего разговора действовало на нервы. Я откладывала идти на стартовую площадку для флиттера, как капризный ребенок. Наконец я пошла.

В залах было всего несколько человек, немного солдат и паж. Когда я проходила кухню, я услышала двух болтающих женщин сквозь шум тарелок, которые они мыли, и в их словах мелькнуло мое имя. Я остановилась за дверью кухни, обрадованная возможностью немножко отложить неприятный разговор с Лхарром и проверить свои знания в романском языке.

— Уф! Столько месяцев — и никаких признаков беременности, — сказала одна.

— Я думаю, отец его высочества был большим

мужчиной, чем этот.

— Не суди по внешности, я всегда говорю. Ты знаешь, что его отец говорил о нем. Женственный, говорил он.

— Нет, это не вина Лхарра, — сказала недовольно другая женщина. — Он настоящий мужчина. У него хватает здравого смысла не иметь внебрачных детей, хотя он мог иметь их кучу. Вспомни, его первая жена не смогла уберечь ребенка, а вторая была убита во время беременности.

Голос второй женщины смягчился.

О, я вспомнила. Эта ведьма доставила ему приятную охоту. Надо же, спать с лордом Ричардом назло ему.

— Нашему Дому нужен наследник, и как можно скорее. А у лорда Карна нет более молодой.

— Да, двадцать восемь зим длится десять аденов.

— Как ты думаешь…

Я поспешила уйти. Итак, одни слуги думали, что я бесплодная, а другие — что Лхарр импотент. Потому что я не могу притворяться перед ним. И даже если бы могла, я не могу высиживать яйца, как какая-нибудь наседка. Я уже поняла из поведения Гхарров, как много значат слухи для положения моего мужа, если даже слуги верят

им. И мой визит в Онтар, из которого я узнала слух о его малодушии, что может еще больше пошатнуть его влияние — все это требовало немедленно открыться Лхарру.

Когда я наконец добежала до стартовой площадки, все уже находились во флиттере и лестницу поднимали на борт. Лхарр подождал меня, чтобы я поднялась на крыло.

— Вы совершили плохую сделку, лорд, — сказала я ему тихо. — Посмотрите, сколько несчастий я вам принесла.

Когда флиттер поднялся, Кит, Джемми и Вейсман стали играть в карты. Орконан уткнулся в банковскую книгу отчетов. Я неуверенно коснулась руки Лхарра:

— Милорд?.

Он посмотрел сурово своими золотистыми глазами на меня. *Я* понизила голос.

— Ходит слух, что вы смалодушничали после нападок Жюстины и отказались от дуэли с лордом Ричардом. Может ли это повредить вам?

Лхарр встрепенулся. Я могла почувствовать, что все его внимание теперь было направлено на меня.

— Да, и очень сильно. Где вы услышали это?

— От… от Первого Купца Тремо.

Его глаза сузились.

— Первый Купец не был у нас после свадьбы ни разу. Я полагаю, что вы не ждали столько времени, чтобы сообщить мне это.

Он не собирался прощать мне это. Я опустила глаза:

— Вчера, милорд. — Он открыл рот, чтобы что-то сказать, но я закрыла ему рот ладонью. — Но, милорд, позвольте мне закончить. Я была неправа, не подчинившись вашим приказам, но я была в таком отчаянии. Я нуждалась в искреннем совете, который не мог дать мне пастор Джарвис. Сэм когда-то был священником, и он вырос в другом мире. — Я оглянулась по сторонам, пристыженная своей импульсивностью. — Пожалуйста, пообещайте мне, что вы не накажете капитана Ороарка за то, что я сделала. Я обманула его.

— Всеми святыми!..

Я посмотрела в его сердитые глаза:

— Милорд, я бесконечно виновата перед вами.

— Если кто-то видел тебя… Ты представляешь, какой скандал по твоей вине может начаться? Клянусь своей Матерью!

Я прервала его:

— Мой лорд.

После моего предупреждения, сказанного шепо-

том, он перестал смотреть на меня и последовал за моими глазами. Вейсман наблюдал за нами очень внимательно. Когда Лхарр взглянул на него, он начал поспешно раскладывать карты и говорить что-то Кит, громче обычного.

Я собрала все свое мужество и перешла к самой трудной части разговора:

— Милорд, накажите меня, если хотите, но не обвиняйте капитана Ороарка.

Он не ответил, и под его испытующим взглядом я похолодела.

Наконец он повернулся и начал быстро нажимать на контрольные кнопки на панели. Заинтересованная, я наблюдала, как играют его мускулы под кожей. Я никогда не замечала прежде, какими сильными выглядят его руки.

После долгой паузы он наконец сказал:

— По крайней мере, ты правильно оценила способности Ороарка. Трудно было бы найти человека лучше.

«Может быть, к лучшему, — подумала я горько. — Он был единственный человек, который мог сдержать его гнев, когда он был готов уже выйти из себя».

Я даже не могла понять его молчание во время всего остального полета, как признак гнева,

который я ожидала; он редко разговаривал со мной до этого.

Флиттер опустился на снежную стартовую площадку в городе. Солнечный свет блестел на сугробах, что маскировало частично надписи по краям площадки. На одной из них было написано: «Тщательно закройте ваш корабль».

Мы дождались, пока все четверо из нашей охраны не вышли, прежде чем вышли сами. Когда я наконец вышла на крыло, Лхарр стоял внизу на земле, ожидая меня. Я пыталась отойти, слишком смущенная своим желанием получить помощь от него, но он сопровождал меня вдоль всего крыла. Мое лицо пылало от смущения.

— Ларга, вы уже достаточно наигрались, — сказал Лхарр вежливо. — Спускайтесь вниз.

Что я еще могла сделать, кроме как позволить ему спустить меня? Он не позволил мне сразу уйти. Он смотрел на меня внимательно, что приводило меня в еще большее смущение, а его тяжелые руки ласково обнимали меня. Он взял меня за подбородок и заставил поднять глаза.

— У вас есть мужество, мадам, — сказал он спокойно. — Глупость тоже есть, но об этом вы честно рассказали сами и, главное, добровольно, ожидая ужасных последствий, как я предполагаю.

Женщина, которую я видела отраженной в этих ясных золотистых глазах, действительно показалась мне очень маленькой и глупой. Внутренне содрогнувшись, я отвернулась.

Он снова мягко повернул к себе мое лицо.

Мужайтесь! Я восхищаюсь отважными женщинами, мадам.

Глава десятая

Семья Дюваль встретила нас очень радушно. Обменявшись традиционными приветствиями, мужчины удалились на совещание, а миссис Дюваль стала показывать женщинам дом. Он был, конечно, значительно меньше замка Онтар, однако обставлен изысканно и с большим вкусом. После обеда Кендар присоединился к нам, как и было положено хозяину Дома, а Лхарр и член Совета Дюваль встретился со Свободными гражданами, правившими в районе Льюс. Кендар сказал нам, что Лхарр ищет поддержки в своих намерениях освободить рабов и отменить жестокие наказания провинившихся рабов.

«Об этом было бы интересно поговорить, — подумала я, — но, по-видимому, здесь не принято, чтобы женщины рассуждали на такие серьезные темы».

После обеда выяснилось, что Кендар, так же как и я, очень любит музыку. В замке Онтар никто совсем не увлекается музыкой. Первые два дня Кендар почти целиком посвятил тому, чтобы познакомить меня с Ромскими балладами. Потом я, Кит и Дювали пели их все вместе. Изредка к

нам присоединялись и фрейлины.

Поскольку на Старкере IV пять месяцев в году стоит очень суровая зима и в течение почти трех месяцев никто не выходит на поверхность, то жители этой планеты знают огромное количество комнатных игр и других развлечений, которыми наслаждаются с детским восторгом. Все дни Дювали и Халареки с удовольствием разгадывали загадки, играли в фанты, жмурки и шахматы. Мы также очень много беседовали. По вечерам все, кроме младших детей Дювалей, собирались и рассказывали друг другу разные истории.

На третий день нашего пребывания в доме Дювалей Лхарр провел, наконец, последнее совещание со Свободными гражданами, на этот раз — с представителями города, и смог провести весь последний день с «молодежью», как член Мирового Совета называл нас. В этот день мы оставили «подходящие для женщины» темы и стали обсуждать вопросы, касающиеся свободы и индивидуальной ответственности. Мнения колебались между традиционными взглядами Элспет и Адриан, уверенных, что на женщин можно только смотреть, но не слушать, и моей позицией, которую многие также не могли принять.

Спор быстро разгорался. Теперь уже Лхарр

перестал тщательно подбирать слова, когда разговаривал со мной. Он забыл про необходимость соблюдения формальностей. Глаза его горели, голос стал громче, и он уже спорил со мной с той же легкостью, как с Кит или Адриан. Однако, несмотря на все свои попытки освободить рабов и дать им образование — конечно, только мужчинам, — а также дать им право голоса наряду со свободными людьми, он не мог смириться с мыслью, что женщины столь же умны, как и мужчины, и наделены не меньшими, чем они, способностями.

— Вы, мужчины, не должны так судить о всех женщинах только на примере женщин со Старкера IV! — вскричала я в конце концов, рассерженная и огорченная. — Конечно, они ведут себя как дети, но их так воспитали. Если вы дадите им образование, если вы предоставите им возможности и возложите на них обязанности, которые имеют все женщины на большинстве других планет, вы поймете, как вы ошибаетесь. У женщин есть полное человеческое право самим распоряжаться своей жизнью.

Кендар снисходительно улыбнулся.

— Гхаррские женщины никогда не хотели иметь никаких обязанностей. Им нравится та

жизнь, которую они ведут.

Я покачала головой.

— Как может женщина хотеть того, о чем она не знает? Как может женщина желать чего-либо, кроме своих домашних обязанностей, если больше ничего для нее не существует или не разрешено?

— Вы как будто одобряете обязанности женщин вне дома. Женщины не могут даже распоряжаться своей собственной жизнью, — вставил член Совета Дюваль.

— Да. Они ведут себя как дети, — добавил Кендар. — Им нельзя давать никаких серьезных поручений.

Кит теребила край вуали, не решаясь возразить и оглядывая всех присутствующих, потом наконец сказала:

— Фрем Дюваль! Ник… Ник позволял мне выполнять ту же работу, что Фрем Орконан выполняет для Карна. Это очень серьезное поручение, предполагающее большую ответственность.

Дюваль кивнул.

— Да, но вы необычная женщина, леди Катрин.

Кит покраснела от смущения, отчего стала очень хорошенькой, но больше ничего не ска-

зала.

Тогда я снова вступила с ним в спор.

— Любой другой Гхаррской женщине не хватает не способностей и ума, а образования. Дайте ей образование, и, получив такую возможность, она сможет распоряжаться своей жизнью не хуже мужчины, а то и лучше.

— Некоторые женщины, возможно, выполняли бы свою заботу не хуже мужчин, но вот большинство… — член Совета покачал головой.

— А вы, леди Жанна? Хорошо ли вы выполняли свои обязанности? Скажите нам честно, — Кендар решил слегка поддразнить меня.

— Я выполняла их очень хорошо до тех пор, пока не попала сюда. С тех пор я прозябаю здесь, — Я повернулась к Лхарру. — Но я никогда не буду такой, как Гхаррские женщины. Я слишком долго жила на своей планете, чтобы мне понравилась зависимость от кого-либо. Я — образованный человек. Я знаю, что могу. Мою работу уважают как мужчины, так и женщины. Я никогда не буду «хорошей» женой в том смысле, как это понимают Гхарры. Работа по дому дает слишком мало пищи для тренированного ума.

Мне показалось, что в глазах Лхарра мелькнуло понимание. Потом снова заговорил Кендар.

— Если женщины наделены теми способностями, о которых вы говорите, почему же они так долго, к счастью для себя, остаются в зависимости от мужчин?

— «К счастью», Кендар? Но у них же нет выбора. Даже одежда, которую они носят, строго предписана законом и обычаями, — я посмотрела на Лхарра, чтобы увидеть его реакцию на мое заявление. Он выглядел заинтересованным, но не более того. Может быть, я неверно истолковала мелькнувшее в его глазах выражение. — Вы обращаетесь со своими женщинами так же, как с рабами, — полагаясь только на силу своих рук.

В тот самый момент, как эти слова сорвались у меня с языка, я поняла, что сказала ужасную, непростительную глупость. Все рассмеялись, и я была уверена, что после такого смеха никто больше не станет слушать моих аргументов. Кендар встал, все еще продолжая смеяться.

— Давайте прекратим сейчас же этот спор и пойдем в столовую.

Элспет взяла своего котенка с колен и посадила его на пол, потом быстро вскочила со стула. Адриан бросила последний взгляд в зеркало, висевшее у нее на поясе, и поправив свои темные волосы, томно поднялась со стула. Я отметила про себя

этот жест, так как всегда думала, что свисавшее с пояса зеркальце было всего лишь модным украшением.

— Мадам…

Но Лхарр опоздал. Я уже приняла протянутую мне руку Кендара. Мне показалось, что Лхарр был немного разочарован, но я тут же отбросила от себя эту мысль. Я представляла для него интерес только в политическом и деловом отношении.

Даже в таком гостеприимном и радушном доме Дювалей стало к вечеру прохладнее. Член Совета помахал рукой перед огромным камином, и в нем внезапно вспыхнуло иллюзорное и выглядевшее даже более натуральным, чем в замке Онтар, пламя, распространяя вокруг себя свет, тепло и аромат горящего дерева, хотя было ясно видно, что бревна в камине не подвергаются никакому изменению. Член Совета и его жена, вежливо побеседовав с нами после обеда минуты две, ушли, оставив «молодежь» развлекаться самостоятельно. Вшестером мы уселись вокруг огня на мягких диванных подушках и низких стульчиках, потягивая из больших кружек подогретое яблочное вино и наслаждаясь тишиной, теплом и обществом друзей. Потрескивание дров в камине, пряный аромат яблочного вина и запах

дыма, ласковое тепло шерсти и бархата — от всего этого мы получали огромное чисто физическое наслаждение.

Своим приятным, чуть хрипловатым голосом Адриан запела старинный романс. Она исполняла его очень артистично, увлекая всех сюжетом этой сказочной истории. Голос Адриан менялся в зависимости от того, о чем она пела, и мне казалось, будто эта трагедия на самом деле происходит сейчас перед моими глазами. Когда замолкли последние звуки ее голоса, в комнате несколько минут стояла мертвая тишина: все находились под влиянием услышанной только что песни.

Потом настала очередь Кит рассказывать свою историю. Однако, не допев песню даже до середины, она не смогла вспомнить ее продолжения.

— Это серьезный проступок, леди Катрин, — строго предупредил ее Кендар. — Как же мы накажем ее?

— Загадки, — сурово произнес Лхарр. — Загадать ей три загадки, прямо сейчас.

— Четыре, — протянула Адриан.

— Хорошо, четыре. Если вы их не отгадаете, леди Катрин, мы придумаем для вас еще более суровое наказание, — строго сказал Кендар.

К счастью, у Кит был большой опыт по части

разгадывания загадок — ведь ее маленький сын очень любил это занятие, поэтому Кит удалось избежать обещанного ей более сурового наказания.

Теперь была очередь Элспет. Она не была столь артистична, как Адриан, и не обладала таким необыкновенным «сказочным» голосом, поэтому ее пение значительно проигрывало пению Адриан. Где-то я уже слышала эту историю, но где? Я никак не могла вспомнить. Когда это могло быть? И вдруг я вспомнила: это был древний Терранский романс!

Размышляя над этим, я не заметила, как наступила тишина. Я была очень взволнована.

— Вы что-то сказали мне? — я огляделась вокруг себя.

Где-то за моей спиной захихикала Там. Кендар усмехнулся.

— Ваша очередь. Что вы нам расскажете?

Я покачала головой и что-то пробормотала в ответ. Элспет зашептала на ухо Адриан, и обе они захихикали. Вдруг я заметила, что место Лхарра было пустым. Вот почему они смеются. *Я* не стала оглядываться по сторонам и искать его: скорее всего, они ожидали именно это.

Но прежде чем я сообразила, что делать, кто-то

сзади закрыл мне глаза руками и толкнул на спину.

— Ты совсем не скучаешь по мне, жена моя! Сколько времени меня не было в комнате? — Лхарр говорил почти у самого моего уха, и в голосе его слышался смех. Я чувствовала его дыхание на своей шее.

Я стала быстро вспоминать. Как долго я была погружена в собственные мысли и ничего не замечала вокруг себя?

— Пять… десять минут, мой лорд.

Он рассмеялся.

— По-моему, она должна заплатить нам штраф. Она не слушала песню и сама не может ничего рассказать.

— Пусть споет песню.

— Нет, пускай она будет нашей рабыней в течение целого часа.

— Нет! Нет! Поцелуй! Поцелуй! — Элспет весело подпрыгивала на своей подушке.

— Пусть она поцелует каждого из нас. — Кендар сказал это так торжественно, будто объявлял приговор об одиночном заключении преступника.

Элспет тут же бросилась ко мне, чтобы получить положенный ей поцелуй. Кендар наклонился ко мне и комично сморщил губы. Я поцеловала

его в кончик носа. Кит подставила мне щеку. Адриан отложила свой поцелуй, чтобы никому из нас не пришлось вставать и давать ей дорогу. Наконец остался один Лхарр. «Интересно, — подумала я, — он наклонится ко мне или я должна встать и повернуться к нему?»

Не заставляйте меня идти к вам, милорд.

— Ты слышала приговор, — сказал он прямо мне в ухо. Он выпрямился. — Иди ко мне. Целуй.

Он резким движением заставил меня стать на колени и наклонился надо мной. Мне было очень жаль, когда его долгий, горячий, нежный поцелуй закончился. Я снова уселась на свою подушку, рассмеялась, чтобы скрыть свое смущение, отвернулась и стала смотреть на огонь. Неужели этот дерзкий и дразнивший меня мужчина был тем самым человеком, который держался со мной дома так холодно и отчужденно, человеком, который так редко разговаривал со мной и обращался ко мне только в порыве гнева или перекидывался несколькими вежливыми фразами? Может, он сейчас ведет себя так легко и непринужденно только потому, что мы находимся в компании? Действительно ли он хочет держаться от меня подальше или просто не знает, что со мной делать? Меня очень волновали все эти вопросы.

Он игриво положил мне руку на плечо.

— Ну, теперь слушай внимательно. Сейчас моя очередь петь. А иначе мне снова придется потребовать от тебя заплатить штраф.

Я взглянула на своего мужа, изобразив на лице притворный ужас.

— О нет, мой лорд! Я буду вести себя хорошо!

Все засмеялись, а Лхарр запел довольно сложный романс. В нем шла речь о жестокой мести мужа своей жене и о ее настоящей любви. Заканчивался роман гибелью всех его героев. Песня эта так точно отражала отношение Гхарров к женщинам и к любви, что я не смогла удержаться, чтобы снова не начать спор.

— Даже в ваших историях и песнях чувствуется двойная мораль, — обратилась я к Кендару и Лхарру. — Разве вы сами не видите этого? Это так несправедливо.

Это мое замечание послужило толчком к возобновлению нашего спора.

— А почему бы и нет? — возразил Кендар. Браки заключаются для достижения материальной или политической выгоды. Любовь — это совсем другое.

— Тогда, по крайней мере, дайте женщинам такую же свободу.

Элспет и Адриан с ужасом посмотрели на нее. Несколько минут длилось общее замешательство, потом первый раз в разговор вступила Адриан.

— Настоящая любовь вполне возможна и в браке. Мои родители любят друг друга.

Я заметила, как Карн и Кит обменялись взглядами, и вспомнила его горькие слова о том, какой ценой пришлось заплатить Нику за его любовь. Наша дискуссия закончилась, конечно, ничем, и каждый остался при своем мнении.

Этот вопрос все еще продолжал волновать меня, когда мы отправились домой. Двойная мораль охватывала все, даже шутки и развлечения. Это было очень грубо и несправедливо. Что касается любви, воспоминания об этом доставляли мне жгучую боль.

Чем обернулась для меня моя любовь? Только мучительной болью и изменой. Этот предатель Ланс даже не заслуживает того, чтобы о нем вспоминали.

Было уже очень поздно, и никому не хотелось разговаривать. Кит свернулась калачиком в хвосте флиттера и, положив на колени Джемми, заснула. *Я* сидела рядом с ней, но сон не шел мне в голову. Флиттер скользил вдоль крутых

склонов древних гор. Вдали поднимались более молодые горы, находившиеся уже во владении Халареков. Они казались серебряными в ярком лунном свете, холодный ветер сдувал с них снег, паривший в воздухе, словно серебряная пыль, и снова оседавший на сверкающую безмолвную поверхность. По блестящей снежной глади скользили мрачные тени сопровождавших нас флиттеров. Я смотрела в затылок Лхарру. Ведь он же образованный и умный человек! Неужели он тоже уверен, что в браке совсем не обязательна любовь? Неужели он убежден в физической и умственной слабости женщин? Есть ли хоть какой-нибудь шанс изменить его взгляды? Смогу ли я выдержать подобное к себе отношение — как к существу второго сорта? Я не знала ответа ни на один из этих вопросов. Смогут ли два человека с такими разными привычками и взглядами прожить вместе всю жизнь? Тем не менее, нам придется искать выход.

В течение трех недель, последовавших после нашего возвращения от Дювалей, мы почти каждый вечер отправлялись в гости. На этих вечерах было полно народу, но все они проходили очень скучно и были похожи друг на друга. Халареки наносили эти визиты, главным образом, потому,

что лорду Карну нужно было обсудить разные политические вопросы с другими мужчинами. Все там было тщательно продумано и заранее запланировано: одежда, еда, представления, где выступали актеры и акробаты, жонглеры и фокусники. Каждый раз хозяйка дома обязательно обходила все комнаты, собирая всех женщин и отделяя их от мужчин, часто даже уводя их в отдельную комнату. Мужчины обычно сразу же начинали спорить о политике и реорганизации Гхаррского общества. Меня очень интересовали эти споры, но мне не разрешалось не то что участвовать в них, но даже слушать, что говорят другие. Один раз я попыталась что-то сказать, но хозяйка очень грубо одернула меня.

Таким образом, мы с Кит были изгнаны из мужского общества туда, где со всех сторон только и слышалось, что «мой лорд» то, или «мой муж» се, или «У моего маленького мальчика зубки…», или «Вы слышали, какую операцию перенесла Маргарет?», или «У моей маленькой девочки сильный жар, и я…». И так все время, как будто у них не было больше других тем для разговора. Сначала я попыталась было принять участие в этих беседах, но на всех вечерах те же самые женщины болтали друг с другом об одном и том же.

К счастью, выражение скуки на лице считалось очень модным. Даже лица женщин, особенно жадно впитывавших в себя все услышанные ими сплетни, неизменно выражали скуку.

После всех этих ночей, проведенных в пустых разговорах и танцах, у меня не появилось ни одного нового друга. В памяти осталось лишь множество чужих лиц и прилагающихся к ним имен. Однажды я спросила об этом девочек Дюваль во время нашего разговора по трехмерному видеофону, когда мы обсуждали с ними одно очень интересное дело. Накануне в гостях были танцы, но только не для меня, так как Лхарр был очень занят, пытаясь убедить лордов нескольких малых Домов, что отмена рабства скорее всего будет выгодна всем, а замужняя женщина обязательно должна танцевать свой первый и последний танец только со своим мужем.

— Ну что я делаю неправильно? — спросила я у Дювалей.

Элспет задумчиво теребила локон у своего уха.

— Не вы, а Лхарр. Многие женщины боятся сблизиться и подружиться с вами, и причина этому — вражда. Представляете, как ухудшится их положение в обществе, если Карн проиграет лорду Ричарду?

Это было похоже на правду, так как вполне соответствовало моему представлению о Гхаррах.

— Это все ужасно бессердечно.

Элспет беспомощно развела руками.

— Если хотите знать, что я думаю, — протянула Адриан, — то они все завидуют вам.

— Мне?

— А почему бы и нет? Ваш муж — самый лучший мужчина. Здесь слишком много карьеристов, которые ставят ему ловушки! Его не любят, потому что он всегда очень занят и держится в стороне от других. И еще, он очень привлекателен для многих гем, что ему так долго не везло со своими женами. Но он выбрал вас. Это потребовало от него огромных расходов. И вы более свободны, чем другие женщины — у вас есть своя собственная комната, если хотите, вы можете спать отдельно, вы ездите верхом, у вас самые красивые наряды и у вас нет детей. Еще вы говорите, по крайней мере, на пяти языках.

— Но я никогда никому не говорю об этом.

Она засмеялась.

— Конечно нет, но об этом говорят ваши женщины. Быстрее всего новости здесь распространяются служанками. Все, что вы делаете, тут же становится достоянием гласности.

— Вы не представляете, Жанна, о чем только они ни рассказывают! — добавила Элспет.

Возможно, они правы. Мне все равно больше не у кого было спросить об этом. В конце концов, Дювали — наши друзья.

Началась зима. Вскоре стало так холодно и выпало столько снега, что уже нельзя было оставаться на поверхности в течение длительного времени. Так, по крайней мере, сказала Жаклин, но мне все же не верилось в это. Она сказала также, что все флайеры и флиттеры были снабжены специальными спасательными комплектами на случай аварии, включающими костюмы, полностью закрывающие тело человека, и маски, защищающие от ветра. Возвратившись как-то в замок после службы Первого Дня, Жаклин рассказала мне, что на поверхности уже лежит слой снега толщиной почти в один метр. Я рассмеялась. Только три вечера назад я ездила в гости и видела зеленую траву там, где сейчас лежал снег.

— Ты разыгрываешь меня. Не могло так быстро выпасть столько снега.

Лхарр случайно услышал мои слова и усмехнулся.

— Сейчас идет только месяц дрэк, — сказал

он. — Еще довольно тепло и влажно, поэтому выпало много снега. Когда закончится ухл, станет слишком холодно, чтобы могло выпасть много снега. Ветры архаста, курта и немба сдуют снег, выпавший в нарне и ухле.

— Слишком холодно, чтобы выпал снег? Вы оба рассказываете мне сказки. Но я не такая доверчивая, чтобы верить им.

По лицу Лхарра скользнула тень. Он взял меня под руку и слегка поклонился Жаклин, Тамаре, леди Агнес и Кит.

— Извините нас, леди. Я должен доказать своей жене, что говорю правду.

Почему его вдруг стали волновать мои сомнения? Мне показалось это очень странным. Я не сопротивлялась, когда он повел меня к лифту, который должен был поднять нас на поверхность.

Он открыл дверь лифта. Жаклин и он действительно говорили мне правду. Снег на треть загораживал нам выход, через мгновение снег упал в лифт. Фонтан в центре сада скрылся под толстым белым одеялом. Голубые сосны поникли под грузом лежащего на них снега. Мороз щипал меня за нос и причинял сильную боль глазам.

— Я никогда не стал бы тебе лгать, — сказал Лхарр, — Я привел тебя сюда не только, чтобы

показать это. Я хочу также, чтобы ты поняла, какие здесь зимы, если вдруг тебе придет в голову мысль прокатиться на лыжах или проехаться верхом или даже прогуляться. Кроме того, я еще не успел объяснить тебе, что тебя могут найти Харлан или Одоннел или Джастин. Сейчас только начало зимы. В середине ее мы проводим три месяца в замке, не выходя на поверхность. Никто здесь не ходит, флайеры не летают. Гильдия даже не поставляет нам грузы с орбиты из-за сильных ветров. Я уверен, что тебе об этом уже говорили, но сомневаюсь, что ты поверила.

Я выглянула из лифта и посмотрела на невероятно толстый слой снега. Еще два месяца на этой планете будет лежать снег. Холодный ветер кружил по лифту и резал лицо, словно ножом. Интересно, хотел ли Лхарр только доказать мне, что говорит правду, или предупредить, чтобы я не пыталась убежать отсюда? Мысль о том, что он все еще верит, будто я хочу убежать, сильно задела меня и даже привела в ярость.

Лхарр поднес палец к кнопке управления лифтом.

— Теперь ты видела достаточно?

— Да, лорд Карн.

— Ты веришь мне?

— Да, лорд Карн.

— Мы можем спускаться в столовую?

— Да, лорд Карн.

Он нажал кнопку с цифрой 4, а затем легким движением руки повернул к себе мою голову.

— Почему так официально?

Голос его показался мне мягким и даже как будто извиняющимся. Может быть, он просто предупредил меня о плохой погоде, чтобы уберечь от опасности. Сейчас там можно запросто погибнуть от холода, не говоря уж о врагах. Я почти поверила, что он хотел защитить меня. Я посмотрела прямо в его золотистые глаза, улыбнулась и сказала уже более ласковым и веселым голосом:

— Да, лорд Карн.

Он улыбнулся той изумительно ослепительной улыбкой, которую я видела у него на лице всего лишь второй раз в жизни. Я почувствовала внутренний трепет. В этот момент, находясь с ним в лифте один на один, я вспомнила, что по закону он может спать со мной каждую ночь, однако он не делает этого.

Он словно почувствовал, о чем я думаю. Глаза его расширились, и кончиком языка он медленно облизал нижнюю губу. Все это выглядело очень

соблазнительно, но я совсем не хотела отдаться человеку, который силой оторвал меня от всего, что я любила и о чем мечтала. Я не хотела отдаться этому чужестранцу.

Когда двери лифта открылись наконец на четвертом этаже, Лхарр только вежливо взял меня под руку и повел в столовую. В эту ночь, так же как и во все предшествующие ночи, он не тревожил меня.

Лхарр сообщил мне, что мы будем отмечать рождество только в кругу своей семьи. Это означало, что к семье Лхарра присоединятся лишь Кит, Джемми и слуги благородного происхождения. Другие члены Семьи и слуги будут отмечать праздник отдельно от нас в Большом Зале. Так как в Доме существовал обычай, согласно которому одна из женщин Семьи Халареков должна была прочитать в рождественский вечер какую-нибудь рождественскую историю, то Кит решила удивить Лхарра моим знанием ромского языка. Таким образом, в этом году именно я должна была прочитать рождественскую историю.

Нам легко удавалось держать в секрете уроки ромского языка, пока лорд Карн длительное время в течение дня находился вне дома. Однако с наступлением последней недели Адвента

начались сильные морозы, и он уже не выходил из дома, так что нам было уже трудно что-либо скрыть от него. Кит тщательно планировала наши занятия. Каждый день перед сном Джемми обычно играл с Лхарром в шахматы. В это время мы с Кит старались ускользнуть от них незамеченными, чтобы позаниматься хотя бы час или два.

Один раз лорд Карн вернулся домой от де Ври слишком поздно, чтобы играть с Джемми в шахматы, и нам пришлось отложить занятия. На следующий вечер, как только они сели играть, мы с Кит уединились в библиотеке. Кит уселась у огня и стала рассматривать верхнее платье, которое я почти уже закончила. Я взяла с полки у камина толстую книгу Халареков и, опираясь о каминную доску, стала читать вслух. Разглядывая вышивку на моем платье, Кит внимательно слушала меня. Ей ни разу не пришлось исправлять мое произношение. Лхарр, должно быть, несколько минут наблюдал за нами, стоя на верхней ступеньке железной лестницы, прежде чем мы услышали его резкий голос.

— Вы хорошо читаете по-ромски, леди!

Мы обе подпрыгнули, как ужаленные. Он сказал это очень суровым и холодным тоном. Кит

поспешно спрятала за спиной платье, которое рассматривала, а я быстро захлопнула книжку. Обе мы выглядели, словно провинившиеся ученицы.

— Вы так быстро выучили язык, мадам, или знали его и раньше? — голос его звучал еще холоднее, чем раньше.

— Мой лорд…

— Карн! — в голосе Кит слышался упрек. — Я учила ее языку. Мы собирались сделать тебе сюрприз.

— Извини, Кит, — он потер глаза тыльной стороной ладони. Я слишком подозрителен.

— Это у Жанны ты должен попросить прощения, — резко возразила ему Кит. — У тебя больше оснований подозревать меня, чем ее. В конце концов, именно *мой* муж предал тебя.

Она прикусила нижнюю губу и, сложив руки на коленях, внимательно уставилась в потолок.

То, что Кит встала на мою защиту, очень удивило меня. Все считали, что она не знает, как погиб Ник. Кроме того, я бы никогда не решилась поставить на место *своего* старшего брата так, как сделала это она, да еще ценой таких неприятных воспоминаний.

Однако Лхарр вел себя более тактично и галант-

но, чем Питер. Он повернулся ко мне.

— Кит права, Ларга. Я был к тебе несправедлив. Пожалуйста, извини меня, — он криво улыбнулся. — Если Кит научит вас некоторым тактическим приемам, мадам, я уже не смогу справиться с вами обеими.

Холодный тон, которым он произнес эти слова, свидетельствовал о том, что он не хотел обсуждать этот вопрос в присутствии Кит. Вечером того же дня, когда служанки помогали мне раздеваться перед сном, я смогла убедиться в этом. Он велел моим служанкам немедленно выйти из комнаты и сурово обратился ко мне.

— Я не верю, что Кит была единственной твоей помощницей. Ты слишком быстро выучила ромский язык. На это не способна ни одна женщина. — Он больно схватил меня за руки. — Кто еще помогал тебе?

Он стоял так близко! Всем своим существом я ощущала его гнев. Я быстро перевела дух и пробормотала:

— У меня от природы хорошие способности к языкам.

Он грубо встряхнул меня.

— Ты ведешь себя очень нагло. Я не намерен терпеть это.

— Кит и магнитофонные ленты с лингафонным курсом…

— Ленты. Я не позволял выдавать тебе никаких лент. Кто отдал приказ без моего разрешения? Кто? — Лхарр снова сильно встряхнул меня.

— Неужели вы считаете, что я выдам его?

— Кто-то в этом доме должен был получить приказ, кто-то в Гильдии — принять его. Кто?

Собравшись с силами и преодолевая охвативший меня страх, я холодно сказала:

— Я не позволю, чтобы меня трясли, милорд. Я не ваш ребенок и не ваш слуга, чтобы со мной так обращались.

Я оттолкнула от себя его руку и потерла оставшиеся у меня на руке красные пятна.

— Помните свое место, мадам.

— Я помню. Я — Жанна Верлит, рожденная свободной, гражданка Фру и Федерации, известный специалист в области доиндустриальной истории Террана. Вот мое «место», и я не позволю вам делать из меня то, что вам нравится.

— Так ведут себя все жены на Фру?

— Нет, милорд, но там мужья уважают своих жен и не подчиняют их себе силой.

Он опустил руки, и на мгновение выражение гнева на его лице сменилось выражением от-

чаяния.

— Зачем тебе нужны были ленты? Сколько раз я уже объяснял… — сказал лорд Карн упавшим голосом. — Я бы приказал выдать их тебе, если бы у тебя были веские на то причины.

Очень долго мне приходилось самой принимать решения.

— Мадам, я стараюсь быть благоразумным. Представляете, какую угрозу могут увидеть в этом члены Старой Партии? Вы посылаете никем не проверенное и несанкционированное сообщение на другую планету. И вам помогают в этом неизвестные сообщники! Попытайтесь представить себе политические последствия этого поступка!

— Как я могу сделать это? Вы практически ничего не рассказываете мне. Я оказалась одна, на чужой планете, и моей жизни угрожала опасность. Мне надо было быстро научиться понимать, что говорят люди. В вашей библиотеке я не нашла ничего, что могло бы помочь мне. Я боялась спрашивать вас. Орконан сказал, что он не может санкционировать приказ. Ороарк сказал то же самое. Вейсман отказался сделать это. У меня не было другого выбора. Я была в *ужасе.*

Он стоял, то крепко сжимая, то разжимая кулаки. Мне вдруг очень захотелось, чтобы он

наконец понял меня.

Я сознательно понизила голос:

— Мой лорд, вы сердитесь на то, что было очень давно. Попытайтесь понять, что ваше презрение и вызвало с моей стороны этот бунт.

— Я не презираю вас, Ларга.

— Но ваши действия доказывают обратное. Вы выбрали себе в жены женщину с Фру, потому что Фру сильно отличается от Старкера IV, но вы не хотите учитывать эти различия. У меня была интересная работа, я многого достигла в своем деле, меня уважали, я сама зарабатывала себе на жизнь, я жила, как хотела. Неужели вы думаете, что я смогу безропотно смириться и привыкнуть к своей бесполезности, беспомощности и зависимости?

— Вы уже дали мне понять, что вы потеряли, когда мы были в гостях у Дювалей, — он грустно вздохнул и покачал головой. — Поверьте мне, я вижу огромные различия между вашей планетой и Старкером IV, — Лицо его неожиданно изменилось, он взглянул на меня, и в его глазах зажглось золотое пламя. — И все же, какова бы ни была моя вина, вы совершили не менее тяжелый проступок. Если вы приходите к мужчине одни без сопровождающей вас особы или отправляете

кому-нибудь послание, на котором нет моей печати, то это уже является доказательством вашей супружеской неверности. Вы знаете, что любой член Старой Партии немедленно обвинит вас именно в этом, чтобы остановить меня.

— И тем не менее, я могу сопровождать гостей мужского пола, могу проводить их в свои комнаты и даже помочь им помыться, если они того пожелают.

Его лицо потемнело.

— Любой мужчина, который совершает предательство по отношению к своему хозяину, заслуживает изгнания в пустыню Цинн.

— Вы так много доверяете чужестранцам и так мало своей собственной жене?

Лхарр вздрогнул.

— Это не так. Личная измена — супружеская — стоит на втором месте, а на первом — измена по отношению к своей планете. А измена всегда означала одно — смерть.

— Да, — прошептала я, отвернувшись. — Это я знаю слишком хорошо.

Он снова повернул к себе мою голову. Мгновение он колебался, затем сжал пальцами мой подбородок.

— Что мне нужно сделать, чтобы ты наконец

поняла, что каждый… каждый твой бунтарский поступок увеличивает опасность, которой подвергаемся все мы?

— Конечно, страх не является оправданием, милорд, но я ужасно боялась, что один человек убьет другого…

Лхарр выпустил меня. На мгновение он сбросил со своего лица эту проклятую маску, которой так гордился, и я увидела его настоящие чувства. Он полез в карман куртки, достал оттуда сложенный пластмассовый листок, протянул его мне и обманчиво спокойным голосом произнес:

— А как вы объясните это? Запрос, посланный на космический корабль с другой планеты! Когда вы посылали его, вы тоже были напуганы? Если бы это попало в руки членов Старой Партии, — голос его стал резче, — это была бы самая худшая измена, которую только можно придумать!

Я развернула поданный мне листок. Это было письмо, которое я послала своему отцу сразу же после того, как попала в плен. Неудивительно, что он так и не ответил мне. Кто-то перехватил его. Что я могла сказать? Что я не знала тогда принятых здесь правил?

Лхарр отвернулся от меня и потрогал пальцами рельефный рисунок на гобелене.

— Я надеялся, что ты сама расскажешь мне об этом, но прошло уже две недели…

— Две недели! Милорд, я даже не знала, что подвергала опасности вашу жизнь! Это письмо, по всей вероятности, пришло домой более чем за месяц до того, как мы поженились.

— До того, как мы поженились? — Он опустил голову. — Что было, то было, теперь это уже неважно и нечего вспоминать об этом. — Он протянул в мою сторону дрожащий палец. — Почему ты никак не хочешь подумать о последствиях своих действий?

— Я? Я? — Какой-то варвар обвинял меня в том, что я не могу понять безумных правил, принятых в его мире. — Почему вы не помогаете мне? — Я вспыхнула от гнева. — Вы могли бы рассказать мне, как обстоят дела, чтобы я принимала разумные решения!

Ничего не ответив, он бросился к дверям в свою комнату. Он был взбешен. Если бы я тоже не была в ярости, я бы никогда не сделала того, что произошло в следующий момент. Я ринулась вслед за ним и с силой схватила его за руку.

— Милорд, не уходите, давайте решим наконец эту проблему.

Он посмотрел на меня через плечо, и глаза его

так горели гневом, что от страха у меня пересохло во рту.

— Милорд, если бы вы хоть чуть-чуть были для меня другом…

Он вцепился пальцами в мои плечи.

— Другом? — Он хрипло рассмеялся. — Господи, это уж слишком! Вы просите очень многого! Почему, как вы думаете, я так долго не трогал вас? Потому что мне так нравится? Нет, мадам, я слишком нуждаюсь в вашей помощи, чтобы враждовать с вами еще больше, чем прежде. Мне казалось, что силой тащить вас в постель, когда я вам так отвратителен, значило бы окончательно потерять надежду добиться вашего расположения и вашей помощи, — он снова сильно встряхнул меня. — Сколько времени еще я могу жить возле тебя, слышать, как ты ходишь по комнате утром и ночью, зная, что ты моя жена, мечтая о тебе и ничего не делая для того, чтобы завладеть тобою?

Он опять встряхнул меня, да так сильно, что я потеряла равновесие и начала падать. Он подхватил меня и грубо поцеловал в губы. Он целовал мою шею, грудь, там, где кончался глубокий вырез моего платья, снова губы. Дикое, неистовое желание охватило меня, и я стала страстно отве-

чать на его поцелуи, уступая его настойчивым рукам.

Кто-то постучал в дверь, и стук нарушил все очарование нашей встречи.

— К черту конференцию! — прошептал Лхарр. Но он отпустил меня и быстро пошел к двери. Голова у меня кружилась, все во мне дрожало. Я готова была умолять его, чтобы он не уходил. Отвратителен? О нет, милорд, совсем нет!

Он взялся за ручку двери и повернулся ко мне.

— Поверьте мне, мадам, если бы я мог отменить эту конференцию, я бы обязательно сделал это. Я даю вам передышку, но только на одну ночь.

Он вышел из комнаты, громко хлопнув дверью.

Я убавила свет лампы, стоявшей у моей кровати, и села, стараясь потушить внезапно зажегшийся во мне огонь. Как могло случиться, что собственные волнения сделали меня такой слепой, что я не замечала его разгоравшейся страсти и того, как он сдерживал себя? И кто знал, что его страсть будет так сильно волновать меня? Я мечтала только о доме и не замечала ничего, что происходит вокруг меня. Боже, как я была глупа! Ничто больше не могло заставить меня держаться на расстоянии от него. Наш брак больше не

казался мне лишь временным соглашением. Прочными узами я связала себя с этим миром и этим человеком. Конечно, я была похищена, но у Лхарра не было другого выхода, кроме того, не может же он отвечать за те методы, которыми пользовался Ланс. Я чувствовала себя здесь очень одинокой, но Лхарр сделал все, что мог, чтобы отвлечь меня, и обставил мою комнату так, чтобы я чувствовала себя как дома. И он не хотел силой навязывать мне свою любовь, хорошо понимая, что я бы сопротивлялась его насилию. Все это было очень печально. В другом месте и при других обстоятельствах мы, вероятно, даже не понравились бы друг другу.

Страшно подумать, каких бед могли натворить его скрытность и сдержанность и мои глупость и упрямство. Конечно, он бы относился ко мне гораздо лучше, если бы доверял мне. А я вела себя, к сожалению, совсем не как человек, заслуживающий доверия. Тут я подумала о Вейсмане, у которого были сейчас мои деньги и которого так хвалил его хозяин. Как бы я хотела, чтобы он не услышал больше ни одной похвалы от Лхарра.

Я закончила готовиться ко сну, но чувство вины, раскаяния и странное беспокойство овладели мною. Прошло уже несколько часов с тех пор, как

замолкли голоса моих служанок, а я все лежала без сна в своей постели, размышляя над тем, что произошло. В конце концов я накинула поверх ночной рубашки шелковый, отороченный мехом, халат и в сопровождении охранявшего меня солдата направилась в библиотеку.

Там все еще горел свет, солдат постучал, но никто не отозвался. Тогда он открыл дверь, и я вошла в комнату. Вдруг я заметила какое-то движение. Кто-то закрыл дверь в конце комнаты, или мне показалось это? И тут я увидела Фрема Орконана. Он лежал поперек своего стола, голова его свешивалась вниз, в спине Орконана была огромная, обуглившаяся по краям дыра. Его мундир вокруг раны еще тлел, по комнате распространялся запах горящего мяса…

Мне стало нехорошо. Я закрыла рукой рот и быстро отвернулась. Позже мне сказали, что я громко, пронзительно закричала. Я помню только, что изо всех сил боролась с подступившей к горлу тошнотой, потом долго плакала, положив голову на грудь Лхарра, который меня успокаивал. Он отдавал приказы солдатам, заполнившим всю комнату, и время от времени неловко похлопывал меня по плечу.

Когда все дела были сделаны, Лхарр отнес меня

на руках в мою комнату. Он осторожно положил меня на кровать и повернулся, собираясь выйти. Я была так напугана увиденной мной картиной ужасной смерти Орконана и тем, что убийца все еще находится в доме, что схватила Лхарра за руку и закричала:

— Пожалуйста, милорд, не оставляйте меня одну! Прошу вас! Я... — Господи, мне так не хотелось, чтобы он увидел, как мне страшно, но я ничего не могла с собой поделать.

Лхарр успокаивающе погладил мои распущенные волосы.

— Я буду сидеть возле вас всю ночь, если вам будет от этого легче, миледи, — он опять показался мне таким же чужим и далеким, как прежде. Он поправил мое одеяло и пододвинул к кровати стул. Спала я очень плохо, но когда бы я ни проснулась, он все время был возле меня и время от времени дремал прямо сидя на стуле. Стоило мне только пошевелиться, он тотчас же открывал глаза и успокаивающе улыбался мне.

Рано утром Ороарк тихо постучал в мою дверь. Не дождавшись ответа, он просунул в комнату голову, и я сделала знак, чтобы он не шумел. Лхарр спал на стуле, свесив голову набок. Ороарк вытянул руку, изображая человека, который стреляет,

потом покачал головой и тихо закрыл дверь. Я выползла из кровати и оделась. Когда я стала причесываться, то щетка выскользнула у меня из рук и с громким стуком упала на каменный пол. Лхарр тут же проснулся. Он широко раскрыл глаза, и у него был такой виноватый вид, что я рассмеялась.

— Я не хотела вас будить, милорд.

Он вскочил со стула и, шатаясь, встал на ноги, потом энергично затряс головой, стараясь стряхнуть с себя остатки сна, и слегка пригладил растрепавшиеся волосы.

— Который час?

— Еще почти два часа до завтрака, милорд.

Он повернулся в сторону комнаты, где спали служанки, и крикнул:

— Тамара!

Тамара вышла из своей спальни, сонно спотыкаясь и натягивая на себя халат. Она даже не удивилась спросонок, что в такой ранний час ее хозяин все еще был в комнате хозяйки, и быстро произнесла привычные слова:

— В чем я провинилась перед вами, лорд Карн?

Он снова затряс головой и, слегка шатаясь, подошел к ней.

— Нет-нет. Почему ты так решила? Ах да, я

закричал. Извини. Я еще не совсем проснулся. Позови ко мне капитана Ороарка.

Я протянула руку, останавливая ее:

— Подожди, Там. — Я обернулась к Лхарру. — Он уже был здесь, милорд. У него нет никаких новостей. Почему бы вам не поспать немного?

— Я не могу. В замке много дел. У меня нет времени…

— Лорд Карн, послушайте меня. Вы просто качаетесь от усталости, — я жестом указала Тамаре в сторону комнаты Кит. — Капитан Ороарк сам сделает все, что нужно. — Я снова нетерпеливо указала Тамаре на комнату Кит. — Вы сами говорили мне, что он умный человек и наделен здравым смыслом. Он прекрасно справится со всеми делами. Пока ему не нужна ваша помощь, вам нужно отдохнуть и набраться сил.

Я положила руки ему на грудь и стала решительно подталкивать его к кровати.

— Вы почти не спали всю эту ночь, в прошлую ночь вы сидели с герцогом де Ври, а позапрошлую ночь мы были в гостях у графа Кингсленда. Вам нужно поспать, милорд, так больше не может продолжаться.

Он слабо сопротивлялся, пытаясь сбросить мои руки, но я уложила его на кровать.

— Смотрите, вы в таком состоянии, что даже я могу легко справиться с вами. А вот идет и подкрепление.

На пороге комнаты стояла Кит, наспех одетая, со спутанными темными волосами вдоль плеч. Она быстро оценила ситуацию.

— Карн, немедленно делай то, что тебе говорят. Жанна так нежно тебя уговаривает!

Значит, Кит видела, что между нами сложились напряженные взаимоотношения. Это сильно задело меня. На людях мы старались не показывать этого. Сколько же еще человек заметили это?

— Я должен помочь найти его. Он где-то в замке… — Лхарр все еще пытался идти выполнять то, что считал своим долгом, но глаза его закрывались от усталости и руки заметно дрожали.

— Ложись, болван! — Кит толкнула его обратно в кровать.

— Хорошо, но только на несколько минут. Нет. Не трогай мои ботинки, Кит. Я не собираюсь здесь долго спать.

Он уснул, даже не договорив этой фразы. Во сне черты его лица стали мягче, и мне он показался совсем мальчишкой. «Он выглядит гораздо старше своих лет», — подумала я.

Я поставила часового у двери в холл, приказав

ему следить за тем, чтобы никто не беспокоил Лхарра, по крайней мере, в течение восьми часов. Лхарр появился в столовой в полдень, когда Кит, Джемми и я заканчивали обедать. Зевнув, он уселся на свой стул с высокой спинкой и сурово посмотрел на меня и Кит.

— Я же сказал вам, что полежу только несколько минут.

— Да, брат, — рассмеялась Кит. — Но ты не велел *нам* разбудить тебя.

Он ущипнул ее за нос и принялся есть поданное рабами горячее мясо.

— Вы все рассчитали, леди, но не учли одного обстоятельства. Поздно проснувшись, Жаклин вышла из комнаты и подняла страшный визг, увидев меня в постели ее госпожи. — Он изобразил, какое у нее в тот момент было лицо — Этот звук разбудил бы даже медведя Цинн.

Однако он чувствовал себя еще слишком усталым, чтобы долго шутить. После обеда все взрослые перешли в библиотеку. Оставшись один, он закрыл лицо руками и глубоко задумался. «Что же теперь делать? Тан был единственным, кому я доверял в работе, теперь он мертв».

Глава одиннадцатая

— Ты спрашиваешь *нас,* что делать, — казалось, это беспокоило Кит. — Почему бы не спросить дядю Эмиля или генерала Винтера?

Лхарр покачал головой.

— Ты лучше знаешь все наши проблемы и наших людей. Мы знаем, что много лет кто-то работает в нашем замке на Ричарда, поэтому существует риск назначить именно этого человека на место секретаря…

— Вейсман работает на нашу Семью даже дольше, чем работал Тан, — сказала Кит, — и он знает работу.

Лхарр покачал головой.

Ему не под силу сложные математические вычисления, и он не владеет ни одним из галактических языков. Он не смог бы вести переговоры с Гильдией.

— А генерал Винтер?

— Он нужен мне на своем месте. Может быть, ты возьмешься за это, Кит? Ты выполняла для Ника похожую работу.

Она покачала головой.

— У меня Джемми, и я управляю замком. Кроме

того, это не женская работа. — Она взглянула на меня. — По крайней мере, работа не для Гхаррской женщины.

Лорд Карн вздохнул, потер глаза и подбородок.

— Может быть, если он пройдет обучение в Галаке, он справится с этим делом? Как ты думаешь, Жанна?

Мгновение я не знала, что ответить. Он спрашивал мое мнение, *мое* мнение. Значит, он попросил меня прийти сюда не только из вежливости. Пока я обдумывала ответ, в дверь осторожно постучали. В комнату вошел Вейсман и скромно остановился у самого входа.

— Прошу прощения, милорд, Первый Купец Тремо хочет сверить свой экспортный счет с вашим. — Вейсман склонился над горой книг, выброшенных прошлой ночью из шкафчика, когда шли поиски убийцы.

Я повернулась к Лхарру и очень тихо сказала:

— Мое письмо, милорд. Он взял деньги, чтобы отнести письмо. Он, по крайней мере, знает, кто предатель. Нельзя быть полностью уверенным в его преданности, милорд, — тут я вспомнила, что с точки зрения Лхарра Вейсман сделал все правильно, и быстро добавила: — Я могу вам помочь, милорд. Позвольте мне это сделать.

Он пристально посмотрел на меня.

— Это было ваше письмо. Вейсман только принес его. Мне.

Я с трудом перевела дыхание. Я была не права, но мне было очень трудно сказать ему об этом.

— Я знаю, что виновата, лорд. Теперь. Теперь, когда моя жизнь навсегда связана с вашей. Разве это не основание для полнейшей преданности?

Вейсман неожиданно выпрямился, держа в руках толстую книгу, и метнул в мою сторону злобный взгляд. Значит, он все *слышал.* Он открыл рот, словно собираясь что-то сказать, но вместо этого резко повернулся и вышел, хлопнув дверью. Лхарр вскочил со своего места.

Кит участливо взяла его за руку.

— Ты должен решить все сейчас, Карн?

Он слегка похлопал ее по руке и с благодарностью взглянул на нее.

— Да, я должен, Кит. Следующий Совет будет только через две недели.

Я поймала его взгляд.

— Посвятите меня в ваши дела, милорд, и позвольте работать на вас, — я решилась сказать это именно сейчас, возможно, потому, что он был еще слишком усталым и очень нуждался в помощи.-Со мной будет легче справиться, милорд,

если я займусь делом и буду чувствовать себя нужной кому-то, — осмелилась добавить я.

Кривая улыбка появилась на лице Лхарра.

— Как говорит Кит, это не женская работа, но что я могу сделать, если необходимость вынуждает меня к этому. Итак, начнем?

Он вскочил со стула. Я не верила своим ушам. Он сдался. Просто так, без всяких возражений и несмотря на серьезную ошибку с письмом, которую я допустила.

Кит бросила в мою сторону многозначительный взгляд.

— Завтра, Карн, — сказала Кит. — Ты много работал сегодня. Нет, не спорь. Иди наверх, а я приготовлю для тебя хороший пунш.

Сомнения его длились всего несколько минут, затем он кивнул и медленно стал подниматься по железной лестнице. Кит покачала головой, глядя ему вслед, потом отодвинула в сторону пластмассовую панель и стала производить какие-то сложные манипуляции, поворачивая циферблаты и нажимая кнопки, расположенные на ее внутренней поверхности. Через несколько секунд за другой, гладкой панелью появилась большая кружка, от которой шел пар. Она достала кружку и протянула ее мне.

— Отнеси ее наверх. Я хочу посмотреть, как там Джемми.

— Но…

— Жанна, теперь ты мне как сестра, поэтому я должна сказать тебе это. Ты слишком долго обманывала Карна, не давая ему того, что обещала дать перед лицом Бога. Иди к нему сейчас. Он очень устал и не станет грубить или сердиться на тебя. Если ты не сделаешь этого, Жанна, он овладеет тобой силой, и это несомненно наложит отпечаток на ваши дальнейшие отношения. — Она опустила глаза и посмотрела на дружившийся над кружкой пар. — Свою первую жену ему приходилось каждый раз силой принуждать к близости. В конце концов она наложила на себя руки — не из-за этого, — но Карн все равно до сих пор чувствует на себе вину, будто это он виноват в ее смерти. Это очень важная причина, почему он не трогает тебя. И он очень хорошо знает, что значит для женщины быть изнасилованной, потому что именно это когда-то случилось со мной, — она снова посмотрела на чашку. — Я знаю, что он обещал тебе. Мы всегда с ним были очень близки, — она взглянула мне в глаза. — Будет очень плохо для вас обоих, если ему придется нарушить свое обещание. Не заставляй его ждать

так долго, Жанна.

Кит сунула мне в дрожащие руки кружку и заспешила прочь.

Не знаю, сколько времени я простояла так, с кружкой в руках, хотя, может быть, и не так долго, как мне показалось.

«Кит права, — говорила я самой себе. — Ты должна это сделать».

Я подумала о том, каким сильным было желание Лхарра и как долго он сдерживал его. Что касается того случая, там, наверху, то я сама спровоцировала его. Свободной рукой я подобрала спереди свою юбку и стала подниматься по лестнице.

«Ты не должна говорить ему, что пока не хочешь иметь детей», — убеждала я сама себя. Но я знала, что мне придется сказать ему об этом.

Поднявшись наверх, я выключила в библиотеке свет, чтобы отрезать себе пути к отступлению, и постучала в дверь Лхарра. Стук получился таким тихим, что мне пришлось постучать еще раз, громче, чтобы ободрить саму себя. Ожидание показалось мне бесконечным. Вокруг меня вился аромат трав, распространяемый пуншем. Этот пар не исчезнет над кружкой до тех пор, пока в ней останется хоть капля этой душистой

жидкости.

Наконец я услышала ответ:

— Войдите.

Я нерешительно открыла дверь. Я не видела комнату Лхарра с того самого дня, когда пыталась убежать отсюда. В ту ночь, когда я шла через нее в библиотеку, здесь было довольно темно. Я вошла в неярко освещенную комнату. Лхарр сидел на краю своей кровати, положив голову на руки. Он даже не взглянул на меня. Несколько секунд я ждала, чтобы он сделал мне знак приблизиться к нему, но, не дождавшись, осторожно пересекла комнату и подала ему кружку.

— Ваш пунш, милорд, — голос мой дрожал.

Лхарр резко вскинул голову, и на лице его тут же появилось выражение тревоги, но я успела заметить потухший взгляд его глаз и глубокие морщинки вокруг рта. Во мне шевельнулось сочувствие к нему. Даже Кит не знала, как сильно он устал и как был измучен.

— Кит должна была… — он коротко кивнул в сторону высокого, обитого кожей сундука. — Поставь туда.

Я молча повиновалась. Наступило время сказать ему, зачем я пришла, но слова застряли у меня в горле.

— Что ты хочешь? — резко спросил он. — Если дверь в твою комнату заперта, то, значит, она заперта изнутри.

Я глубоко вздохнула, пытаясь унять дрожь в коленях. Я уставилась в пол и прошептала прерывающимся от волнения голосом:

— Хочу того же, что вы хоти те от меня, милорд. Я отказывала вам в том, что принадлежит вам по праву и что я обещала дать вам.

Я замолчала, собираясь с силами, и взглянула на него. Лхарр стоял, напряженно вытянувшись и сжав кулаки.

— Продолжай, — хрипло приказал он.

Я собралась с духом и выпалила:

— Я отдаю себя вам, лорд Карн, но у нас не будет детей до тех пор, пока не наступит мир, по крайней мере, между нами. Вы знаете, я могу контролировать это. Я не дам вам наследника, милорд.

Он все еще продолжал стоять, молча наблюдая за мной. Я не могла понять, чего он еще ждал от меня.

— Что я должна еще сказать, милорд?

— Вы первая сказали эти слова, Ларга. Вы же должны сделать и первый шаг и этим закрыть себе все пути к отступлению. Я не хочу потом

обид и взаимных обвинений.

Как он усложнял все! Но я не должна дать ему понять своим поведением, что его опасения не лишены основания. Я быстро развязала шнурки, расстегнула пуговицы, и, мягко шурша, шелковое платье скользнуло вниз и упало к моим ногам. Я осталась стоять перед ним в тонкой, легкой сорочке.

— Вы рассеяли мою усталость, мадам! — мягко сказал он.

Затем он приблизился ко мне, и я потом ни на минуту не пожалела о случившемся.

Утром, проснувшись, я почувствовала себя отдохнувшей и такой счастливой, какой давно уже не была. Я потянулась и поуютнее устроилась в теплой постели. Рука его слегка коснулась моего плеча.

— Ты уже проснулась?

Я повернулась на спину и сонно улыбнулась своему мужу.

— Уже поздно, жена моя. На часах уже…

Не дав ему договорить, я заключила его в свои объятья, и время потеряло для нас свое значение.

В полдень за обедом Кит стала развивать перед нами свою теорию об исчезновении убийцы.

Ни лорда Карна, ни его сестру нисколько не беспокоило, что разговор об ужасном убийстве происходил во время еды, и только мне при воспоминании о нем кусок не лез в горло.

— Помнишь, Карн, те секретные записи, которые показывал нам Отец? — спросила Кит, передавая ему тарелку с булочками.

Лорд Карн улыбнулся.

— Конечно. Мы часто играли с ними. Сколько лет прошло с тех пор…

— Кажется, одна такая книга еще осталась в библиотеке.

Лорд Карн рассмеялся и повернулся ко мне.

— Наверное, целый месяц мы занимались только тем, что искали ее. Наш отец не позволял детям заходить в свой кабинет и не говорил, где находится эта книга.

Кит согласно кивнула:

— Думаю, убийца нашел ее.

Углы рта лорда Карна опустились вниз, и он задумчиво нахмурился.

— Возможно, ты права. Я поручу кому-нибудь заняться этим.

Несколько минут Карн сидел молча, задумчиво глядя прямо перед собой.

Вошел паж, неся в руках вазу с фруктами. Обед

был закончен. Лорд Карн выбрал один фрукт прямоугольной формы, положил свою салфетку рядом с тарелкой, встал и сказал, помогая мне выйти из-за стола:

— Пора приниматься за работу, Ларга.

Когда я встала, мне показалось, что рука лорда Карна легко скользнула по моим плечам. Это было так чудесно! Однако я подавила в себе возникшее в результате этого, возможно, и не существовавшего, а лишь почудившегося мне жеста, легкое физическое возбуждение, и последовала за моим мужем в библиотеку.

Вейсман с радостью оставил свою работу и дал лорду Карну всю информацию, которую тот потребовал от него. Я вспомнила косые взгляды, которые этот человек бросал на меня прошлым вечером. Теперь он смотрел на меня с обидой и негодованием.

В этот день мы с лордом Карном провели много часов, просматривая различные счета, записи и бухгалтерские книги. Скот и товары на экспорт; дутое стекло, роскошные ткани, отличные вырезанные из дерева изделия и мебель — все это приносило много денег, но Дом Халареков имел также очень большие расходы. Сумма, стоявшая внизу, под длинным списком живущих

в Доме родственников, была огромна. К этому добавлялись расходы на слуг — их проживание, заработная плата, медицинское обслуживание, новая школа, — содержание замка и Владения, поддержка Пути и невероятное количество подарков и взяток.

Я подняла голову от колонок цифр.

— Так можно и разориться, милорд. Насколько необходимы все эти подарки?

Лхарр провел рукой по волосам и ответил с унылым выражением на лице:

— Когда никакие доводы не убеждают, часто могут помочь деньги.

— А может ли часть этих родственников уехать домой?

— Могут, и, если будет необходимо, уедут.

— Теперь я вижу, почему вы не могли позволить себе отправить меня домой, милорд.

Он поднял глаза от лежащей перед ним книги счетов.

— Это имеет большое политическое значение, поэтому я и не мог себе позволить отправить вас домой. Не хотите ли посмотреть, сколько стоил мне этот космический полет? Вы — мое самое большое приобретение.

Я почувствовала себя очень неуютно под его

настороженным взглядом. Он смотрел на меня так, будто желал, наконец, получить обратно хотя бы часть этих потраченных средств. Мне не хотелось об этом думать. Мне не хотелось признаваться даже самой себе, как сильно волновали меня прикосновения моего похитителя и что я уже мечтала о нашей следующей встрече. Я всегда думала, что любовь и физическое желание неразрывно связаны между собой.

Я покачала головой.

— Не думаю. И вообще, я могу заважничать.

Он рассмеялся.

— Не похоже на то. — Потом приблизился ко мне и спросил, пристально глядя мне в глаза: — Почему вы сказали о возвращении домой в прошедшем времени?

Я уставилась в лежавшую передо мной бухгалтерскую книгу.

— Потому что я оставила все надежды вернуться домой.

— Почему? Ведь вы не отказались от этой мысли тогда, когда я сказал вам, что это невозможно.

— Я сама разговаривала с Первым Купцом. Гильдия не тронула бы меня без вашего разрешения.

— Почему вы не смотрите на меня, мадам? —

строго спросил лорд Карн.

Мне пришлось объяснить, хотя я чувствовала, что даже простой разговор с кем-нибудь на другой планете считался бы здесь не менее серьезным преступлением, чем отправка письма на другую планету. Он доверил мне важную работу. Скрыть звонок Питера означало бы почти то же самое, что и солгать ему. Мы не смогли бы работать вместе, если бы между нами существовала эта ложь. Мне нужна была эта работа просто потому, что я не могла жить без работы, а Лхарра слишком часто предавали в жизни, чтобы он мог с легкостью довериться кому бы то ни было.

Я глубоко вздохнула, закрыла бухгалтерскую книгу и посмотрела на него.

— Я еще не все рассказала вам, милорд. Говорил ли вам Фрем Вейсман, что мой брат Питер звонил сюда?

Я посмотрела на Вейсмана. Он сидел ко мне спиной, не шевелясь. Было ясно, что он все слышал, но то, что он не повернулся, когда в разговоре прозвучало его имя, подсказало мне, что мои подозрения не лишены основания. Лорд Карн тоже взглянул на Вейсмана и приказал ему выйти. Подождав, пока за ним закроется дверь, я глубоко вздохнула и продолжила свой рассказ.

— Это произошло за день до того, как мы отправились к Дювалям. Питер находился отсюда на расстоянии одного Перелета и обещал забрать меня домой. — Говоря это, я снова почувствовала дикое желание вернуться домой, и комок опять застрял у меня в горле.

— Но вы не уехали домой, — тихо сказал он.

Я не ожидала такой реакции, помня его гнев и возмущение в случае с письмом, поэтому растерялась и прошептала дрожащим голосом:

— Мой побег был бы предательством. Предательство означает смерть, лорд, и я была уверена, что и вы, и Кит, и Джемми, и, возможно, много солдат, были бы приговорены к смерти, — я вспомнила, какая ужасная, кровавая вражда существует между людьми, населяющими эту планету, — Это… это было бы все равно, как если бы я убила вас своими собственными руками. Я бы не смогла жить с чувством такой огромной вины.

— Жанна… — только и смог сказать он, и на лице его появилось странное, непонятное мне выражение.

Некоторое время мы сидели молча. Затем лорд Карн стал не спеша рассказывать мне о своей борьбе, продолжавшейся уже много лет, борьбе

за спасение Гхарров от грозившей им революции, которую провоцировала своими действиями Старая Партия. Вскоре ситуация зашла в тупик, и произошло крушение всех надежд. Он все обращался и обращался к Свободным гражданам и членам благородных Семей, но большинство не слушало его. И очень многие просто «ждали и наблюдали» даже после того, что уже произошло. Он потер рукой затылок.

— Никто не хочет оказаться среди проигравших. Большинство малых Домов (менее знатные Семьи) выжидают момента, чтобы переметнуться на сторону победителей, — лорд Карн отвернулся от меня. Вы слышали от Тремо якобы о моей «трусости» — эти слухи появились, вероятно, до того, как мы оставили Джастина. Они принесли большой вред, но зная о них, я могу, по крайней мере, говорить об этом с людьми. Теперь убийство Орконана свидетельствует о том, что шпион Ричарда в нашем замке снова активизировался. Насколько мы знаем, он не предпринимал ничего с тех пор, как была убита Шарлотта.

По выражению его лица было видно, что измена Шарлотты все еще причиняла ему сильную боль. Меня охватила волна сострадания по отношению к этому человеку, который так много

потерял в этой бесполезной борьбе за лучшую жизнь на своей планете.

— Неужели кто-то поверил, что вы трус, мой лорд?

— Совсем не обязательно, чтобы кто-нибудь *поверил* в это, — в голосе его послышались горькие, резкие нотки. — Неуверенность, сомнения на мой счет — и они не решатся помогать мне. Многие Свободные граждане понимают, что потеряют свою свободу, если Дом Харлана станет править на всем Старкере IV, но они слишком высоко ценят свой нейтралитет и поэтому предпочитают ждать и не вмешиваться, надеясь, что что-нибудь или кто-нибудь сам расправится с Ричардом, — он ударил кулаком по столу. — Господи! Неужели они не видят, что любое промедление смерти подобно. С каждым днем становится все труднее и труднее протолкнуть эти реформы. И если я погибну, кто рискнет и попытается продолжить мое дело? Ричард вполне может воплотить в жизнь свою мечту. Он сейчас обладает достаточной властью, чтобы сделать это.

— Милорд, ваши друзья…

Он хрипло рассмеялся.

— Друзья? Их недостаточно, да и время — на стороне Ричарда. Если в ближайшее время никто

не присоединится к нам, у меня не будет денег, чтобы повлиять хоть на что-нибудь. А без денег конец Дома Халареков придет гораздо быстрее.

Он поднялся и стал ходить взад и вперед по комнате.

— Я представил Совету на рассмотрение два предложения. Одно из них предполагает отмену рабства и жестоких наказаний для рабов. Харлан и Одоннел в качестве наказания уже обращают в рабство бунтовщиков и мятежников.

— Что только еще больше ухудшает положение дел, разве не так?

— Что только еще больше ухудшает положение дел.

— И что же дальше?

— Если это предложение не пройдет, то у второго не много шансов быть принятым, если только сейчас не произойдет никаких крупных восстаний. — Он опустил глаза и посмотрел на носки своих ботинок. — Скорее всего, в любом случае это предложение вряд ли будет принято. Оно предусматривает постепенное освобождение всех рабов от шестнадцати до тридцати лет до тех пор, пока не останется ни одного раба. В этом возрасте люди легче всего приспосабливаются к новым условиям. Между тем, я предлагаю определить,

какую долю выращенного урожая лорд может забрать у своего крестьянина в качестве налогов и ренты. Иногда крестьянин сможет отдать четверть урожая в качестве налогов и половину в качестве ренты. Старкер IV готов взорваться изнутри. Большинству Домов уже приходилось иметь дело с разного рода восстаниями рабов. Как раз перед тем, как мы отправились в гости к де Ври, Гормсби удалось подавить безобразное восстание. А до того, как выпал снег, произошло еще шесть вооруженных восстаний. Весной, когда лорды станут требовать от своих рабов отработать барщину, их будет еще больше. — Лхарр мрачно усмехнулся. — Даже младшие сыновья из малых Домов согласны только на высшие руководящие посты и никак не меньше. Кто-то должен управлять нашими фабриками, но мало кто понимает, что нельзя, дав человеку техническое образование, чтобы он мог управлять фабрикой, держать его на положении раба.

Было слышно, как по коридору прошел патруль.

— Я даже не могу обеспечить безопасность в собственном доме, — горько сказал Лхарр.

Он выглядел таким усталым. Как никто другой, он ясно чувствовал на себе бремя ответственно-

сти за судьбу всей планеты.

Лхарр глубоко вздохнул.

— Так или иначе, Семьи больше не могут править этим миром так, как они правили до сих пор.

Почему же, зная это, вы продолжаете работать?

— Потому что у меня нет другого выхода, — сказал он просто. Он стал, опираясь руками о камин, и долго смотрел на дрова, потом сердито покачал головой и повернулся ко мне спиной — Я даже не могу отплатить Харлану за те слухи, о которых вы говорили мне. Я снова повторил свой вызов Ричарду, но он не встретился со мной. Прежде чем он будет рисковать своей жизнью, он хочет быть уверен, что окончательно загубил и мою. Его убийцы станут убивать меня постепенно: сначала разобьют коленную чашечку, потом, возможно, сожгут руку…

— Лорд Карн! — Мне стало нехорошо. Как он мог спокойно говорить о таких вещах?

— Простите, — он оживился. — Следующий Совет наверняка будет очень интересным. Его заседание будет транслироваться во все Дома Старкера IV, и вы сможете следить за его ходом.

С трудом справившись с подступившей к горлу

тошнотой, я тихо произнесла:

— Я никогда не интересовалась политикой. В этом не было необходимости.

Лорд Карн пододвинул свой стул поближе к моему и сел.

— Из членов Девяти Больших Домов вы уже видели Друма, Джастина, Ингольда Кингсленда, семью де Ври и, конечно же, Эмиля фон Шусса. Официально он держится нейтрально, он делает это ради Джемми, хотя для Ричарда это ничего не означает. Маркиз Гормсби — очень худой, очень старый человек, всегда стоявший на стороне Харлана. У Гаррена Одоннела рыжеватые волосы, он во всем подражает Ричарду, повторяет каждое его слово и прислуживает ему. Де Ври и Кингсленд никому не говорят, на чьей они стороне.

Он взглянул на меня, чтобы убедиться, что я слушаю его.

— Нам нужно следить за Паулем. Он очень слаб, и Семья Друма легко может оказать на него финансовое давление.

— Почему вы сказали, милорд, что я могу следить за ходом заседания из дома? Теперь я ваш секретарь, разве я не могу находиться с вами в здании Совета? Нет, не говорите, что это не женское дело. Я не раз слышала, что ваша мать имела

там законное место, как ваш регент. Я бы могла помогать вам, вести записи…

— Свободные граждане сами все записывают. Вейсман сможет сделать все, что мне нужно.

Внезапно я почувствовала, что обязательно должна присутствовать вместе с ним на Совете. Это стало бы публичным признанием Лхарром моих способностей.

— Прошу вас, милорд, вы должны показать пример. До сих пор вы бессмысленно тратили ваши деньги. Позвольте мне показать вам и всем остальным, какую помощь может оказать Свободная женщина. Освободите меня, милорд, чтобы я смогла стать самой собой! — по лицу его пробежала тень, и я с легкостью прочитала его мысль, словно он уже произнес ее вслух. — Я знаю, что до сих пор приносила вам больше неприятностей, чем помогала, милорд. Дайте мне возможность наверстать упущенное.

Несколько минут он сидел молча, потом встал и подал мне руку, помогая встать. Лорд Карн пристально посмотрел на меня, словно пытаясь разгадать мотивы моего поведения.

— Я подумаю об этом, мадам, и завтра утром сообщу о своем решении.

Глава двенадцатая

Приближалось рождество, но убийство Орконана нарушило наше праздничное настроение. Напряжение в доме нарастало: до рождества оставались считанные дни, а убийца все еще не был найден. Некоторые родственники, с давних пор жившие в доме, собрали чемоданы и улетели домой в свои собственные малые владения, надеясь, что там они будут в большей безопасности. Всю неделю до сочельника мы с лордом Карном целыми днями работали. Я готовилась принять все дела по дому: как внутренние, так и внешние. Все свободное время лорд Карн проводил, играя с Джемми, который на эту неделю был освобожден от занятий. Иногда, во время особенно шумных игр, их смех и крики были слышны даже в библиотеке.

В сочельник днем Кит зашла в библиотеку, чтобы отругать нас. Праздничный обед должен был начаться менее, чем через час, а мы еще работали. Быстро сложив все, мы пошли наверх, чтобы переодеться. Я решила нарушить обычай, не позволяющий замужним Гхаррским женщинам носить распущенные волосы. Я тща-

тельно расчесала их и лишь завязала красной ленточкой, которая была чуть ярче моих волос. Прежде чем выйти из комнаты, я в последний раз посмотрелась в зеркало и осталась довольна своим праздничным видом. Это сразу подняло мне настроение. Бархатный наряд, вихрем кружившийся вокруг ног, показался мне очень элегантным и женственным. Эти платья не так уж плохи для торжественных случаев.

Я шла по коридору, получая удовольствие от восхищенных взглядов, которые бросали на меня солдаты. Пока Кит одевалась, лорд Карн сидел с мальчиком. Когда я вошла, он держал Джемми на весу, в воздухе, а тот визжал от удовольствия. Лхарр обернулся, услышав стук закрываемой двери. Не отрывая от меня своих глаз, он поставил мальчика на пол. Несколько минут он молча смотрел на меня: ему явно нравилось, как я выглядела. Потом он медленно подошел ко мне и взял за руки.

— Я не могу найти слов, мадам.

Чувствуя на себе его восхищенный взгляд, я густо покраснела.

Он слегка сжал мои руки.

— Я буду счастлив сидеть за столом с такой красивой женщиной. Знаете ли, мадам, как вы

великолепны?

— Теперь знаю, милорд, — улыбнулась я ему в ответ.

Лорд Карн указал Джемми на занавеску, за которой переодевалась Кит, и подтолкнул к ней, дав ему сзади хорошего пинка.

— Беги туда и скажи своей маме, что если она хочет, чтобы этим вечером ее вообще кто-нибудь заметил, ей придется спуститься вниз впереди нас.

Лорд Карн на секунду отвернулся и достал из ручки своего кресла маленькую позолоченную коробочку.

— Я хотел взять ее вниз, чтобы подарить завтра, но, кажется, лучше это сделать сегодня.

Я коснулась спереди края коробочки, и ее крышка тут же открылась. Внутри лежало великолепное ожерелье из непрозрачных голубых камней.

— О, милорд! Как красиво!

— Я… я пытался подобрать украшение под цвет ваших глаз, — пробормотал он.

Я была удивлена его необычным смущенным тоном, к тому же думала, что он не очень-то замечает, как я выгляжу.

— Вы поможете мне застегнуть его, милорд?

Я подала ему ожерелье. Он подошел ко мне сзади, поднял волосы, и я почувствовала, как он стал неловкими пальцами, не привыкшими к такой работе, застегивать у меня на шее ожерелье, потом, наконец, раздался слабый щелчок.

— Большое спасибо, милорд.

Он улыбнулся и слегка поклонился. До тех пор, пока мы не сели за стол в Большом Зале и не принялись за еду, он не сказал мне больше ни слова.

Праздничный семейный обед, рождественская история и Буш (огромный пирог, покрытый глазурью и похожий на полено) — мы медленно переходили от одного к другому, наслаждаясь временным спокойствием и отдыхом. Когда все наелись до отвала, слуги сдвинули столы, и начались танцы. Потом все, кто хотели, остались петь веселые рождественские песни. Этот вечер превзошел все мои ожидания, я чувствовала на себе восхищенные взгляды своего мужа и других членов Семьи, и мои щеки горели от смущения. Было раннее утро, когда последние родственники ушли спать, и хозяин с хозяйкой могли, наконец, тоже отправиться к себе. Я чувствовала только приятную усталость. Я уже засыпала, когда Лхарр слегка подтолкнул меня локтем.

— Не лучше ли подняться в свою комнату и там

лечь спать?

— Да, конечно.

— Тогда пойдемте, — он подал мне руку, потом обхватил меня за талию.

Я не сопротивлялась. Мне было приятно его прикосновение. Это так отличалось от его обычного официального отношения ко мне. Я положила голову ему на плечо, и мы стали медленно подниматься наверх. Лхарр тихо насвистывал припев последней песни.

Служанки уже спали, и в моей комнате было тихо и темно. Лорд Карн и я молча стояли посреди комнаты, наслаждаясь последними минутами счастья, тишины и покоя. Лорд Карн слегка обнял меня и поцеловал. Его нежный горячий поцелуй ни о чем не просил у меня.

— Спокойной ночи, моя леди, мягко сказал он.

Но это был не тот поцелуй, который я ждала от него. Его глаза горели. Неужели даже после того, что было между нами всего несколько дней назад, после такой страсти, которая охватила нас обоих, он все еще думал, что я лишь терплю его? Я не могла угадать сейчас, о чем он думает, но мне очень захотелось сделать для него этот вечер таким же прекрасным, каким он был для меня. Я ближе прижалась к нему и встала на цыпочки,

чтобы поцеловать его. Он обнял меня еще крепче и нежно поцеловал в губы. Я обхватила его за шею и чуть не задохнулась от его страстного поцелуя. Он начал медленно расстегивать пуговицы у меня на спине.

На следующее утро лорд Карн стал готовить меня к заседанию Совета, которое должно было состояться только через неделю. А вскоре настал и этот долгожданный день.

Приземлившись на посадочной площадке Мирового Совета, мы вышли из флиттера и в окружении телохранителей направились к дверям здания Совета, со всех сторон также окруженного солдатами. Так как ни один солдат не имел права заходить в здание Мирового Совета, поскольку там не разрешалось держать оружие, мы вошли туда уже одни. Председатель Совета Рид приветствовал всех входящих, стоя у дверей огромного зала заседаний, стены которого были выкрашены в голубой и зеленый цвет. Как только лорд Карн и я появились в дверях, паж громко объявил:

— Лхарр и Ларга Халарек.

Присутствующие завертели головами, и по залу пронесся не то одобрительный, не то осуждающий шепот. Член Совета Дюваль, стоявший

в секции, предназначенной для Свободных граждан, в другом конце Зала и разговаривавший с ольдерменом, приветливо посмотрел в нашу сторону и подмигнул мне.

Лорд Карн протиснулся сквозь толпу к столам, приготовленным для Халареков. Люди, сидевшие на скамьях за этими столами, небрежно приветствовали его. Я не знала никого из них, но раз они сидели здесь, они тоже были из семьи Халареков. Карн пододвинул мне стул, потом сел сам и потрогал табличку, на которой было написано его имя. Потом он огляделся вокруг.

Председатель Рид вышел в центр круглого зала, встал за свой стол и энергично ударил по нему молотком. Когда шум немного стих, лорд Карн зашептал мне на ухо:

— Помни, твое присутствие здесь — очень необычное событие для них. Ты находишься тут только как мой личный секретарь, чтобы наблюдать и запоминать. Ни при каких обстоятельствах ты не должна ничего говорить, пока идет заседание Совета.

Он снова стал внимательно слушать Председателя, читавшего список вопросов, которые будут стоять на повестке дня: новое торговое соглашение с Антаресом III, рекомендация прекратить

полеты на Черном Корабле, билль об освобождении рабов…

Вдруг наступила тишина. В дверях стояли герцог Харлан и несколько его вассалов. Ричард прошел по проходу к своему месту и улыбнулся графу Джастину, сидевшему двумя рядами ниже. Граф отвернулся. Харлан дружески положил руку на плечо человеку, сидевшему за маркизом Гормсби. Тот сбросил его руку со своего плеча. Харлан прикусил губу и оглядел зал.

— Трусливый ублюдок, — пробормотал кто-то справа от меня.

Мне показалось, что на лице лорда Карна мелькнуло удовлетворение, однако, если не считать этого, он не подал вида, что заметил своего врага. Возможно, его попытки отплатить Ричарду за слухи о дуэли увенчались большим успехом, чем он ожидал.

«По крайней мере, часть дегтя, которым герцог хотел вымазать лорда Карна, испачкала и его самого», — подумала я.

— Если вы позволите нам продолжить… — язвительно произнес Председатель.

Ричард милостиво кивнул, давая понять, что разрешает продолжить заседание, и уселся на свое место. Председатель нашел в списке тот

пункт, на котором остановился, а затем прочитал список до конца. Заседание началось. Мне были плохо понятны условия торгового соглашения. Члены Совета обсуждали его вяло и без всякого энтузиазма, а потом одобрили его принятие. Затем Рид провозгласил следующий пункт повестки дня. Встал маркиз Гормсби.

— Лорды… и леди! Кавалерийский орден рекомендует прекратить полеты Черных Кораблей. Вы прекрасно знаете, что мы не трусы. Мы очень часто и успешно сражались, когда это было необходимо. Я сам привез себе жену с другой планеты. Тем не менее, мы чувствуем, что вероятность объединения против нас «обиженных» нами планет растет с каждым разом, когда наш Черный Корабль покидает Старкер IV. Как долго, джентльмены, наши соседи будут терпеть бессовестное нарушение их суверенитета и границ? Как долго они будут молчать, зная, что мы похищаем их людей, хотя бы даже и женщин?

То, что Гормсби сразу приступил к обсуждению этого вопроса, не делая никакого вступления, а также волнение, слышавшееся в его голосе, говорило о том, что споры об этой проблеме шли уже давно.

Я почувствовала, что замечания маркиза были

адресованы мне.

Затем Рид предоставил слово Лхарру Гаррену Одоннелу. Он был приблизительно того же возраста, что и Карн. Одоннел церемонно поклонился пожилому Председателю.

— Я согласен с моим благородным коллегой. Кавалерийский орден уже давно предлагал сделать это. После того, как было осуществлено это последнее рискованное предприятие, — он многозначительно посмотрел на лорда Карна, — закончившееся смертью двоюродного брата моей жены и нескольких солдат, я также пришел к выводу о необходимости поддержать это предложение.

Он сделал паузу, чтобы присутствующие лучше поняли значение его слов. В зале воцарилась напряженная тишина, и несколько человек обернулись, чтобы увидеть реакцию Дома Халарека.

— Больше года Одоннел был разлучен со своей женой, и он ненавидел ее брата, как Бегуна из пустыни Цинн, — гневно закричал лорд Карн.

— Мы просили Лхарра Халарека не совершать этот полет, — продолжал Одоннел, — но он игнорировал нашу просьбу и совершил нападение на мирную планету, основным занятием на которой является сельское хозяйство и которая находится

от нас на расстоянии всего лишь половины светового года.

Из рядов, занимаемых Домом фон Шусса, поднялся молодой человек. На вид ему было немногим более тридцати лет.

— Господин Председатель! Прошу записать, что «мы» — означает только Дом Харлана и Дом Одоннела, а не Совет в целом.

Рид одобрительно кивнул.

— Ваша просьба будет удовлетворена, лорд Карел.

Молодой человек снова сел.

— Как я уже сказал, совершил нападение на мирную… — возмущенно воскликнул Одоннел.

Лорд Карн вскочил на ноги.

— Я не совершал нападения на Фру! Мы приземлились ночью и безболезненно усыпили несколько человек, которых мы встретили, безвредным газом. А те три солдата, о которых упомянул Одоннел, напились, упали в озеро и утонули. Надо говорить всю правду, а не часть ее, милорд.

— Я никому не разрешал прерывать себя, тем более человеку, который называет меня обманщиком, — резко выпрямился Одоннел.

— Я не называл вас так, Одоннел. Пока.

Но Одоннел продолжал говорить, словно не слыша слов лорда Карна.

— Я объяснил, почему изменил свою точку зрения, — сказал Одоннел и сел на свое место, удовлетворенно улыбаясь.

Нерешительно поднялся очень молодой человек из Дома Кингсленда.

— Где же тогда мы будем находить себе жен?

— Конечно же, мы будем брать в жены Гхаррских женщин, — герцог Ричард не стал ждать, когда Рид даст ему слово.

Молодой человек из Дома де Ври вскочил на ноги.

— Господи! Но вы же знаете, что после Войны и Болезни у нас осталось слишком мало женщин!

Герцог откинулся на спинку кресла и посмотрел на него с преувеличенным сочувствием.

— Почему же тогда у вас нет жены, милорд? — дерзко выкрикнул какой-то молодой человек — житель одного из малых Домов.

— Да! Где *ваши* сыновья, милорд? — крикнул кто-то из Дома де Ври.

Смуглое лицо Ричарда Харлана стало красным от гнева. Он свирепо огляделся по сторонам.

— Я выберу себе жену, которая подойдет для Старкера IV, — он многозначительно посмотрел

на меня. Но только, когда буду готов к этому.

— Означает ли это, что вы полетите за ней на другую планету? — послышался голос из Дома Джастина.

— Да. Почему бы и нет? Дом Харлана — не какой-нибудь малый Дом. Я могу себе позволить полет на Черном Корабле.

— Это замечание о малых Домах не прибавит ему новых друзей, — зашептал лорд Карн мне на ухо.

— Члены Девяти Семей всегда привозили себе жен с планет, похожих на нашу или даже менее развитых. Зачем же что-то менять? Зачем же брать женщин с планет старой Империи?

По возмущенному гулу, поднявшемуся в зале, я поняла, что лорд Ричард сделал большую ошибку, критикуя меня в моем присутствии.

Граф Джастин повернулся ко мне и сказал:

— Пожалуйста, Ларга, не судите о всей Старой Партии по плохим манерам лорда Ричарда. Мы не разделяем его мнения.

Председатель дал слово молодому человеку из Дома фон Шусса.

— Вопрос Харлана не относится к делу, господин Председатель. Проблема состоит не в том, откуда нам привозить женщин, а в том, приво-

зить ли их вообще, — молодой человек посмотрел на Рида, тот кивнул, — Как велика вероятность спровоцировать новую войну, Фрем Рид?

— Наши наблюдатели, работающие там со времен Войны, сообщают, что Федерация не станет заново вооружаться ни при каких обстоятельствах, пока входящим в нее планетам грозят разрушение и радиоактивные взрывы.

Именно такое мнение было распространено на Фру. Никакая провокация не стоит смерти и разрушения, которые неизбежно принесла бы новая Война. На Фру, так же как и на многих других Внутренних Планетах, людей с детства учили не применять насилия.

— Как насчет возможных экономических санкций?

— Вполне вероятны, хотя ни одна планета еще не угрожала нам этим.

— Тогда не надо прекращать полеты Черных Кораблей, — вмешался молодой человек, сидевший за Джастином. — У меня нет жены, потому что здесь, на Старкере IV, нет женщин подходящего возраста и соответствующего происхождения. Неужели мне придется умереть, не произведя на свет сыновей — наследников?

Сидевшие в зале молодые люди одобрительно

загудели. Джастин гордо поднялся со своего места. Председатель тут же дал ему слово.

— Я предлагаю разрешить полеты Черных Кораблей, поскольку это необходимо для продолжения Семей, — среди молодых людей послышались одобрительные восклицания. Если Свободные граждане не…

Рид сердито затряс головой.

— Свободные граждане перестанут быть свободными, если начнут заключать браки с членами ваших Семей и станут участвовать во всех ваших ссорах, Есть ли еще предложения?

Больше предложений не было, и это приняли подавляющим большинством голосов. Следующими вопросами на повестке дня были предложенные Карном законопроекты. Вокруг них разгорелись горячие споры, и Свободные граждане впервые приняли участие в этих спорах. Дискуссии продолжались чуть больше часа, но мне казалось, что прошло уже очень много времени. Наконец достаточно весомые аргументы сломили сопротивление Старой Партии, и рабство было официально отменено. Однако Свободные граждане, так заинтересованные в принятии первой части этого предложения, отказались участвовать в спорах о второй его

части — ограничении наказаний рабов. Список допустимых наказаний — нанесение увечий и серьезных повреждений, избиение, заковывание в цепи, изгнание в пустыню Цинн — ужаснул меня. Никакие аргументы не могли убедить Свободных граждан, что они должны в своих же интересах принять участие в споре. Сами они никогда не имели рабов и никак не могли понять, что пока есть люди, лишенные свободы, никакая другая свобода не может находиться в безопасности. После громких споров и взаимных оскорблений наконец состоялось голосование. Лорд Карн напряженно ждал подсчета бюллетеней. Результаты голосования оказались против него.

Я чувствовала, как сильно был разочарован лорд Карн, ведь этот вопрос очень много значил для него, но он, как обычно, старался никому не показывать своих чувств. Я попыталась хоть немного утешить его:

— По крайней мере, им не удалось увеличить количество возможных наказаний, милорд.

— Да, — устало произнес он, — по крайней мере, нам удалось предотвратить это.

Тем временем Председатель Рид нервно откашлялся и принялся зачитывать следующее предложение:

— Настоящим постановляется, что впредь, начиная с сегодняшнего дня, женщина из благородной Семьи не может выйти из дома без разрешения своего мужа и без сопровождения, по меньшей мере, двух женщин, занимающих такое же высокое положение, как она. Настоящим объявляется, что ни одна женщина не имеет права выставлять напоказ свои ноги, руки или шею больше, чем на дюйм. Настоящим также постановляется, что никто не имеет права учить женщину чему-то большему, чем прочитать и написать свое имя.

В первую минуту я не поверила своим ушам. Я не знала ни одной планеты во всей галактике, где бы женщины подвергались такой дискриминации. Даже на самых отсталых планетах женщины не умели читать и писать только потому, что там вообще никто не умел это делать. Мне сразу стало ясно, какое ужасное будущее ожидает меня, если предложение будет принято. Именно *это* мужское высокомерие я и имела в виду, когда говорила с Питером. Вот почему мой муж долго не решался взять меня на Совет.

Если эта идиотская резолюция будет принята, я одна не смогу выйти из замка, если со мной не смогут пойти Кит и леди Агнес. К тому же,

они хотят сделать женскую одежду еще более строгой! Должно быть, лорд Карн почувствовал мое нарастающее возмущение, потому что он подозвал Ороарка, который оставил свой пост у двери и вывел меня из зала заседаний.

В холле я принялась ходить взад-вперед, зло толкая впереди себя тяжелую парчовую юбку, прикусив нижнюю губу и изо всех сил стараясь, чтобы находившиеся там солдаты и Свободные граждане не заметили, что творилось у меня на душе. Красивые фрески расплывались у меня перед глазами, я слышала тихие голоса солдат, но не понимала ни слова из того, что они говорили, все во мне кипело от гнева, и слова возмущения готовы были вырваться наружу. Эти люди из Старой Партии не дают Лхарру покоя: сначала рабы, теперь это ограничение для женщин.

— Ларга! — По тону Ороарка я поняла, что он уже не первый раз обращается ко мне.

Я остановилась и взглянула на него. Ороарк покраснел и стал переминаться с ноги на ногу.

— Не нужно расстраиваться, Ларга. В этом нет ничего постыдного. Вы женщина.

Я подавила кипевший во мне гнев. Ороарк очень молод и не представляет себе, что можно жить по-другому.

— Не в этом дело, Томми! Эти ограничения — вот в чем проблема! Нельзя говорить, нельзя думать, нельзя двигаться, нельзя носить эти одежды, да еще они хотят не разрешить женщинам читать! Все это просто приводит в бешенство. Но лорд Карн был прав. Я больше ни минуты не смогла бы просидеть молча.

Ороарк озадаченно посмотрел на меня, между его карими грустными глазами появилась глубокая морщинка.

— Ты не понимаешь меня, Томми?

— Отчасти. Ну, не совсем. Нет.

Дверь палаты заседаний открылась, и в холл стали медленно выходить лорды и Свободные граждане. Лорд Карн вышел среди последних. На ходу он о чем-то разговаривал с Дювалем и Председателем Ридом. Пауль IV Друма перебросился с ними несколькими словами, а затем отошел от них. Все трое на несколько минут остановились в дверях, тихо поговорили, потом расстались, и каждый пошел своей дорогой.

Лорд Карн прислонился к стене у самой двери, стараясь расслабить напряженные мышцы и немного успокоиться. Несколько минут он стоял так, испытывая мое терпение и наблюдая за мной, потом наконец подошел, чтобы ответить

на не высказанный, но мучивший меня вопрос.

— Расслабься. Мы потерпели поражение, — на мгновение он отвернулся, чтобы поприветствовать нескольких проходивших мимо нас мужчин, потом продолжил: — В конце концов, обычай, да и личные желания предполагают ношение скромной одежды.

— Чьи желания?

— Мои. Любого мужа.

— Вы не очень-то прогрессивны сейчас в своих суждениях.

— Иногда быть прогрессивным означает просто не отступать назад. Это был как раз тот случай. Обсуждение этого предложения откладывалось уже четыре заседания подряд, то есть больше года. Раньше или позже, оно все равно бы прошло.

— Не открывать шею больше чем на дюйм! У меня нет слов, чтобы описать глупость и слепоту мужчин, а я думала, что вы не такой, как все!

— Говорите тише, — предупредил лорд Карн, но в голосе его слышался смех.

Это еще больше разозлило меня, хотя я постаралась все же говорить тише.

— Докажите, что вы действительно боретесь за реформы, мой лорд. Освободите меня. Позвольте мне быть самой собой.

Он улыбнулся и покачал головой.

— Если бы я была мужчиной, вы бы не отнеслись так к моим словам.

— Если бы вы были какой-нибудь другой женщиной, я, возможно, прислушался бы к ним. Но вы вполне способны отрезать волосы, носить короткие юбки до колен, свободно вступать в разговор с любым мужчиной, который интересует вас, и выступать в защиту рабов. Нет, я не могу позволить вам загубить реформу. Она и так сейчас находится в большой опасности. А вам не хватает терпения постепенно двигаться вперед. Давайте пойдем домой и вновь возьмемся за работу.

В сопровождении Ороарка, шедшего впереди нас, и пятерых солдат по бокам и сзади мы быстро вернулись к лифту, который доставил нас на поверхность, прямо к стартовой площадке.

Глава тринадцатая

Итак, следующее заседание Совета состоится только весной. Два снежных месяца были лишь самым началом зимы. Теперь же зима обрушилась на нас со всей своей силой. Было даже страшно подумать о том, чтобы полететь куда-нибудь на флиттере. Мороз, снег и ветер сделали такое путешествие просто невозможным. Мысль о необходимости провести целых три месяца в замке привела меня в ужас, однако, когда я взялась за работу, мое будущее перестало казаться мне таким уж мрачным.

Да и слова Карна заставили меня кое о чем задуматься: терпение, постепенное движение вперед. Он прав. Большие перемены могли бы погубить реформу. Я решила доказать ему, что смогу быть терпеливой. Я обязательно исправлю допущенные мною серьезные ошибки, сколько бы лет мне на это ни потребовалось.

Ход моих мыслей был прерван шумом, донесшимся из покоев Лхарра. Дверь его комнаты распахнулась, и в коридор выкатился большой пушистый пыльный шарик, а за ним выскочил все еще визжавший от возбуждения Джемми. На

ходу он сгреб ногой кучку светло-серого пуха и только потом заметил, где он находится.

— Тетя Жанна, смотрите, что дал мне дядя Карн! — он протянул мне пушистый предмет.

Я нерешительно взяла его. Мне показалось, что это существо замурлыкало. Маленький зверек завозился в моих руках, и на меня глянули два блестящих черных глаза. Под длинным мягким мехом я почувствовала теплое крошечное тельце. У маленького круглого зверька, как мне показалось, не было ни хвоста, ни шеи. Сначала я заметила у него четыре ноги, но потом неожиданно появилась еще одна пара не то рук, не то ног и стала с любопытством ощупывать драгоценные камни в моем ожерелье. Я попробовала погладить зверька, он замурлыкал, теперь уже гораздо громче.

— Это ухл-ухл, — гордо сказал Джемми. — Она всегда так пищит, когда чего-то боится. Ее зовут Вики.

Он протянул руки и, взяв своего любимца, сильно прижал его к груди так, что Вики запищала еще громче.

Джемми гордо посмотрел на нее.

— Она просто замечательная, правда?

Он снова положил зверька на пол, и тот сразу

же бросился бежать. Джемми пустился следом за ним. Они обежали вокруг кровати, за сундуком Вики подождала, пока Джемми догонит ее, потом два раза они обежали вокруг меня и снова вылетели в открытую дверь, едва не столкнувшись с Донной с одной стороны и с Лхарром — с другой. Лорд Карн, смеясь, наблюдал за погоней сначала в своей комнате, потом в коридоре, где, по всей вероятности, Джемми поймал наконец своего любимца, потому что шум временно прекратился.

— Ухл-ухл — это как раз то, что ему нужно, — сказал лорд Карн, все еще посмеиваясь. — Должен же Джемми с кем-то играть.

В коридоре снова послышался шум.

— Но я пришел сказать тебе о другом. Через несколько минут у меня начнется совещание по трехмерному видеофону, а пока я буду занят, Первый Купец может передать ленту от Председателя Рида. Не могли бы вы подождать его? Мне бы не хотелось, чтобы Вейсман «случайно» нашел ее среди остальной почты.

— Конечно, милорд. Все, что прикажете, милорд, — и я сделала преувеличенно глубокий реверанс.

Лорд Карн улыбнулся своей удивительной неотразимой улыбкой: улыбкой, начинавшейся

в его золотистых глазах, а затем распространявшейся вниз по его тонкому лицу и только потом достигавшей рта. Он резко поднял меня на ноги.

— Сама вежливость, — сказал он со смехом в голосе.

В сопровождении солдат я отправилась в библиотеку и осталась там ждать. Вейсман разложил свои материалы по реставрации на одном из столов, и по комнате распространился запах кожи и фиксатива. Я пошла в заднюю часть библиотеки и стала исследовать ряд неиспользуемых кабинетов. В большинстве из них я не нашла ничего, кроме толстого слоя пыли, но в одном я обнаружила тяжелую коробку, которая оказалась шахматной доской с зелеными и белыми клетками.

Вечером, после обеда, я принесла эту доску в покои Кит, и мы сели играть. Целый час Джемми наблюдал за нашей игрой, но потом его послали спать. Протестуя, он все же лег в постель, но через несколько минут он отдернул занавеску, за которой находилась его кровать, и стал смотреть на нас, щурясь от света.

— Мама, я не могу заснуть.

Потом через несколько минут:

— Мама, я хочу пить.

Кит подошла к нему и шепотом сказала ему несколько слов. Больше нам не приходилось прерывать игру. Лорд Карн зашел в комнату, когда мы начинали уже играть эндшпиль. В этот момент я как раз напала на короля Кит. Мне показалось, что лорду Карну понравилось, как я играю. Он подал мне руку.

— Пойдемте вниз и сыграем в шахматы.

Я с радостью приняла его предложение.

С тех пор по вечерам перед сном мы стали часто играть в шахматы в библиотеке. Лорд Карн мог запросто беседовать со мной о политике. Играя в шахматы, мы часто разговаривали с ним и на многие другие темы. Иногда наши беседы и не сопровождались игрой в шахматы. В те дни, когда мы засиживались за работой допоздна, Гарет посылал нам пунш, и мы вели за ним долгие задушевные разговоры. Лорд Карн рассказывал мне о своем детстве, о самых спокойных годах, проведенных им в школе на Альтаире, о его любви к Гхаррам и Владению Халареков, о своей матери, которая благодаря своим необыкновенным способностям была признана регентом их Дома, об очень тяжелых для него десяти годах правления в Доме Халареков, с тех пор, когда он стал Лхарром. Передо мной прошла вся его жизнь,

и я снова благодарила Бога за мое собственное беззаботное детство. Иногда я рассказывала ему о Фру и о своей тоске по родине. Во время нашей совместной работы и бесед мы лучше узнали друг друга и полюбили то, что узнали. Я поймала себя на мыслях о нашем будущем, и мне показалось, что этим я предала мою семью.

Очень часто мы коротали вечера за чтением. Лорд Карн обычно просил меня почитать. Мы садились у огня, и я читала из галактической литературы то, что мне больше нравилось. Я обычно читала, сидя на коврике перед камином, облокотившись о его ноги, а он слушал, не отрывая от меня глаз. Чтение вслух, которое я поначалу считала детской привычкой, постепенно стало доставлять мне большое удовольствие. Иногда вместо романсов и эпосов я рассказывала древние истории Терры, такие как Сказка Франкмена, истории, в которых говорилось о счастливых семьях, где муж и жена любили друг друга. Слишком во многих семьях на Старкере IV господствовали равнодушие, жадность, ненависть, измены.

Еще в то время, когда я не была секретарем, я задумала и стала осуществлять проект, который, как я надеялась, сможет полностью и навсегда

изменить жизнь Гхаррских женщин. Беседы во время многочисленных рождественских встреч и разговоры по трехмерному видеофону убедили меня, что Гхаррские женщины совсем не так удовлетворены своей жизнью, как считают их мужчины. Я была уверена, что эти женщины не захотят слушать никаких советов «этой бесстыжей иностранки», однако я все же надеялась как-нибудь пробиться сквозь стену их высокомерия и подозрения их еще более консервативно настроенных мужей.

С разрешения Лхарра я заказала пять маленьких компьютеров для ведения домашнего хозяйства. Гильдия отправила к нам в Онтар тяжелый грузовой флиттер, который сбросил их через специальные ворота для флиттеров. Был конец ухла, однако такие вещи были еще возможны в ухле. Кит и я трудились почти целый месяц, составляя опись домашнего имущества, а потом я ввела этот список в память компьютера, одновременно обучая Кит работе на нем. После этого в компьютер были занесены поставки продовольствия, заказы, расходы, необходимый ремонт и выполненный ремонт. После того, как я ввела список продуктов, из которых Кит ежедневно в течение последних шести месяцев составляла

меню, компьютер сам стал составлять это меню, что значительно упростило работу Кит.

Потом Кит и я стали довольно часто пить чай после обеда «вместе» с девочками Дюваль, беседуя с ними по трехмерному видеофону. Мы решили проверить сначала на них наши коммерческие способности. Сперва, как обычно, мы побеседовали с ними о разных пустяках. Потом Кит случайно упомянула о нашей новой «игрушке». Девочки тут же заинтересовались. Они обязательно захотели увидеть ее. Но мы сказали, что она совершенно бесполезна. Они настаивали. В конце концов, пряча улыбки от Дювалей и наших собственных солдат, которые несли портативный трехмерный передатчик, Кит и я показали компьютер в работе. Когда мы вернулись в комнату к экрану, Элспет ерзала на стуле от возбуждения.

— Подождите, мы скажем папе! Не могли бы вы достать один компьютер для нас?

— Мама, наверное, очень заинтересуется им, — протянула Адриан. — До скорой встречи.

Они исчезли с экрана.

Вскоре мы продемонстрировали компьютер старшим Дювалям, и не прошло и недели, как они купили его. Это была единственная торговая

сделка, которую нам с Кит удалось осуществить в течение двух недель, но многие женщины стали проявлять интерес к нашему компьютеру. Якобы настойчивое нежелание отдать оставшиеся три компьютера — важная часть нашей стратегии — лишь разожгло интерес к нашему товару.

Однажды вечером, выйдя к обеду, лорд Карн, смеясь, сказал нам:

— Я позволил вам начать этот ваш бизнес, и до сих пор я не задавал вам никаких вопросов. Но больше я не могу молчать. Откуда такой интерес к этим маленьким умным машинам? Герцогине Друма просто необходим такой компьютер. Член Совета тоже хочет получить один из них. Даже лорды четырех малых Домов попросили меня о компьютерах. Только сегодня было уже шесть звонков! А ведь теперь до весны мы не сможем доставить ни одного компьютера!

— А ты закажешь еще, Карн? — Кит сияла от удовольствия, что наш план имел такой успех.

Лорд Карн усмехнулся:

— Может быть, если вы мне скажете, почему вам так не терпится раскошелить столько людей?

Этого вопроса я и ожидала.

— Милорд, если я смогу освободить пятьдесят

Гхаррских женщин от рутинной домашней работы, у них высвободится масса времени, и они начнут искать себе какое-нибудь другое занятие, а это приведет к большим изменениям. Я знаю, я не слишком терпелива, но надеюсь дождаться того момента, когда Гхаррские женщины сами решатся на реформы.

— Они сделают это, Карн, — нетерпеливо вмешалась Кит, — когда у них будет свободное время.

— Ах вы, маленькие чертовки, — улыбаясь, сказал лорд Карн.

Кит засмеялась и чмокнула его в щеку.

— Еще бы! Послушай только, чем я занимаюсь в свободное время. Я учу язык Штерн, я рисую — я всегда очень любила рисовать. И я помогаю другим женщинам почувствовать необходимость перемен в их жизни.

Лорд Карн взглянул на меня.

— Если бы я раньше знал, что ты такая хитрая, я бы уже давно заставил тебя работать для меня. Посмотри, как изменилась моя консервативная сестренка.

Я не поняла, смеется ли он надо мной или говорит серьезно, и поэтому спросила:

— Как вы думаете, это действительно поможет,

милорд?

Он в задумчивости положил мне руку на плечо.

— Не знаю, но думаю, что стоит попробовать.

Его похвала обрадовала меня. Я так любила его и так жалела об этом. Я не должна была любить его. Наш брак был нужен ему только в политических целях. Я боялась той боли, которую могла причинить мне моя любовь к нему. Ланс однажды уже добивался моей любви, чтобы получить от меня то, что ему было нужно: сотрудничество со мной. Лорд Карн хочет от меня того же, но он, по крайней мере, честно сказал, что любовь в браке слишком опасна на этой планете, и он не будет рисковать. Я не должна позволить своим чувствам к нему разгореться еще сильнее. Он не хочет рисковать любовью. Я — тоже.

В конце концов спрос на наши компьютеры снизился. Работы по ведению хозяйства в замке и во владении Халареков становилось все меньше и меньше: зимой никто ничего не продавал и не покупал, никто не принимал гостей, никто не занимался никаким бизнесом. Зато мне приходилось теперь большую часть времени проводить с лордом Карном, чувствуя, как привязываюсь к нему все больше и больше.

Жизнь в замке текла медленно и скучно, как это бывает на других планетах в самый разгар лета. Я утратила ощущение времени, здесь не было ни привычных мне летних развлечений, ни зимних. В семье Халареков часто развлекались тем, что загадывали друг другу загадки, играли в жмурки, в шахматы, рассказывали друг другу разные истории. Мужчины упражнялись в искусстве владения оружием на арене, устраивали поединки, катались верхом, а женщины вышивали и сплетничали. Так прошли ухл, архасг, курт и немб.

Мне было тяжело привыкать к такой жизни. Я знала, что теперь до конца своих дней буду вынуждена только так проводить каждую зиму, но эта первая зима пришла слишком скоро. Мне не нравились все эти детские забавы, которыми так увлекались взрослые. Лорд Карн поставил себе за правило проводить со мной большинство вечеров. Шахматы, долгие беседы далеко за полночь, любовные игры, но мне не хватало физических упражнений и свежего воздуха. Мне как воздух нужна была какая-нибудь полезная работа. Мое раздражение росло с каждым днем. Я становилась все более нервной и вспыльчивой. Когда наконец началась поздняя оттепель, целы-

ми днями лил дождь, так что я все равно не могла выйти из замка. Надо было начинать готовиться к Совету.

Однажды днем, почувствовав сильную усталость, я зашла к себе в комнату, чтобы немного передохнуть там до обеда. С утра все шло из рук вон плохо. Донна, обычно причесывавшая меня, была больна и не вставала с постели. Тамара едва ли знала, как держать щетку. Жаклин считала это занятие ниже своего достоинства. Таким образом, я сама стала сражаться со своими волосами. Я быстро собрала волосы в пучок и вместе с Кит отправилась на кухню проверить, как там идут дела. На кухне я случайно столкнула со стола глиняный кувшин и, отскочив, обожгла себе руку о край печки. Жаклин и Тамара поссорились сразу же после ленча и полдня кричали друг на друга, как разъяренные кошки. Я отправила их к себе, в отгороженную для них часть комнаты, но их крики все равно не давали мне покоя. Я прилегла на кровать, но к крикам моих служанок прибавился шум, доносившийся с нижнего этажа, где несколько солдат играли в кости. Поняв, что мне так и не удастся дать отдых моим измученным душе и телу, я встала, взяла со шкафа щетку и, сев на край кровати, попыталась распутать волосы.

Волосы выросли уже почти до талии, и через каждые несколько дюймов мне приходилось с силой раздирать их. Этого оказалось достаточно, чтобы окончательно разозлить меня. Or отчаяния и боли на глазах выступили слезы. Как я ненавидела в тот момент свои длинные волосы. Я была так занята, воюя с ними, что не заметила, как лорд Карн открыл дверь своей комнаты.

Он откашлялся.

— Мне бы хотелось, Жанна, поговорить с тобой наедине. Мы поженились уже довольно давно. Конечно, сейчас…

Я резко развернулась и посмотрела ему в лицо. В этот момент он олицетворял для меня ту систему, которая требовала носить эти противные длинные волосы.

— Вы не верите, что это можно сделать? Я говорила вам, что не собираюсь рожать вам детей. Я имела в виду именно это! Я не хочу, чтобы мой ребенок родился в этом мире вражды и смерти, хоть вы и мечтаете о наследнике!

Щетка снова застряла у меня в волосах, от толчка рукав моего платья скользнул вниз и больно задел обожженное место. Я вырвала щетку из волос и с ненавистью уставилась на длинные рыжие пряди, застрявшие в ней.

— Вот еще что я хочу сказать вам, лорд Карп. Я не собираюсь больше носить эти длинные волосы… этот знак того, что я человек второго сорта.

Я швырнула щетку в другой конец комнаты. Она ударилась о стену и с треском рассыпалась на мелкие кусочки. Потом я бросилась к маленькому столику, стоявшему у моей кровати, открыла коробочку для рукоделий и выхватила оттуда большие ножницы. Тут лорд Карн понял, что я собираюсь делать, но было уже поздно. Одной рукой я зажала волосы и несколькими быстрыми движениями отрезала их. Лорд Карн бросился ко мне, но, хотя комната была довольно маленькая, он приблизился ко мне только тогда, когда мои спутанные блестящие волосы уже упали на пол. *Я* тряхнула головой и обрадовалась ее легкости. У лорда Карна был такой вид, что в первую минуту мне показалось, будто он ударит меня. Но он только вырвал у меня из рук ножницы.

— Как вы думаете, что вы сейчас делаете?

— Я избавляюсь от некоторых моих несчастий, милорд!

Он поднял с пола несколько прядей моих волос и потряс ими перед моим носом.

— Вы сделали это, после того как услышали на последнем Совете предложение о ношении более

строгой одежды! Посмотрите на себя! Разве это волосы?

Он поднял несколько коротких прядей и снова бросил их мне на плечи, потом опустил голову и тихо произнес:

— Как я объясню это на Совете?

Я не могла заставить себя посмотреть ему в глаза. Я совсем не подумала о политических последствиях моего поступка.

— Если… если это смущает вас, мой лорд, — то я останусь здесь.

— Нет… но… я… собирался… — он отвернулся.

О Господи! Я опять совершила что-то ужасное.

— Что вы собирались сделать?

Он снова повернулся в мою сторону, но все еще избегал смотреть мне в глаза.

— Я думал, что мы немножко развлечемся и прогуляемся верхом на свежем воздухе. Это заняло бы у нас три или четыре дня.

— Гм…

Тут мы оба подпрыгнули на месте. В дверях стоял Вейсман.

— Я не хотел прерывать вашу беседу, милорд. Скажите, понадоблюсь ли я вам сегодня вечером?

— Нет. Закройте дверь и идите спать.

Дверь закрылась. Как долго Вейсман слушал наш разговор? Видимо, этот же вопрос волновал и лорда Карна. Он посмотрел вслед библиотекарю хмурым, недовольным взглядом и снова повернулся ко мне.

— Раньше вы хотели отрастить волосы. Можете заняться этим теперь.

— Нет, милорд. Я собираюсь носить короткую стрижку! Я только подровняю их и попрошу Донну завить…

— Ради всех святых, мадам! — В золотистых глазах его зажегся огонь. — Неужели вы хотите продемонстрировать перед всем Старкером IV свое презрение ко мне?

— Презрение, мой лорд? Если вы считаете, что это и есть причина моего поступка, то я останусь здесь.

— Нет, вы не можете сделать это.

Его решительный ответ насторожил меня.

— А почему бы и нет? Если я поеду на Совет, то это вызовет удивление, и вы будете чувствовать себя неловко. — Он выглядел скорее расстроенным, чем рассерженным. Я коснулась его руки. — Разве есть какая-то особая причина, из-за которой я должна быть там?

Он резко отвернулся, и я услышала, как он

хрустнул пальцами, зажав их в кулак.

— К черту! Неужели ты не понимаешь, женщина, это дело чести, — не оглядываясь, он сердито вышел из комнаты.

Через несколько минут в дверях появилась Кит.

— Что случилось? Карн прошел мимо меня, и он… Ой, Жанна, твои волосы!

Кит. И она тоже. Я вдруг почувствовала ужасную усталость.

— Да. Мои волосы. И поэтому я сказала лорду Карну, что останусь дома и не поеду на Совет.

— Нет, ты не могла это сделать. Карн собирался развлечь тебя этой поездкой. Он уже давно мечтал о ней. Не удивительно, что он так расстроен и подавлен.

— Это *была* чудесная идея. Ничто не доставило бы мне большего удовольствия, чем это путешествие, — теперь уже я была ужасно расстроена. — Я сделала непоправимую ошибку, но он был так огорчен, — я сбросила на пол срезанную прядку волос, — что я решила, будет лучше, если я не поеду.

На лице Кит был написан испуг.

— Весенний Совет — это праздник, Жанна, большой праздник, на котором мы можем впер-

вые за последние несколько месяцев встретиться со своими друзьями. Может быть, ты можешь что-нибудь сделать со своими волосами?

Я подобрала с пола свои спутанные волосы.

— Может, мне удастся сделать накладку, и никто не заметит разницы, — я подняла глаза на Кит. — Как ты думаешь, будет лучше, если я извинюсь?

Уголки губ Кит медленно поползли вниз.

— Я, правда, не знаю. Может быть, если ты скажешь ему то, что сказала мне, то так будет лучше… — она вдруг сжала мою руку удивительно сильными пальцами. — Жанна, ты больше ничего не придумаешь? Ведь он так доверяет тебе!

Я покачала головой.

— Я не смогла бы причинить ему никакого вреда, даже когда ненавидела его. Ни за что. А я могла бы это сделать, Кит, если бы только захотела. Теперь же я слишком сильно люблю его, чтобы намеренно причинить какой-нибудь вред ему или его работе.

— Но ты любишь его все же не так сильно, чтобы дать ему наследника.

— Ты думаешь, Кит, для этого достаточно только любить и желать его? Ребенок — это символ надежды и полного доверия. Доверия, которое

появляется только вместе с любовью. Ребенок — результат любви и должен войти в мир любви. А мы так много воюем. И он *не хочет* любви.

— Я знаю. Но ему нужна твоя любовь, Жанна. Ты бы могла быть, по крайней мере, любящей и нежной женой.

— Да, я могла бы. Но любовь слишком опасна. Он… он не… его могут убить… любовь причиняет такую сильную боль, Кит!

Последние слова я сказала уже шепотом, но Кит услышала их и обняла меня за талию.

— Попытайся, Жанна. Карну так нужна твоя любовь. И тебе нужна его любовь, — она положила голову мне на плечо. — Любовь стоит того, Жанна. Я бы не отказалась ни от одной минуты своей жизни, проведенной вместе с Ником, даже если бы знала заранее, как скоро нам придется расстаться.

Несколько секунд мы стояли молча, крепко обнявшись.

— Подумай о том, что я сказала тебе, Жанна, едва слышно произнесла наконец Кит. — Карн сам не знает, как сильно ему нужна твоя любовь. Он, возможно, не признается себе в этом, но это так. Наш отец презирал его. Ни Лизанна, ни Шарлотта не любили его и не заботились о нем. — Кит

провела тыльной стороной ладони по глазам. — Ему так нужна наша поддержка, Жанна, — она опустила глаза и принялась ковырять каменный пол носком ботинка — Ведь он вынужден вести постоянную борьбу со своими врагами.

Кит вышла из комнаты. Я села на край кровати и задумалась. Я должна извиниться перед ним за то, что сделала. Я встала и отправилась на поиски лорда Карна. Чем дольше я искала его, тем больше чувствовала себя виноватой перед ним. Ведь он подумал, что я вообще не хочу ехать на Совет. Разговор с Кит убедил меня: если лорд Карн хочет, чтобы я была с ним, *я* должна быть с ним.

Лорд Карн находился в тире и не велел никому беспокоить его. Никому без исключений. Я знала, что он имел в виду меня, так как понимал, что я скоро пожалею о своем поступке.

Я отправилась в библиотеку. Вейсман все еще работал. Он поднял голову от своих бумаг и с любопытством посмотрел на меня. Не обращая на него внимания, я забралась в кресло лорда Карна и задумалась. Я и не думала раньше, что могу причинить ему боль, и очень жалела об этом.

Глава четырнадцатая

Я встретила лорда Карна только после завтрака. Он вежливо принял мои извинения, быстро сказал, какое платье я должна надеть, и удалился вместе с Томми, который снова должен был принять на себя командование всеми войсками в Онтаре.

Несколько последних дней до отъезда прошли в суете и сборах, и мы почти не виделись с лордом Карпом. Это было мне на руку, потому что я очень боялась встречи с ним. Кит и Джемми должны были вылететь на флайере чуть позже, поэтому они на время отложили свои сборы. Джемми бегал по замку и путался у всех под ногами.

Это его первый выход в свет, — оправдываясь, объясняла Кит Он так взволнован, что не знает, куда себя девать.

Томми с беспокойством наблюдал за идущими полным ходом приготовлениями. На лбу его теперь ясно обозначилась глубокая морщинка. Я успокаивала себя мыслью о том, что его волновало только отсутствие антуража.

Конечно же, у нас было достаточно солдат, которые могли бы защитить нас.

День нашего отъезда выдался ясным и солнечным, и только над горами были заметны небольшие серые облака. Снег лежал только в низинах и тенистых местах, в основном же земля была голая, темно бурого цвета. Лорд Карн и я вышли из замка на поверхность. Впереди нас шли пять телохранителей, позади следовали еще пять. Кит, Джемми, Томми, Гарег, Вейсман и пять служанок провожали нас. Кит и Джемми стояли в саду и махали нам до тех пор, пока мы не скрылись из виду.

К тому времени, когда мы достигли предгорий, подул сильный ветер. Горди вскидывал голову, ловя гривой встречный ветер, и немного приплясывал. Узкая песчаная дорога была размыта по краям водой и морозом. Я отчетливо слышала позади себя хруст песка под копытами, а впереди лошади убежали довольно далеко от меня. Высоко над нашими головами голубые сосны качали своими ветками, которые стонали и что-то шептали на ветру.

Дорога извивалась вокруг гребня горы. На самой вершине лорд Карн остановил свою лошадь. Далеко вдали едва виднелся сад у нашего замка с посаженными полукругом деревьями. В просвете между деревьями я увидела дорогу, по которой

проехал последний всадник из нашей свиты и скрылся под качающимися голубыми ветками.

Лорд Карн махнул рукой в правую сторону и нарушил наконец свое долгое молчание.

Отсюда хорошо видна пустыня Цинн. Скоро мы пересечем единственную протекающую по ней реку.

Я посмотрела туда, куда он показал мне. Тонкая светло-зеленая полоса тянулась вдоль русла реки. Земля по обеим сторонам ее была серого, коричневого и желтого цвета. По мере приближения к пустыне предгорья превращались в бесформенные груды огромных камней и осыпающиеся скалы. Все реже и реже попадались кривые низкорослые сосны. То там, то здесь появлялись высохшие погибшие деревья с ярко-желтыми ветками в окружении почти таких же желтых скал.

— Какая мрачная картина, милорд.

— Да. Осужденный на изгнание в пустыню вряд ли сможет выжить с этой стороны гор.

Невдалеке от нас горы стали оттягиваться назад. Они образовывали гигантскую чашу, в которой и лежала пустыня.

— Если вы привозите их в пустыню Цинн со стороны равнины, им приходится очень далеко идти.

— Да.

— Но это же очень жестоко.

— Не более жестоко, чем сажать их в тюрьму. Осужденный начинает чувствовать голод, особенно в это время года, и жажду еще до того, как доберется до реки. Однако здоровый человек вполне может за три дня пересечь пустыню Цинн.

Лорд Карн тронул своего жеребца и снова принялся взбираться вверх по узкой тропинке. Все живые существа, населяющие эту местность, вышли уже из долгой зимней спячки и изо всех сил давали нам понять, что мы вторглись в их владения. Птицы летали вокруг нас, пронзительно кричали и били крыльями. Маленькие животные ругали нас, сидя на деревьях.

— Чтобы добраться до здания Совета, нам придется пройти через два перевала, — лорд Карн указал направо — Дорога здесь не очень-то ровная, но зато как красиво! — Он посмотрел на меня сверху вниз, сидя на своем большом жеребце. — Разве ты не назовешь меня по имени, Жанна? *Я* не хочу, чтобы мы сейчас говорили друг другу «лорд» и «ларга».

Сердце мое громко забилось. Одни, среди всей этой красоты и тишины.

— Это было бы очень опасно как для вас, так и для меня, мой лорд, — осторожно сказала я.

На этот раз мне страшно захотелось заглянуть под маску на его лице и увидеть, что же он чувствует на самом деле. Многое бы я отдала сейчас, чтобы узнать, какое впечатление произвел на него мой ответ. Если бы это было действительно для него очень важно, его просьба…

Но лицо его по-прежнему ничего не выражало. Он поднял поводья и медленно двинулся вперед.

Приблизительно через час мы остановились, чтобы быстро позавтракать, немного отдохнуть самим и дать отдых лошадям, потом снова тронулись в путь. Вскоре стук копыт бежавших впереди меня лошадей исчез в страшном реве падающей воды. За секунду до того, как сквозь густой подлесок мелькнул яркий, отраженный от воды свет, я увидела легкий туман и почувствовала запах сырости. Местами появившаяся грязная жижа скоро покрыла тонким слоем всю дорогу. В реве воды исчез даже стук копыт наших собственных лошадей. Скоро лес кончился, и я взглянула вниз. Темный поток воды со страшной силой, шипя и пенясь, падал с большого желтого утеса, потом он на некоторое время затихал и затем снова, бурля и пенясь, с бешеной скоростью

устремлялся на восток, в пустыню Цинн.

Я повернулась к лорду Карну.

— Это так страшно, правда?

Но он внимательно разглядывал берег по обеим сторонам брода и не слышал меня.

— Что-нибудь случилось, милорд?

— Да, — ответил он, не поднимая глаз. Сегодня здесь было слишком много лошадей. Слишком много.

— Тогда, может, мы подождем Карла?

Лорд Карн покачал головой.

— Если эти новые всадники не наши друзья, то, вполне возможно, позади нас нет больше никакой охраны. Подождем пять минут, чтобы выяснить это. Езжай за мной.

Лорд Карн направил свою лошадь в воду и по мелководью двинулся вниз по течению. Страшно было подумать, что может случиться с лошадью и всадником, попавшими в этот быстрый, ровный поток. Отъехав от брода несколько сотен метров, лорд Карн послал свою лошадь вверх по скалистой части берега, нетерпеливо сделав мне знак рукой следовать за ним.

Под деревьями земля с шумом чавкала под ногами лошадей. Когда река скрылась из виду, лорд Карн снова поехал вверх по течению. Мы

спешились на пологой стороне поросшего кустарником холма. Лорд Карн развернул сверток, висевший за седлом у его лошади, достал оттуда коричневый походный плащ и завернулся в него. Потом он взобрался на холм, лег, спрятавшись за гребнем холма, и стал осторожно наблюдать за бродом. Несколько минут никакие посторонние звуки не примешивались к шепоту ветра в сосновых ветках, щебетанью птиц, писку и крикам маленьких животных, шуму водопада. Потом я услышала стук копыт, звуки ударов, крики, стоны раненых, выстрелы.

Через несколько секунд лорд Карн быстро спустился с холма.

— Оставайся здесь, чтобы тебя не увидели. Это была наша охрана. Вряд ли я смогу чем-нибудь помочь им, но все же попробую. Бранд и его люди не могли уехать слишком далеко от нас. Лорд Карн подобрал поводья своего жеребца.

— Жди меня у Красных скал вниз по течению. Если я не приеду туда через десять минут, считай, что я погиб, и попытайся вернуться в замок.

Он завел свою лошадь в гущу деревьев и скоро скрылся в подлеске.

Считай, что я погиб. Считай, что я погиб, погиб, погиб. Стучала у меня в голове эта одна-един-

ственная фраза. Смерть вдруг перестала быть каким-то абстрактным явлением, следствием непрекращающейся вражды и войн на Старкере IV. Смерть была привычной на этой планете, но представить *его* холодным, неподвижным, лежащим где-то…

Я никогда не думала, что мысль о смерти лорда Карна может так поразить меня, хотя, наверное, это было вполне естественно. Я постаралась избавиться от охвативших меня чувств. Теперь мне нужно думать о том, как остаться в живых. Наша охрана сзади была перебита, спереди — возможно, тоже. Мой муж и я остались одни перед неизвестным врагом.

Я привязала Горди и вскарабкалась на холм. Оттуда была хорошо видна часть дороги. Никаких звуков борьбы больше не доносилось оттуда. По дороге проехали верхом три человека в зеленой форме, они вели за собой четыре лошади, на каждой из которых лицом вниз лежал поперек седла один из наших телохранителей. За ними следовали еще пять всадников в зеленой форме, которые вели только одну лошадь, но без наездника. Никто ничего не говорил.

Я лежала не шевелясь, пока они не исчезли из виду. Я начала было подниматься, но тут же

снова бросилась на землю, услышав внизу чьи-то голоса. Из-за деревьев выехала еще одна группа всадников в зеленых формах. Они спешились, и один молодой человек залез на валун и закурил трубку. Это был часовой. Сползая с холма, я молила Бога, чтобы Лхарр не встретил этих людей на обратном пути. Я завела Горди подальше в лес, села на него и тем же путем, мимо кривых и изломанных кустов, вернулась к берегу реки. Я подъехала к Красным скалам и стала ждать, отсчитывая в уме секунды. Считала я очень быстро. Шум водопада сверху заглушал все остальные звуки.

По моим расчетам прошло уже пятнадцать минут. Попытаться вернуться в замок, сказал он. Но что же с ним? Я не могла уехать и не узнать, что с ним случилось. Прошло еще пять минут, потом еще.

Горди вскинул голову и насторожился. Несколько секунд спустя я тоже услышала какие-то звуки. Кто-то быстро ехал между деревьями на другой стороне реки. Копыта глухо постукивали по иголкам сосен, птицы улетали с пронзительным криком. Мне была видна только тень за деревьями. Я отъехала назад, в заросли кустарника.

Лхарр появился из-за кустов на другой стороне

реки и взглянул вверх, отыскивая то место, где я пряталась. Он был очень бледен, лицо его все исцарапано ветками. Он направил своего жеребца в воду, и они начали двигаться вниз по течению. Лорд Карн не заметил меня. Я толкнула Горди к краю реки.

— Карн!

Должно быть, звук падающей воды заглушил мой крик, потому что он не повернулся и не остановился. Он мог бы проехать мимо меня, не заметив.

— Карн, подожди!

Я с силой ударила Горди, он прыгнул в воду и тут же остановился. Если бы он приземлился чуть дальше от берега, быстрое течение могло бы увлечь нас обоих. Сердце бешено колотилось у меня в груди. Но Горди выпрямился и устоял на дрожащих ногах.

Карн уже смотрел на меня. Когда я увидела его, он засовывал свое ружье в кобуру. Он дернул за поводья, жеребец метнулся назад, на берег. Лхарр остановился. Глаза его сверкали на невероятно белом лице.

— Я чуть не убил тебя сейчас. Я же сказал — десять минут!

Я дрожала от страха и от того, что собиралась

солгать ему.

— К… Карн, мой лорд, у меня нет часов. Я плохо чувствую время. Я, правда, не виновата.

Он был слишком разгневан, чтобы почувствовать мою ложь.

— Ты могла бы уже быть в безопасности. Езжай скорее, пока они не схватили нас.

— Поздно. Солдаты в зеленой форме поставили на дороге часового.

Он еще больше побледнел.

— Да поможет нам Бог! — Лхарр показал на восток. Там, в четверть мили отсюда, есть брод. Он не очень хороший, но вернуться мы не можем. Поехали!

Он снова направил жеребца в воду, и мы оба, каждый у своего берега, поехали в указанную им сторону.

Брод был действительно очень плохим — глубоким и каменистым, со все еще сильным течением. Горди пришлось долго уговаривать, чтобы он перешел по нему реку. Ледяная вода кружилась вокруг моих колен, заполнила ботинки и оттягивала вниз юбку, но я не могла вытащить ноги из воды, потому что должна была подгонять лошадь.

К тому времени, как мы перебрались на другой

берег, и Горди и я были страшно напуганы. Я посмотрела назад. Мутная вода с огромной скоростью неслась по течению там, где я только что переходила реку. Хорошо, что раньше у меня не было времени представить себе, что бы произошло, если бы Горди споткнулся.

Карн был по-прежнему невероятно бледен. Он холодно посмотрел на меня и Горди и повел нас вниз по течению реки. Долгое время мы ехали молча.

О Господи, я снова вывела его из себя! Но на этот раз причина была в другом. Я не могла оставить его одного, что бы ни случилось!

Однако Карн очень сердился на меня, и я утешала себя мыслью о том, что в его гневе частично присутствовал страх, потому что он чуть не убил меня.

Карн подгонял свою лошадь вверх по каменистому берегу.

— Место не хуже других, чтобы попытаться вернуться назад, — быстро произнес он.

Лошади с трудом карабкались по крутому склону. Добравшись до вершины, я посмотрела назад. Наши следы были видны настолько отчетливо, что догнать нас не представляло никакого труда. Меня это очень беспокоило, но Карн тут же от-

вернулся от них.

— Они не смогут быстро попасть сюда, — сказал он, — если никто из них не знает реку так, как знаю ее я. Поедем!

Наконец Карн остановил свою лошадь, посмотрел назад, а затем повернулся ко мне.

— У нас есть один шанс. Если мы сможем пробиться через горы на равнину, — однако голос его не звучал столь же оптимистично, какими казались его слова. — Когда я увидел, что случилось с Брандом и его людьми, я решил оставить следы, надеясь…

Конец фразы он уже произнес упавшим голосом.

Я знала, что он имеет в виду. Он оставил следы для того, чтобы я, поехав в другую сторону, имела возможность спастись. Я почувствовала невыносимую боль, понимая, что разрушила его план, и непонятную радость от того, что он пытается спасти меня ценой своей собственной жизни. До нас донеслись чьи-то крики.

Карн приготовился к скачке.

Они обнаружили то место, где мы вошли в реку. Для них не составит большого труда сообразить, что мы поехали вниз по течению.

Его жеребец рванулся с вершины и бросился

вниз по холму. Под ногами у лошадей теперь была темная, покрытая иголками сосен, земля, но она оказалась очень скользкой, и лошадям скоро пришлось замедлить свой бег. Под деревьями было гораздо темнее. Копыта лошадей касались земли с глухим звуком — единственным звуком, нарушавшим тишину этого леса.

Солнце скрылось за густыми облаками.

Снова стрельба за спиной, громче, ближе. Всадники внизу были в зеленой униформе.

— Все, что мы можем сделать, это попытаться остаться в живых. Поехали!

Кони рванулись вперед. Мы быстро добрались до крутого склона к реке и пустыне.

— Надо скакать к реке, — сказал Карн.

Но склон был очень крутой и скользкий.

Карн направил лошадь в бурлящую воду, моя пошла следом. Мы выбрались на берег и скрылись среди деревьев. Я ехала за Карном. Сильный ветер кружился над нами. Темные тучи висели над горами и закрывали небо. Звуки погони приближались. Карн поднял станнер и выстрелил. Карн подстегнул лошадь. Горди рядом. Я благодарила бога, что эти лошади держались на ногах лучше, чем Земные.

Солдаты Харлана отстали. Карн сошел с ло-

шади.

— Возьми лошадей и жди меня в каньоне, в получасе езды слева. Дай мне твой шарф.

Карн побежал обратно, ловко прыгая с камня на камень. Я поехала вперед, как он указал. Лошади почуяли каньон раньше, чем его заметила я, и бросились туда. Он заканчивался отвесной стеной. Я спустилась с лошади. Держа в руках уздечки, я легла на землю. Уверена, несколько минут отдыха не повредят.

Кто-то тряс меня за плечо. Я села. Было слишком темно, и я не могла рассмотреть лицо человека, стоящего надо мной. Но я поняла, что это мой муж. Но рука моя была свободна.

— Лошади!

— Успокойся, они пьют, — сказал Карн.

Шел дождь. Карн помог мне встать.

— Как долго я спала?

— Не долго. Тебе это необходимо. Надо идти быстро и без лошадей. Они не смогут подняться. Нельзя рассчитывать на облака, надо спрятаться, пока не взошла луна.

Мы вернулись к началу каньона. Мы осторожно пробирались по мокрым камням. Скоро мы вышли на тропу. Свет ярких фонарей солдат Харлана почти достигал нас. Карн обернулся и

обвязал меня за талию веревкой.

— Я не хочу потерять тебя в темноте, — сказал он. Я вдыхала запах его влажных волос. Он повернулся и пошел вдоль каменной стены.

Дождь, все время дождь и острые камни; жестокий враг внизу; ветер все холоднее и холоднее; голод; бесконечная необходимость спешить и бессилие. Карн взял меня за руку. Его теплые пальцы успокаивали меня. Наконец мы дошли до грота в скале.

— Мы отдохнем здесь до рассвета. Попробуй уснуть.

Я сняла свой ранец. Ветер и дождь сюда не попадали, только холод проникал в пещеру.

Я хотела заснуть, но холод не давал расслабиться. Глубокое ровное дыхание Карна говорило о том, что он уже спит. Больше часа я пыталась заснуть. Карн сел.

— Жанна, бери свой ранец и иди сюда. — Голос был хриплым со сна. Я подошла. — Клади сюда и сними башмаки и чулки. — Я послушалась, и мои ступни оказались в его теплых ладонях. Скоро они согрелись, и я обулась. — Расстегни жакет и блузку.

— Милорд?

— Я слишком устал, чтобы спорить. Делай, что

говорят.

Карн расстегнул свой жакет и рубашку и обнял меня, заставляя и меня обвить его руками. Мои ладони легли на его теплую спину. Он накрыл нас обоих. Я вздохнула благодарно в тепле. Я думала, что Карн уже заснул. Он тихо сказал:

— Жанна, завтра… — Я заглянула ему в лицо. В его тоне было больше, чем усталость. — Завтра пустыня, дождь сильнее, может быть, снег. Кажется, Ричард победил. Он может делать все теперь, не боясь, что я вернусь отомстить ему.

Я села.

— Не говорите так. Вы слишком устали, чтобы думать разумно. Утром…

Он остановил меня поцелуем.

— Ты прелесть, сказал он. Медленно его рука погрузилась в мои волосы. Он поцеловал меня долгим, нежным поцелуем. Он был мне нужен, и успокаивающее тепло, которое он предлагал, было желанно, как ничто другое.

Я сказала ему это без слов.

Глава пятнадцатая

Наступило серенькое утро. Тонкая корочка льда покрыла землю. Небо еще было закрыто облаками, но дождь прекратился. Когда Карн заметил, что я уже не сплю, он повернулся и с легкой усмешкой наблюдал за моими отчаянными попытками продрать глаза.

Он погладил меня пальцем по щеке.

— Нужно идти, Жанна. Пустыня ужасна, но с ней можно справиться. Вот с людьми Харлана мне не совладать, во всяком случае, в одиночку.

— Не сбрасывай меня со счета.

— Тебя? Когда сама мысль о насильственной смерти приводит тебя в ужас? Ты ведь не сможешь убить кого-нибудь.

Мне пришлось опустить голову, чтобы ни он, ни я не могли видеть лиц друг друга. Вчера я узнала о себе кое-что, но это оказалось для меня настолько неожиданным, что я еще не могла говорить с ним об этом, не боясь взглянуть ему в глаза.

Я могла бы убить кого-нибудь, если бы от этого зависела ваша жизнь, милорд.

Он наклонился так близко, как будто хотел

услышать эхо от этих слов, произнесенных шепотом.

— А твоя?

Я покачала головой, все еще боясь поднять глаза.

Мне трудно было бы убедить себя, что я могу лишить кого-то жизни ради собственного спасения. Но ваша жизнь нужна Старкеру IV.

Взгляд его стал серьезен. О чем он думал? Многое я бы отдала, чтобы узнать это. Он подобрал свою поклажу.

Ну, если нам повезет, то за пару дней мы доберемся до сторожевых постов в холмах равнинной окраины пустыни Цинн. Если же нет…

На мгновение он крепко стиснул меня, потом так же резко отпустил, поправил одежду, поднялся. Он подошел к скале и несколько минут вглядывался в дорогу, оставленную нами позади. Я тем временем привела в порядок платье и наскоро, пальцами, расчесала волосы. Лорд Карн провел рукой по взъерошенным волосам, яростно встряхнул головой и пробормотал:

— Ни малейшего шанса. — Потом вернулся, навьючил на себя груз, спросил: — Ты готова?

— Да.

Он вышел из нашего укрытия и сделал несколь-

ко шагов по льду. Затем протянул мне руку.

— Если мы будем осторожны, все будет в порядке. Солнце или дождь скоро все это растопят.

В сером свете склон горы выглядел мрачно, местами гладкий, местами выщербленный. То здесь, то там торчали тощие кустики сухой травы. Когда-то здесь росли деревья, но однажды, очень давно, случился пожар и уничтожил их. Огромные окоченевшие стволы громоздились далеко внизу по склону, их желтая древесина кое-где проглядывала сквозь черные, антрацитово-блестящие следы огня. У подножья горы лежала пустыня, голая и серая всюду лишь скалы да чахлый кустарник.

Спуск оказался для меня легче подъема, если не считать чувства голода. Внезапно все вокруг завертелось с бешеной быстротой, и я попыталась ухватиться за что-нибудь. Но рука не нашла опоры. Я оступилась и заскользила вниз по склону, пока не наткнулась на полоску голого камня. Лорд Карн в одно мгновение оказался рядом.

— Жанна, что случилось?

Беспокойство в его глазах, озабоченный голос потрясли меня еще больше, чем падение. Он помог мне перебраться на более ровную площадку.

— Идиот, — выругал он себя. Покопавшись в

своей поклаже, он извлек три кубика шоколада. Два из них он протянул мне. — Это поможет тебе продержаться, пока мы не найдем *хопперов.* Почему ты молчишь?

Мне казалось, что здесь ничем нельзя помочь. Кроме того, вам и других забот хватает.

Он не ответил. Просто стоял, посасывая свой шоколад, потом ждал, пока я покончу со своим. Дело близилось к полудню, когда нам удалось заметить и подстрелить *хоппера.* Мы развели маленький костер, но мясо еще не успело как следует прожариться, как он уже затоптал огонь. Из жаркого еще сочилась кровь, но оно показалось нам превосходным. Впрочем, наверное, как и всякая другая птица после того, как целый день приходилось голодать.

Наблюдатели обнаружат даже этот небольшой дымок, сказал Карн, раскидывая головешки и горячий пепел носком ботинка. — Было бы глупо дать им время, чтобы засечь нас. Доедим на ходу.

Мой груз оттягивал плечи, ботинки натерли пятки и лодыжки, пальцы ныли. Я твердила себе, что нужно только радоваться, что нет жары, которая усугубила бы наши страдания.

Ближе к вечеру Карн остановился около освещенной солнцем скалы и расчистил от камней

площадку для привала.

— Посиди, передохни, Жанна. Я посмотрю, нельзя ли что-нибудь раздобыть на ужин.

Он сбросил поклажу и пошел вдоль склона. В походке его не чувствовалось обычной энергии.

Я закрыла глаза и прислонилась к скале. Одежда сразу же промокла от подтаявшего льда и дождевой воды, но ноги требовали отдыха, каждый удар пульса отдавался в них болью, каждый мускул противился движению. Я стала думать о муже, о его великодушии и благородстве, о его ласках, его яростных объятиях, о его заботе.

Воспоминания кружились в моем измученном мозгу, где перемешались боль и надежда.

Мой господин, милорд, Лхарр, лорд Карн, Карн. Глупый и беспричинный смех поднимался из моей груди. Я смотрела на свои грязные руки и обломанные ногти, на свою измятую, оборванную юбку, мокрые башмаки. Беззвучный смех сотрясал меня. Леди Жанна, Ларга из Дома Халарека. Лорд Карн, Лхарр из Дома Халарека. Как смешно было произносить эти титулы в этой пустоте и безнадежности.

Но я не должна была повторять его имя. Это лишало меня того последнего покрова формальности, который защищал меня от чувств, которых

я хотела и не хотела. Неразделенная любовь была способна толкнуть меня на предательство, куда более тяжкое, и ввергнуть в пучину страдания, куда более мучительного, чем я могла ожидать. Этого человека я могла бы полюбить каждой клеточкой своего тела, а тогда, если бы Ричарду удалось его убить, а я чувствовала почти фатальную неотвратимость этого, независимо от чьих-либо расчетов, независимо от того, что думал он сам, — тогда мне пришлось бы изведать такое, перед чем бледнеют мои самые ужасные ночные кошмары. И если бы Карн позволил себе любить меня, то сбылись бы и его самые жуткие предчувствия.

Милостивый бог, не допусти, чтобы это случилось с нами.

Но бог никак не вмешивается в такие дела.

Неожиданный и внезапно оборвавшийся, похожий на человеческий и от этого еще более страшный, крик вернул меня к действительности. Тощие черные тени — стервятники пустыни Цинн падали с неба. Где-то там, куда не достигал мой взгляд, кого-то нашла смерть.

Это не был крик Карна. Не мог быть… Однако слышанные мною истории об ужасных животных и дикарях обитателях пустыни всплыли в

моей памяти. Кажется, Карн рассказывал, что в горы отправляли осужденных.

Чтобы успокоиться, я прочитала короткую молитву, пытаясь проникнуться ее духом. Тут раздался хруст щебня под чьими-то шагами, и я на всякий случай затаилась.

Карн обошел скалу, держа в руке четырех стервятников. Я вздохнула с облегчением, хотя и понимала всю нелепость своих страхов.

— Это не хоппер, но все таки мясо, — бросил он резко, как будто я протестовала. — На одних конфетках ты далеко не уйдешь.

Он ощипал птиц, и опять мы ели полусырое мясо, запив его несколькими глотками чуть теплой воды. Он поболтал флягой.

— Придется экономить. Мы вряд ли сможем добраться до реки раньше завтрашнего дня, а другие источники здесь небезопасны.

Он помог мне подняться, и мы снова двинулись вперед. Облака все еще скрывали солнце, удары грома отдавались в ущельях. К вечеру, хотя я изо всех сил старалась не показать этого, каждый шаг сделался невыносимой мукой. Я уже начала привыкать к ощущению голода, если только вообще к этому можно привыкнуть.

К подножью горы мы спустились еще до того,

как опустившаяся темнота помешала нам двигаться дальше. Мы достигли пустыни.

Карн сбросил поклажу.

Мы переночуем здесь, на открытом месте. Я не хочу рисковать столкнуться ни с человеком, ни с животным. — Он уселся рядом со своей котомкой.

Я тотчас же растянулась на земле, подложив под голову свой мешок. Мы не разводили огня. Лхарр сидел, задумчиво глядя в темноту. Незаметно я заснула.

Какое-то движение разбудило меня. Лорд Карн мерил шагами крохотную площадку, на которой мы остановились. Пытаясь отогреть замерзшие руки, он бил себя по плечам, стараясь делать это без шума. Еще не успев как следует проснуться и увидеть иней, покрывший все вокруг, я почувствовала на своем лице морозное дыхание. Облака, еще гуще, чем вчера, закрывали небо. Солнце, вероятно, уже взошло, хотя было еще очень рано. Однако я не замерзла, но причину этого поняла только поднявшись — два плаща сползли с моих плеч.

— Мой господин, — сказала я с мягким укором. — Вам ведь тоже необходим отдых.

Он на мгновение поднял на меня виноватый

взгляд.

— Я… мне нужно было о многом поразмыслить. Я рано проснулся. — Он посмотрел вдаль, в пустыню, — Кроме того, ходьба согревает.

Его дрожь и руки, красные от холода, говорили о другом, но я пощадила его гордость. Я подошла к нему и накинула плащ на его плечи.

— Благодарю вас за доброту, мой господин. — Он повернулся ко мне. Долю секунды его руки задержались на моих плечах. Он погладил рукой мою щеку, потом, закусив губу, отвернулся.

— У нас есть еще шоколад, Ларга? — Его голос был ледяным, как воздух этого утра. Я порылась в вещевом мешке и нашла один кусочек. Без слов протянула ему половинку. Засунув ее в рот, он долго смотрел на дорогу, оставленную позади.

— До рассвета я видел огонь в горах, — сказал он наконец, — Вероятно, Харлан. Наблюдатели были бы осторожнее. Он сложил ладони ковшиком и подул на суставы, чтобы согреть их. — Люди Харлана не пойдут за нами в пустыню. Ричард просто хочет удостовериться, что мы оттуда не выйдем.

Я посмотрела на него с удивлением.

— Разве они смогут?

Если Ричард этого захочет. Если ему понадобится, он может нанять достаточно людей, чтобы

окружить всю пустыню.

— Но... — мне представилась вся эта необъятная пустыня.

Гнев и отчаяние вспыхнули на его лице.

— А я сделал все, что мог, чтобы внести свою долю в сторожевую службу Совета.

Он вытащил компас, взглянул на него, некоторое время рассматривал гору позади нас, затем, повернувшись, стал вглядываться в тронутую инеем серо-коричневую даль пустыни. Извлек из мешка заряд и вставил его в станнер. Поднял мою котомку и помог надеть ее. Она теперь оказалась легкой только несколько пар носков, перчатки, нож, спички — то, что могло бы уместиться В карманах, если бы они у меня были. И все же, хотя груз был невелик, каждый мускул онемевшей спины, плеч, ног стонал при малейшем движении. Неожиданно для себя я пошатнулась. Хотя я сразу же выпрямилась, у меня не было уверенности, что ноги выдержат нагрузку. Они распухли, и острая пульсирующая боль пронизывала их. Но я молчала — у Карна и так было слишком много забот.

Но молчание уже не помогло. Карн опустил свой мешок. Бы по заметно, как ему тяжело. Я подумала, сколько же ему удалось поспать.

Он снял мою поклажу, стал перебирать вещи.

— Мой господин. Карн. Оставьте это. Вам и так тяжело. Я справлюсь.

— Не спорь, — бросил он.

Он опорожнил мой мешок. Пластик, из которого он был сделан, Карн приспособил под капюшон, который бережно водрузил мне на голову и подвязал бечевкой, лежавшей у него в кармане. Прогремел гром. Карн еще раз осмотрел свой груз и снова двинулся к реке, едва заметной зеленоватой линией видневшейся вдали.

Мы шли сквозь хрупкий серый кустарник и редкие кочки прошлогодней высохшей травы. Плоская бесформенная пустыня протянулась во все стороны от нас. Черная туча, нависшая над нами, разразилась молнией, и полил дождь. Он обрушился на иссушенную почву, на островки льда, прибивая к земле серый кустарник и хрупкую траву. Мы продолжали идти. Не оставалось ничего другого, некуда было прятаться, нечем защититься. Только когда исхлестанная дождем темнота поглотила наш ориентир, Карн остановился. Пытаясь защититься от немилосердного напора дождя, я приблизилась к Карну. Он обхватил меня рукой, прижал к себе.

Дождь кончился так же внезапно, как и на-

чался. Облака стали чуть реже, бледное светлое пятно появилось в той стороне, где должно было быть солнце. Справа от нас на сером фоне отчетливо выделялись крошечные деревца, росшие по берегу реки.

Муж кивнул в их сторону:

— Еще час-полтора, — он ободряюще улыбнулся, выше нос, — За этим последовал легкий поцелуй.

Для поддержания духа, подумала я.

Однако нам понадобилось еще почти три часа, чтобы добраться до этих деревьев, и без помощи Карна у меня не хватило бы сил. Говоря по правде, последний километр или около того он буквально тащил меня на себе.

Было раннее утро, тонкий слой льда сковал речные затоны, дождь прекратился совсем. Карн усадил меня на большой плоский камень и без лишних слов стащил с меня башмаки. У него перехватило дух от того, что он увидел.

— Жанна! Твои ноги, — Осторожными пальцами он снял окровавленные чулки. — Ты давно так идешь?

— С прошлого утра.

Он укоризненно посмотрел на меня, но ничего не сказал. Он обмыл мои ноги обжигающе хо-

лодной речной водой и укутал их в пару сухих носков. Хуже ледяной воды оказался невыносимо жгучий антисептик, который Карн извлек из кармана. Я закусила губу, чтобы не закричать, но не смогла удержать слез. Раны он перевязал лоскутами от моей нижней юбки, оторванными от ее верхней части, не запачканной землей. Покончив с перевязкой, он натянул сверху пару собственных носков и устремил на меня долгий внимательный взгляд.

— У вас сильный характер, моя благородная супруга, сильнее даже, чем я мог предположить. Я не уверен, что смог бы проделать такой путь в таком состоянии.

Он быстро отвернулся и через мгновение исчез за деревьями. Прошло довольно много времени, прежде чем он появился вновь с вязанкой мокрого хвороста, на которой лежали тушки двух зверьков с короткой серой шерстью и хоппер. Он развел огонь и тотчас принялся за разделку добычи, стараясь не повредить шкурки. Потом он насадил хоппера на вертел и, пока он жарился, отскоблил его шкуру и растянул ее на распорках. Казалось, что его совсем не беспокоит столб дыма, который выдавал наше укрытие.

Мы молча поужинали и так же молча Карн от-

нес меня на ложе, которое он устроил из молодых веток, покрыв их своим плащом. Я легла, и он аккуратно укрыл меня моим плащом. После этого он поднялся и повернулся прочь.

— Но вы?

Он покачал головой.

— Со мной нее в порядке. — Он уселся на камень и в отблесках костра стал устраиваться ко сну.

Он не хотел ложиться со мной, подумала я. Конечно, эта нелепая ссора по поводу нашего путешествия все еще стояла между нами. Была ли его ласка там, в горах, только следствием отчаяния? Или жалости? Даже если его гнев еще не утих или он чувствует себя оскорбленным, чтобы хотеть спать со мной, у него должно хватить здравого смысла, чтобы постараться сохранить тепло.

Каковы бы ни были причины, я понимала, что к утру с ним будет далеко не все в порядке. Было уже слишком холодно, чтобы спать не укрывшись, а будет еще холоднее. Вчера я попыталась обратиться к его рассудку, чтобы убедить его лечь со мной. Сегодня я попытаюсь обратиться к инстинктивной потребности мужчины Старкера IV защищать их слабых и бестолковых женщин.

— Но со мной не все в порядке, мой господин

Карн. Пожалуйста, обнимите меня. Согрейте меня. — Я подняла полу плаща и свободной рукой стала расстегивать куртку.

Мой господин долго сидел, не шевелясь. Потом медленно подошел ко мне, расстегивая на ходу свою куртку. Он лег, укрывшись краешком плаща. Его рука скользнула под мою куртку, он поколебался, потом вдруг обхватил меня с такой силой, что застонали ребра. Он совсем окоченел.

«Ночь только началась, а он уже так замерз», подумала я с жалостью.

Когда он согрелся, его объятия ослабли, и мы уснули.

Следующие три дня текли медленно. Небо оставалось укутанным облаками, холод усиливался. Речные отмели скрылись под слоем льда. Большую часть этих дней я была погружена в медитацию, стараясь ускорить заживление израненных ног. Великое множество крошечных порезов, волдырей и загноившихся ранок требовали гораздо большей концентрации воли, чем когда-либо прежде, даже чем тогда, когда у меня была сломана рука. Я чувствовала, что время не ждет, хотя Карн ни разу не напомнил об этом.

Мы питались очень экономно. Мясо серых зверьков мы закоптили на вертеле. Хотя Карн

отправлялся на добычу каждый день, найти мясо больше не удавалось. Он поймал двух рыб. Он пробирался в замерзший лес и находил там нежные зеленые побеги какого-то пустынного кустарника, из которых мы варили чай. Он выскоблил и отмыл шкурки серых зверьков. Из этих шкурок он соорудил для меня башмаки, отделав их мехом хоппера. Но его деловитость не могла скрыть напряжения, в котором он находился. Он вскакивал от малейшего шума. Часто обходил окрестности лагеря, хотя мне трудно себе представить, как в этой пустыне могло укрыться что-нибудь крупнее мыши. Часто и подолгу он всматривался в горизонт.

Наутро четвертого дня он осмотрел мои почти уже зажившие раны, надел мне новые башмаки.

— Как жаль, что мы не можем переждать, пока ты совсем выздоровеешь. Это слишком опасно. С каждой ночью костры *Бегунов* оказываются все ближе. Завтра они уже могут быть здесь.

Он поднял меня и осторожно опустил на ноги, потом, обхватив меня рукой, прошел со мной несколько шагов вдоль берега. Я старалась погасить в себе чувства, переполнявшие меня. Его рука была такой уютной, такой ласковой. Когда мы вернулись назад из нашей короткой

прогулки, я выскользнула из его объятий. Мне показалось, что он отпустил меня неохотно.

— Теперь все будет хорошо, — сказала я.

Мы собрали наши сильно поубавившиеся пожитки, тщательно затоптали огонь, разбросали пепел. Карн наполнил флягу, подал мне котомку. Потом он помог мне подняться и пройти немного вверх по течению реки. Там он перенес меня по льду и опустил на берег, взвалил на себя котомку, повесил на плечо флягу, взглянул на компас и направился прочь от реки, пересекая прибрежную полоску леса. Он шел быстро, но не выпускал меня из виду, и когда я стала отставать, он остановился.

— Отдохни несколько минут. Жанна. Сегодня им нас не поймать.

Я благодарно взглянула на него и опустилась на гравий. Кари сбросил свой груз поблизости. Только тогда, когда ноги освободились от нагрузки и ноющие мускулы расслабились, до меня стал доходить смысл его слов.

— *Бегуны?* Они схватят нас?

Он пожал плечами.

— Возможно. Как бы то ни было, они уже очень скоро окажутся совсем рядом. Должно быть, наблюдатели просигналили им, когда мы добрались

до пустыни. С тех пор они все ближе и ближе. Они уверены, что догонят нас, и поэтому не скрывают своих костров.

— Как и мы, лорд.

В этом не было нужды. Все равно нельзя было ничего сделать.

Какое-то время мы молчали. Потом он поднялся, долго смотрел в сторону, откуда мы пришли. Мы направились к холмам, маячившим вдалеке, и шли до самой темноты. Наш ужин состоял из нескольких глотков воды. Карн нарубил веток кустарника для подстилки, и мы свернулись на них, прижавшись друг к другу.

На следующий день мы впервые увидели самих Бегунов маленькие фигурки на фоне прибрежной полосы деревьев. Мы съели по маленькому кусочку копченого мяса и продолжили путь. Бегуны снялись с места раньше и сократили разделявшую нас дистанцию.

Весь день они приближались к нам три мрачные темные тени, преследующие нас по пятам. Каждый раз, когда Карн оглядывался на них через плечо, ом прибавлял шагу. Мы не устраивали обеденного привала, поскольку наши преследователи настигали нас. Не останавливаясь, мы выпили по нескольку глотков воды.

Наконец я уже не смогла идти дальше.

— Пожалуйста, Карн. Я не поспеваю. Мне приходится бежать, чтобы не отстать.

Он остановился.

— Прости, — голос был извиняющимся, я надеялся… Скоро появятся патрули Совета, поэтому Бегуны едва ли рискнут преследовать нас среди холмов. Они боятся, что патруль засечет их. Карн старался, чтобы голос его звучал ободряюще, но я видела в его глазах тень страха. Если бы нам удалось укрыться в скалах, мы были бы в большей безопасности.

— Я постараюсь.

Он убавил скорость. Я напрягала зрение, пытаясь разглядеть скалы, о которых он говорил. Долгое время я видела только серый кустарник и бурый гравий справа от подножья серо-зеленых холмов. Значит, скалы там. Черные пятнышки валунов громоздились по склонам.

Расстояние казалось непреодолимо далеким. Бегуны настигали нас. Были видны клубы пара от их дыхания, их копья глядели в нашу сторону.

— Карн!

Он оглянулся, обнял меня рукой и потащил. Боль в ногах, твердые мускулы обхватившей меня руки Карма, голод, сжимающий желудок,

гравий, покрытый инеем, серый кустарник, тени, бегущие следом, холмы, которые так медленно приближались к нам все это смешалось в каком-то подобии фильма ужасов, показанного по три-д в замедленном темпе. Мы перестали оглядываться назад.

Наконец я остановилась. Легкие горели, хриплое дыхание судорожными толчками вырывалось из горла, ноги состояли из одной боли.

— Я не могу больше идти. Давай остановимся. Пусть возьмут, что им нужно. У меня уже нет сил.

Рука Карна напряглась, и он рывком снова увлек меня за собой.

— Мы не можем. У меня только один заряд для станнера. Не смотри так удивленно, Жанна. Его голос чуть смягчился. Разве ты не поняла до сих пор, что для того, чтобы получить, что им нужно, они, скорее всего, убьют нас?

— Н-нет. — Слова вылетали отрывисто, перемежаясь с судорожным дыханием. — Как это?

— Ах, как, как… — горькое отчаяние было в его голосе.

Некоторое время мы бежали молча. Глаза Карна были устремлены к холмам, но думал он о другом.

— Жанна, ты читала народные предания. Было там что-нибудь такое, что поразило тебя?

— Да. Персонажи. Страшно суеверные. Чародейство и волшебство.

Рука Карна напряглась.

— Если бы только это суеверие еще сохранилось у Бегунов и Наблюдателей…

Черные скалы наконец отделились от темного фона. В последних лучах солнца, опустившегося к вершинам гор и бледным пятнышком пробивавшегося сквозь облака, я разглядела, что до ближайших скал осталось несколько десятков метров.

Но нам с Карном не удалось добежать до спасительных холмов, только до самых первых черных валунов. Что-то просвистело у нас над головами и зашелестело по гравию впереди. Это было зловещего вида копье. Карн бросил поклажу, подобрал копье и повернулся навстречу Бегунам, пряча котомку за спиной и прикрывая меня своим телом.

— Спрячься за камнем и не высовывайся, — приказал он, не отрывая глаз от Бегунов.

Он стоял неподвижно, опираясь концом копья о землю. Я повиновалась. Бегуны замедлили шаг. Это были худые оборванные люди с морщинистыми обветренными лицами. Они остановились

в двух-трех шагах от нас, и двое из них, те, что были повыше ростом и с копьями, стояли, подняв свое оружие — кончики копий уставились в грудь Карна.

Я знала, что Карн боится Бегунов, но его поза говорила о другом. Хотя руки его были опущены, он стоял прямо, высоко подняв голову. Я представила себе его глаза, так, как их могли видеть Бегуны, желтые, холодные, оценивающие, похожие на глаза кота.

Я слышала, что Бегуны совещаются, но не могла понять их диалекта. Они что-то требовали. Карн покачал головой. Самый низкорослый сделал шаг вперед и ударил его. Карн покачнулся и задрожал от гнева, но не ответил на удар. Бегуны снова стали что-то требовать.

Карн снова покачал головой:

— Мой брат мал и болен, и у нас очень мало припасов — Бегуны прервали его бранью. Карн пожал плечами: - Я принесу то, что у нас есть.

Он медленно подошел ко мне, вызывающе повернувшись спиной к копьям Бегунов, стал так, чтобы загородить меня. Его лицо было озабоченным и напряженным.

— Спрячь несколько спичек в башмаки. — Пока я прятала спички, он вытащил завернутое в

пластик копченое мясо, компас и отнес копье и все, что осталось, Бегунам. Спор продолжился. Один из Бегунов угрожающе направился к моему укрытию. Резким выкриком Карн остановил его. Бегун остановился.

— Эй, парень! — Карн повернулся ко мне. — Выгляни-ка сюда.

Я высунула голову из-за камня, Бегуны уставились на меня с удивлением и слегка попятились. Однако уступать в своих требованиях они не хотели. Карн медленно пошел назад.

— Они хотят мяса. Я забыл, что у голодных людей прекрасное обоняние. Они настолько голодны, что не боятся даже гнева Огневолоса.

Но и мяса оказалось недостаточно. Карн умолял, но безуспешно.

— Им нужно оружие, — сказал Карн. Я сказал, что у нас его нет, но они грозятся обыскать тебя. Лучше отдать им и флягу тоже. Они теряют терпение.

— Разве она нам не понадобится? Спрячем ее и пусть ищут, а?

Карн резко дернул меня своими железными пальцами. Его лицо было белым, а в глазах — сразу боль и гнев.

— Дурочка, никто не должен тебя обыскивать.

Они же узнают, что ты женщина. Понимаешь, что здесь это значит для них?

Только тут до меня дошло, о чем он говорит, и ужас охватил меня.

— Что если они… если ты… Карн? — вцепилась я в него.

Железная хватка на моей руке ослабла.

— Жанна, не надо, его голос дрогнул, и он запнулся на мгновение, чтобы совладать с собой. Я пройду сквозь ад. Я сам тебя убью, но не допущу этого, поверь.

Я верила ему. Я смотрела, как он шел навстречу этим людям, высокий, стройный, отважный, когда я замирала от страха. Он был ничем не защищен от неожиданного удара. Коренастый, который, вероятно, был главным среди Бегунов, жадными пальцами коснулся плаща Лхарра, но тот упрямо покачал головой.

— У вас наш станнер, наша пища, наша вода. Жизнь это все, что вы оставили нам. Если вы отнимете одежду, то отнимете и жизнь. Мы пришли с миром и позвольте нам уйти с миром. Боги тех-кто-перебегает-пустыню защищают мирных путников и налагают тяжкое проклятье на тех, кто покушается на их жизнь.

Бегуны посовещались, коротышка спорил с

другими и, казалось, одержал верх. Я с замиранием сердца наблюдала за ними и только потом поняла, что причиной боли в моих сжатых ладонях были мои собственные обломанные ногти, впившиеся в кожу. Нас ожидала очень холодная ночь, накатывавшаяся из-за горизонта, тянувшаяся к нам через пустыню. Даже сквозь плащ и куртку я ощущала ее ледяное дыхание. Медленно опускались крупные снежинки. Четверо мужчин неподвижно стояли лицом к лицу, состязаясь в силе духа. Двое Бегунов пытались выдержать звериный взгляд своего предводителя. Карн словно застыл, наблюдая за ними. А кругом вели свой нескончаемый хоровод пушистые и ленивые снежинки. Наконец Карн нарушил молчание.

— Вам придется убить нас, чтобы отнять одежду. Но в здешних местах нет освященной земли. Наши души не найдут здесь места для успокоения, они будут преследовать вас, а Огневолос отнимет силу у ваших костров, и они больше никогда не согреют вас.

Бегуны продолжили свой спор, тотчас перешедший в перебранку. Их вожак буквально прыгал от ярости. Карн повернулся к ним спиной и медленно направился ко мне. Вожак направил на него станнер. Я окаменела от ужаса. В тот момент,

когда он нажимал на спуск, один из его приятелей ударил его по руке.

Коротышка попробовал еще раз, но безуспешно — заряд выпал.

Еще больше рассвирепев, он ухватился за копье. Двое других выглядели испуганно, но не посмели помешать ему. Я хотела предупредить Карна, но слова не смогли вырваться из моей груди, парализованной страхом. Этот пигмей целился в спину удаляющегося Карна. Мне хотелось закрыть глаза, но и это было не в моих силах. Рука Бегуна медленно откинулась назад, и копье отправилось в свой смертоносный полет.

— Карн!

Карн распластался на земле, копье пронеслось над его головой. Я резко выпрямилась. Копье еще дрожало, когда Карн вырвал его из земли и подбежал ко мне.

— Теперь у нас чуть больше шансов, — он мрачно усмехнулся.

Но Бегуны больше смерти боялись привидений, поэтому, не возобновляя своих попыток, они ушли. Несколько часов мы провели, сидя на грубых камнях. Ноги болели нестерпимо. Желудок сжался и вслух выражал свой протест, но есть было нечего, не было даже этих зеленых

побегов, которые, по словам Карна, должны в великом множестве появиться через пару недель. Пить тоже было нечего. Снег падал неохотно и не успел еще накопиться достаточно толстым слоем. Дразнящий тоненький пушок покрывал камни и кустарники, не давая возможности собрать его. Казалось, что от жажды язык потрескался. Не знаю, был ли Карн в это время занят мыслями о еде в той же мере, что и я. Я не стала спрашивать. На нем и без того лежал слишком тяжелый груз ответственности за наши две жизни.

Я думала о том, как долго может человек без пищи и воды сохранять ясность ума. И сколько еще мы сможем пройти.

Потом долгие-долгие часы мы то взбирались на холм, то спускались, то снова карабкались вверх, а голодная слабость в моих ногах становилась все сильнее и сильнее. Только усилием воли я заставляла себя идти. Карн соскребал с камней снег и давал его мне. Говорить не было сил. Карн озабоченно качал головой начинало темнеть, а указателей, которые он разыскивал, мы пока не видели.

— Сигнальные огни начинаются за километр от домика для патрулей. Мы никак не могли пройти мимо.

Но на самом деле нам приходилось почти все время глядеть под ноги, и было бы неудивительно, если бы мы просто не заметили этих знаков. Вся земля была усеяна крупными и мелкими обломками камней, и из-за этого мы двигались очень медленно. В тех местах, где мягкая почва сменяла камень, путника подстерегали полусгнившие стволы и обломившиеся ветви, а выпавший снег скрывал эти предательские ловушки. День, суливший мороз, оказался верен своему обещанию. Холод жег лица, пробирался под теплые дорожные плащи, пальцы стыли даже в рукавицах.

— Поторопись, — Карн прибавил шагу. — Если мы не найдем указателя прежде, чем отключится свет, нам придется блуждать здесь всю ночь.

В таком холоде это означало бы смерть. Я поежилась от этой мысли и заставила свои налившиеся свинцом ноги двигаться чуть быстрее. Было уже темно, когда мы нашли первый указатель, затем два других. Карн шел гораздо быстрее меня и вскоре почти скрылся из виду. Я испугалась. Пытаясь его нагнать, я поскользнулась на каменном бугорке и сильно подвернула лодыжку. Я закричала.

— Жанна! — в голосе слышалось беспокойство.

— Я… ничего.

Он вернулся, чтобы убедиться, что все в порядке, и тотчас же быстро зашагал вперед. Не знаю, как это удавалось ему при той усталости, которую он должен был ощущать. Пройдя еще немного, он остановился.

— Ты видишь огонь, Жанна?

Я напрягала зрение, пытаясь что-нибудь разглядеть во мраке и метели.

— Нет, а что там?

Но светлое пятнышко оказалось древесным грибом.

Карн вздохнул.

— Вернемся к предыдущему и начнем сначала.

В лесу было уже совсем темно. Я собрала немного снега и погрузила в него горящие губы. Ледяная влага напоила иссохшее горло и язык.

Под ногами я вдруг почувствовала что-то похожее на твердую тропинку. Быть может, она приведет нас к цели? Сможем ли мы идти на ощупь?

— Это небезопасно, — сказал Карн. — После реки в здешних холмах находится единственный источник питьевой воды. Тут целый лабиринт тропинок, протоптанных животными, и в нем можно блуждать целую вечность. Попробуем

иначе. Посиди здесь. Я разведаю, что впереди, а обратную дорогу найду по твоему голосу.

— Милорд, — Мой голос невольно прервался. — Карн…

Мой муж поднял мои ладони и тихонько сжал их.

— Постарайся не бояться. Нам больше ничего не остается.

Он исчез в темноте и, блуждая среди камней, время от времени звал меня.

— Жанна!

— Здесь, — отзывалась я.

Голые стволы старых деревьев и снежная ночь окружали меня. Я сидела на снегу, ветер продувал меня насквозь, и холод пробирался под одежду. Вдруг Карн воскликнул:

— Я нашел его.

Потом мы, перекликаясь, нашли друг друга. Указатель, нанесенный на кору сломанного дерева, слабо светился в темноте. Карн обнял меня и крепко прижал к себе.

— Дерево слитком сильно наклонилось. Должно быть, мы просто прошли в двух шагах от него, когда было еще достаточно светло и свечение краски было незаметно. Похоже, что мы уже близко.

Потом он взял меня за руку, и мы ощупью пробирались по невидимой тропинке. Карн оказался прав. Мы нашли еще два указателя и вышли на небольшую поляну, где стоял домик для патрулей. Среди бушующей метели он казался темной глыбой, лишенной очертаний, но Карн уверенно нашел дорогу к двери и провел рукой по внутреннему краю дверной рамы. Нащупав потайную защелку, он нажал ее, и дверь беззвучно отворилась, а когда мы вошли, так же беззвучно закрылась за нами.

— Подожди тут, — сказал Карн. Сейчас здесь будет тепло, — Он осторожно пробирался по комнате, ощупывая ногами пол, и все же я слышала, как он дважды натолкнулся на что-то в темноте. Вот его башмаки заскрипели, он присел на корточки, и через мгновение комната осветилась и горячий воздух потек через вентиляционные отверстия в полу по периметру комнаты. Он опустился рядом с одним из отверстий и похлопал рукой по пыльному полу. — Садись рядом, согрейся.

Я послушалась. Мы сняли промокшую верхнюю одежду и долго сидели, впитывая тепло и наслаждаясь отдыхом и покоем. Карн притянул меня к плечу.

— Часть дела сделана, — сказал он.

Внезапно я представила себе, что могло с нами случиться, и мое намерение показать себя мужественной и независимой разлетелось в пух. Я спрятала лицо на шее у Карна и крепко к нему прижалась. Он обхватил меня свободной рукой и прижался щекой к моим мокрым волосам. Сжавшись в комочек, я долго и безутешно плакала, пока наконец усталость не сморила меня.

Глава шестнадцатая

Я не помню, как оказалась в постели, поэтому, проснувшись, с удивлением рассматривала каменные стены, грубое шерстяное одеяло, металлические поручни, снежинки за окном, которые непонятным образом оказались где-то внизу. Оказалось, что я лежу под потолком на двухэтажной койке. Карн стоял около лучевой печи и готовил завтрак. Восхитительный запах горячего клэга заставил меня приподняться. Мне уже так долго не удавалось его отведать.

Должно быть, Карн услышал, что я пошевелилась. Он оглянулся и улыбнулся мне.

— Доброе утро. Ты уже достаточно проголодалась, чтобы немного перекусить?

— Проголодалась? Ты еще шутишь! Мне кажется, за последние два или три дня мы вообще ничего не ели.

Он подошел и протянул мне руки.

— Спускайся, я тебе помогу.

Он осторожно опустил меня на пол, и мне показалось, что он немного помедлил, прежде чем выпустить меня. Из чего состоял завтрак, я так и не сумела определить вероятно, это была ка-

кая-то высушенная синтетическая смесь, но это была еда, и она мне нравилась. Карн выглядел безмятежным.

— А когда мы выберемся отсюда, Карн?

— Когда сойдет снег. Дня через четыре или пять, возможно. Весной он долго не держится.

— Ты можешь послать за флиттером или чем-нибудь еще?

Он поднял на меня удивленные глаза.

— Я думал, ты знаешь. Эти посты соединяются только друг с другом и командным центром Совета. На Старкере IV слишком много соперничающих групп, чтобы разрешить солдатам какого-либо Дома иметь внешнюю связь.

— А как насчет поместья?

— Приходится соблюдать осторожность. Лорд Ричард это наверняка предусмотрел. Сейчас он, по-видимому, считает, что мы пропали. Однако здесь я ничего не могу ему противопоставить.

Мы погрузились в размышления. Карн встал и подошел к окну, но пока я убирала со стола и укладывала тарелки в мойку, я чувствовала на себе его неотрывный взгляд. Это бегство через пустыню изменило нас в чем-то, но мне не хотелось докапываться, в чем именно. Ему, наверное, тоже, иначе он бы не стал молчать.

После того, как уборка была закончена, мне уже нечем было занять руки, и я уютно устроилась в одном из трех кресел. Карн все еще стоял у окна, поглядывая то на меня, то на снег. Я не видела выражения его лица. Когда он наконец заговорил, то его голос звучал настолько тихо, что я едва слышала его.

— Жанна. Мне необходимо знать, это действительно очень важно, как вы у себя на Фру относитесь к смерти? Я понимаю, что тебе очень трудно ответить на такой вопрос, но прошу тебя, постарайся. Я не стал бы спрашивать, не будь это важно.

Это не был отвлеченный вопрос, вопрос о фруванских религиях. Он спрашивал о нас, о себе и обо мне, а у меня в тот момент не было сил, чтобы трезво и отстраненно размышлять об этом. Я отвела глаза, потом снова взглянула на него. Если этот вопрос важен для него, значит, он каким-то образом важен и для меня. Но смерть, ужасная смерть…

Нужно было ответить ему.

— На Фру это всегда происходит быстро. Всегда. Милосердная щадящая быстрота. Ценность жизни для нас в значительной мере определяется возможностью полной власти сознания над те-

лом. Но, хотя мы, по существу, не знаем болезней, тело со временем изнашивается. Ни у кого не хватает сил постоянно чинить каждую клеточку.

Я взглянула на его резкий профиль. Будь проклята эта его академическая тренировка. Мне нужно было знать, что он чувствует.

— Моя мать в молодости была исключительно красива. Ей казалось, что морщинки уродуют ее. Ей приходилось тратить по несколько часов в день, чтобы уберечь хотя бы кожу лица. Но спустя несколько недель она решила, что все это не стоит потраченного времени. Теперь у нее очень милые, мягкие морщинки, но она все еще прекрасна.

Я вздохнула. Эта бесхитростная история не смогла ослабить железные тиски самоконтроля, в которые он себя зажал.

— У нас старики сами выбирают свой час. Когда их сердца устают, они начинают готовиться раздают свое имущество, прощаются с друзьями и близкими, потом отправляются в Последнюю Обитель, где покидают этот мир за несколько часов.

Но мне было страшно подумать, как человек заканчивает свой путь здесь, где люди планировали убийства, где убивали друг друга из мести,

ради выгоды, а то и, как можно было судить по их дуэлям, ради развлечения. Карн неподвижно стоял у окна, с преувеличенным вниманием разглядывая падающий снег.

Спасительная злость охватила меня.

— На Фру все по-другому. Мы ценим жизнь. Гхарр умеет думать лишь о том, как уцелеть самому и уничтожить другого. Вы убиваете друг друга и находите это законным. — Мне пришлось прерваться. Комок встал в горле. *Я* вспомнила свои ночные кошмары, мертвое лицо Карна… — Что значат для тебя мои чувства? Я только инструмент, инкубатор для детей, я…

Тут он посмотрел на меня, и в лице его была боль и грусть.

— Твои чувства для меня значат очень много. Очень. Наше положение показывает, что удача изменяет мне. Может статься, моя дорогая жена, что конец мой уже недалек. Смерть может прийти от руки убийцы или на дуэли. Я не могу дать тебе никакой защиты. А что мои враги могут сделать с тобой… голос его дрогнул.

Я отвернулась. Эта боль в его глазах. Какую бурю чувств породила она в моей душе. Он не должен был этого видеть.

Почти весь остаток дня прошел в мучительном

молчании. Мы пытались говорить о пустяках, но слова казались неуклюжими и ненужными. Карн задал больной вопрос, который почти заставил нас обнаружить те чувства, в которых мы не хотели признаться даже себе. С облегчением отправилась я в постель, лишь только начало смеркаться. Во сне я могла не чувствовать себя такой испуганной, потерявшей голову, готовой сломаться.

Я проснулась от холода и боли. Тело еще хранило следы дальней дороги, и, вероятно, во сне я повернулась на больное место. Я повертелась в постели и обнаружила множество новых больных точек. Меня всегда удивляло, почему настоящая боль приходит не сразу. Я лежала неподвижно и одну за другой успокаивала ноющие мышцы. Наконец все прошло.

— Уже пора вставать, милорд? — этот титул казался мне спасительным в то утро.

Ответа не было. Я осторожно свесилась через край:

— Эй, соня.

На нижней койке никого не было. Она была аккуратно заправлена. Я оглядела комнату. Я была совершенно одна. Спрыгнув на пол, я торопливо оделась, хотя и чувствовала, что поспешность

совершенно бесполезна. Похоже, что после его ухода прошло уже много часов. Вдруг я заметила клочок бумаги на столе.

«Моя дорогая леди. Чтобы добраться до дому, нам нужны лошади, а в одиночку я двигаюсь быстрее. Если по какой-либо случайности я не вернусь, дождись здесь патруля Совета. Они смогут доставить тебя домой в целости и сохранности. *Карн».*

Не выпуская записки из руки, я побрела к окну. Высокие, стройные голубые сосны загораживали пустыню. Снег падал бесшумно и стремительно, внезапные порывы ветра сметали с крыши снежное одеяло, и кружащий занавес закрывал на мгновение лес. Наискось поперек поляны намело огромный сугроб, заваливший входную дверь. Конечно, Ричард мог что-то предпринять против нас в Онтаре, но нужно ли было моему господину уходить в этот снежный ад? Я нагнулась, пытаясь разглядеть слабенькое светлое пятнышко на месте солнца и узнать, хотя бы приблизительно, время. Все напрасно. Порыв ветра швырнул пригоршню снега в окно. Снежинки застучали по стеклу как маленькие камешки. Я испуганно отскочила.

Я осмотрела свою новую тюрьму. Одна комната, две двери, два окна, кабинка для душа и туалета. На всем многомесячный слой пыли. На моей руке, там, где она соприкасалась с пыльной оконной рамой, отпечаталась широкая серая полоса. Я перечитала записку. Никакого намека, когда он должен вернуться.

Я принялась считать. Четыре дня туда. Два, если повезет, обратно. Хоть бы сказал, когда надеется вернуться. Но что толку теперь жалеть. Я положила записку в карман и снова выглянула в окно. Снег бил наискось непрерывным потоком — густой, стремительный, гипнотизирующий. Веки начали слипаться. Усталость не оставила меня. Наш побег отнял гораздо больше сил, чем я предполагала. Голова моя качнулась вперед, и я пришла в себя.

Так нельзя. Здесь столько дел. Кругом сплошная грязь. Я снова посмотрела на серую полоску на своей ладони.

Такая маленькая комната и бездна времени. Шесть дней. Спать. Уборка подождет.

Я снова вскарабкалась на свою койку и проспала большую часть этого и следующего дня. Почти не вставала.

На третий день я почувствовала себя значитель-

но бодрее. Я внимательно осмотрела комнату. Здесь были запасы провизии, кое-какая кухонная утварь, но, в полном соответствии с их обычаями, гхаррские проектировщики предусмотрели только самые примитивные приспособления для уборки ведро и щетку. Интересно, перестану я когда-нибудь удивляться странным противоречиям этого мира, где есть, например, лучевые печи, но нет ни одного кухонного робота.

— Мужчины, — проворчала я, — Вот и видно, что получается, когда они все устраивают на свой лад.

Я наполнила ведро, спрыснула пол водой и принялась щеткой отскребать грязь. Я не жалела времени. Куда я дену себя потом? Тщательно отмывала я каждый предмет. Это заняло два дня.

Я в последний раз ополоснула тряпку, которой мыла пол, разогрела упаковку мяса с бобами и пряностями. Я сидела за столом, положив ноги на другое кресло. Еда казалась безвкусной. Еще хуже было то, что меня стала донимать тишина. Уже почти год прошел с тех пор, когда я была так же одинока.

Я бросила упаковку в печь для мусора и в полглаза наблюдала, как она исчезает. Больше делать было нечего. Я медленно разделась и

легла спать.

Утро наступило слишком скоро. Я долго лежала, разглядывая потолочные балки, и думала, чем себя занять в этот день. Пыталась уснуть опять, но безуспешно. Неохотно встала.

Разогрела чашку шоколада. Подумала: «А вдруг он вернется нынче вечером?» Знала, насколько это невероятно.

Секунду подержала горячую чашку между ладоней. Подошла с ней к окну. Неподвижно лежал мерцающий снег. Огромные голубые деревья согнулись под его тяжестью. Я потихоньку отхлебывала дымящийся шоколад. Все было неподвижно в этой безмятежной белизне, в глубине ветвей, в кристально чистом голубом небе. Я чувствовала себя единственным живым существом в этой искрящейся безмолвной необъятности.

Потянулись бесконечные часы. Не торопясь, я смела снег со ступенек у задней двери, отгребла его от сарайчика для лошадей позади домика.

Я перестелила постель, снова пересмотрела продовольственные припасы. Придумать что-нибудь еще уже было невозможно. Я уселась за стол. Но сидение без дела позволяло мыслям своевольно блуждать, а это было невыносимо.

Мне виделось, как солдаты Ричарда Харлана окружают пустыню, вспоминался весь этот мир, именуемый Старкером IV, преисполненный злобы и насилия.

Я снова побродила по комнате. В заднем чуланчике я нашла древнюю колоду карт и до сумерек играла сама с собой. Опустился вечер, и включился свет. Я накрыла стол для двоих и стала ждать. Часа через два или три я решила поесть сама, но не смогла притронуться к пище. Что могло задержать его?

Но стены молчали. Я отправила тарелки в мойку. За окном, не потревоженный ни единым облачком, лунный свет серебрил снежную поляну. В отчаянии я поплелась спать.

Мой сон был полон кошмарами, и проснулась я очень рано. Серые облака снова затянули солнце. Было невыносимо снова видеть пустую комнату. Я отвернулась к стене и стала вспоминать Фру, дом, ясное мамино лицо, Жака и Шарин, умолявших рассказать им перед сном еще одну историю, и маму, укладывающую их в постель, Питера с его мальчиками, наконец, отца, воспоминание о котором всегда приносило ощущение уверенности и спокойствия. Вспомнилось озеро в парке и луны, поднимавшиеся над ним. Это помогло

— тоска по дому острой болью нахлынула на меня. Оказалось, что прошедшие месяцы лишили воспоминания прежней четкости.

Но я не смогла в полной мере сосредоточиться. Когда я подумала про парк, мне вспомнился Черный Корабль и золотистые глаза Карна. Вместе с веселыми личиками Жака и Шарин, хохочущими над каким-то им одним известным секретом, выплыл из памяти образ Карна, от души веселящегося вместе с Джемми, его особенный неповторимый смех. Нельзя, чтобы он умолк. Его голос, его быстрый ум, его нежность неизменно вторгались в каждое мое воспоминание. Я колотила кулаками по стене и плакала до изнеможения. Потом уснула.

И снова наступило утро. И опять оно принесло с собой муку ожидания, тревоги и одиночества. Я решила хотя бы на время отключиться от внешнего мира, поскольку в последний раз я провела полную самопроверку в первый месяц своего пребывания в этом мире. Давно пора было повторить ее. Я отключила органы чувств. Сосредоточившись, я заставила исчезнуть комнату. Мысленно, со всей тщательностью я исследовала свое тело миллиметр за миллиметром, систему за системой. Я не спешила. Кроме общего нерв-

ного напряжения, все было, как полагается. И я позволила себе вернуться во время. И к страху за Карна.

День угасал. Умолк шепот ветра под карнизом. Огромные сосны неподвижно висели в безмолвных сумерках. Карн, вернись! Вернись! Но вокруг только белая ледяная тишина.

Я пыталась разложить карты, но не могла усидеть на месте. Не могла есть, не могла забыться сном. Чашку за чашкой я пила клэг. Ходила от окна к окну. Выглядывала с надеждой в окно и отворачивалась со страхом и разочарованием. С лошадьми он должен был бы уже вернуться.

Включился свет. Теперь я уже не могла, не выключая его, увидеть, что творится снаружи, но он мог послужить Карну маяком. Мое воображение лепило из темноты жуткие картины — Карн, лежащий где-то со сломанной ногой, ударенный лошадью, упавший в овраг, умирающий от холода.

Хуже всего, если он попадется людям Харлана. Тогда его ждет смерть, и смерть мучительно медленная.

Слезы покатились по моему лицу. Было слышно, как они капают на платье. Я закусила губу и смахнула их с лица, но рука, коснувшаяся щеки,

дрожала. Я любила Карна Халарека, несмотря на похищение, на здравый смысл, на огромную разницу культур. Я любила его. Я горько усмехнулась. Все мое трусливое упрямство и то, что я ни за что не хотела признать эту любовь, никак не уменьшило моих страданий.

Я опустилась в мягкое кожаное кресло. Когда люди Харлана напали в горах, или когда я услышала этот крик на краю пустыни, или сейчас, в ожидании и страхе за его судьбу, почему только угроза его немедленной гибели могла заставить меня признать, какой пустой была бы моя жизнь без него. Я закрыла глаза и увидела себя маленькой и незначительной, такой, какой никогда раньше не хотела себя видеть. И уже было неважно, что он не верил в любовь в том смысле, как я понимала ее. И не имело значения то, что в его власти было причинить мне невыносимую боль. Единственное, что было важно — чтобы он жил.

Карн! Карн! Возвращайся!

Когда я снова открыла глаза, было уже утро, хотя я не помнила, как уснула. То, что я разобралась в себе, не делало предстоящий день более легким. Подошло и прошло время обеда я сходила с ума от тревоги. Я пыталась расслабиться, но рана была слишком глубока. Этот человек разбил в прах

годы душевной дисциплины.

Потом моя воля стала ослабевать. Я никогда не теряла до такой степени контроль над своим телом. Я была не в состоянии расслабиться. Я пыталась внушать себе спокойствие, но напрасно. Как он может так поступать со мной? Неужели он думает, что я не буду беспокоиться? Я же не железная. Восемь дней! За это время мы могли бы добраться вдвоем. Подумал ли он, куда я дену себя?

Я воображаю всяческие страхи, а он, наверное, сидит где-нибудь у огня и ужинает. Что ему мои чувства, мое беспокойство. В конце концов, я только женщина. Да, я должна ему сказать…

Задняя дверь отворилась, и с негромким стуком Карн шагнул внутрь. Гневные слова, которые я припасла, застряли в горле. Его лицо осунулось, глаза потускнели, плечи опустились, как будто собственный вес оказался для них непосильным бременем. На мгновение чувство неожиданного облегчения сковало меня.

— О, дорогой мой, — прошептала я. Я так волновалась.

Он шагнул ко мне, сбрасывая на ходу промокший плащ и перчатки. Он остановился передо мной, ощупал мои плечи, шею, коснулся кончика-

ми пальцев моего лица. Его руки были холодны, как лед, он слегка покачивался. Казалось, что он смотрит на меня, не веря своим глазам.

— Харлан… — пробормотал он, не отрывая глаз от моего лица. — Их тут десятки. На этой стороне. — Он зашатался, веки опустились. Жанна! — Он покачал головой, но это движение лишило его равновесия, и он едва не упал.

Господи, как он устал! Боль и нежность охватили меня.

— Карн, мой господин, разреши мне помочь тебе.

Я стянула с него мокрую куртку, помогла добраться до постели и лечь.

— Жанна! Солдаты Харлана… Так близко… Страшно… — и он заснул.

С бесконечной осторожностью я сняла с него мокрые башмаки и растерла руками ледяные ноги. Я надела на него чистые теплые носки, укрыла одеялом и села у постели. Он жив. Ему не грозит опасность. Он снова со мной.

О, мой господин, если бы мы встретились при других обстоятельствах, в другом мире…

Но нам оставалось слишком мало времени. Его было бы мало, даже если бы долгие годы ждали нас впереди, но Карн не сомневался в победе Ри-

чарда и в том, что Ричард вскоре убьет его. А мне предстояло провести остаток жизни в гнетущей пустоте.

Эта мысль была невыносима. Я вышла, чтобы проверить лошадей, и обнаружила, что Карн, прежде чем войти в дом, нашел в себе силы позаботиться о них. Я вернулась обратно, вскарабкалась на свою койку и свернулась под одеялами. В эту ночь я могла спать спокойно. Он вернулся.

Карн проспал почти весь следующий день. Я занималась своими делами, накрывала на стол, протирала мебель, все время боясь, как бы нечаянный звук не разбудил его.

Что я скажу ему? Нужно ли рассказывать ему, что я чувствовала? И могу ли я не рассказать?

Я не заметила, как он проснулся, пока его руки не обхватили меня, и он ласково прикоснулся губами к моей шее.

— Жанна, — сказал он хрипло. — Я так боялся за тебя. Я не ожидал, что это будет так долго. Там были патрули Харлана, много, и так близко отсюда. Жанна, Жанна…

Он повернул меня в своих объятиях, прижал губы к моим, и я почувствовала то, что бессильны были передать его слова. И больше не было нужды скрывать любовь, в которой я так долго

не хотела себе признаться. Я ответила ему со всей силой, на которую была способна. Много времени спустя он приподнял голову и слабо улыбнулся.

— Вы кое-что утаили от меня, моя леди.

— Ах, Карн, от себя тоже — Какая-то незнакомая мне прежде мягкость в моем голосе смутила меня, и я спрятала свое зардевшееся лицо у него на груди.

Он снова засмеялся. Я так любила этот смех. И так редко слышала его. Он поцеловал меня в ухо.

— Удалось ли мне наконец приручить свою дикую кошечку?

Я посмотрела ему прямо в глаза.

— Только на время, милорд.

Он ответил на вызов долгим головокружительным поцелуем. А потом еще и еще. Через мгновение мы оба оказались в его постели. С бесконечной нежностью помогали мы друг другу освободиться от гнетущей тяжести последних дней. Щедро и самозабвенно награждали мы друг друга радостью и умиротворением. А потом пришел сон. Не знаю, как только мы ухитрились заснуть вдвоем на этой узкой кровати. Мы спали до самого утра.

Когда я открыла глаза, Карн уже стоял у окна. Он протянул мне руки, и я влетела в его объятия.

Ярко светило солнце. Капельки воды со звоном падали с карниза на мокрую землю. Сосны сбросили свои снеговые покрывала. Большие сугробы возле дома стали похожи на губку. Карн крепко прижал меня к груди.

— Снег сойдет через пару дней, потом нужно отправляться в дорогу. Не так уж много минут отпущено нам с тобой. Потом будет мало радости.

«Быть может, не будет совсем», — добавила я про себя. Все зависит от того, что делал в это время Ричард.

— Карн, не могли бы мы…

— Даже не думай об этом. — Он отстранил меня от окна и снова обнял. Он так крепко прижал меня к себе, что я не могла видеть его лица. Мне кажется, он не хотел, чтобы я видела. — Жанна, там солдаты Харлана. Если ты попадешь к ним в руки…

Он содрогнулся.

— Ужасно уже то, что теперь придется жить с этим постоянным страхом. — Он еще крепче сжал меня. Ах, любовь моя, вот почему брак должен быть основан только на расчете. Чувства лишают человека способности трезво рассуждать. Он прижался щекой к моим волосам и прошептал: — Я так люблю тебя, Жанна. Бог, смилуйся над нами.

— Это и в самом деле так страшно, любить меня?

— Ах, нет, любимая. Эти последние месяцы были самыми счастливыми. Я впервые не чувствовал себя одиноким. — Он поцеловал меня в кончик носа. — Но я так боялся. Я думал о Нике и Кит. Если бы ты попала к Харлану, я бы все сделал, чтобы спасти тебя, как это сделал Ник. Это ужасная мысль после всех лет и стольких потраченных усилий…

Он не сказал об опасности, которая угрожала ему самому. Глубоко тронутая, я поцеловала его в щеку и крепко обняла.

Тогда я не дам им поймать себя.

Глава семнадцатая

По обоюдному согласию мы не вспоминали о внешнем мире, пока снег не растаял. Два дня мы притворялись, что нам ничто не грозит, что мы свободны и можем ни о чем не заботиться. Я никогда не думала, что на свете бывает такая радость и такое счастье. Но даже в цивилизованных мирах такое не может длиться без конца, а Старкер IV не был цивилизованным миром. Ужасные шрамы на теле Карна, оставшиеся от войн и подосланных убийц, доказывали это. Карн разбудил меня перед зарей на третий день, и мы спешно покинули домик, на ходу дожевывая завтрак.

Реденькая дымка стлалась по земле. Земля почти полностью освободилась от снега, только под большими деревьями сохранились остатки сугробов. Теплый воздух был наполнен запахами сырой земли и увядшей растительности. Птичьи голоса, звеневшие перед зарей, мало-помалу выпадали из общего хора, их сменяло деловитое чириканье и ворчливый писк. Не было видно ни души.

Довольно быстро мы перебрались на ту сторону холмов, которая относилась уже к владениям Ха-

ларека. Тоненькая дымка превратилась в густой туман. Если в нем могли скрываться солдаты Харлана, то и мы были невидимы, к тому же туман быстро заглушал звук наших шагов. Безмолвие, окружавшее нас, действовало даже на лошадей. Мы двигались будто сквозь сон. Я восхищалась тем, как Карн ухитрялся находить дорогу, хотя он и должен был знать этот край лучше, чем пустынную сторону холмов.

Как будто подслушав мои мысли, Карн обернулся ко мне.

— Я уже дважды был здесь, это совпало с очень важными событиями в моей жизни. В такое время всякие приметы и мелочи надолго остаются в памяти.

За весь этот день мы только раз услышали человеческие голоса и ржание лошадей. Мы остановились и замерли. Через некоторое время голоса потонули в тумане, и мы тронулись в путь. Больше ничто не возмущало густого белого безмолвия. На закате мы устроили лагерь в осиновой рощице у последних холмов. На ужин у нас был пакет высушенной смеси. Мы расположились прямо на земле, подстелив пластик. Было сыро, но нас окружали красота и спокойствие. Карн разбудил меня затемно. За ночь туман разошел-

ся, лишь местами оставив от себя жиденькие клочки.

— Нынче вечером мы будем дома, однако граница наших владений недалеко, и здесь еще могут рыскать люди Харлана.

На равнинах Халарека от снега не осталось и следа. На кустах, попадавшихся нам по дороге, уже распускались крошечные листочки. Молодая трава покрыла землю. Все вокруг было наполнено жизнью, суетливой и радостной.

Вдруг Карн остановил лошадь. Через несколько секунд перед нами опустился на землю флиттер. На мгновение меня охватил страх. Но потом я увидела узкие зеленые полосы и темно-синюю полосу Дома Халарека на каждом крыле. Из флиттера высыпал взвод солдат, которые помчались нам навстречу. Я почувствовала было облегчение, пока не увидела, как они приближаются к нам. С оружием наизготовку они окружали нас с двух сторон. Командующий офицер, остановившийся перед Карном, выглядел ошеломленным. Он пристально вгляделся, потом преклонил колена. Солдаты последовали его примеру.

Карн кивнул, и они поднялись.

— Милорд, кадык офицера задергался. — Мы считали вас погибшим. Лорд Джерем, согласно

вашей воле, занял ваше место.

— Утвердил ли Совет леди Катрин в качестве регентши?

— Нет, милорд. Совет признал, что таково ваше желание, но Одоннел, Джастин, Харлан, Кингсленд, Друма и Гормсби выступили против. Свободные отказались голосовать.

— Хорошо, дальше.

— Регентом при младшем Лхарре назначен Пауль Друма.

— Господи! Чья это была идея?

Офицер покачал головой.

— Я не знаю, милорд. Кто-то из Старой Партии, скорее всего. С вашим исчезновением они стали непобедимы. Простите меня, милорд.

Карн повернулся ко мне.

— Мне придется лететь флиттером. Время…

— Не нужно лететь в Онтар, милорд, — прервал его молодой солдат, — Молодой Лхарр в Друмантоне.

— Спасибо, солдат. — Карн обернулся к офицеру. — Почему не сказал мне об этом?

— Я… Меня учили не перебивать старших, сэр.

— Иногда следует забывать правила, — огрызнулся Карн.

— Жанна, Джемми угрожает страшная опас-

ность. Свяжись с Паулем по три-д и скажи, что я лечу к нему за Джемми. Этот червяк переметнулся к Одоннелу. Капитан Ороарк знает, какие люди мне понадобятся и как их ко мне переправить. Я переговорю с ним из флиттера.

Он не поцеловал меня при посторонних. Только задержал на мне долгий ласковый взгляд перед тем, как прикоснуться губами к моей руке, как это было принято при расставании. Это подбодрило меня, но не успокоило. Пришпорив коня, я поспешила к Онтару. Офицер скакал рядом. Мы еще не проехали и километра, а флиттер уже превратился в крохотную искорку на горизонте.

Томми с четырьмя солдатами в синей форме, получив сообщение с флиттера, уже ждали у лифта на конный двор. По лицу его было видно, как он рад моему появлению, но выразить это словами он не умел.

Вместе со своими солдатами он проводил меня к моей свите. Мое возвращение вызвало хаос среди прислуги. Люди сновали по комнатам, делая вид, что заняты уборкой, передавали какие-то сообщения. Я чувствовала, что на меня устремлены все глаза, возбужденное перешептывание, вопросы, догадки преследовали меня по пятам. Тамара и Жаклин вскочили, лишь только я открыла

дверь. Несколько секунд они стояли, как громом пораженные, забытое рукоделие соскользнуло на пол. Они подбежали ко мне, сделали реверанс.

— Миледи, мы думали… Нашли ваших лошадей, перчатку лорда Карна и ваш шарф. Там была кровь… А где…

— Остановитесь, — скомандовала я. Они смолкли с такой необычной поспешностью, что я не могла не рассмеяться. — Вы все узнаете, но прежде я должна выполнить поручение лорда Карна.

Солдаты, обычно находившиеся в комнате три-д связи, вылетели в Друмантон на помощь Карну, поэтому Томми поставил одного из моих «синих» сопровождающих у дверей, отослал техников и сам настроил для меня три-д передатчик. Он стоял в центре поля зрения, поэтому Пауль первым заметил его.

— Мир вашему Дому, милорд герцог, — Томми приветствовал герцога сухо, но почтительно.

Пауль кивнул.

— Как и вашему, мир и благодать, капитан. С какой целью вы меня вызвали?

— Ларга Халарек хотела сообщить вам нечто, милорд.

— Кто… Ларга? — Лицо Пауля стало серым, бусинки пота проступили на верхней губе и на лбу.

Я снова поразилась реальности три-д изображения. Казалось, можно подойти к стене, туда, где появился Пауль, и, протянув руку, можно будет почувствовать, как он дрожит. Какой еще вид связи смог бы до такой степени передать состояние человека.

Томми кивнул.

— Да, милорд. Лорд Карн просил предупредить вас, что он направляется к вам за лордом Джереми и леди Катрин.

— Но… но лорд Ричард сказал, что ему сообщили о вашей гибели в результате несчастного случая. Он представил доказательства. Он…

— В чем дело, Пауль? — я не сразу заметила, что мой голос звучит слишком резко. — Кит и Джемми у вас, не так ли? Я надеюсь, с ними все в порядке?

Пауль откинулся назад в своем кресле и отер пот со лба.

— Пауль, отвечайте, почему вы молчите?

— Они нездоровы, Ларга. Они заболели вскоре после приезда, и… и доктор не надеется, что они выживут.

Я похолодела.

— Что с ними?

Пауль бессильно развел руки.

— Доктор не знает, Ларга. Он может лишь облегчить их страдания.

— Кто их доставил к вам?

Солдаты, обычно находившиеся Один из моих флиттеров. С сопровождением от Семей.

— От каких Семей, Пауль?

Он опустил глаза, нащупал трубку, лежавшую рядом.

Я наклонилась к нему, мне хотелось вытрясти правду из этого труса.

— Каких семей?

Томми, который вышел из круга, как только я начала говорить, снова появился перед Паулем.

— Скажите ей, милорд, — Томми уже не изображал почтительности. — Скажите ей: Одоннел, Гормсби, Джастин и Харлан доставили вам молодого Лорда. Скажите ей, что Совет поместил меня под стражу, потому что я протестовал. Скажите ей, что леди Катрин и лорд Джереми провели день после утверждения лорда Джерема во владениях Джастина.

Комок встал у меня в горле. Боже милостивый! Джемми только шесть лет. Эти варвары хотят убить ребенка ради своих клановых интересов.

— Пауль, как вообще вы позволили им заполучить Джерема? Почему вы не настояли, чтобы

его привезли прямо к вам? Почему вы сами не привезли его в Друмантон, если это и в самом деле наиболее подходящее место?

Пауль облизал губы. Он боялся поднять глаза.

— Я пытался. Правда. Но Дома проголосовали против меня, а Свободные заявили, что это дело касается только Семей. После этого люди Харлана просто вытащили меня из флиттера Джемми. — Он помедлил и добавил с горечью: — Я не мог настаивать ни на чем. На случай, если бы я затеял борьбу, Гаррен пригрозил, что введет эмбарго на промышленные алмазы. Одоннел — мой второй сеньор, он имеет на это право. Теперь мало где пользуются алмазами, но эта торговля держит мой Дом на плаву.

— Хотя он все равно это сделает, — продолжал Пауль, как будто ища у меня поддержки. — Теперь, когда молодой Лхарр умирает, все обвинят меня, поскольку, как регент, я выигрываю от его смерти больше других. Конечно, никакого расследования не будет. Лорд Ричард не хочет этого.

Пауль отвернулся и отключил связь. Некоторое время я тупо смотрела на стену, где он только что был.

Томми неуверенно положил руку мне на плечо.

— Ларга, лучше всего, если бы вы осмотрели дом. Это отвлекло бы вас, и заодно успокоило слухи среди слуг.

Вслед за ним я покинула комнату связи. Три солдата пристроились сзади. Родственники, солдаты, свободные от службы, прислуга собрались по приказу Томми в Большом Зале. Мне никогда не доводилось видеть их всех сразу. Их число поразило меня. Они заполнили весь зал, толпились на галереях. Войдя в зал, я остановилась.

— Что я должна делать, капитан?

Он пожал плечами.

— Скажите им что-нибудь. Они хотят слышать ваш голос.

Я вышла на середину зала. Вспомнив, что я представляю здесь Карна, я выпрямилась и, с гордо поднятой головой, оглядела зал.

— Родственники Дома и слуги нашей Семьи. Вы видите меня в добром здравии. Лорд Карн направился в Друмантон за лордом Джемми и леди Катрин. Все остается так, как было до сих пор. Идите с миром.

Я смотрела, как люди покидают зал. Возможно, они поверили моим словам, но я знала, что ничто уже никогда не будет как прежде. Если лорд Ричард смог толкнуть Совет на такую несправед-

ливость, у него хватит возможностей поступить с Домом Халарека, как он захочет.

Собрание в зале не исчерпало списка моих обязанностей. Многие из слуг не могли оставить свою работу, поэтому я должна была посетить все службы. Это казалось настолько нелепым, как будто все они были малыми детьми. Вместе с Томми и охраной я побывала на кухне, в больнице, оранжереях, в караульной на площадке для флиттеров. Мы даже навестили конный двор, где побеседовали с конюхами, тренерами, скотниками и кузнецами. Эта церемония обогатила мои представления о психологии крестьян и религиозных верованиях на Терре в доиндустриальную эпоху. Хотя мне едва ли удастся опубликовать свои исследования.

Наконец мы отправились в обратный путь. Проходя мимо ряда раскрашенных дверей, которые, в отличие от деревянных дверей других помещений, были покрыты пластиком, я остановилась и потрогала гладкую поверхность.

— Куда ведут эти двери, Томми?

— Они ведут в подвальные хранилища и служебные помещения. Голубая обозначает медицину, зеленая — садоводство, черная ведет в сам Онтар, красная — в оружейную, желтая…

— Достаточно, мне было просто любопытно.

Томми кивнул и пошел дальше. Большинство крепостных не умеют читать. Цвет помогает им найти нужную кладовую.

У моей двери нас встретил солдат. Он браво отсалютовал, потом отвел Томми в сторону. Они тихонько посовещались, после чего Томми привел его обратно ко мне и подозвал охрану.

— Симс говорит, что генерал Винтер только что узнал, что силы Старой Партии, главным образом Харлановы, окружают Друмантон. Лхарру придется пробивать себе дорогу. Винтер посылает Грегга с его центурией на подмогу. Если повезет, они будут на месте раньше, чем Харлан сообразит, что ему нужно больше людей.

Мне пришлось набрать побольше воздуха, чтобы собраться с мыслями. Снова Ричард угрожал жизни Карна. Ведь так немного времени прошло с тех пор, как они чудом избежали гибели в пустыне. Что ж, он предупреждал меня.

Охрана, кроме моего личного часового, отдала честь и удалилась. Как только я оказалась в своей комнате, мои леди засыпали меня вопросами. Даже тихая Донна ухитрилась задать несколько своих. В конце концов я хлопнула в ладоши.

— Тихо! Если вы хотите все знать сию минуту,

попросите войти молодого человека, стоящего за дверью. Я уверена, что он с удовольствием посвятит вас во все детали. Мне же нужно написать письмо. Не беспокойте меня, пока я не кончу.

— Мадам, письмо… это совершенно невозможно. — Леди Агнес возмущенно сверлила меня глазами. — Вы ведь знаете правила…

— Леди Агнес, — ответила я, стараясь быть предельно вежливой и доброжелательной. Вы исполняете ваши обязанности с восхитительной самоотверженностью, но мне кажется, что вы слишком рано прервали свой отдых. Вы все еще выглядите усталой. Вам следует вернуться к вашей дочери и подождать, пока ваше самочувствие не улучшится. *Я* закажу для вас флиттер.

Я оставила леди Агнес с неизящно разинутым ртом, прошла в комнату Карна и заперла за собой дверь, прежде чем леди Агнес успела собраться с мыслями.

Я слишком мало знала об этой комнате. Когда Карн хотел близости со мной, он сам приходил в мою постель. Я присела на край его большой кровати и осмотрелась. По сравнению с моей, его комната была обставлена значительно проще. Не было ковриков, гобеленов, не было окна. Единственным украшением была изображенная

прямо на стене батальная сцена. В ту единственную ночь, которую я провела в этой постели, Карн рассказал мне, что ее нарисовал его друг по Академии Иджил Олафсон. Его голубоглазый друг Иджил Олафсон. Потом его поцелуй заставил закрыться мои голубые глаза…

Кроме того, в комнате стоял большой защитного цвета комод, мягкое кожаное кресло, простой стол, ночной столик, на котором лежала истрепанная книга. Это была комната для работы. Я уселась за стол и написала ободряющую, как мне казалось, записку Карну.

«Как я люблю тебя, мой господин», — думала я, запечатывая конверт.

Потом, усевшись за столом поудобнее, я еще раз осмотрела комнату. Если положить на пол коврик, повесить что-нибудь на стену, то эта комната понравилась бы и мне самой. Мою комнату можно превратить в гостиную, место, где я могу полюбоваться видом из окна и не быть обязанной весь день слушать трескотню моих компаньонок. Кроме того, в настоящем браке супруги должны иметь общую постель. Я усмехнулась про себя. Вовсе не ради собственности я хотела заполучить Лхарра Халарека в свою постель, также, как и он меня в свою.

Я провела эту ночь в его кровати. Это было вроде утешения для меня. Утром я встала в полной уверенности, что Карну моя идея насчет общей спальни должна понравиться. А когда, вставая с постели, коснулась ногами холодного каменного пола, я пообещала себе, что Коврик в этой комнате будет лежать с моей стороны кровати.

Я проскользнула в свою комнату, потихоньку оделась и расчесала волосы. Как хорошо иметь короткую прическу! У меня раньше не было случая испытать это удовольствие от расчесывания, и я пришла в восторг, разглядывая свою коллекцию булавок, гребней и сеточек, которые мне уже никогда больше не понадобятся.

Через два дня, устроив все, как я хотела, и наведя чистоту, я стояла у двери, соединяющей наши комнаты, и очень довольная созерцала плоды своих усилий. В этот момент вбежал слуга с вестью о том, что Карн вот-вот вернется вместе с Джемми и Кит.

— Как скоро? — спросила я.

— Меньше, чем через полчаса, Ларга Жанна. Вам нужно будет позвать врачей и медсестер из клиники.

Врачей! Мое сердце на мгновение замерло. Я заставила себя подойти к внутренней связи. Ну

конечно, Джемми и Кит очень больны. К тому же, могут быть раненые.

За двадцать минут я сделала все, что от меня зависело, и с беспокойством ждала у предохранительного щита на площадке для флиттеров. Один за другим черные военные флиттеры появлялись на фоне голубого безоблачного неба и опускались в шахту. Два, три, четыре — Винтер, очевидно, решил, что большой транспорт будет слишком соблазнительной мишенью, и послал центурию Грегга в двадцатипятиместных машинах. Я теребила свой рукав. Это все? Где же флиттер Карна? В это время голубой флиттер нырнул в шахту. Он опустился на площадку, и вслед за этим закрылся массивный люк, загородивший небо. Замигал зеленый огонь над окном диспетчерской — можно было покинуть укрытие. Я поспешила к площадке, подгоняя доктора и его помощников.

Из флиттеров высыпали солдаты. Некоторые сразу же побежали в ту сторону, где ожидали со своими носилками медики, чтобы показать, где находятся раненые. Другие окружили голубой флиттер. Дверь кабины откинулась, и показался бледный и дрожащий Пауль. За ним последовала его жена. Никто не приветствовал их. Я почувствовала, как во мне шевельнулась жалость,

В этот момент вышел Карн, и я забыла про все остальное. Окровавленная повязка стягивала его голову. Его одежда была изорванной и грязной. На правой руке была грубо сделанная шина, В руках он держал безжизненное тельце Джемми.

Карп коротко кивнул мне и подозвал врача.

— Жанна, позаботься о Кит. Если смогу, я позже приду помочь тебе.

Солдат помог мне взобраться на крыло. Я вошла в кабину. Кит лежала на тюфяке между двух сидений. Ее лицо горело, по щекам катился пот. Дыхание было быстрым и поверхностным. Позаботиться? Но что я могу сделать? У меня не было даже мокрой тряпки, чтобы положить ей на лоб.

Вскоре два санитара доставили носилки на воздушной подушке и положили на них Кит. Один из них включил режим парения. Я распорядилась, чтобы они отвезли Кит в мою комнату. Я подумала, что моя кровать мне больше не понадобится, и сочла это место наиболее подходящим, так как Кит теперь оказывалась рядом с моей комнатой. Карн забежал наверх ненадолго, лишь затем, чтобы взглянуть на Кит и торопливо чмокнуть меня в щеку. Я попыталась было заставить его показать свои раны врачу.

— С этим можно подождать. После того, как

позаботятся о Джемми и тяжелораненых.

— Что с Джемми?

— Его пришлось отправить в клинику. Доктору Отнейлу необходимо его оборудование и кислород. — Карн запнулся. — Он не надеется, что мальчик проживет больше нескольких часов.

Я заметила слезы в глазах Карна и отвернулась, чтобы пощадить его гордость.

Несмотря на сильное отравление, Джемми все еще держался, хотя было мало надежды, что он выживет. Карн, к которому вскоре присоединился барон фон Шусс, почти все время проводил у постели Джемми. Я сидела у себя рядом с Кит, которая кричала в бреду, пытаясь спастись от людей, сделавших ее своей пленницей.

Из ее криков я постепенно составила себе представление о том, что произошло. Прежде всего, люди Харлана медленно и мучительно убили на глазах у мальчика его ухл-ухла. Потом Харлан издевался над Кит, смакуя подробности своего удавшегося плана захватить Ника, и расписывал ей, что он готовит для нее, для Джемми, для ее любезного братца. Ей самой предстояло испытать то, от чего в прошлый раз ее избавило вмешательство Карна и Ника. И все это время она видела, как Джемми с каждым днем слабеет.

В первые две недели после приезда Кит и Джемми я не выходила из своих комнат. От часового у двери я узнала, что Ричард каким-то образом проведал о подкреплении, посланном Халареку, и успел подготовиться. Цена, которую пришлось заплатить Халареку, оказалась непомерно высокой, слишком высокой для Дома, близкого к разорению после истории с Черным Кораблем.

— Если бы не неожиданная помощь от Дома де Ври, — сказал часовой, — никто бы не вернулся.

Карн не отходил от Джемми, проводил у его постели бессонные ночи. Только иногда я видела его в домашней церкви, где он ненадолго присоединялся ко мне в моих молитвах за Джемми и его мать. В эти минуты мы еще крепче привязывались друг к другу.

Когда Карн порой приходил наверх, он выглядел настолько усталым и измученным, что мне до боли хотелось утешить его, но что я могла ему сказать? Его бессменное дежурство возле Джемми начало сказываться на его здоровье. Когда пошла вторая неделя после приезда мальчика, одна из сиделок пришла ко мне после своего дежурства. Это было довольно необычно. Но поговорить она хотела не о Джемми.

— Ларга, рана на голове лорда Карна плохо за-

живает. Вы должны убедить его отдохнуть, иначе он не выдержит.

Я пожала ей руку в знак благодарности и печально усмехнулась.

— Убедить его… Возможно, жены Свободных имеют такую возможность. Но в Семьях… Поверьте мне, я пыталась. Как бы то ни было, спасибо.

Сиделка сделала реверанс и удалилась.

Среди всех этих треволнений и ожиданий пришел вызов по три-д от графа Кингсленда. Карн не захотел оставить Джемми и отправил на переговоры меня.

Кингсленд стал врагом Халарека с тех пор, когда Ингольд организовал для его главы «несчастный случай». Он не может сказать ничего достаточно важного, чтобы я оставил Джемми. Узнай, что он хочет.

Ингольд Кингсленд с его резкими чертами лица был по-своему красив. Он вежливо поклонился, когда я сказала ему, что я представляю Карна и уполномочена выслушать все, что он скажет.

— Как будет угодно вашему лорду, Ларга, — ответил Ингольд ровным голосом.

В его ответе мне почудилась насмешка. Я насторожилась. Я не должна говорить ничего такого, что он мог бы использовать против Карна.

— Пауль IV Друма обвиняется в покушении на убийство, Ларга, и приговорен к смертной казни Гарреном Одоннелом, его сеньором.

— Кого же он убил? — спросила я еще более вежливо.

— Лхарра Джерема Халарека.

Так вот на чем они хотят сыграть. Джемми был официально признан главой Дома.

— Лорд Джерем жив, милорд. У него нет убийцы. А в случае его смерти сотни свидетелей покажут, что его болезнь была приобретена во владениях Джастина.

Ингольд удивленно уставился на меня. По его лицу было видно, как напряженно он обдумывает мои слова. Похоже, что ему не приходилось встречать женщины, соображающей быстрее, чем он.

Наконец он решил не обращать внимания на упомянутые мной подробности и перешел к другой теме.

— Дом Харлана призывает на военную службу своих крепостных и вассалов и собирает армию для похода на Онтар. Он намерен схватить беглеца и наказать лорда Карна за его укрывательство, — Ингольд слегка наклонил голову набок. — Знает ли миледи, что укрывать беглеца

от Совета противозаконно?

Я изобразила на лице крайнюю степень вежливости.

— Правда? Ведь здесь это так часто делают.

— Вы поняли, о чем я говорю, Ларга?

Это, вероятно, значит, что Старая Партия избирательно применяет не соблюдающийся закон, милорд.

— Дело в том, что лорд Карн нарушил закон. И не только нарушил, но также известил Совет через своего секретаря Вейсмана, что не намерен выдать Друма старшему лорду для свершения правосудия.

— Лорд Карн также является его сеньором, — вставила я.

— Дело в том, Ларга, — продолжал граф с преувеличенным спокойствием, — что ваш муж своим отказом навлек на себя войну. Я допускаю, что ваши люди не понимают значения этого слова, но речь идет именно о войне.

Я подумала о Кларидисе и полусотне других городов, все еще тлеющих спустя сто сорок лет после Войны. Нет, милорд, мы знаем, что такое война намного лучше вас, с вашими станнерами, бамерами и несгораемыми городами.

— Поэтому Харлан ставит вас в известность, что

по истечении недельного срока начнет военные действия.

— Благодарю вас за предупреждение, лорд Ингольд. У нас много раненых, и мне нужно вернуться к своим обязанностям сиделки. — Я отключила связь и покинула комнату.

Впрочем, я тут же вернулась обратно и вызвала герцога де Ври.

— Мир вашему Дому, милорд, — сказала я, как только он появился.

— И вашему, Ларга Жанна. Что я могу для вас сделать?

Я коротко пересказала свой разговор с Кингслендом, сказала и о том, что Карн постоянно находится при Джемми.

Де Ври вздохнул.

— Я сделаю, что могу, но пока Пауль под приговором, а Лхарр и барон фон Шусс заняты мальчиком, это будет немного. Однако я могу вам гарантировать, что Совет заставит Гаррена Одоннела дать вам сорок дней. Таков закон. Неделя — это смешно. — Однако по лицу де Ври нельзя было сказать, что ему смешно. — Свободные будут говорить, что это проблемы семей. Я только надеюсь, что дураки прозреют прежде, чем будет поздно для нас и для них. Да будет милость гос-

подня с вами.

— И с вами, милорд.

Разговор с де Ври дал не много результатов, но то, что герцог решился наконец на какие-то Действия, было для него гигантским шагом. После того, как он восемь или десять лет держался в стороне, это выглядело почти переходом в наш лагерь.

Вместо того, чтобы самой рассказать все Карну, я послала за Винтером и сообщила ему новость. Пока он спустится на два уровня из комнаты связи в клинику, его острый военный ум найдет какие-нибудь полезные мысли для Карна.

Потом, когда я сидела в библиотеке, пытаясь с помощью книги бороться с тревогой и одиночеством, Карн тихонько постучал в дверь и появился на пороге. Я бросила книгу и кинулась в его объятия.

— Карн, как мне не хватало тебя!

Его руки жадно обхватили меня, а последовавший за этим поцелуй куда выразительнее, чем слова, поведал мне о том, что мне хотелось узнать: он все еще любил меня. Я откинулась назад и вгляделась в его лицо. Оно утратило свой здоровый цвет, он, как никогда, похудел. Нежно я провела кончиками пальцев по новым морщи-

нам на его щеках, прикоснулась к синеватым кругам под глазами.

— Позвольте мне сегодня ночью занять ваше место, милорд. Вам крайне необходимо выспаться. Ваше выздоровление затягивается.

— Нет, дорогая. Доктор Отнейл говорит, что, если Джемми переживет эту ночь, он будет жить. Я должен быть при нем.

— Карн, позволь мне…

— Не спорь, — оборвал он. Потом покачал головой и поморщился, как будто от боли. — Извини. Мне не следовало так говорить. Я становлюсь раздражительным. Это заявление Кингсленда вдобавок к болезни Джемми. Я пришел только, чтобы сказать, я отсылаю тебя в безопасное место к моей тетке, аббатисе Альбе, в ее Дом Уединения. При нейтральной родне и в религиозной общине тебе никто не причинит вреда.

— Но как же Кит? Она слишком больна, чтобы перенести переезд.

Карн вздохнул.

— Кит придется остаться и испытать свою судьбу здесь.

Я прикоснулась к его руке.

— Позволь и мне остаться. Я хочу остаться. Я — часть этого Дома.

— Жанна, перестань… он запнулся, смутившись от этой вспышки раздражения, потом уже тише продолжал: — Я не знаю, что будет со мной, он вздохнул, и я почувствовала укол жалости, глядя на его усталое лицо. — Сердцем я чувствую, что ты принадлежишь этому Дому, но умом я не могу согласиться. Тебя не должны схватить здесь. Эта война будет идти до тех пор, пока… На этот раз в живых останется только один. Ричард или я. Я не хочу подвергать тебя опасности. — Грусть в его голосе и глаза говорили, что он не сомневался в победе Ричарда.

Я знала, что Карн погибнет, если вступит в борьбу, предчувствуя свое поражение. Я уже достаточно знала об этом мире. Я схватила его за руки.

— Карн. Ты должен победить. Не позволяй себе думать иначе. — Мои руки разжались, и я отвернулась. Я чувствовала, что сейчас расплачусь, а было бы нечестно в этот момент досаждать ему своими слезами. — Карн, без тебя…

Он обхватил мою голову своими ладонями и тихонько покачал из стороны в сторону.

— Не плачь. Не смей плакать. Ну вот, одну я уже вижу. Прячется под ресницей. Покатилась. Ага Я поймал ее. Он тихонько поцеловал меня в щеку

и выразительно облизал губы.

Радость никогда не гостила в его глазах, однако я изобразила для него слабую улыбку.

— Так-то лучше, — он похлопал меня по щеке. — Беги наверх, собери одежду, по крайней мере, на месяц. Ты отправляешься завтра утром, как только мы узнаем о состоянии Джемми, — Он помолчал. — Поверь мне, я верну тебя обратно, как только смогу. А теперь, давай. — Он повернул меня к лестнице и слегка подтолкнул ласковым шлепком. Завтра нам долго прощаться не придется, крикнул он мне вслед. — Халарек не может проявить слабость.

Я обернулась, чтобы ответить, но он уже ушел к Джемми.

Собрать вещи груда не составляло. Вдали от Карна и от необходимости сделать удовольствие леди Агнес мои потребности в одежде были весьма скромны. Я и три моих компаньонки быстро справились с работой. Во время сборов Кит пришла в себя, но она все еще была в слишком тяжелом состоянии, чтобы понять что-то, кроме того, что я еще жива. Несколько раз я пыталась поговорить с ней и как-то приободрить, но она, вероятно, не слышала меня. Ее сиделка положила холодный компресс на лоб и на запястья и заго-

ворила ровным убаюкивающим голосом:

— Покой — вот все, что мы могли ей дать. Врачи сделали все, что могли, остальное должна была сделать сама Кит.

Утро пришло слишком, слишком скоро. После завтрака я отправила вниз свой чемодан, распрощалась со своими компаньонками. Томми встретил меня у двери и проводил к площадке. Карн встретил нас, когда мы выходили из лифта на уровне.

— Капитан Ороарк, оставьте нас, — прорычал он.

Томми побледнел.

— Оставьте нас!

— Да, сэр! — Томми отсалютовал и бросился бегом к площадке.

Карн проводил его глазами, пока выходная дверь не закрылась за ним, потом повернулся ко мне.

— Он умер. Ему было шесть лет, а он мертв.

— О, Карн, — я кинулась к нему.

Взгляд его широко открытых глаз был бессмысленным, и я с ужасом и удивлением видела, как загорается в них гнев. Я остановилась на полпути. Он схватил меня, и его пальцы стиснули мои плечи как клешни.

— Если бы не ты, он был бы жив. Если бы не твое проклятое упрямство, у меня был бы наследник, а Джемми не был бы такой соблазнительной мишенью.

— Милорд!

— Молчи! — Он схватил меня за руку и потащил через зал к пустующей комнате, предназначенной для слуг. Он захлопнул за нами дверь, и мы остались вдвоем в крохотной комнатушке. Горе и гнев розовым туманом застилали его глаза.

— Прекрасный план, не правда ли? — рычал он. — Убрать Джемми, и два Дома лишаются наследника. Два Дома, потому что у барона не может быть детей. Если бы у меня был наследник, Харлану пришлось бы быть достаточно осторожным, чтобы Дом фон Шусса оставался нейтральным. Одним союзником меньше для него. Но теперь барон не останется нейтральным. У него больше нет причин для этого. Пауль под приговором. Это уже третий Дом. Харлан хорошо подготовился. Здесь чувствуется его рука. Когда не останется Пауля, Эмиля и меня, Старкер IV окажется в руках Ричарда и будет отброшен на три века назад.

У вас будет возможность все это наблюдать, мадам, поскольку в случае моей смерти вам уже никогда не покинуть Дом Уединения. А Ричард

убьет меня, если только он вообще удостоит меня поединка. У него гораздо больше практики в дуэлях, чем у меня.

— Постой, постой! — я пыталась высвободиться из железной хватки, — Ты не можешь так думать.

— Напротив, мадам, именно так я и думаю, сухо ответил он и потащил обратно через зал. Я упиралась, пыталась высвободиться, но он неумолимо тянул меня за собой. Пожалуйста, Карн, не отсылай меня. Только не сейчас, с такими мыслями. Я люблю тебя. Я любила его. Не проклинай меня. Пожалуйста.

Но он как будто не слышал меня. Часовой у площадки отсалютовал и распахнул перед нами дверь. Томми осматривал одноместный флиттер. Карн, не глядя на меня, подвел меня к его борту и только там отпустил мою руку. Томми вопросительно смотрел то на него, то на меня. Я ждала, но Карн молчал и не двигался. Очевидно, он не хотел даже попрощаться.

Я с трудом переводила дыхание. Черные пятна плясали перед глазами. Усилием воли я их прогнала. Мы не можем расстаться таким образом! Я обхватила Карна руками и крепко прижалась к нему.

— Пожалуйста, Карн. Я не хочу покидать тебя. Если ты умрешь, я хочу умереть вместе с тобой. Пожалуйста… — Но с таким же успехом можно было обнимать статую. Даже дерево оказалось бы отзывчивее.

— Не бросай меня так, — кричало мое сердце.

Карн грубо разнял мои руки.

— Вы позорите меня своим поведением, — произнес он хриплым и чужим голосом.

У меня зашумело в ушах, в глазах потемнело. Я не успела вовремя овладеть собой и удержаться от падения. Меня подхватил Томми. Он же помог забраться на крыло флиттера, объяснил назначение рычагов в кабине. Томми, чьи темно-карие глаза пожелали мне доброго пути красноречивее, чем его неловкий язык. Тяжелый люк наверху раскрылся, и все ушли в укрытие.

— Карн, будь осторожен, — крикнула я прежде, чем Томми захлопнул дверь кабины.

Но если он даже и слышал, то не подал виду. Больше не оставалось ничего, кроме как нажать красную кнопку и стартовать.

Глава восемнадцатая

Около минуты флиттер парил над садом. Потом к нему присоединились четыре черных корабля сопровождения.

— Миледи, — из громкоговорителя послышался голос Томми. Мы проводим вас до границ владения, то есть около двухсот километров, но соблюдая радиомолчание. Рычаг на дальнем конце панели регулирует положение вашего щита. Когда я подам сигнал к отправлению, нажмите на него. Вы поняли?

— Да.

— Да хранит вас Бог.

— И вас также.

Я передвинула рычаг и увидела, как деревья внизу на мгновение утратили свои очертания. Заключенная в противовзрывную скорлупу флиттера, я осталась наедине с тоскливым ощущением безвозвратности. Это чувство напугало меня.

Я сказала себе, что всему виной его горе и усталость. Но этот взгляд, полный ненависти… При всей горечи, которая переполняла меня, при всем унижении, которое я испытала, я не могла пове-

рить, что это конец нашего супружества. Долгое сражение, короткая дружба, еще более короткий брак. Я сдержала слезы, готовые появиться на глазах, и стала следить, как горы, которые я успела полюбить, уплывают назад, превращаясь из зелено-голубых и коричневых в черные и пурпурные, а потом в туманно-серо-голубые. Здесь твой дом — твердили их знакомые очертания.

Я провожала их взглядом, пока даже воображение уже не могло угадать их в ровной линии горизонта. Потом Томми со своими солдатами отстал, и свой путь к экватору я продолжила в одиночестве. Час за часом, километр за километром проплывали под флиттером странные бесформенные равнины Старкера IV.

Наконец на горизонте показалось маленькое прямоугольное возвышение с башенками. Вскоре я уже могла разглядеть стены, ров, большие ворота. Я узнала крепость, служившую Домом Уединения по картинке из книжки по истории. Это был один из редких реликтов, оставшихся от недолгой цивилизации, существовавшей на поверхности планеты. Тысячу лет эта крепость и одиннадцать других, подобных этой, стояли без обитателей, прежде чем апостолы Пути не восстановили их и превратили в Дома Уедине-

ния, поделив их поровну между мужчинами и женщинами.

Флиттер быстро снижался, и я стала готовиться к встрече с аббатисой. После посадки мне пришлось подождать несколько минут, потом массивные ворота крепости разошлись, и их створки наполовину ушли в крепостные стены. Из ворот вышла дьяконесса в сером одеянии. Когда она подошла поближе, я спустилась с флиттера и сделала реверанс.

Мир вашей обители.

Дьяконесса поклонилась и ответила в тон:

— Благодать вам и мир, Ларга Жанна. Пойдемте, аббатиса ждет. Служитель позаботится о вашем флиттере.

Малорослая женщина подбежала к флиттеру и забралась в кабину. Я последовала за дьяконессой в крепостные ворота.

Внутренний двор был устроен очень просто. Газон и небольшой сад посреди вымощенной серым камнем площади. Никаких бесполезных растений. Привратница распахнула тяжелую дверь массивного строения, и мы очутились перед широкой каменной лестницей. Поднявшись по ней, мы очутились в гулком холодном коридоре, освещенном настоящими факелами.

Несколько женщин с поднятыми капюшонами своих серых одежд проплыли как тени нам навстречу, поклонившись в нашу сторону и не проронив ни слова.

— Если кто-либо захочет позволить другим обратиться к нему с разговором, он опускает на плечи свой капюшон. Не следует обращаться к тому, кто не опустил капюшона.

Меня приводила в ужас перспектива остаться на месяц в обществе одних женщин, но если они не будут болтать все время, то, пожалуй, это не так страшно. Суровая дьяконесса остановилась возле слегка приоткрытой двери.

— Дьяконесса Альба, аббатиса, в этой комнате.

Три женщины вышли из комнаты, накинув капюшоны. Я неуверенно вошла в дверь. Свет через оконный проем падал на большой дубовый стол. Когда сидевшая за столом подняла голову, я сделала реверанс и стала ждать, когда она заговорит. Темные глаза аббатисы смотрели на меня из тени капюшона сурово и неодобрительно. Так прошло несколько томительных минут. Потом аббатиса откинула капюшон, и я увидела суровое лицо пожилой женщины. Седые волосы, обрамлявшие его, были заплетены в тугую косу.

— Я удивлена тем, что мой племянник позво-

ляет своей жене одеваться столь неподобающим образом. Должно быть, он ушел гораздо дальше по той дорожке, которой следовал мой покойный брат.

Мне было непонятно, что имеет в виду аббатиса. Мое простое облегающее платье ничем не отличается от тех, что носили другие женщины моего ранга. Возможно, мода несколько изменилась с тех пор, когда аббатиса последний раз появлялась за пределами обители. Аббатиса полистала стопку бумаг у себя на столе.

— Ах, вот оно. Карн поручает вас моему попечительству до окончания этого конфликта между Семьями. Это означает, что вы должны соблюдать принятые в общине правила. А это, в свою очередь, означает, что вам придется покрыть ваши вызывающе обрезанные волосы каким-либо скромным головным убором. Я пошлю с вами кастеляншу, она подберет вам что-нибудь. Правила просты. Вы найдете листок, где они перечислены, на столе в своей комнате.

Аббатиса дернула за шнурок звонка. Вошла служительница.

— Покажите Ларге ее комнату, — сказала аббатиса. И принесите ей накидку, подобающую ее положению. Служительница поклонилась

и засеменила передо мной по коридору, потом вверх по лестнице.

Я обратила внимание, что лестница и залы были абсолютно лишены каких-либо украшений. Даже в доме Друмы по особым случаям вывешивались гобелены, а это был один из беднейших Домов. Здесь же на обитателей глядели одни голые стены.

Моя комнатка оказалась маленькой и такой же неуютной, как коридоры. Вся обстановка состояла из узкой кровати, маленького стола, кресла и моего чемодана. Два узких окна без занавесок смотрели во двор и на древнюю крепостную стену.

— Время трапезы 8.00 и 15.00, миледи, спуститесь вниз в столовую. Колокол ударит один раз. Служба — четыре раза в день — три удара колокола. Церковь напротив канцелярии аббатисы.

— Приходит ли сюда почта?

— Ежедневно, миледи. И три раза в неделю отправляется. Письменные принадлежности в столе. Три-д связь дальше по коридору, напротив зала для общего сбора.

— А душевая?

Ах, миледи, в обратную сторону, у лестницы.

— Спасибо. Что касается покрывала для головы,

принесите что-нибудь голубое или белое, чтобы можно было просто накинуть. Оставьте прямо у двери, я хотела бы немного отдохнуть.

Служительница поклонилась и исчезла за дверью. Я уселась на кровать. Она оказалась исключительно жесткой и вполне соответствовала своему внешнему виду. Даже не снимая плаща, я легла и прижала к глазам ладони. Внезапно все пошло прахом и именно тогда, когда казалось, что все налаживается. Минута шла за минутой. Наконец мне стало невмоготу в который раз вспоминать Карна, изваянием стоявшего возле флиттера. Я пошла в душевую, надеясь, что поток горячей воды поможет мне ослабить эти бесчисленные узелки, туго стягивающие тело и сознание. Но на этот раз душ не помог. Я махнула рукой и, завернувшись в свой поглощающий влагу купальный халат, поплелась в свою комнату.

Я снова легла и усилием воли попыталась снять напряжение. Потом около получаса удерживала себя у грани сна. Стало немного легче, и я начала обследовать свой организм. В поместье у меня не было на это времени. Однако на полпути мое сознание прикоснулось к новой жизни. Пораженная, я остановилась. Дни ожидания в тревоге и страхе в патрульном домике, потом бесконечная

радость и облегчение, когда Карн невредимым вернулся обратно — я забыла о своем внутреннем контроле.

Я снова проверила, хотя в таких случаях не может быть ошибки. Он был здесь, его сын, его наследник. Наследник, который спасет ему жизнь. Теперь Ричард ничего не выиграет, убив Карна, потому что Дом Халарека все равно будет иметь своего лорда. Быть может, я подсознательно выбрала мальчика, зная, как отчаянно Карн нуждался в сыне. Действительно ли я «забыла» о самообследовании после возвращения в поместье, дав новой жизни время, чтобы вырасти. Как бы то ни было, во мне созревал ребенок, мальчик, и я могла принести его Карпу как дар любви. Не слишком ли поздно? Сказал ли бы он мне эти несправедливые слова, если бы знал? Захочет ли он поверить мне теперь, когда все так повернулось? Необходимо было это выяснить.

Я подошла к столу, пошарила в ящиках. Листочки пластика, письменные принадлежности, ленты, книжечка галактических марок, сургуч. Я могла выбрать способ отправки послания на свой вкус. Я села перед рекордером, вставила кассету с лентой, потянула кольцо, нажала маленький выключатель и начала.

— Мой дорогой лорд, у меня такая чудесная новость.

Но мне не понадобилось воспроизводить запись, чтобы услышать, как неуклюже и официально звучат мои слова. Я никогда не любила звуковых писем, к тому же рана, нанесенная Карном при нашем расставании, все еще болела. Я достала листок пластика и перо и попыталась составить письмо так, чтобы он поверил в существование ребенка. Я попыталась представить, как он будет читать это письмо, переполненный горем, гневом, обвиняющий меня в своих несчастьях. Я перечитала его еще раз, сунула край пластика в термосклейку и бросила в контейнер для корреспонденции.

Интересно знать, через чьи руки проходит здесь переписка.

На следующий вечер объявление по внутренней трансляции оторвало меня от книги.

— Через минуту по три-д связи будет передано объявление о состоянии войны.

В Домах Уединения редко допускалось пользование три-д связью, поскольку это уводило к мирскому. Состояние войны. Мне не нужно было три-д передачи, чтобы узнать, кто воюет. Я натянула башмаки, набросила накидку и поспешила в

комнату связи. Я никогда, кроме как за трапезой, не видела такого количества серых монашеских одеяний. Экран подернулся полосами, потом на нем появилось изображение зелено-голубых мозаик, обрамляющих зал Совета. Герцог Харлан и Лхарр Одоннел появились в центре экрана.

Лхарр Одоннел поднял подбородок и разгладил крохотную морщинку на рубашке.

— Люди Гхарра! Мы пришли к вам, чтобы поклясться, что убийца молодого Лхарра Халарека не избежит наказания. Я, Лхарр Гаррен Одоннел, приговорил Пауля, герцога Друмы, моего вассала, назначенного опекуном и наследником мальчика, к смерти за совершенное им преступление.

Он умолк, заговорил лорд Ричард.

— К несчастью, Карн Халарек, бывший Лхарр Дома Халареков, похитил убийцу лорда Джерема и леди Катрин из Друмантона и укрыл их в Онтаре до того, как смогло свершиться правосудие. Он отказывается выдать Друму своему сеньору. Поэтому мы решили теперь подвергнуть Онтар осаде.

— При такой приятной внешности такая лживая душа. — Я не заметила, что говорю вслух, пока дьяконессы вокруг не стали оборачиваться, бросая на меня осуждающие взгляды.

Зал Совета мелькнул и исчез. Вместо него появилась библиотека в Онтаре и серое, утомленное лицо Карна. Так близко, так живо и так бесконечно далеко. Мне мучительно захотелось приласкать его и ободрить. Невидимый передатчик отодвинулся назад, и в фокус попали барон фон Шусс, Кит, Пауль и Вейсман.

С заметным усилием Карн выпрямился.

— Милорд, герцог забыл упомянуть, что молодой лорд прибыл в Друмантон уже больным из владений Джастина. Я потребовал расследования, но Харлан, контролирующий голоса Семей в Совете, добился того, что мне было отказано. — От крайнего утомления голос Карна слегка дрожал.

На мгновение на экране вновь мелькнул зал Совета и физиономии Харлана.

— Лжет, засмеялся он. — Все ложь. Он будет любой ценой защищать Друму.

Снова на экране появился Онтар. Карн наклонился к своим далеким слушателям.

— Я обращаюсь к тем Семьям и младшим Домам, которые хотят, чтобы жили их дети, — придите к нам на помощь. Свободные, забудьте о своем нейтралитете — сражайтесь за нашу планету. Свободы больше не будет, если к власти придет Харлан.

Последовала долгая пауза, затем экран снова засветился, перенеся зрителей в комнату какого-то дома. В ней находились Председатель Рид. Советник Дюваль и несколько других Свободных. Лорд Ричард нетерпеливо покашливал. Свободные расселись по местам, вперед вышел Председатель. Казалось, еще шаг вперед — и он окажется посреди дьяконесс.

Председатель Рид оглядел аудиторию.

— Если ваши Дома не возражают, Свободные готовы быть посредниками в этом конфликте. Если же вы не примете это предложение, обе стороны должны предоставить сорок суток, чтобы лица, не участвующие в конфликте, в первую очередь, женщины, могли перебраться на нейтральные территории, в Дома Уединения или в места, которые вы установите по соглашению. Любая Семья или малый Дом, не желающие участвовать в этом конфликте, должны заявить о своей позиции до истечения этого срока. Никто из Свободных не имеет права предоставлять убежище никому из участников конфликта.

— Фрем Председатель, — перебил Ричард, — сорок суток — это предельный срок, установленный еще до Войны, когда не было флиттеров.

Лицо Рида словно окаменело.

— Это время, определенное законом. Вашим законом. Подчинитесь ему и отведите ваши подразделения от Онтара и Друмантона. В противном случае, Совету придется наложить запрет на ваши внешние сношения.

— Свободные никогда раньше не вмеш…

— Мы не вмешиваемся, — лицо Рида стало еще тверже. — Мы только требуем, чтобы правила, выработанные Семьями, соблюдались, и мы заставим их соблюдать.

После долгой паузы лорд Ричард снова заговорил.

— Вы не оставляете нам никакого выбора. Мы отведем войска на три километра назад и пропустим женщин сквозь наши боевые порядки.

— Милорд, в течение сорока суток каждый, кто хочет остаться нейтральным, может покинуть территорию.

— Но, Председатель, это означает, что даже Лхарр Халарек может, если захочет, ее покинуть.

— Может, — сухо ответил Рид, — Хотя и не станет, как вам, я не сомневаюсь, известно.

Ричард продолжал давить на Рида, пытаясь выторговать хоть небольшую уступку, возможно, для того, чтобы у большой аудитории сложилось мнение, что даже Свободные уступают его силе.

Если мы должны пропустить мужчин, я настаиваю, чтобы они несли белые флаги.

— Вы не имеете права настаивать на этом, лорд Ричард. — В тоне Рида можно было различить какой-то намек на удовлетворение. — Белые флаги используются после того, как война уже началась. До той поры каждый свободен уйти, когда он пожелает.

— Но это же нелепость, Председатель! Халарек нашлет на меня целую армию шпионов. Они пройдут через мои позиции, пересчитают моих людей, а потом сообщат ему из какого-нибудь другого владения.

Рид кивнул.

— Он мог бы, но он не станет. Не только его враги, а их большинство, перестанут доверять Халареку после такого бесчестного использования перемирия. Вы знаете закон, подчинитесь ему. — Сказав это, Рид выключил передачу.

После этой передачи я надеялась получить хотя бы слово от своего лорда. Надвигается война. Это должно все изменить. К тому же, я помнила, что пока Джемми был жив, именно опасаясь войны, Карн решил отправить меня в безопасное место.

Прошла неделя, другая. Женщины из различных Семей стекались в Дом Уединения, заполняя

все свободные комнаты. Три недели прошло — вполне достаточный срок, чтобы Карн получил мое письмо и мог ответить. Истек срок перемирия. Должен же был Карн послать хоть что-нибудь. Но я ничего не получила.

Я отчаялась увидеть его или хотя бы услышать. Шансы были не на его стороне. Все это говорили. Говорило об этом и то, как Ричард манипулировал Семьями, и бесстыдное объявление войны. Нужно было заставить Карна выслушать меня.

Посылка письма не удалась. Если он не ответил на письмо, то едва ли поможет и магнитофонная лента. Может быть, он не откажется поговорить со мной по три-д связи. Я обратилась с просьбой к аббатисе связать меня с Онтаром. Она даже не захотела обсуждать этот вопрос. Значит, нужно вернуться в Онтар.

Я была настолько уверена, что аббатиса не позволит мне покинуть обитель, что даже не стала говорить с ней об этом. Я вышла к навесу, где стояли флиттеры, и попыталась запустить свой. Ничего не получилось. Даже часы на панели управления стояли. Я не знаю, что бы стала делать, если бы флиттер взлетел. Мне никогда не приходилось управлять такой машиной. Я не знаю даже, были ли переключатели панели

установлены на возвращение в Онтар.

Я опустилась в кресло пилота, свернулась калачиком, насколько это позволяла нарождающаяся во мне жизнь, и плакала до тех пор, пока глаза не распухли и не превратились в узкие щелочки.

— Мой лорд, что я сделала, чем заслужила такое отношение?

Я долго сидела в кабине, охваченная болью и отчаянием. Прошел не один час, прежде чем я овладела своими эмоциями и смогла выйти.

Едва я начала подниматься по лестнице на свой этаж, как меня догнала служительница и указала на кабинет аббатисы. Суровая тетка Карна была последним человеком, которого мне хотелось бы видеть, но Альба все-таки была аббатисой.

Когда я вошла, она взглянула на меня и холодно сказала:

— Вы, возможно, не читали правил, касающихся временных гостей, Ларга! Вы не можете покинуть обители, пока не кончится война или пока ваш муж отзовет вас обратно. К счастью, лорд Ричард предвидел, что некоторые женщины могут попытаться нарушить перемирие и вернуться обратно, поэтому он послал человека, который вывел из строя машины.

Я смотрела на нее и недоумевала, как может

она доверять смертельному врагу своего племянника.

— И не нужно смотреть на меня такими глазами, Ларга. Лорд Ричард, очевидно, прав. Вы останетесь здесь. Если вы понадобитесь моему племяннику, он пошлет за вами. До этого времени он ожидает, что вы будете вести себя как Ларга Халарека, а не как безумная своевольная чужестранка. Можете теперь пойти в свою комнату и поразмыслить над своим поведением. — Аббатиса подняла капюшон и отвернулась.

Мне пришлось проглотить свое негодование. Аббатиса дала понять, что разговор окончен. Спорить бесполезно. Это еще больше обострит наши отношения. *Я* повернулась и вернулась к себе.

Последующие недели принесли очень мало новостей о ходе войны. Если не считать серой накидки и капюшона, ничто не связывало меня с жизнью общины. Накидка, по крайней мере, будет до поры скрывать мою беременность, а капюшон избавлять от ненужных собеседников. Раз в неделю я ходила в церковь к причастию. Я не читала священную книгу и не размышляла о прочитанном. Я молилась.

Даже находясь среди других женщин, принадлежащих Семьям, например, во время трапезы, я

оставалась одинокой — нас всегда разделяла дистанция. Я не могла никому доверять, ни с кем я не могла говорить, поделиться своими страхами, рассказать о сыне, которого я ждала. Вокруг не было никого, кто помог бы мне разобраться в своих чувствах, выйти из состояния неуверенности и неопределенности.

Быть может, Карну стало безразлично, смогу ли я дать ему наследника? И все из-за долгого ожидания по моей вине? Нет, не может быть. Дом Халарека значит для него слишком много. Винит ли он все еще меня в смерти Джемми? Все еще ненавидит меня? Все еще любит? Круг за кругом — и нет выхода из этой карусели вопросов и сомнений, начало и конец которой в депрессии и отчаянии.

На случай, если что-то помешало моему письму дойти по адресу, я заставила себя попробовать вновь. И опять, и опять. В ответ — ни слова. Захваченная этим водоворотом вопросов, сомнений и отчаяния, я еще больше ограничила свое общение с другими женщинами. Я не снимала капюшона даже во время еды. Я часами бродила по крепостным стенам, вглядываясь в иссушенные равнины, отделявшие меня от дома. Над этими равнинами пронеслось лето и, заглянув в

маленький садик обители, отправилось дальше к северу. Солдаты Харлана в зеленой форме установили «защитную» зону вокруг крепостных стен. Я гадала, то ли у них было на это разрешение Совета, то ли Ричарда больше не интересовало мнение этого органа.

Порой я слышала, как в трапезной обсуждался ход войны. Владения Друмы были полностью в руках Ричарда (в действительности, в руках Одоннела, но это, в конце концов, одно и то же). Дом Харлана теснил Дом Халарека километр за километром, гектар за гектаром. В многочисленных наступлениях и контрнаступлениях Онтар неоднократно попадал в осаду. Но я знала, что все это никак не могло повлиять на почту. Вся почта переправлялась Гильдией, а Гильдию не беспокоил никто.

Я все больше убеждалась в том, что Карн просто не хочет общаться со мной, и эта уверенность породила во мне глубокую горечь. Я ведь так была уверена, что он *любит* меня, и что наша любовь может справиться с любыми бедами. Я была одинока, покинута. Единственным свидетельством того, что я была любима, остался мой ребенок.

Когда листья нашего садика начали желтеть, я, тщательно подбирая слова, составила послание

Первому Коммерсанту Тремо. Потом по-фрувански, медленно и внятно для чужеземца, прочла его перед рекордером.

— Я не могу связаться со своим лордом. Не знаю, действительно ли таково его желание. Следует ли мне обратиться за помощью извне? Несомненно, ваши связи и связи моего отца могли бы спасти его. Если вы сочтете это стоящей идеей, не поможете ли вы мне.

Я щелкнула выключателем и задумалась. Мне необходимо было знать.

Я хочу знать правду, Сэм, какова бы она ни была. Если Карн должен погибнуть, или погибнуть только для меня… — Я не могла продолжать в том же духе. Добавив в конце: — Передайте ему, что я люблю его, — я перемотала запись, запечатала пакет, надписала адрес и бросила в почтовый контейнер.

Неделю спустя одна из младших дьяконесс постучала в мою дверь и просунула голову в дверь.

— Простите, что беспокою вас, но аббатиса Альба хочет с вами поговорить.

Альба встретила меня у двери своего кабинета.

— Здесь был человек Гильдии и хотел повидать вас. — Должно быть, она заметила, какой радостью для меня оказалась эта новость это значило,

что наконец-то мой крик достиг чьих-то ушей. Аббатиса нахмурилась и строго продолжала: — Я, конечно же, не могла ему позволить говорить с вами и отослала его.

Я в ярости повернулась, чтобы уйти, но аббатиса остановила меня, положив руку мне на плечо.

— Он сказал, что дело неотложное и касается моего племянника, поэтому я разрешила ему оставить вот это, — она вложила мне в руку кассету с лентой. Я надеюсь, что это добрые вести.

Мягкость последних слов аббатисы удивила меня, да, кажется, и ее тоже. Она резко повернулась и исчезла в своем кабинете, плотно притворив дверь за собой.

Лента содержала очень мало новостей. Сэму не позволили проникнуть в Онтар, откуда не доходили даже слухи.

«Ларга, я сделал все, что мог. Я переслал ваше письмо в поместье с Вейсманом. Его блокировали в городе во время последней осады, и ему пришлось укрыться в помещении Гильдии. Он поклялся любовью к своему лорду, что проберется в Онтар. Когда Харлана на несколько часов отбросили, он направился туда».

Пришел рождественский пост с дождями и морозом. С каждым днем усиливалось во мне

чувство горечи, а мысли становились все более и более злыми. Меня снова предали. Он использовал меня. Мужчины, которых я встречала в своей жизни, говорили себе, — пусть она думает, что я люблю ее, — и принимались убеждать меня в этом. И я верила им. Ланс теперь богат, как он и мечтал об этом всегда. У Карна будет сын, которого он хотел. Теперь меня уже дважды одурачили. Хуже, чем дважды, потому что Карн никогда не притворялся, что верит в любовь между мужчиной и женщиной. А если вспомнить, то он несколько раз говорил о такой любви, как о чем-то скверном. Каждый раз цепочка горьких мыслей кончалась одним и тем же — почему же я не могу перестать его любить? Я разлюбила Ланса почему я продолжаю себя мучить?

Мои дни сменяли друг друга так же однообразно, как дождевые капли на стекле. Я не покидала своей комнаты, кроме как для трапезы или для долгих одиноких прогулок по крепостной стене. Погода мне была безразлична, эти прогулки приносили облегчение. Женщины из Семей начинали скучать и искали новых собеседников, но я не хотела их видеть. Они напоминали мне о жизни, которую я должна была забыть. Но с каждым днем росла во мне частичка, оставшаяся

от той жизни, и вместе с ней все глубже становился конфликт между жившей в моем сердце неколебимой верой в то, что Карн любит меня, и уязвленной гордостью, не устававшей мне повторять, что я предана и покинута. Каждый день из разговоров в трапезной я узнавала о постоянном ослаблении позиций Халарека и о невероятном ожесточении нового крестьянского восстания. Война разрушала все Дома.

Прошло Рождество, лишенное праздничного веселья, разве что на службе в Сочельник зажгли побольше свечей. Даже на святой день мой лорд не прислал ни слова. Через два дня после Рождества я сидела у своего окна и слушала, как завывает снаружи ледяной ветер. Кто-то постучал в дверь. Я не отозвалась, решив, что кто бы там ни был, пусть уходит. Стук повторился. Потом дверь еле слышно отворилась. Я раздраженно повернулась, но резкие слова не успели слететь с языка. Бледная и тяжело опирающаяся на Донну, в дверном проеме стояла Кит.

— Мир, Жанна, — ее голос был тоненькой ниточкой звуков.

— У меня нет мира, — я отвернулась к окну. Неужели после месяцев молчания Кит надеялась на восторженный прием?

— Миледи…

— Тихо, Донна! Помоги мне сесть.

По шороху я догадалась, что они прошли по комнате, и Кит опустилась в кресло у стола. Было слышно, как она тяжело дышит, потом прозвучал ее хриплый голос:

— Я пришла к вам, Жанна, со словом от вашего лорда.

Мои пальцы вцепились в подоконник. Слова душили меня.

— Он слишком долго собирался. Мне больше не интересно, что он хочет сказать.

— Слишком долго? — голос Кит дрогнул от возмущения. — Вы несправедливы. Разве две недели это долго?

— Две недели? — я не смогла совладать с собой и слишком поздно сообразила, что короткий и злой смешок, сорвавшийся с моих губ, прозвучал как грубость. Я повернулась к Кит. — Леди Катрин, я провела здесь в одиночестве четыре долгих месяца, не получив ни единого письма ни от моего лорда, ни от вас, ни от людей, которым, как мне казалось, я не чужая. Спустя столько времени и после стольких мучений мне уже все безразлично.

Кит посмотрела на меня долгим и внимательно

ным взглядом.

— Может быть, вам безразлично, что привело Карна к гибели?

Время остановилось. Кровь отхлынула от головы, и в глазах у меня потемнело. Мне пришлось ухватиться за подоконник.

— Он мертв? Как? — прохрипела я.

Кит покачала головой.

— Нет. Пока. Тетушка Альба сказала, что вы замкнулись в себе. К сожалению, слишком поздно, Жанна, когда вы уже успели все разрушить.

— Разрушить? — я почувствовала внезапную слабость.

Кит тяжело поднялась и медленно пошла к двери.

— Пойдемте, я вам покажу. Вы, кажется, единственная на Старкере IV, кто еще не знает.

Глава девятнадцатая

Кит привела меня в комнату Совета. Вся палата Совета была на месте. Члены Совета сидели тихо и ждали с необычным для них нетерпением. Карн тоже сидел за столом, но солдаты, все в разной форме, стояли вокруг него, как будто он был преступник. Председатель призвал собрание к порядку.

Лорд Ричард, вы собрали нас по срочному делу. Разъясните нам обстоятельства.

— Лорды и вы, Свободные люди. Много месяцев то, что сейчас могу доказать, было лишь моим подозрением. Я собрал вас, чтобы обвинить публично лорда Карна, Лхарра Дома Халареков, в преступлении против Старкера IV.

Все находившиеся в комнате вздрогнули, хотя каждый знал, зачем он приглашен. Лорд Ричард, дождавшись, когда сказанное дойдет до слушателей и произведет наибольший эффект, продолжал:

— Мои наблюдения охватывают период его юности, а также правления и после…

Рид перебил его.

— Милорд, мы, собравшиеся здесь, Свободные

люди и члены домов, но не слуги. Не старайтесь играть словами. Карн Халарек был и остается Лхарром. Информация о смерти лорда Карна — очевидная ошибка. В то же время именно ваши солдаты схватили его, стараясь убить его и Ларгу. Это ваши солдаты принесли известие о его смерти. Вы тоже можете быть обвинены, так что называйте Лхарра его титулом и обратитесь к фактам.

— В данный момент титулы не важны, — угрюмо возразил Ричард. — Каждый человек должен отвечать за свои поступки, и, как вы знаете, по древнему закону он отвечает и за поступки своей жены. Итак, я обвиняю Карна Халарека в нарушении этого закона.

Он снова остановился, дожидаясь произведенного эффекта. Многие дьяконессы повернулись ко мне, затем так же отвернулись обратно. Лорд Ричард положил руку на стопку бумаг и пленок на столе Харлана. Его глаза продолжали следить за Девятью.

— Вы также знаете, Лхарр привел в свой Дом женщину из старого Ампира. Он дал ей много свободы. Она оказалась недостойна доверия, как и любая женщина. Он прямо посмотрел на Карна. — Лорд Карн, когда вы в последний раз

слышали о Ларге?

— Я не думаю, что это кого-нибудь касается.

Лорд Ричард дал другим время понять, что он имеет в виду, затем продолжал:

— Я знаю точно, милорд, что вы не слышали о ней ничего с того момента, как она покинула вас.

— Прошло сто шестьдесят пять дней, милорд. И она не покинула меня. Я отослал ее.

— Тогда вы бы знали.

— Прекратите свои споры, Ричард, и вернитесь к существу вопроса.

— Вы знаете, что ваша жена объединилась с любовником в действиях против Старкера IV.

Карн вскочил на ноги:

— Это ложь!

— Вы узнали бы ее голос, милорд?

Я ненавидела тихий доверительный голос Ричарда так, как не ненавидела никого до этого. Он был достаточно умен, чтобы не называть ничьих имен. Его непрозвучавшее сообщение о том, почему Карн выбрал меня, показывало, что он не собирается настраивать никого против себя, выдавая свою ненависть к Халарекам.

— Если мне разрешат включить запись?.. — Лорд Ричард посмотрел на Председателя Рида. Тот

кивнул. Ричард указал рукой на одного из своих родственников. — Один из моих помощников, действуя по моему приказу, обследовал комнаты Торговца Сэма Тремо.

Волна возмущения прошла по Совету. Лорд осмелился проникнуть в залы Гильдии.

Лорд Ричард, проигнорировал это.

— Среди всего найденного там есть одна очень интересная запись, которую вы сейчас услышите.

Я окаменела, как будто обвиняли меня.

— Сэм, любовь моя, пошли за помощью из другого мира. Карн должен умереть.

Недоверие, затем ужасная боль исказила лицо Карна. Во мне все перевернулось. Его обвиняли опять после того, как он нарушил все принятые им правила и позволил себе любить меня.

— Я не знаю, что вам говорили, мой лорд, — продолжал обвинитель, — но вы были ранены убийцей примерно месяц назад, не так ли?

Палата Совета замерла в мертвой тишине, затем взорвалась. Председатель Рид долго призывал к порядку, прежде чем смог его установить.

— Я знаю, здесь не было ни слова правды, — прошептала Донна мне на ухо.

— Это голос Ларги, лорд Карн? Риду, казалось,

не доставлял удовольствие этот вопрос.

Прозвучал низкий и хриплый голос Карна:

— Да!

— Громче, милорд, — прошипел магистр Гормсби.

— Вы принимаете это, как доказательство, лорд Карн? — мягко спросил Рид.

Карн стукнул кулаком по столу.

— Нет! Клянусь всеми богами, нет! — Его голос звучал пугающе громко — Это непохоже на нее, она не могла сделать это! И фруван тоже не мог. — Он тряхнул головой и прошептал: — Они не сделали бы этого.

— Могу я привести доказательства, господин Председатель? — Тот кивнул, и обвинитель привел очевидцев моих визитов к Сэму, свидетелей постоянного участия Томми. Это были слуги, которые видели, как я направлялась в Онтар с Томми, солдаты Халарека и сам Томми, которому напомнили, что он видел Тремо, фамильярно державшего меня за руку и разговаривавшего со мной на языке, который никто не мог понять. Затем выступил вперед слуга Харлана и сообщил, что видел Тремо, входившего в дом, где я жила.

Затем Харлан повернулся к Совету:

— Я велел вчера арестовать Тремо. К сожа-

лению, он упорно сопротивлялся, получил серьезные повреждения и не может находиться с нами сейчас, но солдаты, арестовавшие его, все могут подтвердить.

Кроме того, Ричард привел доказательства, полученные им от «друга Старкера IV» — ромские записи, письмо, которое Вейсман посылал моей семье, и письмо моей матери. Затем для освидетельствования появились леди Агнес, Жаклин и Тамара. Они утверждали, что видели меня в комнате Лхарра, где я писала письмо в день, когда мы вернулись из Цинна.

Карн стоял и смотрел на Председателя в упор:

— В ту ночь она посылала письмо мне. — Его голос был ясен, но слегка дрожал.

— До вас дойдет очередь, — угрюмо сказал герцог, — Следующий свидетель.

Вейсман заметно волновался.

— Расскажите Совету, Вейсман, что вы делали в ночь, когда Лхарр и Ларга вернулись из путешествия по горам.

Вейсман облизал губы.

— Я направился в Гильдию, милорд.

— Зачем?

— Ларга дала мне письмо. Она сказала, это очень важно. Мне пришлось сразу идти.

— Для кого предназначалось письмо?

— Я… я не знаю, милорд.

Ричард с сомнением поцокал языком.

— Так ли это, сэр? Ваше любопытство общеизвестно. Не говорите нам, что даже не взглянули на адрес.

Вейсман уставился на Карна, герцога, Председателя Рида и снова на Карна. Он разжал губы.

— Оно было адресовано Питеру Верлиту, милорд.

— Лгун, невероятный лгун! Я погрозила кулаком маленькому человечку.

Дьяконесса сердито поглядела на меня.

— Расскажите нам, кто такой Питер Верлит, Вейсман.

Вейсман разжал губы.

— Ее брат, милорд. Однажды он предлагал ей забрать ее домой. Я знаю, потому что носил ей сообщение.

Удивляюсь, как он мог узнать это. До этого он казался неспособным даже выучить другие языки. И если ему пришлось переводить это, почему он не упомянул о моем отказе?

Ричард повернулся к скамьям, где сидели люди из Девяти:

— Ее брат — капитан звездного корабля, госпо-

да. Один такой корабль может привезти армию больше любой из имеющихся у нас. Предложение увезти ее домой должно было значить что-нибудь еще, раз она осталась здесь. Это все, Вейсман?

Итак, Вейсман не сообщил лорду Ричарду об отказе. Или он не слышал его. Либо лорд Ричард предпочел скрыть это.

Глаза Карна горели желтым пламенем на его бледном лице. Он поджал нижнюю губу и провел дрожащей рукой по волосам. Этот знакомый жест прогнал прочь все приступы гордости, с которыми я боролась. Его предали. И произошло это по моей вине.

Вейсман двинулся к выходу, но остановился около Карна.

— Милорд?

Карн вопросительно поглядел на него.

— Милорд, я не хотел говорить. Правда. Я бы никогда не обманул ваше доверие, но он, — он показал дрожащим пальцем на герцога, — он угрожал расправиться с моей сестрой и ее ребенком, если я буду молчать. Пожалуйста, милорд…

Карн кивнул, и Вейсман поспешил удалиться из комнаты.

Лорд Ричард представил огромное количество доказательств, которые составили полное

обвинение. Карн сидел с каменным лицом и наблюдал, как рушатся его мечты и репутация. После того, как выступление герцога было закончено, Председатель Рид объявил перерыв, который только продлил мои мучения.

Как умело составлено обвинение. Поверит ли мне теперь кто-нибудь? А Карн? Как может он верить мне? После всего этого?

Председатель Рид прошел через секцию Свободных людей к столу и призвал собрание к порядку.

Карн встал:

— Я настаиваю, чтобы запись была проверена независимым экспертом.

Рид кивнул:

— Принято. Не так ли, герцог?

Ричард повернулся к Председателю:

— Конечно, ваша честь. Но они ничего не найдут там.

— Спасибо, милорд, — Карн обратился к остальным членам палаты: — Могу я полагать, что запись является самым сильным доказательством в ваших глазах, лорды и Свободные люди?

Все закивали головами, и ропот прокатился по залу.

— Тогда будем считать, что пока пленка не про-

верена, Остальные доказательства вины вполне объяснимы и не имеют значимости.

— Вы просите очень о многом, — запротестовал лорд одного из малых Домов.

Карн поднял руку. Протестующие затихли.

— Но все эти показания моя жена могла бы опровергнуть, будь она здесь. — Он остановился, глядя на поверхность своего стола. Когда он поднял голову, черты его лица обострились.

Если вы не хотите сделать это, по крайней мере, поделите, что идет из уст самой Ларги, а что исходит от герцога и его шпионов. Вы знаете, лорд Ричард считает, что у него есть причины ненавидеть меня и желать моей гибели.

— Мы знаем о вашей кровной вражде, — голос Председателя был сух.

— Давайте проголосуем, — крикнул кто-то с задней скамьи.

— Джентльмены, джентльмены, — Рид призвал к порядку, и взоры всего зала обратились к нему. — Кто за то, чтобы поделить обвинение, пожалуйста, встаньте.

Старая Партия дала только один голос за разделение. Голоса остальных поделились поровну. Напряжение в палате Совета нарастало. Я затаила дыхание и наблюдала за Председателем. Если

он проголосует со Старой Партией, все, над чем Карн так долго работал, будет разрушено, а сам Карн погибнет.

Председатель посмотрел прямо Карну в глаза.

— Я голосую за Халарека.

Карн пошатнулся и ухватился за край стола, чтобы сохранить равновесие. Первый раз подобие какой-то краски появилось на его лице. Он поднял голову. Надежда светилась в его золотых глазах. Он смотрел прямо на меня. Я думала, мое сердце остановится. Я вцепилась в Кит.

— Я обещала ему, что ты увидишь это, как бы ни было сложно привести тебя сюда, — пробормотала Кит.

Карн повернулся к палате.

— Я вам очень благодарен, господин Председатель. — Он пронзил герцога взглядом, — Ричард уже пытался обвинить мою жену в неверности. Мне удалось защитить ее. По правилам, я могу предложить Ричарду Харлану доказать свою правоту в бою.

Председатель кивнул, и Карн вытянул руку, указывая прямо на герцога.

— Ричард, герцог Харлана. Я, Карн, Лхарр Халарека, называю тебя трусом и лжецом и предлагаю тебе дуэль.

Наступила тишина.

Ричард побелел. Дом Халареков еще не уничтожен, и он не может отклонить вызов. А в случае дуэли существует шанс, что его убьют. Он загнал в угол Карна Халарека, но он не учел, что то же самое могут сделать и с ним.

Председатель Рид откашлялся.

— Это ваше право, лорд Карн. Если герцог победит, его обвинения будут считаться доказанными.

— Я знаю это, господин Председатель. Многие из вас уже считают их таковыми. Если я не буду драться, я и моя жена так или иначе умрем. Так я, по крайней мере, умру как мужчина.

Вновь воцарилось молчание, затем Рид постучал по столу.

— Заседание Совета завершено. Все свободны за исключением герцога Харлана, Лхарра Халарека и их помощников.

Образ пустеющей палаты с Карном, Ричардом, Гормсби, Томми, Эмилем фон Шуссом и Лхарром Одоннелом, стоящим с Ридом в центре, долго преследовал меня. Я была уверена, что не смогу двинуться с места. Но также я знала, что останься я в зале на секунду дольше остальных, это будет замечено дьяконессами, которые еще оставались

в комнате и не делали попыток приглушить свои голоса, обсуждая то, что они видели только что.

— Лхарр такой хороший мужчина. Как жаль, что ему придется умереть.

— Да, он сделал ошибку, женившись на женщине столь легкомысленной.

— Герцог убил уже многих?

— Да, к сожалению. Многие из них были молоды.

— Халарек не юноша.

— Тем не менее я думаю, что у него не много шансов. Я видела герцога в турнире.

— Тогда почему он избегал дуэли до этого?

— Герцог не рискует без необходимости.

Я не могла больше выносить этого.

— Я иду к себе в комнату, — прошептала я Кит. — Приходи, когда сможешь, — Я выбежала из зала и прислонилась к стене. Карн предпочел умереть, сражаясь, а на эту битву будут смотреть ради собственного удовольствия!

Карн, Карн, что я натворила! Почему я была так слепа?

Я добралась до своей комнаты и бросилась на постель, стараясь прийти в себя, но у меня ничего не выходило.

О Боже, если Ричард убьет его, что тогда делать

мне? Соберись, ты опять думаешь об этом. Дыши спокойно, отвлекись.

— Ларга, Ларга! — Донна трясла меня. Мы не могли прийти раньше. Что мы будем делать? — Я посмотрела на Кит.

Кит вздохнула.

— Ты знаешь, что по обычаю ты должна быть там, чтобы следить за боем. Но пройти через охранников Харлана нелегко. Хотя на закате ты можешь сесть во флиттер и улететь, оставив его одного.

— На закате. — Я закрыла лицо руками. До него осталось так мало времени. Кругом так много солдат, но видеть Карна умирающим…

— Кит, что значит аутранс, о котором говорили на заседании?

— Смерть. Для одного или двух — неважно. Кто-то должен умереть.

Я не могла удержаться от вопроса:

— Будет ли это Карн?

Кит посмотрела вдаль.

— Я могу надеяться, молиться, чтобы это был не он, но Ричард очень опытен, а у Карна плохо действует левая сторона тела от нанесенной убийцей раны. Это потребует от него невероятных усилий, и я не знаю, где он возьмет столько сил сейчас. Да

и за что ему осталось бороться?

Владения разрушены, семья разобщена, у него едва хватает денег, чтобы прокормить людей даже после того, как он продал большую часть земли. Весь экспорт перешел к Харлану. Карн даже не верит, что ты еще принадлежишь ему. — Кит снова взглянула на меня, и ее глаза наполнились слезами. — Да, я думаю, он умрет.

Все происходило слишком быстро.

— Кит, не упрекай меня. Я не вынесу этого. Я писала ему, я плакала, а Карн не отвечал. Что могла я подумать кроме того, что он меня бросил?

Кит тряхнула головой.

— Я не могу понять, что было не так, но результаты были очень на руку Ричарду. — Она посмотрела на часы. — Я скажу тебе, что будет происходить, когда мы уедем. Мы должны подумать, как мы будем выбираться отсюда.

— Но что говорили об убийце?

— Он исчез, как и убийца Тана.

Люди Ричарда в нашем доме. И Карн был здесь один. Он готовился не только к тому, что его убьют. Он знал, что сначала последуют обвинения, и все это из-за меня.

— Кит, — теперь я могла говорить только шепотом, — сможет ли он любить меня после всего

того, что я сделала ему?

— Пусть он сам ответит тебе, — Кит вручила мне магнитофон с пленкой. — Он сделал запись в последнюю ночь, в надежде, что ты не сможешь проигнорировать ее, как ты это сделала с другими.

Мои руки так тряслись, что я не сразу могла включить запись. Наконец пленка начала двигаться.

Его голос. После стольких дней без надежды.

— Дорогая Жанна, почему ты не отвечаешь на мои письма? Почему не хочешь вернуться домой? Ты говорила, что любишь меня только из мести? Я… — голос Карна пропал, наступила пауза. — Если ты так боишься иметь моего ребенка, я назначу наследника из кузенов. Только возвращайся! Ты нужна мне!

Глава двадцатая

Радость и грусть, растущее беспокойство о возвращении домой охватили меня одновременно. Он по-прежнему любит меня!

Надо вернуться к нему. Но не было причины попросить аббатису о разрешении уехать. Альба потребует письмо с печатью Карна, как законное требование моего возвращения в Онтар. Даже если мы с Кит убедим ее дать разрешение самой, нет никакой причины верить в честное исполнение его солдатами Харлана.

Я повернулась к своей золовке.

— Кит, перемирие давно закончилось. Как тебя пустили сюда?

— Член Совета Дюваль достал нам пропуска. Но их только два. Если тебя узнают, нет ни малейшего шанса попасть в Онтар.

— А если я останусь здесь?

— Солдаты Совета или Ричарда придут за тобой после дуэли.

После дуэли. Когда Карн будет мертв.

Тогда я попаду на экзекуцию. Смерть нам обоим по спланированному и разыгранному сценарию. Если я обречена, что бы я ни делала, я буду про-

бираться к моему мужу.

Я обернулась.

— Донна, на пропуске есть ваш портрет?

Донна достала пропуск. Осмотрела внимательно.

— Нет, миледи. Он для служанки леди Катрин фон Шусс.

Я взяла ее за руку и заглянула ей в лицо.

— Донна, я умоляю вас. Я не приказываю вам, это опасно. Не поменяетесь ли вы со мной одеждой, не останетесь ли здесь вместо меня? Если вы побудете здесь несколько дней, это будет безопасно. Если я останусь жива, мой лорд и я вернем вас домой. Но если я погибну, вас могут убить.

Кит кивала, соглашаясь. Донна все поняла. Она опустилась на колени и поцеловала мою руку.

— Ларга Жанна, я сделаю все для вас. Вы и Лхарр были первыми, кто обращался со мной, как с живым существом.

Я освободила руку.

— Если я останусь жива, ты станешь свободной женщиной, Донна.

Мы обменялись одеждой. Надо подождать смены караула, чтобы не заметили подмены.

Моя любовь на краю смерти, а я все еще так далеко.

Кит вздохнула с облегчением.

— Нам поможет зимняя темнота. Если мы полетим без огней, люди Ричарда заметят нас только у ворот площадки.

Оказывается, правда, что я читала о том, что слуг здесь не замечают. Донна поправила на мне одежду. Я была готова.

— Я смогу пройти?

— Что ж, — сказала Кит. — Ты словно собралась прыгнуть в котел. Но через месяц или два, проведенных дома, все пройдет, не так ли?

— О, Кит! — Я обняла ее. — Я писала Карну, но никто об этом не знал.

Ее улыбку как рукой сняло.

— Никто, кроме человека, взявшего письма, и Ричарда.

— Да, кроме них.

Кит смотрела на меня пристально.

— Ты действительно не в себе.

Солнце висело низко, но до последних лучей оставалось еще несколько часов. Мы провели их в тишине, каждая погрузилась в свои мысли. Мое волнение росло, но я предчувствовала избавление. Я что-то смогу сделать. Я напомнила Донне все предосторожности в поведении: накинутый капюшон, опущенное лицо, прогулки на виду

у патруля. Я и Кит вышли в коридор. Все были в церкви.

Иди медленно, немного позади Кит. Держи голову опущенной.

Кит шла медленно. Каждая моя клеточка кричала, что надо торопиться, но я сдерживала изо всех сил свое нетерпение, зная, что Кит рассчитала время. Казалось, мы идем уже несколько часов через холлы, вниз по ступеням. Медленно мы пересекли двор, где стояли флиттеры. С каждым шагом я ощущала взгляды стражи на себе. Я ждала, что кто-нибудь из них поднимет тревогу.

Наконец-то мы подошли к флиттерам. Флиттер Кит был за спиной у стражника, окрашенный в цвета Дома фон Шусса, а не Халарека. Кит повелительно обратилась к солдату.

— Помоги мне сесть в мой аппарат. — Кит говорила с уверенностью привычной отдавать приказы дамы.

Солдат приветствовал ее.

— Извините, миледи. Ни один флиттер не может улететь. Приказ Совета.

— Я прибыла с пропуском, в этом корабле, сегодня утром. Я должна быть дома рано утром завтра. Позови командира, — голос ее был ледяным.

— Миледи… — начал было солдат.

— Ну!

— Да, миледи. То есть, нет, миледи. — Солдат отдал честь и поспешил прочь.

Это было не похоже на Кит. Ей было тяжело перенести такое. Вдруг заподозрят неладное? Почему он долго не возвращается? Нас подозревают? Если нас разоблачат…

Средних лет офицер подошел к нам. Кит решила нападать.

— Сэр! Эта задержка непростительна! Наш пропуск от Совета гарантирует свободный доступ туда, куда мне необходимо. Даже лорд Ричард не стал бы противиться Совету в этом вопросе. Я хочу сейчас же уехать!

Офицер поклонился.

— Миледи, я сожалею, но идет война. Позвольте ваши документы, пожалуйста.

Кит почти швырнула их ему. Он их внимательно изучил.

— Все в порядке, миледи. Сейчас я подготовлю корабль. Только разъединенный провод. Позвольте помочь вам войти?

Он поднял ее на флиттер, предоставив мне самой совершать этот акробатический номер. Нечего удивляться. Конечно, ему в голову не придет помочь служанке.

Пришлось постараться. К счастью, этот офицер был занят проводом, а не девицей, карабкающейся во флиттер.

Закончено! Я кричала ему в душе: «Убирайся отсюда! Пройдут часы, пока мы доберемся домой. Карн может умереть, не узнав… Господи, не дай ему умереть прежде, чем я скажу, что люблю его!»

Офицер удалился. Я устроилась за спиной у Кит. Двое солдат покатили флиттер. Мотор кашлял и умолкал несколько раз. Я нервничала. Кит попыталась снова. Двигатель заработал. Флиттер взлетел, и я вздохнула. Первый шаг на долгом пути домой.

Кит немного отрегулировала приборы и наклонила кресло. Ее кожа казалась прозрачной. Она закрыла глаза и лежала так тихо, что я подумала, не потеряла ли она сознание.

Кит заговорила, не открывая глаз.

— Карн так много потерял. Ты его жизнь, но ребенок стал бы его отдохновением. Ты ведь не знала, да? Замок — это все, чем мы теперь владеем. — Она удобнее устраивалась в кресле. — С нами покончат без Свободных, а они не хотят видеть, что с ними будет, если Ричард захватит Халарек. Если это касается Семейной чести, они

надеются остаться в стороне от драки. Я молюсь, чтобы они прозрели. Только четыре дня назад рабы в Лондоре, свободном городе рядом с Одоннелом, убили около сотни Свободных. Если это не убедит их… — Она опустила ладонь на мою руку. — Я наговорила тебе слишком много ужасных новостей. Попробуй уснуть, Жанна. Завтрашний день легче будет встречать, если ты не будешь совсем изнуренной.

Я наклонила кресло. Невозможно заснуть. Картины умирающего Карна или мертвого Карна плыли передо мной, едва я закрывала глаза. Мертвый.

Я взглянула на Кит.

— Если Карн хочет, чтобы я была дома, почему он не приехал за мной?

— Знаешь, его ничто не остановило бы, даже война, если бы он был уверен в тебе. Но он не уверен. Он боялся, я думаю, что после всего, что он сказал тебе, ты не захочешь его видеть. И ты была в безопасности в Доме Уединения.

Ее голос дрогнул. Она выпрямилась в кресле.

— Я думаю о Ричарде. До рассвета только четыре часа. Я хочу отомстить, насладиться местью, пока я жива.

Она соединилась с Домом Харлана и потребова-

ла на связь лорда Ричарда. Офицер связи смотрел на нее ледяными глазами.

— Извините, мадам, но его высочество отдыхает. Он не желает, чтобы его беспокоили.

— Разбуди его! — бросила Кит. — Это сообщение не для миньона. Это срочно, и тебе не поздоровится, если он узнает, что меня не соединили с ним.

Офицер колебался.

— Как прикажете доложить?

— Леди Катрин фон Шусс.

Человек исчез. Через минуту красивое лицо Ричарда Харлана появилось на экране.

— Мой потенциальный любовник проснулся, — сказала Кит тихо, но так, чтобы он не мог не расслышать. Ричард разглядывал ее молча минуту или две.

— Ты готова прийти ко мне, когда владение потеряно, Катрин?

Катрин рассмеялась.

— Размечтался, Ричард.

— Тогда почему твой брат не хочет сам мне сказать? — Ричард выговаривал слова с высокомерием.

Кит улыбнулась ему.

— Карн не знает, что я говорю с тобой. Я сама хочу сообщить тебе все приятные новости, неудав-

шийся любовник женщин Халарека. — Ричард побагровел. Кит издевалась над ним не только за его попытку схватить ее, но и за недолгое время, когда вторая жена Карна была его любовницей до возвращения домой. Я была рада, что мы были вне его досягаемости. Кит продолжала громче: — Ларга, я и сын Карна возвращаемся в Халарек, но, возможно, не в Онтар. Ты знаешь, Совет даже не будет заниматься экзекуцией Ларги, если до этого дойдет, пока наследник Карна не появится на свет. Халарек по-прежнему не достается вам, милорд. — Она рассмеялась, увидев, как задергалось лицо Ричарда. — Приятных снов, милорд.

Она отключила связь. Посмотрела на свое отражение в окне, откинулась и закрыла глаза.

Я ворочалась, пока не нашла удобную позу. Смерть влезала в мой сон, смерть, которой никогда не было на Фру, смерть, жестокая и кровавая. Я видела солдат Совета, ведущих меня смотреть дуэль. Я видела парад убийств — Ник, Орконан, Кит, Джемми, Томми, барон фон Шусс, Карн. Снова я видела их умирающими.

Неужели меня заставят смотреть дуэль Карна? Я не могла даже думать о его смерти. Как я смогу сидеть рядом с телом Карна? *Я* не перенесу этого! Я не перенесу!

— Святой отец, Карн молод, и у него такие мечты. Не дай ему погибнуть.

Я знала, что чудес не бывает. Карна, раненного и истощенного, не спасти от умелого дуэлиста, каким был его противник.

Сигнал будильника вырвал меня из моих мыслей. Кит кинулась к панели управления.

— Сенсорный будильник. Почти дома, — пробормотала она. Она повернулась к коммуникатору и тихо заговорила: — Алло, Дом. Алло, Дом. Есть кто-нибудь? Это Кит. Я повторяю, это Кит. Есть кто-нибудь?

Солнце вставало над горизонтом, окрашивая горы. Тишина в доме делала этот свет зловещим. Заря означала, что Карн сражается сейчас за свою жизнь и за меня.

Наконец юный голос ответил:

— Мы тебя поняли, Кит. Лучше побудь снаружи. Час назад несколько людей Харлана напали на нас. Ты будешь в большей безопасности на холмах.

Кит нажала «ожидание».

— Что выберем, Жанна, дом или горы?

— Что… что будет с Карном?

— Его право выбрать дом для погребения, победив или проиграв.

Погребение. Смерть. Мертвый, победит или проиграет. Смерть идет ко мне со всех сторон. Я обречена на нее.

— Разве победитель не выживает?

— Это не обычный турнир. Если в первом раунде нет убитого, меняют оружие и начинают снова. После нескольких перемен… — Кит тряхнула головой и отвернулась. — Не рассчитывай увидеть его живым, Жанна. Лучше, если ты будешь готова к этому. Я знаю.

Она говорила о Нике. Мне было страшно. Господи, помоги мне. Стать вдовой, не быв настоящей женой, — дай мне силы сделать то, что я должна.

Я с трудом справилась со своей паникой.

— Я хочу быть с ним, Кит. Я хочу быть рядом с ним, но не знаю, хватит ли мне мужества.

— Я ждала, когда ты это скажешь. — Кит нажала «ожидание». — Мы возвращаемся.

— Да, миледи. Но лучше бы вы не делали этого. Я открою двери, когда вы будете над нами. Если открыть раньше, люди Харлана будут прыгать к нам.

Я посмотрела вниз. Большие и маленькие углубления, дымящиеся кратеры покрывали долину и низкие склоны холмов. Маленькие фигурки в зеленой форме Харлана и черной Одон-

нела с белыми клетками шевелились вокруг и среди углублений.

Флиттер снижался. Я увидела красные пятна. Я тряхнула головой. Это отражались лучи солнца от каких-то предметов. Мы были над дверями площадки. Ярко-синий овал, казалось, застыл над замком. Флиттер влетел в шахту. Юноша, говоривший с нами, спешил к нам. Он отдал честь, повернулся ко мне и протянул руку. В его ладони лежало тяжелое кольцо с зеленым камнем, из которого выползала золотая змея.

— Я нашел это на пульте, Ларга. Я думаю, это принадлежит Лхарру. Он останавливался, когда уходил, чтобы попрощаться.

Как это похоже на Карна, подумала я, принимая кольцо. На пути к последнему поединку он останавливается, чтобы попрощаться с людьми, которые служили его Дому.

— Это не лорда, но все равно спасибо. Я прослежу, чтобы оно вернулось к хозяину.

Юноша отдал честь и вернулся на пост. Кит медленно шла к двери в дом, я последовала за ней. Шаги гулко раздавались в пустом блоке. Никакой стражи у двери. Никаких патрулей в холлах. Это не похоже на обычаи Халарека. Я остановилась.

— Где же все?

Кит огляделась.

— Когда я уезжала, здесь были все. Может быть, дом эвакуировали?

— Но центр связи работает… — Я не понимала.

— Нельзя идти быстро, не рискуя, если нет стражи Халарека. — Кит кивнула и медленно свернула за угол.

— Кто сейчас дежурит, Кит?

Кит остановилась, глядя на меня через плечо.

Винтер дежурит по обороне, Томми секундант на дуэли Карна, я думаю, Вейсман занят слугами, а капитан Грегг солдатами, оставленными здесь. Вейсман и Гарет заняты тем, что ты и я обычно берем на себя.

Я думала о Карне, о Вейсмане и глубоко вздохнула. Кит смотрела на меня с участием.

— Подумай о себе, Жанна. Надо жить ради ребенка Карна. — Она медленно пошла вперед. У нее уже не было даже сына. Я быстро пошла к лифту. Уровень пять, возможно, был целью Харлана. Надо быть осторожной. Я уже не такая ловкая из-за ребенка.

Я вошла в покои через спальню служанок, это была ближайшая к лифту дверь. Кто-то, торопясь, шарил в комнате. Дверь в мою комнату была закрыта. Я прислонилась, прислушиваясь. Все

было тихо. Я положила руку на ручку двери. Что-то щелкнуло с другой стороны. Оружие? Если да, то чье?

Я осторожно повернула ручку и приоткрыла дверь. В щель я увидела зеленую форму Харлана. Я еще осторожнее закрыла дверь и выскользнула из комнаты. Я спешила к лифту, но недостаточно быстро.

— Стой…

Дверь лифта оборвала крик солдата. Я нажала «2» и «блок», чтобы никто не мог остановить лифт. Неужели меня догонят?

Я вышла осторожно, осматриваясь. Никого. Я подумала о Кит. Не стоит рисковать, разыскивая ее. Пусть враги думают, что в доме только одна женщина.

Дверь на стартовую площадку оставалась открытой. Где же наши синие? Не слышно даже звуков борьбы. А что мне теперь делать? Надо выбраться из замка. Нет, сначала проверить клинику. Даже Харлан не сможет помешать Совету привезти Карна домой. Если в нем осталась хоть капля жизни, он должен знать, что я его люблю.

Я осторожно шла по дому. Траурная пустота дома пугала меня. Значит, дом уже не наш. Не будет никакого спасения, если я попаду к людям

Харлана.

Я дошла до открытых дверей клиники. Но и здесь не было никого, ни пациентов, ни персонала.

Слева я услышала шум лифта. Я дошла до угла и заглянула в холл. Вызов горел на уровень 5. Люди Харлана на уровне 5. За секунды они окажутся здесь. Куда уйти? Они контролируют и верхние уровни. Лифт шел вниз. Надо уйти, пока они не появились. Я не умею пользоваться флиттером. Я проклинала этот народ с его кровавыми нравами. Харлан убьет меня из-за наследника Халарека, а я не могла ни спастись, ни защититься. Лифт снижался. Я обещала Карну, что Ричард не схватит меня. Я побежала на первый этаж. Здесь разноцветные двери, которые я помнила. Какая? Какая вела в Онтар, как говорил Томми. Я старалась вспомнить, что показывал Томми. Черная. Господи, пусть она будет открыта! Я повернула ручку и вышла на лестницу. Даже через толстый пластик я слышала крики солдат. Ступени уходили в темноту.

Глава двадцать первая

Тонкая полоска света струилась из-под двери внизу. *Я* колебалась не больше мгновения. Я осторожно пошла по неровным ступеням. В Доме Халареков не было удобств для торговцев и слуг.

Свечение шло из странного прохода за дверью. Глубокие тени лежали у дверных проемов.

Через пять метров справа проход заканчивался белой стеной. *Я* заметила крысу, шмыгнувшую в угол. Ни души. Люди лорда Ричарда вот-вот дойдут до черной двери. Я пошла налево. Слабый шорох моего платья и возня крыс были единственными звуками. Вдруг послышались мужские голоса и топот ног по ступеням.

Я заторопилась, свернула за угол и скрылась в ближайшей нише дверного проема. Сердце мое колотилось. Люди приближались с ярким светом факелов и стуком оружия. Шум уверенных мужчин. Я вжалась в стену и молила бога, чтобы меня не заметили. Они прошли мимо. В ярком свете зеленый цвет формы было невозможно не заметить. Все смолкло наконец.

— Вы тоже не хотели встречаться с ними, мисс? — Я вздрогнула и вскрикнула. Пожилой

человек стоял за моим плечом. — Я Старый Билл, я не причиню вам вреда. Мне самому часто доставалось. Вам надо выбраться. Почему вы не ушли? Всех предупредили, кроме Старого Билла. Я был в городе, к несчастью.

— Я… — я вспомнила о своем наряде служанки. — Никто и мне не сказал, а теперь я не могу вернуться.

— А где твой муж? Его долг защитить тебя, ты уже почти мать.

Мой муж. Бог мой, сделай так, чтобы у меня все еще был муж!

— Он… он сражается сейчас.

— С Советом или с Лхарром?

— С Советом.

— Ты еще не видела красную униформу?

— С кем они?

— Старый Билл не спрашивал. Билл должен был быть с Лхарром. Если бы я не был так стар… У меня есть еда дома. Ты когда последний раз ела?

— Вчера вечером.

Старик потащил меня за собой. Я шла за ним и была рада. Несколько раз мы встречали солдат Харлана, и они принимали меня за дочь старика.

Я ослабла от страха и голода.

— Билл, еще далеко?

— Сразу за стенами, уже недалеко. — Скоро Билл толкнул незапертую деревянную дверь и нырнул в нее.

— Входи, входи, небезопасно стоять там.

Я вошла. В комнате стоял запах старого дома. Билл зажег старинную масляную лампу. *Я* опустилась на пыльный ящик. Старик готовил еду. Эта сторона жизни Гхарров мне не была известна. Возможно, мне удалось бы что-то сделать для них.

Огромный серый кот посмотрел на меня желтыми глазами. Через некоторое время тяжелый запах пищи ударил мне в нос. Билл держал в руках тарелку жареного картофеля.

— Здесь немного.

Я улыбнулась ему.

— Вполне достаточно. Спасибо. — *Я* занялась едой. Старик присел к огню. Скоро голова Билла склонилась, и он заснул. *Я* прислонилась к стене и молилась о Карне.

Говорили, лорд Ричард убил многих в схватках. Все были уверены, что он убьет и Карна. *Я* представила Карна, умирающего в этом пустынном доме. Не как старцы на Фру, уверенные в том, что их любят. Карн сомневался в этом. Чем больше я думала о живом Карне, тем больше мне хотелось

сказать ему слова любви.

Он уже мертв, шептал мне внутренний голос. Не надейся увидеть его живым. Часто ни один не остается в живых.

Но он не знает, что ты его любишь, говорил мне другой голос. Он думает, ты покинула его. Твое доказательство любви — твой ребенок, а Карн об этом не знает.

Я никогда не встречусь с ним. Между нами слишком много солдат. А я обещала ему, что Ричарду не удастся меня поймать. А Совет обвиняет меня в предательстве и адюльтере. У меня есть выбор наказания. Нет. Я подожду с Биллом, пока все не уляжется. Тогда я смогу попытаться попасть в Гильдхолл. Не стоит спешить в ловушку.

А что, если он жив? Это очень маловероятно, но ты не можешь дать ему умереть в одиночестве, уверенным в твоем предательстве.

Мысль о том, что Карн верит в мое предательство, стала невыносимей страха перед солдатами Харлана. Спокойствие моей души в будущем не было так важно, как малейшее утешение, которое я могла принести Карну. Он так долго жил без любви.

Я не могу ждать, пока меня поймают. Я встала, кот посмотрел на меня и мяукнул.

— Билл?

Старик заканчивал свою порцию картофеля. Он взглянул на меня.

— Я возвращаюсь, Билл. Я должна быть там, когда Лхарра привезут домой.

Он взглянул на меня сурово.

— Ты, что же, принадлежишь Лхарру?

— Да.

Билл встал.

— Билл надеется, он не плохо заботился о тебе и младенце. Мы скоро пойдем.

— Нет необходимости тебе идти. Ты и так сделал достаточно. Я буду осторожна.

— Мисс…

— Это слишком опасно, Билл. Никто, имея здравый смысл, не отважится на это. Лхарр, если останется жив, не забудет тебя.

Старик взглянул скептически и пожал плечами.

— Там все еще будут солдаты, мисс. Как ты уйдешь от них?

Я отвернулась от его проницательных глаз.

— Я найду дорогу. Я должна найти дорогу.

Он снова пожал плечами. *Я* медленно открыла скрипящую дверь. Прошмыгнула крыса. Я шагнула в пустынный коридор. Я пошла назад, шагая

как можно быстрее.

Я шла по коридорам под замком уже несколько минут и вдруг заметила яркий свет недалеко впереди. Я остановилась. Свет стал ярче. Куда мне спрятаться? Я пыталась вспомнить. Мужские голоса приближались. О, почему я не смотрела, где мы шли с Биллом!

Свет становился ярче. Они уже за углом! Я увидела, что тень легла в нише. Я кинулась в нее, не зная, была ли там лестница или дверь. Я не слышала звяканья оружия, громких голосов. Видели ли они меня? Солдаты, тихо разговаривая, прошли мимо. Свет медленно таял. Это был отряд Совета. Совет собирался меня судить.

Я ждала в темноте, прислушиваясь, пока все не стихло. Я нажала на дверь и заглянула в проем. Темнота, только темнота. Я скользнула в едва видимый проход и продолжала путь в едва освещенном коридоре. Вдруг кто-то заметил меня.

— Именем лорда Ричарда, стойте!

Загорелся свет. Я все еще стояла в темноте за кругом света. Солдат всматривался в темноту.

— Выходи и назови себя, — приказал он.

Я колебалась, затем пригнулась и попыталась пробежать мимо него. Но мне не удалось. Солдат меня схватил. Я вырвалась и свернула за угол.

Волосы рассыпались по плечам и закрыли глаза. Солдат схватил мою шапочку. Через секунду он кричал:

— Сюда! Это Ларга Халарек!

— За ней, идиоты! — прокричал низкий голос. — Она стоит нашей жизни!

Я поворачивала за ближайшие углы, не думая, что заблужусь, лишь бы уйти от погони. В пыльном воздухе было тяжело дышать. Я натыкалась на стены и сбивала ноги о неровный каменный пол. Воздуха не хватало. Я должна была остановиться, чтобы перевести дух.

Карн, мой лорд, моя жизнь, моя любовь, прости меня, если я проиграю. Я устала.

Теперь все направления были равны. Я затаила дыхание и прислушалась. Мужчины шагали где-то позади, но звуки доносились издалека. Я должна уйти от погони и подняться наверх. Они привезут его и оставят наверху.

Но эти мысли только отнимали последние силы. Топот ног приближался, но он был не похож на топот мужских ног.

Я спешила вперед. Под ногами было скользко. В воздухе пахло холодными, сырыми камнями. Вдруг впереди свет факелов осветил коридор. Опять патруль. Они не разговаривали. Только

свет и стук башмаков выдавал их.

Я отшатнулась назад от перекрестка, когда солдат вышел из-за угла далеко в холле. Я не могла уйти назад очень быстро. За спиной были люди, которые знали, что я Ларга Халарек. Свет за спиной становился ярче. Солдаты впереди приближались. Возможно, это солдаты Халарека. Или Совета. Но это не было победным шествием. Они не кричали, не смеялись, даже не говорили. Должно быть, они пытались скрыться.

Солдат с факелом вышел на перекресток. Я отошла от стены. Он приблизился ко мне. Я побежала. Человек с факелом что-то прокричал. Они побежали за мной.

Я бежала там, где уже шла. В моем состоянии я не могла бежать долго и быстро. Надо их перехитрить. Впереди появились черные силуэты.

Я в ловушке! Что же делать?

Мужчины впереди что-то прокричали. Мои преследователи ответили. Я устремилась в узкий проход. Мои враги уже близко, совсем близко. Они догнали меня. Чьи-то руки схватили меня. Я не могла устоять на ногах.

Поймана! Солдат подтолкнул меня к свету.

— Это всего лишь служанка, сержант, — сказал тот, кто держал меня.

— Идиот, — бросил кто-то. — Посмотри на ее волосы. Это сама Ларга.

Солдат отпустил меня. Я разглядела, привыкнув к свету, их красную униформу. Сержант слегка поклонился.

Сюда, миледи. Капитан скажет, куда вы проследуете.

Приговор Совета хотя бы гуманнее, чем расправа Ричарда. Я встречу его со всем своим мужеством. Карну не придется стыдиться меня.

— Здесь будто вычищено все, — сказал один из патрульных.

— Да, мужчины не сражаются, когда им известно, что их лорд мертв.

Моя последняя надежда умерла. Я чуть не упала, но мои конвойные подхватили меня, на этот раз очень бережно.

— Они должны быть здесь, — сказал сержант.

Мы обогнули угол, и я оказалась среди знакомых темно-синих костюмов. Это было так неожиданно, что я почувствовала слабость. И это были мои синие.

— Капитан? — голос сержанта говорил о том, что он его видел. — Капитан, мы нашли Ларгу. — Он улыбнулся мне. — Она, наверное, думала, что мы от Харлана, ведь она заставила нас побегать

за ней. — Капитан приближался из темноты.

Томми!

Он подбежал, а я расплакалась от изнурения и горя. Он обнял меня за плечи.

— Орби, приготовь носилки. Дженкинс, сообщите леди Катрин, что мы нашли Ларгу невредимой. Гарет, проверьте, чтобы путь для носилок был свободен, — распорядился Томми. — Все возвращаются домой.

— Домой? — Я ничего не могла понять от усталости. — Но он захвачен Харланом.

— Так было, миледи, — Томми говорил очень мягким, спокойным голосом, утешая меня. — Кроме этого уровня, весь дом свободен теперь.

— Вы были там. Карн, он?..

Лицо Томми омрачилось.

— *Я* не знаю. Мы услышали, что здесь люди Харлана, и лорд Карн послал меня сюда до того, как закончился турнир. Но он хорошо сражался, когда я уходил. Он сказал, что должен увидеть вас снова. Свободные собрались, чтобы помочь нам. Лорд Ричард мертв. Это все, что я знаю наверняка. — Он обернулся к остальным.

— Орби! Что ты так задерживаешься? — Казалось, он чувствовал мое нетерпение. — Вы можете идти, миледи?

Я кивнула, но меня била такая дрожь, что мне пришлось остановиться, не сделав и десяти шагов.

Томми поддерживал меня.

— Расслабьтесь. Вы слишком долго были в напряжении, для женщины в вашем состоянии. Скоро появятся носилки. — Они прибыли, и Томми помог мне устроиться в них. Их подтолкнули вверх по лестнице. Томми шел рядом, успокаивая меня.

— Герцог прибыл на турнир совершенно расстроенный, — говорил он. — Гарет «уговорил» сенешаля Харлана рассказать, что случилось. Леди Катрин позвонила герцогу ранним утром. Сенешаль не знал, о чем она говорила. Только герцог тут же приказал атаковать и захватить замок Онтар. Она вывела его из себя, миледи.

Я закрыла глаза и сделала несколько глубоких вздохов, чтобы успокоиться. Это почти не помогло. Я сосредоточилась на ребенке. Он, казалось, не беспокоился. Я могла теперь отдохнуть. Мне еще потребуются все мои силы, и я всем сердцем молила бога, чтобы мой муж был жив.

Когда мы дошли до двери комнаты Карна, я чувствовала себя намного лучше. Стражник приветствовал нас.

— Лхарр еще не прибыл, миледи.

Томми кивнул.

Я вспомнила, что мне нужно было сделать что-то важное. Я постаралась припомнить. «Солдат?» «Милорд?» Я вынула кольцо из кармана.

— Вот. Если никого нет в библиотеке, оставь это на видном месте на столе. И поставь стражу у каждой двери. Никто не должен входить. Абсолютно никто. — Я оглядела синих, окружавших меня. Я доверяла им свою жизнь. Среди них не могло быть предателя-шпиона. — Никому не говорите об этом.

— Да, миледи.

Томми распорядился о страже и отпустил остальных. Он осторожно направил носилки в угол между дверью в библиотеку и дверью в мою комнату. Он не знал, что мне сказать при этих обстоятельствах, а я была очень утомленной, чтобы помочь ему.

Через четверть часа стражник в холле постучал в дверь.

— Вейсман хочет увидеть Лхарра, капитан.

Темные глаза Томми встретились с моими. Я пожала плечами.

Минуту, — ответил Томми, отошел от стола и открыл дверь. Мне ничего не было видно из-за

его фигуры, но я слышала голос Вейсмана.

Капитан Ороарк, у меня важные сведения для лорда Карна.

— Лхарра еще нет здесь, — голос Томми был вежлив, но холоден.

— Я подожду.

Томми колебался.

— Лхарр, похоже, на грани смерти.

Вейсман не двигался. Я слышала, как он стучал своей ручкой по твердому предмету. Томми медленно кивнул.

— Хорошо, но вы не должны говорить, пока доктор Отнейл не разрешит вам разговаривать с Лхарром.

Томми отступил на шаг. Вейсман вошел в комнату. Его ручка стучала быстрее по его перстню, перстню с зеленым камнем и золотой змеей. Он облизал губы.

— Подумав, я решил, что зайду позже. — Он повернулся к двери. Он знал, что я знала.

Остановите его! — закричала я. Томми протянул руку. Стража у двери бросилась вперед. Томми схватил Вейсмана за воротник и повернул его к себе.

— Капитан Ороарк, арестуйте его за измену и покушение, — кричала я.

— Ерунда! — Вейсман вырвался. Она бредит, капитан. Ничто не заставит меня предать Лхарра. Я с Домом Халарека уже двадцать лет.

Томми схватил его снова.

— Не так быстро, Вейсман, — сказал он тихо угрожающим тоном. — Я бы хотел услышать больше.

Что вы имеете в виду? Не держите меня! Я личный секретарь Лхарра. — Он вырывался.

Я медленно подошла к ним, держась твердо и прямо. Вейсман не должен видеть моей слабости.

— Посмотрите на этот перстень, капитан. Вы видели, как я передавала его стражнику. Вы слышали мои приказания. Солдат нашел его на пульте защиты сегодня утром, Фрем Вейсман. Вы открыли защиту для Харлана.

Непроизвольно рука Вейсмана закрыла перстень.

— Она говорит ужасные вещи. Этот перстень — прощальный подарок моего предыдущего хозяина.

Я взглянула Томми в глаза.

— Капитан, герцог Харлан показывал мне такое же кольцо в день моей свадьбы и объяснил, что дарит его людям, которых хочет поблагодарить

особо. Я думаю, мне известно, что вы сделали, чтобы заслужить его «благодарность», Фрем Вейсман.

— Существуют десятки ювелиров, — глаза Вейсмана бегали из стороны в сторону.

— Кто получал всю почту Халарека, капитан? Кто сказал Харлану, что мы едем в Совет? И как Вейсман узнал, что я говорила Питеру? Питер и я говорили на языке фру. Вы ведь не знаете языка фру, Фрем Вейсман? Мне известно, что вы не говорите ни на каком языке, кроме языка ром. А перстень на пульте защиты? Неосторожно с вашей стороны.

— Нет!

Вейсман вырвался из рук Томми и кинулся к двери в библиотеку. Томми в три прыжка догнал его и притащил ко мне.

Я ощутила жгучую ненависть к этому человеку. Он почти разрушил то, что Карн строил десять лет.

— Когда вы не нашли перстень на пульте, куда вы пошли? К своему рабочему столу. Но у дверей стоит стража. И вы воспользовались движущимся книжным шкафом. Вы единственный, кто умеет им пользоваться. Вы доказали, что пытались убить Лхарра, и убили Орконана. Возможно,

вы причастны и к убийству Ларги Шарлотты.

— Почему? — спросил Томми. — Сколько заплатил герцог?

— Двадцать лет! Я служил здесь двадцать лет. И за что? Десять лет дали мне должность секретаря, но старая Ларга отдала ее Орконану. После этого какое право у этого Дома на мою преданность? У меня знания, и я продал их! — Он почти кричал. — Я думал, если Орконан умрет, его место будет моим! А вы забрали его! Вы! Женщина! Иностранка!

Он кинулся на меня с кулаками. Томми его ударил, и он рухнул на пол. Ороарк распорядился унести его и запереть под стражей. Они обыскали его и нашли оригинал, который я посылала Тремо.

Едва дверь закрылась за Вейсманом, она снова открылась, и вплыли носилки. Сердитый голос слышался из коридора.

— Милорд, не будьте глупцом! — Вошел человек в черном. Я узнала доктора Отнейла по голосу и одежде. — Это похоже на самоубийство, милорд. Вам нельзя давать три-д передачу. Вы не доживете до ее конца! — Он увидел, что все бесполезно. — О боже, я никогда не видел подобного человека!

Карн жив! Казалось, я не дойду до его носилок. Но я знала, как слаб мой муж, и не хотела его терять.

Карн лежал неподвижно и был таким серым, что я не знала, как он с этим справится. Доктор подтолкнул меня к носилкам. Я наклонилась, боясь прикосновением причинить ему новую боль.

— Милорд, послушайтесь доктора. Я не хочу, чтобы вы покинули меня.

— Жанна, — прошептал он. — Жанна, ты вернулась. — Он поднял левую руку и коснулся пальцами моей щеки. Лицо его было бледным, глаза горели огнем…

— Тебя там не было, и я подумал… — он слабо улыбнулся. Он не сводил глаз с меня.

— Словами не передать, как я рад тебя видеть. С тобой все хорошо?

Я прижала его руку к щеке.

— Да, милорд, теперь я снова с вами. Но надо, чтобы доктор осмотрел вас.

Я хотела подняться.

— Не оставляй меня.

— Милорд, я не ухожу…

— Пожалуйста!

Я не могу оставить его, чего бы мне это ни стоило. Я взглянула на Отнейла. Он коротко кивнул.

Стражники легко и бережно перенесли его на постель. Но боль была так сильна, что он застонал. Я с тревогой обернулась к доктору. Он едва улыбнулся.

— Боль очень сильная. Но он справится с этой раной, если вы заставите его следовать моим советам. Если вам это удастся, он поднимется через три месяца.

Карн открыл свои золотые глаза. Казалось, в них был смех.

— Три месяца. Большая часть зимы. Я буду под вашим попечением очень долго, миледи.

— Годы и годы, милорд.

Доктор осматривал рану. Карн кусал губы, пока кровь не заструилась по подбородку. Я наклонилась вытереть ее и взглянула на доктора.

— Помочь нельзя. Нельзя рисковать, давая наркоз.

Я молилась.

— Любовь, не оставляй меня. Держись во имя вашего сына. Худшее позади, Карн. Ричард мертв. Ты свободен. Мы молоды. Мы вернем Халарек. Ты жив, вот что важно, Карн. Что будет делать твой народ без тебя? Что я буду делать без тебя? Держись, моя любовь, держись!

— Ты уходишь? — он открыл глаза.

— Нет-нет, я здесь.

— Ты разыгрывала меня, Жанна? О сыне? Ты не хотела ребенка со мной.

— Нет, милорд. Этим никто не шутит. Здесь. — Я прижала его ладонь к моему животу.

— Сын… Я молился, чтоб вернулась одна, и получил двоих. Поцелуй меня, жена.

С. Дж. Миллс
ЗИМНИЙ МИР

Зарубежная фантастика

Лицензия ЛР № 040390 от 11.03.92 г. Подписано в печать 8.04.94 г. Формат 60×90/16. Печать офсетная. Бумага типографская. Усл. печ. л. 25. Гарнитура Таймс. Заказ 1932. Тираж 30 000 экз.

ГФ «Полиграфресурсы», Москва, Петровка, 26

